

Московский гуманитарный институт имени Е. Р. Дашковой

Е. Р. Дашкова

О СМЫСЛЕ СЛОВА
« ВОСПИТАНИЕ »

СОЧИНЕНИЯ
ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2001

Е. Р. Дашкова. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / Составление, вступительная статья, примечания Г. И. Смагиной. СПб., 2001.

В издание включены сочинения, письма, документы одной из замечательнейших русских женщин XVIII в. княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743—1810), сподвижницы Екатерины II, директора Петербургской Академии наук и президента Российской Академии, сделавшей много для развития науки и просвещения в России. Материалы отражают искания княгини в области воспитания и образования российского юношества, раскрывают ее педагогические взгляды и просветительскую деятельность. Сочинения Е. Р. Дашковой, изданные при жизни, более 200 лет не переиздавались.

Название сборнику дала одна из самых известных статей Е. Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“», наиболее емко отражающая смысл нравственно-педагогических взглядов княгини и содержание книги.

Для историков, педагогов, специалистов по истории русской науки и культуры, студентов и всех интересующихся российской историей.

Рецензент: канд. филол. наук
С. Р. ДОЛГОВА

ISBN 5-86007-290-2

© Московский гуманитарный институт
имени Е. Р. Дашковой, 2001
© Г. И. Смагина, составитель, 2001
© «Дмитрий Буланин», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги, в которую вошли сочинения, письма, документы Е. Р. Дашковой о воспитании и образовании, родилась в Московском гуманитарном институте имени Е. Р. Дашковой и созданном при нем по инициативе ректора института Л. В. Тычиной Дашковского общества. Объединив с 1992 г. усилия ученых и почитателей Е. Р. Дашковой, помогая и поддерживая их, они стремятся координировать исследовательскую работу по изучению жизни и творческого наследия Екатерины Романовны Дашковой.

Московский гуманитарный институт имени Е. Р. Дашковой и Дашковское общество предприняли ряд важных начинаний в деле увековечения памяти Екатерины Романовны: восстановление надгробия Е. Р. Дашковой на месте ее захоронения в церкви Святой Троицы в селе Троицком, учреждение медали княгини Е. Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению», переиздание «Словаря Академии Российской» — главного труда Е. Р. Дашковой и ее сподвижников. Заметным событием в культурной жизни Москвы стали ежегодные Дашковские чтения, приуроченные ко дню рождения Екатерины Романовны. Эти чтения, ставшие традиционными (в марте 2001 г. прошли VII Дашковские чтения), объединяют ученых и исследователей-любителей различных областей гуманитарного знания. Доклады, прочитанные на Дашковских чтениях, публикуются в трудах института и вносят заметный вклад в изучение различных сторон воззрений и деятельности «великой россиянки».¹

Настоящий сборник «О смысле слова „воспитание“» продолжает добрые инициативы Московского гуманитарного института имени Е. Р. Дашковой и Дашковского общества.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) — яркое и значительное явление политической и культурной жизни России второй половины XVIII в. Ее жизнь и деятельность постоянно привлекают внимание исследователей, и существует довольно обширная литература о ней.² Неоднократно переиздавались и ее знаменитые «Записки», в которых отразилась не только многогранная деятельность этой замечательной женщины — директора Петербургской Академии наук и президента Российской Академии, но и ее полная драматизма судьба.³ «Записки» — самое крупное литературное произведение княгини. Но помимо них она является автором оригинальных прозаических и стихотворных сочинений, пьес, опубликованных в отечественных журналах второй половины XVIII—начала XIX в. После первой прижизненной публикации эти сочинения более не переиздавались.

В нашем сборнике собраны сочинения, письма, документы Е. Р. Дашковой, отражающие ее искания в области воспитания и образования, дающие представления о педагогических взглядах и просветительской деятельности княгини. Название сборнику дала одна из самых известных статей Е. Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“», на наш взгляд, наиболее емко отражающая смысл взглядов княгини и содержание книги.

Большую сложность при работе вызвало то, что сочинения Е. Р. Дашковой были опубликованы без указания имени автора. Поэтому была проделана определенная работа, использована справочная и научная литература, в той или иной мере посвященная Е. Р. Дашковой-писательнице, имеющаяся к настоящему времени в распоряжении исследователей. В работе были использованы библиография сочинений Е. Р. Дашковой из «Словаря русских писательниц» Н. Н. Голицына,⁴ «Словарь псевдонимов русских писателей...» И. Ф. Масанова,⁵ известный указатель к русским повременным изданиям А. Н. Неустроева, литературоведческие исследования А. Афанасьева, Н. А. Добролюбова, В. П. Семенникова, П. П. Пекарского, М. И. Сухомлинова⁶ и др. Заметный вклад в атрибуцию сочинений Екатерины Романовны внесли сотрудники Сектора русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Н. Д. Кочеткова, Г. Н. Моисеева, Ю. В. Стенник и др.⁷ Изучение и сопоставление этих и других исследований по истории литературы и журналистики

XVIII в., переписки, архивных документов позволили с определенной долей уверенности считать включенные в первый раздел книги сочинения принадлежащими перу «знаменитой россиянки». Эти сочинения были опубликованы в журналах «Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете», «Собеседнике любителей русского слова», «Новые ежемесячные сочинения», «Друг просвещения» и «Русский вестник».

Во втором разделе сборника собраны материалы, в основном письма, позволяющие увидеть заботы княгини о воспитании и образовании детей, раскрывающие содержание и методы воспитания, которыми руководствовалась княгиня, и иллюстрирующее ее сложные отношения со взрослыми детьми. Особый интерес представляют четыре письма Е. Р. Дашковой к ректору Эдинбургского университета Вильяму Робертсону, оригиналы которых находятся в Национальной библиотеке Шотландии. Письма были любезно предоставлены нам известным английским ученым Энтони Кроссом, за что выражаем ему сердечную благодарность. Эти письма, представляющие особый интерес для характеристики взглядов княгини на содержание высшего образования, печатаются в нашей книге на французском языке и в переводе, выполненном С. Н. Искюлем.

Российская наука и культура второй половины XVIII в. в значительной мере обязаны своими достижениями энергии и организаторским талантам Е. Р. Дашковой. Материалы третьего раздела сборника «Е. Р. Дашкова как организатор науки и просвещения» раскрывают многогранную научную, научно-организационную и просветительскую деятельность княгини как директора Петербургской Академии наук и президента Российской Академии. Эпоха академической деятельности — наиболее изученный период жизни Екатерины Романовны, поэтому часть включенных документов уже была ранее опубликована. Но, сверяя тексты этих документов с подлинниками, удалось обнаружить в трех случаях даты их написания; эти моменты особо оговорены в примечаниях. 12 документов, обнаруженных в РГАДА, РГИА и ПФА РАН, впервые вводятся в научный оборот. Среди них — письмо А. А. Вяземскому об отправке трех студентов в Тобольское наместничество, распоряжения Е. Р. Дашковой по Канцелярии Академии наук, ее письма к провинциальным любителям наук А. В. Раздеришину, А. И. Фомину, В. В. Крестинину, доклад Екатери-

не II об организации публичных лекций, доклады, письма, прошения, связанные с увольнением от должности директора Академии наук, и др. Также впервые печатаются на русском языке выдержки из протоколов заседания Конференции Академии наук: 30 января 1783 г. — первого заседания, на котором Е. Р. Дашкова «входила в должность», и 14 августа 1794 г. — последнего, где прощалась с академиками. Протоколы Конференции Академии наук, которые в эти годы велись на французском языке, опубликованы на языке оригинала;⁸ перевод выполнил С. Н. Искюль.

В четвертом разделе собраны разные по характеру и значению материалы, представляющие несомненный интерес для понимания особенно последних лет жизни Е. Р. Дашковой. Здесь публикуется доклад академика Я. К. Грота «Княгиня Дашкова», произнесенный им на заседании РИО 12 марта 1890 г., сохранившийся в ПФА РАН.

Особо следует сказать о новом переводе двух отрывков из «Записок» Е. Р. Дашковой. Обаяние главного сочинения княгини настолько велико, что время от времени возникает желание вновь и вновь обращаться к рукописи. Перевод с французского осуществлен по изданию «Записок» княгини в «Архиве князя Воронцова» (М., 1881. Кн. 21), сверенному с рукописью, хранящейся в Архиве СПб. ФИРИ РАН.

Теперь о текстологических принципах издания. В настоящем издании проводится лишь незначительная модернизация орфографии. Проведена замена устаревших и отсутствующих в современном алфавите букв на их нынешние адекваты. Так, ъ (ять) заменяется на е, ѳ (фита) на ф, і (и десятеричное) на и; устраняется ь на конце слова; вместо «щ» пишется «сч» в словах типа «несчастный» и «разносчик». Окончание родительного падежа единственного числа прилагательных -аго/яго везде заменено на -ого/его, например, *неизвестнаго* заменено на *неизвестного*, *утвержденнаго* — *утвержденного*, *средняго* — *среднего*, *собственнаго* — *собственного*.

Написания типа «разставаться», «разсуждение», «безразсудно», «разсказ» и т. п. заменяются на «расставаться», «рассуждение», «безрассудно», «рассказ». Окончания прилагательных на -ой — *российской*, *звенигородской* — заменяются на *российский*, *звенигородский*. Написания типа «на конец», «по том» печатаются слитно — «наконец», «потом»;

написания «кому-нибудь», «из-за», «по-французски» — печатаются с черточкой.

В нашем издании принято современное написание слова «русский» с двумя «с», вместо привычного для XVIII в. написания «русский» с одним «с».

В издании сохранено авторское использование разного рода типографских средств: курсива, разрядки, но не сохраняются привычные для XVIII в. тире после точки внутри абзацев, восклицательный знак в середине фразы, употребление заглавных букв внутри фразы, пунктуация, в целом, модернизирована.

Сочинения, письма, документы Е. Р. Дашковой даются полностью вместе с подстрочными примечаниями, которые принадлежат самой княгине. Материалы внутри разделов расположены в хронологическом порядке. К каждому сочинению и документу даны примечания, в которых указан источник, по которому они публикуются, названа литература, в которой это сочинение упоминается, и даются краткие пояснения. Под строку вынесен перевод иноязычных слов и выражений.

В период подготовки рукописи она обсуждалась на заседании Сектора истории Академии наук Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, Сектора русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, предварительные результаты были оглашены на Дашковских чтениях.

Приносим сердечную благодарность Ларисе Викторовне Тычиной, Анне Владимировне Семеновой, Светлане Романовне Долговой, Наталье Владимировне Колпаковой, Наталье Дмитриевне Кочетковой, Энтони Кроссу, Галине Алексеевне Ипполитовой за поддержку и помощь в осуществлении издания.

¹ Е. Р. Дашкова и ее время. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 1999; Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2000; Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001; *Пряшников М. П.* Е. Р. Дашкова и музыка. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001.

² См. литературу о Е. Р. Дашковой: Дашкова Екатерина Романовна // *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 247; *Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.* СПб., 1996 и др.

³ Назовем лишь публикации последних лет (полные названия изданий см. в Списке сокращений): Записки. М., 1987, 2-е изд. — М., 1991; Моисеева; Дашкова Е. Р. Записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII—первой половины XIX вв. М., 1990. С. 67—280; *Princesse Daschkova. Mon Histoire. Édition présentée et annotée par Alexandre Woronzoff-Daschkoff.* Paris; Montréal, 1999.

⁴ Голицын.

⁵ Масанов. Масанов указывает на несколько псевдонимов Е. Р. Дашковой: «Благородная Россиянка», «К. Д.», «К. Е. Р. Д.», «Некоторая Россиянка», «Покорная служница***», «Россиянка», «Россиянка***», «Россиянка Д.», «***», «***».

⁶ Афанасьев, Добролюбов, Семенников, Пекарский, Сухомлинов.

⁷ Кочеткова, Моисеева, Стенник.

⁸ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г.: В 4 т. СПб., 1899—1901.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В 1803 г. граф Ф. В. Ростопчин, встретившись с шестидесятилетней княгиней Екатериной Романовной Дашковой, написал в Лондон ее брату графу С. Р. Воронцову: «...я встречался в некоторых домах с вашей сестрою, и мы не могли довольно наговориться и поспорить между собою. Она чересчур пристрастно судит о делах и не хочет убедиться, что изменения и новизны приносятся самим временем. Ей все кажется, что она живет в 1762 году...».¹ Совершенно ясно, что речь идет о событиях 28 июня 1762 г., о дворцовом перевороте, приведшем к власти Екатерину II. Для девятнадцатилетней княгини этот день стал «звездным часом» в ее жизни. Он был таким насыщено счастливым, вдохновенным, напряженным, что наложил на нее неизгладимый отпечаток, и воспоминания об этих событиях княгиня пронесла через всю свою жизнь. «День трепета и счастья»,² как Е. Р. Дашкова напишет позже, стал также началом непонимания между княгиней и императрицей. Дело в том, что Е. Р. Дашкова преувеличивала свое участие в перевороте, а Екатерина отрицала какое бы то ни было значение княгини в его успехе. Непонимание со временем переросло в глубокий конфликт и во многом предопределило ее дальнейшую судьбу.

Е. Р. Дашкова прожила беспокойную жизнь, как она сама считала: «...бурную и тревожную, или вернее сказать горестную, жизнь, на протяжении которой мне пришлось таить от мира страдания сердца; остроту этой боли не может притупить гордость и побороть сила духа. Обо мне можно сказать, что я была мученицей — и я не побоюсь этого слова, ибо скрывать свои чувства или представляться в ложном свете всегда претило моему характеру».³

Современники, много писавшие о ней, высказывают противоречивые мнения, столь не совпадающие, что иногда трудно представить, что речь идет об одном человеке. По

количеству отзывов о россиянках XVIII—начала XIX в. Е. Р. Дашкова уступает только Екатерине II.

Одну из самых проницательных и объективных характеристик княгини Дашковой оставил великий французский просветитель Дени Дидро. Они познакомились в Париже в 1770 г. во время первого путешествия Екатерины Романовны по европейским странам и часто встречались. «Характер ее серьезный, она говорит по-французски свободно; разговор ее сдержанный, речь простая, сильная и убедительная. Сердце ее глубоко поражено несчастиями; и в образе мыслей ее проявляется твердость, высота, смелость и гордость. Я убежден, что она любит справедливость и дорожит своим достоинством.

Княгиня любит искусства, знает людей и потребности своего отечества. Она искренне ненавидит деспотизм и все проявления тирании. Она хорошо знакома с настоящим управлением и откровенно говорит о добрых качествах и недостатках представителей его. Метко и справедливо раскрывает выгоды и пороки новых учреждений. ...С тем же тоном убеждения она говорила о добродетелях и пороках своих друзей и врагов».⁴

Дидро восхищался твердостью ее характера «как в ненависти, так и в дружбе», мужеством, с которым она переносила свою «темную и бедную жизнь», и естественностью ее поведения. Сильное впечатление на него произвели проницательность, хладнокровие и здравый ум.

Е. Р. Дашкова доверительно и откровенно рассказывает Дидро о событиях, имевших место в июне 1762 г., и, конечно, о Екатерине II, «о которой, — как отмечает философ, — она всегда говорит с глубоким уважением».⁵ «Но почему она не любит Петербурга?» — спрашивает у себя мудрый Дидро. И сам тонко и с пониманием отвечает: «Не знаю; может быть, она недовольна тем, что заслуги ее мало вознаграждены; или, возведя Екатерину на престол, она надеялась управлять ею; может быть, Екатерина опасается, что, если Дашкова один раз подняла бунт за нее, не струсит поднять его и против нее; или она добивалась места министра и даже первого министра, по крайней мере чести государственного совета; ...или она не хочет толкаться в стаде новых придворных выскочек...».⁶ И завершает Дидро свои наблюдения об отношениях Е. Р. Дашковой с Екатериной II следующим замечанием: «Кажется, один горький урок вынесла Дашкова из ее сношений с двором — он ох-

ладил в ней пылкие желания полезных и благотворительных реформ».⁷

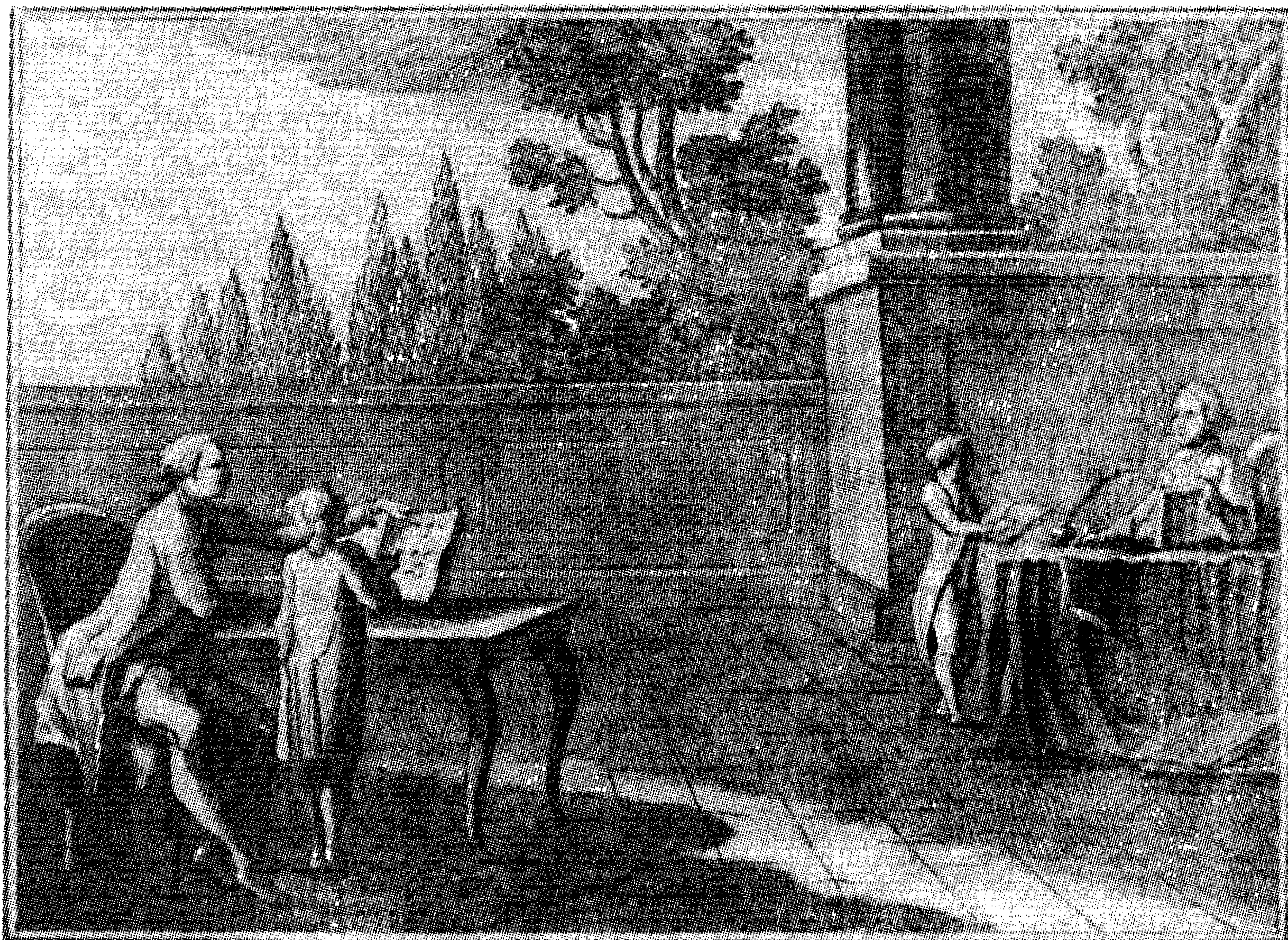
Во всех подробностях и без прикрас Дидро описывает внешность княгини: «Дашкова отнюдь не красавица. Небольшая ростом, с открытым и высоким лбом, с полными раздувшимися щеками, с глазами среднего размера, несколько заходившими на лоб, черными бровями и волосами, немного плоским носом, широким ртом, толстыми губами, круглой и прямой шеей, национальной формы, с выпуклой грудью — она далеко не очаровательна; в ее движениях много жизни, но не грации; ее манеры симпатичные. Общее выражение лица производит благоприятное впечатление».⁸ Хотя ей было тогда 27 лет, Дидро она показалась сорокалетней — так сильно печальная жизнь отразилась на ее внешности.

«Перед достижениями возраста разума»

Екатерина Романовна Дашкова (урожденная Воронцова) родилась 17 марта 1743 г. в Петербурге. Она была крестницей императрицы Елизаветы Петровны и великого князя, впоследствии императора, Петра Федоровича. Как известно, положение древнего дворянского рода Воронцовых при Елизавете было блистательным и влиятельным, этому способствовали добрые отношения матери Екатерины Романовны Марфы Ивановны (урожденной Сурминой; 1718—1745) еще с царевной Елизаветой и деятельное участие дяди Михаила Илларионовича Воронцова (1714—1767), женатого на двоюродной сестре Елизаветы, в возведении на трон дочери Петра I.

Хорошо известно, какое важное значение для ребенка имеют дом и семья. В младенческие и детские годы он воспитывается исключительно семьей и домашним окружением. Здесь получают свою первую пищу его склонности, здесь зарождаются его симпатии, потребности, интересы, здесь обозначается его характер. Душа ребенка питается впечатлениями, получаемыми в семье. Екатерина Романовна была лишена родительского внимания и тепла.

В двухлетнем возрасте Екатерина Романовна потеряла мать. Ее отец, Роман Илларионович Воронцов (1707—1783) мало обращал внимания на воспитание детей, а больше интересовался светскими развлечениями. Из пяти детей после

Воспитание. Гравюра XVIII в. (Зрелище природы и художеств. СПб., 1790. Ч. 10. № 30).

смерти матери дома остался только один старший сын Александр (1741—1805). Второй сын — Семен Воронцов (1744—1832) воспитывался у деда. Старшие дочери Мария (в замужестве Бутурлина; 1737—1765) и Елизавета (в замужестве Полянская; 1739—1792) жили при дворе и были назначены фрейлинами. Младшая Екатерина находилась в имении у бабушки Федосьи Ивановны Сурминой.

Когда девочке исполнилось четыре года, ее дядя М. И. Воронцов, в ту пору канцлер, взял ее на воспитание к себе. Тогда еще Воронцовы жили в старом доме на Садовой улице в Петербурге, на месте которого в 1749—1757 гг. по проекту Ф. Б. Растрелли был построен великолепный дворец, сохранившийся до наших дней.⁹

Здесь она росла и воспитывалась вместе с Анной Михайловной Воронцовой (1743—1769), единственной дочерью канцлера, своей ровесницей.¹⁰ «Общая спальня, одни и те же учителя, даже платья из одной штуки материи — все,

казалось, должно было бы сделать нас совершенно одинаковыми, — вспоминала Е. Р. Дашкова о своем детстве, — между тем в жизни не было женщин более непохожих, нежели мы». ¹¹ Канцлер М. И. Воронцов, интересовавшийся литературой и науками, покровитель М. В. Ломоносова, старался дать своей дочери и племяннице хорошее, по понятиям того времени, образование. Они знали четыре языка — итальянский, немецкий и один из древних, особенно хорошо владели французским, прекрасно танцевали, умели рисовать. Они даже изъявили желание брать уроки русского языка. Но, видимо, успехи в родном языке были невелики, и через несколько лет Е. Р. Дашковой пришлось вновь учить русский язык, чтобы разговаривать со свекровью и родственниками мужа, не знавшими французского. Сохранилось впечатление Кэтрин Вильмот о владении княгиней иностранными языками, записанное 1 октября 1805 г.: «...по-английски говорит она чудесно, неправильно как ребенок, но с необычайной выразительностью! Ей все равно — говорить по-французски, по-русски или по-английски, и она постоянно смешивает эти языки в одном предложении. Княгиня говорит по-немецки и по-итальянски тоже хорошо, но тут ее нечеткое произношение не дает возможности наслаждаться беседой». ¹²

В числе изучаемых предметов были также история, география, арифметика и катехизис. И, несмотря на то что в доме не было учителя «вокального или инструментального, — вспоминала княгиня позже, — я так блистательно понимала музыку, что могла судить о ее красотах в качестве истинного виртуоза». ¹³

С детства в натуре Екатерины Романовны было много гордости, смешанной с необыкновенной нежностью. «Я жаждала быть любимой и хотела заинтересовать собой всех, кого любила; когда же в возрасте тринадцати лет мне показалось, что я не вызываю таких чувств, я сочла бы себя отринутым существом». ¹⁴ Реальность, в которой она жила, не соответствовала ее представлениям о счастье, которое она связывала «с жизнью в окружении нежных родных и друзей». ¹⁵ «Дядя был слишком занят», — вспоминает она, а у его жены не было «ни способностей, ни желания» к воспитанию детей. С сестрами и младшим братом она виделась очень редко и встречалась только со старшим братом Александром Воронцовым, с которым ее всю жизнь будут связывать теплые дружеские отношения. Но дядя М. И. Во-

ронцов с согласия Елизаветы Петровны отправляет Александра учиться в Париж, и Екатерина Романовна с горечью напишет: «У меня не осталось никого, чья нежность могла бы смягчить боль сердца, уязвленного равнодушием, окружавшим меня...».¹⁶

Книги стали ее любимыми и лучшими друзьями. У канцлера была обширная библиотека, да и И. И. Шувалов, поощряя ее любовь к чтению, стал снабжать ее книгами и литературными новинками. Екатерина Романовна читает с упоением все дни и ночи напролет. Недетские книги и недетские размышления привели к раннему развитию. «Глубокая грусть, размышления над собой и людьми того круга, к которому я принадлежала, изменили мой живой, веселый и насмешливый характер. Я стала серьезной, прилежной, говорила мало и лишь о том, что достаточно знала».¹⁷ Ее любимыми авторами были французские философы, публицисты, поэты — П. Бейль, Ш. Л. Монтескье, Вольтер, Н. Буало и особенно К. А. Гельвеций.¹⁸ Когда ей исполнилось 16 лет, ее собственная библиотека насчитывала 900 томов, так как почти все карманные деньги она употребляла на приобретение книг.¹⁹ Покупка «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера доставляет ей больше удовольствия, чем драгоценное ожерелье. «Я была довольна и спокойна, — пишет она, — только когда погружалась в чтение. Я поняла, что одиночество не всегда бывает тягостным, и стремилась найти опору в мужестве, твердости и душевном спокойствии».²⁰ О независимости характера свидетельствует и цель, которую она поставила перед собой: «Добиться всего собственными силами, обойдясь без посторонней помощи».²¹

Пожалуй, главными обстоятельствами, повлиявшими на формирование характера Екатерины Романовны, были одиночество, которое она очень рано начала ощущать в доме дяди, и свобода, которой она пользовалась с тринадцатилетнего возраста. Освободившись от надзора гувернантки, она была предоставлена самой себе. Она занималась только тем, что ей нравилось: читала, музицировала, размышляла, выезжала только туда, где ей было не скучно, и постепенно привыкла руководствоваться только своими желаниями. Это несомненно могло способствовать развитию самостоятельности и той чрезмерной оригинальности в привычках, которыми отличалась потом княгиня Е. Р. Дашкова.

Атмосфера дома канцлера была «пропитана» политикой. Даже мебель, которой был обставлен дом, была подарена М. И. Воронцову Людовиком XV в надежде склонить канцлера к союзу с Францией. Екатерина Романовна постоянно становилась свидетельницей свободных политических разговоров, которые безусловно оказывали влияние на ее впечатлительную натуру. Встречаясь в доме дяди с иностранными послами, она с большим вниманием и интересом расспрашивала их о политическом устройстве и обычаях их стран. И именно тогда зародилось в ней страстное желание путешествовать.

Прекрасный психологический портрет юной Екатерины Романовны удалось создать писателю-историку Д. Л. Мордовцеву: «Рано проявилось в ней неясное сознание своей силы и чувство богатых внутренних задатков, и это обнаружилось в ней, с одной стороны, какою-то гордостью, признанием за собой чего-то большего, чем то, что в ней думали видеть, а с другой — страстным желанием раздела чувств, впечатлений, знаний — желанием дружбы и любви. Но отзыва на все это она не могла найти ни в ком: с воспитанницей своей она не сошлась душою, а других родных никого близко не имела, и только глубокую дружбу воспитала она в себе к своему брату Александру, к которому питала это чувство всю жизнь, как и вообще все ее привязанности отличались полнотою и какой-то законченностью: она всякому чувству отдавалась вся».²²

«С этого времени для меня
открылся новый мир...»

Зимой 1758/1759 г. в доме дяди Екатерина Романовна познакомилась с великой княгиней Екатериной, будущей императрицей Екатериной II. «Обе мы восчувствовали друг к другу взаимную симпатию, и обаяние, всегда исходившее от великой княгини, особливо если ей хотелось привлечь кого-либо на свою сторону, было слишком сильным, чтобы наивное существо, коему не исполнилось и пятнадцати лет, не отдало б ей навек своего сердца», — вспоминала княгиня Дашкова.²³ Эта встреча положила начало их дружбе, правда, впоследствии далеко не прочной и изобиловавшей многочисленными недоразумениями.

В феврале 1759 г. Екатерина Романовна вышла замуж за князя Михаила Ивановича Дашкова (1736—1764). Замужество ее было основано на взаимной симпатии и сопровождалось разными романтическими обстоятельствами. В устройстве свадьбы принимала участие сама Елизавета Петровна. «С этого времени для меня открылся новый мир, новое жизненное поприще, перед коим я робела тем более, что не находила в нем никакого сходства с тем, к чему привыкла»,²⁴ — вспоминала княгиня. Через год после свадьбы у нее родилась дочь Анастасия (в замужестве Щербинина; 1760—1831), доставившая ей впоследствии немало огорчений. В феврале 1761 г. появился на свет сын Михаил, умерший во младенчестве.

О событиях 28 июня 1762 г., благодаря которым на престол взошла Екатерина II, и о роли в них Е. Р. Дашковой написано много.²⁵ Даже почти полвека спустя, пережив много сложных чувств и разочарование в Екатерине, княгиня продолжала считать 28 июня 1762 г. «самым памятным и славным» днем в истории России. Девятнадцатилетняя Е. Р. Дашкова с восторгом, преданностью и отвагой участвует в дворцовом перевороте. «Чтобы судить о моих делах и побуждениях в эту эпоху, не должно терять из виду и того, что я действовала под влиянием двух опрометчивых обстоятельств: во-первых, я лишена была всякой опытности; во-вторых, я судила о других по своим собственным чувствам, думая о всем человечестве лучше, чем оно есть на самом деле», — писала она в 1804—1805 гг. своей приятельнице Кэтрин Гамильтон.²⁶ Об отношениях с Екатериной после переворота, вернее об охлаждении отношений, прекрасно написал А. И. Герцен в своем ярком и эмоциональном очерке о Е. Р. Дашковой: «Оттого-то, между прочим, что она верила и хотела верить в идеальную Екатерину, она не могла удержаться в милости. А она была бы славным министром. Бесспорно одаренная государственным умом, она, сверх своей восторженности, имела два больших недостатка, помешавшие ей сделать карьеру: она не умела молчать, ее язык резок, колок и не щадит никого, кроме Екатерины; сверх того, она была слишком горда, не хотела и не могла „принижать своей личности“, как выражаются московские староверы». Екатерина «отдалилась от нее, — продолжает Герцен, — с быстротой истинно царской неблагодарности».²⁷

Быстрое охлаждение императрицы к Екатерине Романовне очень напугало ее родственников. Дядя княгини, М. И. Воронцов, 21 августа 1762 г. в письме к племяннику А. Р. Воронцову, брату Екатерины Романовны, с нескрываемым раздражением писал: «Она (Дашкова. — Г. С.), сколько мне кажется, имеет нрав развращенный и тщеславный, больше в суетах и мнимом высоком разуме, в науках и пустоте время свое проводит. Я опасаюсь, чтоб она каприсами своими и неумеренным поведением и отзывами столько не прогневила государыню императрицу, чтоб от двора отдалена не была, а чрез то наша фамилия в ее падении напрасного порока от публики не имела. Правда, она имела многое участие в благополучном восшествии на престол всемилостивейшей нашей государыни, и в том мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведение и добродетели не соответствуют заслугам, то не иное что последовать имеет, как презрение и уничтожение».²⁸ И через два месяца он в другом письме к тому же адресату добавляет: «Она поведением своим не привлекает нас никого к любви своей».²⁹

Впрочем, отношения между княгиней и двором не были испорчены окончательно; когда 12 мая 1763 г. у Екатерины Романовны родился сын Павел (1763—1807), его крестили императрица Екатерина II и великий князь Павел Петрович.

17 августа 1764 г. в возрасте 28 лет скончался князь М. И. Дашков. «По смерти его необычайная тоска убила во мне всякое другое чувство».³⁰ Но даже такое страшное горе не смягчило родственников. Ее брат С. Р. Воронцов в письме к отцу 25 сентября 1764 г. пишет: «По газетам мы известились, что князь Михайло Иванович в Польше умер; как он был человек честного и весьма доброго сердца и конечно не участник в бешенствах и неистовствах жены своей, то все о нем здесь сожалеют...».³¹ После смерти мужа остались огромные долги, и только прибегнув к жесточайшей экономии и расчетливости, она сумела расплатиться с долгами. «Благодаря бережливости, продаже драгоценностей и столового серебра все долги мужа, к моему великому удовольствию, — читаем в „Записках“, — оказались уплаченными в течение пяти лет. Если бы до моего замужества мне сказали, что, воспитанная в роскоши и расточительстве, в свои 20 лет я буду отказывать себе во всем, кроме самой простой одежды, я бы не поверила. Но подобно тому

как мне приходилось быть гувернанткой и сиделкой моих детей, я хотела стать хорошей управительницей их имений, а потому никакие лишения не были в тягость».³²

Первое заграничное путешествие

В декабре 1769 г. Е. Р. Дашкова с девятилетней дочерью Анастасией и шестилетним сыном Павлом отправилась в первую заграничную поездку по Европе. «Главная цель моего путешествия за границу состояла в том, — пишет княгиня, — чтобы ознакомиться с различными городами и выбрать наиболее подходящий для получения образования моим детям. Я великолепно сознавала, что у нас нечасто можно встретить людей, способных хорошо учить детей, к тому же лезть слуг и баловство родственников помешали бы такому воспитанию, к которому я стремилась».³³ Выехав из Москвы, она через Ригу, Кенигсберг и Данциг прибыла в Берлин, где провела два месяца. Отсюда через Вестфалию и Ганновер приехала в бельгийский курортный городок Спа. Там она познакомилась с двумя ирландками — Кэтрин Гамильтон и Элизабет Морган, с которыми сохранила дружеские отношения на многие годы. Имея желание посетить Англию, княгиня занималась английским языком: «По утрам обе мои приятельницы — ирландки (Гамильтон и Морган. — Г. С.) приходили читать со мной по очереди какую-нибудь английскую книгу и поправляли мое произношение; других учителей английского языка у меня не было, но вскоре я стала им владеть достаточно свободно».³⁴ Из Спа княгиня совершила поездку в Англию, посетив Лондон, Портсмут, Солсбери и Бат. Из Бата она отправилась в Бристоль, Оксфорд и Виндзор.

Вернувшись в Россию, Е. Р. Дашкова опубликовала описание этого путешествия: «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям».³⁵ По наблюдению известного английского ученого Э. Г. Кросса, это было первое сообщение такого рода в русской печати.³⁶

Англия произвела большое впечатление на княгиню. «Англия мне более других государств понравилась, — писала Е. Р. Дашкова. — Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады — все заимствует от устройства первого и превос-

S. A. Mad^{me} la Princesse de Dashkoff,
née Comtesse de Worontzow Dame d'honneur de Sa Majesté
l'Impératrice de toutes les Russies Chevalier de l'Ordre de
St. Catherine, Directeur de l'Académie Imp^{eriale} de Sciences Pre-
sident de l'Acad^{emie} Imp^{eriale} Russe. Membre de l'Acad^{emie} Royale de
Stockholm de celles de Berlin et d'Esclange de la Société Economique
de Hambourg et de la Société Philoſophique de Philadelphie.

И. С. Майр. Портрет Е. Р. Дашковой.
Гравюра с оригинала Д. Г. Левицкого.

ходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях. Любовь англичан к русским также должна была меня к ним привлечь». ³⁷ В опубликованных заметках княгиня с живым интересом и наблюдательностью описывает загородные дома и сады английских лордов, говорит о соборных церквях, об остатках древнего друидского храма, которые ее очаровали, о банях, гуляньях, увеселениях. Во время путешествия она посещает музеи, библиотеки, фабрики, лавки. С особой подробностью она описывает здания и устройство старейшего университета Великобритании в Оксфорде. Перед отъездом из Оксфорда в Лондон Е. Р. Дашкову, как она писала, посетил «вице-канцлер университетский с жезлом своим и в мантии и во всем церемониальном виде, который именем своим и всего университета поднес мне книгу с эстампами всех у них хранящихся статуй и барельефов древних, которую честь, сказывают, редким проезжающим делают». ³⁸

В ноябре 1770 г. Е. Р. Дашкова с детьми прибыла в Париж, где провела 17 дней. Она посещала монастыри, церкви, галереи, где можно было осмотреть статуи, картины, памятники; заходила в мастерские художников, побывала на спектаклях. «Простое черное платье, такая же косынка на шее, скромная прическа горожанки скрывали меня от любопытных глаз». ³⁹ В Париже состоялось ее знакомство с Дени Дидро. ⁴⁰ «Вечером, — вспоминал позже Дидро в статье о Дашковой, — я приходил к ней толковать о предметах, которых глаз ее не мог понять и с которыми она могла вполне ознакомиться только с помощью долгого опыта, — с законами, обычаями, правлением, финансами, политикой, образом жизни, науками, литературой; все это я объяснял ей, насколько сам знал». ⁴¹ Между ними возникли теплые доверительные отношения. И более чем через 30 лет после первой встречи с французским философом, вспоминая мудрые беседы с ним, Екатерина Романовна проникновенно писала: «Все восхищало меня в Дидро, даже эта горячность, проистекающая от пылкости чувств и живости восприятия. Его искренность, дружелюбие, прозорливый и глубокий ум привязали меня к нему на всю жизнь. Я оплакивала его смерть и до последнего дыхания не перестану жалеть о нем. Этот необыкновенный ум был мало оценен...». ⁴²

После пребывания в Париже Е. Р. Дашкова отправилась на юг Франции, где провела зиму, а весной поехала в Швейцарию, чтобы «поклониться» великому Вольтеру. В

юности княгиня зачитывалась его сочинениями, он был ее любимым писателем и сыграл исключительно важную роль в формировании ее мировоззрения. И даже первое печатное произведение Екатерины Романовны связано с именем Вольтера. В 1763 г. в созданном ею журнале «Невинное упражнение» появился подготовленный княгиней перевод сочинения Вольтера «Опыт об эпической поэзии».⁴³ Помимо собственного перевода в первый номер журнала был включен перевод одной из «Речей в стихах о человеке» Вольтера, выполненный С. И. Глебовым.⁴⁴ Перевод был настолько удачен, что четверть века спустя по настоянию Е. Р. Дашковой, в то время директора Академии наук, это произведение было перепечатано в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения».⁴⁵

10 мая 1771 г. произошла первая встреча Е. Р. Дашковой с Вольтером. Она немного разочаровала княгиню, которая «хотела слушать его (Вольтера. — Г. С.), восхищаясь им»,⁴⁶ но увидела 76-летнего философа, тяжелобольного и полуразбитого параличом. Но, несмотря на слабое здоровье, Вольтер встретил Екатерину Романовну театральными жестами, не скупился на лестные слова, и беседа их в этот день продолжалась около двух часов. Е. Р. Дашкова получила разрешение посетить Вольтера вновь и, воспользовавшись этим, имела удовольствие еще несколько раз наслаждаться его речами. «Когда мы с ним бывали вдвоем в кабинете или в саду, — вспоминала княгиня, — я видела Вольтера таким, каким представляла, читая его произведения».⁴⁷ В прощальном письме Вольтер рассыпался в комплиментах: «Княгиня, старик, которого Вы помолодили, благодарит и оплакивает Вас... Счастливы те, которые провожают Вас в Спа! Несчастливы мы, которых Вы покидаете... на берегах Женевского озера! Альпийские горы долго будут греметь эхом Вашего имени — имени, которое навсегда остается в моем сердце, полном удивления и почтения к Вам».⁴⁸ Такие восторженные слова не были только данью вежливости. В письме к Екатерине II 15 мая 1771 г. «старый Фернейский отшельник», как он сам себя называл, отзывался о Е. Р. Дашковой самыми теплыми словами, изображая ее как самую верную подданную императрицы: «Прежде всего должен Вас уведомить, что я имел честь видеть у себя в пустыне княгиню Дашкову. Лишь только вошла она в залу, тотчас узнала Ваш портрет, по атласу вытканый и гирляндами вокруг украшенный. Изображение

Ваше, конечно, имеет особенную силу, потому что я видел, что когда княгиня смотрела на это изображение, то глаза ее оросились слезами. Она говорила мне четыре часа сряду о Вашем императорском величестве, и мне время показалось не более как четыремя минутами». ⁴⁹

В 1772 г. Е. Р. Дашкова возвратилась в Петербург. Екатерина приняла ее с доброжелательным вниманием и прислала «на первые нужды» 10 тысяч рублей, затем еще 60 тысяч. «Я была крайне удивлена этим поступком, который вовсе не походил на обращение императрицы со мной в течение десяти лет, прошедших со времени ее восшествия на престол», — отметила княгиня в «Записках». ⁵⁰ Большой радостью и утешением для Екатерины Романовны стала встреча с отцом Р. И. Воронцовым, который после участия дочери в дворцовом перевороте 1762 г. не хотел ее даже видеть. «...хотя он ничем не помог, он сделал то, что было мне гораздо дороже: отнесся ко мне с уважением и добротой, которых я была прежде лишена из-за наговоров недоброжелателей». ⁵¹

«...нежная, но благоразумно любящая мать»

«В 16 лет я была матерью... Дочь моя не могла пролепетать еще ни единого слова, а я уже помышляла дать ей *воспитание совершенное*. Я была удостоверена, что на четырех языках, довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих составить целое, которое будет чудесно», — писала Екатерина Романовна. ⁵² Невольно вспоминаются строки из мемуаров современника княгини А. Т. Болотова: «Блаженны дети, о коих родители их в самом младенчестве о них пекутся и о исправлении их нравов старание прилагают». ⁵³ Екатерина Романовна была именно такой матерью. Она много внимания уделяла своим детям, а после смерти мужа полностью посвятила себя им. Она постоянно находилась рядом, окружила их заботами, нежностью, лаской. Когда дети болели, не отходила от постели: «В растерянности и опасениях за его (сына. — Г. С.) жизнь я забыла про свой ревматизм и всю ночь оставалась босая возле его постели». ⁵⁴

Первоначальное воспитание дети получили дома. Здесь они учились грамоте, иностранным языкам, осваивали на-

выки светского поведения. Когда Анастасии было 9 лет, а Павлу 6, вместе с матерью они совершили первое, трехгодичное, заграничное путешествие, во время которого познакомились со многими европейскими достопримечательностями, что безусловно способствовало их образованию. Нередко даже трудности путешествия княгиня использовала в воспитательных целях. Когда они пересекали на корабле Ла-Манш и начался сильнейший шторм, то дети очень испугались. «Я воспользовалась этим случаем, чтобы показать им, насколько мужество выше детской трусости. Я обратила их внимание на поведение капитана и английских матросов в столь критическом обстоятельстве и, дав им почувствовать, что Божеские предначертания требуют покорности и суть всегда премудры, приказала им успокоиться. Меня послушались больше, чем я надеялась, ибо скоро я имела счастье увидеть их спящими тихим сном, несмотря на бурю, которая ревела поистине ужасающим образом».⁵⁵

В 1776 г., когда дочери исполнилось 16, а сыну 13 лет, она писала, стараясь быть объективной: «Испытывая нежные чувства по отношению к ним (детям. — Г. С.), я отнюдь не слепа, ибо мне совсем не по душе их недостатки, хотя я и довольна тем, что они честного нрава и мягкосердечны, однако ж не считаю детей своих во всем совершенными; и я вменила себе в непреложное правило видеть их таковыми, каковы они есть, а не такими, какими чад своих видит большинство родителей».⁵⁶

Предметом особых забот Е. Р. Дашковой было воспитание сына, которого она «предназначала» для военной службы и хотела ему дать «образование, необходимое, чтобы в ней преуспеть».⁵⁷ Выполнением столь важной задачи она занималась со всей нежностью материнских чувств и со всей решительностью, присущей ее характеру. По обычаю того времени молодой князь Дашков восьми лет от роду в 1772 г. был записан на военную службу и в этом же году произведен в корнеты. Но он оставался при матери, которая и руководила его образованием. К тринадцати годам Павел Дашков, по мнению матери, достаточно хорошо был знаком с историей и географией, основами геометрии, знал французский, немецкий, латынь и английский языки, мог выполнять переводы. Он был высок ростом и силен, поскольку «привык к деятельной и суровой жизни».⁵⁸ Для

М. И. Воронцов (1714—1767), дядя Е. Р. Дашковой.
Мозаика ломоносовской мастерской. 1765—1766 гг.

завершения образования сына Е. Р. Дашковой был выбран старейший университет Шотландии в Эдинбурге.

История высшего образования в Эдинбурге началась в 1583 г. с основания университетского колледжа права. К 70-м гг. XVIII в. Эдинбургский университет приобрел европейскую известность как центр активной научной деятельности, фундаментального образования и менее дорого-

го, чем Кембридж и Оксфорд. Широта и разнообразие изучаемых предметов, гибкий учебный план, высокий научный уровень преподавателей, определенная свобода, позволяющая профессорам помимо обязательных циклов самим дополнительно объявлять курсы лекций, превосходное преподавание, возможность заниматься самостоятельной научной работой привлекали сюда студентов из Европы и Америки. В начале XVIII в. в Эдинбургском университете насчитывалось 8 профессоров и человек 300 студентов, а к 1800 г. цифры эти увеличились соответственно до 21 и 1200. По наблюдению английского ученого Э. Кросса, с 1774 по 1787 г. в число студентов-иностранцев входили примерно 16 россиян.⁵⁹

Венгерский литератор Тиман, посетивший Эдинбургский университет в 1781 г., записал: «Всякий раз, как англичане отзываются при мне о шотландцах в том презрительном тоне, который им иногда свойственен, я им советую отправляться в Эдинбург и там поучиться жить и быть мужчинами. На ваших ученых — Робертсона, Блэка и Юма — здесь смотрят как на перворазрядных гениев».⁶⁰ Американский просветитель, один из авторов «Декларации независимости США» Томас Джефферсон, путешествуя по Шотландии в то же время, должен был признать, что в отношении науки «нет в мире места, которое могло бы соперничать с Эдинбургом».⁶¹ В 1776 г. в университете побывал американский государственный деятель и ученый Бенджамин Франклин, который с восторгом отметил: «В это время здесь (в Эдинбургском университете. — Г. С.) был собран „букет“ действительно великих людей, профессоров в каждой отрасли науки, какие когда-либо существовали в любое время или стране».⁶²

Гордостью и славой Эдинбургского университета в 70—80-х гг. XVIII в. были историк и философ Давид Юм, профессор физики и математики, основатель социологии Адам Фергюсон, профессор риторики и изящной словесности Хью Блэр, профессор химии, который открыл углекислый газ, Джозеф Блэк, профессор математики Дугальд Стюарт, профессор всеобщей истории, будущий президент Эдинбургского королевского общества Джон Прингл и др. Созданию такого удивительного научно-образовательного оазиса или «Афин Севера», как называли Эдинбургский университет, во многом способствовала реформаторская деятельность Вильяма Робертсона.

Шотландский ученый-историк Вильям Робертсон (1721—1793) родился в семье священника в небольшом городке Бортвик около Эдинбурга.⁶³ В 1735—1741 гг. учился в Эдинбургском университете, по окончании которого в течение 10 лет проповедовал в различных церковных приходах Шотландии. Параллельно усердно занимался изучением истории Шотландии и участвовал в обсуждении важных государственных вопросов. Наибольшую известность он приобрел, участвуя в дискуссии в 1751—1752 гг. по вопросу, следует ли прихожанам выбирать священников или их назначать «сверху». Робертсон считал, что священников следует назначать, так как альтернативное решение будет разрушать авторитет церкви, а значит, и подрывать основы общества. По воспоминаниям современников, Робертсона как государственного деятеля отличали терпимость и сильное стремление к сохранению общественного порядка и стабильности в стране.

В 1759 г. была опубликована первая большая историческая работа ученого, посвященная истории Шотландии. Книга вызвала живой интерес у читающей публики и принесла Робертсону огромную популярность. В 1762 г. он назначен ректором Эдинбургского университета и оставался на этом посту в течение 30 лет до 1792 г. В 1763 г. Робертсон был избран председателем Генеральной Ассамблеи Шотландской Церкви и назначен королевским историографом.

Несмотря на активную государственную деятельность, Робертсон в 1769 г. опубликовал «Историю правления императора Карла V», а в 1777 г. была издана первая часть «Истории Америки», которая сразу же была переведена на французский и немецкий языки.

В конце 1782 г. на собрании профессоров Эдинбургского университета Робертсон предложил план учреждения научного общества по образцу некоторых иностранных академий. В 1783 г. в год 200-летия университета было основано Эдинбургское королевское общество. Робертсон был избран руководителем литературного класса.

В России были знакомы с историческими трудами ученого. В 1775—1778 гг. перевели и издали в 2 томах «Историю Карла V», а в 1784 г. — первый том «Истории Америки».

Английскую историческую школу XVIII в. «за философский ум, критику и благородное красноречие» высоко це-

нил Н. М. Карамзин. Он читал книги Робертсона как азбуку, и имя английского историка нередко встречается в записной книжке писателя и в «Письмах русского путешественника». ⁶⁴ «...Робертсон, Юм, Гиббон влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида и Тацита ничто не может сравняться с Историческим Триумвиратом Британии (т. е. с Робертсоном, Юмом и Гиббоном. — Г. С.)». ⁶⁵

Так как княгиня мечтала дать сыну английское образование, то следует заметить, что выбор университета был сделан весьма удачно. Наставником сына «нежная, но благоразумно любящая мать» хотела видеть В. Робертсона, поскольку почитала и уважала его «как человека добродетельного». ⁶⁶ Еще по пути в Эдинбург княгиня отправила Робертсону три письма: 30 августа, 9 октября и 10 ноября 1776 г. Она старалась убедить ректора Эдинбургского университета лично наблюдать за занятиями ее сына и пыталась развеять его опасения в том, что из-за юного возраста князя (в 1776 г. ему было 13 лет) следовало бы отложить его поступление в университет. «...смею вас заверить, милостивый государь, — писала Е. Р. Дашкова, — что мой сын не доставит вам в этом отношении никаких затруднений, и вы весьма меня обяжете, ежели сами предпишете мне все, что сочтете за нужное, и я прошу для себя лишь одного — разрешения пребывать в том же городе, что и он; убеждена, милостивый государь, что, ежели сын мой окажется под вашим руководством, то ни мои заботы, ни попечение кого бы то ни было другого не будут ему надобны, но позвольте мне быть по крайней мере его сиделкой в случае, если то окажется необходимым, ибо никто другой не сможет этого сделать, кроме матери...». ⁶⁷

Во втором письме 9 октября 1776 г. княгиня весьма подробно описала предметы, уже пройденные сыном, и знания, полученные им. Но главное, она предложила план обучения сына в Эдинбургском университете в течение двух с половиной лет или пяти семестров:

«1 семестр. Языки, риторика и изящная словесность, история и устройство различных образов правления. Математика. Логика.

2 семестр. Языки, риторика, история и устройство различных образов правлений, математика, рацио-

- нальная философия, экспериментальная физика, фортификация и черчение.
- 3 семестр. Изящная словесность. История и устройство различных образцов правлений, фортификация, естественное право и всеобщее общественное право, математика, физиология и натуральная история. Черчение.
- 4 семестр. Нравственность, математика, фортификация, всеобщее и основательное право народов, генеральные принципы законоведения, гражданская архитектура.
- 5 семестр. Нравственность. Повторение физики, первоначала химии и, в заключение, общее и логическое повторение пройденного». ⁶⁸

«Какой длинный реестр знаний, достойный огромного ума и памяти Аристотеля, должен был усвоить мальчик и в сравнительно непродолжительный срок пребывания Дашковых в Шотландии», — говорит В. Огарков. ⁶⁹ «Она не заботилась об усвоении сыном хотя бы менее обширного круга знаний, но зато более основательно... И весьма возможно, что мальчик переучился, получил отвращение к науке, все это вскоре позабыл и вообще всем своим будущим печально компрометировал „хваленое“ воспитание матери», — так пишет Н. Васильков. ⁷⁰ Подобные оценки учебного плана, составленного княгиней для сына, встречаются у многих исследователей жизни и деятельности Е. Р. Дашковой. Но необходимо, видимо, заметить следующее. Во-первых, Е. Р. Дашкова отдавала себе отчет в том, «что этот план неизбежно вызовет критические отзывы, поелику он нов и для его начертания передо мною не было никакого известного образца», также она не хотела походить на родителей, как она писала Робертсону, которые «обыкновенно смешивают то, что подходит к кому-нибудь из родителей, с тем, что необходимо для детей». ⁷¹ Во-вторых, обширный учебный план, составленный Е. Р. Дашковой, не такой уж обширный, а скорее обычный для европейских университетов XVIII в., например для Геттингенского. ⁷² И даже университет при Петербургской Академии наук начал свою деятельность в 1726 г. объявлением о чтении публичных лекций по 24 дисциплинам. ⁷³ И, в-третьих, образовательный план княгини не был полностью реализован.

8 декабря 1776 г. семейство Дашковых прибыло в Эдинбург. «Мистер Робертсон нашел, к моему удовольствию, что сын вполне подготовлен для поступления в университет и с успехом сможет заниматься по классической программе». ⁷⁴

Известный английский ученый Энтони Кросс после работы с документами Эдинбургского университета отметил, что молодой князь был занесен в списки слушателей курсов, которые читали Хью Блэр (дважды), Джон Робисон (дважды), Брюс (дважды), Дугальд Стюарт (дважды), Джозеф Блэк и Адам Фергюсон. ⁷⁵ А значит, предметами изучения стали риторика, изящная словесность, логика, физика, этика, математика и химия. «Сама я испытывала всевозможные лишения, но они были мне безразличны, ибо меня полностью захватили материнская любовь и родительские обязанности. Желание дать сыну самое лучшее образование поглощало меня целиком», — пишет позже Е. Р. Дашкова. ⁷⁶

Профессора университета, лекции которых слушал сын, два раза в неделю приглашались на обед; беседы с ними рождали восхищение, радость и покой: «Я познакомилась с профессорами, достойными уважения за ум, просвещенность и нравственность. Им были чужды самомнение и зависть — удел мелких душ, они жили между собой, как любящие и уважающие друг друга братья, и было приятно находиться в обществе этих глубоко образованных людей, во всем согласных между собой; разговоры с ними являлись неисчерпаемым источником знаний». ⁷⁷ Когда в 1783 г. Е. Р. Дашкова была назначена директором Петербургской Академии наук, на первом же заседании по ее рекомендации историк Робертсон и химик Блэк были избраны почетными членами Академии.

Князь Дашков охотно и исправно учился. Его сокурсник, молодой ирландец Вильям Дреннан заметил, что «князь Дашков весьма прилежно посещает занятия и совершенно растопил русскую грубость во французской учтивости». ⁷⁸ По настоянию матери он посещал манеж и упражнялся в верховой езде, а раз в три дня брал уроки фехтования. Еженедельно княгиня давала балы, чтобы сын имел возможность немного развлечься, отдохнуть и попрактиковаться в танцах. Во время летних каникул Дашковы совершили путешествие в Шотландские горы.

В своих «Записках» Екатерина Романовна с особой теплотой вспоминает годы, проведенные в Эдинбурге: «...это было самым спокойным, самым счастливым временем, выпавшим мне на долю в этом мире». ⁷⁹

Весной 1779 г. князь Дашков закончил свое образование в Эдинбургском университете. 6 апреля ему была присвоена степень магистра искусств. В статье «О смысле слова „воспитание“» (1783) Екатерина Романовна рассказывает о процедуре и содержании экзамена: «...в Эдинбургском университете ... гораздо строже прочих экзаменуют, для получения степени *Magister artium* должно знать следующие науки так твердо, чтоб при публичном экзамене не только на вопросы профессоров, но и предстоящей публики (ибо тогда всякий имеет право кандидату задачи предлагать) быть в состоянии удовольствоваться ответом своим; а именно: логику, риторику, историю, географию, высшую математику, нравственную философию, юриспруденцию, философию естественную», экспериментальную физику и химию. ⁸⁰ В примечаниях к этой статье, не называя имени студента, но оно безусловно читается между строк, Е. Р. Дашкова описывает успех российского студента во время экзаменов: «...некоторый молодой соотечественник наш, быв уже довольно приуготовлен ко вступлению в классическое поучение, в три года пребывания своего в некотором университете окончил классическое свое воспитание с удивительным успехом, коему вся публика несколько раз свидетельницею и судьей вместе с профессорами была». ⁸¹ Этот памятный момент нашел отражение и в «Записках» княгини: «Стечение слушателей было огромным; его ответы по всем отраслям изучаемых наук оказались столь успешны, что вызвали аплодисменты (хотя это запрещено). Сыну присвоили степень магистра искусств; как я радовалась его успехам, может представить только мать». ⁸²

Помимо экзаменов по университетским правилам Павел Дашков представил обязательное выпускное сочинение на латинском языке — «*Dissertatio philosophica inauguralis, de Tragoedia*» («Философская диссертация, посвященная трагедии»). Любопытно отметить, поскольку этот факт до сих пор не привлек внимания исследователей, что диссертация князя Дашкова была переведена на русский язык и под названием «Рассуждение о печальном лицедейственном представлении» опубликована в 1794 г. в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения». ⁸³ Интересно

примечание редакции: «Рассуждение сие писано князь Павлом Михайловичем Дашковым в 1779 г. в Эдинбурге и предложено им было для состязания в сем славном университете в получении степени свободных наук магистра».⁸⁴ Перевод с латинского выполнили воспитанники Академии. Не вызывает сомнения причастность княгини Е. Р. Дашковой к переводу и изданию этого сочинения, немного удивляет лишь то, что публикация появилась в годы напряженных отношений матери с сыном после его неудачной женитьбы.

7 мая 1779 г. лорд-мэр Эдинбурга дал прием в честь князя Дашкова и присвоил ему титул почетного гражданина города. Е. Р. Дашкова в знак уважения подарила Эдинбургскому университету собрание российских медалей от рождения Петра Великого до рождения будущего Александра I. Эта коллекция и сейчас хранится в университете.

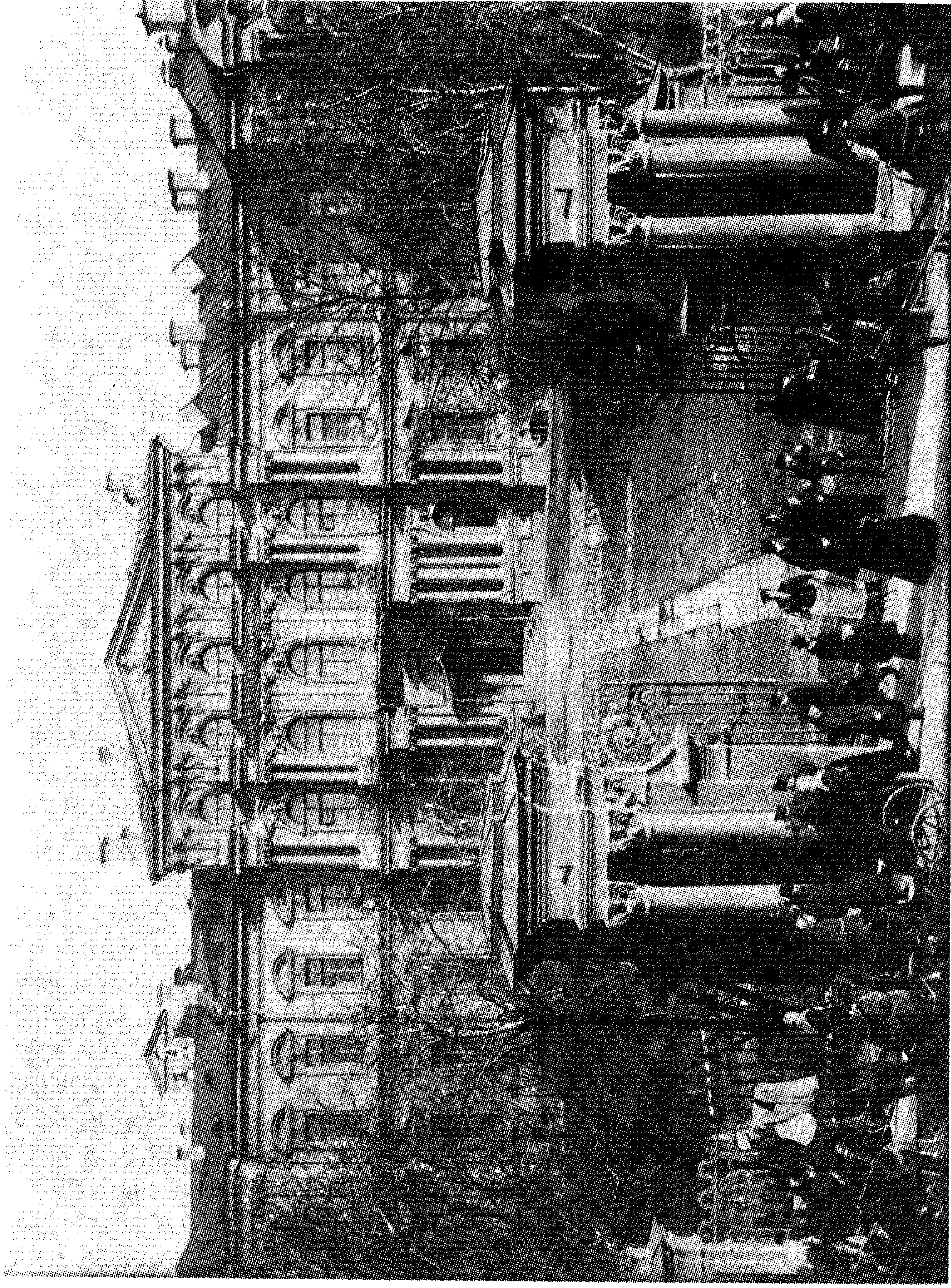
После окончания занятий Е. Р. Дашкова отправляется в путешествие по Европе, которое она считала необходимым для завершения образования сына. Она так же основательно подходит к организации путешествия, как в свое время отнеслась к составлению учебного плана для него. Княгиня составляет большое письмо с рекомендациями и советами молодому князю по организации путешествия, высказывает свое понимание целей путешествия и манеры поведения во время поездки. «Не забудь, — пишет Е. Р. Дашкова, — что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени, ты не избегаешь обязанностей общества, которое со временем потребует твоих услуг и к которым теперь я хочу приготовить тебя заграничным путешествием; нет, ты едешь искать и пользоваться наставлением его. Все, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом и таким образом из юношеского возраста вступить на поприще мужа, с полным достоинством характера и заслуженного права на одобрение и отличие».⁸⁵

Путешествие началось в июле 1779 г. с посещения Ирландии, затем Англии. Многие, с кем княгиня познакомилась и поддерживала дружеские отношения, сожалели об ее отъезде. Ирландская знакомая Е. Р. Дашковой леди Арабелла Денни писала княгине 14 июля 1780 г.: «С тех пор, как вы покинули Ирландию, я совершенно не в своей тарелке. Я привыкла видеть и беседовать с вами каждый день; я пользовалась вашими умными советами и обязана улуч-

шением своего сердца вашим чувствам; коротко, я почти не оставляла вас, благодаря вашей доброте и моей любознательности».⁸⁶ Зная, какое огромное место в жизни Е. Р. Дашковой занимают ее дети, сколько сил, времени и любви отдано им, все пожелания, встречающиеся в письмах ее английских друзей этого времени, обращены к будущему детей. «Мы искренно желаем, — писала леди Арабелла Денни, — чтоб ваше сиятельство, как мать, наслаждалась полным счастьем и надеждой ввиду тех двух нравственных растений (речь идет о сыне и дочери Е. Р. Дашковой. — Г. С.), которые вы так горячо любите и которые, конечно, принесут и прекрасный цвет и благие плоды».⁸⁷ Такие же добрые пожелания содержатся и в письме профессора Эдинбургского университета Хью Блэра от 5 августа 1780 г., в котором он выразил надежду, что княгиня Дашкова по-прежнему находит величайшее утешение в своих детях, и уверенность, что ее сын оправдает те блистательные надежды, которые соединяют с его будущей судьбой все знающие его в Шотландии.⁸⁸

Оставив Англию, Дашковы посетили Бельгию, Голландию, Францию, Италию, Австрию и Германию. Всюду они осматривали города, картинные галереи, храмы, дворцы, мастерские художников, библиотеки, кабинеты натуральной истории. «Дабы сын мог ознакомиться с военным искусством», наблюдали военные маневры, осматривали крепости и военные сооружения. Во время путешествия сын продолжал усиленно заниматься: в Дублине, например, он учил итальянский, читал греческих и латинских классиков, каждое утро повторял предметы, которые проходил в Эдинбурге, два раза в неделю брал уроки танцев. В Париже один из учеников французского математика и философа Д'Аламбера обучал его математике и геометрии.

Княгиня составила программу чтения для сына, которая располагалась в хронологической последовательности и по отраслям знаний. Вот как, например, реализовывалась эта программа в Пизе, где семейство провело три месяца: «В 8 часов утра после легкого завтрака мы с детьми шли заниматься в самую просторную комнату, выходящую окнами на север. В 11 часов мы закрывали ставни (был сезон сильной жары. — Г. С.) и при свечах читали по очереди до 4-х часов пополудни. Потом мы переодевались и в 5 часов обедали. После обеда еще час отводился на чтение...».⁸⁹ Е. Р. Дашкова была уверена, что «совместные чтения с сы-

Дворец М. И. Воронцова. Фото 1913 г. ЦГАКФФД.

ном в течение девяти недель принесли ему большую пользу и он успел прочесть все, на что молодому человеку понадобился бы год».⁹⁰

Уже во время путешествия по Европе Е. Р. Дашкова начала хлопотать о карьере сына. Из осторожности она отказывается от услуг графа Г. Г. Орлова, когда тот предлагает покровительство ее сыну в продвижении по службе, и обращается за поддержкой к князю Г. А. Потемкину. «...если бы ваша светлость, — пишет княгиня из Парижа, — соблаговолили снять с меня заботу, став покровителем моему сыну, ибо для меня существенно, чтобы по возвращении в Отечество он не имел бы несчастья сидеть в одной комнате с караульными, так как он не состоит в главном штабе. Устройте, милостивый государь, чтобы счастье быть вблизи своей великой государыни не соединилось для него с каким-либо унижением и огорчением».⁹¹

Тревогой за будущее сына наполнены все письма Е. Р. Дашковой на родину. «Великий князь (Павел Петрович. — Г. С.), — писала она из Пизы князю А. Б. Куракину, — не узнает своего крестника: настолько он вырос и возмужал. Если он будет осчастливлен покровительством великого князя, я не буду сожалеть, что недостаток значения нашего уважаемого Никиты Ивановича (Панина. — Г. С.) оставляет его без всякой опоры. Лыщу себя надеждой, что Его И. В. увидит, что он ничем не пренебрег, чтобы стать способным служить ему, когда-нибудь настолько же успешно, насколько он всегда будет усерден в своей службе».⁹²

Е. Р. Дашкову очень беспокоило молчание князя Потемкина, и она отправила письмо Екатерине II. «Я призналась, — вспоминала княгиня в „Записках“, — что гордость не позволяет мне думать, будто меня хотят унижить, однако я испытываю глубокое огорчение при мысли, что ей безразличны и мои дети, и я сама. Я умоляла императрицу успокоить меня на этот счет, повысив сына в чине и оказав ему покровительство. Ведь я приложила все возможное старание, чтобы дать ему образование с тем, чтобы он, отличаясь как рвением, так и способностями, смог стать полезным родине. С полной откровенностью я просила дать мне знать, на что я могу рассчитывать для сына, который составляет единственный предмет моих забот. Он не должен, вернувшись на родину, после всех почестей, какие ему всюду оказывали, почувствовать унижение из-за низкого чи-

на...».⁹³ Вскоре она получила доброжелательный ответ императрицы, который принес ей «истинное утешение». Летом 1782 г. Е. Р. Дашкова с детьми вернулась в Петербург.

«...чего не вынесет материнская любовь!»

Возвращение в Петербург было омрачено для Екатерины Романовны болезнью сына. Он заболел сильнейшей горячкой, бредил, и мать, опасаясь за его жизнь, проводит дни и ночи у его постели и в результате заболевает сама. Выздоровление княгини шло медленно и тяжело, что очень огорчает ее, так как откладывается встреча с императрицей, а следовательно, и продвижение сына по службе. Беспокойство за благополучное будущее сына заставляет княгиню забыть о собственном душевном и физическом состоянии: «Мне стоило больших усилий поехать, наконец, в Царское Село (к Екатерине II. — Г. С.). Я была еще очень слаба и, когда карету встряхивало чуть сильнее, вновь чувствовала боль во всех внутренностях, обливаясь холодным потом, и приказывала остановиться, чтобы передохнуть. Но чего не вынесет материнская любовь!» — признавалась на страницах своих «Записок» Е. Р. Дашкова.⁹⁴

Императрица встретила княгиню Дашкову с детьми с необыкновенным вниманием. 14 июня 1782 г. Павел Михайлович Дашков был назначен адъютантом князя Потемкина и уже через два дня произведен в капитан-поручики лейб-гвардии Семеновского полка. Брат Е. Р. Дашковой, всегда духовно далекий от сестры и часто недоброжелательный в оценках ее, С. Р. Воронцов писал в эти дни отцу: «Сестра Катерина Романовна была вчерась в Царском Селе с сыном и дочерью, была принята отменно милостиво, сын сегодня пожалован в капитаны — поручики гвардии. Он того достоин; ибо без пристрастия могу сказать, что столь доброго, милого, скромного и с большим знанием молодого человека я никогда не видывал; в нем есть много такого, что разделя на разных, много бы хороших людей составило».⁹⁵

В начале 1783 г. П. М. Дашков уехал вместе с Потемкиным на юг в действующую армию и в этом же году получил чин подполковника. «Разлука с сыном была для меня очень мучительной. Я не могла с ней свыкнуться, но постоянно жертвуя личными благами и радостями ради благо-

получия детей, согласилась на его отъезд в армию, потому что это было в интересах сына». ⁹⁶ Екатерина II пыталась поддержать Е. Р. Дашкову и советовала «призвать на помощь свое мужество и не принимать так близко к сердцу его отъезд». ⁹⁷

Летом 1785 г. князь Дашков ненадолго вернулся в Петербург. «Я была неописуемо рада еще и потому, что увидела его раньше, чем рассчитывала. Он пробыл недолго и возвратился в армию в чине полковника. Эта милость императрицы делала меня счастливой...». ⁹⁸

Княгиня-мать проявляла заботу и о финансовых делах сына. Она жила по-прежнему очень экономно, «желая поберечь деньги для сына, дабы быть в состоянии материально его поддержать». ⁹⁹ Вскоре она передала ему актом, утвержденным государыней, отцовское наследство и с гордостью могла констатировать, что сын «получил больше, чем его отец оставил обоим детям и мне, и ни копейки долга. Поэтому я могла сказать другим и, более того, себе самой, что неплохо справилась с попечительством над всеми именьями». ¹⁰⁰

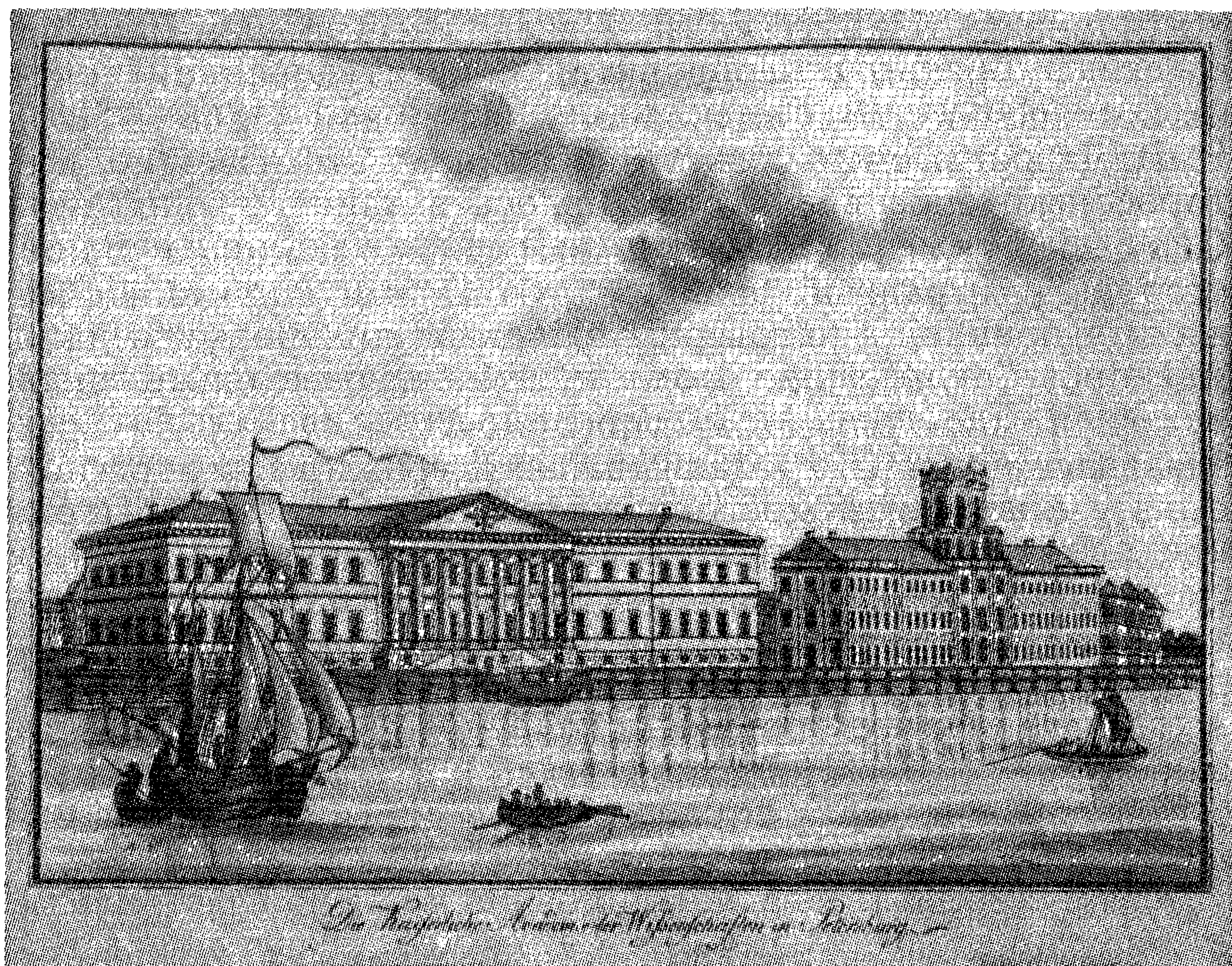
Княгиня постоянно ощущала отсутствие сына, часто говорила с окружающими об этом, писала о своих чувствах друзьям, например, профессору Робертсону в Эдинбург 17 августа 1786 г.: «Мой сын теперь в Киеве вместе со своим полком. Я получила от него письмо, составленное в весьма немногих выражениях, и поелику он здоров и несет свою службу, я не должна более сожалеть об его отсутствии, которое, кстати, продолжается уже 18 месяцев, а для страстно любящей матери 18 месяцев все же слишком много; но с тех пор я привыкла жить не для себя самой, но для друзей, и не позволю себе произнести хотя б один звук, чтобы призвать его назад, оторвав от обязанностей, к коим определен по службе». ¹⁰¹

Но если сына княгиня действительно старается не беспокоить, то князя Потемкина она не оставляет в покое и постоянно докучает мелкими и назойливыми просьбами. То она умоляет, чтобы полк, в котором служит ее сын, находился в «менее вредном климате»; то закликает держать его при себе, не позволять ему ни «отставать» от других, «ни метаться противу других в опасности»; то просит не брать с собой в Петербург, то отпустить из армии к ее именинам. ¹⁰²

14 января 1788 г. князь Павел Михайлович Дашков сочетался браком с неродовитой и нетитулованной дочерью купца Анной Семеновной Алферовой (1768—1809). Е. Р. Дашкова очень тяжело восприняла это известие, которое некоторое время сохранялось в тайне от княгини. Она была обижена как мать и как гордая женщина: с одной стороны — неравный брак, с другой, что, видимо, более всего огорчило, — недоверие. «Нервная лихорадка, печаль и скорбь, овладевшие моей душой, на несколько дней оставили мне лишь одну способность — плакать, — признавалась позже Е. Р. Дашкова. — Я сравнивала поступок сына с поведением моего мужа в отношении его матери, когда он решил жениться на мне. В благодарность за многие жертвы, принесенные детям, и за настойчивость, с которой я занималась воспитанием сына, он, казалось бы, должен был проявить ко мне более доверия и почтения. Я всегда думала, что больше, нежели моя свекровь, заслуживаю дружбу и уважения своих детей и что мой сын посоветуется со мной, делая столь серьезный и решающий для нашего общего счастья шаг, как женитьба».¹⁰³

Супружество Павла Михайловича не было счастливым, и супруги недолго жили вместе. Видимо, справедливо замечание современника, писателя-мемуариста Ф. Ф. Вигеля (1786—1856) о том, что князь Дашков «долго не задумался, взял да и женился, не быв даже серьезно влюблен».¹⁰⁴ Екатерина Романовна не желала признавать семью сына и свою невестку увидела впервые только после смерти сына в 1807 г., т. е. спустя 19 лет после их свадьбы.

Время после женитьбы сына было, видимо, самым печальным в жизни княгини. Ею полностью овладели «черные мысли» и невыразимая тоска по детям вместе с тяжелым чувством одиночества и унижения. «Только милость Божья помогала мне справляться с ними, ибо с того момента, как я осознала, что покинута детьми, жизнь стала для меня бременем и я отдала бы ее без борьбы и сожаления первому встречному, который захотел ее оборвать», — писала с горечью княгиня в своих «Записках».¹⁰⁵ Биографы Е. Р. Дашковой обычно указывают, что отношения княгини с сыном после его женитьбы были «совершенно порваны».¹⁰⁶ Но чего не вынесет материнская любовь! И очень скоро на страницах «Записок» и в письмах к брату А. Р. Воронцову вновь появляется сын, беспокойство за него, рассказ о решении его проблем. И это неудивительно,

Здание Академии наук. Гравюра. Конец XVIII в.

«поскольку никто и никакая страсть не вытеснили их (детей. — Г. С.) из моего сердца», — признавалась княгиня.¹⁰⁷

1787 и 1788 гг. князь Дашков провел в армии, которая стояла в Польше, Молдавии и Бессарабии; в апреле 1789 г. был произведен в бригадиры; участвовал во взятии Измаила и Бендер; с декабря 1789 г. служил в Киеве, где 5 февраля 1790 г. произведен в генерал-майоры.¹⁰⁸ Известны воспоминания генерал-майора Л. Н. Энгельгардта (1766—1836), служившего под командованием Павла Михайловича, выставляющие князя беспечным и недостаточно серьезным командиром: «При командовании полком князем Дашковым солдаты во многом претерпевали нужды, для продовольствия провианта и фуража он и принимал деньги и задерживал их; то же случалось и с жалованием; хотя через некоторое время оно и отдавалось, но не в свое время, лошади худо были накормлены, от чего в походах в Польше бралось множество подвод, почему беспрестанно на полк

были жалобы, а во время кампании к полковому обозу наряжались солдаты, чтобы в трудных местах пособлять взводить на горы. Чтобы нижние чины не роптали, князь дал поползновение к воровству, чем, по времени, Сибирский полк получил дурную молву; полковник имел пристрастие к некоторым офицерам, зато другие были в загоне и претерпевали разные несправедливости». ¹⁰⁹

Кончина императрицы Екатерины II и воцарение Павла принесли блестящее положение при дворе сыну и опалу матери. «Хотя я страстно желала уехать за границу, — писала Е. Р. Дашкова, — но моя любовь к сыну препятствовала этому. Его дела были расстроены, он о них не заботился. Если бы я не прилагала постоянных усилий к приумножению собственных доходов, долги, особенно в мое отсутствие, довели бы состояние сына до положения более чем посредственного». ¹¹⁰ Известно, что в июле 1799 г. княгиня передала сыну 9 тыс. р., а в октябре — 24 тыс. для уплаты долгов. ¹¹¹

4 января 1798 г. Павел Дашков был произведен в генерал-лейтенанты; он пользовался доверием и благосклонностью императора. Но княгиня, зная переменчивый характер государя, очень беспокоилась за сына: «Я не знала покоя ни днем ни ночью, даже во сне сын виделся мне сосланным в Сибирь. В письмах к брату и друзьям я просила поскорее сообщить мне о нем, и даже несмотря на их заверения, что он назначен командиром полка (14 марта 1798 г. назначен военным губернатором Киева. — Г. С.), я не могла успокоиться полностью». ¹¹²

Внутренне осознавая беспокойство матери, 28 апреля 1798 г. сын отправляет ей письмо. «Дорогая матушка... Я теперь военный наместник Киева и инспектор дивизии Украины... Новое назначение создало мне множество завистников...»; далее тридцатилетний сын с горечью сообщает о зависти и злобе, которые окружают его при дворе, рассказывает об анонимном письме, полученном императором, в котором Павлу Дашкову приписываются «все возможные пороки и самые мятежные идеи», и о том, как император великодушно сжег письмо. «Это очень мило с его стороны, — с грустью продолжает он письмо, — но ненависть остается, и я могу в один прекрасный день оказаться ее невинной жертвой. Это верно, что я родился под плохой звездой, и никогда не буду наслаждаться счастьем...». ¹¹³

Павла Михайловича печалила опала матери. Он очень хотел выпросить у государя позволение на возвращение княгини из ссылки и не раз обращался с этим к великому князю Александру Павловичу, президенту Академии наук барону А. Л. Николаи, а через них — к императрице Марии Федоровне и фаворитке императора Е. И. Нелидовой. И лишь 13 апреля 1798 г. Павел дал разрешение Е. Р. Дашковой вернуться в Троицкое и бывать в Москве в отсутствие там царского двора.

Доброжелательное расположение царя оказалось непрочным и недолгим: 24 октября 1798 г. князь Дашков — кавалер ордена св. Александра Невского, в чине генерал-лейтенанта ушел в отставку и удалился в свое Тамбовское имение. При императоре Александре I он возвращается в Москву, где открыто живет со своей любовницей и продолжает службу в качестве предводителя дворянства Московской губернии. 17 января 1807 г. князь Павел Михайлович Дашков внезапно умер 43 лет от роду. Судьба не пощадила Е. Р. Дашкову и на склоне лет. Ей суждено было пережить смерть сына.

Сохранились немногочисленные, но любопытные воспоминания современников о П. М. Дашкове. Один из известных русских библиофилов первой половины XIX в. В. Г. Анастасевич (1775—1845), который начинал свою карьеру в полку под командованием князя, рассказывал, что Дашков хранил и всюду возил с собой конспекты лекций, прослушанных им в Эдинбургском университете, и позволял Анастасевичу пользоваться записями своих лекций.¹¹⁴ Генерал-майор Л. Н. Энгельгардт вспоминал, что Дашков в условиях сложной военной жизни имел при себе библиотеку, из которой Энгельгардт прочел «много тактических книг».¹¹⁵ Вице-губернатор Бессарабии Ф. Ф. Вигель свидетельствовал, что князь был красивый видный мужчина, добрый, беспечный, веселый и «страстный охотник до танцев».¹¹⁶ Многие англичане, побывавшие в России, познакомились с ним и, как правило, находили его «чрезвычайно образованным и весьма благородным молодым человеком», хотя, как намекнул Джереми Бентам, он «был слишком волен в речах и обуреваем тщеславием».¹¹⁷

Самые подробные отзывы о П. М. Дашкове содержатся в письмах и дневнике сестер Марты и Кэтрин Вильмот, гостивших у княгини несколько лет в начале XIX в. Марта в письме к матери 22 декабря 1803 г. писала: «Князь Дашков

ко мне весьма благосклонен. В России он один из наиболее уважаемых людей, с кем мне пришлось встречаться; у него безупречная репутация, и беседовать с ним интересно. Полученное воспитание и принципы, внушенные ему с детства, заложили основы его характера, не испорченного дурными примерами, что является участью немногих». ¹¹⁸

В других письмах на родину Марта рассказывала о встречах и беседах с князем, о его остроумии, о склонностях ко всякому роду удовольствий и о любви к танцам. Так, Марта в письме другу 9 апреля 1804 г. рассказывает об обеде с грузинским архиепископом в Чудовом мужском монастыре Московского Кремля и сообщает, что «всем очень понравился князь Дашков. Вообще, где бы он ни был — дома или за границей, — с первого же знакомства князь всюду становился любимцем людей различных слоев общества». ¹¹⁹ А письмо отцу 3 января 1804 г. полностью посвящено выборам московского губернского предводителя дворянства: «Вчера князь Дашков получил от московского дворянства чрезвычайно лестное доказательство любви и уважения... Три года назад князь Дашков был избран предводителем московского дворянства. Вчера срок его полномочий истек, и были назначены новые выборы... Князь намеревался уйти в отставку, но все со слезами на глазах стали упрашивать его вновь принять должность, которую он исполнял с таким достоинством и благородством. Князь действительно благороднейшее существо, сверх того он обладает деликатностью, что свойственно лишь значительным личностям. Никогда не скажет он того, что может кого-либо задеть или обидеть. Общеизвестна его храбрость, но я видела, как трогательная музыка взволновала его до слез». ¹²⁰

Сестры Вильмот сумели понять сложные и запутанные отношения в семье Дашковых и старались смягчить мучительное и острейшее чувство горя, вызванное неожиданной смертью П. М. Дашкова. Вспоминая о князе как о человеке, находившемся в расцвете сил и «полном любви к миру», Марта записала в дневнике 22 января 1807 г., через несколько дней после этого ужасного события: «У князя Дашкова были недостатки, и достаточно серьезные, но если человечество имело когда-нибудь друга, то это был он. Князь был необыкновенно чуток к переживаниям и горестям других людей, я никогда не слышала, чтобы он отказывался облегчить чью-то участь и искренне не сочувствовал им, кому не мог помочь. Не стану разбирать, в чем его вина.

Жестокое стечение обстоятельств разлучило его с матерью. Сын так и не узнал, что перед смертью получил материнское благословение, так как был без чувств, — и это еще усугубляет сожаление о случившемся». ¹²¹

Даже много лет спустя после его смерти князь П. А. Вяземский в письме 2 ноября 1818 г. однофамильцу Павла Михайловича литератору Д. В. Дашкову писал: «Вам уже не впервые возиться с собаками (речь идет о литературных критиках. — Г. С.). Не одна поджала от вас хвост. Вы — как покойный князь Дашков (это, видимо, какой-нибудь талисман, скрытый в таинственном имени вашем), который выходил обезоруженным на самых злых собак и, смотря им прямо в глаза, усмирял их злость и заставлял их ласкаться около него». ¹²²

Все вышесказанное о Павле Михайловиче Дашкове, очевидно, позволяет нам с определенным сомнением отнестись к весьма невысоким и весьма нелестным оценкам его личности в исторической литературе. ¹²³ Новые документы, а также более глубокое изучение уже известных источников, должны развеять различные искажения и неточности и позволят с большим доверием оценить педагогические способности княгини.

«...о самой мучительной душевной боли,
какую мне пришлось пережить в жизни»

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Е. Р. Дашковой и вызваны поступками дочери. ¹²⁴

Известно, что излишняя родительская любовь может так же навредить в деле воспитания, как и ее отсутствие. Чрезмерная любовь вносит деспотический элемент в процесс воспитания. Рачительные родители лучше других знают, как следует поступать их детям, что им нужно; принимают за них решения, и когда они еще маленькие, и когда уже взрослые. Они боятся недоучить ребенка, боятся, что ребенок останется глупым, что станет позорить родителей своей глупостью, что по своей неумелости окажется не приспособленным к жизни, что навлечет несчастья на себя и других... Родительским страхам нет конца. Коротко можно сказать, что родители боятся оказаться плохими родителями. Но ребенок подрастает, и чрезмерно заботливые родители навязывают свою помощь, прежде чем у ребенка воз-

никает в этом необходимость, и не дают развиваться умению распознавать хорошее и плохое.

Княгиня Дашкова, видимо, принадлежала к тем матерям, которые во имя добра хотят прожить жизнь детей за них.

Дочь Анастасия родилась в 1760 г. и была слабого здоровья. В «Записках» княгиня довольно часто упоминает о болезнях детей и признает, что девочка «физически была развита плохо».¹²⁵

Анастасия Михайловна получила блестящее домашнее воспитание под руководством Е. Р. Дашковой. Когда девочке исполнилось 16 лет, мать спешно выдает ее замуж, так как надолго собирается покинуть Россию. В мужа дочери был выбран бригадир Андрей Евдокимович Щербинин. «Под влиянием плохого обращения с ним родителей у него сложился меланхолический характер, но человек он был добрый», — писала Е. Р. Дашкова.¹²⁶ Правда, княгиня признавалась, что «Щербинин не был таким мужем, какого я желала бы для своей дочери, но этот брак давал то неоспоримое преимущество, что дочь оставалась при мне и я могла за ней присматривать».¹²⁷

В связи с этим вспоминается реплика госпожи Решимовой из дашковской пьесы «Тоисиоков»: «Оставь мне определить твой жребий, ложись на меня, пусть я за тебя решу».¹²⁸ Пожалуй, именно эти слова отражают главное в отношениях матери и дочери.

Княгиня не расставалась с уже замужней дочерью ни в годы обучения сына в Эдинбургском университете, ни во время путешествия по Европе. Хорошо известно, какие нежные чувства питала она к сыну, видимо, это тоже наложило отпечаток на взаимоотношения в семье. К тому же не оправдались надежды матери «на тихую и безмятежную жизнь» дочери в замужестве. Щербинины подолгу жили врозь, часто скандалили и периодически расходились.

После смерти отца Щербинин получил большое наследство. Несмотря на все уговоры матери, Анастасия Михайловна решила вернуться к мужу. «Все, что могли продиктовать доброе расположение и нежность, я употребила, чтобы образумить ее. Мольба, слезы и жгучая печаль, граничившая с отчаянием, довели меня до болезни. ...Я помнила только о горе, причиненном покинувшей меня дочерью... Все, что произошло потом, я предвидела и, зная расточительность моей дочери, понимала, к каким пагуб-

ным затруднениям это вскоре ее приведет». ¹²⁹ Решение о примирении с мужем осудила и тетка Е. Р. Полянская в письме к брату С. Р. Воронцову 19 марта 1784 г. ¹³⁰ «Если бы ты видел, — писала Екатерина Романовна старшему брату А. Р. Воронцову, — в каком состоянии я нахожусь в настоящую минуту, ты бы за меня испугался». ¹³¹

Известно, как тяжело Е. Р. Дашкова переживала женитьбу сына, но «в следующем году, — призналась она, — стало еще хуже». ¹³² Дело в том, что княгиня узнала о долгах дочери, о том, что она попала под надзор полиции, ей запрещен выезд из Петербурга, к тому же доктор сообщил, что Анастасия Михайловна очень больна и ее здоровье находится в опасности. Сердце княгини разрывалось от боли и горечи. Е. Р. Дашкова приняла на себя все обязательства по выплате долгов дочери, дала ей 14 тыс. рублей и отправила на воды в Ахен. Условились, что после курса лечения дочь вернется к матери. Вместо этого по окончании сезона на водах А. М. Щербинина поехала в Вену, оттуда в Варшаву, истратила все деньги и сделала много новых долгов. «Я была в отчаянье, — с горечью писала Екатерина Романовна, — от крайней склонности моей дочери подвергать себя неприятностям и тем огорчать свою любящую мать, так великодушно простившую причиненные ей страдания». ¹³³ И княгиня снова оплачивает долги дочери. Императрица, зная о тягостных и мрачных отношениях между Е. Р. Дашковой и детьми, с пониманием написала ей: «Верьте, что я вполне сочувствую Вашим душевным и телесным страданиям». ¹³⁴

В декабре 1796 г., когда княгиня получила известие о ссылке, дочь жила у матери. Е. Р. Дашкова вспоминала, что эта ужасная новость потрясла дочь: «Она обняла мои колени и плакала». ¹³⁵ Анастасия Михайловна отправилась с княгиней в ссылку, находилась при ней неотлучно и провела более года в суровой обстановке. Но даже там мать и дочь не могли жить мирно и спокойно. После возвращения из ссылки в Троицкое весной 1798 г. отношения не стали теплее и душевнее. Дочь скандалила, беспорядочно тратила деньги, делала долги... Е. Р. Дашкова писала по начальству, поручалась, выкупала, оплачивала долги, страдала, надеялась...

9 апреля 1802 г. княгиня написала брату А. Р. Воронцову: «Наконец-то дочь моя со мной; я этому тем более счастлива, что чувствую себя очень плохо последние две недели

и так ослабела, что едва могу добрести до сада. Прилагаю письмо от нее к тебе». ¹³⁶ А вот письмо от 30 ноября 1803 г.: «Ты увидишь в Петербурге мою дочь. Шесть лет после того, как я заплатила все ее долги, Чихачев вдруг предъявил претензию на 10 тыс. и через шесть недель продали часть ее имения. Боюсь тебя обидеть, дорогой друг, если стану просить тебя помочь ей; зная тебя, я верю, милый друг, что ты любишь моих детей, которые мне дороже жизни». ¹³⁷

Кэтрин Вильмот познакомилась с А. М. Щербининой в августе 1805 г. в Петербурге, куда она прибыла из Англии. «Вскоре после моего приезда меня посетила госпожа Щербинина, — писала Кэтрин на родину 27 августа 1805 г. — Ей за сорок, она жалуется на миллион недугов, но являет собой образец здоровья. Госпожа Щербинина — умная женщина, хорошо знает языки и *мастерица тонко польстит собеседнику*. Далеко не каждая англичанка может так хорошо выразить свои мысли по-английски, как она. Эта дама заставила меня трижды отобедать у нее, предложила карету и слуг для поездки в Москву, от чего я сочла своим долгом отказаться; мы часами гуляли наедине в общественных парках, поистине ее учтивость безгранична. Поскольку госпожа Щербинина с матерью *на ножах*, та не писала ей обо мне, разве не смешно?». ¹³⁸ Анастасия Михайловна очень хотела завоевать расположение Кэтрин, которая еще не была лично знакома с княгиней и только собиралась отправиться в Москву. Они вместе обедали, осматривали российскую столицу, а перед отъездом Щербинина подарила Кэтрин 5 пар комнатных туфель с серебряной отделкой.

У Е. Р. Дашковой с июня 1803 г. уже гостила младшая сестра Кэтрин Вильмот — Марта, с которой у княгини были связаны самые светлые минуты в последние годы жизни. Две сестры-англичанки Вильмот и племянница А. П. Исленьева (1770—1847) смогли создать в доме княгини дружескую и доверительную обстановку и помогли пережить многие тягостные дни. Это очень раздражало и злило дочь, вызывая, как заметила Марта в дневнике 11 июля 1807 г., «неприкрытую враждебность и ревность». ¹³⁹ Эти чувства подтолкнули Щербинину, особо «ненавидящую» Марту Вильмот, к чудовищно-безобразному поведению во время похорон П. М. Дашкова. Щербинина в истерике кричала в церкви: «Не позволяйте этим английским чудовищам приближаться к нему!» — и пыталась отстранить Марту от гроба при последнем прощании. «Непостижимо, — записала

Марта в дневнике после похорон, — что человеческое существо, тем более сестра, может так поступать, да еще в такой момент! Но так оно и было, и очевидно, что целью госпожи Щербининой было оскорбить свою мать: я поняла это по ее лицу». ¹⁴⁰

Узнав о случившемся, Е. Р. Дашкова, убитая горем, написала дочери письмо, видимо, последнее: «...вся церковь была потрясаема бешеным твоим голосом, все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение умерить мать слухом сего безбожного исступления; вся Москва с отвращением имя твое поминает. Я тебе прощала семь раз, что только едва ангел милосердия простить мог... сие возмущение, каковое ты желала произвести, приказание, которое ты раздавала людям моим, и разные клеветы, которые ты тщетно хотела утверждать в Москве, доказывают, что противу тебя пора уже мне предостеречься». ¹⁴¹

Е. Р. Дашкова лишила свою «мучительницу»-дочь наследства и запретила впускать к себе даже для последнего прощания: «...в дом мой, ей не принадлежащий, не пуска́ть, а ежели предлог будет сказывать, что телу моему последний долг хочет отдать, то назначить ей церковь, где будет тело мое стоять». ¹⁴²

«Любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель»

Е. Р. Дашкова была знакома со многими достижениями педагогической науки XVIII в., особенно симпатизировала взглядам английского философа и педагога Джона Локка (1632—1704). Взгляды на вопросы воспитания вписываются в духовную атмосферу эпохи Просвещения. Свою педагогическую программу она наиболее полно изложила в статьях «О смысле слова „воспитание“», «О истинном благополучии», опубликованных в журнале «Собеседник любителей русского слова»; ¹⁴³ «О добродетели», «Да будут русские русскими» — в журнале «Новые ежемесячные сочинения», ¹⁴⁴ а также в письмах к ректору Эдинбургского университета В. Робертсону и сестрам Вильмот. ¹⁴⁵

Воспитание Е. Р. Дашкова рассматривала как главный фактор формирования человеческой личности. Правильно поставленное, оно создает человека с высокими общественными интересами и нравственными стремлениями.

Основной тезис ее концепции воспитания состоит в том, что единственным источником благополучия человека и общества является добродетель, т. е. «то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям полезным нам самим, ближним нашим и обществу».¹⁴⁶ По убеждению княгини, добродетелью, которая «совершенна и изящна», «непременна, неподвижна» во все времена, является *справедливость*. «...когда бы человек мог, — писала она в статье «О добродетели», — о любящих и ненавидящих его, равно как о себе самом, всегда без пристрастия судить, если бы свои дела всегда судил справедливо, тогда бы все другие добродетели для него не тягостны были; не считал бы тогда жертвою то, что понимал бы должностью себе; и практические добродетели обыкновенными и естественными ему бы казались».¹⁴⁷ Екатерина Романовна предложила учредить ежегодную премию за лучшее сочинение в стихах или прозе, посвященное добродетели.¹⁴⁸

Интересны рассуждения княгини о нравственных качествах человека. Она была убеждена, что воспитанный человек должен быть справедлив, честен, человеколюбив, благоразумен, великодушен, смирен, благороден, умерен, кроток, терпелив и снисходителен. «Сии особенные добродетели рождают *благодравие*, которое стесняет и утверждает общественный союз и без которого народы благоденствовать не могут».¹⁴⁹ В «Записной книжке» Е. Р. Дашкова продолжает эту тему и перечисляет непрменные качества отдельных граждан. Воину прежде всего необходимы «неустрасимость в опасностях, неутомимость в трудах, мужество и твердость во всех случаях»; судье — «просвещение, справедливость, осторожность, бескорыстность и твердость»; купцу — «порядок, правдивость и осторожность». Лучшим украшением женщины, по мнению Е. Р. Дашковой, является «скромность, стыдливость, прилепленность к нравственности, блюдение хозяйства, нежность сердца и домоседство».¹⁵⁰

В статьях «Искреннее сожаление»,¹⁵¹ «Записки разносчика»,¹⁵² «Вечеринка»,¹⁵³ «Картины моей родни...»,¹⁵⁴ «Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий»¹⁵⁵ Е. Р. Дашкова показала пороки тогдашней русской жизни: праздность, пьянство, ложь, скудость духовных запросов, явное пренебрежение к просвещению, презрительное отношение к отечественной культуре.

Большая часть заметок и рассуждений Е. Р. Дашковой была направлена на осуждение чрезмерного увлечения российского общества французским «модным ветренным воспитанием». Дашкова считает не только не полезным, но и вредным желание родителей «воспитать детей своих как-нибудь, только чтоб не по-русски, чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян». Подобно М. В. Ломоносову и Н. И. Новикову, она стремилась к распространению просвещения на национальной основе, осуждая дворян за глупый обычай приглашать в свои семьи воспитателей и учителей из иностранцев, которые нередко сами были круглыми невеждами, но умели очень ловко вводить в заблуждение русских. Она порицала и сложившуюся практику посылки дворянских сынков для учения за границу, когда те получали мало знаний, зато быстро учились умению прожигать жизнь. Для противодействия иностранному влиянию Е. Р. Дашкова советует употреблять нравственное прививание, т. е. воспитание. «...отцам и матерям, заняв места французского учителя и мадам, воспитывая детей верноподданными русскими, учить их страха Божия, верности к государю и приверженности неограниченной к Отечеству: вот прививание нравственное, которое час от часу по мере разврата и распространяющегося мартышества французского нужно нам».¹⁵⁶ И далее в «Письме к издателю „Русского вестника“» она иронически замечает: «Если вместо важного, почтительного или по воле благосклонного и благоприятного русского поклона введен чужеземцами обычай приседать по-французски, я спрошу, просветились ли мы чрез то...».¹⁵⁷

Любовь к Отечеству и уважение к историческому прошлому России Е. Р. Дашкова пронесла через всю жизнь. Патриотическими устремлениями пронизаны многие ее сочинения. «Любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель», — неоднократно повторяла княгиня.¹⁵⁸ Эта тема была продолжена в письме в редакцию «Новых ежемесячных сочинений» в 1792 г.: «...да будут русские русскими, а не подражателями дурного подлинника; да будем всегда патриотами; да сохраним нрав праотцов наших, которые всегда были непоколебимы в вере христианской и верности к своему государю; и да возлюбим Россию и русских паче чужестранцев!».¹⁵⁹

Главная цель воспитания, по мнению Е. Р. Дашковой, заключается в том, чтобы вкоренить «в нежные сердца»

воспитанников «любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и гражданским», уважение к родителям, «омерзение к эгоизму» и убеждение в той истине, «что благополучным быть невозможно, когда не исполнишь долгу звания своего». ¹⁶⁰

Е. Р. Дашкова понимала, что процесс воспитания начинается в семье, подчеркивала, что успех семейного воспитания во многом зависит от образа жизни самих родителей, которые являются ближайшим примером для детей. Если этот пример положителен, то он будет способствовать «доброму» воспитанию, и наоборот. Она настойчиво призывала родителей создать такой «образ жизни», который служил бы прекрасным образцом для детей.

В статье «О смысле слова „воспитание“» автор предлагает некоторые аксиомы, которые, по ее мнению, необходимо знать родителям и воспитателям:

«Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность... без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство...

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков...». ¹⁶¹

«Истинное или совершенное» воспитание, по мнению Е. Р. Дашковой, состоит из трех главных частей: воспитание физическое, «касающееся до одного тела», нравственное, «имеющее предметом образование сердца», и наконец, школьное, или классическое, «занимающееся просвещением или образованием разума». ¹⁶² Между этими частями существует взаимная связь и зависимость.

Физическое воспитание ребенка Е. Р. Дашкова рассматривала как важнейшее условие формирования его личности, «ибо трудно себя ласкать надеждою от истощенного и слабого тела увидеть действия великого духа, кои всегда с трудами, а нередко и с опасностью соединены бывают». ¹⁶³ Удовлетворение потребностей ребенка в уходе, пище, одежде, сне, а также развитие физических сил организма ребенка — вот что, по ее мнению, должно составлять физическое воспитание.

Нравственное воспитание занимало особое место в педагогической программе Е. Р. Дашковой. Оно выполня-

ется, «когда детей к терпению, к благосклонности и к благо разумному повиновению» приучают и формируют убеждение, что «правила чести есть закон, коему подчиняются все степени и состояния».¹⁶⁴ Нравственное воспитание, по мнению княгини, основывается «на правилах закона, на любви к Отечеству и на собственном к себе почитании, как народ сильный, храбрый и отличающий себя от других нравственностью и многими добродетелями».¹⁶⁵

Нравственное воспитание детей она стремилась сочетать с религией, так как видела основание добродетели в христианском учении. Многие ее советы и указания по нравственному воспитанию имели исходным началом христианское учение.

Обучение занимало в педагогической теории Е. Р. Дашковой по существу последнее место. Я «более озабочена нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний», — писала Екатерина Романовна 9 октября 1776 г. В. Робертсону.¹⁶⁶ Это было в духе идей века Просвещения. Такого же расположения воспитательных начал вслед за Д. Локком придерживались И. И. Бецкой и Н. И. Новиков.

В статье «О смысле слова „воспитание“» княгиня раскрывает содержание школьного воспитания.¹⁶⁷ Оно должно начинаться, по мысли Е. Р. Дашковой, с обязательного изучения «природного языка». Латинский и греческий следует учить «для почерпания в зрелых летах красот и высоких мыслей», немецкий, английский и французские языки — для общения с иностранцами. «Необходимо нужна каждому человеку», считает Е. Р. Дашкова, и арифметика.

Используя свое знакомство с учебным планом Эдинбургского университета, Е. Р. Дашкова предлагает максимально насыщенную программу обучения юношества, включающую логику, риторику, историю, географию, высшую математику, нравственную философию, юриспруденцию, естественную философию, экспериментальную физику и химию.¹⁶⁸

И как бы подводя черту под своими рассуждениями «О смысле слова „воспитание“», Е. Р. Дашкова замечает: «...испытание нас сильнее убеждает, нежели какие предписания или книги нас уверить удобны».¹⁶⁹

Е. Р. Дашкова считала, что «для совершенного воспитания человеку, готовящемуся быть полезным обществу»,

непрерывно следует совершить путешествие. Действительно, ничто так сильно не действует на воображение и ничто так глубоко и прочно не западает в душу, как непосредственное созерцание разнообразия природы и жизни народов. Главная цель такого познавательного путешествия, по мнению Е. Р. Дашковой, «не упускать ни одного удобного случая для приобретения знания».¹⁷⁰ Княгиня написала специальное наставление, в котором отмечала, что главным средством «умного путешествия» является постоянное внимание, и попыталась определить предметы познания во время поездки, к которым она относилась: «...свойство и форма правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговля; географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий».¹⁷¹ Для путешествия она отводила два года. Главным итогом такого странствия княгиня считала полезные знания, которые необходимы для того, чтобы «сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего Отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны».¹⁷²

Е. Р. Дашкова как человек много путешествовавший разработала своеобразный кодекс путешественника и опубликовала его на страницах журнала «Собеседник любителей русского слова».¹⁷³ Он состоит из 5 правил. Первое, что рекомендовала княгиня, это «гордость свою и с чинами оставить дома», второе — не полагаться на внешний вид, который «часто молодых людей обольщает». Третье правило гласит: «Благоразумный путешествующий стараться должен отличать себя поступками, поведением и душевными дарованиями, а не нарядами, экипажами или богатством». Из этого логично вытекает четвертое правило — экономия средств. Пятое правило касалось отношений с распутными женщинами, которых следовало опасаться.

Высказывая свои соображения о содержании воспитания, Е. Р. Дашкова часто пытается их сформулировать в виде нравоучительного или назидательного афоризма. И такие краткие выразительные изречения встречаются во многих ее сочинениях. Вот некоторые из этих высказываний: «Отечество мое да будет мне всегда драгоценно»,¹⁷⁴ «Не унывайте в бедствиях, а в счастье надменностью не за-

ражайтесь»,¹⁷⁵ «Умеренность в желаниях более всего удобна доставить независимость»¹⁷⁶ и др.

Интерес Е. Р. Дашковой к вопросам воспитания и обучения юношества проявлялся и во время путешествий по России и Европе. В ее сочинениях, записках, письмах встречаются описания учебных заведений, которые она посещала, среди них Киево-Могилянская академия, Оксфордский и Эдинбургский университеты. Она старалась использовать опыт европейских учебных заведений при организации учебной деятельности Академии наук.

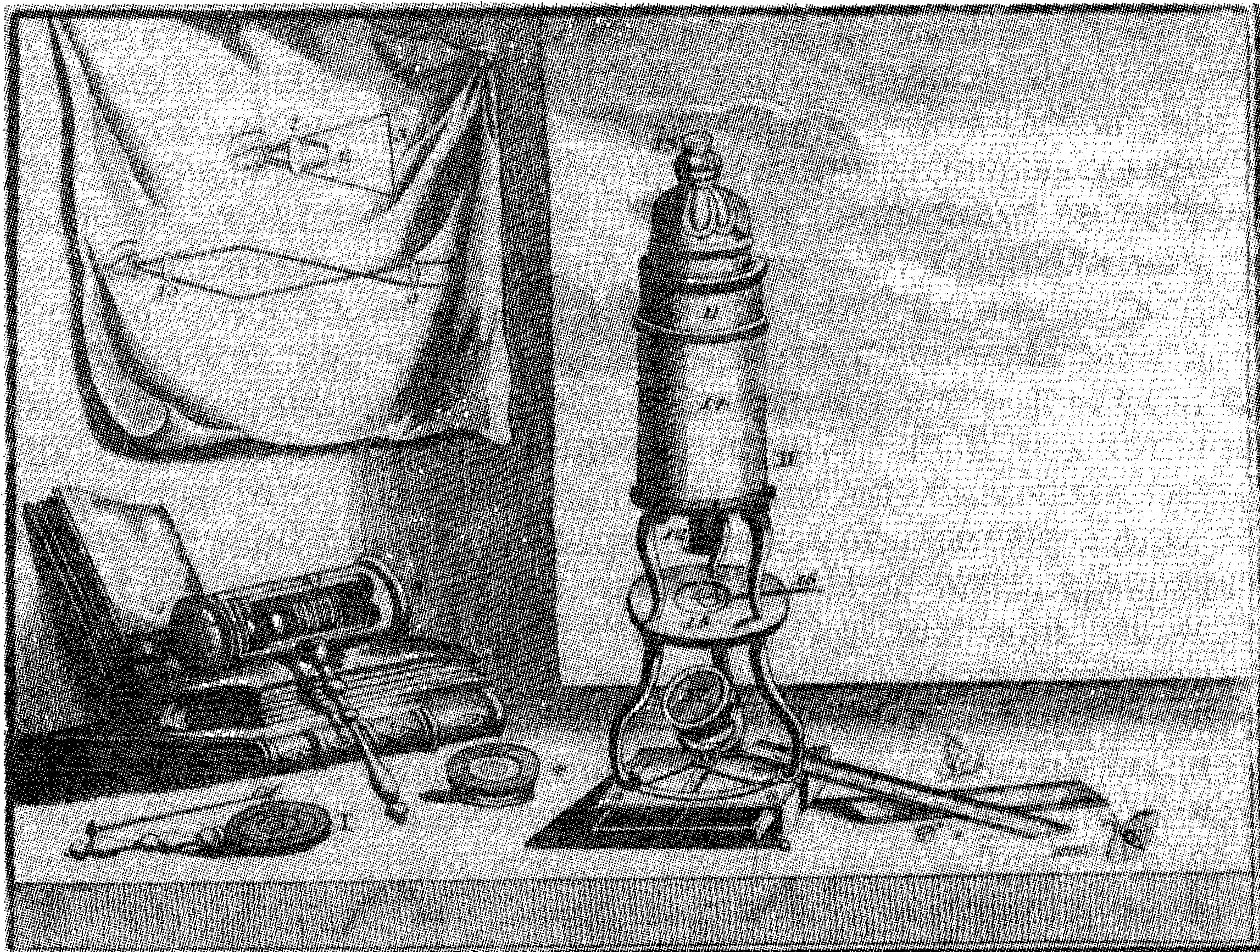
Любопытно замечание Е. Р. Дашковой о Смольном институте благородных девиц — любимом детище Екатерины II. В статье «Моя записная книжка» княгиня приводит восторженный отзыв об одной из воспитанниц этого учебного заведения. «...разговаривая с нею, нашел я в ней столько благоразумия, скромности, знания и хорошего во всем вкуса, что не мог мысленно не похвалить того места, в котором почерпнула она с отличным сим воспитанием толь изящные нравы, и не восчувствовать в душе моей благодарности к соорудителю сего места перерождения; ибо, по моему мнению, доброе воспитание перерождает человека, изводя его из обыкновенного состояния людей, и подает ему истинные способы быть полезным самому себе и обществу».¹⁷⁷

Е. Р. Дашкова сознавала необходимость создания в России государственной системы образования. Ее суждения о содержании и формах воспитания и образования были созвучны основным идеям и направлениям деятельности созданной Екатериной II в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ, которая при поддержке и энергичной помощи Академии наук и ее директора — Е. Р. Дашковой — провела в 80—90-е гг. широкую школьную реформу.¹⁷⁸

Петербургская Академия наук принимала участие в написании оригинальных учебных пособий на русском языке и переводах иностранных сочинений. 4 октября 1782 г. Комиссия об учреждении народных училищ обратилась в Академию наук с просьбой перевести некоторые австрийские учебники на русский язык в надежде, что «книги сии могут переведены быть исправнее от людей, науки сии разумеющих».¹⁷⁹ И лишь только после назначения директором Е. Р. Дашковой, по ее инициативе, в марте 1783 г. приступили к переводам.¹⁸⁰

Как истинный просветитель Е. Р. Дашкова старалась поддержать молодых соотечественников в их стремлениях к получению образования. В Риме, встретив молодого художника, воспитанника Петербургской Академии художеств, она добилась для него разрешения изучать и копировать картины итальянских художников, находящихся в дворцах вельмож.¹⁸¹ Во время пребывания в Эдинбурге она не раз оказывала протекцию и поддержку русским студентам, учившимся в Шотландии. Ивану Шешковскому, который должен был слушать лекции вместе с Павлом Дашковым, княгиня составила план обучения, поведения и расходов, рекомендовала его профессорам, 5 недель он жил в доме Дашковых. Но, правда, вскоре забросил занятия и проводил время в праздности.¹⁸² Пользовался покровительством княгини и студент-медик Евстафий Зверев, оказавшийся в отчаянном положении в Эдинбурге. «Жалость, коя главный состав в моральной части моего существа, — писала Е. Р. Дашкова настоятелю русской церкви в Лондоне А. А. Самборскому, — не дозволила мне оставить умирать голодной смертью бедного Зверева. Лихорадка и не имея пищи, кроме земляных яблок, его совсем почти сломила с ног. Я ему дозволила перейти жить у меня, почему он ни за квартиру, ни за пищу платить не будет; денег я дать не в состоянии, потому что и маленькие наши доходы не присылаются, а пока имею угол и краюху хлеба, всегда с удовольствием с земляком разделю, каков бы человек он ни был».¹⁸³

У Е. Р. Дашковой было множество племянниц и племянников, и о всех она заботилась и способствовала продвижению по службе. Кроме того, в доме княгини постоянно жили и воспитывались дети бедных (а иногда и отнюдь не бедных) близких и дальних родственников. Повседневное общение с княгиней, «присутствие при ее жизни» (если так можно сказать), внимание и забота, атмосфера уважения и взаимопонимания, которая царила в доме Е. Р. Дашковой, безусловно, оказывали влияние на формирование характера воспитанников. Они сохранили самые добрые воспоминания о годах детства и юности, испытывали признательность за заботу и оказывали внимание и почтение княгине на протяжении всей своей жизни. Вот как Марта Вильмот описывает особую манеру общения Е. Р. Дашковой с детьми в своем дневнике 27 июня 1808 г.: «...с детьми она часто общается, как со взрослыми, требуя от них

Увеличительное стекло. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1784. Ч. 1. № 39).

такого же ума, понимания и увлечений, которые занимают ее собственные мысли, и ее разум как бы стремится состязаться с их разумом».¹⁸⁴

Более 10 лет жила в доме княгини и вела всю деловую переписку Анна Петровна Исленьева. Видимо, здесь она познакомилась со своим будущим мужем А. Ф. Малиновским. На месте захоронения Е. Р. Дашковой в церкви св. Троицы в Троицком ею была установлена надгробная плита, текст эпитафии на которой заканчивался словами: «Сие надгробие поставлено в вечную память от приверженной к ней сердечно и благодарной племянницы Анны Малиновской, урожденной Исленьевой». Малиновские бережно хранили все, что осталось в память об их друге и родственнице. Свою единственную дочь они назвали в честь Е. Р. Дашковой Екатериной.¹⁸⁵

Родители Катеньки Кочетовой, поручая ее Е. Р. Дашковой, передали княгине даже свои родительские права до того времени, когда она выйдет замуж. Сердечную благодар-

ность Екатерине Романовне за заботу о младшем сыне испытывала вдова дальнего родственника А. А. Воронцова. Мальчик с 7 до 16 лет, пока не вступил на службу в чине майора, воспитывался у княгини. «Его нравственные качества, — позже заметила Е. Р. Дашкова, — поведение и нежная почтительность к матери были главным утешением ее жизни».¹⁸⁶

Когда будущему писателю Николаю Петровичу Николеву было 5 лет, Е. Р. Дашкова обратила на него внимание и взяла на воспитание. Она постаралась по-особому, индивидуально подойти к развитию его способностей: было «прилагаемо особенное старание дать ему должные познания в математике и словесности, к чему он имел особенную склонность, и в продолжение своего воспитания, сверх языка отечественного, столько успел в литературе французской и итальянской, что мог не токмо свободно объясняться в разговорах, но и писать на сих двух языках».¹⁸⁷ Н. П. Николев свою первую комедию «Попытка не шутка, или Удачный опыт» посвятил Е. Р. Дашковой, а позже напечатал в журнале «Новые ежемесячные сочинения» «Лирическое послание Е. Р. Дашковой». В «Российском феатре», издававшемся по инициативе Екатерины Романовны, были напечатаны его пьесы.

В конце жизни, размышляя о предмете воспитания, считая его важнейшим, решающим для благополучия человечества и вместе с тем плохо изученным, осмысливая свой педагогический опыт, Екатерина Романовна должна была с грустью отметить, что «со всеми своими многочисленными разветвлениями и во всей совокупности он (предмет воспитания. — Г. С.) не может быть объят умом одного человека».¹⁸⁸

«...во время сего директорства,
столь же многотрудного,
как и любезного сердцу»

24 января 1783 г. по указу Екатерины II княгиня Е. Р. Дашкова была назначена директором Петербургской Академии наук.¹⁸⁹ Решение императрицы оказалось неожиданным для Дашковой, но пришлось повиноваться.¹⁹⁰ На следующий день, когда Е. Р. Дашкова ждала приема у императрицы, к ней подошел освобожденный от должности директора Академии за многочисленные нарушения С. Г. Домашнев и попытался высказать ей какие-то наставления, но княгиня остановила его и твердо заявила: «...первейшей своей обязанностью ставлю славу и процветание Академии и беспристрастие к ее членам, таланты которых будут служить единственным мерилom для моего уважения».¹⁹¹ Это было первое программное заявление нового директора, которому она старалась всегда следовать.

28 января в Академии наук узнали о назначении нового директора. В протоколе заседания Конференции Академии в этот день записано: «Академики и адъюнкты приняли этот новый знак благосклонности их милостивой покровительницы с почтительнейшей признательностью и, выйдя из Академии, пошли к княгине засвидетельствовать свою радость и вверить себя ее благосклонности».¹⁹² Неофициальная встреча с академиками запомнилась Е. Р. Дашковой, и позже она вспоминала ее так: «На следующий день, в воскресенье, ко мне явились с самого утра все профессора и служащие Академии. Я объявила им, что, если кому-нибудь понадобится видеть меня по делу, я прошу приходить в какой им удобнее час и входить в мою комнату без доклада».¹⁹³

30 января 1783 г. состоялось первое заседание Конференции Академии наук под председательством Е. Р. Дашковой. Княгиня попросила знаменитого математика и старейшего академика Леонарда Эйлера ввести ее в зал заседаний, где уже собрались академики К. Ф. Вольф, С. К. Котельников, Л. Ю. Крафт, А. И. Лексель, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, А. П. Протасов, С. Я. Румовский, Я. Я. Штелин, И. А. Эйлер, адъюнкты — И. Ф. Гакман, И. Г. Георги, М. Е. Головин, В. Ф. Зуев, Н. И. Фусс и по-

четный член Петербургской Академии наук барон фон Г. Ф. Аш.

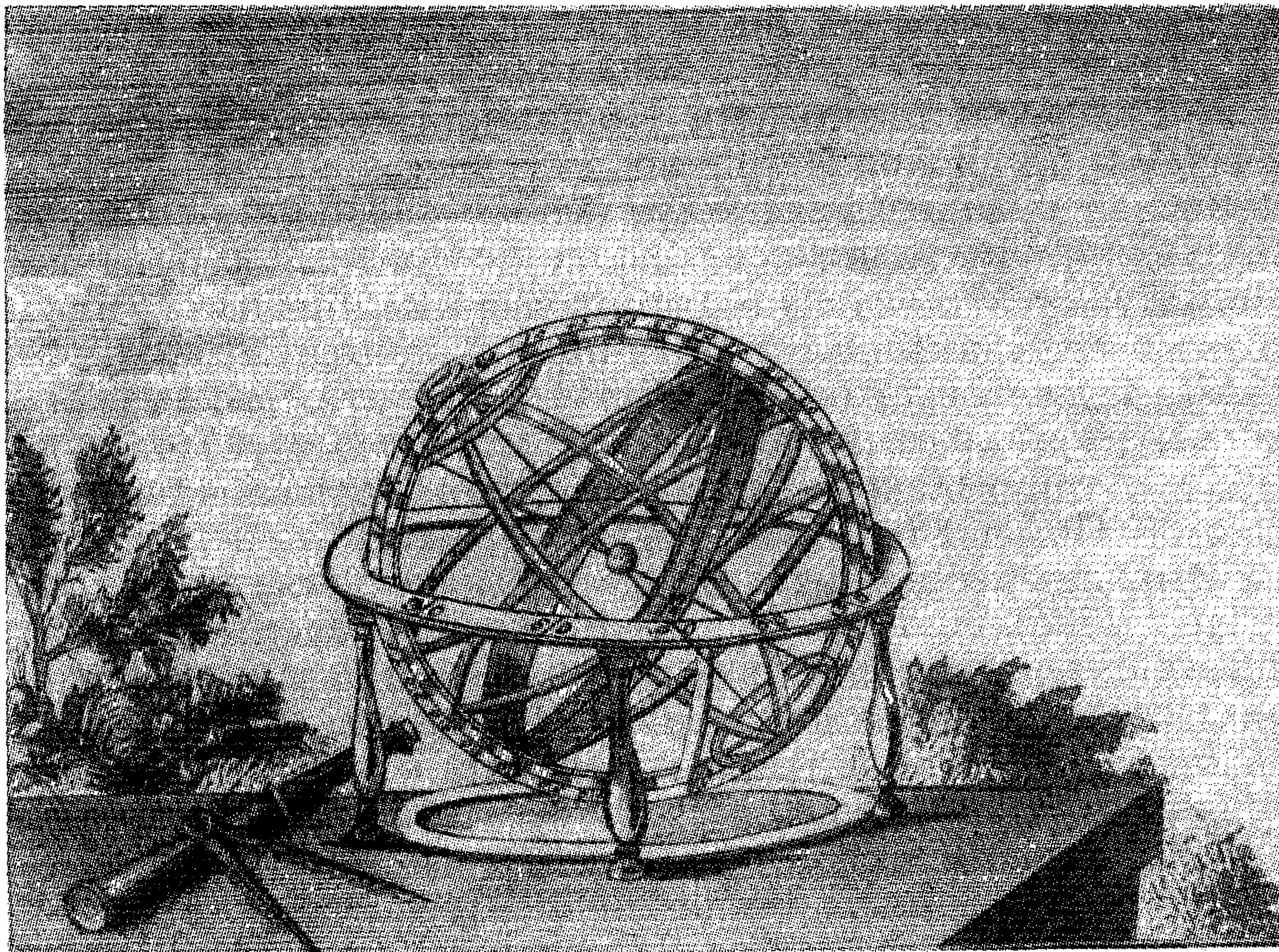
Свою вступительную речь, которая была произнесена стоя, она начала словами: «Смею заверить вас, господа, что выбор, каковой ее императорское величество сделали в моем лице, возложив на меня председательство в здешнем собрании, для меня бесконечная честь, и я прошу верить, что сие отнюдь не пустые слова, но чувство, коим я глубоко тронута. Готова согласиться с тем, что уступаю просвещенностию и способностями моим предшественникам на этом посту, но не уступлю никому из них в том прямотушии собственного достоинства, которое всегда будет мне внушать обязанность отдавать должное вашим, господа, талантам». Она обещала ознакомить императрицу с заслугами каждого академика в отдельности и с пользой, какую Академия в целом приносит империи; выразила надежду, что благодаря их объединенным усилиям «науки не будут отныне бесплодно пребывать на здешней почве; но, прижившись, оные пустят глубокие корни и будут процветать, находясь под покровительством великой монархини, почитающей науки».¹⁹⁴ От имени присутствующих конференц-секретарь академик Иоганн Альбрехт Эйлер, сын великого математика, приветствовал нового директора и, преисполненный восхищения, отметил, что «чувства сии служат предвещением счастливого для сей Академии будущего».¹⁹⁵

Российские ученые с воодушевлением встретили известие о назначении Е. Р. Дашковой директором Петербургской Академии наук. Академик П. Б. Иноходцев (1742—1806), находившийся в астрономической экспедиции на юге страны, в письме 3 марта 1783 г. выразил радость по поводу нового назначения: «...только через несколько дней после моего прибытия сюда (в Харьков. — Г. С.) я узнал к моему великому удовольствию, что ее императорское величество соблаговолила назначить на место г-на Домашнева светлейшую княгиню Дашкову. Я поздравляю вас с этой переменой и от всего сердца надеюсь на то, что в давно униженной Академии вновь воцарится мир и спокойствие».¹⁹⁶ «Глубочайшее почтение» княгине высказал академик Г. Ф. Миллер (1705—1783), в письме из Москвы 6 марта 1783 г. он отметил, что «почитает себя счастливым», что может «окончить жизнь под милостивою вашею дирекциею».¹⁹⁷

Европейские ученые также приветствовали выбор Екатерины II. Сообщения о назначении Е. Р. Дашковой директором Академии наук были напечатаны во многих европейских газетах и журналах.¹⁹⁸ Член Лондонского Королевского общества, физик и путешественник, почетный член Петербургской Академии Дж. Г. Магеллан (1722—1790) счел необходимым 4 апреля 1783 г. лично поздравить ученых Петербурга.¹⁹⁹ Немецкий ученый-ботаник, почетный член Российской академии И. Г. Кельрейтер (1733—1806), воздавая похвалы Е. Р. Дашковой, 20 апреля 1783 г. писал: «С новым директором Академии светлейшей княгиней Дашковой я поздравляю Академию и вас (И. А. Эйлера как конференц-секретаря. — Г. С.) тем более, что ее высокий дух и глубина ее взглядов и здесь при дворе вызывают всеобщее удивление, с тех пор как она проездом через Карлсруэ почтила нас своим посещением.²⁰⁰ И если она потом, что не вызывает сомнения, будет с такой же мудростью управлять Академией, с какой великая императрица умеет управлять почти половиной мира, то вы можете под ее руководством уверенно рассчитывать на самые лучшие времена».²⁰¹ Французский астроном, член Парижской Академии наук, почетный член Петербургской Академии Ж. Ж. Лаланд (1732—1807) был весьма удовлетворен назначением Е. Р. Дашковой, в письмах петербургским ученым он называет ее «наша достойная покровительница» и всегда просит передать княгине «тысячу почтительных поклонов».²⁰²

Искренняя любовь к науке, уважение к ученым, ясный ум, логическое мышление, хорошее образование и близость к императрице позволили Е. Р. Дашковой с пользой для России руководить Академией наук.

Е. Р. Дашкова пришла в Академию в критическое время; у Академии было множество долгов: она задолжала книготорговцам, издательствам, не платила жалованье академикам и другим сотрудникам, не могла в должной мере проводить научные исследования и пр. Книги и карты, изданные в Академии, продавались по слишком высокой цене и поэтому оставались лежать в магазинах. Не было каталога этих книг и карт, так что читатели не знали, что имеется в книжной лавке. Требовалось привести в порядок многочисленные коллекции, хранившиеся в Академии, библиотеку, архив, типографию, позаботиться об академической гимназии, о подборе новых академиков и т. д. По сло-

Сфера. Гравюра XVIII в. (Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 5. № 21).

вам Екатерины Романовны, она «очутилась запряженной в воз, совершенно развалившийся».²⁰³

Уже в первые годы Е. Р. Дашковой удалось так организовать работу и принять такие меры, которые позволили не только расплатиться с долгами, но и сэкономить большую сумму. Был напечатан каталог имевшихся академических изданий, снижены цены на печатавшиеся Академией книги и карты, и они разошлись в большом количестве.

Е. Р. Дашкова изыскивала и другие источники увеличения доходов Академии, например, сдавала в аренду свободные подвалы и часть академического сада. Эти средства, суммы, дарованные императрицей, различные пожертвования, подаренные книги, коллекции — все способствовало улучшению работы библиотеки, оплате труда академиков и других сотрудников Академии, поддержанию в хорошем состоянии коллекций.

Администраторские способности Е. Р. Дашковой помогли ей активизировать издательскую деятельность Ака-

демии наук, которая была крайне необходима для распространения научных знаний в стране, а также для их применения в экономике России. По инициативе Е. Р. Дашковой Академия предпринимает первое издание сочинений М. В. Ломоносова с биографической статьей — «Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений» (Ч. 1—6. СПб., 1784—1787). Также были осуществлены пятое и шестое издания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (СПб., 1788, 1799) и три издания «Краткого руководства к красноречию» (СПб., 1788, 1791, 1797).

Выходит вторым изданием «Описание земли Камчатки» (СПб., 1786) С. П. Крашенинникова. Продолжают издаваться «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства» И. И. Лепехина (Ч. 1—4. СПб., 1771—1805). Начинают печатать многотомный перевод труда французского естествоиспытателя Ж. Л. Бюффона «Всеобщая и частная естественная история» (Ч. 1—10. СПб., 1789—1808).

Крупной по масштабам того времени явилась работа по переводу с немецкого и изданию десяти томного труда с 480 гравюрами под названием «Зрелище природы и художеств» (Ч. 1—10. СПб., 1784—1790). Перевод с венского издания «Schauplatz der Natur und der Künste» (1774—1779) был выполнен лучшими переводчиками Академии наук. Инициатива подготовки этого издания принадлежит Екатерине II, но лишь энергия, настойчивость и постоянный контроль Е. Р. Дашковой за выполнением перевода, изготовлением гравюр, работой академической типографии смогли обеспечить быстрый и успешный результат. Перевод 480 научно-популярных статей и подготовка 480 гравюр потребовали со стороны Академии наук довольно значительных затрат средств и сил. (Гравюры, вошедшие в эти тома, использованы в настоящем издании.)

Надо заметить, что в XVIII в. в зарубежных странах, например в Германии и во Франции, были в большом ходу подобные общеобразовательные популярные издания с иллюстрациями, где излагались сведения о науках, искусствах, ремеслах и о различных явлениях природы. «Зрелище природы и художеств» является первой популярной энциклопедией по естествознанию и технике, изданной в России для юношества.

В первом и втором томах издания содержатся статьи, посвященные главным образом описанию различных технических устройств. В начале третьего тома основное место занимает зоологическая тематика, в конце даны описания строительных материалов и различных ремесел. В четвертом томе большая часть статей написана на астрономические темы. В пятом томе много описаний греческих и римских древностей. В шестом томе преобладают географические и этнографические сюжеты. В седьмом томе — анатомические и зоологические темы. В восьмом и девятом томах даются преимущественно описания ремесел, последний десятый том содержит ряд статей по самым разнообразным вопросам с преобладанием этнографических (описание разных народностей).

Успех книги был значительным. Она разошлась довольно быстро, и уже через несколько лет возникла потребность во втором издании, которое было осуществлено в 1809—1813 гг.

В годы директорства Е. Р. Дашковой издается книга, появление которой стало знаменательным событием в истории науки и просвещения. Речь идет о «Письмах о разных физических и философических материях, написанных к некоторой немецкой принцессе» Леонарда Эйлера. Доступность и понятность изложения материала обеспечили удивительный успех этой книге. В течение XVIII в. «Письма» переиздавались в России четырежды (Т. 1—3. СПб., 1768—1774, 1785, 1790—1791, 1796) и были переведены на многие языки, в том числе на английский, немецкий, итальянский, испанский, голландский и шведский (к настоящему времени насчитывается 111 изданий этого труда).

Расширяются картографические работы, продаются по сниженным ценам карты, книги, календари. Основываются два периодических издания — «Собеседник любителей русского слова» — первый литературно-художественный и исторический журнал и «Новые ежемесячные сочинения» — научно-популярный журнал, в которых увидели свет многие сочинения Е. Р. Дашковой.

Важной стороной деятельности Академии наук было обучение подрастающего поколения. К моменту прихода Е. Р. Дашковой в Академии не существовало университета и едва теплилась жизнь в академической гимназии. Дашкова обратила особое внимание на улучшение состояния гимназии. Она заботилась как о постановке преподавания, так

и о здоровье, питании и одежде учеников.²⁰⁴ Для поощрения молодых людей и возбуждения соревнования между ними Е. Р. Дашкова установила два экзамена в год с награждением лучших учеников книгами. Княгиня регулярно просила академиков присутствовать на экзаменах в академической гимназии,²⁰⁵ а когда ученые математического класса остались недовольны знаниями воспитанников по математике, то Е. Р. Дашкова поручила П. Б. Иноходцеву составить план обучения для учителей.²⁰⁶ В обращении 13 декабря 1783 г. к генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому о выделении дополнительных средств для Академии наук Е. Р. Дашкова четко определила предназначение гимназии: «Академической гимназии главный предмет и польза состоит в том, чтобы воспитывать и обучать юношей так, чтобы некоторые из них, к высшим наукам способные, могли сделаться в Академии профессорами, а другие по знаниям и дарованиям своим могли бы быть выпускаемы к определению в гражданскую службу, за что я ожидала, что правительство некоторым образом обязанными Академии сочтутся».²⁰⁷

Самых способных воспитанников гимназии Е. Р. Дашкова послала для продолжения образования в Геттингенский университет, который был излюбленным местом пребывания русских студентов. В XVIII в. за границей обучалось 23 студента Петербургской Академии наук, из них 9 человек — в Геттингене. Первые академические студенты появились в Геттингене в 1766 г. В 1785 г. после 20-летнего перерыва Академия вновь командировала в Геттинген четырех студентов, на этот раз В. М. Севергина, Я. Д. Захарова, А. К. Кононова и Г. Павлова. Престиж Геттингенского университета в ту пору был весьма высок. В конце 80-х гг. XVIII в. в нем читал свои лекции по математике и физике А. Г. Кестнер, химию и минералогию преподавали И. Ф. Гмелин и Г. К. Лихтенберг. Выбор Е. Р. Дашковой студентов и университета превзошел все ожидания: трое из них впоследствии стали академиками.

В годы директорства Е. Р. Дашковой академиком Ф. И. Т. Эпинусом был составлен «План об организации в России низшего и среднего образования», который лег в основу всех школьных преобразований. Из 80 книг, созданных для вновь открывшихся школ, около 30 учебников были подготовлены в Академии наук. Многие учебные пособия напечатаны в академической типографии. Успех

школьных преобразований Е. Р. Дашкова и члены Академии наук видели в специальной подготовке учителей. И когда в 1783 г. в Петербурге была открыта Учительская семинария, три профессорские должности в ней заняли адъюнкты Академии.²⁰⁸

Е. Р. Дашкова всячески подчеркивала свое уважение к науке и ученым. За время ее директорства Академия пополнилась 20 действительными членами, среди них такие известные академики, как минералог В. М. Севергин, химик Я. Д. Захаров, естествоиспытатели и путешественники И. Г. Георги, В. Ф. Зуев, Н. Я. Озерецковский, математики Н. И. Фусс и Ф. И. Шуберт. Она старалась создать благоприятные условия для работы ученых и позже вспоминала, что «каждый из ученых мог заниматься своей наукой совершенно свободно... со своими делами они обращались прямо ко мне и получали быстрое их разрешение, не подчиняясь канцелярской волоките».

В первый год правления Е. Р. Дашковой скончался великий Леонард Эйлер. На заседаниях Академии дважды были зачитаны некрологи, первый — Я. Я. Штелина, второй, более подробный и обстоятельный — Н. И. Фусса. Академики собрали деньги на мраморный бюст Эйлера, который изготовил известный скульптор Ж. Д. Рашетт, хорошо знавший ученого. Княгиня подарила мраморную колонну в качестве пьедестала для бюста. Этот дар был принят с большой признательностью и рассматривался академиками как свидетельство уважения к великому человеку. 14 января 1785 г. Е. Р. Дашкова лично установила бюст.²⁰⁹

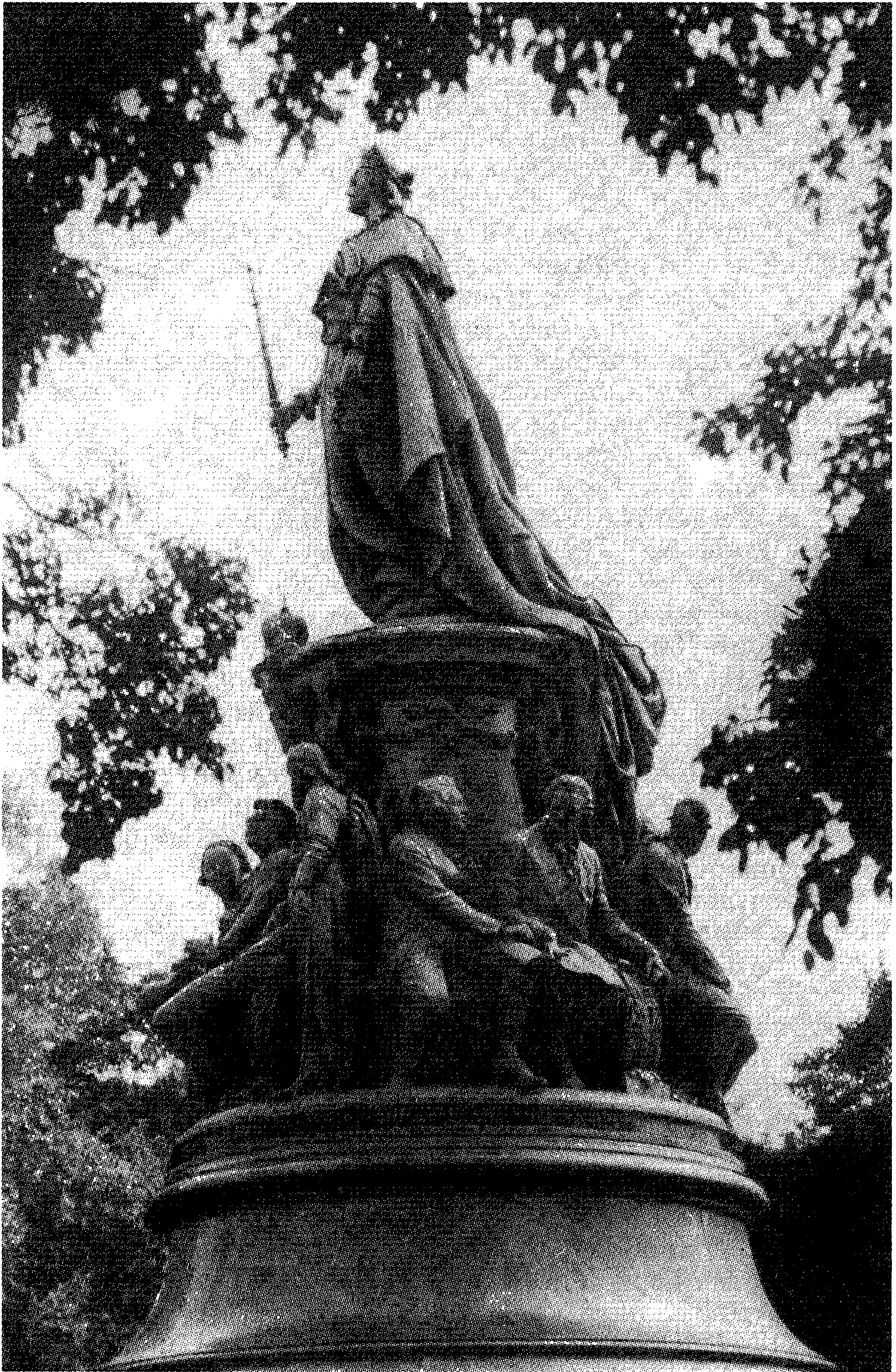
С 1759 г. при Академии наук существовала категория членов-корреспондентов. Им мог стать российский ученый-любитель, который поддерживал научные контакты с Академией наук и приобрел известность своими научными трудами. Е. Р. Дашкова понимала, что избрание новых членов-корреспондентов способствует расширению связей Академии наук со страной, укрепляет ее авторитет, содействует подъему научной мысли и практической научной деятельности в России. За время с 1783 по 1796 г. было избрано 13 членов-корреспондентов. Среди них находились, например, писатель и переводчик М. И. Веревкин, архангелогородский историк В. В. Крестинин, обер-берггауптман на Колыванских горных заводах П. И. Шангин, архангелогородский купец, член Вольного экономического общества А. И. Фомин и др.

Академия расширяла свои связи не только внутри России, но и за пределами ее, принимая в почетные члены Академии крупнейших европейских ученых. Со многими из них Е. Р. Дашкова была хорошо знакома. За годы ее директорства иностранными членами Петербургской Академии наук были избраны 47 ученых, что составило 25% от всех избранных в XVIII в. В 1783 г. иностранным членом Академии был избран историк и ректор Эдинбургского университета В. Робертсон, в 1784 г. — биолог из Дании И. Г. Кениг, в 1785 г. — математик из Германии А. Г. Кестнер, в 1789 г. — физик из США Б. Франклин, в 1794 г. — философ из Германии И. Кант и др.

В апреле 1789 г. по предложению Б. Франклина Е. Р. Дашкова была единогласно избрана членом Американского философского общества и стала первой женщиной и вторым русским членом Американского философского общества.²¹⁰ 14 ноября 1791 г. она передала в архив копию диплома, присланного ей Ирландской Королевской Академией в Дублине, избравшей ее почетным членом.²¹¹

Отношения Е. Р. Дашковой с академиками были в основном хорошие. Однако иногда она вступала с учеными в споры, и убедить ее в неправоте было нелегко. Так было в случае с адъюнктом В. Ф. Зуевым, который с опозданием представил Академии путевые журналы своей экспедиции. Е. Р. Дашкова сочла, что задержка была связана с тем, что Зуев занимался другими делами без ее разрешения. И Е. Р. Дашкова исключила Зуева из академической службы, приписав собственноручно в распоряжении: «Хотя с сожалением, но для примера другим».²¹² За него вступились академики, в первую очередь его научный руководитель академик П. С. Паллас. После нескольких неудачных объяснений с Е. Р. Дашковой он обратился к Екатерине II, благодаря вмешательству которой Зуеву удалось остаться в Академии. Позднее он был избран академиком.

Другое недоразумение было связано с предложением Е. Р. Дашковой закрыть старую химическую лабораторию. Но академики решили, что она необходима для работы. Княгиня обиделась, решив в свою очередь, что академики обвиняют ее в непонимании интересов ученых, и предложила провести голосование о доверии директору. Это уникальный эпизод. Ничего подобного ни до ни после директорства Е. Р. Дашковой в Академии наук не было. При голосовании все академики и адъюнкты, за исключением

Памятник Екатерине II в С.-Петербурге. 1873 г.
Скульпторы М. А. Чижов, А. М. Опекушин, художник М. О. Микешин.

П. С. Палласа и А. И. Лекселя, заявили о своем доверии директору и уважении к нему. Паллас объявил, что недоволен историей с Зуевым, а Лексель — тем, что ему не прибавили жалованье. Это признание огорчило Е. Р. Дашкову: она хорошо относилась к Лекселю, и, по ее мнению, он мог напомнить ей о прибавке жалованья при личном свидании. Все окончилось благополучно.²¹³

Наряду с постом директора Петербургской Академии наук Е. Р. Дашкова с 30 октября 1783 г. занимала пост президента учрежденной по ее же замыслу Российской Академии. Подобные академии существовали и в других странах, например во Франции и Швеции, и занимались главным образом составлением словарей отечественного языка. Российская Академия была организована для создания словаря русского языка. Е. Р. Дашкова участвовала в составлении основных начал словаря, рассматривала его по листам, вносила в эти листы свои дополнения и замечания. Она собрала более 700 слов на буквы «Ц», «Ш», «Щ» и трудилась над толкованием смысла слов, обозначающих нравственные качества. «Словарь Академии Российской» в 6 томах вышел в 1789—1794 гг. В словаре зафиксировано 43 254 слова. Словарь был создан за сравнительно короткий срок — 11 лет, в то время как над «Словарем Флорентийской Академии» работали 39 лет, а Французская Академия издала свой словарь через 59 лет.

Впоследствии академический словарь назовут «исполненным». О нем с восторгом писали Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин. Обращаясь к истории Российской Академии, В. Г. Белинский назвал ее первый труд «истинным подвигом». Н. Г. Чернышевский оценил словарь как «необыкновенное явление».²¹⁴

Крупным предприятием, главным действующим лицом в котором была Е. Р. Дашкова, явилось строительство нового здания Академии наук. О необходимости его постройки говорилось в Академии уже давно, но лишь с приходом Е. Р. Дашковой смогли приступить к строительству. Оно началось на свободном участке, между монументальными постройками первой половины XVIII в. — Кунсткамерой и зданием Двенадцати коллегий. Архитектор Джакомо Кваренги (1744—1817) спроектировал здание Академии свободно стоящим объектом, обращенным главным фасадом к Большой Неве, но открытым для обзора и с остальных сторон. В ПФА РАН хранится множество документов, расска-

зывающих о строительстве здания и свидетельствующих о постоянном и строгом контроле за работой и расходом средств со стороны Е. Р. Дашковой. И это безусловно способствовало работе, но активное вмешательство в архитектурную часть проекта, желание придать большую нарядность облику здания породило конфликт Е. Р. Дашковой с архитектором Кваренги. 21 марта 1786 г. с обычной для него решимостью и независимостью он писал княгине: «...я имею честь доложить Вам, что в утвержденном проекте нет никаких окон венецианского типа и что таковые там не могут быть сделаны, не исказив интерьеров здания. Поэтому, если постройка должна быть закончена согласно утвержденному проекту, то это — один разговор; если же проект должен быть изменен согласно Вашим идеям, то в таком случае я не буду далее руководить постройкой, остановившись на том, что мною уже сделано».²¹⁵ К сожалению, им не удалось преодолеть разногласия, и Кваренги пришлось оставить строительство. Но здание, несмотря ни на что, было построено и до сих пор украшает Стрелку Васильевского острова в Петербурге, в этом здании размещается Санкт-Петербургский научный центр РАН.

Среди известных отзывов современников и потомков о Е. Р. Дашковой не встречаются отзывы академиков и членов Петербургской Академии наук. Поэтому особый интерес представляют воспоминания сына известного академика-астронома Ф. И. Шуберта, Ф. Ф. Шуберта (1789—1865), который и сам стал крупнейшим ученым-картографом и почетным членом Академии. Воспоминания Ф. Ф. Шуберта написаны в Германии и изданы на немецком языке в Штутгарте, где ученый провел последние годы и скончался.

Позволим себе привести отрывок из воспоминаний о Е. Р. Дашковой полностью: «Из трех расположенных вдоль Невы зданий Академии наук ближайшее к Коллегиям было построено при мне княгиней Дашковой. Она была на протяжении правления Екатерины президентом Академии, и я еще отчетливо помню эту замечательную женщину, которая сыграла такую большую роль при восшествии императрицы на трон. Я полагаю, что мой отец (Ф. И. Шуберт. — Г. С.) был среди всех академиков тем, который был ближе всех к ней; по крайней мере он часто навещал ее и обменивался с ней письмами, и я владею большим количеством писем ее к отцу, большинство которых написано

по-английски. Она, как и вся семья Воронцовых, любила Англию, англичан и их язык (однако страдала недугом XVIII в., то есть писала очень безграмотно, что, впрочем, ничуть не мешало ей иметь ум, рассудок и познания, как это не мешало Фридриху Великому, Вольтеру и Екатерине II). Ее манеры были очень непринужденны, и когда она при упомянутах строительстве Академии, которым Дашкова очень интересовалась и которое посещала ежедневно, иногда даже дважды за день, карабкалась по лесам, ее можно было принять скорее за переодетого мужчину, чем за женщину. Что она, естественно, все знала лучше, чем другие, само собой разумеется! То, что я ее видел многократно, получилось оттого, что мой отец, когда ему надо было что-то сообщить ей, он, вместо того чтобы посетить ее, не желая терять времени, разыскивал ее прямо на стройке, и так как он охотно позволял мне его сопровождать, то иногда брал меня с собой». ²¹⁶

В 90-е гг. отношения Е. Р. Дашковой и Екатерины II обострились. Императрица была недовольна причастностью княгини к изданию книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но непосредственным поводом к отставке послужило разрешение Е. Р. Дашковой на публикацию отдельным изданием в журнале «Российский феатр» за 1794 г. трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», вызвавшей негодование Екатерины II. По приказанию императрицы трагедия Княжнина была сожжена. ²¹⁷

5 августа 1794 г. Екатерина Романовна подает прошение об увольнении от должности директора Академии наук, ссылаясь на потребность в отпуске и «расстроенное свое состояние». ²¹⁸ К прошению Е. Р. Дашкова прилагает «Репорт об экономическом положении Академии наук за 1783—1794 гг.». ²¹⁹ В этом документе директор подводит некоторые итоги почти двенадцатилетнего управления главным научным учреждением страны и называет сумму прибыли, которую она «имела счастье сделать», — 526 118 р. 13 коп. «Отдавая справедливость похвальным трудам и рвению», указом от 12 августа 1794 г. Екатерина удовлетворила просьбу княгини. ²²⁰ Формально императрица отпускала Е. Р. Дашкову в двухгодичный отпуск с сохранением за ней должности директора и жалованья, но фактически это была отставка.

Е. Р. Дашкова. Фрагмент памятника Екатерине II.

14 августа 1794 г. в понедельник Е. Р. Дашкова в последний раз приехала в Академию наук. Она вошла в конференц-зал, где уже началось заседание, и заняла свое место во главе стола. В зале присутствовали 13 академиков и адъюнктов. Больше половины из них были свидетелями «вступления» ее в должность 30 января 1783 г. Свое последнее выступление в Академии наук она начала с признания, что «гордится тем, что стояла во главе Академии наук в течение двенадцати лет..., что она испытывала в том истинное удовольствие, изрядно вознаграждавшееся привязанностью, которую г-да академики и адъюнкты свидетельствовали ей при всяком случае и каковой она всякий раз бывала чувствительно тронута».²²¹ Далее она объяснила, что «во время сего директорства, столь же многотрудного, как и любезного сердцу», не имела возможности заниматься своим здоровьем и домашними делами, поэтому вынуждена была, «хотя и к великому своему сожалению», просить императрицу освободить ее от обязанностей директора Академии наук. Затем княгиня передала копии с прошения, поданного ею императрице, и указа о двухлетнем отпуске. Академик С. Я. Румовский прочел вслух эти документы.

«После этого, — записано в протоколе заседания, — ее светлость госпожа княгиня поднялась и, трогательным образом поклонившись всей Академии, обняла, прежде чем покинуть зал конференций, каждого академика и адъюнкта в отдельности, которые в полном составе проводили ее до дверей ее кареты, что сопровождалось единодушными их пожеланиями доброго здравия и благополучного возвращения».²²²

Но возвращение не состоялось. В августе 1796 г. истек срок двухгодичного отпуска. 27 августа, находясь в Троицком, княгиня составляет прошение Екатерине II, в котором просит продлить ее отпуск еще на год.²²³ «Доброжелательная» Екатерина 11 сентября 1796 г. дозволяет «пробыть в отпуску еще год с сохранением жалованья».²²⁴ Но уже 12 ноября, через несколько дней после кончины Екатерины II, император Павел отстранил княгиню от «управления порученных ей мест».²²⁵

В 1993 г., когда отмечалось 250-летие со дня рождения Е. Р. Дашковой, в здании, к которому Е. Р. Дашкова имела непосредственное отношение, в здании Санкт-Петербургского научного центра РАН, был установлен скульптурный портрет Е. Р. Дашковой, созданный скульптором

И. А. Сурским. Так признательные потомки увековечили память этой выдающейся женщины, одного из самых деятельных организаторов российской науки.

«...чтение лекций на русском языке...
кажется мне тем паче полезным,
что науки перенесутся на наш язык
и просвещение распространится»

К числу крупнейших просветительских начинаний, осуществленных Е. Р. Дашковой в Академии наук, следует отнести организацию общедоступных публичных лекций. Эти лекции, проводимые лучшими учеными того времени, несли свет знаний в русское общество, были направлены на воспитание интереса к знаниям, на разъяснение целей и задач науки, на приобщение широких слоев российского общества к достижениям мировой и отечественной науки и способствовали распространению научных знаний и удовлетворению потребности в получении их теми в первую очередь, кто по возрасту или по другим причинам не имел возможности посещать учебные заведения или хотел завершить свое образование. Они сыграли важную роль в развитии культуры и распространении просвещения.

Российские ученые всегда считали пропаганду научных знаний и просвещение народа своей прямой обязанностью, долгом.²²⁶ Поэтому предложение Е. Р. Дашковой, последовавшее 3 июля 1783 г., — использовать часть времени, которое у них остается от научной деятельности, на чтение публичных курсов лекций, — было встречено в Академии с большим пониманием.²²⁷

25 марта 1784 г. княгиня представила Екатерине II доклад, в котором говорилось: «...чтение лекций на русском языке не только для студентов и гимназических учеников, но и для всех посторонних слушателей, кои допускаемы будут, кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится».²²⁸ Указом от 20 апреля 1784 г. императрица одобрила представление Е. Р. Дашковой,²²⁹ и из экономических сумм Академии в банк был передан капитал в 30 тыс. р., с тем чтобы из процентной прибыли, а это составляло 1500 р., производить ежегодную выплату четырем русским профес-

сорам за чтение лекций, т. е. по 375 р. каждому «сверх настоящего их жалования».²³⁰ «Публичные наставления» были открыты в 1785 г. и проходили до 1802 г. Академические лекции читались только на русском языке, в летнее время — с мая по сентябрь — по 2 часа два раза в неделю и охватывали широкий круг предметов. Начались занятия лекциями по математике и химии, в 1786 г. добавилась естественная история, в 1793 г. — физика, в 1794 г. вместо химии преподавали минералогию, а в последующие годы их читали параллельно. Лекторами выступали почти все русские академики и адъюнкты: С. Е. Гурьев, Я. Д. Захаров, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, Н. П. Соколов. О лекциях заранее сообщалось в «Санкт-петербургских ведомостях» с указанием, когда и где будут проводиться чтения; специально отпечатанные объявления рассылались во все учебные заведения Петербурга и расклеивались на улицах города.

Математические «наставления» в течение 12 лет (1785—1796) читал академик С. К. Котельников (1723—1806), в прошлом преподаватель Академического университета. Это требовало немалых усилий: ему уже было 62 года, и академик часто бывал нездоров. «...однако рассуждая, что в математической части наук русского другого нету, то я принимаю на себя ту часть, или части из частей математики, которые положить за благо нужно будет».²³¹ О программе лекций можно судить по рапорту Котельникова Е. Р. Дашковой от 24 сентября 1793 г.: «Сперва начал я с арифметики и преподавал оную совокупно с алгеброю, изъясняя доказанные правила примерами и прикладом в задачах. После арифметики геометрию, последуя Евклидовым элементам, выпустя некоторые не нужные или редко употребительные предложения, не упуская из виду алгебры, как необходимо нужной части по нынешнему состоянию математических наук. Потом проходим тригонометрию... аналитическим порядком, дабы показать первый приступ к выкладкам трансцендентных количеств зависящих от циркуля. После тригонометрии показал первые основания дифференциального и интегрального алкулюсов, изъясняя правила примерами и прикладом в легоньких задачах, показав первый приступ к понятию учения о кривых линиях, и на сем кончил мои лекции».²³²

В 1794 г. Котельников помимо арифметики, геометрии, алгебры несколько лекций посвятил механике. В 1797 г. при

учреждении в России цензуры он был назначен цензором и выбыл из Академии наук.

Продолжить математические лекции был приглашен преподаватель навигации, артиллерии и математики в Артиллерийском инженерном кадетском корпусе, незадолго до этого избранный адъюнктом, С. Е. Гурьев (1764—1813). Он не был воспитанником Академии, как большинство ее членов, а пришел в нее уже сложившимся ученым с широкими математическими интересами, которые сформировались под непосредственным влиянием научных идей Л. Эйлера. Программа лекций, читаемых Гурьевым с 1797 по 1800 г., была весьма близка системе Котельникова. Гурьев читал геометрию, алгебру, тригонометрию, учение о кривых линиях и первые элементы дифференциального исчисления.²³³ Одновременно он преподавал в Школе корабельной архитектуры и в Артиллерийском кадетском корпусе, но лекциям в Академии отдавал предпочтение. Теснейшим образом с лекциями связаны учебные руководства, составленные и переведенные Гурьевым в эти годы. В 1798 г. он опубликовал «Опыт о усовершенствовании элементов геометрии», по этой книге он читал лекции по геометрии; тригонометрию преподавал по учебнику «Сферическая тригонометрия» (СПб., 1801). Выполнив перевод с французского книги Ж. А. Ж. Кузена «Дифференциальное и интегральное исчисление» (СПб., 1801), в 1800 г. Гурьев посвятил этой теме значительную часть лекций.

Одновременно с лекциями по математике начался курс по химии. Публичные лекции по химии в течение 8 лет (1785—1792) читал адъюнкт, впоследствии академик Н. П. Соколов (1748—1795). В апреле 1785 г. он представил на утверждение Е. Р. Дашковой разработанный им план лекций. В своей записке о содержании и характере публичного курса лекций по химии, в основу которого он намеревался положить «изложение по химическим операциям», Соколов писал, что «это позволит теории с практикой всегда общими и равными шествовать стопами, и слушатели, видя каждый почти день разные новые опыты, тем большую получают охоту и просвещение».²³⁴

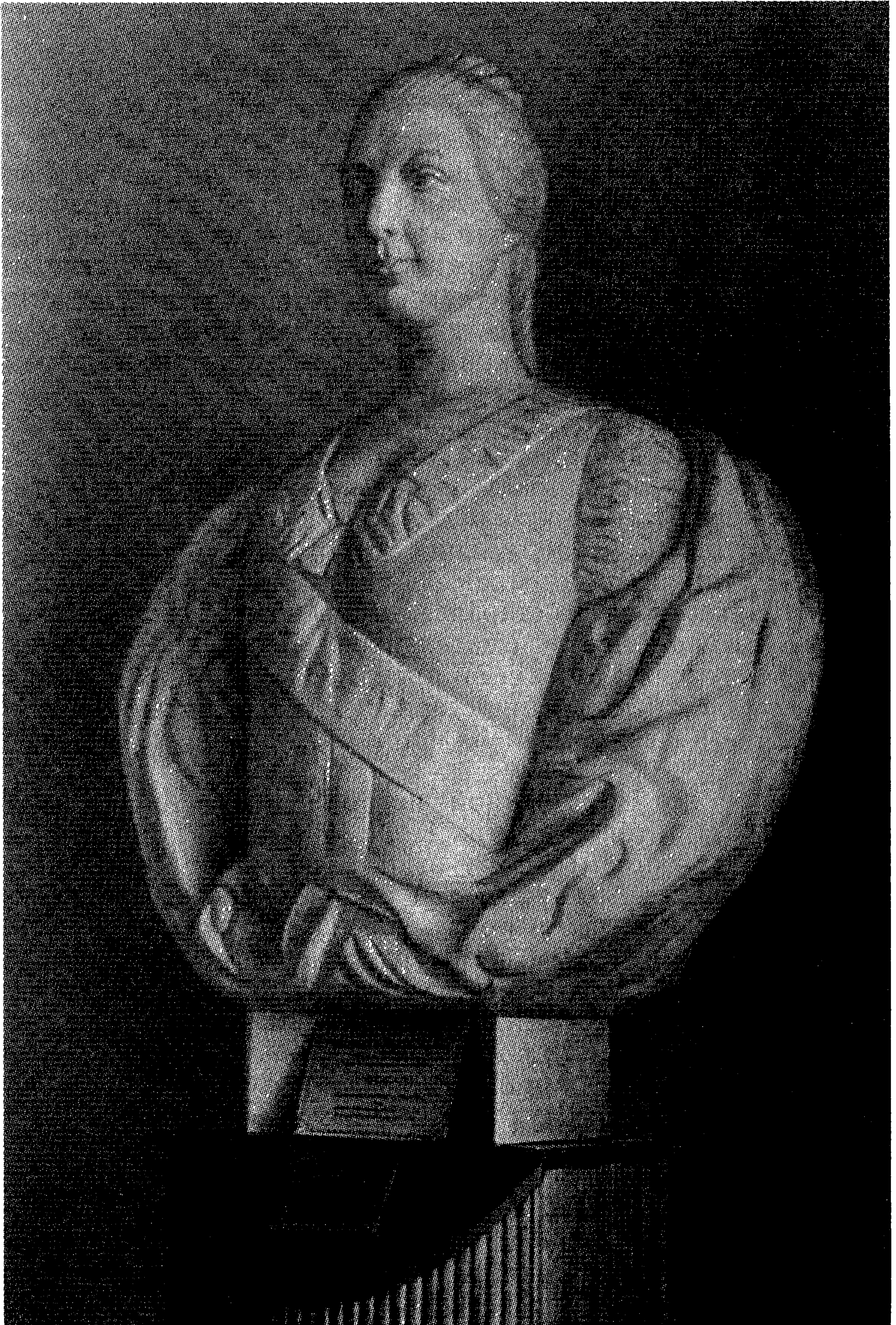
Немалый интерес имеет вступительная лекция «Речь о пользе химии», прочитанная Соколовым 30 мая 1786 г. и опубликованная в академическом научно-популярном журнале «Новые ежемесячные сочинения».²³⁵ Лекция Соколова была выдержана в лучших ломоносовских традициях и со-

ответствовала духу времени. В ней автор подробно показывает связь химии с математикой, физикой, естественной историей, медициной, металлургией и минералогией.

Соколов был прекрасным лектором, он преподавал химию, как отмечала княгиня Дашкова, «с особливою похвалою и славою».²³⁶ Его лекции пользовались большой популярностью, и Соколов неоднократно обращался в Канцелярию Академии с просьбой об увеличении числа стульев для слушателей.²³⁷ Соколов проводил занятия в Химической лаборатории М. В. Ломоносова. Старая лаборатория, основанная в 1748 г., совершенно не отвечала новым требованиям, поэтому ученый должен был заняться ее преобразованием и ремонтом. Но это лишь ненадолго улучшило положение, и уже в мае 1791 г. он был вынужден читать лекции у себя дома, а в сентябре обратился с предложением о постройке новой лаборатории, так как, писал он, «старая очень тесна и так холодна и сыра, что химические препараты постоянно замерзают».²³⁸ Но просьба эта не встретила понимания. В 1792 г., едва закончив чтение лекций, Соколов подал прошение об увольнении из Академии. Химическая лаборатория и право читать лекции по химии были переданы адъюнкту, впоследствии академику Я. Д. Захарову (1765—1836), который был направлен Е. Р. Дашковой для обучения в Геттингенский университет.

С 1793 г. лекции по экспериментальной химии два раза в неделю — по вторникам и пятницам стал читать Захаров. Следующий 1794 г. не принес ничего нового в деле строительства новой химической лаборатории, и при обсуждении 24 апреля 1794 г. программы публичных лекций было решено: «Так как новая химическая лаборатория еще не закончена, а старая уже не существует более... Захарову прочитать этим летом курс минералогии».²³⁹ В 1795 г. курс публичных лекций «по опытной химии по умозрению Лавуазье» Захаров провел в совершенно не приспособленной для этого аудитории в новом здании Академии наук. В 1796—1797 гг. он не читал лекций: не было подходящего помещения. В начале 1798 г. Захаров был избран академиком, что, видимо, прибавило ему сил и желания трудиться, и с 1798 по 1802 г. его имя постоянно встречается в объявлениях о лекциях.

Обычно Захаров начинал «публичные наставления» с краткого изложения истории химии, объяснял ее практический характер и связь с другими науками и «художества-

Е. Р. Дашкова. Гипсовая авторская копия
скульптора И. А. Сурского. 1993.

ми». Основное внимание он уделял пропаганде и разъяснению кислородной теории французского химика А. Л. Лавуазье и демонстрировал опыты, подтверждающие его убеждения.²⁴⁰ Если слушатели были не очень подготовлены, то особо растолковывал законы физики, а потом показывал, как они применяются в химии. Здесь важно отметить одну характерную черту химии XVIII в. — тесную связь с другими естественными науками, и прежде всего с физикой. Можно с уверенностью сказать, что именно поэтому последние три года свои лекции Захаров читал в Физическом кабинете Академии наук, где была к тому же сосредоточена вся новая аппаратура, приобретенная для научных целей.

Отдельные циклы лекций были посвящены изучению солей, металлов, снадобьям, как указывалось в объявлении, — «будем говорить о простых телах и о их между собою соединении и добывании других тел». Один год обучения был полностью отдан ознакомлению со свойствами кислот. Захаров очень старался, чтобы его лекции были интересными, полезными и наглядными. В отчете Е. Р. Дашковой о лекциях в 1793 г. он писал: «Все мои предложения и все химические операции старался я утверждать опытами, сколько назначенное... время и припасы позволить мне могли».²⁴¹

Лекции по естественной истории в течение 17 лет (1786—1802) читал академик Н. Я. Озерецковский (1750—1827). Содержание и форму изложения он определил так: «Объяснял я моим слушателям общие свойства землеводных животных и рыб и показывал на рисунках внешнее и внутреннее их строение, а в Кунсткамере представлял слушателям самих оных животных, как сухих, так и в спирте хранящихся, держася Линнеевой системы и приводя важнейшие о каждой вещи достопамятности».²⁴² В помощь слушателям Озерецковский опубликовал в научно-популярных изданиях Академии наук более 20 статей о жизни зверей и птиц.

Публичные лекции по физике начались лишь в 1793 г., после возвращения из Геттингенского университета, куда он был командирован Е. Р. Дашковой, А. К. Кононова (1766—1795). До возвращения его в Петербург лекции по физике на русском языке читать было некому. Так как физические лекции пользовались особым вниманием публики, адъютант Кононов очень подробно сообщал программу их в «Санктпетербургских ведомостях»: «Учение о все-

общих свойствах тел; учение о воздухе; учение об электрической силе; учение о магнитной силе, а если дозволит время, то также учение о воде и огне».²⁴³ Молодой ученый читал лекции в 1793—1795 гг., в своем рапорте Е. Р. Дашковой он писал: «Во все сие время занимался я изъяснением тех наипаче частей физики, о которых уверен, что познание их доставляет нам наибольшую как нравственную, так и физическую в общественной жизни пользу».²⁴⁴ Кононов на лекциях показывал опыты, используя приборы Физического кабинета, поскольку «чрез сие всяк слушатель, во-первых, об истинном положении совершенно удостоверяется, во-вторых, получает об оных (опытах. — Г. С.) яснейшее понятие, и в-третьих, тем тверже оныя запоминает». Лекции Кононова собирали так много слушателей, «что в пространной аудитории, ...где я лекции мои преподавал, едва уместиться могли». Но, к сожалению, едва успев закончить в конце сентября 1795 г. лекции, 9 октября в возрасте 29 лет Кононов скончался.

В 1796 г. физику преподавал адъюнкт С. Е. Гурьев — «именно ту часть физики, которая содержит в себе всеобщие свойства тел, причину движения и равновесия, механику, гидродинамику и пр.».²⁴⁵ В последующий год физических лекций не было, а с 1798 по 1801 г. Гурьев, соединив две дисциплины, стал читать физико-математические лекции, исполняя это поручение «весьма похвально», за что, как он сам писал, «неоднократно из уст самого г-на директора слушал благоволение».²⁴⁶

17 мая 1801 г., перед началом очередного цикла лекций, три академика — Н. Я. Озерецковский, Я. Д. Захаров и С. Е. Гурьев — обратились к президенту Академии барону А. Л. Николаи с просьбой выдать им вознаграждение за чтение лекций, которого они не получали уже в течение 6 лет.²⁴⁷ Президент обещал разобраться осенью, после окончания занятий. 30 сентября на заседании Конференции Академии наук было объявлено о выплате каждому академику по 300 р. — и это вместо 375 р. в год, положенных по первоначальному замыслу княгини Дашковой, не говоря о суммах, причитающихся за лекции, прочитанные в прошлые годы. Академик Гурьев счел себя очень обиженным и объявил, что «публичные курсы более читать не будет». Захарова и Озерецковского это обстоятельство не смутило, и они продолжали чтение бесплатно.

Большое впечатление на слушателей производили лекции по минералогии, читаемые академиком В. М. Севергиным (1765—1826), завершившим свое образование по настоянию Е. Р. Дашковой в Геттингенском университете. В 1792 г., обращаясь в своей первой лекции «О пользе минералогии» к аудитории, он призывал молодежь не только изучать минералогию вообще, но «научиться познавать российские минералы, российские способы их добывания и обрабатывания, кои все во многом разнятся от иностранных». ²⁴⁸ В своих выступлениях, которые стали регулярными в 1796—1802 гг., Севергин подробно останавливался на определении минералогии и ее разделов, освещал основы науки и ее задачи, приводил конкретный материал по свойствам, применению, методам добычи и переработки минералов и руд. Особое внимание он уделял истории минералогии и горного дела.

Свои публичные курсы Севергин тщательно готовил, что позволило ему параллельно с чтением лекций опубликовать их по приглашению Е. Р. Дашковой сначала в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за 1792—1793 гг., а в дальнейшем на основе выступлений составить учебное пособие «Первые основания минералогии», вышедшее в двух книгах в 1798 г.

Лекции принесли ему заслуженный успех, и Е. Р. Дашкова отмечала, что Севергин «доказал знания свои в сей науке — так что вся публика, которая пользовалась его наставлениями, отдает справедливость в его знаниях, к чести Академии служащих». ²⁴⁹

Жители столицы с интересом относились к академическим лекциям и охотно их посещали, особенно в начале сезона. Об этом читаем в рапорте С. К. Котельникова за 1793 г.: «Сперва было довольно слушателей, полны лавки, но как обычай есть, потом приходило и меньше и больше и от времени до времени убывали, осталось к концу весьма малое число». ²⁵⁰ Подобные замечания встречаются и в отчете А. К. Кононова: «Слушателей ко мне собиралось с самого начала моего чтения даже до начала сентября много, и весьма многие разы бывало их столько, что в просторной аудитории, что в гимназии, где я лекции мои преподавал, едва уместиться могли. С сентября же месяца, когда наступила настоящая осенняя погода, число слушателей нарочито уменьшилось». ²⁵¹

Лекции Я. Д. Захарова тоже собирали любителей наук, «так что целая половина стояла».²⁵² А Н. Я. Озерецковский писал Е. Р. Дашковой, что у него «не было ни одной лекции, на которую б не собиралось довольно числа слушателей, иногда сходилась их более 50 человек, особенно в те дни, в которые показаны были самые натуральные вещи».²⁵³

Интересные замечания о своих занятиях в Академии наук оставили современники. Провинциальный помещик И. А. Второв, посещавший лекции в 1796 г., резко отозвался о «наставлениях» Озерецковского: «Мне не понравился г. Озерецковский, потому что слишком много вмешивает латыни в свои лекции, излишне повторяет и отвлекается от настоящей материи посторонними суждениями...».²⁵⁴ А воспоминания известного журналиста Н. И. Греча (1787—1867) отличает более доброжелательный тон: «Ревностно следил я за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирая выражений, но умно, ясно и увлекательно».²⁵⁵ Тринадцатилетний Греч, который кроме лекций по биологии прослушал еще курсы по математике, химии и минералогии, позже писал с чувством искренней благодарности об этих занятиях, так как они способствовали «развитию моих понятий и приобретению сведений о некоторых предметах».

Публичные лекции Академии наук собирали большую аудиторию; лекции посещали кроме столичных обывателей учащиеся старших классов кадетских корпусов, Медико-хирургической академии, воспитанники Школы корабельной архитектуры, Главного народного училища и, конечно, академической гимназии. Летом 1786 г. в аудиториях Академии наук было много будущих учителей — студентов Петербургской учительской семинарии, которые для завершения образования приходили слушать лекции по математике, химии и биологии. К сожалению, неизвестно, какие они приобрели знания, но сообщая казенных «сапогов изнасили, слушая лекции, на 96 р. 25 к.».²⁵⁶

Е. Р. Дашкова, которая приложила много сил для организации общедоступных академических лекций, наблюдая осуществление своих планов, писала: «Я часто присутствовала на этих лекциях и испытывала удовольствие, видя, что они полезны детям бедных русских дворян и молодым унтер-офицерам гвардии».²⁵⁷ Увлеченная своим начинанием, княгиня 22 апреля 1788 г. передала В. М. Севергину для

показа слушателям лекций большую коллекцию минералов.²⁵⁸

Публичные лекции читались и в европейских Академиях наук. Особое значение подобные лекции имели в Баварской Академии наук и в Лондонском Королевском обществе,²⁵⁹ но нигде они не приобрели такого масштаба и не были так регулярны, благодаря усилиям и пониманию их значения Е. Р. Дашковой, как в Петербургской Академии наук.

«...приближающийся конец своей жизни
я встречаю без страха и тревоги»

После возвращения из ссылки Е. Р. Дашкова большую часть времени проводит в Троицком, но часто посещает Москву. Она занимается хозяйством, строит дома, разводит сады; ее внимание по-прежнему привлекает политика и литературное творчество.²⁶⁰ Но семейные неурядицы, тяжелые отношения с дочерью, неожиданная кончина любимого брата А. Р. Воронцова, преждевременная смерть сына омрачают ее жизнь. «Кажется, — пишет княгиня, — судьбе угодно послать мне все тягостные испытания, какие только можно нагромоздить на одну голову».²⁶¹

В «Записках» княгиня лишь вскользь упоминает о последних годах. «Обойду молчанием несколько последующих лет, потому что они не представляют для читателя никакого интереса. Горести, терзавшие мое сердце, делали жизнь тягостной. Они были такого свойства, что я сама хотела бы скрыть это в своей душе и не стану рассказывать о них тем, кто будет читать мои записки».²⁶² Рядом с княгиней в эти годы находились сестры — ирландки Марта и Кэтрин Вильмот и племянница А. П. Исленьева, которые всячески старались помочь пережить ей мучительно-тяжелые дни. За несколько лет совместной жизни девушки очень привязались к Екатерине Романовне.

«Самое большое и самое драгоценное для меня утешение, — писала княгиня, — приезд Марты Вильмот. Живя в Троицком, мисс Вильмот беседами со мной, совместным нашим чтением, своей кротостью и приветливостью доставила мне те тихие радости, ценность которых для дружеских отношений и любознательного ума ни с чем не сравнима».²⁶³ Удивительные качества Марты были замечены всеми членами дома Е. Р. Дашковой; «есть все основания

предполагать, — отмечала Кэтрин Вильмот, — что на подобное отношение княгини к Марте сестра отвечает такой же преданностью, любовью, уважением и преклонением». ²⁶⁴ Уступая настоятельной просьбе Марты, 10 февраля 1804 г. Екатерина Романовна «начала записывать историю своей жизни». ²⁶⁵ 27 октября 1805 г., заканчивая воспоминания и осмысливая свой жизненный путь, Е. Р. Дашкова записала: «Свой долг я исполнила так, как его понимала, в соответствии с тем, что подсказывал разум. С чистым сердцем и честными намерениями я перенесла все мучения, от которых изнемогла бы, если бы совесть моя не была спокойна; а теперь — приближающийся конец свой жизни я встречаю без страха и тревоги». ²⁶⁶ «Записки» Екатерина Романовна посвятила Марте Вильмот, передав ей и право публикации с условием, что они будут напечатаны только после ее смерти. (Первое издание мемуаров Е. Р. Дашковой появилось через 30 лет после ее кончины, в 1840 г.)

Обеспокоенная своим здоровьем и положением Марты Вильмот в России, 13 июля 1806 г. княгиня обратилась с письмом к вдовствующей императрице Марии Федоровне и попросила «на случай моей смерти принять под свое покровительство Вильмот, пока она останется в России». ²⁶⁷ Марта, узнав о письме княгини, 24 июля 1806 г. записала в своем дневнике: «Трудно вообразить себе более трогательные и восхитительные строки. Не могу передать, какие чувства я испытывала, когда прочитала их. Сердце мое переполнено благодарности к княгине за ее нежную заботу». ²⁶⁸ Эти чувства она сохранила навсегда. В память о «русской матери» свою старшую дочь Марта Вильмот, в замужестве Брэдфорт, назвала Катерина-Анна-Дашкова.

До конца жизни Е. Р. Дашкова сохранила восхищение Екатериной II. Воспоминания об императрице неизменно присутствовали в ее каждодневной жизни. «Мне совершенно необходимо в достаточной мере изучить героев и обычаи екатерининского времени, — писала Кэтрин Вильмот, — так как княгиня постоянно их упоминает и мысли ее так часто возвращаются ко двору, кабинету, туалетной комнате и будуару Екатерины, что мне уж кажется, я сама вспоминаю привычки и речи Екатерины, и будто я участвовала в заговоре. Между прочим, главная зала в Троицком украшена громадным портретом Екатерины, на коне в мундире, изображенной в день свержения с трона ее мужа;

княгиня говорит, что сходство очень велико. Кроме того, портреты императрицы есть в каждой комнате». ²⁶⁹

В последние годы Е. Р. Дашкова продолжает заниматься сочинительством. Она печатается под различными псевдонимами в журналах «Друг просвещения», «Вестник Европы», «Русский вестник» и, возможно, в других. Она не утратила интереса к литературной жизни. В 1807 г. ее внимание привлек журнал «Весенний цветок», издателем которого был студент Московского университета К. Ф. Андреев. Она подарила молодому издателю-студенту 20 червонцев на книги. ²⁷⁰

Е. Р. Дашкова учредила стипендию имени княгини Дашковой в Московском Екатерининском институте (Московское училище ордена св. Екатерины), передала 5000 фунтов на содержание приютов, находившихся под покровительством императрицы Марии Федоровны, делала многочисленные подарки своим родным и близким.

В мае 1807 г. Е. Р. Дашкова передала в дар Московскому университету «кабинет натуральной истории и других редкостей», который она собирала более 30 лет. Вот его описание: «Кабинет содержал всего числом 15 121 предмет: в том числе животных, натуральных и окаменелых 4805; растений сухих, плодов и проч. 765; камней и руд 7924; антиков — отпечатков 1636. Все пожертвование было оценено в 50 000 рублей». ²⁷¹ Для размещения кабинета была назначена особая зала, которую должны были украсить портрет и имя благотворительницы. Вслед за тем княгиня Дашкова подарила университету еще 332 предмета: это были драгоценные камни, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки насекомых и значительная библиотека.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова умерла на шестьдесят седьмом году, 4 января 1810 г. Прах ее покоится в храме св. Троицы в подмосковном имении Троицкое.

«Я не раз размышляла, — писала Кэтрин Вильмот, проведя несколько лет в доме Е. Р. Дашковой, — как нелегко будет описать характер княгини. Думаю, что это совершенно невозможно. Она настолько оригинальна и сложна, что результатом явится описание клубка противоречий человеческой натуры. Без сомнения, она из той же плоти и крови, что и мы, но тем не менее рассмотрение отдельных ее черт не даст никакого представления об их совокупности! Любое обобщение мигом уничтожит индивидуальность». ²⁷²

Об исторических лицах, особенно такого масштаба, как Е. Р. Дашкова, писать трудно. Княгиня — натура яркая, сложная и во многом противоречивая. Хотя нам известна ее жизнь довольно подробно, Екатерина Романовна все-таки остается для нас загадкой. Она вызывает глубокое уважение, и невозможно не проникнуться к ней такой искренней симпатией, что вслед за академиком Я. К. Гротом вполне можно повторить: «Подводя итог деятельности и значения княгини Дашковой, потомство должно отдать ей справедливость в том, что она, несмотря на некоторую шероховатость своего характера, на излишнее честолюбие и тщеславие, прошла свой блестящий путь честно, выполнила свою необычайную для женщины задачу добросовестно и успешно и приобрела неоспоримое право на видное место в ряду деятелей, оказавших истинные услуги русскому образованию».²⁷³

Перечитывая сочинения Е. Р. Дашковой, невольно восхищаешься глубиной ее мыслей, многие из которых созвучны нашему времени. Вот пожелания, с которыми княгиня обращается к своим современникам, но они не утратили актуальности и сегодня: «Любите друг друга. Не отступайте от истины и справедливости. Знайте и помните, что благосклонный к вам жребий дал вам жить в счастливейший век любезного мне Отечества. Признавайте, что вам даны права и наслаждения, коими предки ваши не пользовались. Открыты вам пути к просвещению и правде; и познайте, что если мы не самый счастливейший народ вселенной, в том только самих себя укорять долженствует. Почему любовь к Отечеству должна в вас быть неограниченна и служение оному ревностной и приятной обязанностью для вас... Будьте снисходительны в заключениях и решениях своих о людях. Не унывайте в бедствиях, а в счастье надменностью не заражайтесь. Впрочем, знайте, что добро, как и худо, все преходчиво и переменно в свете; почему наслаждайтесь настоящим с твердым упованием, что добродетель поздно или рано без награждения не остается».²⁷⁴

¹ Ростопчинские письма. 1793—1814 // Русский архив. 1887. № 2. С. 175.

² Записки. М., 1987. С. 66.

³ Там же. С. 35.

⁴ Цит. по: Характеристика княгини Дашковой Дидро // Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 144—145.

- ⁵ Там же. С. 140.
- ⁶ Там же. С. 148—149.
- ⁷ Там же. С. 149.
- ⁸ Там же. С. 144.
- ⁹ Бройтман Л. И. Петербургские адреса Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 183.
- ¹⁰ Болотина Н. Ю. Разные судьбы сестер Воронцовых: Екатерина Дашкова и Анна Строганова // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2000. С. 34—38.
- ¹¹ Записки. М., 1987. С. 37.
- ¹² Там же. С. 296.
- ¹³ Письмо княгини Дашковой к мистрис Гамильтон // Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 119—120.
- ¹⁴ Записки. М., 1987. С. 38.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Кучеренко Г. С. Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 215—227.
- ¹⁹ Воронцов-Дашков А. И. Московская библиотека княгини Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 134—139; Солюв В. А. Несколько книг из библиотеки Е. Р. Дашковой // Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII в. М., 2001. С. 133—154.
- ²⁰ Записки. М., 1987. С. 39.
- ²¹ Там же.
- ²² Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. СПб., 1874. Т. 2. С. 122—123.
- ²³ Наст. издание. С. 268.
- ²⁴ Там же. С. 271.
- ²⁵ Мордовцев Д. Л. Русские женщины нового времени. Т. 2. С. 137—138; Иловайский Д. И. Екатерина Романовна Дашкова // Соч. М., 1884. С. 248—289; Суворин А. А. Княгиня Катерина Романовна Дашкова. СПб., 1888; Огарков В. В. Е. Р. Дашкова: ее жизнь и общественная деятельность. СПб., 1888. С. 24—26; Чечулин. С. 120—122; Краснобаев Б. И. Глава двух академий // Вопросы истории. 1971. № 12. С. 86—89; Лозинская. С. 18—25; и др.
- ²⁶ Письмо княгини Дашковой к мистрис Гамильтон. С. 123.
- ²⁷ Герцен А. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Екатерина Дашкова. Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 235.
- ²⁸ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 105.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Письмо княгини Дашковой к мистрис Гамильтон. С. 121.
- ³¹ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 16. С. 78.
- ³² Записки. М., 1987. С. 91—92.
- ³³ Там же. С. 94.
- ³⁴ Там же. С. 97.
- ³⁵ Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Английским провинциям // Опыт Трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.
- ³⁶ Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в горную Шотландию» (1777) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 224.
- ³⁷ Путешествие одной российской знатной госпожи... С. 105.
- ³⁸ Там же. С. 141.

- ³⁹ Записки. М., 1987. С. 98.
- ⁴⁰ *Моисеева Г. Н.* Дени Дидро и Е. Р. Дашкова // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 197—204; *Нивьер А. Е.* Р. Дашкова и французские философы Просвещения Вольтер и Дидро // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 41—54.
- ⁴¹ Цит. по: Характеристика княгини Дашковой Дидро. С. 140—141.
- ⁴² Записки. М., 1987. С. 99—100.
- ⁴³ Невинное упражнение. 1763. Январь. С. 13—21; Февраль. С. 51—56; Март. С. 99—111; Апрель. С. 143—155.
- ⁴⁴ Там же. Январь. С. 5—10. См.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 52.
- ⁴⁵ Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. 21. Март. С. 70—81.
- ⁴⁶ Записки. М., 1987. С. 105.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Цит. по: Лозинская. С. 53.
- ⁴⁹ Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882. С. 122.
- ⁵⁰ Записки. М., 1987. С. 110.
- ⁵¹ Там же. С. 109.
- ⁵² Письмо К. Вильмот. 15 ноября 1805 г. // Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12. С. 190.
- ⁵³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим: В 3 т. М., 1999. Т. I. С. 36.
- ⁵⁴ Записки. М., 1987. С. 142.
- ⁵⁵ Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. 1. С. 378.
- ⁵⁶ Письмо Вильяму Робертсону. 30 августа 1776 г. Наст. изд. С. 231.
- ⁵⁷ Записки. М., 1987. С. 120.
- ⁵⁸ Письмо Вильяму Робертсону. 30 августа 1776 г. Наст. изд. С. 231.
- ⁵⁹ *Кросс Э. Г.* У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 149.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ University of Edinburgh // International dictionary of university histories / Ed. by C. Summerfield. Chicago, 1998. P. 492.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ *Schürer N.* Robertson W. // American national biography 24 Vol. New York, 1999. Vol. 18. P. 628—629.
- ⁶⁴ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 252, 369, 438, 656, 675.
- ⁶⁵ Там же. С. 369.
- ⁶⁶ Письмо Вильяму Робертсону. 30 августа 1776 г. Наст. изд. С. 231.
- ⁶⁷ Там же. С. 232.
- ⁶⁸ Письмо Вильяму Робертсону. 9 октября 1776 г. Наст. изд. С. 238.
- ⁶⁹ *Огарков В. В.* Е. Р. Дашкова: ее жизнь и общественная деятельность. С. 47.
- ⁷⁰ *Васильков Н.* Воспитание Е. Р. Дашковой и ее взгляд на воспитание // Вестник воспитания. 1894. № 1. С. 60.
- ⁷¹ Письмо Вильяму Робертсону. 10 ноября 1776 г. Наст. изд. С. 240—241.
- ⁷² Die Privilegien und älteste Statuten der Georg-August-Universität / Hrg. W. Ebel. Göttingen, 1977. S. 40—83.
- ⁷³ История Академии наук СССР: В 3 т. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 147.
- ⁷⁴ Записки. М., 1987. С. 114.
- ⁷⁵ *Кросс Э. Г.* У темзских берегов... С. 152.
- ⁷⁶ Записки. М., 1987. С. 115.

- 77 Там же. С. 114.
- 78 Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию... С. 228.
- 79 Записки. М., 1987. С. 115.
- 80 О смысле слова «воспитание» // Собеседник. 1783. Ч. 2. С. 18.
- 81 Там же.
- 82 Записки. М., 1987. С. 116.
- 83 Дашков П. М. Рассуждение о печальном лицедейственном представлении // Новые ежемесячные сочинения. 1794. Ч. 94. Апрель. С. 18—28; Ч. 95. Май. С. 6—14.
- 84 Там же. Ч. 94. С. 18.
- 85 Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102.
- 86 Там же. С. 113.
- 87 Там же.
- 88 Там же. С. 111.
- 89 Записки. М., 1987. С. 129.
- 90 Там же.
- 91 Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 156—157.
- 92 Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю А. Б. Куракину // Русский архив. 1912. № 7. С. 463.
- 93 Записки. М., 1987. С. 131.
- 94 Там же. С. 143.
- 95 Архив князя Воронцова. Кн. 16. С. 143.
- 96 Записки. М., 1987. С. 157.
- 97 Викторов. С. 124.
- 98 Записки. М., 1987. С. 160.
- 99 Там же. С. 147.
- 100 Там же. С. 163.
- 101 Письмо Вильяму Робертсону. 17 августа 1786 г. Наст. изд. С. 253.
- 102 Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину. С. 152—159.
- 103 Записки. М., 1987. С. 171.
- 104 Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. / Ред. и вступит. статья С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1. С. 53.
- 105 Записки. М., 1987. С. 172.
- 106 Иловайский Д. И. Екатерина Романовна Дашкова. С. 360; Записки. Чечулин. С. VIII.
- 107 Записки. М., 1987. С. 175.
- 108 Российский М. Дашков Павел Михайлович // Русский биографический словарь. Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905. С. 142—143.
- 109 Энгельгардт Л. Н. Записки / Подготовка и вступит. статья И. И. Федюкина. М., 1997. С. 62.
- 110 Записки. М., 1987. С. 186.
- 111 Записки. Чечулин. С. 283—284.
- 112 Записки. М., 1987. С. 193.
- 113 Архив князя Воронцова. Кн. 5. С. 271.
- 114 См.: Брискман М. А. В. Г. Анастасевич. М., 1958. С. 10.
- 115 Энгельгардт Л. Н. Записки. С. 72.
- 116 Вигель Ф. Ф. Записки. С. 54.
- 117 Кросс Э. Г. У темзских берегов... С. 115.
- 118 Записки. М., 1987. С. 238.
- 119 Там же. С. 255.

- ¹²⁰ Там же. С. 242.
¹²¹ Там же. С. 342.
¹²² Арзамас: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 416.
¹²³ Обычно приводят высказывание Екатерины II, записанное ее статс-секретарем А. В. Храповицким 7 июня 1792 г.: «С хваленым матерью воспитанием и дочь и сын вышли негодяи». И на основе этого делают выводы. См.: Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. СПб., 1884. С. 400.
¹²⁴ Записки. М., 1987. С. 112.
¹²⁵ Там же.
¹²⁶ Там же.
¹²⁷ Там же.
¹²⁸ Тоисиоков. СПб., 1786. С. 11.
¹²⁹ Записки. М., 1987. С. 164.
¹³⁰ Архив князя Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 458.
¹³¹ Записки. Чечулин. С. 279.
¹³² Записки. М., 1987. С. 172.
¹³³ Там же.
¹³⁴ Викторов. С. 149.
¹³⁵ Записки. М., 1987. С. 188.
¹³⁶ Записки. Чечулин. С. 284.
¹³⁷ Записки. М., 1987. С. 286.
¹³⁸ Там же. С. 288.
¹³⁹ Там же. С. 354.
¹⁴⁰ Там же. С. 343.
¹⁴¹ Записки. Чечулин. С. 298.
¹⁴² Там же. С. 317.
¹⁴³ Собеседник. 1783. Ч. 2. С. 12—18; Ч. 3. С. 24—34.
¹⁴⁴ Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 5. Ноябрь. С. 67—71; 1792. Ч. 78. С. 3—5.
¹⁴⁵ Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 98—110, 118—125, 158—160.
¹⁴⁶ О истинном благополучии // Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 29.
¹⁴⁷ О добродетели // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 5. Ноябрь. С. 69.
¹⁴⁸ Там же. С. 71.
¹⁴⁹ О истинном благополучии. С. 30.
¹⁵⁰ Отрывок записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 47. Май. С. 13—14.
¹⁵¹ Искреннее сожаление... // Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 148—154.
¹⁵² Записки разносчика // Там же. Ч. 9. С. 7—16.
¹⁵³ Вечеринка // Там же. С. 24—26.
¹⁵⁴ Картины моей родни или прошедшие святки // Там же. 1784. Ч. 12. С. 17—22.
¹⁵⁵ Истины, которые знать и помнить надобно, чтобы следуя оным избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. 114. Ноябрь. С. 2—7.
¹⁵⁶ Письмо к издателю «Русского вестника» // Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 2. С. 228.
¹⁵⁷ Там же. С. 131.
¹⁵⁸ Сокращение катехизиса честного человека // Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 35; Записки тетушки // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 1. Июль. С. 78.
¹⁵⁹ Да будут русские русскими // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 78. Декабрь. С. 5.

- 160 О смысле слова «воспитание». С. 25.
161 Там же. С. 21—22.
162 Там же. С. 23.
163 Там же. С. 23—24.
164 Там же. С. 24—25.
165 Нечто из записной моей книжки // Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12. С. 195—196.
166 Письмо В. Робертсону. 9 октября 1776 г. Наст изд. С. 236.
167 О смысле слова «воспитание». С. 25—28.
168 Там же С. 28.
169 Там же.
170 Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий // Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 104.
171 Там же.
172 Там же. С. 106—107.
173 Путешествующие // Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120—132.
174 Сокращение катехизиса честного человека. С. 35.
175 Записки тетушки. С. 79.
176 Отрывок записной книжки. С. 12.
177 Моя записная книжка // Собеседник. 1784. Ч. 13. С. 25—26.
178 Смагина Г. И. Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996. С. 87—155.
179 РГИА, ф. 730, оп. 1, д. 11, л. 1.
180 Там же. л. 3.
181 Записки. М., 1987. С. 132.
182 Кросс Э. Г. У темзских берегов... С. 155—156.
183 Там же. С. 157.
184 Записки. М., 1987. С. 394.
185 Долгова С. Р. Е. Р. Дашкова и семья Малиновских // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 71—79.
186 Записки. М., 1987. С. 196.
187 Цит. по: Кочеткова Н. Д. Николев Николай Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К—П). С. 350.
188 Записки. М., 1987. С. 37.
189 РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 153, л. 128.
190 Деятельность Е. Р. Дашковой в Петербургской Академии наук — одна из ярких страниц ее творческой и общественной жизни. Не случайно, что именно эта деятельность и привлекает внимание исследователей. См.: Краснобаев Б. И. Глава двух академий // Вопросы истории. 1971. № 12. С. 84—98; Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978, 1983; Толстой М. П. Е. Р. Дашкова — организатор российской науки // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 3. С. 245—248; Чельшев Е. П. От Екатерины Романовны и Константина Романова до наших дней. К 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой // Там же. № 6. С. 536—554; Тишкин Г. А. «Ее светлость мадам директор» (Е. Р. Дашкова и Петербургский университет в 1783—1796 гг.) // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 80—93; Ожигова Е. П. Е. Р. Дашкова — директор Петербургской Академии наук // Там же. С. 94—102; Смагина Г. И. Е. Р. Дашкова и просветительская деятельность Академии наук // Там же. С. 103—109; Зайцева А. А. Е. Р. Дашкова и книжная торговля Академии наук // Там же. С. 110—127; Павлова Г. Е. Академия наук и власть: Первое столетие. Становление научного центра // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 92—96; Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724—1802. СПб., 2000. С. 698—819.

- ¹⁹¹ Записки. М., 1987. С. 153.
- ¹⁹² Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 699.
- ¹⁹³ Записки. М., 1987. С. 154.
- ¹⁹⁴ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг.: В 4 т. СПб., 1897—1911. Т. 3. 1900. С. 647. См. перевод с франц. в наст. изд. С. 274.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 66—66 об.
- ¹⁹⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 331, л. 140—141; ф. 21, оп. 3, д. 306, л. 1.
- ¹⁹⁸ The Russian Academy // The Edinburgh Magazine. 1785. Т. 1. P. 304—307; ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 71—72, 112—112 об.
- ¹⁹⁹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 70—70 об.
- ²⁰⁰ Карлсруэ Е. Р. Дашкова посетила во время первого путешествия по Европе. См.: Записки. М., 1987. С. 106—107.
- ²⁰¹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 87—89.
- ²⁰² Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. 1783—1800. Л., 1987. С. 181—183.
- ²⁰³ Дашкова Е. Р. Записки 1743—1810 / Подготовка текста Г. Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 144. В «Записках» (М., 1987. С. 152) сделан такой перевод этой фразы: «Меня заставили тащить совершенно неисправный плуг». В наст. изд. следующий перевод: «Я оказалась впряженной в совсем уже расстроенную колымагу».
- ²⁰⁴ Тишкин Г. А. «Ее светлость мадам директор»... С. 80—93; Смагина Г. И. Е. Р. Дашкова и просветительская деятельность Академии наук. С. 103—109; Под сенью «мадам директор» // Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением». Очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII—первой половине XIX в. СПб., 2000. С. 53—81.
- ²⁰⁵ Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 748, 789, 800, 814.
- ²⁰⁶ Там же. С. 801.
- ²⁰⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 80, д. 6514, л. 125—126.
- ²⁰⁸ Смагина Г. И. Академия наук и российская школа... С. 101—117.
- ²⁰⁹ Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 704, 705, 708, 715.
- ²¹⁰ Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку. 1732—1799. М., 1991. С. 149.
- ²¹¹ Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 790.
- ²¹² ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 153 об.
- ²¹³ Протоколы заседаний Конференции... Т. 3. С. 729—735.
- ²¹⁴ Некрасов С. М. Российская академия М., 1984; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: Из истории Российской академии. Л., 1986; Державина Е. И. Е. Р. Дашкова // Отечественные лексикографы XVIII—XX вв. М., 2000. С. 21—40; Богатова Г. А. Е. Р. Дашкова — лексикограф // Дашкова Е. Р. и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 22—39.
- ²¹⁵ Богословский В. А. Кваренги — мастер архитектуры русского классицизма. Л., 1995. С. 44.
- ²¹⁶ Schubert Friedrich von. Unter dem Doppeladler. Stuttgart, 1962. S. 390.
- ²¹⁷ Западов В. А. Княжнин Яков Борисович // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2 (К—П). С. 79—80.
- ²¹⁸ ПФА РАН, ф. 1, оп. 2—1794, 14 августа, § 118, л. 2—2 об.
- ²¹⁹ Там же, л. 6—7.
- ²²⁰ Там же, л. 1.
- ²²¹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 388—389. См. перевод с франц. в наст. изд. С. 329.

- 222 Протоколы заседаний Конференции... С. 389.
- 223 РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 5.
- 224 ПФА РАН, Р. V, оп. Д, д. 4, л. 31.
- 225 РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 184, л. 36.
- 226 Смагина Г. И. Публичные лекции Петербургской Академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16—26.
- 227 Протоколы заседаний Конференции... Т. 3. С. 681.
- 228 РГИА, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 11.
- 229 Там же, л. 11 об.
- 230 ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 215 об.
- 231 Сухомлинов М. И. История Российской академии. СПб., 1876. Вып. 3. С. 46.
- 232 ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, д. 488, л. 2—2 об.
- 233 Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 571.
- 234 ПФА РАН, ф. 1, оп. 2 — 1785, д. 4, л. 6—6 об.
- 235 Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 9. С. 56—59.
- 236 Сухомлинов. Вып. 1. С. 344.
- 237 ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 347, л. 77—78.
- 238 Раскин Н. М. Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 197.
- 239 Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 347—375.
- 240 Санктпетербургские ведомости. 1795. 1 июня. № 44.
- 241 ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, д. 488, л. 4 об.
- 242 Там же, л. 1—1 об.
- 243 Санктпетербургские ведомости. 1795. 1 июня. № 44.
- 244 ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, д. 488, л. 3.
- 245 Санктпетербургские ведомости. 1796. 3 июня. № 45.
- 246 Веселовский К. С. Отношение императора Павла к Академии наук // Русская старина. 1898. № 4. С. 9.
- 247 Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 900.
- 248 Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 73. С. 13.
- 249 Сухомлинов. Вып. 4. С. 45.
- 250 ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, д. 488, л. 12 об.
- 251 Там же, л. 3 об.
- 252 Там же.
- 253 Там же, л. 1 об.
- 254 Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Русский вестник. 1875. № 5. С. 164.
- 255 Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 178.
- 256 РГИА, ф. 730, оп. 2, д. 5, л. 77.
- 257 Записки. М., 1987. С. 157.
- 258 Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 750.
- 259 Копелевич Ю. Х., Ожигова Е. П. Научные академии стран Западной Европы и Северной Америки. Л., 1989. С. 99, 224.
- 260 Веселая Г. А. Е. Р. Дашкова в селе Троицком // Труды Государственного исторического музея. М., 1984. Вып. 58. С. 77—91; Долгова С. Р. «Здесь каждый куст посажен мною...» // Наука и жизнь. 1986. № 3. С. 33—35; Фирсова Е. Н. После ссылки: Е. Р. Дашкова в Москве и в Троицком в 1797—1801 гг. // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2000. С. 62—75.
- 261 Записки. Чечулин. С. 283.
- 262 Записки. М., 1987. С. 207.
- 263 Там же.
- 264 Там же. С. 294.

²⁶⁵ Там же. С. 246.

²⁶⁶ Там же. С. 208.

²⁶⁷ Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 158.

²⁶⁸ Записки. М., 1987. С. 337.

²⁶⁹ Там же. С. 296.

²⁷⁰ Сводный каталог серийных изданий России (1801—1825). Т. 1. Журналы (А—В). СПб., 1997. С. 174.

²⁷¹ История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею Степаном Шевыревым. М., 1855. С. 372.

²⁷² Записки. М., 1987. С. 301.

²⁷³ ПФА РАН, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 10.

²⁷⁴ Записки тетушки. С. 78—80.

Е. Р. ДАШКОВА
О ПРОБЛЕМАХ ВОСПИТАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА

Письмо к другу

Вчерашний наш с Вами разговор столь сильно мой разум упразднил, что, приехав домой, я взялась опять за книгу, в коей, как я Вам сказывала, все те истины подробно и ясно выражены, которыми чистая Ваша душа быв прельщена, их исповедует. При сем сообщаю две главы из оной моего перевода. Я смею Вас уверить, что в нем смыслу автора я не потеряла; но не скроется от Вашей прозорливости то, что слог мог бы быть выше и что я иногда принуждена была прибегнуть к повторениям. В сем случае и не женщина извинена будет, когда читатель, размысля о существе сего сочинения и о намерении, которое я имела в сем переводе, признается, что, сколь ни изобилен наш язык, он в сем роде сочинений еще нов и что переводчик, который желает принести пользу, должен предпочесть ясность витийству.¹ Красоты слога более нужны в стихотворстве или легких творениях, нежели в моралических сочинениях. Я не сомневаюсь, чтоб число писателей в нашем Отечестве от времени до времени не умножалось, почему и льщусь, что потомки наши будут иметь то преимущество, что красоты слога будут безвредно присоединяемы к сочинениям философическим. Напротив того, теперь писатель, который пишет для того, чтобы умножить сведение своих сограждан, должен стараться только быть вразумительным и не стремиться за славою красноречивого писателя. Великий Ломоносов писал сильно, прекрасно и сладко, в стихах и в прозе, в важных и легких сочинениях; но великий Ломоносов мало себе подобных имел, да, к несчастию, не все его и понимают. Я нечувствительно зашла в диссертацию, которая имеет вид извинения; но сие, однако, у меня в виду не было. Привыкнув Вам сообщать все мысли свои, я нахожу удовольствие с Вами говорить, почему и пишу с тою открытностью

и вольностью. Доказательством сей правды послужит то, что я Вам искренно признаюсь, что я думаю, что перевод мой и не требует извинений: подвиг мой в сем случае сам уже мне щит. *Может быть, сей маленький мой труд будет когда-нибудь напечатан, может быть, из моих сограждан, не умеющих других языков, кто его прочтет и получит понятия, коих он до него не имел.* Вот что любовь к Отечеству во мне говорит, и вот в чем состоял мой предмет! Он достигнет главного успеха, когда Вам, любезный друг, понравится, и Вы удостоверитесь, что я за первое удовольствие в жизни моей почитаю утешение быть с Вами и наслаждаться Вашими разговорами, если не инако, так через письмо Вам сказать, что я искренний Вам друг.

К. Д.

Общество должно делать благополучие своих членов

Общежитие тогда только полезно человеку, когда оно ему доставляет наслаждение тех благ, коих естество человеку желать велит. Чем более общество их утвердит ему, тем более оно совершенно, тем более оно ему драгоценно будет и тем более ему нужно. Любя своих сотоварищей, он себя в них любит; вспомогав им, он сам себе помогает; принесением им каких-либо жертв своему собственному благополучию он жертвует: одним словом, рассудительная или, так сказать, просвещенная любовь самого себя есть основание общественных добродетелей и подвиг всего того, что человек делает для своих собратий. Добродетель не что иное, как польза людей, живущих в сообществе. Быть добродетельным — это быть хорошим сочленом, вспомогавать распространению блага тех, с коими судьба твою жизнь сопрягла, и наконец, примером поощрить оных к тому же возмездию и против себя.

Если сообщество или те, кои его движениями управляют, не доставляют членам его наслаждения благ, им естественно свойственных, но паче стремятся их оных лишиться; если их принуждают к бесполезным, горестным и тягостным жертвам; если препятствуют их работам или промыслам; если не утверждают ни счастье, ни их надежность, тогда человек не находит уж полезности в общежитии. Он тогда от общества отделяется столько, сколько ему возмож-

но; любовь его к оному умаляется; он не может любить общество, как поелику оно способствующее орудие его благополучию; и наконец, он будет его ненавидеть, будет и вредить оному, если оно не станет его ограждать от опасностей и от внешнего и внутреннего насилия.

Из сего заключить должно, что порочность в обществе, или порок в правлении, делает сочленов развратными. Естество не сделало их ни добрыми, ни худыми: оно только вложило в них любовь к себе самому, желание сохранить себя и волю быть счастливым. Сии чувствования законны и делаются добродетелями, когда они достигают до своего предмета путями, полезными ближнему; напротив, они делаются пороками, когда стремление оных основывается на вредности своих сотоварищей. Добродетель есть полезность, а порок — ущерб благосостояния рода человеческого. И то и другое суть действия воли или их выгод, худо или хорошо понимаемых. «Когда народ или те, кои им управляют, неправосудны или несправедливо долг свой исполняют, они тем послабляют или разрывают связь общества. Тогда человек от него отторгается, становится неприятелем оного, старается снискать свое благополучие вредными его сотоварищам средствами. Видя, что общество ему бесполезно, тягостно или вредно, он заключает, что он ему ничем не должен. Узы, соединяющие сообщество, ослабевают или разрываются по мере умножающегося числа членов, отделяющих от оного свои выгоды. Тогда-то каждый становится порочным и преступником. Дела его управляемы тогда только ослепленным и особенным прибытком; любовь к самому себе принимает уставы только от развратного воображения, от страсти, от заблуждения. Всякий нарушает законы, когда находит их не огражденными от сего насилия, или употребляет хитрость для сокровенного избежания исполнения оных. В худо управляемом сообществе почти все члены бывают наконец взаимными врагами. Каждый живет лишь для самого себя, не принимая участия в своих сотоварищах; всякий естественно следует своим страстям, мыслит только о собственной корысти, не имеющей никакой связи с общею пользою: тогда-то человек делается зверем против подобного себе, и общественное положение приносит тогда более злополучия, нежели состояние дикого человека, в глубину лесов скрывающегося».

Сии правила подадут нам сведение о истинных основаниях, какие должно полагать любви к Отечеству и всем добродетелям, служащим точно к сохранению политических сообществ; они послужат нам к показанию источников, из коих истекает сие опасное равнодушие, объемлющее обыкновенно большую часть членов худо управляемых народов; они дадут нам чувствовать необходимо действующую силу правительства над нравами.

Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям

С. Т. 5 мая.

Ты желал, любезный друг, иметь список с дневных записок моего путешествия: и все, что я ни представляла тебе о малом достоинстве оных, быв тщетно, я наконец решилась исполнить твою волю; но в сем случае, так как и в других, узнаешь своего друга. Я списала ныне только ту часть, которая для меня более нравится: и как те записки, приехав на квартиру иногда уставши и обессилев от дороги, просто писаны были, так ныне без всяких не только украшений, но и переправок тебе их посылаю. Ты знаешь, что я оные записки хотела только для памяти собственно для себя делать; но некоторые мои приятели, при отъезде моем из Отечества, просили, чтобы я писала к ним и делила бы с ними то, что я вне оного увижу и делать буду. Ты легко оное заметишь по мелкостям, собственно до меня принадлежащим, кои я, по данному слову (чтоб все то писать, что я видеть и делать буду) внесла: почему за лишнее и считаю делать отговорки или уверения, что не амбиция быть писателем побудила меня к писанию сего журнала. Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады — все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях. Любовь англичан к русским также должна была меня к ним привлечь. Я бы желала только, чтоб краткое сие (некоторой части сего государства) описание было изображено достойною кистью, которая бы как основание, так и отделенные части, их между собою сношение, различные тени, наконец, и источник, весь союз соделавший,

изобразить умела. Их сады одни уже достойны эпическим писателем быть описаны. Ты конечно не ждешь того от моего пера; довольно, что твой друг то чувствовать умеет, что пишет иногда в насильном или мнимом восторге пишет. Может быть, чувства дружбы в сердце моем превосходят замыслы их воображения, когда они о сем освященнейшем союзе говорят. Но как измерять чувствования не можно, то я удовольствуюсь тем, что ты будешь знать и верить, что я горячий друг своим друзьям и что таковою для тебя по смерть пребудет.

К. Д.

14 числа октября в девятом часу поутру приехал ко мне славный Паолий,¹ который и в приватной жизни достоин любопытства: он конечно разумом своим и в простой жизни и обращении отличится; потом господин Фицжеральд, который член Вольного общества художеств, хлебопашества и торговли. Оных членов до двух тысяч человек, кои собираются в особливый дом, ими купленный, и где они раздают преиссы² из собственной своей суммы за вымышление новых машин или орудий, способствующих к рукоделию и хлебопашеству. Он нас возил в оный дом, где мы нашли великое множество разных машин и орудий, для пользы рода человеческого вымышленных, за кои великими деньгами награждены их сочинители. Рассматривая все оное, я некоторый род почтения в себе чувствовала к сему месту, из которого истекает такая польза и облегчение сему счастливому и просвещенному народу. Пробыв там до трех часов и завезя госпожу Жонес и ее тетку, которые с нами же были, проехала к госпоже Ноелль, где посидев с полчаса, потом была у госпожи Собар, но, не застав ее дома, поехала к Пушкину,³ где отобедав, ездила с визитом к миледи Спенсер, откуда опять к Пушкину возвратясь, до одиннадцати часов у них просидела и простилась с ним в том намерении, чтоб на другой день рано начать нам свое путешествие.

15 числа в полосу часа, севши в карету с П. Ф. К.⁴ с братом И. А. В.⁵ с дочерью и с одною камер-юнферой,⁶ выехали из Лондона по большой Бадской дороге. В 17 милях остановились мы в местечке, называемом Клермон. Тут загородный дом славного милорда Клейва, который недав-

но такие большие завоевания Индейской их компании приобрел и тем же случаем так разбогател, что он теперь из первых богачей аглинских. Он купил сей дом у герцога Нейкастельского и, не удовольствуясь его палатами, которые были преогромные, их сломал и теперь строит вновь превеликий дом, который еще не окончен; почему мы пошли смотреть сад, который чрезвычайно хорош и окружен превеликим зверинцем. Посредине сада прекрутая гора, на коей построен домик весь открытый, куда мы взойдя, не только все окружные места, но и город, как на ландкарте, видели. Отъехав оттуда еще три мили, остановились в доме господина Гамилтона, называемом Кобгам. Сад его со всем отменным вкусом отделан: положение оно на горе, под которою течет речка, из коей все то сделано, что только придумать можно; она введена в сад, где, извиваясь на разные части, делает несколько островов, которые все насажены разными деревьями; у некоторых отделаны берега диким камнем так живо, как будто бы то естество произвело. Один из сих островов представляет совсем дикий остров, на котором никакого нет строения и ничего, кроме деревьев, которые без всякого геометрического порядка насажены; в конце оно увидели камни, кучами наваленные, представляющие во всей точности каменную гору; сквозь оную оставлен ход, куда мы пройдя, к большему своему удивлению, очутились на крутом берегу, состоящем из таких же каменьев, но на которых по приличности насажены деревья и цветы; тут мост такой же каменный, сообщающий оный остров с другим близ того лежащим. Сошед вниз к самому мосту, нашли расселину в горе, куда войдя, немало удивились, нашед пространную пещеру, отделанную всю сверху донизу разными хрусталями, которые наподобие ледяных сосулек вмазаны в стенах и в своде. Она пещера простирается очень далеко разными закоулками, которые все в такой же точности отделаны. В конце же пещера сия составляет превеликую гроту, отделанную также натурально штуфами хрустальными. Солнце, проходя сквозь расселины, нарочно для того оставленные, так они отвращают, что глаза насилу могут терпеть оный блеск. Все стены покрыты или, лучше сказать, составлены из драгоценных хрусталей и разных окаменелостей, как-то кораллы всякого рода, аметисты, топазы и янтари, которые все вместе так кстати собраны, что самую натуру бы обмануть могли. В углах на таковых же каменьях бьют каскады, которые, со-

бираясь в разные бассейны, стекают потом в реку, к коей тут сделан сход несколькими ступеньками. Отдохнув немного в сем прекрасном месте, вышли сквозь узкий проход наверх, где не меньше удивились, увидя себя на пустом берегу, где только изредка набросаны большие камни, которые так обросли травой, что, казалось, от создания света тут пребывают. Напротив одного вдали на горе видна палатка, возле которой пасется стадо: и хотя только одна река нас разделяла, однако мы еще версты три прежде обойти должны были (и почти на каждых десяти шагах новые картины видели). Пришед к палатке (которая не что иное, как галерея, отделенная на то подобие), увидели вдруг большую часть сада и почти все разные домики, которые в нем по местам построены. Остановясь тут несколько, прошли еще с версту столь же прекрасными местами. Дорожки или проходы в аглинских садах тем более приятны, что единственности геометрических фигур не подвержены и что новые картины, расположенные по приличеству, беспрестанно твой взор прельщают. Тень разной зелени деревьев, тень от густоты или редкости деревьев, высота или низкость их, воды, проведенные с таким искусством, чтоб казалось единственно им тут быть, различные строения — все сие у них с великим рачением и искусством употребляется; но искусство так скрыто, что сады их кажутся выбранные хорошие натуральные места. И хотя по их стилю уже конец октября, однако зелень такова, как у нас среди лета никогда не бывает. Первая причина тому — способность их климата, второе — их собственная прилежность; их луга, или, так как они называют, зеленые ковры, гораздо дороже им становятся всякого регулярного сада, потому что они не только что каждую неделю траву подкашивают самыми тонкими косами, но сверх того укатывают оные превеликими дощатыми валами, от чего трава так чиста и так гладка, как настоящий ковер. Для содержания сего много работников имеют, однако не то число, какое чрез *много* у нас разумеется: ибо как содержание человека в Англии очень дорого, зато один более трех наших ленивцев сделает; сверх того многие машины употребляются, коими облегчается работа. Влажность же натуральная их земли содержит оные в беспрестанной зелени до самого генваря; почему озимый их сев так поздно бывает, что насилу только начинали тут приуготовлять к тому пашню. Потом, проехав город Гильфорд (в 30 милях от Лондона), остановились в местечке

Годлемер в четырех милях от оного, где, отужинав, ночевать остались.

16 числа поутру, отъехав 20 миль, обедали в городе, называемом Петерфидд; потом, отъехав восемь миль, переломилось у кареты нашей дышло; почему мы, часа полтора промешкав, поехали далее, и хотя уже смеркалось, однако мы еще шесть миль отъехали, остановясь у прекрутой горы, где к колесам привязали спуски. Вдруг к нам прискакал человек верхом так запыхавшись, что насилу мог говорить, и лошадь под ним с устали тряслась; он нам сказал, что он морской офицер, едущий из Портсмута (от которого мы были в шести милях), и что за две мили пред нами прискакал к нему разбойник верхом и долго за ним гнался, крича, чтоб он остановился, или он его застрелит; однако он столько был счастлив, что от него ускакал. В Англии других разбойников не бывает; они обыкновенно поодиночке ездят, и если у кареты не случится верховых, то они, проскакав с заряженным пистолетом, просят кошелька, который неспорно им отдают; после чего они, поклонясь, поедут очень спокойно и никем не остановлены. Мы, приказав своим двум верховым, которые имели заряженные пистолеты, ехать по сторонам кареты нашей, отправились далее; однако предосторожность наша была излишняя, никто на нас не напал, и мы благополучно в 7 часов приехали в Портсмут без всяких худых встреч. Между тем как мы ужинали, пришел к нам офицер русский Назимов, который тут от нашего флота оставлен с 20 матросами больными, коего, оставя у себя, расспрашивала я о своих земляках и с ним остатки вечера проводила.

17 числа после завтрака, взявши фьякр,⁷ поехали с братом И. А. В. и Назимовым на берег моря, где видели на рейде многочисленные стоячие их военные корабли; потом поехали к пристани и, вышед из кареты, гуляли тут пешком. Видели артиллерийский двор; в адмиралтейство ж не ходили, потому что после пожара наистрожайше запрещено впускать не только чужестранных, но ниже своих агличан без билету адмиралтейского; почему мы, возвратясь домой, в пять часов отобедали, потом остатки вечера читали.

18 числа в полосьма часа поутру выехали мы и, отъехав 6 миль, своротили с большой дороги и поехали проселочными дорогами до самого Сутгамптона, который в 26 милях от Портсмута. Город сей хотя невелик, но очень весел, построен на самом взморье; тут сделаны холодные бани,

для которых в некоторые месяцы съезжается великое множество людей; для чего построены прекрасные две залы, где бывають преогромные балы и собрания. Мы ходили смотреть оные бани и в залы заходили; оттуда же, обойдя весь город, гуляя по некоторым улицам, кои чрезмерно чисто содержатся, возвратились на квартиру свою и тут уже остались ночевать.

19 числа, поутру выехав в пять часов и сделав 22 мили в полдесята часа, приехали в Салисбури; и покуда кормили лошадей, мы, взяв наемную карету, ездили в соборную церковь, которая построена более 500 лет назад. Хотя здание сие преогромное готической архитектуры, однако отменно примечательного ничего не имеет, кроме древности своей и живописи в сводах, где альфреско греческим письмом написаны разные образа, в которых так краски живо сохранились, как будто теперь писаны. Есть еще некоторые любопытные монументы и надгробные надписи, но всего чуднее мысль строителя одного храма, в коем столько приделов, сколько в году месяцев; столько дверей, сколько недель; столько окошек, сколько дней; и столько столбов, сколько в году часов (столбы сии превеликую красоту делают, составляя в три ряда галереи во всю длину одного здания). Мы застали их службу, которая с великим благочестием отправлялась при игрании органов и петья двух крылосов; оттуда поехали на фабрику слесарную; потом ходили по лавкам, и хотя город сей не из больших, однако лавки одного наполнены всякими товарами. (Генерально во всех и маленьких городах в Англии все сыскать можно.) В двенадцать часов выехав и сделав три мили, остановились в местечке, называемом Вильтон. Тут загородный дом милорда Пенброка, который как вкусом, так и убором превосходит все то, что мы прежде видели. В нем 18 комнат наполнены картинами лучших мастеров, древних и новейших, как италианских, так и прочих школ; одна галерея превеликая вся работы славного Вандек,⁸ которая конечно теперь бесценная; статуи древние и новые мраморные и других разных каменьев, не только во всех покоях с верхнего и до последнего этажа, но и во всех сенях и кругом всех палат в нишах наставлены, и на дворе, и в саду во всех домиках и галереях; столы же яшмовые, агатовые и всяких драгоценных мраморов и гранат; одним словом, тут такие сокровища, что почти счислить не можно. В саду течет река, на которой стоят разные суда, в конце саду оная река

Г. Скородумов. Портрет Е. Р. Дашковой. Гравюра. 1777 г.

гораздо шире становится наподобие полумесяца, и во всю ширину оно сделано спуском, вышиною на несколько аршин, что составляет наипрекраснейшую каскаду. Проходя тут целые четыре часа, пошли на ковровую фабрику, которая из первых в оном роде считается. Оттуда, севши в карету, поехали дале и, свернув две мили в сторону, заехали смотреть остатки древнего храма друидов (известно, что в Англии до проповедания Евангелия, то есть до 1777 году, было идолопоклонничество. Жрецы их, называемые друиды, сказывают, иногда и людей в жертву идолам своим приносили), называемого Стонгинхес. Здание сие конечно было пречудой архитектуры, наподобие превеликой залы, которая составлена из диких камней такой ужасной величины, что все удивляются, каким способом они тут могли быть привезены и поставлены. Вся вышина теперь видимых остатков из одного камня состоит, из чего рассудить можно, сколько он длинен. Обойдя его вокруг, поехали далее, и как уже темно становилось, то хотя столбы и на каждой миле по всем дорогам поставлены во всей Англии, но, не могши читать, кучер наш сбился на другую дорогу, так что мы, не доехав до определенного ночлега, ночевать принуждены были в маленькой деревеньке, называемой Чил-Трек в 14 милях только от Салисбури. Мы долго проплутали и в десятом часу насилу, скакав очень резво, доехали.

20 числа, в семь часов поутру выехав, в местечке Вармистр, в 8 милях расстоянием, завтракали; потом, отъехав еще пять миль, в доме милорда Веймут, называемом Лонглет, остановились. Дом сей построен в 1566 году весь из тесаного белого камня с великолепною отделкою, и через толь долгое время так невредим, что кажется вновь построен. Расположение внутреннее покоев точно в нынешнем вкусе; в одной галерее нам показывали канапе, кресла и стулья черные гебеновые, вместе с домом сделанные, а так чисты, как новые. Обои во многих более ста лет во всей целости: хотя хозяева почти весь круглый год живут и мебели употребляют. Пробыв там два часа и погуляв в саду, поехали далее. В пяти милях в городе Фроме (в котором лучшие суконные их фабрики) кормили лошадей; после чего, переехав еще десять миль, прибыли благополучно в Бат и стали в оберже⁹ Лурс, куда к нам пришел бывший наш советник посольства Людрас.¹⁰ Во время ужина услышали превеликий звон в колокола: мы думали, что у них на завтра праздник; однако нам сказали, что звон сей для нашего

приезду и что всякий, приезжающий в Бат, тем встречен. Потом пришли к нам господин Жонес с дочерью, и остатки вечера с ними просидели.

21 числа в девять часов поутру пришел к нам Людрас с дочерью и девица Жонес, и все вместе пошли в залу, в коей фонтаны теплых вод; тут нашли такое множество людей всякого звания, что насилу продраться могли до помпы, и, выпив по стакану сей воды (вкус оной хотя и отзывается несколько серою, но не так противен, как акейские воды), пошли смотреть бани, которые возле самой залы, так что из окошек оной купающиеся люди видны. Тут женщины и мужчины все вместе, одеты в желтых фланелевых шлафроках, на головах клеенчатые шляпы, и по горло будучи в воде, все вокруг друг за другом ходят, и только головы одни их видны. Есть такие бани, в которых, так как и в Акене, особливо ходить можно; но как оные дале от ключа, следовательно, и не так действительны, то для здоровья больные в большие бани ходят. Обходя все прочие одинокие бани, где все в великой чистоте и приборе нашли, пошли на планаду, где построено в двух квадратах множество разных домов, но все под одной крышкою и одинаковой архитектуры, что составляет великую огромность. (Тем больше, что они построены все из белого тесаного камня, так как и весь город, к чему много способствует кряж оной земли, который не только вокруг Бата, но и во всей провинции Сомерсет и далее одинаков простирается, то есть состоит весь из мягкого белого камня, который, наподобие нашего мячковского, от времени крепчает, но сначала в деле так мягок, что их резчики все из него делать могут с такою легкостию, как из гипсу, чрез что великую красоту делают их домам, которые как снаружи, так и внутри по приличности разных родов архитектуры резьбою отделаны.) Тут по сторонам оных квадратов два гулянья: одно называется Сут-Парад, которое, будучи положением на полдне, употребляется для зимней прогулки; другое Норт-Парад, где для тени летом прогуливаются после вод. Походя в обоих сих местах, прошли в залу завтракать; тут хотя более 200 человек за столами сидели, однако с таким порядком, что ни крику, ни шуму не слышно было. Завтрак сей был не обыкновенный; он дается только подважды в неделю для содержания двух госпиталей (в которых принимаются все бедные люди, приходящие из других провинций для лечения; их тут одевают, кормят и лечат безденежно). На завтраке сем каждый с пер-

соны платит пять шиллингов, что делает на наши деньги рубль с четвертью, за что тут подают чай, кофе, шоколад, масло и хлеб, сколько кто изволит: однако со всем тем столько от одного денег очищается, что с великим изобилием оные бедные содержатся. После завтрака гуляли еще по городу, который хотя не велик, но отменен от всех городов, которые мы до того видели, тем особенно, что ни одного кирпича нигде не видно и строение регулярное в четыре и пять этажей. Площадь, называемая Серкль,¹¹ составляет наипрекраснейшее место: она обстроена вокруг домами, которые, будучи под одной крышкой, делают наогромнейшее здание, которого все четыре этажа разного рода архитектуры. К ней площади ведут три широкие улицы, также вновь построенные; одна из сих сообщает ее с другою площадью, называемую crescent,* которая также полумесяцем обстроена домами ионической архитектуры, составляющая одну громаду под одной крышкою. Все сии здания строятся партикулярными людьми, которые не жалеют употреблять великие на то капиталы, получая верные потом с домов доходы: потому что город сей наполнен целые девять месяцев в году бесчисленным множеством людей всякого звания, которые тут из всех сторон Англии съезжаются, малое число для лечения, а прочие все для веселья и прожитку; почему эти дома все строятся для найму и никогда пусты не бывают. Оттуда прошли в новую залу, которая для балов строится (хотя их и так уже три преогромные). Она одна будет стоить пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, из чего можно заключить, каких денег стоит весь сей город. Возвратясь домой и отобедав с девицею Жонес, пришли к нам Кембел, Людрас с дочерью, бишев¹² Петербору¹³ с женою, господин Дешер с женою; нас всех вместе в портшезах понесли в залу концертную, где было 500 человек; пела, между прочим, новая их певица агличанка, которую они все с восхищением слушали, но мы того восторга с ними не разделяли; господин Фишер, славный гобоист, за то и нас прельстил своим игранием. После концерта миледи Кери и милорд, которые у нас поутру были, потчевали нас тут чаем, после чего, возвратясь домой, я ходила в теплую баню.

22 числа поутру был у нас церемониймейстер или учредитель всех веселостей в Бате. Он выбирается всем обществом по большинству голосов и такую власть во всех со-

* полумесяц (англ.).

браниях имеет, что ему никто в том не противоречит. Он старается всех уместить и всякого удовольствовать, за что он получает около 15 тысяч рублей в год. Потом славный их лекарь Листер, господин Камбель и Людрас с дочерью к нам пришли и севши все в кареты поехали к миледи Кери в загородный дом, который верстах в двух от Бата в наилучшем положении. Весь город из окон кажется так как десертная штука, нарочно для него поставленная. Тут нам дан был преогромный завтрак, где были званы все лучшие люди; после завтрака ходили смотреть покоев сего дома, который очень велик; между тем подвезли фаэтоны и одноколки, в которые дамы и кавалеры севши поехали все гулять около зверинца и около всей дачи, принадлежащей сему дому, где построены разные домики в приличных местах или для виду, или для отдохновения. Тут нам попадалось великое множество гуляющих в каретах, одноколках и верхами. Проездя до второго часа и возвратясь назад к миледи Кери, потом все по домам разъехались. На дороге заехали мы к резчику, который чрезвычайно хорошо все камни вырезывает; потом проехали к бишеву Петербору; от него прошли уже пешком к одному жителю батскому господину Лий, который имеет собрание прекрасных картин разных школ; после обеда были у нас герцогиня Портланд, герцог Нортумберланд и еще великое множество людей; потом с девицею Жонес пошли все на бал, где больше этикетов, нежели у нас при дворе, как в нарядах, кои церемониймейстер накрепчайше наблюдает, так и в танцах; он же каждую пару выводит, однако со всем тем тут было человек шестьсот. Все генерально большие ласки и учтивости нам оказывали. Пробыв там до 8 часов, возвратились домой.

23 числа поутру пришел к нам бишев Петербору и девица Жонес, с которыми, севши в две кареты, поехали в город Бристоль, который в 12 милях от Бата. Город сей хотя из первых торговых в Англии, но как строение, так и улицы претесные и темные; тут отзавтракав, поехали в загородный дом господина Сотвелль, в шести милях от Бристоля. Положение сего места столь прекрасно, что нам выехать оттуда не хотелось. Он построен на высокой горе близ самого заливу морского (называемого Бристольский канал), который тут весь открыт, так что и княжество Вальское, зачинающееся на другом берегу, все видно; оттуда поехали в загородный дом господина Голдинг, называемый Кливдон.

Положение оно же прекрасное на берегу реки Авана, которая от Бристоля тут протекает. Сад хотя регулярный и с фонтанами, однако в аглинском вкусе. Таковых домов тут великое множество, которые простираются даже до самого города и составляют прекрасное селение вокруг того места, где фонтана, знаемая во всей Европе под именем вод бристольских. Тут также великий съезд бывает в четыре летние месяца; для чего построены, так как и в Бате, разные залы для танцев и собраний, и все сии строения в короткое время окупаются. Мы, подъехав к той зале, где приведен фонтан, вышедши выпили оной воды с приятностию по стакану. Она несколько тепловата, так почти, как парное молоко, и если пить зажмуря глаза, то можно ошибиться, думая, что пьешь молоко. Оттуда поехали в город прекрасной улицею, которую тут составляют нарочно построенные для найму загородные дома, отделанные с отменным вкусом. Въехав в город, были в соборной церкви, которая, кроме древности строения, ничего примечания достойного не имеет; потом заехали на биржу и, обойдя ее вокруг, проехали в другую церковь, которая также древняя, в ней хранятся три великие картины славного Гогарта.¹⁴ Возвратясь в обержу и отобедав, поехали обратно в Бат, куда мы в семь часов приехали. Товарищ бишев Петербору человек разумный и ученый, почему мы очень весело все это время проводили и весьма благодарны были за учтивость, побудившую его с нами съездить. Тотчас по приезде нашем пришли к нам миледи Болбей с мужем, оба люди прелюбезные, Кембель и Людрас с дочерью, с которыми остатки вечера вместе проводили.

24 числа поутру с госпожою Гиншлеф, женою бишева Петербору и девицею Жонес пошли в соборную церковь, где бишев сказывал проповедь, увещевая к подаянию милости, которая, по окончании оной, собиралась у дверей церковных милордом Кери для тех же прежде помянутых госпиталей, и как его красноречие, так и скромность и прилежность слушателей почтение мое извлекло. Вышед из церкви, пошли со всею своею компаниею в лавку, где по улицам сходятся завтракать и есть суп и пирожки; оттуда зашли к одной женщине, которая так живо делает цветы, что собрание землепашества и рукоделия дало ей прейс за один цветок, сочтя его натуральным. Пришедши домой, куда нас все наши приятели проводили, и простясь с ними, выехали из Бата во втором часу и, проехав Пети-Франс и

Дидмартон, ночевали в Тетбури, в двадцати трех милях от Бата.

25 числа, выехав поутру в семь часов и проехав Циренчестр и Биберти, завтракали в 27 милях в местечке, называемом Бурфорт; потом, отъехав еще 15 миль, ночевали в местечке Вутеток. В сей день ничего знаменитого не видали, и осталось бы только описывать чистоту и хорошее услужение, коим в аглинских трактирах проезжающий пользуется, если бы то уже не было известно.

26 числа, вставши поутру, пошли на фабрики слесарные, где с превеликим искусством всякие вещи отделяваются. Оттуда поехали в дом загородный герцога Мальборука,¹⁵ который пожалован в 1708 году славному герцогу Иону Мальборуку королевою Анною¹⁶ и Парламентом за знатные его Отечеству услуги, а особливо за баталию Блейгеймскую, по которой и дом сей назван Блейгейм. Он построен на народные деньги с таким великолепием, что конечно достойный сего могущего народа подарок. Палаты преогромные из тесаного белого камня; архитектура оного коринтического ордена; внутренние уборы чрезвычайно хорошего вкуса и великолепны; панели, коробки у окошек и дверей все мраморные, так как и каминны во всех комнатах (коих более 50) прекрасной работы; обои готлисовые, тканые нарочно в Брюксели, на коих победы того герцога представлены; библиотека поставлена в галерее на 183 фута длиною, в которой не только, как и во всех прочих комнатах, вместо столярной работы, белым мрамором отделано, но и все колонны, поддерживающие своды, из лучшего мрамора. Тут поставлена статуя королевы Анны, которую в благодарность наследник первого герцога в 1735 году сделал лучшим тогдашним мастером; на пьедестале подписано, что сей монумент воздвигнут благодарными наследниками герцога Ионы великой королеве Анне; тут считают до 30 000 книг. Дом сей наполнен наипрекраснейшими картинами лучших италианских и прочих славнейших мастеров. Одним словом, весь дом подобен дворцу великолепного государя. Сад и парк (на несколько миль окружности) наполнен всякими дикими зверьми, которые, однако, так привычны, что стадами перед нашею каретою бегали, когда мы в нем ездили; тут введена река, на которой сделаны два каменные прекрасные мосты; она протекает чрез весь парк, составляя в нескольких местах вечные каскады. В середине ж парка поставлен монумент, во 130 футов вышиною, на котором

поставлена медная герцогова статуя, пьедестал из прекрасного белого мрамора, на коем черными словами вырезана вся жизнь славного сего человека и описаны все его победы и услуги к Отечеству, за что оно воздвигло ему сей монумент благодарности, прибавя к тому ежегодной доход, который наследники его вечно получать будут на содержание одного места от Парламента; и чтоб еще больше отличить сию фамилию, то сделано установление, чтоб всякий год в июне месяце герцог Малборук привозил новое знамя, на подобие французского, с гербом французским, во дворец Виндзорский, в память его победы; что и по сих пор ежегодно делается. Пробыв там до одиннадцати часов, возвратясь в обержу и отзавтракав, отправились в Оксфорд, который оттуда расстоянием в 8 милях, куда мы чрез два часа приехали. Русский наш студент Никитин,¹⁷ который с шестью студентами нашими в Оксфордском университете, тотчас пришел к нам, а потом начальник, или, так как они называют, дойен¹⁸ коллегии Крейст Чурч, господин Виллиам Маркгам, с которым вместе поехали в ту коллегию, в которой он нам показывал все достойные примечания вещи. Здание сие преогромное, некоторая часть построена с 900 лет назад готическою архитектурю; но прочее строение все новое и архитектуры италианской. Семь дворов сию громаду составляют, в которых живут студенты и учителя со всем покоем, так как и восемь каноников, которые собор сей составляют. Они каждый, так как и дойен, имеют особливые огромные дома; в тех же связях тут четыре комнаты картинные лучших мастеров древних и новейших, как-то: Рафаила,¹⁹ Павла Веронезия,²⁰ Буржиньона,²¹ Салвато Розы,²² Титияна,²³ Михель Анжела,²⁴ Анибаль Карача,²⁵ Вандека, Рюбенса²⁶ и многих древних мастеров. Осмотря оные, прошли в библиотеку, которая в превеликом порядке и по классам расставлена; потом в кабинет медалей, где великое собрание как греческих и римских, так и их древних ирландских, шотландских и аглинских медалей и монет; потом прошли в их церковь, которая во времена древних Саксонов построена; тут сверх архитектуры примечания достойны два окошка, на которых прекрасная живопись; пробыв там целые пять часов, возвратились домой, куда к нам приехал господин Маркгам с женою, и с ними господин Норт, брат первого министра в Англии, кои у нас до десяти часов просидели.

27 числа в семь часов поутру с Маркгамом и Фицджеральдом поехали в разные коллегии; были в С. Жонес коллегии, потом в Тринити коллегии, Нев коллегии, Алль Сулс коллегии, Университе коллегии, Кеенс коллегии, Магдален коллегии. Все сии здания преогромные, в которых церкви, так как и все строение, великолепную архитектуру и пространством примечания достойны. Каждая из оных имеет своего начальника, которые в иных называются президент, в некоторых мастер, провост варденс, принципал и ректор; и хотя названия сии разные, однако они все одно значат. Все коллегии не зависимы одна от другой, и доходы каждая имеет особливые, установленные вечно разными частными людьми; при каждой из оных несколько профессоров и чиновных людей и не менее ста студентов. Таковых коллегий девятнадцать да шесть школ, кои также имеют, как и в коллегиях, своих собственных начальников и особливые доходы. Они все вместе составляют славный университет Оксфордский (который, как сказывают, гораздо ныне упадает перед прежним), над которым начальником один канцлер (который обыкновенно живет в Лондоне, будучи член Парламента), и один вице-канцлер, выбирающийся из начальников коллежских. Сей последний должен всегда быть в Оксфорде; он присутствует во всех собраниях для производства студентов, для чего все члены коллежские должны собираться и без чего никогда студент получить не может. Объездя оные коллегии, проехали в публичные здания, которые все в одном месте построены. Театр, где собирается университет в некоторые дни и где говорят речи на знатные случаи; архитектура оногo коринтического ордена. Огромное сие здание построено полуциркулем в 1669 году архитектором Врен; внутреннее расположение галерей, всю залу окружающих, так хорошо, что тут вмещается три тысячи человек во время их церемоний. Возле того театра Музеум Ашмолеан, названный так по имени своего фундатора Елиас Ашмоле, который в 1682 году оный построил (архитектором Вреном); фронтиспис и портик оногo чрезвычайной красоты, коринтического ордена; тут собрания для исследования натуральной истории, всякие окаменелости, руды, всякие животные, как в спиртах, так и в чучелах; тут также собрания медалей, несколько картин и статуй; притом в трех комнатах библиотека, которая, так как и все сие строение, всегда для всех отворена, однако со всякого человека за вход по 4 наших русских копейки со-

бирается на содержание оных вещей. Возле одного университетская типография, называемая Кларандон Принтинг Гузе, потому что милорд Кларандон писал историю их бунтов, сын его подарил копию оной университету, которую они напечатав и по продаже оные, на полученные за то деньги в 1711 году оное огромное здание построили длиною на 115 футах. Портик прекрасной дорической архитектуры с осмью колоннами, над которым в фронтисписе поставлена статуя мраморная милорда Кларандона прельщает взор. Тут возле находится здание, определенное для публичных школ; оно построено квадратом, в середине которого двор, сообщающий все оное строение. В двух флигелях распределены все классы, каждый имея свою собственную школу, из которых только хороша Богословская школа (а прочие все не только без всякого прибора, но и совсем внутри опущены), в верхнем этаже во всю длину оных флигелей поставлены на стенах как портреты разных вкладчиков, так и многие хорошие картины. Третий флигель содержит библиотеку публичную, которая (так как и все сие здание) построена в 1440 году Гомфреем, герцогом Глочестерским, и им зачата наполняться книгами; но потом в 1612 году не только вновь отделана и большею частью книгами наполнена, но и доходы большие вечно к тому определены Томасом Бодлеем;²⁷ почему с тех пор и названа Бодлеанская библиотека. Потом уже были многие знатные вкладчики, которые ее наполнили не только печатными книгами, но и манускриптами, на всех языках как древних, так и новейших; в том числе есть некоторые и русские манускрипты, которые нам попались в руки, были: Словарь русский с греческим с истолкованием и правилами грамматическими; другой Аристотелевы поучения. Она библиотека, после Ватиканской в Риме, считается теперь первая в свете; в ней полагают 300 000 книг; она во весь круглый год для всех отворена каждый день пять часов; тут также в нескольких шкафах собрание редких медалей и антиков. Четвертый флигель, составляющий фронтиспис всему зданию, ста семидесяти пяти футов вышиною (архитектура одного пяти орденов нижний тосканский, над тем дорический, потом ионический, коринтский и композит), верх самый составляет обсерваторию; внизу же поставлены древние статуи и сосуды мраморные, которых 135 штук, очень драгоценных, данные университету графинею Помфрет, но и по сих пор так в темноте и без всякого порядка

поставлены. Возле самого того строения поставлено ныне вновь огромное здание для библиотеки университетской. Оно совсем круглое ордена коринтического, и снаружи вся пропорция наблюдается; но внутренняя колоннада под куполом вокруг аркады не так пропорциональна, ибо она разделена на два этажа, в которых для помещения книг стоят шкапы, а перед ними столы и стулья для охотников поставлены: над первыми дверьми статуя фундатора доктора Радлиф (по имени которого здание сие названо Радилафская библиотека); над другими дверьми бюст архитектора оно́го господина Жибес. Она́я библиотека окончена в 1749 году, и тогда же в некоторые шкапы внесено несколько книг, и поставлены с великою церемониею, но с тех пор не прибавляют, и так почти стоит пустая. Проходя во всех сих местах до трех часов пополудни, проехали в Ботанический сад, который сделал в 1763 году милорд Денби, для учения студентов, и им же на содержание оно́го определена сумма. Сад оный окружен великолепною оградой; ворота (которые архитектуры дорического ордена, работы славного архитектора Инегажонес, который лучшие строения в Англии построил) коронованы фронтисписом, в коем статуя мраморная фундатора милорда Денби; а по сторонам бюсты королей Карла I²⁸ и Карла II²⁹ поставлены. (При последнем почти все публичные здания в Оксфорде обновлены, почему везде его бюсты и портреты поставлены.) Сад оный наполнен всякими травами и цветами редкими, из всех разных земель и климатов свезенными; он всегда всем отворяется. Доктор Шерард, ревнуя столь нужному установлению, подарил великое собрание ботанических книг, прибавя к тому капитал трех тысяч фунтов стерлингов для содержания профессора ботаники, которому тут и дом от университета построен. Все сии строения и установления содержатся не королем, не Парламентом, не партикулярными дателями; но земли и доходы вечные оным коллегиям отданы, кои прежде были монастыри, а в нынешнем их законе обращены в светские училища. В четыре часа приехали к дойену коллегии Крейст Чурч; покои, в которых он живет, великолепные. Во время гонения Карла I он тут жил, и ныне, когда королю случается приезжать в Оксфорд, он тут же становится. Отобедав у него и просидя до осьми часов, возвратились домой, где остатки вечера проболтали с Никитиным, расспрашивая о тамошних их поведеньях. Но усталъ,

которую мы чувствовать после такой ходьбы должны были, скоро нас в объятия Морфея возвратила.

28 числа поутру пришли к нам наши русские студенты; потом приехал вице-канцлер университетский с жезлом своим и в мантии и во всем церемониальном виде, который именем своим и всего университета поднес мне книгу с эстампами всех у них хранящихся статуй и барельефов древних, которую честь, сказывают, редким проезжающим делают; отпустя его в девять часов, отправились в путь свой и, переехав 42 мили, ночевали в Виндзоре.

29 числа, вставши в семь часов поутру, пошли в соборную церковь, которая сверх древности примечательна тем, что в ней собираются кавалеры Подвязки, которые тут должны собраться, когда сей орден кому дается. Каждый кавалер имеет тут свое знамя или герб, поставленный по старшинству получения оно́го ордена. Оттуда пришли во дворец, который преогромный и по древности убран великолепно; по большей части стены ткаными обоями обиты; наддверные картины лучших мастеров, так как и прочие картины, коих великое множество по стенам и над каминами, одна особливо в церкви шириною и вышиною во всю поперечную стену, представляющая вечера тайные, Рубенсовой работы бесценная. Напротиву оной в конце галереи написан альфреско на стене Карл II, сидящий в креслах на троне мраморном так, что, стоя возле оной, глаза обманываются. Она́я картина писана италианцем, называемым Верно, так как и вся та галерея и генерально все плафоны во всем доме, который оный государь весь возобновил, почему и статуя его бронзовая в середине двора поставлена. Обходя все покои вокруг, пошли на башню, называемую Круглая башня, в этой маленькой крепостце сделаны прекрасные покои, чтоб в случае нужды королю можно там спастись. Вид с нее прекрасный, на все стороны ничем не закрыт, так что в одном месте 14 графств вдруг видеть можно. Потом сошли вниз на террасу, которая весь дворец окружает, откуда как все фасады оно́го, так и весь город Виндзор виден, украшенный рекою Темзою, коя вокруг его несколько раз извивается. И так в полодиннадцата часа севши в карету и отъехав 14 миль, в двенадцать часов приехали в Гамптон Кур, где также дворец, построенный королем Вилгелмом III;³⁰ оный дворец совсем уже в нынешнем вкусе отделан; здание сие (на берегу реки Темзы) архитектуры коринтического ордена. Внутри комнаты превысокие, и все

почти деревом убранные чрезвычайно хорошо; плафоны писаны тем же италианцем Верно. Обойдя все комнаты, в коих много хороших картин, сошли в сад, который очень невелик, но весьма весел и хорош, будучи украшен Темзою и еще несколькими прудами, из коих беспрестанно бьют множество фонтанов. Возвратясь в обержу и отобедав, сели в четыре часа в карету и отправились в Лондон, который только в 14 милях от Гамптонкура. Дорога сия вся сплошь загородными дворами окружена, что почти мы во всех провинциях видели. Кряж земли приметить могли, что от самого Дувра до Лондона весь меловой; от Лондона до Портсмута все таков же простирается; оттуда до Салисбури мел, а иногда камень мелкий, с песком смешанный; от Салисбури до Бата и Бристоля весь каменный, что почти до самого Оксфорда простирается; а оттуда опять или мел, или камень весь грунт земли до самого Лондона составляет таким образом, что земли на поверхности на аршин не будет, но со всем тем во всех сих разных провинциях, которыми проехали, эта же земля так убрана и так прибрана, что смотреть весело; чему много помогает их скот, который бесчисленными стадами почти весь круглый год в поле питается (и который также отменен величиною и красотою своею), почему как сия земля ни многолюдна, однако им не только своего хлеба становится для себя, но еще много оного выпускают в Ирландию и Шотландию. В Лондоне в полседьмачаса возвратились мы и кончили сие маленькое по Англии путешествие.

Послание к слову «так»

О! слово твердое, почтенное от века,
Когда ты во устах честного человека!
Мой дух стремится днесь воспеть тебе хвалу,
Во славу честных душ, а мерзких на хулу.
Я речь мою к тебе с почтеньем обращаю,
А скаредных льстецов пред светом обнажаю.

Быв преисполнена истинным к вам почтением и вразумясь в важность, силу и точность смысла, кое вы действительно в себе содержите, я не могу довольно надивиться терпению вашему; дивлюсь суетному употреблению, кое из вас делают, и что мы, худо зная свой язык, слово *ТАК* при-

клеиваем, где бы *НЕТ* справедливее и ловчее приместиться могло; чрез что важность вашу истребя, едва знаем ли мы прямой вес ваш и добровольно теряем из языка своего слово столь краткое и столь сильное. Частое и совсем противусмысленное о вас упоминание долженствует вас возбудить если не к отмщению, то по крайней мере к изысканию справедливого восстановления упавшей вашей важности. Пространнейшие уверения! божбы! и клятвы! коими, вместо доверенности, подозрение лишь возродить удобно, что вы в сравнении со словом *ТАК*, когда оно из уст честного и умного человека истекая, что-либо утверждает? Но простите, если в сей раз, заимствуя вольности, с которою с вами обходятся, я к вам как случится в стихах или в прозе свою речь обращаю. Я к принуждению такое отвращение имею, что со всем усердием, каковым я к вам расположена, не одним присестом сие послание и следующие примеры, в коих слово *ТАК* в ложном смысле поставлено, писала; не единожды уже и в камин кинуть хотела то, что написано было, и если бы я уведала о хорошем стряпчем, который бы с жаром, подобным моему, за вашу обиду вступиться хотел, то б я мысль мою ему в челобитную превратить поручила.

ПРИМЕРЫ

В ПРОЗЕ И В СТИХАХ

ТАК, когда утверждает то, что рассудок опровергает, есть слово не у места.

ТАК, в потакании прекрасной молодой женщине есть лесть, основанная на надежде, воспользуясь слабостью ее рассудка, обмануть ее.

ТАК, на все, что большой господин ни скажет, есть раболепствие.

ТАК, от нянюшки шаловливому дитяти есть вред и пагуба.

ТАК, от ослепленной матушки не есть любовь матерня.

ТАК, от подкомандующего командиру есть непочтительное произношение некоторых сопряженных, но не составляющих смысла литер.

Когда
Большие господа
Кого ругают,
Стоящие пред ними потакают.
Кого бранят они, не знают тех никак,
А тут же говорят: *так-так, сударь, так-так.*
Случится иногда,
Что тот, кого бранят тогда,
При том и сам бывает,
Но из учтивства потакает,
Твердя подобно как и всяк:
Так-так, сударь, так-так.

*

Лишь скажет кто из бар: учение есть вредно,
Невежество одно полезно и безбедно;
Тут все поклонятся, и умный и дурак,
И скажут не стыдись: *конечно, сударь, так.*
А если молвит он, что глуп и Ломоносов,
Хоть славный он пиит и честь и слава россов;
Тут улыбнется всяк
И повторит пред ним: *конечно, сударь, так.*
Иные, спать ложась, боялись в старину,
Чтоб утром не страдать за чью-нибудь вину;
Однако ж иногда те век свой похваляют,
А новы времена несправедливо ругают.
Хотя покойно мы теперь ложимся спать,
Не опасаясь невинно пострадать;
Но если знатный раб, как будто сумасшедший,
Наш новый век бранит, а хвалит век прошедший,
Тогда ему подлец, и умный и дурак,
с поклоном говорит: *конечно, сударь, так.*

*

Что Марк Аврелий¹ был пример земных царей,
Отец Отечества, достойный алтарей,
То знает уже всяк, кто имя его знает,
Хотя и редко кто историю читает;
Но если и его кто вздумает ругать,
Найдутся подлецы и станут потакать.
Клир скажет, например, что глупо Марк считал,
Когда сокровища свои он продавал,
Когда он все дарил солдатам из чертогов,
Хоть тем спасал народ от тягостных налогов,
Клир пустошь говорит, но тут почтенья в знак
Подлец ему кричит: *конечно, сударь, так.*

*

Наскажет секретарь судье иному врак,
А тот ему в ответ: *конечно, друг мой, так.*

*

Ревнивая жена, и наглая, и злая,
На мужа рассердясь, при всех его ругая,
Ворчит,
Кричит,
Потом ему же говорит:
Не правду ль, жизнь моя, тебе я говорила,
Когда тебя при всех я дружески бранила,
А он хоть не дурак,
Ей робко говорит: *так, матушка, так-так.*

*

Иные женщины, мужей своих лаская,
Французские слова с российскими мешая,
Им нежно говорят: «*Mon coeur,** иль жизнь моя,
Позволь мне помахать; хоть я жена твоя,
Да хочется пожить в приятной мне свободе
И свету показать, что мы живем по моде;
Любовник мой тебе конечно будет друг,
Всегда тебе готов для дружеских услуг.
Да он же и умен, *aimable*** и прекрасен,
Не правда ли, *mon coeur*, ты на это согласен?».
А муж хотя к жене всю верность наблюдал
И к женщинам другим отнюдь не отлетал,
Но, слушая сие, он только что вздыхает
И ей с учтивостью по моде потакает.
Жена ему в ответ: «*Mon coeur tres-obligeé,****
Ведь верность наблюдать конечно *prejugé*****
И верность в женщине не глупости ли знак?».
Тут муж ей говорит: *так, маминька, так-так.*

*

Сии в стихах примеры,
Как такают льстецы
На разные манеры,
Как трусят подлецы,

* мое сердце (фр.).

** очень мил (фр.).

*** премногим обязана (фр.).

**** предубеждение (фр.).

Не всякому докажут,
Что таканье есть зло;
Льстецы конечно скажут,
Что таканье б могло
Скорее называться
Душевной добротой;
Что должен всяк стараться
Снискати дар такой,
Которым бы возможно
Скорее приобрести
Себе и честь,
И счастье неложно
От знатнейших господ,
От них срывать скорее
По чину всякий год.
Хоть тот пускай умнее,
Который обойден;
Но умный принужден
Стоять и дожидаться,
В передней забавляться
Надеждою пустой,
А за его простой
Его не награждают,
Лишь только презирают.
Другой пускай дурак,
Но, говоря все *так*,
Он чин за чином получает
И в карты с барамы играет,
А тот в передней пусть зевает
За то, что он не льстец,
Не трус и не подлец.

Вот так-то мыслит весь такальщикова собор,
Который думает, что благородство вздор,
И добродетели все чтят они мечтою,
Игрушкою своею, робятской суетою.
Они не чувствуют, колико тот блажен,
Кто добродетелью от неба одарен;
Не знают, что *Сократ*² в своей несчастной доле
Блаженнее сто раз, чем *кесарь* на престоле.
Не чувствуют они ни истинных доброт,
Ни добродетели пленяющих красот;
Но самые и те, которым потекают,
Не лучше чувствуют, не лучше размышляют.
Кто любит *таканье* и слушает льстеца,
Тот хуже всякого бывает подлеца.

Свободно скажет всяк,
Что *так* или не *так*:
Но часто входит *так*
Среди нелепых врак,
И боле всех дурак
Находит в таках смак.

*

Невежда, нарядясь в кафтан золотошитый,
Смышляет честь купить, гордится подлой свитой;
Хоть чести не купил и мыслит в том не так,
Дурак прискажет *так*.

*

Хвастун, желая слыть любимым и почтенным,
Рассказывает ложь со хвастовством надменным;
Хоть всюду нелюбим и мыслит в том не так,
Дурак прискажет *так*.

*

Коварный клеветник, сплетая небылицу,
Напишет нам из ней он целую страницу;
Хоть пишет клевету и мыслит в том не так,
Дурак прискажет *так*.

*

Но место слову мы покажем,
Когда прямую правду скажем:
Народы Тита чтят,
В ЕКАТЕРИНЕ Тита зрят;
Подобно чтят ЕКАТЕРИНУ
Несчетных благ своих причину;
Тут самой правды в знак
Весь мир прискажет *так*.

*

Предварив вас о ненависти своей к принуждению, с такою же вольностью вам скажу, что я ни одного слова к сей эпистоле ни для чего прибавить не соглашусь, исключая, однако, то, что *так ни к чему не ответ*, разве тогда, когда утверждает то, к чему здравый рассудок *так* приписать не согласится. В прочем прошу верить, что, имея счастье жить под правительством человеколюбивой и просвещенной мо-

нархини, я могу и буду остерегаться от злоупотребления
вашего имени, пребывая навсегда,

* * *

Сокращение катехизиса¹ честного человека

К господам издателям Собеседника.

Ходя по берегу, нашла я небольшую тетрадь, которая была весьма ветха и так изорвана, что от многих листов половины недоставало. Содержание ее показалось мне достойным сохранения; почему, и выбрав из нее те статьи, в коих по крайней мере смысл найти было можно, оные здесь приобщаю. Ежели вы рассудите сей лист поместить в вашем Собеседнике, то назвать оный можете Сокращением катехизиса честного человека, ибо в заглавии помянутой тетради сие название поставлено было.

*В прочем с почтением пребываю
Вам, государи мои,
покорная служница.*

Да возлюбит душа моя истину паче всего, дабы я возмог отдавать справедливость во всех случаях моим злодеям, равно как и друзьям моим. Отечество мое да будет мне всегда драгоценно. Сердцем моим будучи чужд зависти и мщения, да пребуду упражнен служением, к которому должность звания моего меня обязывает; но да и отделию притом времени моего на вспоможение ближнему, несчастьем или скорбию обремененному. Будучи доволен достатком своим, не только да не превзойду пределы имущества моего, но и да возмогу еще часть оного отделять на вспомоществование неимущим. Совесть моя да пребудет всегда в чистоте, дабы я возмог бодрствовать противу злоключений, дабы превратность жребия и несчастье не возмогли удручить дух мой и подвигнуть оный к какой-либо низости. Будучи в миру с самим собою, да проживу мирно и со всем родом человеческим. Да ощущаю непрестанно любовь и снисхождение к ближнему, которые столь нужны к соделанию жизни нашей приятною, и да не будут последние часы мои возмущены напоминанием о каком-либо злодеянии.

О смысле слова «воспитание»

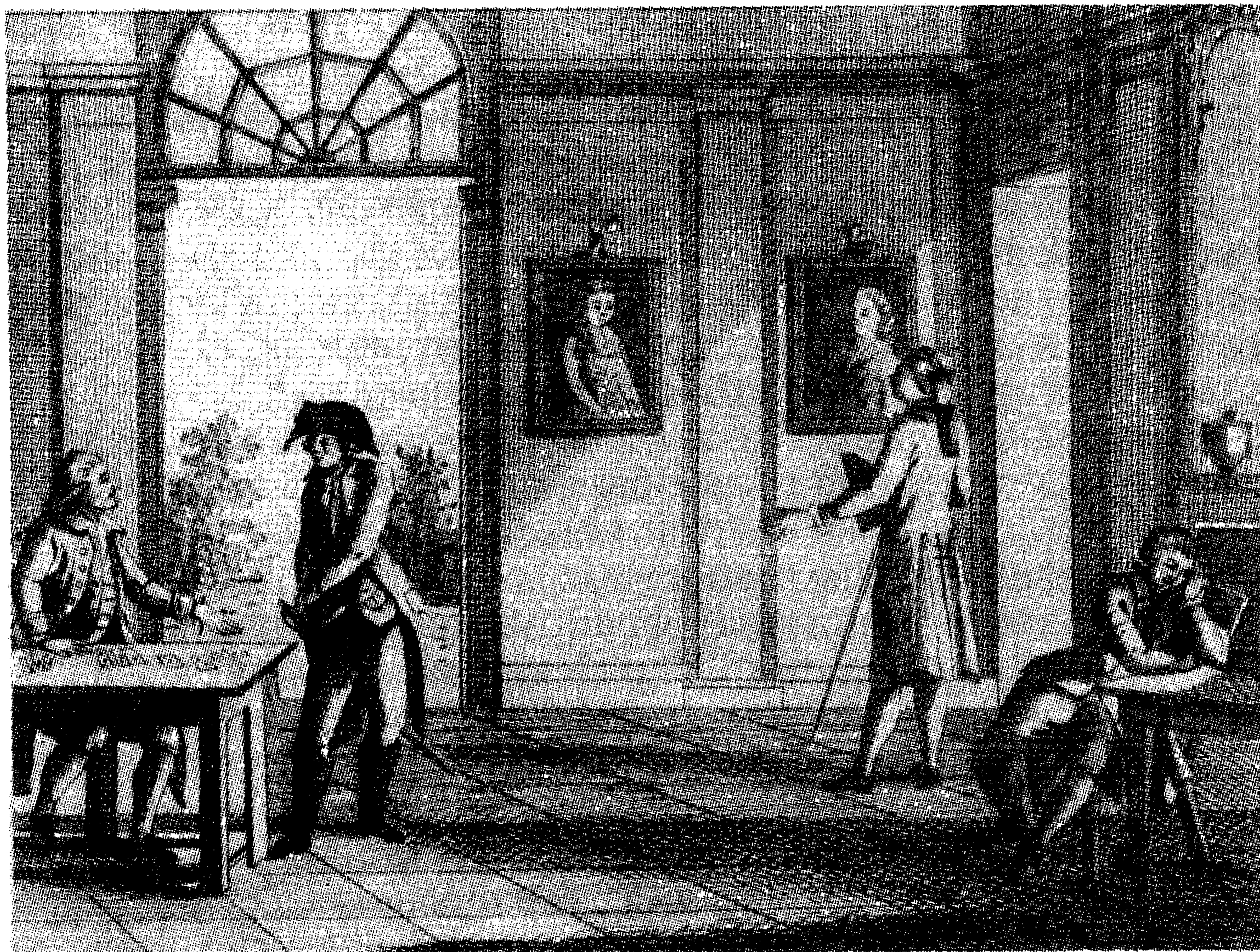
Прадеды наши называли *воспитанием* то, когда они выучат детей своих псалтыри¹ и считать по счетам; после чего просвещенному своему сыну в награждение дарили киевского тиснения часовник;² но учили притом к царю верности, к закону повиновению, твердого наблюдения данного слова или обещания; а как сами других областей не знали, так и деток своих из Отечества, кое они ценили выше других государств, не пускали.

Сие *воспитание* едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно. Они без зазору еще могли пребывать суровыми мужьями и отцами, немилосердыми господами, и отличные природные дарования невидимы исчезали; они и нужны не были, ибо без просвещения к исполнению только того, что от них требовалось, малейшее количество ума достаточно было. Но в оном воспитании незнание, а не развращение видимо было; что, по моему мнению, предпочтительно или по крайней мере не столь бедственно: ибо неуча научить можно скорее, нежели развратного исправить. Путешествие же по чужим государствам невежде, не приуготовленному к тому воспитанием и не имеющему в сердце своем вкорененной к Отечеству и родителям любви, только к пагубе послужить удобно. Напротив того, путешествия с намерением просвещаться, перенимать хорошее, а убегать порицательного, с приуготовленными уже к тому знаниями молодому человеку конечно весьма полезны быть могут.

Деды наши *воспитание* понимали уже несколько иначе. Ябеда³ их поощрила детей своих учить уложению.⁴ Скоро потом артикул⁵ со сказкою Бовы королевича⁶ читался. Наконец, и арифметикою не все пренебрегали.

Но и сие воспитание конечно не выполняет смысла, который слово *воспитание* в себе содержит. Однако воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими.

Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез *воспитание* наше мы не походили на россиян. В их век просвещение, дошедшее к нам от французов, казалось им, так изобильно водворилось в Отечестве нашем, что знатный один господин в тысяча семьсот пятьдесят не помню котором году, с восторгом говоря приехавшему вновь сюда, доказывал ему о просвещении тогдашнем тем, что завелись уже в России *marchandes*

Страсти человеческие. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1790. Ч. 10. № 19).

de mode,* французские обойщики, швейцары, и наконец, о дивное дело! что установлена и лотерея; хотя барыш, с оной получаемый, не в помощь бедных, больных или престарелых употребляем был. Тогда танцмейстеры, французские учителя или *мадамы*, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали.

Нередко случалось слышать, особливо в замоскворецких съездах или беседах, как-то на родинах, именинах или крестинах: *Что ты, матушка, своей манзели даешь? — Дарага, пракаятая, дарага! да что делать; хочется воспитать своих детей благородно: сто восемьдесят рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на месяц ей даю. — И матушка! я так своей больше плачу: двести пятьдесят*

* продавцы модных товаров (фр.).

рублей на год, да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет; да и Танюшу выучила чепчики делать. Нынче, матушка, уж и замуж дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет; а постричь ее ведь нельзя же. Как быть! да я и сама таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит. Учителями же бывали не только парижские лакеи, но и таковые, которые уже и в России ливрею носили.

Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может: ибо лучше бы было Танюше не уметь чепчиков шить, кружева мыть и по-французски болтать, да не иметь и тех гнусных в голове и сердце чувствований, кои подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожою, если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была, и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзельюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветренность и небрежение в себе показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ее правильнее о слове *воспитание* понятие имели, нежели Танюшино поведение подает повод думать.

Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали. Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающагося в слове *воспитание*, прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, кроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспорочно возвращаются. А как пребывание в Париже, по их мнению, им дает поверхность над теми, кои в нем не были, и как притом число не бывших в Париже почти можно считать как 1 противу 1000, то по мере сей пропорции и высокомерятся, во всяком случае отличаются такою надменностию, что и в собраниях, для коих они только себя и прочили, несносными себя делают. Не в поле, не в совете или служении Отечеству они себя отличить и посвятить хотят: танцы, клавикорды или скрипка, разговоры о театрах

и действующих на оных — вот благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают. Наглость и надменность, обыкновенные спутники незнания, и в сообществах быть вожделенными им препятствуют; ибо они так надоедают, перебивая у всех речь, говоря о всем решительным образом, пренебрегая все то, что здесь видят, а решения свои свыше всякой апелляции считая, для того, что они были в Париже, почему, обнажив наконец свою ветреность и ничтожество, перестают скоро быть зваными или желаемыми и в самых тех собраниях, где, кажется, другого намерения нету, как только время проводить или, лучше сказать, потерять оное. Дочери наши стараются мотовством своим прославиться. *Petite santé* и *varceurs** есть щит и шлем, коими они защищаются или под коим они укрываются, когда им родители или рассудительный муж представлять станут что-либо вопреки того, что, они думают, французская *maniere de vivre*** узаконяет. Романы читать, на клавикордах и арфе бренчать есть главное их упражнение. Родители хороших правил детям своим не вперяют, к размышлению их не приучают; чему же дивиться, когда так мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются. *Основательно мыслящий молодой человек* для того жениться опасается, чтоб с женою он не получил и долгов, на оплату коих имения его недостаточно быть может; *легкомысленный парижский россиянин* не женится для того, что *c'est du bon ton**** быть холостым, и для того, что не хочет умножить трудностей, коими он уже обременяется, увертываясь и обманывая своих кредиторов. И наконец, для того, чтобы не терять на воспитание детей и домостроительство своего времени, которое он на театральные действия употребляет; оно бы недоставало ему для учения роли, кои он в комедии или драме с такою славою и с собственным удовольствием представляет, если бы он должность мужа женатого на себя предпринял.

Но сколь ни велико усердие мое, чтоб слову *воспитание* прямой смысл здесь вывести, а чрез то самое внимание родителей к полезному воспитанию детей обратить: как издатель *Собеседника* не мог я себе позволить дальнейшего здесь распространения, чтоб чрез то не исключить из сей

* слабое здоровье и недомогание (фр.).

** образ жизни (фр.).

*** хороший тон (фр.).

книги другого рода сочинений, кои, может быть, некоторым читателям приятнее покажутся; почему, сократив сие, прибавлю здесь только некоторые аксиомы, коих, по мнению моему, всякому родителю, или вождю юношества, знать надлежит.

Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность вкусом или действиями, кои от танцмейстера, от фехтмейстера и прочее получают, без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство, кое становится с летами ненужным и конечно мужу зрелого ума не иначе как для редкого употребления в сообществе пригодным.

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков, ниже в науках одних; ибо и ремесленный человек, определяя сына своего к какому-нибудь также ремеслу, если только что оному его выучит, а не даст ему чрез воспитание крепости и силы, могущей переносить труды телесные, и не вперит ему как поучениями, так и примером своим любви к трудам, к трезвости, верности и порядку; он не может надеяться зреть его благополучным: ибо он не влиял в сердце сына своего того основания, на коем единственно благосостояние созидаться может, и не доставил ему также той бодрости тела, которая для трудов весьма нужна. Кольми паче возвышенное состояние, которое с собою приносит власть и способы добродетельствовать, и силу делать притеснение и обиды зависимым и подчиненным, требует такового *воспитания*, в коем бы человеколюбие, справедливость и добродетель твердое основание имели, а здоровье, утвержденное благоразумным физическим воспитанием, соделывало питомца храбрым, к войне и трудам способным и во нраве своем благоприятным и равным.

Почему заключить можно, что слово *воспитание* прямого, к несчастию нашему, определенного смысла у нас еще не имеет. Разум оного обширен, пространен и содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо; то есть совершенное *воспитание* состоит из *физического воспитания*, из *нравственного* и, наконец, из *школьного* или *классического*. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третья же некоторого звания людям нуж-

на и прилична, но притом не лишняя никому и украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые приобретенные красоты ума с бóльшим блеском оказываются и сияют. Просвещение в вельможе несчетную пользу обществу приносит, поелику подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или *таканье*, но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении.

Особенное изъяснение каждой части, коих союз выполняет совершенное воспитание.

Физическое воспитание выполняется, когда детям чрез простую пищу, чрез простое и покойное платье, чрез движение, привычку к воздуху и трудам подадут силы и сделают их телом крепкими и здоровыми. Польза оногo ощутительна не только относительно долголетию, но и способствию, коим таковое воспитание служит соделывать так вскормленных людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твердости в предпринятом; ибо трудно себя ласкать надеждою от истощенного и слабого тела увидеть действия великого духа, кои всегда с трудами, а нередко и с опасностью соединены бывают.

Нравственное воспитание выполняется, когда детей к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению приучишь, когда вperiшь им, что *правила чести* есть закон, коему подчиняются все степени и состояния; когда, не обременяя их память излишними предписаниями, впечатляешь в нежные сердца их любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и гражданским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму, по коему все относится только к себе, и кое, отторгая члена от общества, прерывает ту цепь, которая общество с ним соединяла; и наконец, когда уверишь их о святой сей истине, что благополучным быть невозможно, когда не исполнишь долгу звания своего, что никакое богатство, знать или могущество неудобны доставить внутреннее спокойствие (кое всему в жизни нашей предпочтительнее), если пред Отечеством или пред благодетелем совесть тебя нарицает виновным, также что *справедливость*, кою, как разумом одаренная тварь, человек обязан противу всех собратий своих, *есть основание*, на коем все добродетели устроятся.

Школьное или классическое воспитание выполняется совершенным познанием природного языка, также латинского и греческого, коим учат для почерпания в зрелых летах красот и высоких мыслей, которых бы мы на нашем языке не имели, если б из древних латинских и греческих классиков оных не заняли и, следовательно б, не знали; для сообщения же с иностранцами немецкий, аглинский или французский язык. Арифметика, как одно из начальных учений, необходимо нужна каждому человеку. В университетах аглинских, а особливо в Эдинбургском университете, в коем гораздо строже прочих экзаменуют, для получения степени *Magister artium** должно знать следующие науки так твердо, чтоб при публичном экзамене не только на вопросы профессоров, но и предстоящей публики (ибо тогда всякий имеет право кандидату задачи предлагать) быть в состоянии удовольствоваться ответом своим; а именно: логику**, риторику, историю, географию, высшую математику, нравственную философию, юриспруденцию, философию естественную, которую преподавать начали несколько лет тому в Эдинбурге основанную на математике; почему когда случится, что эксперимент по какой-нибудь физической причине, на то время препятствующей, и не удастся, то уверенность, кою чрез математику о том имеешь, не оставляет сомнения: почему экспериментальная физика там основательнее других мест поучается; и наконец, химию и многие другие науки, кои по званию, на себя принимаемому, и разнятся. От некоторых же наук, можно сказать, еще отрасли есть, кои для одного звания людей надобны, для других же не полезны или излишними почитаться могут.***

Оканчивает же воспитание светское обращение; испытание нас сильнее убеждает, нежели какие предписания или книги нас уверить удобны. А как при таковом здесь изображенном воспитании полагается, что юноши к разврат-

* магистр искусств (*лат.*).

** Профессор логики Г. Брюс очистил оную совсем от школьного педантства и преподает ее так ясно, что в его классе логика подлинно есть наука ясно мыслить и изъясняться вразумительно.

*** Да не возмутятся читатели мои затруднениями, встречающимися им во множестве показанных наук; пример может их удостоверить о возможности сего: некоторый молодой соотечественник наш, быв уже довольно приуготовлен ко вступлению в классическое поучение, в три года пребывания своего в некотором университете окончил классическое свое воспитание с удивительным успехом, коему вся публика несколько раз свидетельницею и судьей вместе с профессорами была.

ным сообществам вкорененное омерзение иметь будут, то обхождение с благородными и умными людьми выполняет то, чему книги и наставники основание положили.

О истинном благополучии

Благополучие есть общая цель всех человеков, на которую они сильным побуждением природы все свои деяния согласно устремляют и в том совершенно между собою сходятся; но разность тут, во-первых, есть та, что по различию страстей представляют они себе благополучие под разными видами; а во-вторых, пути, коими надеются достигнуть до желаемых концов, не бывают одинаковы.

Люди обыкновенно заключают благополучие в богатстве, чинах и могуществе, в роскоши, сладострастии и в прочем, что относится к удовольствию чувств. Все сии предметы, входя в естественное человеков составление, должны привлекать их к себе желания, а потому и безрассудно полагать те строгие правила, коими требуют, чтоб человек не желал того, чего не желать ему невозможно, и чтоб отрекся он, так сказать, сам от себя. Оставим человека быть человеком, но только рассмотрим богатство, власть, чины и все другое могут ли составить для него истинное и с существом его согласное благополучие.

Те люди, кои богатство почитают благополучием, столько же ошибаются, как если бы они лекарство почитали здравием; лекарство не есть здравие, но при пристойном употреблении служит способом к оному; равным образом и богатство само по себе не есть благополучие, но средство к умножению его. Оно полезно или вредно по тому, как людьми употребляемо; иных оно украшает, служа к добру орудием, других же портит, губит и развращает. Крез,¹ сей знаменитый древних времен богач, не мог сокровищами своими быть спасен от злоключения и при наступающей гибели своей раскаивался, что не внимал словам мудрого Солона,² который некогда, зря его, богатством гордящегося, между прочим, сказал ему: «Жизнь человеческая подвержена бесконечному множеству перемен, а потому и не должны ни сами мы величаться сокровищами, коими наслаждаемся, ни удивляться в других такому благополучию, которое преходчиво и непостоянно». Итак, когда богатство

СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕИ РОССІЙСКАГО СЛОВА,

Содержаща различныя сочиненія въ спи-
скахъ и въ прозѣ некоторыхъ Россій-
скихъ писателей.

ЧАСТЬ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
издана въ Императорской Академіи Наукъ
1783 года.

Собеседник любителей русского слова.
Титульный лист 1-й части журнала.

есть вещь не только непостоянная, но часто и ко вреду служащая, то несправедливо будет заключать в нем истинное человеческое благополучие.

Чины и могущество суть предметы, к коим самолюбие и любочестие влекут людей непобедимо. Естественное желание распространить благосостояние свое заставляет их искать ведущих к тому способов, а оные способы обыкновенно в чинах и власти найти они уповают и в том не ошибаются, когда расположения их бывают праведны и клонятся к прямой пользе; в противном же случае власть и чины приключают им либо гибель, либо стыд и поношение. Не можно представить себе равного могущества тому, каковое имел *Сеган*, римского кесаря *Тиберия*³ любимец. Важнейшие чины были на него возложены; власть имел он беспредельную; судьбина всех римских граждан зависела от его произволения. В таком положении, казалось, долженствовал бы он сделаться благополучнейшим из смертных; но вместо того гнусными своими деяниями сделался извергом человечества. Постыдная его смерть и страшное падение, предавшее память его вечному поношению, служат великим доказательством, что чины и власть не могут составлять человеческого благополучия и что они равно, как и богатство, могут только служить способом к оному.

Если бы люди одарены были не одними только телесными очами, коими объемлетя единая вещей наружность, но и душевными, коими б, вовнутрь сердец человеческих проникая, можно было видеть количество их удовольствий и печалей, какое бы тогда странное представилось позорище! Увидели бы, может быть, что хлебопашец, покоящийся на мураве, благополучнее царя на престоле; ремесленник в убогой хижине спокойнее вельможи в богатых чертогах. Тогда-то б люди познали прямую цену всему тому, чем столь много пленяются и чему столь несправедливо завидуют.

Сладострастие и роскошь, обманчивыми своими прелестями услаждая чувства, владычествуют над людьми не умеренно; но происходящие от них удовольствия сколь восхитительны, столь скоро и преходчивы. Неосторожное их употребление, истощая тело и расслабляя душу, влечет обыкновенно за собою болезни и позднее раскаяние. Сии страсти не только пагубны частным людям, но приключали падение великим государствам: следовательно, как же можно поставлять их целью благополучия?

Но когда ни богатство, ни могущество, ни чины, ниже роскошь и сладострастие не могут составить человеческого благополучия, то где же искать его должно? В добродетели. Вот единственный источник не только благополучия всякого человека, но и народного блаженства. Вот та прекрасная и редкая роза без шипов, которая не колется! Правила ее состоят не в истреблении естественных человеческих желаний, но в научении употреблять получаемое добро согласно с рассуждением в пользу себе и обществу. Она не воспрещает желать богатства, чинов, власти и прочего; но воспрещает только делать из них злоупотребление. А дабы яснее показать, что без добродетели нет истинного благополучия, посмотрим, что такое добродетель? Добродетель вообще есть то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям полезным нам самим, ближним нашим и обществу. По сему изъяснению усматриваем, что добродетель не что иное, как истинный долг доброго гражданина, который не только для общей, но и для собственной своей пользы всеми силами обязан споспешествовать частному и общему добру. Итак, не исполняя сего долга, можно ль быть совершенно благополучну!

Многие почитают добродетель строгою и к слабостям человеческим неснисходительною. Правда, для людей порочных добродетель несносна, а потому и не могут они никогда быть счастливы; для тех же, кои умеют мыслить и чувствовать, ничего нет приятнее, как она. Какая тут строгость и какая невозможность, когда требуется, чтоб человек был справедлив, честен, человеколюбив, благоразумен, великодушен, смирен, благодетелен, умерен, кроток, терпелив и снисходителен. Сии особенные добродетели рождают благоденствие, которое стесняет и утверждает общественный союз и без которого народы благоденствовать не могут. Они нужны всякому всякому состоянию; богач, следуя им, делается полезным гражданином, научается не гордиться такою вещью, которая не есть достоинство; удерживается от излишеств, кои могли бы развратить его и сделать презрительным; роскошный и сладострастный человек их содействием не будет допущен насыщать неумеренно свои желания, а чрез то тело его сохранится от болезней, а душа — от расслабления; знатный и сильный вельможа, любя добродетель, найдет в благодеянии сладчайшую пищу душе своей и будет утешаться, зря себя окруженна любовью и благодарностию. Человеколюбие, справедливость, чест-

ность, великодушие, кротость, снисхождение и прочие добродетели сделают его прямо великим и любезным человеком. Следовательно, исполнение добродетелей составляет вкуже и общественную пользу, и истинное всякого состояния людей благополучие, которое не в рухлых и преходчивых состоит наслаждениях, но в том положении, в котором человек при спокойной совести, озирая свои похвальные деяния и находя себя добрым гражданином, нелицемерным другом, нежным отцом и верным супругом, наслаждается постоянным, никогда не прменяющимся духа спокойствием, которое никто у него похитить не может. Прошедшее его не беспокоит, о настоящем печется он без вреда ближнему. Богатство полагает не в том, чтоб иметь всяких сокровищ много, но в том, чтоб уметь быть довольным тем, что имеешь. Знатность, могущество и чины желательны для него только потому, что дают способ благодетельствовать человечеству, защищать притесненных, отирать слезы вдов и сирот и распространять усердие свое к Отечеству. Будущим утешается он, воображая, что, может быть, предстанут ему случаи принести обществу пользу или сделать какое-либо добро своему ближнему. Вот истинное человеческое благополучие, которое единою только добродетелию сооружено быть может и которое люди, не познавая прямо своей пользы, редко снискивают.

Добродетель хотя и прелестна, но имеет мало обожателей. Пороки и предубверения отвлекают человеков от сей истинной их благодетельницы. Эпиктет,⁴ один из греческих мудрецов, видя распутного и непотребного человека, рассуждающего о учении и любомудрии, воскликнул: «О безумный! что ты делаешь? Осмотрел ли ты чистоту твоего сосуда, прежде нежели влить в него что-нибудь? Без сего все то, что ты в него ни вольешь, обратится в дурное и неприятное». Сие самое можно отнести к добродетели и сказать: человек! добродетель для благополучия твоего необходимо тебе нужна; если ты желаешь, чтобы она в тебе обитала, то прежде очисти себя от пороков, кои безобразят ее и оскверняют.

Не довольно, говорит Конфуций,⁵ знать добродетель; надобно ее любить, а любя надобно ею обладать. Сие священное правило, для всех состояний полезное, долженствует паче впечатленно быть в сердцах великих вельмож.

О вы, кои верховною властью возводите на вышние чинов степени и коим вверяется жребий человеков; обра-

щая мысленные взоры ваши на важность вашего долга, любите добродетель; с сею любовью сопрягается любовь к Отечеству вашему; с сею любовью сопряжено точное исполнение вашей к обществу обязанности. Добродетельные деяния ваши, украшая вас самих, послужат для других подражанием. Взирайте на порядок природы, которая являет вам ежедневно пример долгу вашего: с каким намерением облака благотворительным светилом из недр земных на высоту поднимаются? — с тем, чтоб, преобратясь в дождь, орошали и оживляли землю. Равным образом и вы, с каким намерением из недр общества подымаетесь властью государей на высокие степени? — с тем, чтоб изливать на человеков правосудие, милость и благодеяние. Вот истинный долг ваш, без исполнения которого совершенно благополучны быть вы не можете.

Искреннее сожаление об участии господ издателей Собеседника

Странно покажется, что, вместо поздравления с успехом книги вашей, господа издатели, приношу вам мое искреннее сожаление об участии вашей. Мне кажется, что вы слишком дорого платите за удовольствие других. Мне кажется, что труды, скука и досада весьма помрачают в вас то приятное чувство, которое при добром деле человек обыкновенно ощущает. Правда, что публика отдает вам всю справедливость. Она чувствует, что вы открыли хранилище для всех тех произведений разума, кои, не составляя целой книги, исчезали для того, что не было ни одного периодического издания, куда бы могли они быть помещены. Сограждане ваши с радостью видят, что в Собеседнике даете вы убежище истине, гонимой злонравными людьми. История и басня, нравоучение и шутка, были и небылицы — все у вас или просвещает, или исправляет, или забавляет: но, посмотря с другой стороны, чего вам стоит удовольствие быть полезными, не могу о вас не пожалеть. Первое обязательство ваше состоит в том, чтоб читать с начала до конца огромные кучи разнообразного вранья, присылаемого к вам с легкою и тяжелою почтою из всех концов России. Для людей вашего разума сия работа должна быть так мучительна, что по неких летах можете сподобиться за нее венца мученического. Прочитав же всякий раз вздор и дело,

надобно делать выбор. Мудрено, господа издатели, мудроно угодить всем и каждому. Иной не любит стихов; иной не терпит прозы. Третьего же рода писания нет на свете. Одному нравоучение кажется скучно, другой от критики зевает; большая же часть читателей заражена несчастною охотою отгадывать. Всякая толстая баба на тонких каблучках сердится, думая, что наверное она архангелогородская кума. Один Дедушка¹ скольким повернул головы! С какою хитростью доискиваются, кто муж и жена, которым Дедушка был друг! Одна знакомая мне дама теперь уже третью неделю ни о чем больше не думает, как о том, чей ординарец приезжал за Дедушкою? Клир² — существо конечно вообразенное и которого никто с разумом на свой счет не возьмет, Клир встретил сам ревностных защитников. По газетам вижу, что вы, господа издатели, получили уже защищение Клировых мыслей,³ которое обещаете и напечатать, чаятельно не ради пользы человеческого рода: но да сбудется писание великого пииты:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.*

Вот, господа издатели, как ваша участь неприятна. Вы имеете противу себя всю чернь авторов и читателей. Первые гневаются, для чего не печатаете того, что всех дремать заставляет. Вторые — для чего печатаете то, что души от дремоты пробуждает. Вас не любят те, которые не умеют писать. Вас не любят и те, которые не умеют читать. Чрез не умеющих писать разумею я не тех, кои литер ставить не знают, но тех прескучных Любословов,⁴ кои слова без вещей писать любят: чрез не умеющих читать не разумею я тех, кои не смыслят прочесть по толком; но тех, кои не умеют читать с толком. Все невежды обоего пола суть лютейшие ваши неприятели. Танюша с матушкой, двоюродный брат с женою,⁵ маминька с супругом, все такальщики, все жены, которым с мужьями *розно так тошно, а вместе так тесно*; словом, вся смешная, следственно, большая половина человеческого рода в Великой, Малой и Белой России против вас взволновалась. Все они бросились под покров безграмотных писателей; но как невежество обыкновенно весьма невежливо, то и неудивительно, что достойные их защитники на ваше осмеяние пороков отвечают одною презрительною грубостью. Самое участие, которое приемлет в

* Глупый всегда находит более глупого, который им восхищается (фр.).

Собеседнике знатная и почтенная особа,⁶ не скрывающая имени своего, не спасает вас от дерзости людей невоспитанных. И то правда, что глубочайшее ваше презрение к их образу мыслей не может быть доказано сильнее, как помещением в Собеседнике вашем бедных их творений.

Все сие, однако же, для вас нимало не утешно. Невежды хотя и многословны, но был бы для вас грех, показывая над ними свое великодушие, отягощать делом рук их просвещенную публику. Надобно наполнять Собеседника творениями, достойными его. Но где ж их взять? Присылаемые к вам разноманерные пакеты, запечатанные то полушкою, то пуговкой, правда, наполнены стихотворениями; но по скольку добрых стихов на сто худых? Я уверен, что не находите вы тут ниже по шести на сто указных процентов. Помещать же всякую прозу, которая до рук ваших доходит, было бы не что иное, как издавать книгу, которую никто читать не захочет.

Чтоб искреннее мое сожаление об участи вашей, господа издатели, было не бесплодно, позвольте сказать вам с равною же искренностию мнение мое о том, чем можете пособить себе в вашем положении. Способы наполнять достойным образом Собеседника от вас самих зависят. Старайтесь как возможно доставать от сочинителя «Записок касательно Российской истории»⁷ все дальнейшие по сей материи сведения, служащие к просвещению народа, как видно, весьма ему любимого. Не прерывайте знакомства вашего с звенигородским корреспондентом,⁸ который для приобретения истинных понятий о воспитании ездил, кажется, гораздо подале Звенигорода. Продолжайте ободрять искусное и приятное перо арабского переводчика. Собеседник ваш да будет навсегда прекрасною галереею картин, изображающих живо человеческие страсти. Наполняйте ее портретами выработанными веселою кистью автора «Былей и Небылиц».⁹ Держитесь принятого вами единожды навсегда правила: не воспрещать честным людям свободно изъясняться. Вам нет причины страшиться гонения за истину под державою монархини.

Qui pense en grand homme, et qui permet qu'on pense.

Epître de Voltaire à CATHERINE II.*

* Кто мыслит воистину как великий человек и кто не препятствует, чтобы и другие мыслили. Из стихотворного послания Вольтера Екатерине II (фр.). Oeuvres complètes de Voltaire. Paris, 1785. Т. 13. Р. 230 (примеч. ред.).

К господину сочинителю «Былей и Небылиц»
от одного из издателей Собеседника

С крайним сожалением увидел я из последнего вами присланного листочка, что вы намеряетесь сей град оставить, чрез что лишиться может наш Собеседник ваших замысловатых, шутливых, глубокомысленных и всем нравных сочинений; ибо когда вы отъедете отсель за тридевять ли земель, за тридесятое ли то царство, или то и ближе, но чрез почту получать от вас того уже не надеюсь, чтобы я уповать мог, когда бы один градоначальник, один Устав благочиния у нас был, и, одним словом, одну атмосферу мы с вами дышали. Я пословицы старинные очень люблю, и потому прошу простить, если я несколько оных здесь помещу: *И не сули, дескать, журавля в небе, дай синицу в руки;* точно то и про ваши сочинения скажу; а если вы не дадите мне математической уверенности, что отсутствие ваше будет краткое, или не прервет Собеседника обогащающий и украшающий источник, то участь моя как одного из издателей сей книги будет весьма сожаления достойна; ибо я вместе с публикою лишусь удовольствия читать ваши прекрасные сочинения; сверх того книгу мою ни хвалить, ни раскупать уже не станут. Сам Дедушка ваш перестанет Собеседника читать. Неужели его забавы вам не драгоценны? Он удостоивал наше периодическое сочинение своим чтением, иногда и улыбкою. Если вы столь хладнокровны, что не занимаетесь тем, что такому почтенному прародителю преподавало хотя четверть часа в сутки удовольствие, то знайте, государь мой, что публика инаково о нем чувствует: любопытство и почтение он вдруг в ней возродил. Расстаться с ним будет дело нелегкое, а заменить такую особу будет некем. Вспомните также, что осень наступила и что при благотворительном каминном огне чтение ему будет день ото дня становиться нужнее. Если бы псовая охота Дедушке вашему приятным упражнением была, то и в таком случае кашель его из памяти вашей выйти не долженствует; почему как лучшей нашей подпоры ваш долг есть не допускать, чтоб Собеседник скучным творением сделался. С должным почтением испрося дозволение, вторую половицу здесь представляю: *Рассердясь на блохи, да одеяло в печь;* неужели сие с вами сбылось? Петры Угадаевы¹ были, есть и будут, но их существование вас всех менее удивлять должно, ибо самые ваши сочинения их более рождают удобны.

Писать хорошо, шутливо, приятно, притом новые совсем мысли, в новом одеянии представленные, везде соль, дальновидность, глубокомыслие и густомыслие соединясь, ваши сочинения отличают от прочих; как же не *привить* желания отгадать сочинителя, прародителя его, братьев и знакомых ему, и проч. и проч. и проч. Противное столь же естественно, как обратное течение реки. Сегодня я встретил одного идущего из типографии, куда и я для отнесения моих бедных творений шел, который неведомо какими судьбами проведал о злосчастном вашем для нас намерении. Любопытство мое, чтоб узнать, кто он таков, тем более возросло, что я увидел его слезы изливающего. Вспомня, что есть (не помню, однако, в которой части света) одно государство, народ коего почитается весьма просвещенным. У него такой обычай, что все обо всем и у всякого спрашивают, знаком ли кто или нет, стар ли или молод, знатен ли или нет, печален или весел, до того дела нет; но встреча уже, по их мнению, дает им право вопрошать. Я, поблагодарив тогда память свою, которая не всегда так удачна и услужна бывает, воспользовался ободрительным примером и спросил у встречного мне плачущего, кто он таков и о чем плачет?

В. Два вопроса довольно вольные; но, к счастью моему, приняты снисходительно.

«Я, — отвечивал мне он, — не вовсе внук того Дедушки, коего отъезд из града Петрова будет чувствителен всем читателям Собеседника, ибо я хотя желаю быть его внуком, но, чтоб оным быть, желания, видно, одного не довольно. А плачу о том, что он отъехал и что я лучшего своего удовольствия лишен буду; ибо я за тем и теперь в типографию заходил, чтоб проведать, скоро ли пятая часть Собеседника выйдет. Приятель мне, типографии наборщик, быв убежден моею и кума моего, а его товарища, просьбою, показал мне присланные от сочинителя „Былей и Небылиц“ листы, почему и сведал я, чем угрожаются читатели, и о сем-то я, как вы видите, и горюю».

Встречу и разговор сей здесь вмещаю, чтоб убедить вас к непрерывной с нами переписке. Прихотив добрых людей читать, не весьма великодушно будет их покинуть. Что вам труда, с природною вашею способностью писать, дать волю вашему перу и тем нас одолжить? Продолжайте нас обогащать присылкою ваших сочинений. Я не обинуюсь скажу,

что вся публика благодарностью вам обязана будет, равно как и покорно преданный вам

* * *

Краткие записки разносчика

Не удивляйтесь, государи мои, что мужик, разносчик, осмелился писать к вам: звание мое, чрез которое я имею вход во всякие дома, снабдило память мою вещами, кои не всякому удастся знать. Наш брат, будто не примечая и не понимая, слышит такие дела, за узнавание коих некоторые люди дорого бы заплатили. Правда, и мы недешево платим за оные; не считая несчетных поклонов, износишь несколько пар сапогов, покуда дождешься долгу, который всегда обещевают скоро отдать: однако в награждение за то ласково с нами обходятся. Когда придешь в какой-нибудь дом, то, принужден будучи дожидаться несколько часов доклада, успеешь переслушать от лакеев все домашние обстоятельства, от официантов — все комнатные дела их господина, а от самого господина или госпожи, которым иногда угодно держать нас с товарами в гостиной комнате часа по два, удостоишься узнать все новости, дошедшие до их ушей и которые сообщают они своим гостям, не опасаясь нашего присутствия. Признаться по совести, я не всегда мог понимать их разговоров, потому что часто употребляемые ими чужестранные слова в русском языке затмевали речь, почему надлежало всегда догадываться, что они говорят. Но один день был так для меня счастлив, что в некотором знатном доме, куда я пришел с товаром, говорили все по-русски, не примешивая почти чужестранных слов, потому что разговор шел о Собеседнике. Я, пришедши домой, слышанное написал и теперь к вам, милостивые государи, посылаю, прося простить нескладности моего наречия, для того что грамоте учился я у дьячка церкви Святого Пантелеймона, который доводится мне дядя; и так сами можете судить, какому мне должно быть грамотею. Например, я никогда не мог бы соткать такого превыспренного и премногодлиного — как вы называете, государи мои, *период* что ли? каковой написал в вашем Собеседнике какой-то Любослов,¹ который, видно, словами помыкает, нагоняя слово на слово, как ребятишки кнутами кубари посылают.

Кубарить словами, говорит мой ученый дядя, есть кубарить здоровым рассудком. Во многословии г. Любослова, кажется, другого предмета нет, как только собрать несообразных между собою слов большое количество. Мне дворецкий графа *** толковал *начертание о российских сочинениях*, и как он называет *первый период* наизусть учить велел; но признаюсь, сколько головы над оным ни ломал, грешен, никакого смысла в нем не нахожу. Мне простяку в нем только кажется, что г. Любослов *средоточие* здравого рассудка потерял.

Обходив несколько домов для сбора должных мне денег, в ином завтрами отпотчевали, в другом отослали до будущего понедельника, в третьем не доложили госпоже за болезнь, которая приключилась ей от того, что птичка ее вылетела из клетки и любимая собачка переломила ножку; одним словом, вместо трехсот рублей, которые считал я тот день получить, тринадцать рублей мне отдал тот из должников моих, который бы скорее извинен был в неисправности, ибо он всех прочих беднее; но не теряя, однако ж, совсем надежды, пошел я к одному знатному и богатому господину, чтоб получить от него восемьдесят два рубля за ленты и румяны, по его приказанию отданные девке, которая у него на содержании. Я нашел тут придворных, армейских и гвардейских офицеров, также и трех тщедушных писателей, кои, как видно, от своего ремесла не жиреют.

Покамест красавица разбирала у меня ленты и румяны, обещаваясь заплатить за оные все вместе, помянутые господа разговаривали о Собеседнике. Иные критиковали его, другие хвалили, а прочие молчали. Наконец речь зашла о новейшем сочинении, которое прислал в типографию *ни одной звезды во лбу не имеющий*² писатель. Хозяин, отдавая преимущество ученой голове, спросил у одного из стоящих у дверей писателей, каково кажется ему одно место, которое он показал ему в книге. «Мы видим государство, правда, обширное и тем самым от природы изобильно одаренное, но притом способности не в действии, достатки не в употреблении, слабость с сими обстоятельствами неразлучную».³ Писатель, смотря в глаза своего благодетеля и желая увидеть в оных собственные его мысли, сказал дрожащим голосом: «Оно имеет в себе нечто глубокомысленное и метафизическое, которое едва и сам сочинитель понимал

Дикие народы. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 6. № 19).

ли». — «Правда, душа моя, — подхватил один из молодчиков, — в этом passage* весьма много глубокомысленности, и он точь-в-точь comme deux gouttes d'eau** французского вкуса. Сей-то великий сочинитель один только из наших соотечественников достоин в Монгольфьеровом глобусе⁴ вояжировать». Тогда другой из сочинителей спросил: «Разве в помянутом шаре уже и манеж сделан, что В. С. о passage изволите говорить; но я слышал, что немцы совершеннее лошадей выучивают, нежели французы, а сочинитель, ни одной звезды во лбу не имеющий, хоть верхом или инако во французском шаре летать будет, пока по-русски не выучится, русским сочинителем быть не может». На сие хозяин вскричал: «Да как же не чувствуете вы красот просвещенного сего пера. Например: „Мешает ли все сие, однако ж, предпринимать Петру доставить то совершенство,

* пассаже (фр.).

** как две капли воды (фр.).

которого он его (народ) способным в предведении обозревает“. В предведении, — продолжал он говорить с восхищением, — в предведении этого никто не может написать, кроме вдохновенного французским духом. А это, — продолжал хвалить хозяин: — „Грады украшаются, и в самых отдаленностях сносятся посредством возбужденного движения“», — и хотел было снова хвалить, но один отставной офицер сказал ему: «Мне кажется, что все сие писано на французском языке русскими словами; если вам угодно, я переведу все сие сочинение на французский язык, и возвратя оное в первобытное состояние, оно более смысла иметь будет, нежели теперь в русских словах оно содержит. Что же касается до речения, употребленного хвалимым вами сочинителем „самые заслуженные обличены будучи в законопреступлениях, были наказаны с тою же *точностию* как и пр.“, то слово *наказать с точностию*, по мнению моему, другого не изъявляет, как дать бездоимочно положенное число ударов; так как я, находясь в службе, приказал одинажды капралу наказать за пьянство солдата, что он исполнил с великою *точностию*: ибо дал полные пятьдесят ударов, которые я назначил, а не сорок девять». — «А может быть, г. Сочинитель был тогда ексекутором при наказаниях, — подхватил один из сочинителей, — то мудрено ли знать ему, точно или не точно кого били».

Тогда молчавший до сих пор сочинитель сказал хозяину дома: «Мудрено узнать, кто таков сей выхваляемый вами сочинитель, русский ли он или чужестранец, наш ли брат недоуч, ексекутор, или священник, ибо в окончании своего сочинения говорит он: „Но слава дел Великого Петра, равно как Екатерины, должна быть *посвященною* разумом, особливо на то рожденным“. Посвящают в попы, а славу посвятить на русском языке ничего не значит; может быть, он хотел сказать: *слава должна быть освещена или превозглашена разумом*; но, как видно, он недавно пострижен в иерейский сан, то соделавшееся с ним ему прежде всего на ум и взбрело». — «Подлинно, государь мой, — сказал другой, — мудрено узнать, кто таков сочинитель сего несообразного творения. По одному из наречий его я бы думал, что он при таможенной в низкой какой-нибудь должности». — «Как это, — вскричал граф, — *quelle pauvreté!** как можно так *бласфемировать!*⁵». Тогда хоть не вовсе храброю

* какая бедность, какая нищета! (фр.).

выступкою, но чтоб защитить выговоренное, прежде говоривший прочел из книги самые того сочинителя выражения: «Можно сказать, что везде духа его клеймо чувствительно».

Долее я остаться не мог в комнате, а предлагаю, государи мои, вам первый опыт краткоскорых моих записок. Если вы оные очень дешево ценить будете или не напечатаете в вашем Собеседнике, о чем меня вышепомянутый мой приятель дворецкий графа *** конечно уведомит, то вы немилосердно поступите со вновь вступающим писателем, тем наипаче, что не без труда мне было оное исполнить, во-первых, оттого, что не всегда в таких беседах без шуму или по порядку говорят, а во-вторых, и *красавица на жалованье* вниманию моему мешала как перебором моих товаров, так и любопытством своим, увидев, что я пишу. Я пишу, сударыня, говорил я ей, отчет, который я должен дать хозяину своему; а чтоб удобнее записать, что я слышал, я согласился до праздников денег еще на ней ждать. Если тогда услышу еще что-либо достойное внимания в вашу книжку и узнаю, что вы сей лист напечатали, то не премину вам оное сообщить.

Рыжий Фролка

Вечеринка

Хотя мороз и велик, однако ж со двора ехать надобно. Несносная жизнь! Мы всему принуждены жертвовать нашим спокойствием; мы принуждены даже и выезжать тогда, когда не хочется и когда стужу на дворе едва возможно вытерпеть. Как мои рассуждения ни справедливы и как мое отвращение от выезда было ни велико, однако ж я велел заложить карету и, повинувшись обычаю, поскакал развозить карты. Никто меня не принял, и во всех домах, к которым я ни подъезжал, рассудили лучше прочесть мое имя, нежели беспокоить меня выходом из кареты. Предорогая выдумка — карточка с именем в состоянии заменить того человека, чье имя на ней написано.

Окончив мои визиты, приехал я в один мне весьма знакомый дом, которого хозяйку я почитаю и люблю от всего моего сердца. Она сидела одна и занята была единою только скукою.

«Каковы вы, сударыня?» — спросил я у нее. — «Я третий день не выезжаю, — ответствовала она мне, — истерика меня замучила». Выговорив сие, начала она зевать, и зевала так много, что я принужден был ее примеру последовать, и мы бы конечно целый вечер прозевали, ежели бы не спасло нас следующее приключение. На стоящем подле нее столике лежала книга; я ее развернул и, увидев, что то был Собеседник, отыскал в нем Были и Небылицы и начал читать вслух. Прочитав три строки, унял я у почтенной хозяйки зевету; на седьмой строке сорвал я с нее улыбку, а на десятой начали мы оба смеяться; и так истерика и зевание миновались. Чтению моему помешала некоторая дама, коей приезд возвестил нам швейцар колокольчиком. Она в комнату влетела, присела, поцеловалась с хозяйкою и удостоила меня покиванием французскими лоскутками украшенной столицы ума своего. На устах ее присутствовало приветствие, от которого рождалось множество слов, кои ударяли в слух мой, раздавались по комнатам и воздымались кверху, яко жертва вечерняя, божеству большого света приносимая. Из других дверей явилась к нам всем известная архангелогородская кума. Она, не говоря ни слова, села за стол и, вынув из кармана карты, начала их раскладывать. «Ах жизнь моя! — вскричала приезжая, — загадай, что будет с крестовою дамою?» Кума, ничего ей не отвечая, собрала карты и важным и волшебству приличным голосом говорила: «Тридцать шесть братьев, скажите, не солгите, что от сего дня, часа и минуты будет с крестовою кралею».

«Итак, вы крестовая краля», — сказал я улыбаючись. Дама отвечала мне громогласным смехом, от которого эхо, ударяя в стекла, производило в них звучное движение.

«Дело твое, — говорила кума, — колыхается ни в рай, ни в муку, ни на среднюю руку; однако ж молись Спасу, ложись спать, утро вечера мудренее». — «Что ж значит виновый валет?» — спросила смеющаяся дама. «Он у тебя теперь под видом благочестия при милости на кухне; он не спросился у праздника, зазвонил в большой колокол, звонить не умел, а покинуть не смел, пускай его гуляет на стороне». Кума наговорила множество дурного и хорошего, собрала карты и начала ворожить о червонном короле. «Много у тебя, робенок, доброхотов, да в них толку мало; семь капралов, а ты один рядовой; все суются, да невпопад. Бубновая краля все по-хорошему, а виновная вертится, как

бес перед завтреной». При сих словах приезжая дама покраснела. «Винновая дама, — продолжала кума, — хочет тебе лиха; да все пустое, все будет по-благословленному».

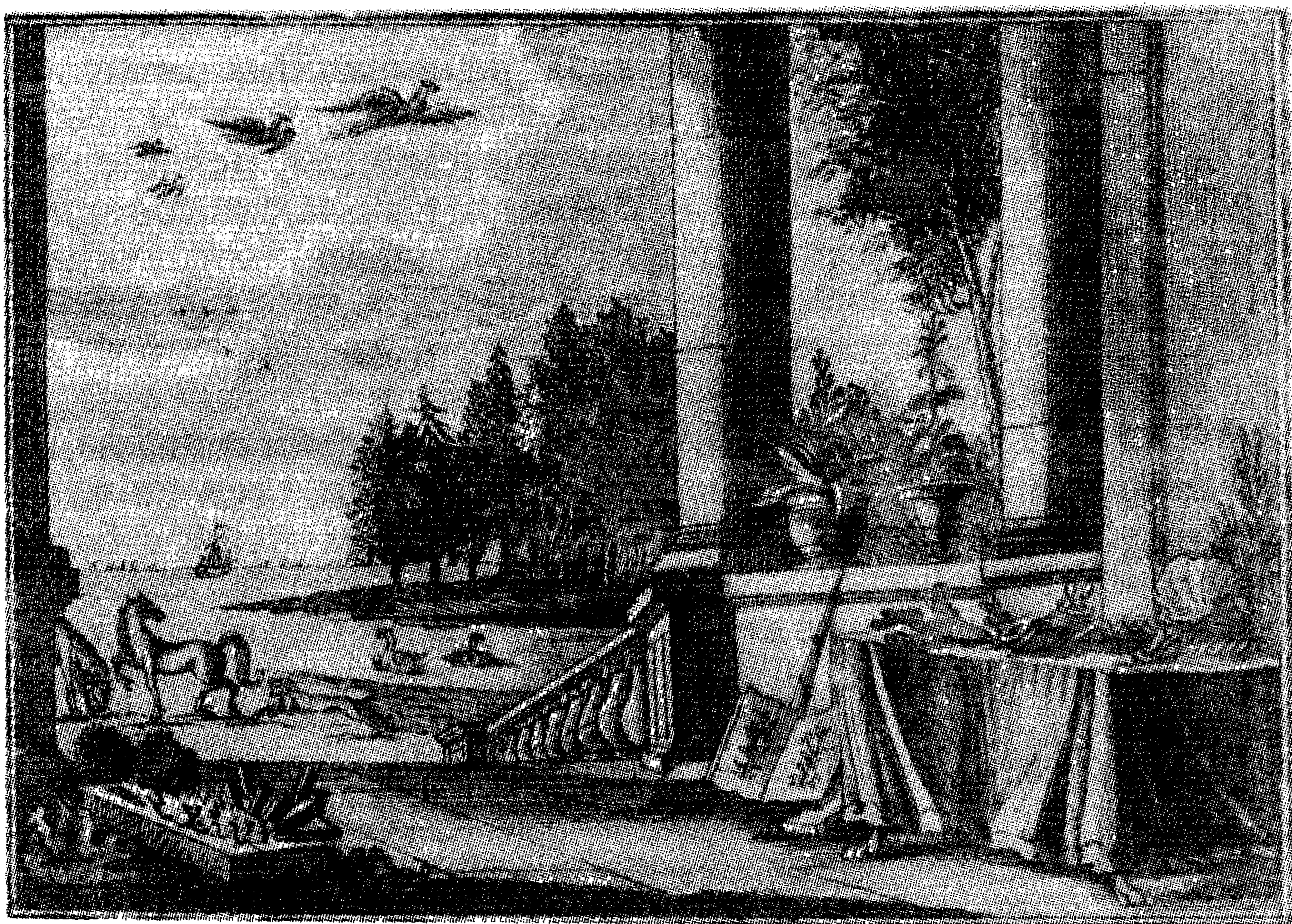
Странная одежда кумы, волшебный ее голос и важность, с каковою она все слова произносила, влияли в меня такую к ней доверенность, что я нимало в том не сомневался, что она мне говорила, и почитал винновую даму себе злодейкою; а как приезжая гостья при названии винновой крали покраснела, то я уверен был, хотя я ее и люблю, что злодейка моя предо мною. Я бы здесь представил ее изображение в такой точности, чтоб вы, любезные читательницы, вскричали: ах! это она; сочинитель, кажется, вынул этот портрет из ее зеркала, но сие дело не мое. Несколько минут потом услышали мы вторичный звон швейцарова колокольчика. Некоторый господчик, сияющий всеми достоинствами качествами искусного царедворца, вошел в комнату и обратил наше, словами архангелогородской кумы, рассеянное внимание на свою особу; он прежде всего сунулся к камину и начал нам говорить слово похвальное французской литературе. Я старался обратить речь на произведение российских писателей и, исполнив сие, спросил у красноречивого гостя: «Читали ли вы, сударь, Душиньку?». — «Я ее не читал и не видал». Не видал. Сие слово меня удивило, и я повторил мой вопрос: «Вы этой прекрасной книжки не читали?». — «Нет, сударь; я думал, что ее когда-нибудь сыграют». — «Милостивый государь, я спрашиваю о прекрасном сочинении господина Богдановича,¹ которое не есть драма, но сказка в стихах». — «А мне сказали, что это комедия». Надобно знать, что господин, о котором я здесь говорю, выдает себя за человека просвещенного, за любителя наук и художеств. Бедные российские писатели! Вот как сочинения ваши читаются. Не худо бы рассмотреть, отчего российское стихотворство кажется погребено с телом бессмертного Ломоносова и отчего подобные ему писатели, ежели ныне таковые есть, остаются в неизвестности, хотя науки и писатели ныне покровительствуемы российской Минервою более, нежели то во времена прошедшие бывало? Люди, желающие остаться бессмертными, долженствовали бы любить стихотворство, поелику оно есть одно из лучших средств к достижению их цели.

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.
*Ломоносов в предисл. о пол. кн. Церк.*²

Отчего же многие стихотворства не любят?.. Но рассмотрение сие здесь не у места, да и архангелогородская кума загадыванием своим отвлекает меня от важных сих рассуждений; она мне насаждала столько странных слов, что я половины оных не разумел; так как лет тридцать тому назад некоторый судья, разбирая дело и увидев в нем слово *силлогисм*,³ не разумел оно и спросил у секретаря: истец ли это или ответчик? Ныне всему надобно учиться. У кумы на глазах изображалось веселье, яко следствие внутреннего спокойствия... Странное дело! сия ворожея была прежде в таком состоянии, что имела сама пред собою множество ворожей, получающих от нее свое содержание, а ныне, поверженная судьбою в бездну нищеты, получает от благодетелей своих денную себе пищу, и притом, подобно Диогену,⁴ бедностию своею никому не скучает и всегда весела.

Ответ [Иоанну Приимкову]

Издатели Собеседника, благодаря покорно почтенного господина Иоанна Приимкова за письмо, просят его о продолжении начатой с ними переписки. Хотя они господина Приимкова, которого было отец нарек Людбратом, а мать Людвигом, не имеют чести знать, как и тетушка его архангелогородская кума, одетая во французское платье, им не знакома, но со всем тем издатели Собеседника ничуть в тетушку Приимкова не вклепались¹ и не знают, отчего он в описании ворожеи находит описание своей свойственницы.² У всякого своя тетушка и своя кума. Его архангелогородка ходит во французском платье, а наша точно так одевается, как и прочие архангелогородские купчихи и мещанки. Да и еще есть того же города кума, на тонких каблуках, упоминаемая в Былях и Небылицах;³ неужели и все три суть тетушки Иоанна Приимкова? Напрасно его милость вклепываться изволит. Наша кума, может быть, ему так же мало знакома, как и тетушка его известна издателям Собеседника; у нее нет племянника Иоанна Приимкова, а есть пасынок, именуемый также Иоанном, только

Естественная история. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 6. № 47).

не Приимковым, а Пшеничкиным; сие прозвание дано ему оттого, что он охотник до пшеничных пирогов. Мачеха же его называет не по имени и не по прованию, а просто *Парнишком*. Парнишка сей ростом с гренадера и от роду ему 37 лет. Наша кума, думаем, в сем городе поизвестнее тетушки господина Приимкова; наша архангелогородка росту среднего, но толщины необыкновенной. Голова у нее чрезвычайно мала, и волос не видно, а с плеч начинается ее толщина, и что ниже, то толще, так что она похожа на пирамиду; ноги же у нее маленькие и обуты по-французски, хотя прочая одежда вся сделана по-архангелогородски. На голове у нее кокошник золотой; одежда ее состоит в душегрейке без рукавов, а рукава кисейные, пришитые к рубашке, прозрачны так, что все тело рук не скрывается от глаз кругом ее находящих людей. Юбка ее с хвостом, и подол преширокий. Передник повязан выше груди, и рубашка застегнута запонкою. Вот как одевается наша архангелогородская кума. Движения ее так же необыкновенны, как и одежда; она не кланяется, а кувыркается; по крайней мере

она называет поклоны свои кувырканием. Она ездит по здешним княгиням и графиням и ворожит в карты; была прежде сего очень богата, ходила в жемчугах, после овдовела, обеднела, вышла замуж за немца, выучилась говорить слово *я* вместо *да* и употребляет оное очень часто; потом в другой раз овдовела. Пойдет ли она в третий раз замуж, о том мы не знаем, а знаем только, что она Иоанну Приимкову не родня. Вот наша кума, господин Приимков. Заключая сие, просим мы, почтенный Иоанн, удостоивать нас почаще вашими письмами; замысловатое и веселое ваше перо нас прельщает, и, думаем, читателям нашим будет весьма приятно.

Путешествующие

Не можно не согласиться, чтобы путешествие не было нужно для совершенного воспитания человеку, готовящемуся быть полезным обществу и занимать с некоторым удовольствием определенный ему от естества во времени пункт; но для лучшего успеха сего двойного предмета надлежит быть ему приготовлену таким домашним воспитанием, кое бы ему не дозволяло отдалиться от предпоставленной себе цели: снискать всю желаемую пользу в большой школе сего света. С таким расположением путешествие будет верным средством к дополнению хорошего воспитания.

Однако, несмотря на сию истину, многие приготовляются к путешествию одним стремлением к забавам; и по предубеждению, свойственному почти всем в Европе* нациям, что Париж есть место единственное в целом свете, заключающее всех родов в себе совершенства и все забавы, удовлетворяющие разум и сердце, думают — если кто видел Париж, тот уже обозрел все на свете; не представляя себе, что на сем глобусе суть места, которые не меньше достойны осмотра путешественного. В таком мнении приехав в Париж, вдаются только в забавы, пышности и щегольство, удаляясь совсем от полезного в изучении себя, касательно до правления, жития, мыслей обитателей, их обычаев, разных употреблений и нравов, дабы приобрести знание чело-

* Здесь описываются путешественники многих европейских народов, потому будет в противность всей справедливости, если бы кто из сего что на свой счет принял.

веческого сердца, в чем вся нравственная наука состоит, для снискания которой надлежит стараться познавать самому людей, а не им отдавать себя на познание. В средственном состоянии, или еще меньше оно, удобнее все в подробность, или так как бы украдкой, рассмотреть, не подвергая себя противному рассмотрению любопытных, препятствующему в успехе наших примечаний. Сего рода путешественник в таковом упражнении проживет менее в пять лет, нежели богач в пять дней, не к приращению своего знания, но к развращению благонравия, поселенного в него первоначальным воспитанием. Не богатство делает знающим, прозорливым и искусным путешественником, но внимание и разум; а богатство, открывая пути к роскоши, к пышности и ко всем погубляющим молодых людей забавам, вводит их в опасное бурного света море, страстями волнующегося, на котором они часто неизбежным кораблекрушением угрожаемы бывают.

Пышность и великолепие в чужих краях тем более неудобны, что они блеском своим затмевают наши глаза и рассуждение, не допуская ни те ни другое до справедливого рассмотрения и точного понятия разнovidных предметов, толпами странствующему встречающихся; притом же великолепная наружность не всегда подает хорошее мнение о людях, которые точную свою цену под нею скрывать стараются. Сколько мы видим мнимых графов, баронов и проч., которые, переменяя места и имена свои под покровом наружной пышности, берут пошлину со всех легковерных. Сие не препятствует многим путешественникам, проживающимся в Париже, до тех пор отличать себя, хотя не им принадлежащую, но чужою богатою наружностью, что наконец для избежания Лефортевека или Бисетра* принуждены бывают делать премудрые ретирады, обманывая всякими образами строгость своих заимодавцев и усыпляя их Аргосов,¹ тайно за ними присматривающих. Потом, возвращаясь в свои земли не только без приобретенной себе пользы, но еще худшими прежнего: без здоровья, без денег с одним только презрением к Отечеству, мерят каждого встречающегося с ними привезенным с собою циркулем, составленным из предубеждения и легкомысленности. В некоторых землях случаются особого свойства путешественники, которые ездят, дабы научиться высоких знаний;

* Дома, в которые за долги сажают.

но вместо того иногда возвращаются, имея в себе более достойного посмеяния, нежели учености и знания; а иные до такого странного предубеждения достигли, что за стыд почитают не быть рожденными во Франции; и чтоб им как можно уменьшить мнимое сие несчастье, стараются во всем любезным своим французам быть подобными, почему отменными своими нарядами, наречием, кривлянием возбуждают в людях благоразумных удивление, смешанное с жалостью.

Всего чуднее, что сама Италия изобилует таковыми страстными к французам путешественниками. Италия, которая была уже владычицею и законодательницею почти всего известного мира, престол знания, наук и всех изящных художеств, когда бедных галлов, погруженных еще в глубине их варварства, существо едва известно было. Как стыдиться Отечества, которому половина земли раболепствовала, от которого как от центра светила раздалась лучи просвещения и от которого французы все, что ни имеют лучшего, сами заняли, или как стыдиться такого Отечества, в коем премудрость законов удивляет целый свет и коего слава оружия приводит в трепет врагов его!

Я уповаю, что не некстати будет приложить здесь некоторые правила в пользу странствующих всякого рода и чина.

Первое, думаю, многим не понравится; оно опровергает всеобщую путешествующих аксиому: *иметь доступ к знатным и богатым; удаляться другого класса людей.* Сим правилом, напротив, предписывается начать рассмотрение и примечание свойств человеческих, с нижних классов подымаясь до верхних, поелику скромному примечателю знатные и богатые гордостью своею доступ к себе не заградят; многие из оных мыслят, что если кто не причастен благослепого счастья и щедрот Плутуса, тот недостойн с ними сообщения, а те, которые уже совсем в бедном состоянии, те им кажутся не имеющими на себе подобного им человечества. Святая правда! небесная истина! к вам возглашаю, вас в свидетельницы мои призываю! пусть все единогласно сего состояния возопиют, с какою горестию и чувствительностию они испытали жестокосердие богатых и знатных!

Одному пришедшему в бедность столько же не ожидаемыми от судьбы ударами, сколько своею неосторожностью, происшедшею от недостаточного воспитания, случилось прибегнуть к одному министру в Лондоне в уповании как

у земляка и человека найти прибежище, но знатный мой, ополчаясь своим величием, бедняка и до лица своего не допустил. Несчастный и уторопленный презрением странственник просил от него на несколько времени одних только первейших физических надобностей. Но что можно исходатайствовать у человека, имеющего сердце, подобное камню: он едва снизшел с высоты гордого своего честолюбия приказать чрез одного той же нации духовного человека, совсем мыслящего иначе и который имел столько же чувствований превосходных пред своим начальником, сколько сей был над ним превосходен властью своею, чтоб бедный путешественник на скудельном и ветхом судне отправился в Отечество в Швецию; тот, дабы не прекратить жизнь свою голодом и тем не устыдить не только свое Отечество, но и все человечество, принужден был отдаться с тремя матросами на обветшалом судне на лютость свирепствующего океана, желая ежечасно сокрыти несчастную свою участь в безднах развергающихся разгневанного ветрами моря. Моление его к небу почти было принято, уже вздымающиеся громадами волны судно их то поглощали, то опять из недр своих извергали, как будто хотели показать более человечества, нежели имел в сердце своем пославший его на предстоящую опасность; и наконец, волны принуждены бы были во удовлетворение сему, повинувшись жестокости ветров, сокрыть его навек от всех зол, неизбежных в обществе человеческом, если бы по счастью наехавшие на них большие порядочные суда не подали им руку помощи и не поспособствовали им войти в назначенную пристань. Но тут другие горести его ожидали, следствие жестокосердого с ним поступка лондонского его земляка. Я, знакомясь с сим странственником в Стокгольме, слышал от него о сем изустно; и прошу читателя мне простить, что я несколько включением сего мне от него повествования отшел от моей материи. Чувствительность видеть столь мало человеколюбия, в коих бы оно царствовать долженствовало, ввела меня в сию погрешность; но возвратимся к нашему правилу.

Путешественнику надлежит гордость свою и с чинами оставить дома; без сего он исключит себя из общества многих своих новых собеседников и тем лишится средства найти в них познание; ученые люди и писатели не презирали сего средства для познания сердца человеческого, дабы узнать сей дивный и непостижимый в нем лабиринт. Одна-

ко чтобы не без разбору со всеми людьми иметь обхождение, то путешествующему надлежит быть подобен искусному металлургу, который умеет различить золото от подлых примешанных к нему металлов.

Второе правило: не полагаться на наружность, которая часто молодых людей обольщает, но давать свою уверенность людям испытанным.

Третье: благоразумный путешествующий стараться должен отличать себя поступками, поведением и душевными дарованиями, а не нарядами, экипажами или богатством: сими последними он вместо приятелей сотворит себе льстецов, которые только поспособствуют ему скорее прожиться и поспешить в Отечество с ложным о себе мнением, что он приобрел все достоинства в своей езде, хотя он, кроме самолюбия и презрения к соотчичам, ничего не вывез.

Четвертое, касающееся до экономии: на почтах, на постоялых дворах показывать как можно меньше пышности, а иногда и о ценах осведомляться: без сей предосторожности дорого заплатить должно за приписываемые от хозяев титулы, как-то: светлость, сиятельство, превосходительство. Они сами смеются тщеславию своих проезжих, которые с удовольствием оные приемлют; зато и берут с них вдесятеро дороже.

Пятое: в любовных делах удаляться от распутных, а прилепляться к добродетельным женщинам. Торгующих красавиц прелестями своими всеми силами убегать стараться.

Сии правила не столько могут быть достаточны для предостережения молодого человека от заблуждения в его дорогах, сколько предводитель, испытавший сам странствиями свет и измеривший во оном все пропасти, между которыми молодому путешественнику проходить должно. Без сего трудно сему различить приятные и безопасные поверхности от тех, под которыми хитростию уставленные сети его ожидают. Иногда знатный странственник имеет при себе для предохранения его от оных людей благоразумных, которым свет теоретически, а не опытами известен. Для живописной работы надобно живописца, для резной — резчика; таким образом предводителю молодого человека в путешествии надлежит быть самому искусившемуся в дурных и хороших припадках, утвердившемуся в добродетели и вооруженному испытаниями, которыми он мог бы побеждать коварство,

злость, ухищрение, роскошь, сластолюбие и прочие чудовищи, более или менее опасные, на пути их ожидающие.

От неизвестного.

**Картины моей родни,
или
Прошедшие святки¹**

Как в такие праздничные дни к дядюшке не ехать, который сверх того что дядюшка, имея знатный чин и великое богатство, всегда изволит милостиво мне пенять: «Что тебя, друг мой, не видать?». Я приехал на вечер, на другой, а не в первый день Рождества, чтобы в первый не помешать дядюшке разгавливаться с тетушкой. Долгий дневальный повел меня чрез длинную большую комнату, где от одной свечки довольно света было, чтоб ничего не видать. Из той вошел я в другую, где две сальные свечи показали мне шесть порядочно в серебряных подсвешниках расставленных восковых свеч, которые некогда начинали гореть, дядюшку брюшистого, который на креслах зажмурясь зевал, и тетушку, которая была сердита за то, что ей после разговенья тошнилось. От шарканья моего дядя растворил круглые глаза.

«Добро пожаловать, — сказал он мне и, протянув руку к супруге своей, — вот наш племянник». Тучная тетушка в длинной желтой кофте, которая из-под теплой мантилии была на аршин видна, в черной грезетовой юбке, бледна как зависть, кинула на меня взгляд, от которого у меня вся кровь замерзла; однако столько еще памяти осталось, чтоб ей от страха поклониться. Охриплым голосом сказала она мне: «Здравствуй, племянник! вы, молодые люди, не помните никогда дружбы ваших отцов. Можно ли, чтобы таки ни разу не побывать у нас?». — «Так, матушка! — примолвил дядюшка с лукавым видом сожаления, — отец его мой внучатый брат и я, мы были как Орест и Пилад».²

Дядя мой мешался в ученость и иногда забавлял себя чтением древней истории и мифологии, оставляя указы, которые он читал не для того, чтоб употреблять их оградой невинности, но, чтобы силу ябеды присоединяя к богатству своему, расширять своего владения земли, что он весьма любил, и для того-то любил паче всего читать и римскую

историю. Насильственным завладением чужого находя он великое сходство в себе с Римскою империею, почитал потому себя древним римлянином. Услыша имена Ореста и Пилада, я едва от смеха не треснул. Отец мой, человек небогатый, быв принужден, как и все дядины соседи, пожертвовать алчности его частию имения, не мог быть Пиладом сему Оресту. Как бы то ни было, закуся губы, я должен был богатого дядюшку благодарить за милости, которых он никогда нам не оказывал. Он уверял меня о продолжении их и надо мною; но я того, судя по прошедшему, от всего моего сердца не желал. Между тем тетушка, придираясь посердиться, чем она обыкновенно свою скуку прогоняла, начинала сто раз меня журить и говорила: «Кто родню забывает, а особливо знатную, в том нет уже Божией благодати», — а потому что я только в первый раз приехал, удостоивала меня называть беззаконником и даже антихристом. Но я моими короткими и весьма учтивыми извинениями всегда отводил от себя ее поучительные нападения. Наконец опрокинулась на домашних, которых, по очереди призывая, бранила особо вымышленными ею словами, кои высоту ее знатности равняли с простыми бабами. Муж, опасаясь, чтобы, после того как она всех перебранит, не досталось и ему, помогал супруге нападать и продолжал всячески гнев ее на слуг, спасительный для него. В сие время, когда я, сидя ни жив ни мертв, боялся и быть у них, и уехать, сделался шум в передней. Я обрадовался, думая, что пожар в доме избавит и слуг, и меня от муки; но дневальный, опрометью вбежав, сказал: «Гости приехали». Хозяин и хозяйка в один голос закричали: «Зажигайте восковые!». Десять человек вошли погасить две сальные и шесть восковых свеч. Каждый, желая с трепетом отличиться проворством пред господами, коих ненавидели, толкая друг друга, лишь только себе мешали и начадили всю комнату. Еще осталось три свечи незажженных, как вошла в черном одеянии женщина сухая. На сморщенном с желчию лице видны были все посты, которые она проговела за прошедшие грехи и намерена говеть за будущие. Увидя ее, превосходительный хозяин закричал на слуг: «Полно, дураки, зажигать! Разве вы не видите, что это сестрица», — и тотчас второпях погашены и три восковые, прежде нежели засвечены были сальные; так что мы остались в темноте пресовершенной. Слугам бы это даром не прошло, если бы дядя, наполненный историей, при погашении огня в своей ком-

нате не вспомнил об огне в Риме, весталками хранимом. Протяжным голосом говорил он в темноте, что за такую вину весталок смертью казнили. Это его супруге безмерно понравилось, и она сказала: «Для чего ж бы не узаконить и у нас, чтобы слуг за это хотя не казнить, но по крайней мере нещадно бы сечь». Постная сестра дяди моего также на это согласна была, несмотря на то что она лишь только из церкви от вечерни приехала.

Продолжение будет впредь.

**Продолжение
Картины моей родни,
или
Прошедшие святки**

По внесении огня дядюшкина сестрица весьма похвалила братца, что он не любит воску жечь. «Уж ныне люди до чего дошли, — говорила она, — что не только равняются, да и хотят перевысить иконы. Я и им светам по разбору ставлю. Иные у меня белого и в праздник не видят, а и желтым так же таки пробавляются». — «Так, матушка сестрица, — сказал дядя, который любил весьма ее умеренность за то, что она его всему своему имению наследником делала; — так, матушка сестрица, и я жечь воск почитаю за грех; но дух добр, а плоть немощна. Я человек знатный, живу в свете, ко мне люди жалуют, и как ни вертись, нельзя устоять против искушения света, в котором воск все жгут». — «Тебе, батюшка братец, — отвечала сестра, подтруниваясь знатности его, — иначе и нельзя, ты человек от нас отменный, а потому и нет греха тебе почтить себя за икону. Я говорю о нашей братьи мелочи, которые, будучи на то созданы, чтоб вам поклоняться, туда же за вами палятся». Слово «поклоняться» меня опечалило; однако вид обожательницы меня утешил, показывая мне великую разность между человеками и ею. Между тем без всякого шума отворились двери и впустили к нам, будто бы как украдкою, дяди моего, хотя дальнего, однако же, племянника, который на свой вход украдкою во всем походит. Он в сем доме, а более нигде, был безмерно хорошо принимаем, по отменной к нему склонности помянутой постной сестры. Сие заслужил он равною с нею охотою замаливать то, что вместе согрешат, а после опять нагрешить, чтоб иметь удовольствие замаливать.

Моя записная книжка

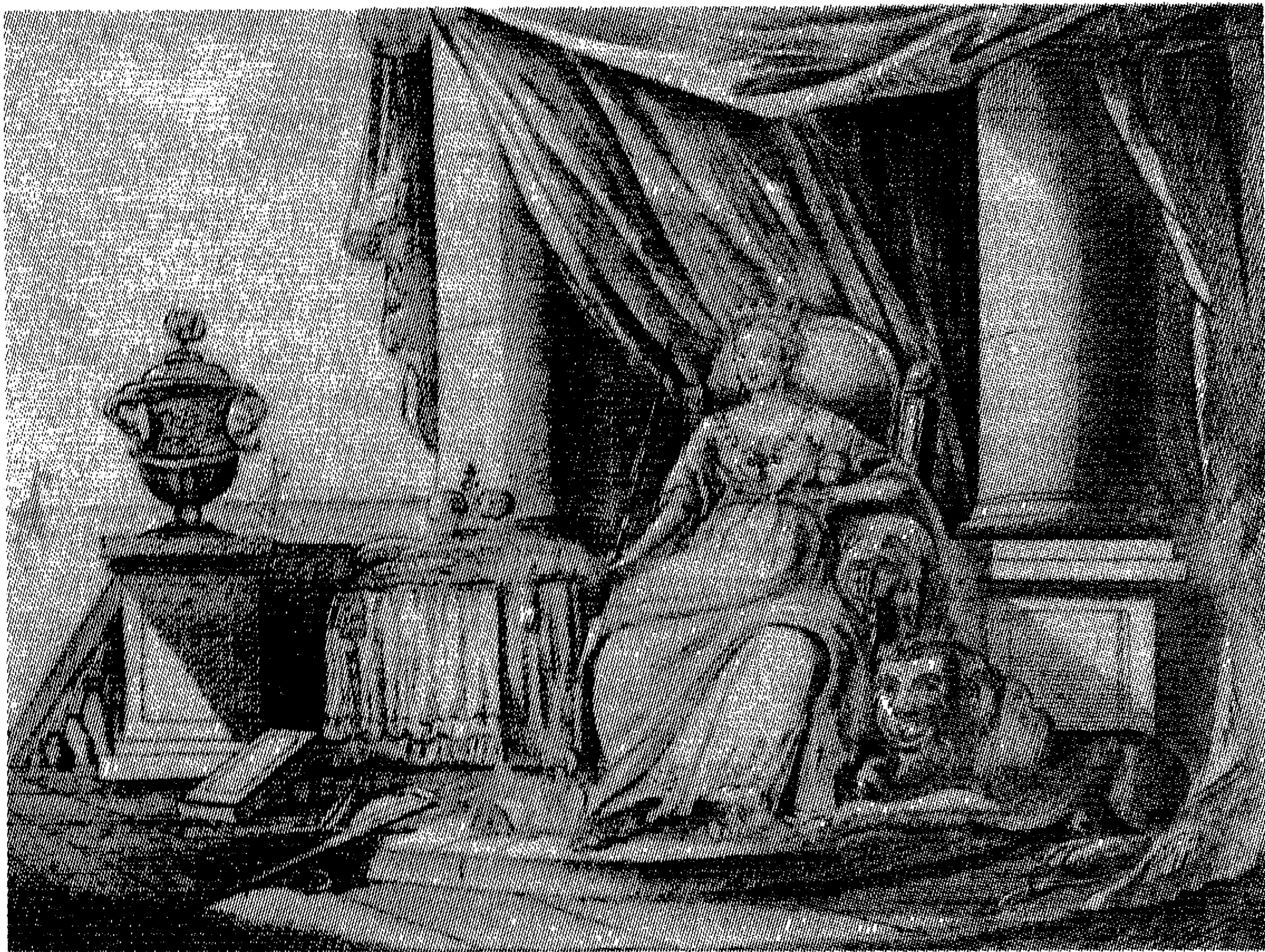
Господа издатели Собеседника!

Разбирая бумаги, доставшиеся мне после одного моего знакомого, нашел я между прочими письмами сочинение под названием «Моя записная книжка». По прочтении оной вознамерился, выписав некоторые статьи, сообщить вам для того больше, что замечания, которые в них заключаются, суть точно не наши нравы. Ежели удостоятся они занять место в вашем журнале, то постараюсь я еще некоторые записки приятеля моего вам доставить, ибо книжка его ими наполнена. Я не держался в том наблюдаемого им порядка, пропускал многие дни, которых замечания, как писал он их только сам для себя, неудобны мне показались к напечатанию, и выбирал только те, которые, по мнению моему, никому огорчительными показаться не могут. В прочем с отличным моим почитанием пребываю,

*господа издатели Собеседника,
вашим покорным слугою.*

Понедельник

Вчера приехала сюда некоторая молодая вдова, моя родственница, лечиться. Муж ее мне был знаком и приятель; я навел на больную. По первых приветствиях осведомлялся я о ее болезни. «Ах, государь мой, — отвечала она, — пятый месяц уже мучусь презлейшею гипохондриею, и самая жизнь становится мне в тягость. По желанию моих родственников осталась было я по кончине покойного моего мужа жить в деревне. Не поверите, какой тяжелый там воздух. Я, право, со скуки было умерла». — «Сожалею, сударыня, о вашем состоянии; но как дела покойного вашего мужа мне довольно знакомы, то знаю я и то, что ваши родственники для того только упрашивали вас жить в деревне, чтоб поправить вам несколько ваши обстоятельства; покойник оставил много долгов и довольно также детей. Я думаю, что пребывание ваше в деревне как для вашего, так и для их счастья могло бы быть вам полезно». — «Да здоровье наше нам, сударь, всего дороже. Я не намерена, заключа себя в деревне, с ума сойти». Тут вошел доктор, который, с важным видом подошел к хозяйке, спрашивал, чем она больна. Она повторила ему те же слова и жаловалась

Монархия или единоначальство. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 5. № 41).

на свою гипохондрию. Доктор пощупал пульс, покачал головою, посмотрел в глаза и, позадумавшись, сказал: «Ваша болезнь, сударыня, хотя не очень опасна, однако ж может быть довольно продолжительна. Между тем ежели вы будете следовать моим предписаниям, то конечно возвратите здоровье; только вам непременно надлежит здесь долее прожить, дабы переменить воздух и разогнать мрачность ваших мыслей, происходящих от уединенной жизни и печальных предметов, которыми вы в деревне вашей окружены были». — «Ах, господин доктор, как вы отгадали? — вскричала госпожа. — Но могу ли я выезжать?» — «О, сударыня, это самое лучшее для вас лекарство; вам надобно всегда быть в компании. Балы, маскарады, клуб суть те места, которые одни только могут возвратить вам спокойствие вашего духа». — «Правду мне сказали, вы бесценный человек; но должно ли будет мне принимать лекарство?» — «Я, сударыня, вам предпишу некоторый эликсир, который изволите принимать по утрам и от которого живость лица и

цвета вашего в скором времени возвратится». — «О, я рада его принимать хоть по пяти раз на день».

Доктор сел писать рецепт; приехала француженка со многими длинными ящиками, в которых разные были новомодные товары. Она, показывая их один за другим, при всякой вещи, которую вынимала, говорила а-ла Малбрук. Видя, что я тут мебель совсем ненужная, откланялся я моей родственнице, которая довольно сухо меня отпустила. *Memorandum*. Я не намерен более ее навещать, докторов эликсир и француженкины товары без сомнения вылечат ее от гипохондрии; но не думаю, чтоб вылечили от дурачества, и я бы очень желал, чтобы для собственного ее и детей ее благоденствия приставили к ней честных опекунов.

Среда

Возвратился от госпожи С. У нее было великое собрание и ужин. Все почти играли в карты. Я сидел в углу с престарелым одним господином, который не играл. Он рассказывал мне все приключения своей жизни, и ежели выключить то время, которое он проспал, ездил на охоту с собаками, гащивал у своих соседей, навещал своих родственников, то хотя ему лет около семидесяти, однако ж можно б сказать, что он еще младенец. Между тем, окончив игру, госпожа Ш. и еще две незнакомые мне госпожи подошли и сели близко от нас. «Ах, как он мил!», — сказала госпожа Ш., говоря про молодого человека, который с ними играл в вист. «Я без ума от него», — повторяла другая. Третья, которая была всех моложе и которой тихий и скромный вид привлекал наиболее мое внимание, спросила, что находят они в нем отменного. «Ах, неужто ты того не заметила? — сказала госпожа Ш. — Посмотри, пожалуй, какой рост». — «Он головою выше моего мужа», — пресекла другая госпожа. Последняя вместо ответа улыбнулась, а я не мог удержаться от смеху; но чтобы не досадить им моею нескромностию, встал и подошел к столу, за которым был превеликий шум. «Я, сударыня, не хочу мои деньги даром бросать, — кричала одна барыня другой играющей с нею, — вы по крайней мере три леве потеряли». — «Вы сами гораздо хуже моего играете, сударыня! Я и давеча от вас целую партию проиграла». — «Вот это изрядно! Сама ж виновата, да сама ж и пеняет. Мне конечно за грехи мои достается с вами играть; вы, право, ступить не умеете: мож-

но ли с пятью козырями не козырять?». — «Вы и счет уже позабыли; у меня их было только четыре».

Между тем последняя сдавала карты и, по несчастию, в сем шуме задалася; та, которая играла с нею, пришла с досады вне себя, вскочила со стула, бросила карты свои на стол и клялась, что вечно играть с нею не станет. Обе госпожи кричали изо всей мочи и упрекали себя не только незнанием игры, но и многими другими делами, с удивительною поворотливостью и проворством языка. Не желая дожидаться окончания сей сцены, ушел я в другую комнату. Приятель мой г. Д., увидя меня, смеялся моему замешательству: «Однако ж дело не на шутку, — сказал я ему, — эти госпожи конечно на весь свой век поссорились». — «Ты обманываешься, — сказал мне г. Д., — я бьюсь об заклад, что чрез четверть часа они опять помирятся и будут играть в карты по-прежнему». И в подлинну скоро потом увидел я, что сели они опять за карты и продолжали игру с таким спокойным видом, как будто бы ничего между ими не происходило. Молодой человек, которого рост так понравился госпоже Ш. и другой бывшей с нею госпоже, стоял перед ними и рассказывал им нечто с крайним жаром; я подошел, чтоб услышать его разговор: «Уверяю вас, сударыни, — продолжал он, — что солдаты нашей роты так одеты, что нельзя лучше, я сам вязал и обрезывал первую шляпу и при себе велел одному для образца подвить и вычернить усы, теперь вся рота наша в таких шляпах и с такими усами. Ах, если б вы видели, как они славно маршируют». Я оставил сего витязя рассказывать о своих воинских подвигах двум господам и сел возле младшей, которая была девица Б., как я потом узнал, и родственница госпожи Ш.: она была воспитана в Санкт-Петербурге в монастыре благородных девиц; разговаривая с нею, нашел я в ней столько благоразумия, скромности, знания и хорошего во всем вкуса, что не мог мысленно не похвалить того места, в котором почерпнула она с отличным сим воспитанием толь изящные нравы, и не восчувствовать в душе моей благодарности к соорудителю сего места перерождения; ибо, по моему мнению, доброе воспитание перерождает человека, изводя его из обыкновенного состояния людей, и подает ему истинные способы быть полезным самому себе и обществу. Мое удовольствие было совершенно. В разговоре с девицею Б. находил я такое приятное упражнение, которого бы не променял ни на что, столько то истинно, что не

всегда пригожее лицо нас привлекает; ибо надлежит признаться, что девица Б. с сей стороны могла жаловаться на природу; но сколько ж была она ей обязана с стороны душевных и сердечных качеств! Между прочим, спросил я ее, кто был тот молодой великорослый господин, который разговаривал с ее родственницею. «Я вам обстоятельно сказать об нем не могу, — отвечала она мне, — хотя и часто его вижу, потому что он ни однажды не удостоивал меня своим разговором, а когда разговаривает с моей родственницею, то всегда рассказывает о строях, о барабанах и обо всех таких вещах, о которых я никакого понятия не имею и для того в разговор их не мешаюсь».

Между тем пришли сказать, что кушанье поставлено, мы сели ужинать. Я довольно весело проводил время, ибо сидел возле девицы Б. Замечания ее на разные собеседующие нам лица были толико же остроумны и проницательны, колико правильны ее рассуждения.

Пятница

Заехал я к своему соседу Агею. Он по обыкновению своему сидел окладен бумагами и писал челобитные. У него был какой-то отставной капрал, которому сосед мой Агей рассказывал, что он законный и правильный наследник пятидесяти душ крестьян. «Но, — прибавил он, — понеже ты человек неимущий и не знающий законов, то я, сжался на твое состояние, соглашаюсь у тебя купить сие имение, и ежели ты дашь мне на оное купчую, то сначала даю тебе пятьдесят рублей, а ежели выхлопочу дело, то еще сто прибавлю». Нововыисканный сей наследник, который и сам не знал своего благополучия, благодарил ему и обещал купчую совершить. Я не налюбовался на великодушие моего соседа, который сими способами уже нажил изрядное имение. Сожительница его почасту подносила новому своему гостю и, пользуясь сим случаем, сама возбуждала его своим примером. Прибыл еще какой-то гость, которому хозяин и хозяйка весьма обрадовались. «Многолетствия и здравия дому сему со всеми домочадцы аз именованный на множество лет желаю и во известие доношу, что делишки наши при помощи Божьей идут своим чередом». Осиплый его голос, надутое лицо и растрепанные волосы в то ж время заставили меня почесть его приказным, в чем и не обманулся, ибо последовавший разговор его с моим соседом довольно

мне то доказал. Он уведомил хозяина моего, что дело о наследстве господина капрала не сумнительно и что хотя есть другие наследники, которые имеют в том имени участие, но что они все также люди бедные и охотно согласятся продать свое право, когда их поприжмут, за весьма умеренную цену. Сие приятное известие принесло новую радость и доставило господину приказному много со стороны хозяйки приветствий и потчевания, выпорожнив несколько рюмок и стаканов сряду, спросил он соседа моего Агея, готова ли у него родословная роду... Я было намерен был избавить себя от сей приятной беседы, но услыша последнее его слова, хотя голова у меня начинала уже кружиться, однако ж любопытствуя знать, что то за родословная, остановился. Сосед мой отвечал, что хотя он и весьма долгое время над ней трудился, но не мог еще вывести, и при сих словах вытащил из кипы лежащих перед ним бумаг большой лист, исписанный весь кругами. Они начали его рассматривать, толковать о генеалогии рода и, наконец, спорить и кричать; но господин приказной скоро одержал верх. «Ваше благородие ничего не знаете, — закричал он страшным голосом, — разве вы не видите, что Елисей... который по моему старанию хочет вам уступить в Алатыре пустошь и полтора десятины земли, порослой лесом, одного роду с Фомою... которому та пустошь принадлежала и который в прошлом году волею Божиею умре, и по мужескому колену двоюродного его брата внучатый племянник. Ничего нет легче, как вывести оное в родословной и показать его законным наследником, хотя, между нами сказано, и есть правильнее его наследники; но они об этой земле совсем не знают, и нам легко будет утаить или написать их мертвыми, когда ж купчая совершится и они после про то сведают, то пусть просят и отыскивают законным порядком, а между тем как в справках и выписках пройдет лет десятка два-три, то можете вы весь лес вырубить и продать, а луга отдавать внаем и ежегодно получать с них втрое больше доходу, нежели вы за всю сию дачу заплатите». Тут хозяйка вмешавшись паки в разговор: «Так, батюшка мой, конечно так, я хотя женщина, да все это разумею, ведь как этого не знать, что они одного роду; муженек-то мой, Господь его знает, что с ним сделалось, обо всем спорит, да и со мной так же всякий день». — «Молчи, Евстифеевна, — (так называлась моя соседка), — не твое дело». Слово за словом, и сделался у них великий

шум. Пользуясь сим случаем, оставил я сию прекрасную беседу, мысленно проклиная соседа моего Агея, Евстифеевну, жену его, и бездушного крючкотворца. Memorandum. Послать за отставным капралом и предостеречь его от обману моего соседа.

Вторник

Заехал ко мне приятель мой Д. Он обещал меня свозить к одному своему знакомцу, которого называл он мизантропом (человеконенавидцем) и о характере которого рассказывал мне много странного. Он уведомил меня, что испросил у него дозволение привести меня с собою, ибо без того не принимал он ничьих посещений, потому что жил весьма уединенно в самой отдаленнейшей части города. «Не ожидай, — говорил мне г. Д., — найти в нем правила и приятности Сократовы, но более разум и язвительность Диогену. Прежде нежели мы его навестим, расскажу я тебе несколько его повесть.

Ученый мой мизантроп есть сын одного богатого дворянина. Отец его старался дать ему приличное его состоянию воспитание и отправил его для окончания наук в Лейден, где прилежанием своим и успехами во оных изъяснил он отменные свои дарования, после чего путешествовал он в Италии, во Франции и, наконец, в Англии и прожил очень долго в Лондоне, нашед сию столицу по своему вкусу. Одарен будучи от природы весьма чувствительною душою и пылкими склонностями, имел он несчастье встретить в жизни своей многие весьма прискорбные для него приключения. Чувствительность его, увеличивая его напасти, наполнила нрав его такую горестию, упорством и стремительностию, что вооружается он на весь человеческий род. По возвращении его в Россию расположение его нрава не дозволило ему сделать счастье свое службою. К усугублению его огорчения потерял он тяжбою почти половину своего имения и теперь живет в отставке весьма уединенно».

Господин Д. напоминал мне, что когда он будет говорить, то отнюдь бы ни в чем ему не противоречить. «В противном случае, — продолжал приятель мой, — он замолчит, и мы не добьемся от него ни одного слова». Я обещал ему во всем последовать его воле, и мы отправились к нашему медведю.

Престарелый слуга проводил нас в небольшую залу, в которой было несколько стульев и одни большие креслы, которые занимал хозяин. Когда представил ему меня г. Д., то приподнял он свой огромный колпак в изъявление своего приветствия и, показывая на стулья, давал нам знать, чтобы мы селись. Потом спросил нас, какова погода, и, взяв лежащую перед ним трубку, набил ее табаком, подошел к свече, которая стояла в углу на другом столе, раскурил свою трубку, сел на прежнее свое место и продолжал курить и читать про себя лежавшие перед ним ведомости. Я не мог не изъявить моего удивления; но приятель мой, зная нрав нашего мизантропа, оставил его делать что ему угодно и, платя ему равномерною холодностию, обратился ко мне, и мы начали между собою разговаривать, нимало его не примечая. Между разговором нашим проскочили слова *честность, добродетель, учтивство*. В ту минуту хозяин наш оставил свою трубку, черты лица его возбудились. «Честность, добродетель, учтивство, — повторял он с язвительною усмешкою, — все деяния человеческие украшаются сими титлами, а глупцы почитают их справедливыми. Вы тень одну поставяете в замену добродетели, а дружба, изгнанная между вами, приняла у вас лживый вид, который называете вы учтивством. В чем состоит оное? В хладном пустословии, стократно несноснейшем слуху разума, нежели глас проницательный трубы. Вы изобрели названия, которыми чтитесь величать друг друга, хотя терзают они внутренность вашего сердца; окружили их великолепными мечтами, которые, умножая ваши напасти, забавляют ваше легкомыслие». — «Государь мой!» — сказал я. Г. Д. взглянул на меня и напомнил мне мое обещание. Я замолчал. Философ кинул на меня презрительный взор и рассматривал меня с ног до головы. Шитый мой кафтан немалое в том имел участие.

«Честность, — продолжал он, — есть первейшая и превосходнейшая добродетель: она основана на естественной справедливости; но вы стараетесь ее искоренить. Училища ваши суть училища лжей. Большая часть человеческого рода суть чудовища, упражненные заблуждениями своими и бегущие за обманом. Тщеславие ваших мудрецов не менее обманчиво. Системы их, которым придаете вы такую цену, ни к чему более не удобны, как льстить вашему воображению насчет вашего здравого рассудка; однако ж их-то с

удовольствием читают старики ваши и из них-то почерпают юноши ваши первые основы любомудрия.

Воспитание детей ваших есть во всех частях безумно; вы заставляете их многие годы проводить в училищах для достижения совершенства в таких талантах, основание которых прежде нимало не исследовали, и принуждаете их оказывать свои успехи в том, к чему природа не сделала их удобными. Вы последуете непременно и общему правилу деяния, невзирая на расположение разума, способности и различие должностей, которыми должно им в общежитии отличать себя, берете молодого человека из рук ученого враля и без всяких правил бросаете его в свет. Он спешит в Париж, чтобы перенять разные моды и со вкусом одеваться; в Рим, чтобы посмотреть на хорошие картины; в Лондон, чтобы побывать на конском ристании и на драке петухов; но поговорите с ним о правах, о законах и обычаях народных; он скажет вам, что во Франции носят короткие кафтаны, в Англии едят пудинг, а в Италии — макароны. Женщины ваши не лучше воспитываются. Они подражают во всем мужчинам и сверх того знают, что молодая девушка для того на свете, чтоб выйти замуж. Сказывают ей, что предмет брака есть тот, чтоб иметь ей больше вольности, и она старается ею пользоваться.

Тщетно, — продолжал он, — украшаете вы себя наружностями добродетели. Нет ни единой, которой бы вы не пожертвовали, дабы снискать то, что называете вы счастьем на свете. Вельможа, украшенный титлами и чинами, более ни о чем не помышляет, как сохранить только ту пышность и великолепия, которые его окружают, и удовольствоваться свои страсти какими бы средствами то ни было. Не погнушается он унижать себя всячески пред вышними, дабы иметь после удовольствие оказывать равномерную гордость низшим, а те, подражая его примеру, льстят его высокомерию для того, чтобы удовольствоваться собственными своими пристрастиями. Богатства и чины, будучи первым предметом желаний ваших, препятствуют вам почитать природные дарования, потому что достижение сих предметов не зависит от личных достоинств, и чтобы сделать свое счастье в какой земле, достойный человек не должен в передней комнате покровителя погублять такое время, которое с пользою мог бы он употребить, трудясь для общества. Дабы приобрести благосклонность вельможи, каким ласкательствам, каким низостям не должен он себя

Н О В Ы Я
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

С и с т ъ Х L I I I .

МЪСЯЦЪ ГЕНВАРЬ

1790 года.

ВЪ САНКТШЕТЕРБУРГѢ,
Изданъ въ Императорской Академіи Наукъ

Новые ежемесячные сочинения. Титульный лист 43-й части журнала.

подвергнуть? Ежели родился он в Турции, то принужден сносить презрение от муфтия или великого визиря; во Франции — уничижительную благосклонность знатного барина. Правда, что приемлют они иногда на себя вид ласковый; но сквозь сию самую ласку, подобно как сквозь дыры епанчи Диогеновой, блистает их тщеславие, и потому-то не те занимают места, которые природными своими дарованиями и знанием удобны ко исполнению должностей; но те, которые имели случай, способность и терпение приобрести себе покровителей. Да потому-то и наскучив искать счастье свое такими способами, которые у всех вас почти отвергаются и презираются, люди с талантами становятся весьма редки, и если двое из них в обширном городе встречаются, то так друг другу обрадуются, как двое русских, которые бы в первый раз встретились в Китае. Мне и то удивительно, — продолжал наш философ, набивая снова свою трубку, — что имеете вы довольно терпения слушать мои замечания. Между вами ничего столько не убегают, как диссертаций; потому что вы по образу вашей жизни менее имеете нужды в познаниях, нежели в забавах, и не желаете вообще более разума, как только чтобы блистать им за вашими ужинами: следовательно, и не имеете причины уважать таким разумом, который исследует и рассуждает. Вы все почти похожи на того придворного господина, который, наскучив рассказами одного умного человека, старающегося ему доказать свое мнение, вскричал с досадою: *ах! государь мой, я не желаю, чтоб мне доказывали*».

Тут замолчал наш проповедник, раскурил свою трубку и продолжал опять читать ведомости. Я взглянул на моего приятеля, который, встав со своего стула, сделал мне знак, и мы вышли вон так, что хозяин наш того не приметил. «Какой странный человек твой мизантроп, — сказал я. — Рассуждения его не весьма забавны». — «Да, нельзя сказать, чтоб они и совсем справедливы были, — отвечал г. Д. — Люди с дарованиями не только у нас не презираются, но еще более, нежели где в другом месте, свою цену имеют, а между вельможами нашими есть подлинно такие, которые не только одним саном украшаются, но которые и самый сан свой украшают; однако ж странно, как любовь к истине может характеры переделывать. В тихом нраве, обуздываема кротостью, изливается она устами дружбы, в стремительном обращается в язвительную хулу и укоризны; однако ж строгость сия прилична иным характерам; она

подобна некоторому порошку, который осязанию весьма неприятен, но которым твердейшие металлы чистятся и полируются».

Записки тетушки

Не вовсе ясно мне, нужно ли вам знать, что я имела тетушку: но знаю, следующего вам представить не могу, не сказав, что я лишилась тетки, которая при кончине своей меня и брата моего усиленно просила, чтобы записки, которые сколько для себя, а более для пользы нашей писала, всякий месяц мы читали. Сия просьба есть причина, побудившая меня к вам прибегнуть; ибо хотя признаться должна, что не прежде истечения пяти месяцев после ее кончины, в великий пост, и то от скуки, принялась я за завещательное чтение; но как время еще не истребило из памяти моей тех милостей, кои с младенчества моего на меня она излила, а притом покойница, совершенно уверив меня, что с летами вкусы мои переменятся, то я, полагая, что лет через двадцать чтение тетушкиных записок, может быть, мне приятнее будет, сохранить до того времени оные желаю. Почему здесь включаю творения тетушки, надеясь тем спасти их от разрушения, коему девушка моя уже осудила многие книги, употребляя оные на папильоты; вас же, милостивые государи, прошу в ежемесячное ваше сочинение поместить включенный отрывок, который составляет шесть глав следующего содержания:

1-я. Что тетушка слыхала.

2-я. Что она видала.

3-я. Что — читала.

4-я. Что с нею случилось.

5-я. Что ей казалось.

6-я. В чем она была уверена.

Если я услышу, что вы просьбе моей удовлетворить изволили, то поручу приятелю наследные наши бумаги перебрать, и достойнейшие к вам доставлены будут. Пребывая с истинным почтением

вам, милостивые государи мои,
покорная служанка.

* * *

ГЛАВА I

Я слыхала, что

Я слыхала, что просвещенный и кроткий государь, пекущийся о благе своих подданных, есть драгоценнейший залог милующего промысла; почему я заключила, что в таком случае, благодарность свою чтоб Всевышнему принести, должность есть всякого выполнять с возможным усердием, неусыпностью и тщанием долг звания своего, повиноваться узаконениям, подражать благим намерениям монарха и предпочитать благо общее всему.

— — что от добра добра не ищут; из чего заключила, что здравый рассудок учит наслаждаться без злоупотребления настоящим, равнодушно ожидать будущего и не вспоминать прошедшего, как только для извлечения наставления или поправления, каковое испытание всегда нам доставляет.

Я слыхала, что суемудрие столь же отдаленно от истинной премудрости, сколько и невежество; то заключила я, что вредно вдаваться в мечтание разожженного воображения и что познание всеобщих правил, предписанных нам законами церковными и гражданскими, совершенно достаточно, чтоб соделать добродетельного и полезного гражданина.

— — что поздно или рано правда окажется; и так, несмотря на толки или злословие, продолжала делать то, что чувствовала быть справедливо и добро, и поступок своих не переменяла.

— — что сколь сокрыты сердца человеческие, столь и неизвестны внутренние оных подвиги, почему редко справедливы и бывают наши о людских действиях заключения.

Я слыхала, что чувствительность добродетельного человека больше воздвигается для сострадания с другими, нежели для восчувствования личного себе: почему не раздумывала никогда идти туда, где вспоможение мое нужно бывало, хотя знала, что

огорчительное зрение всегда потрясение в нервах моих производит.

— — что ничто столь совершенно не расстраивает разум наш, как углубление в сокрытую от слабых человеческих органов метафизику; то чтоб остеречься от умственного сего заблуждения, из славного классика Лукияна,¹ коему Адисон² и Корнелий³ были подражателями, речь Катона⁴ часто твержу: сей стоик, гнушаясь вопрошать Юпитера Аммона, говорит тако:

Поносную сию мы помощь, говорит,
Оставим тем, кого грядущий век страшит;
Чтоб в том увериться, что жизнь полна бедами,
Что внутренней борьбы конца страшимся сами,
Что мужественна смерть почтеннее оков,
Не вопрошаю я в сомнении Богов:
Как Бог нас в бытие из праха сотворяет,
Что нужно ведать нам, тогда в нас полагает;
Везде Бог есть, везде он с нами говорит,
Мы знаем, что его гнев множит и смягчит,
В том каждый от себя советы получает,
Когда лишь прелесть чувств их в нас не помрачает;
Иль, мните, в храме сем себя Бог заключил?
И благодать свою лишь в сих местах сокрыл?
Но нужен ли ему иной храм особливо,
Как небо и земля, как сердце справедливо.
Что видим мы, то все его нам возвращает
и проч.

Довольно, римляне, нам наставлений тех,
Что при рожденье им в сердца кладутся всех.
Что будет с нами впредь, когда теперь не знаем,
В грядущи времена, когда не проникаем,
Почто ж нам суетно стараться узнавать?
Полезней то не знать, что хочет он скрывать.⁵

ГЛАВА II

Я видала, что

Я видала, что люди, гонясь за мечтою, настоящее благо теряли. Почему и предписала себе сколько можно быть осмотрительной и ценить вещи и состояний не по блеску одному.

Я видала, что робкого духа люди без принуждения трусили и робели, когда от них ни того ни другого не требовали, и что тем ничего, однако, не выигрывали.

— — что в угождение и думая тем понравиться, люди принимали на себе нрав, им совсем не свойственный; но тщетно сие бремя предпринимали. Таковые превращения в восьмом надесять столетии бесполезны.

— — что женщины, а особливо девицы, с неограниченным желанием прельщать любовников и женихов оттого желаемого не достигали, что в выборе употребляемых средств ошибались.

— — что скромного поведения девицы, хотя не одаренные отличной красотой, за разумных и знаменитых людей выходили замуж. Сей причины ради завещаю воздержаться от громогласия, громохотания, вольного обращения с мужчинами, решительности надменной, мотовства и маханья.

Я видала, что, мнимыми украшениями отягощая свои головы, опутавшись в тягостное излишество лоскутков и не имея в то же время другого базиса, как только две тоненькие спички вместо каблуков, женщины обезображивались, неподвижны как куклы бывали и не только красоту, но и здоровье свое теряли.

— — что люди без дурной склонности, но от скуки, которую неминуемо праздность наносит, вдавались в то, о чем после раскаивались; почему советую заниматься, чем кому должно или возможно, а не считать время колодою свинцовою, на руках лежащею, которую тягости ради спешись скинуть.

Я видала, что с искренностию люди иногда в свете теряли; но видала, что и с лестью и притворством таковая же неудача бывала; с тою только разницею, что первые не имели причины себя пренебрегать, а последние собственного своего презрения избежать не могут.

Пекарь или хлебник. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1787. Ч. 7. № 26).

ГЛАВА III

Я читала, что

Я читала, что человеческое понятие и способности ограничены и что мера их, по употреблению оных, может до некоторой так же ограниченной степени умножиться или вовсе истребиться.

— — что совершенство роду человеческому не дано, а что вернейшая дорога, отдаляющая нас от страстей и заблуждений, есть обуздывание воображения нашего.

Я читала, что самолюбие, обольщающее нас, недостаточно б было вовлечь всякого человека в страсти и пороки, если б воображение не облекало оные в лучшую одежду; покорив же воображение здра-

вому рассудку, пороки в существительном своем, то есть в отвратительном, образе нам представляются.

- — что молодые головы должны воздержаться от чтения книг, из мечтания и суемудрия соплетенных, кои нелепостию своею вредны.
- — что мы не можем жизни своей определить другого измерения, как прошедшим временем, и что оное не иначе в памяти нашей вкореняется, как случившимися в оной отличными деяниями или приключениями; читала также, что тот человек долее на свете жил, который более добра делал, имея чрез то более сих драгоценных памятников. Для чего же мы время расточаем и гоним? Для чего, любя жизнь, добродейаниями ее не усугубляем?

ГЛАВА IV

Мне случалось, что

Мне случалось часто, что порицали меня столь же несправедливо, как и хвалили. Стучалось мне подать несчастному помощь, тогда прославляли мое великодушие; вместо того я собственно себе тем только удовлетворяла; страдания несчастного, подобно иглам, сердце мое кололи: избавив его, я из сердца оные выдернула и боль свою тем прекратила. Стучалось же, что те самые жертвы, кои тягостнее мне было себе предписать, перетолкованы инако и в хулу мне обращены бывали.

Мне случалось с сожалением видеть, что молодые люди, по надменности своей не принимая советов от испытавшихся зрелого ума людей, попадались в такие сети, из коих всегда со вредом, а нередко и с бесчестием выпутываются.

- — что в тот же день, переехав только, может быть, улицы две, я совсем различный успех имела чрез разговор, коим я в одном доме имела счастье по-

нравиться, а оным в другом навела скуку и показала несносною.

- — у самих тех же людей и за одинаковое мнение или поведение (ибо я не люблю одного переменять) подверженной быть и охулению, и похвале, что и излечило меня от легкомысленного предприятия всем нравиться.

ГЛАВА V

Мне кажется, что

Мне кажется, что снисхождение не есть готовность отступить от принятых правил. Можно привычки свои и вкусы для друга, для благодетеля отложить; но в положениях, здравым рассудком и добродетельно (я разумею) поставленных, твердость есть первый долг.

- — что трусы и льстецы самим тем, коих самолюбиею жертвы приносят, наконец гнусными кажутся.

Мне кажется, что начальник месту, или семье и дому, не может время свое расточать, и что и хозяйка дому, если хочет соблюсти благосостояние мужа и детей своих, не может всякий день по балам, клобам и гуляньям разъезжать.

- — что моды иностранные не все к нашему климату пригодны.

- — что по разнице лет и состояния уборы, издержки и жизнь должны быть различны.

- — что сердиться за обиду на тех только можно, кого любим и почитаем; слуг и ребят исправляла без сердца, недоброхотным противу меня людям, коих душевные свойства не почитала, я прощала.

- — что судить о свойствах людских трудно и что светское столь единообразное обращение недостаточно, чтоб открыть внутренние расположения. Но государственный человек в делах и в употреблении своего могущества судим быть может; в приватной же жизни редко, и то только в

тесном кругу, потаенные добродетели известны; однако мы слышим, что всяк обо всех судит, и чем знатнее человек, тем менее найдется людей, кои бы отреклись от того с ним знакомства, которое подает право судить о нем. Я часто в таком случае напоминала, что знать имя человека знаменитого есть одно, а знать его душевные свойства есть другое.

Мне кажется, что пословица, которую часто употребляют: не душа лжет, мошна, несправедлива и что оною никто извиниться не может: ибо никто лучше нас самих о мошне нашей не знает; когда же знаем ее тощу, то без низости и без обмана не можем обязанностей на себя принимать, коих она выполнить недостаточна.

ГЛАВА VI

Я уверена, что

Я уверена, что кроткое правление есть удобнейшее возвысить души.

- — что когда человек имеет внутреннее свидетельство, что выполнил все обязанности, исправил долг свой, во всех частях звания своего, он вождеденнейшее и неисчерпаемое сокровище имеет.
- — что подлостью и ласкательством прочного добра или дружбы не приобретешь.
- — что любовь к Отечеству есть первая и нужнейшая в гражданине добродетель.

Я уверена, что нет вернее друга матери или отца; в родителях одних отрицание от самих себя, пожертвованием времени, здоровья и вкушений всех в жизни благ, чрез течение многих лет, непрерывно обретаться может; в них одних самолюбие и зависть противу детей не существуют.

- — что ни богатством, ни случаем друга купить не можно; потеря же искреннего друга ничем замещаться не может.

Прощаясь с вами, скажу последние мои для вас желания и последние просьбы вам мои предлагаю.

Любите друг друга. Не отступайте от истины и справедливости. Знайте и помните, что благосклонный к вам жребий дал вам жить в счастливейший век любезного мне Отечества. Признавайте, что вам даны права и наслаждения, коими предки ваши не пользовались. Открыты вам пути к просвещению и правде; и познайте, что если мы не самый счастливейший народ вселенной, в том только самим себе укорять долженствуем. Почему любовь к Отечеству должна в вас быть неограниченна и служение оному ревностной и приятной обязанностью для вас. Прощайте оскорбляющим вас так, как я вам прощала: ибо в огорчениях, коим вы меня по молодости своей осуждали, не личное восчувствование, но относительное к вам самим, во мне действовало и огорчало меня; болела о врождающихся в вас несправедливостях и тревожилась о следствиях мне от того представляющихся. *Не слабости, но ничтожество* в молодых людях мне жалко и вредно кажется. *Первые* преходят, не заразив иногда корень способностей; *последнее* исторгает оный от питающего материка, и ветви более рождают неудобными соделывает. Будьте снисходительны в заключениях и решениях своих о людях. Не унывайте в бедствиях, а в счастья надменностию не заражайтесь. Впрочем, знайте, что добро, как худо, все преходчиво и пременно в свете; почему наслаждайтесь настоящим с твердым упованием, что добродетель поздно или рано без награждения не остается.

Письмо к издателям сих «Сочинений»

Государи мои!

Угодно вам будет в Ежемесячных ваших сочинениях нижеследующее напечатать — хорошо; не угодно — и то хорошо.

Недавно был при мне разговор о добродетели, о существе ее, о пристойном или достойном изъяснении оной; рассуждали, как точнее и справедливее описать добродетель, и справлялись с иностранными сочинителями. А между тем некоторые утверждали, что понятия о добродетели, по временам и у разных народов, различны бывали; что у греков храбрость, а у россиян хлебосольство и гостеприимство добродетель заключало. Мне всегда казалось, что она не-

пременна, неподвижна и что для отличения людей от прочих тварей божественное сие качество дано свыше. Не получа классического воспитания и провлачив жизнь свою или в горестных восчувствованиях, или в обременении, затруднениях и мелочах, не изошряющих разум, методически говорить я не умею; но, следуя убеждению сердца моего, которое реже, нежели понятие мое, меня обманывало, предложила и я с своей стороны воображение свое о добродетели, которое хотя твердо впечатленно в душе моей, но ясно изъяснить, может быть, не буду в состоянии. Как бы то ни было, предлагаю здесь те самые слова, которые я в тогдашний разговор употребляла, прибавив только то, что всею душою желаю, чтоб умнее и знающее меня люди посвятили свое перо к изображению того, что собственная наша польза нас любить учит.

«Я уверена, что добродетель везде и во всякие времена есть одна; что она божественный дар, и так сама в себе совершенна и изящна, что восчувствование и прилепление ко оной есть уже действительное наслаждение и награждение, не зависимое от людских мнений, деяний или каких-либо приключений; что все похвальные подвиги, чувства и действия, которыми люди отличаются или хвалу, любовь и благодарность от человеческого рода заслуживают, суть ее плоды; одним словом, мне мнится, что она не что иное, как **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**; а из нее уже истекают все изящности и героические подвиги, по которым с удивлением, почтением и признанием сердечным добродетельных людей мы признаем. Человеколюбие, снисхождение, щедрость, благодарность, умеренность и жалость и все возвышающие душу качества суть степени или отрасли ее; но корень оным **СПРАВЕДЛИВОСТЬ**. В самом деле, когда бы человек мог о любящих и ненавидящих его, равно как о себе самом, всегда без пристрастия судить, если бы свои дела всегда судил справедливо, тогда бы все другие добродетели для него не тягостны были; не считал бы тогда жертвою то, что понимал бы должностию себе, и практические добродетели обыкновенными и естественными ему бы казались; напротив того, без **СПРАВЕДЛИВОСТИ** и самые героические подвиги суть только мгновенный блеск, который более удивляет, нежели прилепляет сердца наши, потом исчезает, не сделав того в душах впечатления, которое благодарность питая сохраняет. Храбрость, щедрость и самое благотворительное расположение не подают еще (по мнению моему)

права почитать себя добродетельным, ибо поздно или рано пристрастие к себе или к ближним изменником противу добродетели соделать возможет. О божественная СПРАВЕДЛИВОСТЬ, коль ты изящна и превосходна, колико ты для совершенства и блаженства смертных нужна! Чистая душа одна тебя понять удобна и, узнав тебя, в душе питать и тобою наслаждаясь, питаться будет».

Желательно б было, чтоб ежегодное награждение было установлено за лучшее сочинение, в стихах или в прозе описывающее добродетель. Между тем здесь приобщаю стихи, которые по просьбе моей одним молодым человеком сочинены, который с музами более моего знакомство имеет: прошу оные здесь напечатать, чем много одолжите вашу покорную услужницу.

ТОИСИОКОВ

*комедия
в
пяти действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г. Тоисиоков.
Г-жа Тоисиокова.
Г-жа Решимова, пожилая вдова,
по-старинному одетая в черное платье.
Флена Осиповна, племянница ее,
двоюродная сестра г-жи Тоисиоковой.
Г. Здравомыслов, друг г. Тоисиокова.
Лафлер, француз, камердинер.
Дворецкий.
Маша, Флены Осиповны служанка.
Пролаз, конюший г-жи Решимовой.
Андрей, слуга г. Здравомыслова.
Купец.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1

Театр представляет кабинет, в коем г. Тоисиоков, сидя перед столом, разбирает бумаги, читает, перерывает, размышляет и начинает говорить.

Г. Т о и с и о к о в. Чем более человек умен и знающ, тем осторожнее; решительности убегает... По счетам сим ясно

видно, что и дворецкий и Лафлер оба меня обманывают, но откинуть их не могу. Без французского камердинера, это правда, я бы мог обойтись; но как и без него быть? Особенно теперь; ...он проворен... нужен... Другого плута отпустил бы, но чтоб не раскаиваться после, как то мне уже часто случалось. (*Читает и, перестав, говорит.*) Сего счета я бы, конечно, не имел, если б не был женат; проклиная тот час, в который мой друг убедил меня сей несчастный союз сделать. Осмотрись, — говорил он тогда, — чтоб нерешимостью своею не потерять того, чего внутренно желаешь. Я, правда, казалось, любил ее тогда; но если б его и тетки ее докучность меня с толку тогда не сбила, я бы счастливее теперь был. Вчерась еще я столь же сильно ею прельщался, как потом и ненавидел. (*Продолжает читать, а потом встает.*) Скучно этими бумагами заниматься, но я за дворецким послал, быть так. (*Садится.*) Кончить с ним хотя третьегодьяшные счета.

Д в о р е ц к и й (*в сторону*). Ведь, кажется, очень занялся, а решению никакому не бывать как не бывать. (*Кланяется г. Тоисиокову.*) Вы изволили меня спрашивать.

Г. Т о и с и о к о в. Да, я хочу неотменно окончить с тобою завалавшиеся счета; а то, не сказав, сдерешь с меня проценты.

Д в о р е ц к и й. Как это, сударь? У меня денег нет, а хотя б и были, не в рост бы вам их отдал.

Г. Т о и с и о к о в. Строчку или нулик приписать стоит вашему брату добрых процентов.

Д в о р е ц к и й. Не статочное, сударь, дело.¹

Явление 2

Г. Тоисиоков и дворецкий.

Г. Т о и с и о к о в. Все в свете и статочно, и нестаточно; примемся, однако, за дело (*смотря на часы*), но мне уж пора ехать; нет, добро, читай. (*Подает ему расходную книгу.*)

Д в о р е ц к и й (*читает*). По случаю продажи, но после опять возвратно купленной вами деревни, на двойные пошлины две тысячи рублей; за третью перестройку конюшни по счету архитектора семьсот рублей; по поручительству за француза... (*перестает читать*). Я истинно не запомню, сударь, имя его и для того не написал (*продолжает чи-*

татъ) три тысячи рублей; госпоже Брюжжихиной за неустойку...

Г. Гоисоков (*встав, выдергивает у него из рук расходную книгу*). Несносно, скоро ли конца дождусь?

Дворецкий. Конечно уж, сударь, мне нечего читать, а после подозревать опять меня станете; сделайте милость, поручите господину Здравомыслову дела ваши в порядок привести.

Г. Гоисоков. Не всегда он здраво решит, и пословица нас учит: не скоро, да здорово. (*В сторону.*) Чтоб отвязаться от него, страницы две послушаю. (*Садится.*)

Дворецкий. Сегодня присылал, сударь, купец спросить, когда прикажете писать купчую на продаваемый вами дом.

Г. Гоисоков. Да я уж отдумал дом продавать; он убежищем служить мне может, когда...

Явление 3

Те же и Пролаз.

Пролаз. Барыня моя приказала, сударь, кланяться и донести, что она скоро к вам прибудет; я ее за две упряжки отсель оставил.

Г. Гоисоков (*в сторону*). О неприятное посещение! (*Пролазу.*) Радуюсь, что тетушку увижу; какова она здоровьем?

Пролаз. Никогда вы ее здоровее не видывали, кажется, будто бы помолодела.

Г. Гоисоков (*в сторону*). Тем злее замуштрует весь дом. (*К дворецкому.*) Прикажи прибрать для тетушки покой; нет, постой, я сам пойду; я жене скажу. (*Уходит и возвращается; дворецкому на ухо.*) Слушай, помни же ты и Лафлеру скажи, чтоб при этой гостье ни о чем мне не докладывать, а то она тотчас на все свои решения давать станет. (*Уходит.*)

Явление 4

Дворецкий и Пролаз.

Пролаз. Что, брат, как поживаешь?

Дворецкий. По прозванию нашему, так и живется.

Пролаз. Как по прозванию?

Дворецкий. И так и сяк. Господин мой скучал, как был на службе, скучает теперь в отставке; и то и се желает, то и се приказывает, и опять отдумывает; а наш брат угождай как знаешь, хотя ввек попасть нельзя на мысль; они у него, как шары, один другого прогоняет.

Пролоз. Неужели воистину твой барин таков?

Дворецкий. А вот каков: барыню любит, всякий деньги у него выманивает, а ей не дает; теперь, знаешь ли, для чего решился пойти к ней? Для того только, что знал, что ее дома нет, а как тетушка изволит приехать, пуще с толку все собьемся.

Пролоз. Нет, ты барыню не знаешь: хотя горяча, скоро и упряма, но умна и сердцем отходчива. Надо, правда, умок, чтобы угодить ей; да твоя барыня, скажи пожалуй, и Флена Осиповна, что делают? Как в нерешимостях ваших обретаются?

Явление 5

Те же и Маша.

Дворецкий. Вот Машенька тебе на этот вопрос ответ даст, а мне еще с должниками нашими хлопотать надобно. *(Уходит.)*

Маша. С должниками? *(Качает головой.)* А главный-то, я чаю, он сам; небось умел карманы свои набить. *(Пролозу.)* А! Здравствуй, давно ли здесь?

Пролоз. Недавно, и госпожа моя скоро прибудет.

Маша. Ахти!

Пролоз. Испугалась нас, что ли?

Маша. Не диво и испугаться; у ней все скоро, скоро, скоро; а у барина так: поди — постой — пошли — нет, погоди.

Пролоз. Какая ты проказница!

Маша. Да что ж не правда, что ли? Барин часто на память мне приводит тряпье. *(Смеется.)*

Пролоз. Ха, ха, ха, что за тряпье?

Маша. Я прежде служила у бумажной фабрикантши; тогда должность моя была с тряпками возиться, хотя из оных ни сшить, ни скроить нечего, только на перегной годятся; так то и он — ни толку, ни решимости от него не добьешься. Самая он тряпка; иногда смешон, а иногда, коли сметь сказать, и противен. *(Смеется.)*

Аптекарь. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1785. Ч. 4. № 34).

Пр о л а з. Я знаю и сам, что у женщин решительный молодец скорее удачу получит. Да барыня и барышня твоя как ладят?

М а ш а. Сам рассудишь: вчерась поутру господин наш отменно был ласков, нежен и горяч к жене своей; уверял ее, что они всегда бы в согласии жили, если бы она не следовала советам моей барышни; а после обеда, как она уехала, тогда прекрасную Флену превозносил до небес и советовал ей, чтоб она от сестрицы двоюродной отнюдь ничего не занимала, что она сама умнее и что себя унижает, заимствуя от кого-нибудь.

Пр о л а з. Это похоже на смутки.²

М а ш а. Нет, не думаю, он сам не знает, которая из них превосходнее или которую он лучше любит; все по часам, а сестрицы между собою очень согласно живут и, я чаю, сносятся; да беда, что барышня моя так скромна, что от нее ни слова никогда не узнаю.

Пр о л а з. Как же ты, бедная, живешь? Девке да не знать все, что барышня ее думает, — это грустно и необыкновенно; а я так все знаю и до всего сам доберусь.

М а ш а. И я таки не вовсе впотьмах живу; есть у нас Лафлер, который мне куры строит;³ он от барина все знает, не все от меня притаивает; да и другие кое-что таки сказывают.

Пр о л а з. Слышал я об нем; госпожа моя говорит, что он великий плут, и если только приобрел господин, ездя в чужие края, что его с собою вывез, то мало барыша ему из его путешествия будет. Но вот она сама.

Явление 6

Г-жа Решимова, Маша и Пролаз.

Маша подходит и целует у г-жи Решимовой руку.

Г-жа Р е ш и м о в а (*вырывая руку*). Где твоя госпожа? Ох, устала! Подай стул, кликни Фленушку, где ее сестрица? Что, муженек-то, по-старому кубарит?⁴ Что же не отвечаешь? Истукан ты что ли?

М а ш а (*в сторону*). Да как успевать отвечать. (*Г-же Решимовой.*) Барышня поехала, сударыня, с сестрицею гулять.

Г-жа Р е ш и м о в а (*топая ногами*). Ну, ну?

М а ш а. А барин, сударыня, дома, я пойду ему скажу о вашем приезде. (*Убегает.*)

Явление 7

Г-жа Р е ш и м о в а (*Пролазу*). Готова ли спальня моя? Видел ли Фленушку? Отнес ли письмо к стряпчему? К сватье? Разведаль ли, что надобно? Отыскал ли квартиру лекаря моего?

Пр о л а з. Все исполнил, сударыня (*в сторону*). Ничего не бывало. (*Г-же Решимовой.*) Флену Осиповну только не видал.

Г-жа Р е ш и м о в а. Для чего? Не успел что ли? Лени что ли здесь в доме успел набраться?

Явление 8

Те же и г. Тоисиоков.

Г-жа Решимова. А! Здравствуй, здравствуй, племянничек, как поживаешь? Здорова ли жена? Как уживается с тобою Фленушка моя? Разделался ли с должниками?

Г. Тоисиоков. Позвольте мне, тетушка, прежде поздравить вас с благополучным приездом.

Г-жа Решимова. Я комплиментов-то не люблю, дай сюда мне племянниц-то, дай.

Г. Тоисиоков. Они поехали прогуливаться, сударыня.

Г-жа Решимова. Хорошо сделали, ведь им дома-то, я чаю, тошнехонько.

Г. Тоисиоков. Почему же-с?

Г-жа Решимова. А вот потому, что вы по-старому, чай, то лижетесь, то спорите.

Г. Тоисиоков. Когда человек и сам с собою не всегда согласен, быть может, то как же...

Г-жа Решимова. Да споры-то все о пустом; неужли ей всегда потакать, когда ты сам себя мало знаешь; о сроке, мартышке, попугае неужли не дозволено свое мнение иметь и свое словцо сказать; в важном деле — то иное, жена, конечно, должна повиноваться, а то в безделках да и сердиться; ребенок что ли ты? Я так Фленушке удивляюсь: на ее месте я давно бы от вас уехала.

Г. Тоисиоков. Вольно вам, сударыня, так думать.

Г-жа Решимова. Конечно, вольно, для того что я умею и знаю, как волю-то иметь; ты ведь один такой чудак, что воли одинакой не имеешь, а хочешь, однако ж, чтоб тебе угождали; сердишься на жену по пустякам, по пустякам же опять и хвалишь и лобызаешь, как на ум взбредет; да добро, пошли-тка за женой.

Г. Тоисиоков. Слышу-с. (*В сторону.*) С радостью ухожу. (*Уходит.*)

Явление 9

Пролаз, г-жа Решимова и Лафлер.

Лафлер (*показавшись в ближних дверях*). Il ne faut pas s'y froter.* (*Прячется.*)

* Не нужно здесь толочься (*фр.*).

Г-жа Решимова. Плут, мошенник, воротись, куда ушел? Чего испужался? Чучело я что ли? Этот бездельник... (увидев Пролаза). Да ты что здесь стоишь? (Пролаз уходит.) Этот плут Лафлер один бестолкового и недоверчивого моего племянника доверенность имеет; хотелось было мне...

Явление 10

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова и Флена Осиповна.
Последние обе вдруг кидаются в объятия г-жи Решимовой, и обе вдруг говорят.

Флена Осиповна. Как я рада, тетушка, что вас увидела!

Г-жа Тоисиокова. Как я счастлива, что вас дождалась!

Г-жа Решимова. Я сама, дети, рада, что вас вижу. Как, Фленушка, поживаешь? А ты, матка, поди-ка да приготовь отдых старой тетке; от мужа ведь твоего я ничего толковитого не жду.

Г-жа Тоисиокова. Я уверена, что он чрезмерно приездом вашим обрадован и что уже все учредил для покою вашего; он вас, конечно, и любит и почитает.

Г-жа Решимова (улыбаясь). И, полно, он ведь и любить-то не умеет; да поди, поди, пожалуй, постель прикажи мне приготовить, я, право, очень устала.

Г-жа Тоисиокова уходит.

Явление 11

Г-жа Решимова и Флена.

Г-жа Решимова. Ну, мой друг, мы теперь одни: скажи мне, что ты и как ты? Ты знаешь, что я тебя люблю, для тебя больше и приехала сюда; не робей, сказывай, чем недовольна? Что тебе надобно?

Флена. Мне по милости вашей ни в чем недостатка нет, и никаких неудовольствий не имею.

Г-жа Решимова. Как-таки без досады, особливо с этой неодушевленной куклою, с зятюшкой твоим!

Ф л е н а. Вы сами лучше меня изволите знать, что различны нравы людские; снисходить же друг другу мы долг имеем.

Г-жа Решимова. Что различны, то различны люди — это преумное твое слово; а снисхождение иметь к такому человеку, который не только себя, но всех, в связи с ним, несчастными делает, не могу... нет, не могу.

Ф л е н а. Как же быть, тетушка! Зять мой, конечно, не имеет разума, вашему подобного, ни вашей расторопности.

Г-жа Решимова. Он не только мой ум, но и никакого не имеет; ты слишком добросердечна и снисходительна; я иногда крушусь о сестре твоей, но кто ж виноват? Сама выбрала, влюбилась в болвана и ускорила выбором своим мое решение. Ты, мое любезное дитя, не погуби себя так же, оставь мне определить твой жребий, положишься на меня, пусть я за тебя решу.

Ф л е н а. Я, конечно, во всем на вас полагаюсь и из воли вашей ни для чего не выступлю.

Г-жа Решимова. Так, любезная, так, моя умница; да скажи, однако ж, как они долгами своими перемещаются?

Ф л е н а. Грустно думать, не только говорить о расстройке их: вы изволите знать, что ни пышности, ниже мотовства лишнего за ним нет, но со всем тем, если так все пойдет, то имение их будет недостаточно на заплату долгов; меня состояние сестрицы чрезмерно печалит.

Явление 12

Те же и г-жа Тоисиокова.

Г-жа Тоисиокова. Почивальня ваша готова, после же отдыха вашего, когда прикажете, то и стол готов будет.

Г-жа Решимова. Хорошо, пойдем, проводите меня в мою комнату.

Все уходят.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление 1

Лафлер (*один*). Ну ешо штук сыграть, и Monsieur* Лафлер может доволен битъ, фортун сделан, деньги есть. Давиша мосье приказал мне мамзель Флен превенировать⁵ о его любви, хотел дать письмо, раздумал; n'importe.** Благ мене открылся, я интриг заведу, а барыш достану, поеду а Paris*** и буду смеяться на эта famille.**** Теперь надо выиграл, мамзель Машенька, надо искусна поступка. (*Уходит.*)

Явление 2

Пролаз и Андрей.

Андрей. Как я рад, что приезд моего господина мне встречу старого друга Пролаза доставил. Помоги же мне в сем доме. Инструкция моя предписывает мне вручить письмо барышне так проворно, чтоб никто отнюдь еще не знал о приезде нашем.

Пролаз. Да на что тебе лучше Маши; разве старый ваш лад разладился?

Андрей. Авось и нет, но как крепко надеяться на девичью правду? Далеко из глаз, далеко из сердца — пословица говорится; заботясь о приказании господина моего, я и не успел спросить тебя об ней.

Пролаз. Она по-старому хороша, весела, и Лафлер за ней приволачивается.

Андрей. Да она как, мигается с ним, что ли?

Пролаз. Не узнаешь, ведь и любви хоть не чувствуют городские девушки, а любят иметь прихлебателей за хвостом; сам лучше спознаешь.

Андрей. Поведи же меня к ней, но не погуби меня и барина; не сказывай своей госпоже ни о приезде нашем, ни о моем посольстве.

* господин (*фр.*).

** не важно (*фр.*).

*** в Париж (*фр.*).

**** семья (*фр.*).

Пр о л а з. Даю тебе мое слово; ведь она не знала об вас, следственно, и не имел я приказания за вами подсматривать. (*Уходят оба.*)

Явление 3

М а ш а (*одна*). Услышала стук приезжих, побежала к барину в кабинет, чтоб из окна посмотреть, письмецо под ноги попало, прочла надпись на имя барышни моей, а приезжего тем прозевала; уж хотя б узнать, что в письмеце-то написано; ...хочется очень распечатать, но боюсь барышни, такие проповеди мне за это наскажет, уж куда умна... Ба, ба, ба! Кого я вижу?

В то время Андрей входит.

Явление 4

Маша и Андрей.

А н д р е й. Верного своего Андрюшу. Ты по-старому ль ко мне милостива?

М а ш а. Полно, не наше с тобою дело, мы ведь не господа, чтоб переменяться и неверностью щеголять. Да скажи, каким счастьем тебя сюда занесло?

А н д р е й. Не ветром ведь; барин приехал и прислал меня с письмом, которое вручить надо, как гласит моя инструкция, поскорей и прежде, нежели кто здесь узнает о нашем приезде.

М а ш а. Ведь, верно, к барышне моей; подай сюда, я твое дело сделаю. Она теперь за столом, а мы с тобой еще балы поточим;⁶ после ж ты уберись домой, а я госпоже своей письмо тотчас отдам.

А н д р е й. Всем сердцем рад с тобою раздабарывать;⁷ но скажи, что за Лафлер у вас? К тебе он, сказывают, подъезжает?

М а ш а. Не бойся этого соперника; ведь я знаю, что он как волк все к лесу глядит; как побольше господина оберет, так и уедет в свою отчизну; я от скуки его слушаю и над ним смеюсь.

А н д р е й. То-то, то-то, да не очень ли тебе с ним весело?

М а ш а. Экая беда, пустое; скажи-ка лучше своему барину, чтоб он его подкупил; он за деньги все скажет и все сделает.

А н д р е й. На что нам такие подкопы? Мы честно, грудью хотим взять.

М а ш а. Поверь же мне, что нужда будет; я сейчас подняла письмо, которое утверждает меня в догадке моей; но я слышу, что стульями застучали, знать, встали из-за стола, убирайся, убирайся.

А н д р е й. Прости: как смеркнется, приду к тебе за ответом.

Оба уходят.

Явление 5

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова, г. Тоисиоков и Флена.

Г-жа Р е ш и м о в а. По-моему так, какой-нибудь да нрав лучше, чем никакого не иметь: как бы крут ни был, — захочешь, так подладишь; а вертушка жестяная да деревянная хороша, а не с руками и с ногами.

Г. Т о и с и о к о в. Эм... так, сударыня, но и упрямство куда тяжело! А особенно, когда вследствие скоропостижного решения.

Г-жа Р е ш и м о в а. Это ты, батька, из книги какой-нибудь выбрал; иные наветки-то⁸ не у места бывают, да хотя б ты тарабарскую грамоту⁹ разобрал и начитался бы; а как своего царька (*указывая на лоб*) в голове нет, так все-таки жить с порядком не будешь уметь.

Г. Т о и с и о к о в (*в сторону*). Быть льстить ей и сносить ее грубости.

Г-жа Р е ш и м о в а. Шепчи хоть не шепчи, я исстари слыла баба с головою.

Г-жа Т о и с и о к о в а. Муж мой, конечно, согласно со всеми вас таковою почитает.

Г. Т о и с и о к о в. Без сомнения; я уверен, что вы в младенчестве и в молодости на других никак не походили и превосходным разумом блистали.

Г-жа Р е ш и м о в а. Ошибалась, как и другие, но скоро опять прямой след находила; в том-то и разница. Вот вам скажу, как, вышед ребенком замуж, я криво было поняла, как в супружестве утвердить благоприязнь и мир. Сядем-ка:

тебе, Фленушка, эта речь пригодится. (*Берут стулья, тетку усаживают и сами садятся.*)

Ф л е н а. Всегда с почтением и с удовольствием вас, тетушка, слушаю.

Г-жа Р е ш и м о в а. Пятнадцати лет по любви и с родительским благословением вышла я за дядю вашего; он, покойник-свет, был преумный человек, никогда из воли моей не выступал; а как мы чрезмерно друг друга любили, вздумали, что городское пребывание суетно и препятствует к наслаждению взаимной нашей горячности, поехали в деревню: там, дескать, мы одни будем и беспрепятственно станем друг другом утешаться. Первые пять-шесть дней хорошо шло, друг другу вселенную заменяли; но скоро после заметила, что он, свет, зеваает, а и меня, matka, зачала мучить. Не поехать ли в город? — сказала я. Он тотчас согласился.

Явление 6

Те же и Лафлер.

Делает господину своему знаки и мигает.

Г-жа Р е ш и м о в а (*увидя то*). Зачем он? Этого плута вале-де шама¹⁰ вмиг бы со двора столкала.

Г. Т о и с и о к о в. *Allez-vous-en**.

Лафлер уходит.

Г-жа Р е ш и м о в а. Где, бишь, я, дети, остановилась?

Ф л е н а. Когда вы изволили намеряться в город возвратно ехать.

Г-жа Р е ш и м о в а. Ну-с, поехали мы в город; и чтоб не подвергнуться той же скуке, стали разъезжать он в сторону, а я в другую. Поутру в лавки да на гулянье, потом спешу одеться, чтоб обедать в гостях, после в комедию, оттуда на бал; с утренней зарей домой возвратимся, так измучены, так устанем, власно¹¹ избитые; а веселья прямого и удовольствия нимало не находили. Продлилось это несколько времени, тут я спохватилась и решила, заметьте, я решила, что...

Лафлер вбегает опять и делает господину знаки.

* Пойдите прочь (*фр.*).

Г-жа Решимова (*увидя*). Не велит он тебе со мною сидеть, что ли? Так попроси у него на то дозволения.

Г. Тоисиоков. Как этому стать, тетушка! Он знает, что у меня зубы болят, и думает, что он мне нужен. (*Машет рукою Лафлеру, тот уходит.*)

Г-жа Решимова. Да поди, поди себе и раздабарывай с ним; я племянницам доскажу, как решиться кстати я и в молодости умела; тебя ж ведь ничто уже не исправит, так на что тебе и слушать нас?

Г. Тоисиоков (*держит рукою щеку*). Позвольте и мне, сударыня, пользоваться вашими нравоучениями.

Г-жа Решимова (*оборачивает спиною стул к г. Тоисиокову*). Где, бишь, Фленушка, я остановилась, как плут-то мне помешал?

Флена. Вы изволили решение какое-то...

Г-жа Решимова. А! Помню, помню; мы, друг мой, — сказала я свету, — слишком были вместе, потом слишком были розно, вдаваясь в крайности, отделились от истинного пути; нам скучно было оттого, что не в меру были уединены, что слишком непосредственно были вместе; нам скучно потом было оттого, что слишком были в людях и чуждались друг друга; все в меру хорошо; не будем как неподвижные статуйки друг против друга сидеть, не будем также и бегать друг от друга. Он решение мое принял за закон, и с лишком тридцать лет после того счастливо и согласо жили. Вот видите, как я на прямой след опять попасть умела!

Явление 7

Те же и Пролаз.

Пролаз. Стряпчий ваш и лекарь приехали.

Г-жа Решимова. Поведи их в мою комнату.

Она и Пролаз уходят.

Явление 8

Г-жа Тоисиокова, г. Тоисиоков и Флена.

Г. Тоисиоков. Я думал, рассказы ее ввек не кончатся.

Г-жа Тоисиокова. Для чего не имеешь к ней того снисхождения, которое ты к меньше достойным предметам имеешь?

Г. Тоисиоков. Для чего? для чего? Не вздумай и ты мною повелевать; мне уж и от ее одной скучно. (*Уходит.*)

Входит Маша и вызывает на ухо Флену.

Флена (*г-же Тоисиоковой*). Пожалуй, не уходи, я тотчас возвращусь.

Явление 9

Г-жа Тоисиокова (*одна*). Не знаю, чему приписать несчастную противу меня перемену мужа моего; она тем более для меня мучительна, что я должна скрывать смущение свое, чтоб не усугубить тетушки моей к нему ненависти... Если б Здравомыслов здесь был, он бы мог своими советами нас сблизить... Нечаянно сведала я, что долги мужа моего превышают все, что я о них представляла... На что ж от меня таить то, в чем участие я принимать должна? Но терпение, терпение есть одно для меня убежище.

Явление 10

Г-жа Тоисиокова и Флена.

Г-жа Тоисиокова. Что ты так, сестрица, смутна?

Флена. Я не знаю, для чего это тебе кажется!

Г-жа Тоисиокова. Давно ли ты начала скрывать свои чувства от друга, от сестры, которая тебя любит?

Флена. Тягостно б было для меня сокрытые от тебя питать мысли; я тебе откроюсь, но обещайся мне несколько времени не сказывать то своему мужу; я имею на это причины, и самое мое счастье от твоей скромности зависит.

Г-жа Тоисиокова. Непонятно для меня, но я обещаю тебе все, что ты хочешь.

Флена (*ища письма, в сторону*). Одно письмо ей покажу, а о другом потщусь¹² скрыть во всю жизнь. (*Вынув письмо из кармана и держа в руке.*) Ты давно уже подозревала, что Здравомыслов меня любит; вот письмо от него, которое мне теперь Маша вручила. (*Отдает письмо, читает про себя г-жа Тоисиокова.*) Признаюсь, что я его всем другим предпочитаю, но...

Г-жа Тоисокова (*отдавая ей назад письмо*). Я еще не вижу причины, отчего тебе быть смущенной или печальной.

Флена. Разве забыла ты нрав тетушки? Довольно для нее узнать, что я его назначаю своим супругом, чтоб сей брак ей противен сделался и чтоб его возненавидеть, а на меня прогневаться. Надобно стараться, чтоб она его сама полюбила и прежде, нежели сведает о нашей любви, избрала бы мне его мужем.

Г-жа Тоисокова. Хотя сие сопряжено с трудностями, но отчаиваться причины я не вижу.

Флена. Манить себе я не умею, но, не отступая от долга своего, буду ожидать своего жребия с возможным терпением; теперь напишу к нему ответ, и как пристрастие мое к Здравомыслову основано на его достоинствах, то стыдиться оным не могу; почитая же его, и скрывать того не стану, с тем, однако, что он должен быть уверен, что без согласия тетушки я женою его не буду.

Г-жа Тоисокова. Покуда ты писать будешь, я к себе пойду. (*Уходит.*)

Явление 11

Флена (*одна, садится, пишет, потом перестав*). Сколь ничтожен мне зять мой ни казался, но сей развратности я в нем не полагала; он мог вздумать преклонить меня к себе в любовь? Это несносно... это было бы обидно от мыслящей твари, но от него теперь я всего ожидаю. Совершенное презрение к нему я только себе дозволяю. Несчастливая сестра! От нее и от тетушки потщусь навеки скрыть его письмо, найденное Машею, которое более всего побудило меня написать ответ к Здравомыслову; пошлю его поскорее. (*Уходит.*)

Явление 12

Г. Тоисоков. Тысячу неприятностей стекаются вдруг, чтоб меня взбесить; правда, что не было никакой мне нужды за Изгадкина ручаться: ни я с ним друг, ни я его люблю, а теперь плати за него семь тысяч, когда два другие векселя уже протестованы. Чванство и угождение меня часто вовлекают в хлопоты; теперь надо улестить дво-

рецкого моего и дни два по его дудке плясать, чтоб он спроворил и денег мне сыскал... При том боюсь, чтоб дражайшая тетушка не сведала, сколь расстроено мое имение. Пойду к жене, выведаю от нее, не проведала ли чего? (*Идет к дверям.*) Да хотя б и сведала? (*Ворочается назад.*) Пойду лучше к прекрасной Флене. (*Идет к другим дверям.*)

В то время входит г-жа Решимова, видя его из стороны в сторону переходы.

Г-жа Решимова. Какой колеблющийся чудак, ни из короба, ни в короб; ха, ха, ха, стань посредине, так и будешь тот осел, который между двух кулей овса с голоду умер, не умея решиться, из которого ему есть.

Г. Тоисиоков, приметя, что г-жа Решимова его видела, убегает и хлопает дверью.

Он же и взбесился? Не стоит моего терпения; пойду расхлещу его в прах, авось хоть что-нибудь ему в голову воьбьется.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление 1

Лафлер и дворецкий.

Пролаз, войдя и увидя их, прячется под стол и подслушивает.

Лафлер. En bien*, каспадин тварецки, тот вексель, котора ты хати продаваить, пошел ли в работ?

Дворецкий. Пошел, пошел, да только не с такими выигрышами, с какими мы хотели; ты, господин француз, боле выиграл.

Лафлер. Ну, мы с тобой делай после сшот.

Дворецкий. Я, право, рад бы при своих остаться.

Лафлер. Перестань, à d'autres**. Как, што дом?

Дворецкий. Ведь ты знаешь, что мы перезаложили его другим, чтоб скрыть ради дурных случаев, что мы с тобой заимодавцы; уже и срок пришел; пойдём-ка теперь к нотариусу и окончим по векселю нашему.

* Хорошо (*фр.*).

** рассказывай другим (*фр.*).

Оба уходят.

Пр о л а з (*выходя из-под стола*). Добро, плуты! Достанется вам; я все перескажу госпоже своей.

Уходит.

Явление 2

Г. Тоисиоков и г. Здравомыслов.

Г. З д р а в о м ы с л о в. Удивляюсь, как, не любя человека, для него расстраивать свое состояние, и как, любя человека, его порицать? Что ты сделал для Изгадкина, и как ты о жене своей говоришь, мне непонятно.

Г. Т о и с и о к о в (*с насмешкою*). Не все так тверды, как вы; и пирамиды египетские¹³ в пременном первобытному их состоянию!

Г. З д р а в о м ы с л о в. Здесь пирамиды не у места; свычка,¹⁴ которую я с малолетства с тобою имею, а не дружба, потому что ты, я вижу, ощущать ее за тягость бы себе счел; свычка, говорю я, во мне еще действует и искренним противу тебя делает.

Г. Т о и с и о к о в. Не сердись, пожалуй, лучше помоги мне: ведь ты не все еще мои приключения знаешь... Чтоб нравиться некакой даме, я по утрам ханжил,¹⁵ а чтоб скуку эту наградить и другим понравиться, я в карты проигрался...

Г. З д р а в о м ы с л о в. Что далее, то лучше! Давно ли ты картежник стал? Как, будучи внутренне скупцом, промотаться и с твоим именем не уметь жить!

Г. Т о и с и о к о в. От тебя я не скрываю: ты уже меня знаешь, но подчас и с тобою в очевидном бы поспорил; такой мой нрав, что делать!

Г. З д р а в о м ы с л о в. Что делать? Перемениться.

Г. Т о и с и о к о в. Ха, ха, ха, перемениться.

Г. З д р а в о м ы с л о в. Да, перемениться, хоть смейся, хоть нет; положение твое таково, что не одну бедность, но и порицание на себя навлекаешь; если в тюрьме сидеть за ничто считаешь, однако жену ввергать права не имеешь.

Г. Т о и с и о к о в. И впрямь худо мне приходит, испужал и огорчил ты меня... Поеду к займодавцу своему просить, чтоб обождал в платеже, пока доходами или каким другим

переворотом извернуса. Дождись, пожалуй, меня здесь.
(Уходит).

Явление 3

Г. Здравомыслов. Чем более его вижу, тем менее похвалить могу выбор молодости; я тогда думал находку и друга в нем сыскать, ныне стыдился бы и знакомство с подобным ему сделать; теперь он испужался, а через минуту опять забудет.

Явление 4

Г. Здравомыслов и Флена.

Г. Здравомыслов. Не нахожу слов, чтоб изъяснить вам, сударыня, благодарность мою. Письмо ваше меня совершенно счастливым сделало; оно подобно зраку вашему благородно, искренно и скромно.

Флена. Хотя притворствоваться я не умею, но я бы еще не открыла вам, сколь ваша любовь мне драгоценна; обстоятельства требовали, чтоб я вам душу свою обнажила, но желаемого успеха чтоб достигнуть, вам должно с доверенностию, которой я потщуся быть достойной, повиноваться на время моей воле, а именно: никакого шага без согласия на то моего не делать; прогневать тетушку я страшуся; старайтесь ее милость снискать; но вот она сама идет, не время ей еще о нашем намерении объявить.

Явление 5

Те же и г-жа Решимова.

Г-жа Решимова (кланяется Здравомыслову). Давно ли в городе?.. О чем говорили?

Г. Здравомыслов. Сей час, сударыня, приехал; осведомлялся ж о племяннике вашем.

Г-жа Решимова. Да, ведь вы бишь ему друг, отцы ваши поделом друг друга любили; я вашего отца знала, он был человек разумный, не был бы он другом такой кукле, как племянник мой.

Г. Здравомыслов. Отец мой счастлив был, когда вы такое мнение о нем имели; о Тоисиокове ж осмелюсь в из-

винение сказать, что хотя его поступки неосновательны, но он добрую имеет душу.

Г-жа Решимова. Он, добрую душу? Он?.. да коли есть у него душишка, то она так в нем без действия, так мала, как цифра, которую вывести можно из задачи, что в ребячестве нам задавали, семь без четырех, да три улетело: сколько, батюшка, осталось?

Г. Здравомыслов. Я не предпринимаю его защищать перед вами.

Г-жа Решимова. Хорошо делаете. Жена его хоть скрывает свою печаль, но видно, что она ее снедает.

Явление 6

Те же и г. Тоисиоков.

Г. Тоисиоков. Отдохнули ли, сударыня, после беспокойной дороги?

Г-жа Решимова. Телесный отдых скорее доставить можешь, нежели душевный; а духом я измучена.

Явление 7

Те же и Маша (*вбегает и говорит Флене*).

Помогите барыне возвратить жизнь, я с полчаса одна с нею, не знаю, что делать, очень занемогла. (*Уходит*).

Флена. Что с нею сделалось? Позвольте, тетушка, к ней пойти.

Г-жа Решимова. Побегу, мой друг, я сама за тобою пойду.

Уходят.

Явление 8

Г. Здравомыслов и г. Тоисиоков.

Г. Здравомыслов. Ты что здесь остался? Ни жалости, ни благопристойности не сохраняешь!

Входит Лафлер.

Лафлер. Мадам занемок, изволи идти к ней. (*Уходит.*)

Явление 9

Г. З д р а в о м ы с л о в (один). Станный человек! Ни жалость, ни собственное к себе и к тетке почтение не удобно было его привести в малейшее движение; а подлец и плут его слуга, как ребенка, его туда послал... Мне здесь остаться теперь будет непристойно; домой пойду и буду водим разумом и добродетелью, когда прелестная Флена будет мною руководствовать.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление 1

Г-жа Решимова и Пролаз.

Г-жа Решимова. Что ж, успел ли что сведать?

Пролаз. По приказанию вашему, все хитрости употреблял и ни минуты не потерял, чтоб узнать все, что в этом доме делается.

Г-жа Решимова. Ну, что скажешь?

Пролаз. Госпожа тужит, а господин часом скуп, часом тороват,¹⁶ весел и грустен, любит и ненавидит, горд и низок на одном часу.

Г-жа Решимова. Это я все без тебя знаю.

Пролаз. А Флену Осиповну все хвалят, почитают и любят.

Г-жа Решимова. И это-таки я знаю.

Пролаз. Проведал я также, что многие вексели баринновы Лафлером доведены в третьи руки и что он доверенностию господскою карманы свои потуже старается набить и уехать, товарищ же ему и помощник в плутнях дворецкий.

Г-жа Решимова. А болван-то не видит и их двух только и слушает. Постарайся достать какое-нибудь доказательство, которым бы могли ему глаза насильно раскрыть; разведай все что можешь.

Пролаз. Приказание ваше с усердием и не замедля исполню. (*Уходит.*)

Г-жа Решимова. За усердие и повиновение его другие недостатки в нем прощаю.

Явление 2

Г-жа Решимова, г. Тоисиоков и Флена.

Г-жа Решимова. Скажи, пожалуй, что за находку ты в французе своем находишь?

Г. Тоисиоков. Он, сударыня, усерден, проворен и лучше наших слуг угодить умеет.

Г-жа Решимова. Угодности свои дорого, я чаю, и продает; знаешь ли ты, что он тебя обирает и что большая часть твоих долгов им перепродана в другие руки?

Г. Тоисиоков. Не могу верить этому, сударыня, вы противу его убеждены.

Г-жа Решимова. Терпение теряю.

Г. Тоисиоков. Очень хорошую вещь теряете.

Г-жа Решимова (к Флене). Подумай, мой свет, как отвечает! (К Тоисиокову.) Добро, бестолковая голова, я скоро, может быть, с доказательством твоего легковерия ворочуся. (Уходит.)

Явление 3

Флена и г. Тоисиоков.

Г. Тоисиоков. Тетушке все не нравно, что мне надобно; но я мало бы печалился, если бы прелестная и любимая ее племянница иначе противу меня была расположена.

Флена (с пренебрежением). Мое о вас мнение не должно вами быть так уважено, как заключение тетушкино; я удивляюсь, что вы так мало стараетесь приобрести ее к себе милость.

Г. Тоисиоков. Я, кажется, стараюсь, да как угодить ей? Ну что ей бедный Лафлер сделал? Я его кликну. (Кличет.) Гей, Лафлер! — и вы, верно, услышите его оправдание.

Явление 4

Лафлер и те же.

Флена. Я никакого желания не имею быть свидетелем сего исследования и пристойности в этом не нахожу. (Уходит.)

Г. Тоисиоков. Меня теперь уверяли, что ты меня обманываешь и что под чужими именами во многих моих долгах ты мой займодавец.

Лафлер. Кто уверяй вас?

Г. Тоисиоков. Тетушка.

Лафлер. Я ошин несчастлив, шесно вам служи, угождай, а мадам Решим бранит. *(Плачет.)*

Г. Тоисиоков *(с усмешкою)*. Да ведь я ей не верю; она обо мне думает, что я пошлый дурак и что всякий меня проводить может.

Лафлер. Она не снай ваш разум, што косподин aimable.*

Г. Тоисиоков. Поди, будь спокоен, я ничему дурному об тебе не поверю. *(Уходит.)*

Лафлер. Вы сам умен, знай луше всяки люди.

Явление 5

Лафлер *(один)*. Я не снай, как узнаит эта Madame Решим. Кажиса, я не скажи никому? Il faut partir;** Машенька я люблю.

Явление 6

Лафлер и Маша.

Лафлер. Машинька, любишь ти деньга?

Маша. Я в них по уши влюблена.

Лафлер. Я думай, ти луче люби шаловек, котори деньга имеи?

Маша. Да и то не худо, коли шаловек-то того стоит.

Лафлер. Карош ли такой, как я?

Маша *(в сторону)*. Стану хвалить, что-то из этого выйdet... *(Лафлеру.)* Очень карош.

Лафлер. Ти шутитса на мене кочешь; эта неправда?

Маша. Как неправда? Лафлер, да деньги! Что может быть этого луше?

Лафлер. Ти велика плутовка!

Маша. Ти велика плут!

* Здесь: со всеми любезен *(фр.)*.

** надо уезжать *(фр.)*.

Лафлер. Ну, так ми с тобой пара. Я качу знай, красависа, любишь ти мене?

Маша. А это на что вашей милости?

Лафлер *(давая деньги ей)*. Ошень натабна?

Маша *(хватая деньги)*. Люблю, очень.

Лафлер. Кочешь са мной ехать а Paris?

Маша. Там и без меня много.

Лафлер. Я шенитса на тебе, и ми будем шить, слов слово, как смеятса; пожалиста, кочешь?

Маша *(в сторону)*. Какая удача! Мы его проведем... *(Лафлеру)*. Ну быть так, я соглашаюсь.

Лафлер. Вон,* прощай! *(Уходит, не видя Андрея, который входит в то время с купцом)*.

Явление 7

Маша, Андрей и купец.

Андрей. Ты, конечно, с этим иностранным плутом от скуки забавлялась?

Маша *(усмехаясь)*. Прощай, Андрей, я еду а Пари.

Андрей. Куда это а Пари?

Маша. Я выду замуж за Лафлера и поеду с ним во Францию.

Андрей. Полно французить-то; эта шутка трогает меня за живое.

Маша *(показывает ему кошелек)*. Вот уж и задаток!

Андрей *(с презрением)*. Вот каковы девки! Они продают сердчишки с молотка; кто больше дал, тот и взял; небось, голубка, не уедешь, мы его здесь позадержим. Он прежде посидит в русской тюрьме, так вот тебе и а Пари.

Купец. Хе... хе... Проворен-ста этот молодчик, да что ведь и говорить! Француз ведь знает, как срывать со всего барыши; не довольно, что обобрал господина, да и сманивает эту честную девицу.

Маша. Небось, не сманит.

Андрей. Да какие же это у тебя деньги?

Маша. Куда ты догадлив! Разве ты не понимаешь, что деньги я с него взяла и за это его обещанием только подарила. Обманщика обмануть дозволяется.

* Хорошо *(фр.)*.

А н д р е й. Верить-то вам не очень можно.

К у п е ц. Как тебе, братец, не стыдно сомневаться? Неужели-таки ее слово не имеет и кредиту?

А н д р е й. Да не велик, ваша пречестность.

Явление 8

Те же и Пролаз.

П р о л а з. А! Уж вы и здесь... (Андрею.) Спасибо, брат, что детину-то привел.

А н д р е й. Прощайте ж, мне надобно к господину идти. (Уходит.)

П р о л а з (купцу). Не стыдно ли тебе промышлять сим ремеслом и покупать у плута вексели?

К у п е ц. Отруби-ста ту руку по локоть, которая добра себе не хочет. Дешевенькое-то всякому по зубам; а я почему знал, что хозяину здешнего дома твоя барыня придется тет-ка?

Явление 9

Те же и г-жа Решимова.

Г-жа Р е ш и м о в а (Маше). Ты зачем здесь? Пошла! (Маша уходит.) Ну что, Пролаз, сыскал ли ты, чем укорить Лафлеровы плутни? (Увидя купца.) А ты зачем здесь?

П р о л а з. Это купец, сударыня, который купил у Лафлера вексели вашего племянника.

Г-жа Р е ш и м о в а. А еще знакомый! Не думала я от тебя, чтоб ты был таков.

К у п е ц. Ваше высокородие, изволите знать, что наш брат и хлеб тем достает; а я не знал, что его милость — векседавец вашему благородию свой приходится, а то бы за ваши ко мне милости сделал бы это?

Г-жа Р е ш и м о в а. Худым же хлеб ты достаешь. Купец много имеет честных способов распространить свою торговлю.

К у п е ц. Да к тому, ваше сиятельство, потребен знатный капитал.

Г-жа Р е ш и м о в а. Нет, не знатный капитал, а добрая совесть и прилежание; добро, добро, где же вексели-то?

К у п е ц. Я их купил, милостивая государыня, за наличные у Лафлера; вот его и расписка в получении, я вашему

высокородию ее вверяю. Истинно, ваше сиятельство, не знал, что вексели родственника вашего.

Г-жа Решимова (*взяв расписку*). Ну хорошо, хорошо, поди себе.

Купец. Счастливо оставаться. (*Уходит.*)

Явление 10

Г-жа Решимова и Пролаз.

Пролаз. Я по приказанию вашему сведал еще, сударыня, что Здравомыслов влюблен в Флену Осиповну.

Г-жа Решимова (*с сердцем*). Так вот он почему друг бестолковому моему племяннику. А Флена-то любит ли его?

Пролаз. Этого никто не знает.

Г-жа Решимова. Так я узнаю, позови-ка ее сюда... Смотри, пожалуй, какие ныне люди: дружатся с зятем затем, чтобы подманить свояченицу. Дам же я ему знать, ежели успел он склонить и Фленушку; но я не думаю, чтоб ему удалось обольстить ее. Она у меня по ниточке маленькая ходила.

Явление 11

Г-жа Решимова и Флена.

Г-жа Решимова. Я узнала, Фленушка, такую новость, которая мне не очень приятна. Здравомыслов, сказывают, любит тебя; что ты так пасмурна, скажи искренно, любишь ли ты его?

Флена (*в сторону*). Как отвечать?.. Я могу вас уверить, что я без воли вашей ничего делать никогда не предпримлю.

Явление 12

Те же и г. Здравомыслов.

Г. Здравомыслов. Не помешал ли я вам, сударыня?

Г-жа Решимова. Нет-с, потому что мне в своей комнате с Фленушкой дело есть. (*Флене.*) Пойдем! (*Уходит.*)

Явление 13

Г. Здравомыслов. Что это значит? Прогневать я не мог, я ни в чем не проступился; но докучать не надо, ее нрав более умягчается повинованием. На прекрасную ее племянницу надежду свою полагаю; пойду, однако ж, постараюсь узнать причину холодного сего приема.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление 1

Г-жа Тоисиокова и Флена.

Флена. Не могу понять, от кого тетушка могла сведать, что Здравомыслов ко мне имеет привязанность.

Г-жа Тоисиокова. Я сама этому очень дивлюсь, и я уверена, что ты не подумаешь, чтоб я это ей сказала.

Флена. Я никогда того и в мыслях не имела; сколько ж я ни старалась скрыть чувствования моего сердца, однако ж, имея от природы отвращение к обманам, думаю я, что тетушка, быв проницательна, конечно, читала то на лице моем, что у меня хранится на сердце.

Г-жа Тоисиокова. Не меньше твоего и я несчастлива: я не любима моим мужем; все мои угождения не могли возратить мне прежней его горячности.

Флена. Ты понапрасну много беспокоишься; он тебя любит; холодность его происходит оттого, что во всех его поступках нет связи; надобно надеяться, что ты увидишь его со временем достойным тебя.

Явление 2

Г-жа Тоисиокова, Флена и г-жа Решимова.

Г-жа Решимова. О чем вы здесь две сестрицы разговариваете?.. Где твой муж?

Г-жа Тоисиокова. Он рассматривает с Лафлером счет дворецкого.

Г-жа Решимова. Да у эдаких честных людей я бы никогда и поверять не стала; это для них обидно. То-то хозяин, ленивый лишь его не обворовывает!

Г-жа Тоисиокова. Добрая его душа много делает ему, сударыня, вреда.

Г-жа Решимова. Добрая душа? Еще не слыхано, свет мой, чтобы она кому вред делала; а у твоего муженька душа-то по среднему добра; променять себя и жену на бездельников и обращаться с негодьями — тут доброго ничего не видно.

Флена. Ежели позволите мне, тетушка, сказать, он, может быть, не так виноват, как кажется.

Г-жа Решимова. Ежели позволишь мне спросить, не у Здравомыслова ли выучилась ты перебивать теткины речи?

Явление 3

Те же и г. Тоисиоков.

Г-жа Решимова. Что поделываешь, дорогой племянничек?.. Что, зубы перестали болеть?

Г. Тоисиоков (*в сторону*). Я и забыл, что давиче всклепал на себя боль. (*Г-же Решимовой.*) Легче, сударыня, стало; но дела домашние меня занимают от утра до вечера; я рассматривал счета дворецкого.

Г-жа Решимова. Что же, исправны они?

Г. Тоисиоков. Нельзя лучше желать, тетушка.

Г-жа Решимова. Долго ли тебе себя и нас обманывать? В старину у нас, не знаю как нынече у вас в моде ли это правило, считали, что тот, кто отпирается от своих дел, скрывает и отлыгается,¹⁷ есть трус, и пути в нем не бывает.

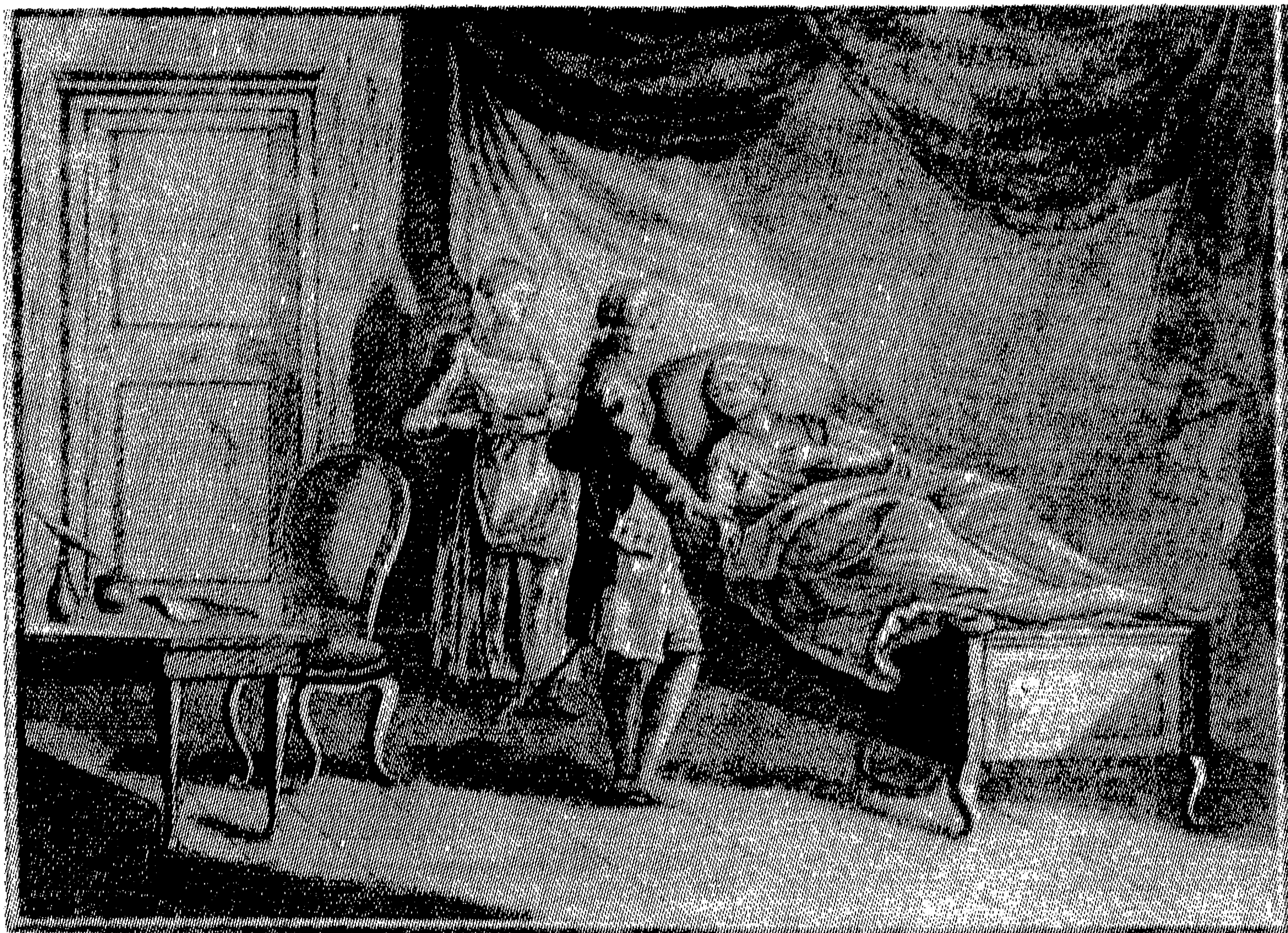
Г. Тоисиоков. Да почему же, сударыня, включаете вы и меня в число этих людей?

Г-жа Решимова. А вот почему. Тебя, конечно, Лафлер уластил, и ты, об заклад бьюсь, самым честным человеком его считаешь.

Г. Тоисиоков. Никто еще меня не уверил, чтоб он был плут.

Г-жа Решимова. Я тебя уверю. (*Вынимает из кармана бумагу.*) На, смотри, кто брал с тебя вексели.

Г. Тоисиоков (*прочтя*). Мог ли бы я подумать, что он в состоянии так подло бездельничать. Добро, я пойду и покажу ему, чем награждают обманщиков. (*Хочет идти и ворочается.*)

Врач. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1785. Ч. 4. № 36).

Г-жа Решимова. Что воротился? Да и впрямь ведь лучше подождать, чтоб он тебя поколотил.

Явление 4

Те же и Лафлер.

Лафлер. J'ai une petite chose à vous dire.*

Г. Тоисиоков. Бездельник! Как мог ты отважиться меня обманывать?

Г-жа Решимова. Ты лучше спроси, откуда он деньги-то взял; ведь к тебе-то, я чаю, он пришел гол как бубен.

Лафлер. Это неправда, monsieur.

Г. Тоисиоков. Вот верное свидетельство твоего мошенничества! (Показывает ему расписку.)

Лафлер. Это не мой рука, je vous jure.**

* Я должен кое-что вам сказать (фр.).

** я вам клянусь (фр.).

Г. Тоисоков. Ты еще смеешь запираяться? Сейчас велю тебя посадить в тюрьму.

Г-жа Решимова. Себя-то как накажешь, что вдался в обман этому негодному французу?

Лафлер. Madame и monsieur не сердитса, эта порти кровь; у меня подорожна на карман, прошай, шиви карашо, adieu. *(Убегает)*.

Явление 5

Г-жа Решимова, г-жа Тоисиокова, Флена и г. Тоисоков.

Г-жа Решимова. Вот один счетик обнаружился; я прозакладую голову, что и дворецкий постарался большую часть твоего имения прижать к себе. Ты не стоишь ни малейшей жалости; твое мотовство не от таких слабостей происходит, которые бы были извинительны.

Явление 6

Те же и дворецкий.

Дворецкий *(вбежав с поспешностью)*. Ну, пропали мы, сударь, десятских и солдат такое множество окружило наш дом, и офицер приказал вам сказать, что дом и все имение ваше конфисковано и что сейчас все здесь опечатывают и вас попросят дом оставить. *(Уходит.)*

Г-жа Решимова. До чего довели тебя счета дворецкого и Лафлера! Вот плоды твоего несмотрения!

Г-жа Тоисиокова. Боже мой! до какого мы дошли стыда!

Флена. Я бы охотно отдала все мое имение сестрице, ежели бы это вам, тетушка-сударыня, не противно было.

Г-жа Тоисиокова обнимает Флену.

Г-жа Решимова. Нет! Я никак не соглашусь, чтоб моя Фленушка потеряла свое имение за беспутного зятя; сестра пусть с нами живет, ей ни в чем не будет недостатка, а он как хочет.

Явление 7

Те же и г. Здравомыслов.

Г. Здравомыслов. Сведая, что мой друг в бедственное впал состояние, пришел я, с позволения вашего, представить ему возможную помощь. Я бы очень счастлив был, ежели б удостоился вашего согласия.

Г-жа Решимова. Вот, батюшка, он сам, как изволишь. (Г. Тоисиокову.) Ну, что стал, любезный племянничек, как ты думаешь разделаться с займодавцами?

Г. Тоисиоков. Ежели позволите, я принимаю помощь друга моего или пойду упрашивать займодавцев... Да уж они просили в суде, что мне делать! Правда, я виноват, очень виноват, однако ж знатнее и достойнее меня люди впадали в погрешности. Жаль только, что я не имею теперь способов выпутаться из этой петли.

Г-жа Решимова. Ну смотрите, есть ли в нем душа? Сам не знает, что говорит и что хочет делать.

Явление 8

Те же, Андрей и Пролаз.

Пролаз (Андрею). Теперь счастливый путь, господин француз.

Г-жа Решимова. Что вы там о французе?

Андрей. Мы встретили его на лестнице; давно уж я точил на него зубы; я усмехнулся, он зачал браниться; мы его ловко поколотили.

Г. Здравомыслов. Это не ваше совсем дело было.

Андрей. Еще не все, сударь. Увидели мы, что у ворот стоит готовая кибитка, в которой немало положено мешков с деньгами. Откуда ни возьмись четыре займодавца господина Тоисиокова; мы напали на Лафлера, как соколы на птичку, и принудили его заплатить им деньги; взяли от них вексели, и вот они, сударь, и с расписками.

Отдают Решимовой.

Г-жа Решимова. Спасибо вам, ничто этому плуту Лафлеру, ничто.

Явление последнее

Те же и Маша (вбегает).

Какое множество людей на крыльце, и офицер печатает все внизу.

Г-жа Решимова. Ну, прощай, господин и То и Сие; племянниця к себе возьму, а ты тут с заимодавцами хоть целуйся; не знаю я, где переночевать ночь сегодня; угостил тетушку, племянничек, уж угостил! Тепер просись у чужого ночевать.

Г-жа Тоисиокова. До чего мы дошли?

Г. Здравомыслов. Благодаря милости покойного родителя моего, дом у меня довольно просторен; я бы за счастье себе почел, ежели б угодно было вам, сударыня (г-же Решимовой), переехать ко мне со всем почтенным вашим семейством.

Г-жа Решимова. Я одолжаться, свет мой, не привыкла.

Г. Здравомыслов. Не одолжаться, а одолжать, сударыня, вы привыкли; дом этот не мой, сударыня.

Г-жа Решимова. Так чей же он? Как же в чужой-то ты приглашаешь, батюшка?

Г. Здравомыслов. Сведав, что опишут и с молотка продавать дом приятеля моего будут, сделал я купчую на имя Флены Осиповны; итак, он не мой, а более ваш, сударыня.

Г-жа Решимова (во время сего разговора г. Тоисиоков то встает, то ходит, то садится). Я понимаю, что ты, батюшка, честный человек, да Флена-то, я чаю, не согласится к холостому в дом переезжать... Посмотрите на чудака-то, эх его разбирает.

Г. Здравомыслов. Я уверен, что вы, милостиво решая тем судьбу господина Тоисиокова, решите и мою, вручив мне руку прекрасной вашей племянницы.

Г-жа Тоисиокова. Спокойствие наше зависит от решения тетушки.

Г. Тоисиоков. Опасно скоро решиться...

Г-жа Решимова. Так подождать, покуда посадят за долги в тюрьму... Тебе и несчастье не возвращает ума: то-то чудушко!

Г. Тоисиоков. Да и то правда, не худо и согласиться, ...однако ж это очень низко... да лих беда-то неминуема.

Флена. Оставим лучше тетушке на волю, она лучше нас решить изволит.

Г-жа Тоисиокова. Конечно, тетушкин совет и ее решение нам теперь вожделенные.

Г-жа Решимова. Хорошо, быть так. Ежели вы все отдали то на мое решение, так послушайте ж, как я решу: у

меня хранятся для всякого случая тридцать тысяч рублей, я их дарю (г. Тоисиокову) жене твоей; я думаю, теперь ты, будучи ей всем одолжен, больше ее любить станешь. Ну (Здравомыслову), а твою, друг мой, просьбу как мне решить?.. Погляди-ка на меня прямо, Фленушка! По мысли ли тебе г. Здравомыслов? Что честен он, то нам теперь доказал. Ну говори, друг мой.

Ф л е н а. Воля ваша всегда для меня будет законом.

Г-жа Р е ш и м о в а. А! вижу, что он тебе не противен. Я думаю, он такие имеет правила, что Фленушка моя счастлива с ним будет. (Взяв ее руку, к Здравомыслову.) Вот тебе ее рука; живите счастливо и научитесь из примера моего племянничка, сколь опасно быть бестолкову и нерешиму; такой человек ни себе, ни людям не полезен.

Г. З д р а в о м ы с л о в. Я не в силах выразить той благодарности, которую чувствует к вам мое сердце.

Г-жа Т о и с и о к о в а. Сколь мы счастливы, что имеем столь добродетельную тетушку!

Ф л е н а. Это счастье для нас все в свете теперь превосходит.

Г-жа Р е ш и м о в а. Не за что меня много благодарить; свой своему поневоле друг; у нас в старину, бывало, эдакого чудака хоть и побьет родня, да снабдит всем, а уж сору из избы не вынесут. По крайней мере, смотри, чтоб этот дворецкий уж более у тебя не хозяйничал.

Г. Т о и с и о к о в. Это можно сделать, коли вам угодно. (В сторону.) Бог знает, как в свете жить! Хочешь всем угождать; берешь с одного пример, так сердится другой; однако ж... осторожность во всех поступках и медленная решимость нужна: не так скоро впросак попадешься.

Г-жа Р е ш и м о в а. Его, я думаю, ничто не исправит; пойдете, дети! Рада я, что могла быть полезною родственникам моим. Я советую тебе помнить, племянничек, что твердая душа, имеющая добрые правила, никогда раскаиваться не заставит и что про людей, подобных тебе, говорится: «Ни в городе порука, ни на дороге стан». Сам рассудишь, сколь таковые полезны и любимы! А тебя, Андрей, за твое проворство Маша поблагодарит; женись себе на ней.

А н д р е й. Покорнейше благодарствую, сударыня. (Взяв ее за руку, в сторону.) Худо тому, кто ни то ни сие в делах покровом¹⁸ имеет! Решимся ж мы, Маша, служить верно гос-

подам своим, друг друга любить, а за честность и постоянство, конечно, не будем оставлены.

Конец.

Отрывок записной книжки

Добродетельному действию лучшая награда есть ощущаемое *удовольствие* в соделывании оногo.

Способности разума и спокойствие чистой совести есть изящнейшее богатство.

Умеренность в желаниях более всего удобна доставить независимость.

Успешно чтоб управлять другими, должно обрести их доверенность и любовь; доверенность же сия приобретается, когда подчиненные опытами узнают, что собою самим умеешь властвовать и что не для своей корысти, но для пользы службы и их собственной действия их направляешь.

Человек, который не впускается в стремление порочного общества, тем паче потомством должен быть восхвален, что, современникам своим быв противен, любовь оных иметь не мог.

Благодарность есть естественна человеку, ибо она возбуждает благосклонность и тем доставляет безопасность или благоденствие наше; почему сия отрасль добродетели и в самых диких народах, не имеющих понятия о нравственных добродетелях, видима, но благодарность не инако я разумею, как деятельною; она побуждает изыскивать случаи быть взаимно благодетелю своему полезну, и она благодетельствованного с благодетелем соединяет паче кровного союза. Но мы редко и в пустых звуках, то есть на словах, изъявление оной обретаем.

Каждое состояние, а паче каждый пол, имеет ему собственные обязанности и ему приличную наружность и убранство. Изыщем теперь некоторые правила, из коих заключить возможем, какую наружность в каком состоянии люди иметь должны, и назовем оную наружность убранством, или одеянием. Тогда представится нам, что женского пола лучшее украшение есть *скромность, стыдливость, прилепленность к нравственности, блюдение хозяйства, нежность сердца и домоседство*. Девица, облеченная сим убран-

ством, богаче и более украшена, нежели та, которая только драгоценными истканиями и камнями блеск производить желает. Первая из сих скорее достойного мужа иметь будет, ибо почтение купно с любовью заслуживает.

Воину приличное убранство — *неустрасимость в опасностях, неутомимость в трудах, мужество и твердость во всех случаях.*

Судье — *просвещение, справедливость, осторожность, бескорыстность и твердость.*

Купцу — *порядок, печность, правдивость и осторожность* и так далее; и конечно найдем, что всякое состояние свои обязанности и ему свойственный образ иметь долженствует.

Из всех *низостей*, менее всех своему предмету соответствующая, есть *ложь*, ибо правда всегда поздно или рано обнаруживается; почему, в какой бы проступок ни случилось мне впасть, я предпочту хотя со стыдом в оном признаться, нежели ложно от одного отклепываться и тем к дурному поступку присоединить еще подлость *лжи*.

Лжец добровольно лишается доверенности и почтения людского и права никакого на оные не имеет: он не может не знать или не чувствовать, что он неправду говорит; следовательно, он сам себя эстимовать¹ не может; а когда по справедливости сам себя почитать не можешь, то можешь ли от других требовать к себе почтения?

Если несправедливость, обиду или досаду должны мы прощать и забывать, когда особа, причинившая нам оную, в горести или печали находится, кольми паче обязаны мы все собственные выгоды или личные восчувствования жертвовать, когда Отечество требует служения нашего; опасность одного долженствует возродить в сердцах добродетельных толико ревностное усердие, чтоб, объемля дух наш, никакого желания в нас не оставалось, как о восстановлении одного; любовь к Отечеству тогда все страсти утушает; одно благородное стремление отличиться в принесении вящей пользы Отечеству видимо в верных сынах Отечества, и никакое пожертвование в таком случае не тягостно, ибо в общей пользе частная наша польза и безопасность заключается.

Часто, гоняясь за мечтою, человек теряет существительное добро. Случалось мне видеть людей, коих положение так вожделенно было, что оставалось только, благодаря Всевышнего, наслаждаться счастьем своим; но слабодуш-

ное желание лоскутка ленты или тому подобного мешало пользоваться утешениями, которые их окружали. Видала и таких заблуждающихся людей, которые утушали природные свои способности и дарования истощением оных на изыскание того, на что Бог в самой организации нашей пределы постановил. Видала людей с хорошим достатком, изобилующим во всем, не только не пользоваться с приятностью для себя и с пользою тех, кому обязаны помощь делать доставшимся им иждивением, но желая карточною игрою умножить оное, время и здоровье свое теряя на столь гнусное упражнение, наконец лишались имени своего, здоровья, покоя и собственной своей и людской эстимы.

Прежде нежели начинать что-либо для удовлетворения прихотей и собственных своих удовольствий, должно спросить себя: выполнил ли то, чем по положению или союзам своим противу других обязан?

Тот, кто исполнил долг свой во всей пространности одарованного ему понятия и все обязанности свои выполнил, того несправедливость людская возмутить не может: спокоен в совести своей, он свыше неблагодарности, злословия и глупости людской.

Тот, кто, приводя на память свою все прошедшие дела, поступки и мысли свои, стыдиться оными не имеет причины, тот имеет сокровища, независимые от какой-либо посторонней власти, и сим внутренним утешением удобен сносить без поражения духа все злоключения, ему причиняющиеся.

Все исчислить ныне можно; наука числословия так распространилась и усовершилась, что исчислению подвергаются все возможные действия; но сумнительно мне, чтобы действия соединенные глупости и злости могли быть исчислены; ибо предвидеть, ни вздумать того не можно, что глупость, поощренная злостью, произвесть не постыдится; почему я всегда предпочту иметь себе злодеем умного человека, который границы злобствию своему предполагает, тогда когда глупость благопристойности, рассуждения ни границ не понимает.

Роскошь, вовлекающая в долги, свидетельствует только малость души, ибо, желая показывать состояние свое превосходнее, доказываем, что другого превосходства получить не умеем; хотим слыть богаче, а не желаем слыть добродетельнее и быть признанными полезнейшими члена-

ми общества, которого соединение и целость роскошь повреждает.

Слово *амбиция* часто из уст всякого состояния людей вылетает; а как оно нерусское слово, то неудивительно, что прямое знаменование его неизвестно. Смысл оно, как на нашем языке употребляется, мне кажется, заключается в нижеследующем: не гнушаться состоянием или званием, в котором находишься, но, выполняя совершенно обязанности и должность, сопряженную с оным, доказывать, что не только достоин оно, но и превосходную степень заступить удобен; почему не чины и титулы без способности желать должно, но желать и, следовательно, приуготовлять себя должно к тому, дабы быть достойну и способну важнейшие служения выполнить.

Продолжение отрывка записной книжки

Недоуч надменен, совершенно ученый человек скромн. Знала я таковых, которые, поверхность наук слегка познавши, мечтали о себе, что во всех науках оракулами быть могут; и хотя заключения их бывали по большей части неосновательны и часто противоположны истине, но доказать и уверить их в оном или обратить их к оной невозможно: гордое мечтание о превосходстве своем, соединяясь с кривыми о вещах понятиями, соделывало их упрямыми и неудобными внимать убедительной истине. В понятиях таковых недоучей софизмы занимают место силлогизмов; и они, из софизма в софизм переходя, можно сказать, понятия и рассудок свой запутывают так, что едва ли к чему способны бывают.

Редкий человек может о себе сказать: что хотя участь моя переменалась и состояние мое возвышалось и унижалось, но поступки и поведение мое непрерывно одинаковы были. Таковой человек достоин и почтения, и доверенности. Еще реже обретаются такие, которые не переменяют своего с людьми обращения по случающимся переменам в их состоянии и чтобы по случившемся с кем несчастию или потери случая, их возвысившего, не размеряли и своего с ними обращения. Сколь гнусны должны казаться те, которые в случае обожают и ползают для корысти своей перед идолом, которого внутренне пренебрегают и которого

потом, когда лишится власти или кредита, едва ли знать хотят.

Неблагодарность есть такой гнусный порок, что не обретется такой человек, который бы признал себя причастным оному.

Разумный человек пренебрегает моды, глупец им слепо следует; первому они тягостны, последний оными занимается.

Совершеннейшая справедливость есть сущность Всевышнего; быть же справедливу, сколько способности наши простираются, есть слава добродетельного человека.

Заблуждение свойственно человечеству; прощать боже-ственно: почему сколь много стараться должны мы остерегаться не быть страстями влекому в заблуждения; паче того должны быть снисходительны к погрешностям людским, а врагов своих прощать.

Повсеместно и во все времена общею ходячею монетою можно почестъ лень. Всегда была, есть и будет она услаждающим, но вредным ядом, исключая, когда человек, слыша приписуемые ему свойства, дарования и преимущества, которых в себе не обретает, почувствует, что он не таков, и познает, каковым ему быть должно.

Убитые мечом, лишившись жизни, перестают чувствовать, и страдание их оканчивается; убитые злым языком страждут продолжительною смертью.

Умеренность и бережливость заслуживают похвалу, а не пересмешку: честнее и добродетельнее жить малым и проживать только свое, нежели жить роскошно и проживать чужое.

Приятно и утешно добродушному видеть добродетельного человека, увенчанного наградою и благосостоянием, и восхитительно видеть порочного изобличенна и наказанного.

Не должно стыдиться признаться в погрешности своей, ибо сие признание не что иное, как доказательство, что исправился и рассудительнее стал; яснее сказать, признанием таковым доказывает, что более знания, просвещения или добродетели обрел.

Воображение может увеличивать предметы более, нежели и самый микроскоп; почему не всегда должно по оному судить, ибо и микроскоп, увеличивая малейшие частицы, не обнимает целого или всего тела; подобно тому и воображение наше, не объемля всего, только некоторый член

или часть вещи по склонности или пристрастию увеличивает.

Есть люди, которые знаки почтения получают оттого только, что взыскивают и почти, можно сказать, срывают оные: они в желании сем иногда успевают, подобно разбойникам, кои на дороге насилием добывают деньги.

Часто посредственные стихотворцы соделываются сатириками, подобно дурному вину, которое, быв неприятно вкусу, без употребления остается и наконец в уксус превращается.

К господам издателям «Новых ежемесячных сочинений»

В издании вашем прошедшего месяца нашла я письмо некоего рассудительного здравого ума человека,¹ который на подражание французам в модах тонкою кистию осмеяние наводит, что мне и всем здравомысленным людям было приятно, ибо мужчинам так наряжаться и брать на себя вид больной девочки столь же отвратительно, сколь глупо обогащать французских *маршанд де мод*,² французских портных и камердинеров, которые, набогатысь, из России выезжают и смеются глупости набогатившим их. Но сочинитель сего письма, по моему мнению, мог построже урок полезный дать, ибо стыдно перенимать у ветреного, взбесившегося народа, который к легконравию своему присоединил беснующуюся злость, к исторжению всего святого; который к бесчеловечным, содрогающим душу действиям присоединил дерзость и закон отвергать. Вера христианская столь же ими поправа, сколь и власть правительства, Божиим промыслом для порядка и блага народов постановляемая. Давно их же соотчич, славный Вольтер,³ говоря про французов, изъяснялся нижеследующим образом: «Мы нация тигров и мартышек». Что может быть лютее и жесточе тигров и что может быть презрительнее и ничтожнее обезьяны? Но со всем тем мы любили французов, мы перенимали у них их обычаи, их убранства и делались обезьянами обезьян; но теперь, когда видим, что Всевышний, содержащий в руцех своих царства, отвратил око свое от сего несчастного народа и что французы в некоем беснующемся затмении соделались предметом всеобщего отвращения и омерзения; но теперь, когда Париж, прежний источник мод, есть только скопище разбойников, каторжников и бунтов-

щиков; когда все знатные и благомыслящие сей град оставили, кто моды там издает? Кому хотим подражать? Рыбачихи суть одни дамы в Париже, женский пол представляющие, и чернь, в пагубное заблуждение приведенная, царствует, не умея собою руководствовать: невежество управляет тем, что просвещение постановило и три столетия утверждало. Но оставя сию трогательную душу картину, заключу сим желанием: да будут русские русскими, а не подражателями дурного подлинника; да будем всегда патриотами; да сохраним нрав праотцов наших, которые всегда были непоколебимы в вере христианской и верности к своему государю; и да возлюбим Россию и русских паче чужестранцев! Великая ЕКАТЕРИНА нам в том пример сама дает.

**К господам издателям «Ежемесячных сочинений»:
Вопросы**

Приложенные при сем вопросы прошу напечатать, дабы кто-нибудь благоволил или недоумение мое ответом разрешить, или бы соотчицей моих из вредного заблуждения вывести.

ВОПРОСЫ:

1

Пристойно ли благородному российскому дворянству быть воспитанну французскими учителями и мадамами, которые, по большей части не имея ни малейшей на то способности, из куска хлеба сюда приезжают и, найдя, что хлебопашеством или ремеслом каким труднее и менее добудут денег, предпринимают на себя то звание, в которое без всякого препятствия и рассмотрения вступать ничто им не возбраняет?

2

Болтанье французского языка содержит ли в себе все благородное воспитание?

3

Полезно ли, чтобы французский воспитатель, без нравственности, веры и знаний, научал только детей на французском языке родителей своих пренебрегать?

4

Полезна ль роскошь и пристрастие к французским вкусам, модам и товарам, которую учителя и мадамы в юношество вперяют?

5

Если язык французский нужен, то не возможно ли оному детей обучить без того, чтобы француз всем воспитанием их руководствовал?

6

Как французский язык сделался в России между благородными всеобщим, то не находится ли довольно в ней рожденных немцев и русских, которые совершенно по-французски говорить без чужестранного выговора и учить умеют?

7

Не первый ли долг родителей самим заниматься воспитанием детей своих?

8

Окромѣ французскаго языка, что может мадам или учитель вперить в юношу? Чего без стыда родители не могут признать себя неспособными? Ибо признается ли кто из родителей, что не может сам руководствовать своими детьми, дабы соделать их добродетельными, скромными, благородно мыслящими и проч.

9

Не лучше ли назначить по часам приходить разным наставникам в дом для преподавания наук, языков, истории, географии и проч. и проч., в нравственности же и обхождении родителям самим детей своих руководствовать?

10

Не удобно ли соделывают впечатление в нежные сердца юношей речения, привычки и примеры, предлежащие им? Остается решить: что французские учителя и мадамы предлагают в словах, обращении и поведении своем преимущественного пред тем, чтобы юноши в родителях своих видели или от них слышали?

11

Не французское ли модное ветреное воспитание причиною, что дети не толь подобострастны родителям своим, что кровного родства цепи мало видимы и что дворянство обременяется долгами?

**Истины, которые знать и помнить надобно,
дабы, следуя оным, избежать несчастий**

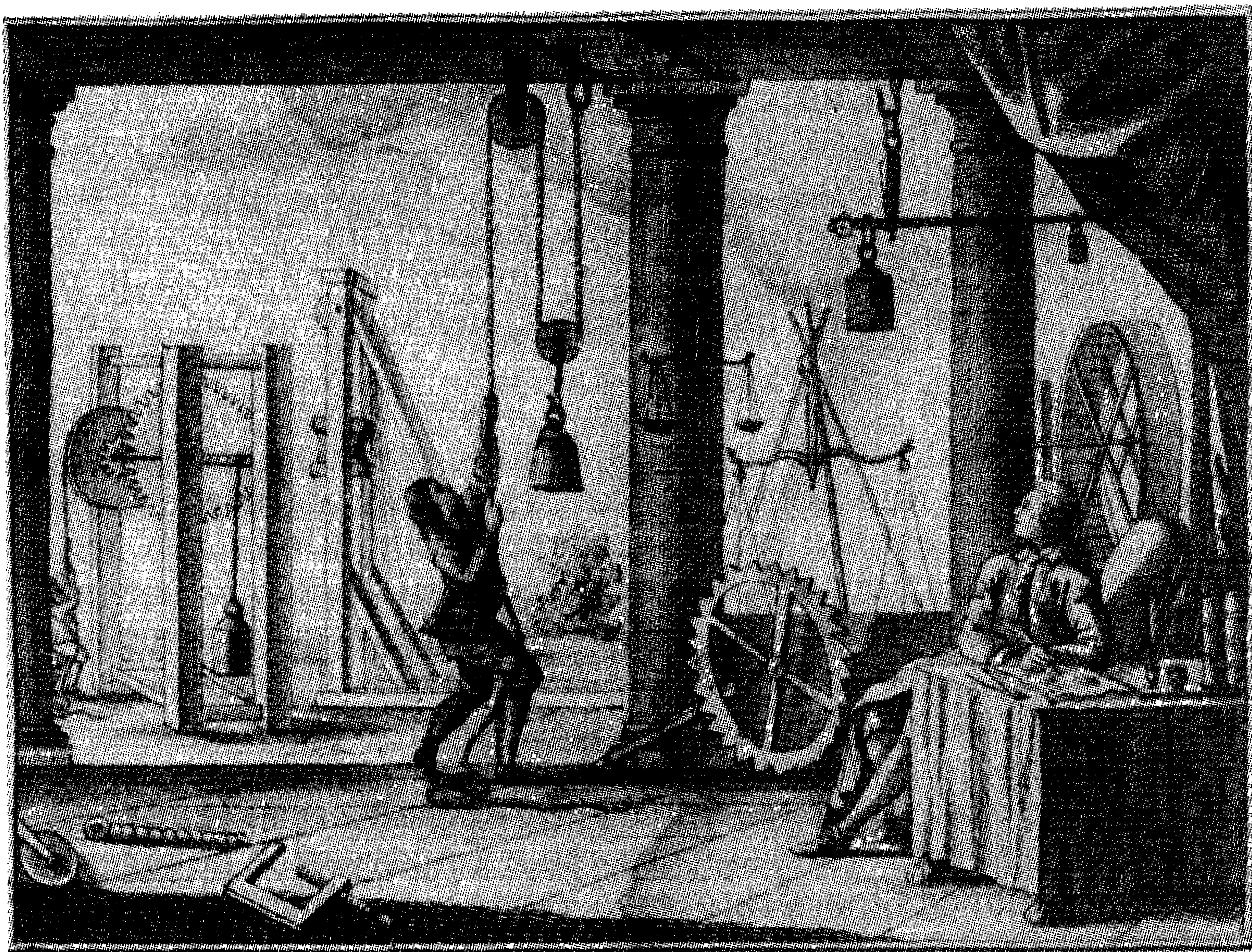
К господам издателям Новых ежемесячных сочинений.

Государь мой!

Имея случай видеть, сколько праздность и пьянство пагубно и расстраивает порядок и хозяйство, я думаю, что полезно б было дурные от них следствия открывать. Почему прошу вас, государь мой, приложенное напечатать; пребывая с почтением,

*ваша, Государь мой,
покорная служанка.*

1. Всякое излишество есть грех и вредно. Например: излишне наестся сделает расстройку в желудке, от которой обыкновенно гнилая горячка делается и иногда смертью оканчивается; излишне напиться, хотя б и не хмельным на-

Механика. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1789. Ч. 9. № 14).

питком, то, прохладив до чрезмерности желудок и кишки, кровавый понос или паралич в кишках получить можно.

2. Пьянство не только вредно, но и смертным грехом почесть должно потому, что оно, здоровье истребляя, сокращает жизнь нашу, которую сокращать грешно и права на то не имеем; и потому, что в бездействие и гнусное порабощение приводит душу нашу, которая есть дух, часть божества, которым Бог из великого милосердия к человекам одарил нас, дабы мы ему несколько подобны были, и чтобы разумною душою управляемы быв, от прочей твари отличены были и умели здесь и будущее блаженство заслужить себе.

3. Бог дал человеку разум понимать и различать добро от худа и предвидеть следствия одного и другого.

4. Бог нам дал и наставления, первые в десяти заповедях, которые он сам предписал Моисею,¹ потом чрез соше-

ствие на землю едиnorodного Сына своего, который примерами своими, а потом евангельским поучением дал нам наставления. Почему и должно десять заповедей наизусть знать, помнить оные как правила святые, по которым поступать должно; а в чтении Евангелия получаем нецененное познание основания христианской веры и почерпать можем примеры терпения, человеколюбия и снисхождения.

5. К третьей и четвертой здесь начертанной истине прибавить должно, что Бог дал и власть человеку направлять свои поступки или деяния по собственному выбору его ума: следственно, человек сам и отвечает Богу и людям в делах своих; от Бога или от людей и должен ожидать награды или наказания, когда выполнит или преступит священные или гражданские узаконения. А простолюдинов заключения, что судьба, рок, несчастный день или час причиною преступления или навлеченного несчастья, есть глупое речение и грешное заключение о Божеской справедливости; ибо если б человек не был властен избирать свое поведение, то б несправедливо было ему человека судить и наказывать.

6. Всякий человек должен повиноваться состоянию, в коем находится, и выполнять с терпением должность и обязанность, с оным состоянием сопряженные. Главные же из них суть: повиновение и верность к государю, к помещику, к начальнику.

7. Некоторый древний учитель справедливо сказал, что праздность есть мать пороков; почему должно убегать праздности и заниматься в свободные от должности часы чтением или чем-нибудь полезным.

8. Труды телесные подкрепляют человека и дают ему здоровье; труды и деятельность ума изощряет и расширяет оный; одним словом, употребление телесных и душевных сил столько полезны нам, сколь праздность и лень пагубны.

9. Неоцененный дар, которым всещедрый Бог нас одарил, одушевлением разумною душою, требует от нас вечного признания и благодарности; но какую возможет человек благодарность принести Всемогущему Творцу, который ни в чем нужды не имеет? Мы не можем ничем заслужить сей его милости, как только употреблением в пользу нашу и ближнего нашего способности бессмертной души, коей он украсил нас. Следственно, должны страшиться влияния

страстей, которые истребляют и уничтожают наконец божественное в нас сие вдохновение.

10. Подобно любящему и милосердому отцу Бог за щедрость свою к нам не желает от нас возмездия себе. Когда родитель награждает детей своих, он ничего так не желает, как только, чтобы дети лучшее и полезнейшее употребление щедрости его делали. Равномерно и Творец наш ожидает только от нас, чтоб мы, к прославлению его имени, наилучшее употребление своим дарованиям делали; из сих драгоценнейшие суть размышление, дарования душевные, коими он нас благодетельствовал.

**Письмо к К. Вильмот¹ с размышлениями
о вопросах воспитания 15 ноября 1805 г.**

Тебе, имеющей перо, которое, покорствуя гению, умеет и приятно и сильно выражать богатство твоих мыслей, тебе представляю я необделанный камень, дабы ты, яко искусный ваятель обработав его, произвела из него некий образ и свойство вразумительное или ощутительное. Мне кажется, что я уже слышу тебя, с обыкновенною твоею пылкостью, перервав чтение, говорящую: «Но княгиня, я никогда не была ваятелем». — «Тише, тише, — говорю я, — ты еще будешь испытываема в терпении неоднократно, доколе я конца достигну, потому что, беседуя с тобою, желалось бы никогда не кончить, и потому также, что не всякий имеет дар ясности и сокращенности».

В 16 лет я была матерью. В сем возрасте воображению позволено летать быстро, без расчета и без сомнения. Дочь моя не могла пролепетать еще ни единого слова, а я уже помышляла дать ей *воспитание совершенное*. Я была удостоверена, что на четырех языках,* довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих составить целое, которое будет чудесно. Все прочтенное мною показалось мне, однако, недостаточным. Если я удивлялась Локку² в физическом воспитании, то казалось мне, что различные климаты, различные телосложения должныствовали

* Я еще тогда не знала английского языка, после мною выученного во время первого путешествия, но уже читала по-французски Локково о сем творение.

ввести в оное постепенные перемены, которые бывают внушаемы токмо рассудком и направляемы единою неутомимою и непрестанно бодрствующею материнскою любовью. Во всех моих предприятиях всегда была я непоколебима; я продолжала размышлять о сем предмете тем с большим жаром, что все мои чтения о воспитании не представили еще мне *целого*, неподвижного и полного.

Наконец пришло мне в мысли, что по крайней мере можно найти некоторые правила, колико удобные, толико и непременные для всех детей, правила, долженствующие быть токмо твердым *основанием фундамента*; а что прочее могло быть переменяемо и приноравливаемо к климату, образу того правления, в коем дитя будет жить, и наконец, его телосложению и способностям. Например, три следующих слова пригодны для царя, для политика, для воина, для частного человека, для женщин и для всех различных перемен, в каковые прихоти госпожи фортуны поставляют человек; оные слова в себе заключают основание, на коем наши деяния должны утверждаться, чтоб быть благоразумными и успешно чтоб достигать своей цели, а именно: *время, место и мера*. Не нужно тебе сказывать, что приноровка, или то, что *кстати* и ко времени, одно усовершенствует успех; ты знаешь, колико человек переменен и разнообразен бывает, что его физическое свойство и внезапные перемены его положения иногда делают его совсем иным, чем он был.

То, что ты могла бы мне удачно внушить в одно время, то самое не убедило бы меня в другое; то, что ты можешь говорить или делать против меня, должно также иметь свою меру, приновленную к положению, в каковое на то время мой разум приведен будет физическими или другими причинами, а без того ты произведешь действие, противное желаемому тобою.

Сей я, тебе весьма известный, быв в совершенном здорье и веселом духе, может перенести то, чего *он* не перенесет, когда какие-либо движения, его раздражавшие или опечалив, ослабили силу души его; наконец-то, что можно делать и говорить в одном *месте*, того ни делать, ни говорить нельзя в другом; коротко сказать, я представляю тебе мои три маленькие словца *когда, где, сколько*, которые, будучи обработаны пером твоим, могут сделаться исполинами. Вот что я положила бы начальным основанием воспитанию, если бы я могла еще льститься, что можно теорию общую, равно как и полезную воспитанию предположить.

И если бы я не знала опытом, что окончание воспитания определить не можно, что иной на пятом десятке еще требует руководства, не одними своими страстями руководствуем, но иногда коварными и презренными людьми, слабости его узнавшими; из опыта знаю и то, что непредвидимый случай иногда усовершенствует и ускоряет зрелость ума тогда, когда несколько лет наставления не предупреждают; что юноша, попавшись в развратное общество, в кое ласкательством и угождениями он завлечен, будучи притом надменен, все плоды лучшего воспитания и лучших примеров так уничтожит, что в упрямстве своем, питаемом неосновательным самолюбием, едва ли опять исправиться может.

Но как бы то ни было, знать всегда и во всем *меру, время и место* — есть лучший ключ загадки, *что есть совершенное воспитание*, а притом и вернейший способ предупредить во всем. Наконец, могу уверить тебя, что, сохраняя уничижение или смирение христианское, не токмо я не возревную, но написанное о сем тобою буду читать с удовольствием, равным тому, каковое бы я имела, ежели, удивляясь твоему произведению, могла думать, что оно порождение пера моего: ибо неизменяемое мое было всегда правило желать, *да творится добро, несмотря на то, чрез кого или кем...* Неизменяема я была также в обязанности отдавать справедливость и в удовольствии восхищаться теми и любить тех, кои того достойны, — чрез сие, не правду ли сказала я тебе? что ты навсегда приобрела уважение и дружбу

твоей покорной служницы,
К. Д.

1805 год
ноябрь 15 дня.

Нечто из записной моей книжки

Если искусного живописца кисть нам сохраняет черты отсутственного или умершего друга, то деяния и речения такового суть драгоценные памятники, которые утешно сохранять, ибо оные не лицо, но душу, свойство ума и правила его нам изображают. Я с самых младых лет была сею мыслию убеждена, почему и записывала все то, что люди, коих я любила и почитала, дельвали или говорили; из сих

записок, признаюсь, я много почерпнула и многие речения сих опытных и почтенных людей сохранила в памяти своей как правила, по коим жить и поступать стараюсь. В зрелых летах не любопытство уже, но размышление возрождает желание знать, что в каком случае знаменитые люди делали или говорили; а что желательно, чтоб во всех обстоятельствах доблесть и твердость были нам сопутницами; что лучше и похвальнее хорошим примерам следовать, нежели, самолюбивому о себе мнению следуя, быть руководствованну надменностию и необдуманном побуждении. Я надеюсь, никто в том спорить не будет. Имела я тетку, матери моей старшую сестру, которую я уже в старости стала знать; она давно пострижена уже была и жила в Страстном монастыре. Ее сказаниями начну, ибо они первые в записной моей книжке. Она была набожна без ханжества, строгих для себя самой правил в нравственности, но снисходительна и при всех ее болезнях так благодетельна, что на 16-м году я находила удовольствие по несколько часов в ее келье провождать, слушая благодетельные ее поучения. На вопрос мой, для чего она постриглась, ответствовала она: «Должно оставить свет, не дожидаясь, чтобы он тебя оставил; я чувствовала уже себя неспособною делить веселья светские, кои мне скучным повторением праздной суеты только казались, следственно, я уже не была приятным и вожделенным товарищем. Почему я удалилась в тихое сие пристанище, которое таковым, однако, для тех только, которые, освободясь уже от всех страстей, в чистой своей совести услаждение имеют. Помни, мой друг, — продолжала она, — что сие последнее есть утешение во всяком состоянии, во всякое время и во всяких летах, основание нашему спокойствию и отрада тем надежнее, что никакая власть нас оной лишить не может».

В другой раз, когда я желала знать от сей почтенной старушки подробное описание обычаев ее времени, она, между прочим, сказала, что без всякого предрассуждения она меня может уверить, что мы не только не выиграли, но много потеряли в изменении старинных нравов, кои основывались на правилах закона, на любви к Отечеству и на собственном к себе почитании как народ сильный, храбрый и отличающий себя от других нравственностию и многими добродетелями. Связь родственная была тверда и любезна нашим предкам; дети любили, почитали своих родителей, и повиновение их было неограниченно; старший в роде был

как патриарх, коего слушались и боялись; его упреки молодым, впавшим в пороки, горькие слезы производили, и исправление было их последствие; в нуждах родных сообщась помогали; за родню, за друга вступались и противу сильного; клевету считали дьявольским наваждением; женщины же, не только девушки, были скромны и стыдливы; семейная беседа им заменяла рысканье нонешнее: правду сказать, тогда развратные французские обычаи были незнаемы; маршанд де мод, магазейны, лотереи и аукционы по притворным банкеркарутствам¹ не существовали; занимались они хозяйством, ходили за больными родителями, облегчали ласкою и помощью их недуги, сами воспитывали детей своих и не искали пустых знакомств: ибо, чтобы выполнить все помянутое, время их занимало и не оставалось оно на пустые визиты; кланялись по-русски, а не приседали, и девочки с набеленными и нарумяненными щеками не терли оными щеки или губы почтенной старушке; от того-то и от скромности в издержках более было свадеб, меньше Христовых невест было, нежели ныне видно, прогуливая свою скуку и ничтожество в ваших ассамблеях; сплетен менее было, а устройство в домах и семьях повсюду было видимо.

Молодые мужчины, занимаясь службою, старались в оной отличиться и досужное свое время делили с родителями и родными своими; стыдились не знать свой язык и закон прародительский; ассамблеи и французские лавки и карты не отымали времени для них драгоценного, употребляемого ими на выполнение священных обязанностей. «Вот, мой друг, — продолжала тетушка, — отчего устройство повсюду видимо было и отчего, согласие семейное проистекая, доставляло общее спокойствие».

Почтенный двоюродный мой дядя часто говаривал о пословицах древних русских как о памятниках живейших, описывающих нравы и обычаи наших предков, заменяющие в некоторых случаях и законы с тем большим успехом, что краткость оных и сильно выраженный в них смысл мог быть понятен для всякого и впечатлялся в памяти даже простаков: «Но, — говорил он, — сколь ни жалко бы было, если бы они утратились, столько же бы было унижительно, если бы в собрание древних российских пословиц без разбору поместили вкрадшиеся в несчастные времена или от побежденных россиянами народов низкие речения или пословицы, как, например: *хоть не рад, да готов, как судии*

посудят; Бог высоко, а царь далеко. Может быть, еще таких, выражающих подлую готовность, недоверия в твердости законов и зловредная мечта, что от Бога и от государя трудно и невозможно справедливость получить, может быть, еще таких, говорю я, можно и должно с десятков выключить из собрания российских пословиц. Мне самому случилось, — продолжал дядюшка мой, — быв членом знаменитого сословия, отрещись от выбора, сделанного сотоварищами моими, по коему они хотели, чтоб я заменил умершего графа М.* в управлении о водоходстве вообще. Когда я им сказал, что я не имею той способности, быв совсем несведущ в гидролике, они убеждали меня тем, что доверенность очевидная ее величества ко мне и мое усердие к служению Отечеству меня преимущественно в кандидаты назначают. Тогда, и гнусную и противусмысленную пословицу вспомня, им отвечал: „Я бы желал, чтобы из памяти всех моих соотчичей истреблена была бессмысленная пословица: *была б милость государева, всякого со всего станет*. Это вздор, когда я чему не учился и не знаю, как бы меня монарх ни любил, я все-таки того знать не буду; почему прошу в протоколе записать, что вопреки пословице, чувствуя монаршую к себе милость, я в то же время чувствую, что, не учась геометрии и гидролике, я оных не знаю, и водоходству управления я иметь не способен“. Отрекшись таким образом от того, что совесть моя мне не позволяла на себя принять, я протокол подписал с чувством внутреннего удовольствия, что я по крайней мере не в числе тех, кои на себя принимают должности, несоразмеримые их способностям. Занимать места государственные, — продолжал он, — кои требуют знания и способностей, коих мы лишены, есть измена Отечеству и посрамление самому себе».

Дядя мой также любил сравнивать обращение молодых людей его времени и нынешнего юношества. «Ваши молодцы, — говорил он, — сорванцы; стариков, ни знатный чин, по услугам государю и Отечеству заслуженный, не уважают, в собрании обойдут, иногда толкнув его; наперед ста-

* Премудрая Екатерина II, когда надобно было на государственные важные места помещение делать, предписывала Сенату себе двух кандидатов представлять, чем не только польза службе достигалась, но и уважение ее к сему вышнему месту ясно видимо было.

новятся, чтоб показать безобразно одетого больного мальчика; или, превзойдя кутанием шеи девушку слабую или конюха, форейтора изображая, с бесстыдною рожею на всех смотрят. В мое время молодой человек в мундире, которым он гордился, или в пристойном дворянину одеянии в собраниях еще больше был осторожен, учтив, уважителен; давал место тем, кто не только по месту и заслугам, но по летам его почтение возрождали; скромн с женским полом, он прислугами внимание на себя старался обратить. Старики и девицы безопасно могли быть в толпе молодых людей; почитали тогда, что с названием благородных юношей нераздельна учтивость, благопристойность и уважение к преимущественным особам и к нежному полу, которого оберегать и защищать есть должность благовоспитанного мужчины. Любовь к Отечеству и к государю, защищать оных и служение оным не как наемник было впечатлено и хранимо как священнейшая обязанность; родители не вверяли образование сердец и нравов своих детей наемному негодяю, ненавидящему закон и народ наш; не смел тогда развратный француз бранить и унижать россиян; а еще меньше дерзал он вперять в незрелые умы пренебрежение к родителям и к Отечеству. Я помню, что быв 15 лет, и одного учителя так поколотил за дерзкие речи (кои ныне слушают даже беспрекословно), что он после того всегда от меня скрывался. Служить Отечеству, а не выслуживаться при дворе или у вельмож была цель общая; но ныне о сем не помышляют, а как враги самим себе время, здоровье и имение расточают и не стыдятся долгами, нажитыми для удовлетворения страстей или надменности своей».

Р. S. Если почтенные господа издатели удостоят поместить сей отрывок записок моих в издании своем, то я за честь себе почту сообщать им продолжение моих записок, прося притом читателей простить строгость в суждениях почтенных моих стариков; я тем менее позволить себе могла что-либо переменить в их речениях, что я убеждена истинною сею, что нет правила без исключения... Почему многие молодые, заслуживая похвалу, своего портрета здесь не найдут.

Россиянка.

**Письмо
к издателю «Русского вестника»**

Прочтя сию книжку издаваемого вами ежемесячного сочинения, я, некоторое оживление духа восчувствовав, сама себе говорила: вот видишь, есть еще русские писатели, любящие свое Отечество и знающие цену, пленительную нежность, богатство и силу в выражениях прародительского нашего языка; видишь, что не все еще пропало. Таковые, можно сказать, прививки к дереву, которое не по воле, но по естественному закону уматерело к земле, ему природной; таковые прививки дадут желаемый плод. Так, конечно, подумала я, таковые сочинения будут иметь влияние, и, вспомнив, что моя престарелая почтенная тетушка в подобном случае сказала, не могу воздержаться, чтоб ее изречения здесь не поместить.

«Ведь прививают ныне оспу для избежания сей смертоносной болезни. Правда, что предки наши не знали сего спасительного средства, но я не по предубеждению новых затей не люблю; когда что хорошо, для чего не перенять и не следовать тому, что полезно; по сему правилу нельзя ли бы правительству награждениями за усердие к отечественной пользе и его славе и наказанием тех, кто француза лучше русского чтит и, ему подражая, Отечество и соотчичей ругает, пренебрегает и о вреде его не помышляет и не тужит; большим боярам примером своим, а отцам и матерям, заняв места французского учителя и мадам, воспитывая детей верноподданными русскими, учить их страха Божия, верности к государю и приверженности неограниченной к Отечеству: вот прививание нравственное, которое час от часу по мере разврата и распространяющегося мартышества французского нужно нам. Российский народ, несколько столетий назад прославившийся храбростию, неизменною верою к закону и к государям своим, гостеприимством и великодушием, не имел нужды прибегать к чухонцам, французам и голландцам, чтоб получить от них просвещение, когда у сих, и в Европе вообще, притесненные художества и науки исчезли, покров в России получили, в те несчастные для тех краев времена науки и художества покровительством россиян в нашем Отечестве процветали. Времена переходчивы: ныне многие молодые люди не стыдятся дурно отечественный язык говорить, неправильно выговаривать, неправильно и писать, да и писатели некоторые, иные

поленясь приискать выражающую вещь слово на российском языке; другие заблуждаясь до того, что думают, что их сочинение украсится французскими словами, испещряют оными свои творения или переводы. Времена, говорю я, переходчивы и с собою вслед вводят новые обычаи; но обычаи и хорошие, если не подкреплены законами и не обращены в добродетельную деятельность, не суть просвещение; почему же наши юноши как пословицу и чаще правила веры повторяют, что в прошедшем столетии чухонцы, французы и голландцы, введя свои обыкновения в Россию, оную просветили.

Если вместо важного, почтительного или по воле благосклонного и благоприятного русского поклона введен чужеземцами обычай приседать по-французски, я спрошу, просветились ли мы чрез то, но я устала, пора спать, прости, возьми со стола молитву, которую в последнюю болезнь свою, ночью страдая бессонницею, сложила. В ней, кажется, все главные правила, законом предписанные, помещены».

Молитва

«Господи! Вседержитель, Создатель всяческих, благой Творец мой, милосердо возри на молящую Тя; да возвысишь и укрепишь удрученный горестями, унывающий дух мой; да наставишь стопы мои по стезям воли Твоей святой; да подкрепишь душу мою до конца жизни моей, дабы любовь и сострадание к ближнему занимали всю мысль мою. Простя ненавидящим мя, дабы в мире, в последние часы бренного моего состава, при разрушении своем возрадовавшись, Тобою одушевленная, без роптания, но с надеждою на милосердие Твое спокойно взывала преблагое имя Твое, аминь».

Если вы, государь мой, удостоите разговор и молитву тетушки моей поместить в издаваемое вами ежемесячное сочинение, то вы ободрите меня представлять вам от времени до времени нечто из записной книжки моей, пребывая с должным почтением

вам, государю моему,
покорная служница
Россиянка.

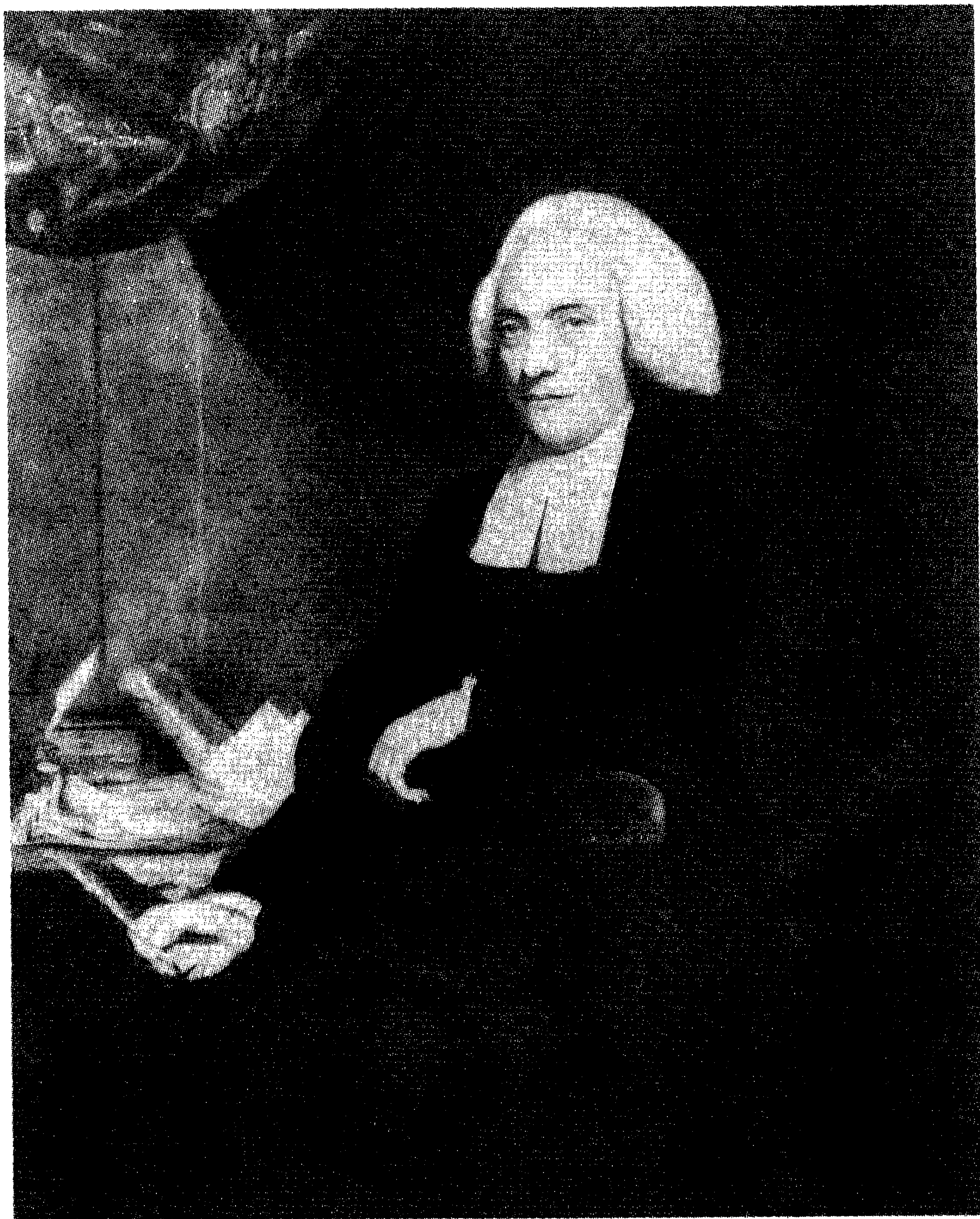
О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ В СЕМЕЙСТВЕ ДАШКОВЫХ

Письмо Вильяму Робертсону
о желании дать сыну образование
в Эдинбургском университете. 30 августа 1776 г.
(перевод С. Н. Искюля)

Spa ce 30 Aout [1776].

Monsieur

C'est une mère, sagement tendre, (qui aime qui respecte en vous, encore plus l'homme Vertueux, que le Grand Literateur) qui s'adresse à vous maintenant; mais pour vous ne dedaignez pas de donner l'attention nécessaire à la pryère que je dois vous faire, je dois vous expliquer ces premières lignes, et je le ferai sans d'autre vue, que celle de tacher de vous convaincre de la vérité du caractère, que je prends vis a vis de vous; et que ma conduite passée, ni celle à venir, j'espère, ne démentira pas. J'aime mes enfants, Monsieur, autant par inclination que par Principe, l'habitude de les avoir, toujours auprès de moi a peut etre augmenté. Encore la tendresse que j'ai pour eux, mais je ne suis point aveuglée, je n'idolâtre point leurs faiblesses, contente de les voir honnêtes, et sensibles, je ne les crois pas parfaits; et je me suis fait la loix de les voir tels qu'ils sont, et non, comme la majeure partie des mères voyent leurs enfans. Il y a douze ans qu'ils ont eu le malheur de perdre dans le plus vertueux mortel, leur Père, et leur Protecteur; leur éducation n'a donc dépendu que de moi seule; et, un fils qui en a 13, maintenant n'a ni Tirans, ni Esclaves autour de lui, par conséquent son coeur ni son esprit ne sont point jusqu'à présent corrompus; quand à ces connoissances, il est selon moi assez avoué pour son âge, il sait assez bien l'histoire et la géographie, il a un commencement de géometrie, il sait le françois et l'allemand, et comprend assez le latin et l'anglois pour faire des traductions, de l'une et de l'autre de ces langues quoique il n'ait

Вильям Робертсон (1721—1793), ректор Эдинбургского университета.

pas l'usage de parler ces deux dernières. Quand à son physique il est grand et fort, parce qu'il est accoutumé à une vie active et rude. Voilà, Monsieur, un tableau fidèle du jeune homme que j'estimerai heureux, si il avoit le bonheur d'être sous votre direction. Venons maintenant à ce que j'ai à vous proposer. Je n'ai quitté mon Pays que dans le dessein de finir et

perfectionner ces études et son éducation; je sais que vous avez refusé de prendre chez vous des enfans de gens de la plus haute condition de votre Pays, mais je me flatte que l'objection principale que vous aviez peut-être pour cela étoit, qu'ils vouloient que leurs fils, soyent des Seigneurs même dans leur enfance, et bien, Monsieur, le mien ne vous donnera aucun embarras de ce genre vous voulez me faire cette grande obligation de vous charger en partie de mon fils, c'est vous meme qui me prescrirez tout, ce que vous jugerez à propos, et je ne demande qu'une seule condition pour moi, c'est d'être dans la même ville que lui; je suis persuadée Monsieur, que si Mon fils étoit sous votre direction, il n'aura plus besoin d'aucun de mes soins comme de ceux de tout autre, mais laissez moi être prête pour être sa garde-malade, au cas qu'il en ayt besoin, c'est une tache que personne ne peut remplir comme une mère; et en ayant fait la triste expérience, c'est ce qui m'a fait partir avec lui; il a auprès de lui un gouverneur, que je plaçai chez lui lorsque j'étois moi-même mourante, c'est un digne homme qui joint à des connoissances des moeurs strictement honnêtes, mais si vous ne jugerez pas qu'il est nécessaire pour mon fils, je ne ferai pas difficulté de ne garder personne auprès de lui, pas même un domestique.

Je sens bien, Monsieur, que ma lettre est remplie de détails ennuyeux, et je devrai vous en faire des excuses, mais vous en saurez distinguer le motif que j'ai cru devoir vous énumérer, en partie du moins, les inconvénients que je peux, et veux vous éviter au cas que vous voudrez remplir les voeux les plus ardents d'une mère qui ne vit que pour ses Enfants. Monsieur Wederburne, qui c'est chargé de celle-ci, m'a promis aussi de joindre ses prières aux miennes auprès de vous et de vous expliquer (plus clairement que je ne l'ai fait) mes désirs.

J'attendrai avec autant d'inquiétude que, d'impatience Votre réponse parce que le plan le plus cher à mon coeur dépend de Votre décision qu'elle me marquera. En attendant, Monsieur, que vous me rendiez la plus contente des mères, ou que vous me fassiez un chagrin bien vif, je vous assure que rien on ne peut ajouter à l'estime et à la haute considération que j'ai pour vous. Joignez y les sentimens de la reconnaissance, et ce ne sera point un poids, pour celle qui se dit sincèrement,

Monsieur,
Votre très humble servante
Princesse de Daschkaw.

Перевод:

Спа, 30 августа [1776 г.].

Милостивый государь,

К вам обращается нежная, но благоразумно любящая мать (которая еще более почитает и уважает вас как человека добродетельного, нежели как выдающегося сочинителя); но дабы не обошли вы необходимо нужным своим вниманием моей просьбы, каковую должно мне вам высказать, то и надобно мне уже на первых строках все вам изъяснить, что я и сделаю без каких-либо иных видов, кроме как попытаться убедить вас в том, что в самом моем отношении к вам не может быть никаких сомнений; и вкуче с тем убедить вас в том, что мое прошлое расположение к вам в будущем отнюдь не претерпит никаких перемен. Столь же по склонности люблю я моих детей, милостивый государь, сколь и по естественной причине, а привычка видеть их постоянно рядом со мною может со временем и возрасти. Испытывая нежные чувства по отношению к ним, я отнюдь не слепа, ибо мне совсем не по душе их недостатки, хотя я и довольна тем, что они честного нрава и мягкосердечны, однако ж не считаю детей своих во всем совершенными; и я вменила себе в непреложное правило видеть их таковыми, каковы они есть, а не такими, какими чад своих видит большинство родителей. Двенадцать лет назад дети мои имели несчастье потерять в добродетельнейшем из смертных своего отца и покровителя; их воспитание с тех пор зависит целиком от меня одной; и мой сын, которому всего только 13 лет, не имеет над собой ни мучителей, ни рабов вокруг себя, а посему и сердце его, и разум до сего времени отнюдь не испорчены; что же касается его познаний, то, по моему мнению, оные вполне соответствуют его возрасту; он достаточно хорошо знаком с историей и географией, знает начала геометрии, из языков французский и немецкий, латынь и английский понимает довольно для того, чтоб делать переводы с того и другого языка, хотя и не в привычке его говорить на обоих сих языках. Что же до физического состояния моего сына, то он высок ростом и силен, поелику привык к деятельной и суровой жизни. Вот, милостивый государь, истинное изображение молодого человека, который, почту за счастье, ежели будет он под вашим руководством. Перейдем же теперь к тому, что я собираюсь вам предложить. До сего времени я не покидала России,

пока не закончено было воспитание моего сына и не закончены были его образовательные штудии; я знаю, вы отказываетесь принимать у себя детей соотечественников ваших самого высокого положения и состояния, но льщу себя, что главное препятствие, каковое, может быть, существует здесь для вас, заключается в том, что они хотят, чтоб их сыновья уже в детстве своем чувствовали б себя настоящими господами; смею вас заверить, милостивый государь, что мой сын не доставит вам в этом отношении никаких затруднений, и вы весьма меня обяжете, ежели сами предпишете мне все, что сочтете за нужное, и я прошу для себя лишь одного — разрешения пребывать в том же городе, что и он; убеждена, милостивый государь, что, ежели сын мой окажется под вашим руководством, то ни мои заботы, ни попечение кого бы то ни было другого не будут ему надобны, но позвольте мне быть по крайней мере его сиделкой в случае, если то окажется необходимым, ибо никто другой не сможет этого сделать, кроме матери; таковая-то печальная вероятность и побудила меня отправиться в путешествие вместе с ним; при нем есть гувернер, коего я приставила к сыну, когда сама была едва-едва жива; это вполне достойный человек, который не только сведущ в науках, но и строго честных правил, но, если вы не сочтете его присутствие необходимо нужным для моего сына, я тотчас же сделаю так, чтобы рядом с сыном впредь не было никого, даже слуг.

Я вполне понимаю, что письмо мое полно, может быть, докучных для вас подробностей, и прошу за то простить меня, но вы сумеете оценить по достоинству побудительные причины, заставившие меня исчислить вам, частью по крайней мере, те неудобства, кои я хочу, чтоб вы избежали в случае, если вы хотели бы ответить согласием на самые горячие пожелания матери, которая живет только ради своих детей. Господин Ведерберн, коему поручено передать вам сие письмо, обещал мне присоединить к моим просьбам также и свои собственные, изъяснив вам (более ясным, нежели то сделала я, образом) мои пожелания.

Ожидаю с нетерпением, а равно и с беспокойством, вашего ответа, поелику наискровенное для моего сердца намерение зависит единственно от вашего решения. Пока же, милостивый государь, все равно, сделаете ли вы меня самой счастливой из матерей или повергнете в немалую печаль, уверяю вас, что питаю к вам отличное уважение и почте-

ние. Добавьте к сему выражение чувств моей признательности, что отнюдь не окажется в тягость, ибо говорится искренне.

Милостивый государь,
ваша всепокорная услужница
княгиня Дашкова.

**Письмо Вильяму Робертсону
с программой образования для сына. 9 октября 1776 г.
(перевод С. Н. Искюля)**

Londres ce 9. Octobre 1776.

J'ai eu la satisfaction Monsieur de recevoir votre lettre, et je m'empresse de vous en remercier, et de vous expliquer en même temps, quelqu'uns des articles de ma première, que j'avais aparemment mal rendue à en juger par ce que vous me dites en réponse. Je n'ai jamais souhaité placer mon fils hors de moi. 1 parce qu'après un strikt examen de moi même, je demeure convaincue, que je ne gête point mes enfants, et que ma tendresse pour eux ne me rend que plus attentive à veiller sur leur moral, comme sur leur physique, 2 parce que ma manière de vivre ne peut point etre gênée par leur présence, il ne résulte donc point d'inconvénients pour nous, d'etre ensemble. Mais si j'ai voulu placer mon fils, hors de chez moi, c'étoit dans la supposition, qu'il auroit l'avantage d'être chez vous, et ce n'est qu'à vous, Monsieur, que je l'aurais jamais confié. A l'égard de Mr Robertson, je le connois assez de réputation pour l'estimer infiniment comme homme de lettres, et pour être persuadée qu'il sera d'une grâce d'utilité pour les études de mon fils; car j'espère qu'il sera un des Professeurs dont le Prince de Daschkaw fréquentera les colleges: mais je puis d'autant moins le placer dans sa maison, que ce Mr a d'autres jeunes gens chez lui, et c'est positivement ce que je veux éviter étant plus jalouse des moeurs, et du caractère de mon fils que je ne pourrai jamais l'être de ces connoissances. Je ne veux pas perdre, Monsieur, la douce espérance, que vous voudrez bien diriger si non le fils, du moins, la mère dans ce qu'elle devra faire pour l'avantage de son fils; et c'est cet espoir qui m'engage à vous exposer le Plan, que je m'étois proposé pour les études de mon fils. Je vous prie de m'en dire votre sentiment, d'y corriger, ajouter, ou retrancher, ce que vous

jugerez à propos, et j'envisagerai cela come une marque d'estime de votre part très flatteur pour moi. Il faut savoir Monsieur que la manière honorable pour parvenir chez nous diffère, de celle des autres Pays, peut-être autant que celle par Briccole et par faveur ce ressemble dans toutes les parties de ce globe, il faut chez nous pour parvenir à temps à quelques stations élevées, commencer à servir de bonne heure. Ainsi je ne puis donner 4. années pour des études de mon fils qui ne seraient point de son Etat, ensuite deux années pour ces voyages, ce qui avec les 13. passe qu'il a, feroit qu'il n'entreroit qu'à 20. ans au service, que je ne veux pas qu'il se pousse autrement, que de la manière que ses ancêtres l'on fait, et comme d'un autre côté les Bassesses, et l'adulation, sont les seules choses que pour son intérêt même je ne saurais faire, je ne dois pas par conséquent le détourner ou retarder la course qu'il doit entreprendre de bonheur.

J'ai vis-à-vis de lui outre les devoirs de mère ceux de tutrice à remplir, ainsi je dois concilier le présent avec l'avenir, et le Général avec le Local, et le particulier de notre Pays. Voici, Monsieur, le tableau du Plan que j'avois formé pour ces études, avec les indices de ce qui est déjà fait, et de ce qui est commencé.

Langues. Latine — les difficultés sont déjà levées.

Angloise — Le Prince comprend les livres prosaiques parfaitement et les Poetes passable bien.

Allemand — il comprend tout ce qu'il lit généralement. Française — elle lui est aussi familière que sa propre langue.

Belles lettres — le Prince connoit les bons ouvrages, et a déjà le gout plus raffiné qu'on ne l'a comunement à son âge, et il est plutot à craindre qu'il ne soit trop sévère dans ses critiques, ce qui quelque fois paroît être le defaut de son caractère, qu'il ne seroit qu'il ne sentit pas ce qu'il lit.

Mathématique — c'est la partie la plus essentielle de cette science que je voudrai qu'il apprenne seulement et il en a des notions, pouvant recoudre les regles de trois les plus compliquées — il faut qu'il aprenne jusqu'à l'algèbre.

Architecture civile et militaire.

Histoire et constitutions de gouvernement. Il sait l'Histoire Univ[erselle], l'histoire particulière d'Allemagne, celle de France et de l'Angleterre, et il continuera à cultiver ce qu'il en sait avec son gouverneur et à s'y instruire davantage. Logique, Philos[ophie] rationnelle, Physique expérimentale, les premiers Elements de Chymie, Physiologie, et hist[oire] Naturelle. Droit de Nature, Droit Public univer[sel] et droits de gens. Ces memes

sciences appliquées aux loix et usage des Peuples de l'Europe. Ensuite la Morale, et la Politique.

Répartitions de ces Etudes, en deux ans, et demis,
ou 5. Semestres.

- 1 Semestre. Langues, Rhétorique, et Belles lettres, Histoire et Constitutions des Gouv[ernemens], Mathe[matique]. Logique.
- 2 Semestre. Langues, Rhétor[ique], Hist[oire] et consti[tutions] des Gouv[ernemens], Mathém[atique], Philos[ophie] rationnelle, Physique expéri[mentale], Fortifications, et Dessen.
- 3 Semestre. Belle lettres, Hist[oire] et consti[tutions] des gouv[ernemes], Fortification, Droit de Nature, et droit Public univers[sel], Mathém[atique], Physiologie et Histoire Naturelle, Dessen.
- 4 Semestre. Morale, Mathém[atique], fortifications, Droit des gens Universel, et Positif, Principes Généraux de Jurisprudence, Architecture Civile.
- 5 Semestre. Morale Répétition de Physique, premiers principes de Chymie, et ensuite Répétition générale et logique.

Voilà Monsieur à peu près tout ce que mon fils doit et peut apprendre sans perdre un témps nécessaire pour son avancement, pour acquérir des sciences qui ne sont point de son Etat, et qu'il n'aurat peut-être jamais occasion de cultiver ni mettre en pratique, le militaire étant chez nous l'Etat le plus respecté, et la Carrière dans laquelle il est deja entré. Je soumetts tout ceci entièrement à votre jugement, vous pryant de me comuniquer la dessus vos lumières. J'avais tardé de vous envoyer cette lettre jusqu'à l'arrivée de notre ami comun, mais comme il ne revient pas je n'ai pas voulu différer plus longtems de vous assurer de la parfaite vénération, et de la haute considération avec laquelle je serai toujours,

Monsieur,
Votre très humble servante
Princesse de Daschkaw.

P. S. J'attendrai avec impatience votre réponse, ne craignez pas de la faire en anglais, je me flatte de le bien comprendre.

Перевод:

Лондон, сего 9 октября 1776

Я имела удовольствие, милостивый государь, получить ваше письмо и спешу поблагодарить вас за него, но в то же время объяснить некоторые из пунктов первого моего к вам послания, кои, по-видимому, я не вполне определенно изложила, не зная, что вы мне напишете в ответном письме. Я отнюдь не хотела, чтобы мой сын поместился отдельно от меня 1) поелику, по зрелом размышлении, остаюсь в убеждении, что не оказываю вредоносного влияния на характер моих детей и что моя нежность к ним, напротив, делает меня еще более внимательной к тому, что касается до их нравственности и физического состояния, 2) поелику мой образ жизни совсем не может стеснить их присутствие, таким образом быть вместе для нас это совсем не значит испытывать неудобства. Но, если все же я поначалу хотела, чтоб сын мой жил не со мною, то это проистекало из предположения, что он преимущественно должен был бы бывать у вас, и только вам, милостивый государь, я могла бы доверить попечение о нем. Что же касается до г-на Робертсона, то мне вполне известна добрая его репутация для того, чтобы бесконечно уважать его как сочинителя и чтоб быть уверенной в том, что он будет полезен в учении моего сына; поелику я надеюсь, что он станет одним из тех профессоров, занятия коего князь Дашков будет часто посещать, но тем менее я могла бы поместить его в тот дом, где у г-на Робертсона проживают и другие молодые люди; этого-то я положительно хочу избежать, ибо более озабочена нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний. Я не хочу терять, милостивый государь, надежды, что вы изъявите свое согласие быть наставником если не моего сына, то по крайней мере его матери в том, что она должна делать ради своего сына; и именно эта надежда побуждает меня изложить вам предполагаемый мною план занятий моего сына. Прошу вас сообщить мне, каковы ваши об оном впечатления, исправить его, сделать нужные добавления или вычеркнуть то, что сочтете за нужное, и я буду рассматривать это как весьма лестный знак уважения

ко мне с вашей стороны. Надобно знать, милостивый государь, что у нас приличествующий образ действий с тем, чтобы добиться видного положения, отличается от того, что бытует в других странах, может быть столь же, как образ действий окольными путями и в поисках благоприятного случая походит на то, что происходит во всех частях света; у нас же, дабы чего-нибудь добиться, надобно сначала достичь возвышенных степеней и рано начать служить. Таким образом я не могу положить 4 года на учение моего сына, который еще совсем не служил, а затем два года положить на путешествия, что вкупе с его 13-ю годами приведет к тому, что он вступит в службу лишь 20 лет от роду, где я не хочу, чтоб он прокладывал себе дорогу иначе, нежели то делали его предки, но поелику совершать низкие поступки и льстить суть единственное, на что даже ради него я не в состоянии была бы решиться, то и не должна я, следовательно, отвращать сына моего от учения или откладывать курс занятий, который, по счастью, он должен попытаться пройти.

Помимо материнского долга по отношению к сыну надлежит мне также исполнять обязанности опекуна, так же как должна я согласить то, что не терпит отлагательства, с тем, что предстоит в будущем, общее с местными особенностями и своеобразием нашей страны. Ниже, милостивый государь, извольте обозреть начертание плана, каковой я составила для этих занятий с указанием того, что уже сделано и только еще начато.

Языки. Латынь — трудности уже преодолены.

Английский язык — князь вполне понимает прозаическое чтение, а поэтов довольно сносно.

Немецкий язык — понимает вообще все, что читает.

Французский язык — ему он знаком лучше, что природный.

Изящная словесность — князь знает некоторые серьезные сочинения и уже имеет вкус более изысканный, нежели обыкновенно бывает в его возрасте, и скорее следует опасаться, как бы он не оказался чересчур суров в своих критических отзывах, что порою кажется недостатком его характера то, что он недостаточно чувствует то, что читает.

Математика — это наисущественная часть той науки, которую я хотела бы, чтобы он знал, и он имеет об ней элементарные понятия, помогающие решать три сложней-

шие арифметические правила — надобно, чтоб он знал математику и далее, до алгебры.

Архитектура гражданская и военная.

История и устройство различных образов правлений. Он знает универсальную историю, историю Германии, историю Франции и Англии и будет продолжать и далее более основательно изучать то, что прошел вместе со своим гувернером.

Логика, рациональная философия, экспериментальная физика, первоначала химии, физиология и натуральная история. Естественное право, всеобщее общественное право и права человека. Те же науки, приложимые к законам и обычаям народов Европы. После чего следуют нравственность и политика.

Распределение всех этих занятий
в течение двух с половиной лет или 5 семестров.

- 1 семестр. Языки, риторика и изящная словесность, история и устройство различных образов правления. Математика. Логика.
- 2 семестр. Языки, риторика, история и устройство различных образов правлений, математика, рациональная философия, экспериментальная физика, фортификация и черчение.
- 3 семестр. Изящная словесность. История и устройство различных образов правлений, фортификация, естественное право и всеобщее общественное право, математика, физиология и натуральная история. Черчение.
- 4 семестр. Нравственность, математика, фортификация, всеобщее и основательное право народов, генеральные принципы законоведения, гражданская архитектура.
- 5 семестр. Нравственность. Повторение физики, первоначала химии и, в заключение, общее и логическое повторение пройденного.

Итак, милостивый государь, вот почти все, что мой сын должен и может научиться, не теряя необходимого времени, для своего продвижения вперед и для постижения наук, чего в России сделать он отнюдь не в состоянии и, быть может, никогда не будет иметь случая ни развивать, ни применять на деле, ибо военные у нас наиуважаемое сословие

и поприще, на которое сын уже вступил. Повергаю все это целиком на ваше благоусмотрение с просьбой сообщить мне впоследствии ваше мнение. Я задержала с ответом на ваше письмо в ожидании приезда нашего общего друга, но поелику он не возвращается, то и не хотела я более медлить с выражением отличного к вам почтения и высокого уважения, с каковыми пребуду всегда,

милостивый государь,
вашей покорнейшей служнице
княгиня Дашкова.

P. S. Я буду с нетерпением ожидать вашего решения, и не стесняйтесь писать по-английски, ибо, льщу себя надеждой, что вполне его понимаю.

**Письмо Вильяму Робертсону
о проблемах воспитания детей.
10 ноября 1776 г.
(перевод С. Н. Искюля)**

Londres ce 10. Novembre [1776]

Si j'ai été quelque temps sans vous répondre, Monsieur, et vous remercier pour votre obligeante lettre, cela n'a certainement point été faute de bonne volonté de le faire, mais bien en verité par discretion; Je sens bien parfaitement que c'est abuser de Votre indulgence, que de détourner Votre Attention portée toujours vers des objets dignes de l'Employer votre temps, et cela pourquoi faire, pour vous faire lire un mauvais français, écrit par une femme à qui cette Langue n'est pas naturelle, et qui n'a jamais eu la présomption d'entamer une corespondance avec un homme dont l'érudition, soit si célèbre que l'est la votre. Mais come vous avez été bon et honnête avec moi, soyez le jusqu'au bout, et préparez vous dans peu, de me voir à Edinburg vous demander comme une faveur réelle, et utile pour moi, de m'accorder quelqu'uns de vos moments perdus. Ne croyez pas, ce soit Mr Wederburn, ou quelqu'autre Personne qui m'ayt suggéré le Plan de finir les études de mon fils à Edinburg, l'estime et la vénération que j'ai pour vous, Monsieur, a été un des premiers motifs de ce projet que j'ai formé déjà depuis plus de trois ans; je sais que ce plan ne laissera pas que d'être critiqué, parce qu'il est nouveau, qu'il

ne m'a point été tracé par aucun exemple connu, et parce que l'on confond ordinairement, ce qui acomode queque parent, avec ce qui est nécessaire pour les enfants. Enfin, Monsieur, dans ce cas même vous serez ma justification, et ma consolation. Vous voyez par la que j'ai fort à coeur d'établir entre vous et moi un genre de liens, par ce qu'avec des gens d'une élévation de penser comme la vôtre, c'est un lieu que l'on forme, quand on en veut recevoir des bienfaits. Je vous prie de croire que je me ferai toujours gloire de vous avoir des obligations, comme je m'en fais de me dire avec l'estime la plus sentie, et la considération la plus parfaite,

Monsieur,
Votre très humble servante
Princesse de Daschkaw

Перевод:

Лондон, сего 10 ноября [1776 г.]

Милостивый государь,

Если некоторое время я не отвечала вам и не поблагодарила вас за ваше любезное письмо, то это отнюдь не по своей воле, но, по правде говоря, из скромности; ибо вполне сознаю, что сие значит злоупотреблять вашим снисхождением, значит отвлекать ваше внимание, всегда обращенное на предметы, достойные занять ваше время, и тем более, что вас заставляют читать письма на дурном французском языке, написанные женщиной, для которой этот язык не является природным и которая и помыслить не могла о том, чтобы вступить в переписку с человеком столь прославленной эрудиции, как ваша. Но поелику вы так добры и любезны со мной, то и будьте таковым до конца и готовьтесь к тому, что в недалгом времени я окажусь в Эдинбурге, чтобы просить вас действительно как о каком-то полезном для меня одолжении уделить мне какое-то время, когда вы ничем не заняты. Не думайте, что это г-н Ведерберн или кто-то другой подал мне мысль закончить занятия моего сына в Эдинбурге; уважение и высокое почитание, испытываемое мною к вам, милостивый государь, явилось одной из первопричин этого замысла, который задуман мною более трех лет назад; вполне понимаю, что этот план неизбежно вызовет критические отзывы, поелику он нов и для его начертания передо мною не было никакого

известного образца, а также потому обыкновенно смешивают то, что подходит к какому-нибудь из родителей, с тем, что необходимо для детей. Словом, милостивый государь, в этом случае вы будете моим оправданием и моим утешением. Вы видите из всего этого, что я полна желанья, чтоб меж вами и мною установился род близких отношений, поелику с людьми ума возвышенного, как ваш, устанавливаются именно такие отношения, когда хотят оные воспринимать как благодеяния. Прошу вас верить, что для меня всегда будет немалою честью иметь по отношению к вам обязательства, так же как с выражением наичувствительного уважения и совершенного почтения прошу называть меня,

милостивый государь,
вашей всепокорной служнице
княгиня Дашкова.

Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий

Милый сын, твои успехи в науках уполномочивают меня без всякой лести и справедливо сказать, что во многих знаниях тебе остается только закрепить размышлением в памяти собранные сокровища; во всем остальном ты знаешь довольно, чтоб стремиться к большему совершенству. Я уверена, что с твоим благородным самолюбием ты не остановишься на этом пути, но пожелаешь приобрести более глубокие знания, чем те, которые доставило тебе первоначальное воспитание. Теперь, когда пред тобой открывается новая дорога, по моему мнению, необходима и новая метода совершенства; она уже начата и так хорошо — ты ребенком путешествовал; по долгу матери я должна ввести тебя в круг нового мира понятий, раскрыть перед тобой сцены, уже знакомые тебе, и дать самые верные средства извлечь из них возможно большую пользу.

Тебе, конечно, известно, что из бесчисленного множества путешественников, проходящих большими дорогами Европы, едва ли один из тысячи путешествует при тех выгодных обстоятельствах, какими окружен ты. Умей же оценить их; поэтому особенно необходимо не терять из виду самого характера путешествия, как скоро ты пускаешься в путь. Не забудь, что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя

нет пустого времени, ты не избегаешь обязанностей общества, которое со временем потребует твоих услуг и к которым теперь я хочу приготовить тебя заграничным путешествием; нет, ты едешь искать и пользоваться наставлением его. Все, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом и таким образом из юношеского возраста вступить на поприще мужа, с полным достоинством характера и заслуженного права на одобрение и отличие.

Первое средство умного путешествия — постоянное внимание; ты должен пользоваться всяким источником знания, в каком бы положении и обстоятельствах ты ни был поставлен; с другой стороны, избегать бесполезной траты времени в напрасных исследованиях пустых или мелочных предметов: очень важно избирать и находить только те материалы для развития мысли, которые действительно заслуживают внимания. В выборе их надобно сообразоваться с местом. Так, например, не в Ирландии можно застать лучшими сведениями об Испании; также было бы странно в Испании изучать Пруссию. Одним словом, каждое место должно быть предметом свойственных ему наблюдений и знаний; надо прислушиваться везде к народным мнениям, принадлежат ли они известной партии или нет; но везде и во всяком случае надобно стараться говорить с людьми образованными, и не столько самому толковать, сколько слушать и расспрашивать других. Путешественник шестнадцати или семнадцати лет не должен выказывать своих талантов. Все, что от него можно требовать, — внимания и надежды на его будущее; лучшей рекомендацией в этом отношении может служить неутомимое его усердие в изыскании наблюдений предметов замечательных и наставительных: он дает этим знать о себе как о юноше любознательном, желающем совершенства. Всякая другая претензия в этом возрасте есть чистая глупость, бросающая самый невыгодный свет на его репутацию и всего менее способная сообщить о нем благоприятное мнение.

Но возвращаюсь к предметам, требующим особенного твоего внимания. Главная вещь, как я уж сказала, состоит в том, чтоб не упускать ни одного удобного случая для приобретения знания и не забывать, что ты иностранец, мимоходом посещающий чужую страну. Поэтому ты не должен пренебрегать ни одним обстоятельством, полезным для твоего наставления. У путешественника должны быть по-

стоянно открыты и глаза и уши, потому что сцена изменилась и размышление, вызванное ею, исчезает вместе с ней.

Предметы твоего наблюдения так разнообразны и многочисленны, что я укажу тебе только некоторые главные. Сюда относятся свойство и форма правления, законы, нравы, влияние, народонаселение, торговля; географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, действительные и мнимые средства общественного кредита, подати, пошлины и различные условия различных сословий. Эти исследования достойны внимания философа, и ни один путешественник не должен пренебрегать ими, если только он не хочет остаться тупым и бессмысленным зрителем всех этих явлений, не способным ни к умственному, ни нравственному совершенству. Все это, по моему мнению, займет твой ум везде, где ты будешь проезжать.

Воспитание, данное тебе, твои успехи в науках, небезызвестные другим, преимущества звания, даже самая наружность могут располагать самым благоприятным образом в твою пользу. С тобой будут обходиться не как с обыкновенными юношами твоих лет, но как с молодым человеком уже довольно зрелого понимания и, следовательно, способным серьезно обсуживать предметы.

Для тебя прошла пора отрочества; ты блистательно вступил в период юношеской жизни, самый интересный, но и самый критический, когда всего больше надобно дорожить общественным мнением, то есть внимательно следить за своими поступками, словами и действиями, потому что, чем дольше будешь жить, тем больше будет лежать на тебе нравственной ответственности. Похвала или осуждение твое от тебя самого зависят, и в них не могут участвовать ни родители, ни наставники, ни друзья. И чем независимость твоя от постороннего влияния свободней, тем строже ты отвечаешь перед судом других за свои качества и дела. Если ты подашь повод дурно думать о себе, это мнение тем резче поразит тебя теперь, чем лучше и чище была твоя детская жизнь; последнюю припишут влиянию твоих руководителей; первое самостоятельное поведение вменят тебе самому. Надеюсь, что ты поймешь и взвесишь всю важность своего настоящего положения, сознание этого такта доведет тебя до спасительного недоверия самому себе, постоянного наблюдения за собой и предохранит от тысячи ложных стезей.

История. Гравюра XVIII в. (Зрелище природы и художеств. СПб., 1785. Ч. 4. № 25).

Это недоверие обыкновенно сопровождается скромностью, столь естественным и привлекательным достоинством в юноше, свойственным даже величайшим талантам: она, в какой ни было возраст, доказывает умственную и нравственную деликатность, погибающую только под влиянием неправильного образа жизни или, лучше, среди пошлых пороков. Скромность, особенно если с ней соединяется гений и ловкость, может сообщить достоинству такую прелесть, что нравственное превосходство становится выше зависти, и, если оно признано, любовь и удивление к нему возрастают. Высокие дарования часто дорого платят за свое отличие; но скромность может избавить их от самых злых преследований. С другой стороны, отсутствие этого качества соединяется со многими невыгодными обстоятельствами; не говоря уже о том, что самоуверенность вредит прогрессу нашего совершенства, она нередко огорчает самых лучших и доброжелательных друзей, заставляя их думать, что мы пренебрегаем их наставлением и опытностью.

Исполнив условия твоего путешествия согласно с этим планом, ты, независимо от внешних обстоятельств, запасешься всегда нужными и неоцененными сокровищами, которые пригодятся тебе в кругу семейной жизни, в уединении, на старости лет, на случай дряхлости: это будет личная твоя польза. С тем вместе из тебя образуется полезный член общества; потому что, сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего Отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны.

Мне остается прибавить одно важное предостережение: в сношениях с иностранными народами ты должен как можно больше воздерживаться от оскорбительных сравнений; если хвалить или осуждать отдельного человека насчет другого чрезвычайно обидно, то непростительно грубо и несправедливо судить об одном народе по мерке другого. Поэтому я советую тебе воздерживаться от слишком резкой критики чужих нравов, обычаев и в особенности религий. В первых двух случаях ты можешь применяться к условиям известной страны, насколько это не противоречит твоим коренным убеждениям, и я уверена, что от тебя не потребуются ни малейшей жертвы или стеснения — там, где замешивается общечеловеческая нравственность; в этом отношении правила долга выше всех условий и обстоятельств. Надобно стараться избегать всякого неуместного поступка и в других случаях; но было бы крайне безрассудно жертвовать в пользу этого применения истиной и добродетелью, которых права и влияние так ясны, как свет полуденного солнца.

Относительно религиозных мнений, где бы ты ни соприкасался с ними, должен уважать их. Серьезное или шуточное опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе самое горькое и оскорбительное впечатление на человеке и никогда не забывается.

В заключение, мой милый сын, я должна сказать, что этот предмет далеко мной не исчерпан; я буду довольна, если ты дополнишь его своими собственными понятиями или исправишь что-нибудь в моем очерке; я буду рада признать превосходство твоего мнения; но уверена, что ты никогда не превзойдешь меня искренним чувством дружбы, которую питает к тебе преданная мать.

**Письмо князю Г. А. Потемкину¹
с просьбой назначить сына адъютантом.
24 ноября [1781 г.]**

М<илостивый> г<осударь>.

Я имела честь писать вашей светлости через вашего племянника генерала Самойлова² и просить вас о ходатайстве и поддержке моей нижайшей просьбы к ее величеству о назначении моего сына ее адъютантом. Я говорила также вашей светлости, что мне было неизвестно о невозможности моему сыну вдруг достигнуть этого счастья, но я знала также, что ваша светлость как военный министр легко может повысить его, приблизив к этому званию до его возвращения. Не знаю, получили вы, милостивый государь, мое письмо, и беспокою вас этим не с целью торопить вас и еще менее вам докучать. Но так как я в Лейдене встретила князя Орлова,³ который полюбил моего сына и с откровенностью и участием, нас всех очаровавшими, предложил ему просить императрицу о переводе моего сына в его конногвардейский полк офицером, то, поблагодарив его, просила повременить своею благосклонностью к моему сыну, пока не получу от вас ответа, и рассказала ему, что я уже обращалась к вашей светлости. Вот почему прошу вас, милостивый государь, чтобы вы были добры и приказали кому-нибудь, если сами не имеете времени известить меня, расположены ли вы оказать моему сыну покровительство и поставить его в то положение, на которое он несколько вправе рассчитывать по своему рождению и воспитанию, для того чтобы, в случае ваша светлость не пожелаете утруждать себя судьбою моего сына, он мог бы, не теряя времени, воспользоваться счастливым расположением к нему князя Орлова и выйти из того, так сказать, презренного положения, в котором он теперь находится. Через несколько дней я выеду в Париж, где с нетерпением буду ожидать от вас ответа.

Остаюсь с совершеннейшим почтением и уважением к вам,

милостивый государь,
вашей светлости нижайшая и покорнейшая слуга
княгиня Дашкова.

Брюссель, 24 ноября [1781 г.]

**Письмо князю Г. А. Потемкину
о военной карьере сына.
23 февраля [1782 г.]**

Милостивый государь,

Я имела честь писать вашей светлости из Лондона, а потом из Брюсселя, прося вас как военного министра о принятии моего сына под ваше покровительство; вследствие склонности к военной службе он не преминет, когда будет иметь честь состоять в вашем ведомстве, доказать вам, что заслуживает поощрения, которое вы стараетесь оказывать нашим молодым офицерам. Заявите, милостивый государь, ее величеству, что она переполнила бы желания матери, если бы соизволила почтить его званием своего адъютанта. Я вполне чувствую, что моя просьба при вашем посредстве может иметь лучший успех и что ваша светлость сами можете приблизить его к этому званию, если предварительно дадите ему повышение. Вот в чем заключалась моя первая просьба. Во второй я простодушно излагала вам предложения, сделанные моему сыну князем Орловым, и заклинала вас известить меня через одного из ваших секретарей, если бы ваша светлость соизволили снять с меня заботу, став покровителем моему сыну, ибо для меня существенно, чтобы по возвращении в Отечество он не имел бы несчастья сидеть в одной комнате с караульными, так как он не состоит в главном штабе. Устройте, милостивый государь, чтобы счастье быть вблизи своей великой государыни не соединилось для него с каким-либо унижением и огорчением. Кто лучше императрицы может оценить благо и пользу разумного воспитания? Какой государь охотнее нашей государыни сочтет себя несколько признательным к тем родителям, которые заботятся о воспитании своих детей, стараясь сделать из них полезных граждан? Я желала бы, чтобы молодой человек, родившийся в ее царствование, носил его отпечаток и как по воспитанию, так и по усвоенным им познаниям был достоин служить и мог с пользою для Отечества употреблять свои силы. Кто лучше вас, князь, может представить ее взорам и сказать ей, повергая меня к стопам ее величества, что только из уважения и скромности я не обращаюсь к ней самой? Повторяю вам, милостивый государь, свои просьбы и закликаю вас приказать, чтобы мне ответили хотя одним словом. Я уезжаю отсюда через три недели, но наш поверенный в делах Хотинский¹

всегда будет знать, в каком городе Италии может найти меня ваш ответ. Если он (ответ) будет благоприятен, то я возвращусь в Отечество с облегченным сердцем и вы навсегда привяжете к себе искренно преданную вам семью. Впрочем остаюсь с величайшим уважением к вам, князь, вашей светлости нижайшая слуга

кн. Дашкова.

Париж, 23 февраля [1782 г.]

**Письмо князю Г. А. Потемкину о службе сына.
17 сентября [1783 г.]**

За лишнее считаю вас уверять, мой милостивый друг, о участии, которое я приняла в болезни вашей, ибо вы не можете усумниться в искренности и горячей дружбе, кою я вам посвятила.

Ваши благодеяния моему сыну и природа моей души в том порука. Поправляйтесь скорее, князь, и возвращайтесь сюда, но не берите с собою моего сына. Он должен оставаться и привыкать к своему полку, только квартира была бы в менее вредном климате.

Когда я узнала о вашей болезни, то не обинуюсь у ее величества спрашивала, как у источника, в коем я истину почерпать могла; когда дело идет об вас, то у придворных правды не добиться, ибо сверх того, что собственные виды чувства их определяют, но и о заусенице на пальце у вельможи решительно ответственность не дозволяет им придворная политика. Вчерась дух мой был до крайности встревожен.

В течение более четырех часов императрица страдала сухою коликою (*la collique sèche*); я была у ее постели до полуночи. Ее терпение и внимание к окружающим были невероятны. Даже в колике она остается великою. Сегодня утром она здорова, хотя еще и чувствует некоторую слабость; я нашла ее не только спокойною, но даже веселою.

Здесь приобщаю пятую часть «Собеседника»,¹ а четвертую, надеюсь, вам Маруци уже вручил; желаю от сердца, чтоб хотя четверть часа вам приятного упражнения сия книга принести могла; еще повторю, батюшка, свою просьбу, чтоб сына моего сюда ныне не привозить, но чтоб в здоровом воздухе, если то возможно, ему квартиры назначить; получа по милости вашей полк в его леты, непрости-

тельную бы он оплошность и нерадение показал, отлучаясь самый первый год от своего полку. Сколь же скоро я знаю, что он здоров и должность свою исполняет, я спокойна и довольна. Затем прости, мой милостивый друг, почтение и дружба суть чувства, коими навек преисполнена противу вас будет ваша Дашкова.

С.-Петербург, 17 сентября [1783 г.]

**Письмо князю Г. А. Потемкину
о сыне и племяннике графе
Д. П. Бутурлине.¹
14 августа [1783—1784 гг.]**

Возвращаю вам, мой милостивый друг, сына своего, и хотя нимало не сомневаюсь о дружеском противу меня и благосклонном противу его расположении вашем, но не могу воздержаться при сей okazji еще не просить вас о покровительстве и руководствовании вашем о нем. Притом прошу, батюшка, чтоб его при себе держать и ни отставать, ни метаться противу других в опасности ему не позволять. Я льщусь, что вы, батюшка, в успокоение мое сделаете милость — в случае мира выберете его полку не в вредном климате квартиру, чем меня много одолжите.

Теперь обращу к светлейшему своему приказчику речь. Нередко бывает, что управляющие именьями, не совсем по воле помещиков, сами чрез время помещиками того именья соделываются; мое желание совсем противное, ибо я ничего так не желаю, как то, чтоб Круглое вам полюбилось, и вы бы его, как еще не пожалованное мне, у ее величества выпросили, а мне бы достали тоже в указе упомянутое число 2565 душ где-нибудь в России доставили. Село Овчино, кое было пожаловано Орловым и потом от них выменено, для чего бы не могло еще быть променено и по примеру, с другими сделанному, за излишнее в нем число душ с меня деньгами получить. Постарайся, мой милостивец, а то я не знаю вашей польской экономии и, проживаясь в Петербурге, совсем банксрут² скоро буду и спокойного духу с умножающимся ежегодно долгом иметь не могу; детское же именье я не иначе, как чужое, вверенное мне на время почитаю, а как мне скоро 40 лет минет, то пора бы мне, кажется, умеренный, но собственно свой кусок хлеба иметь

и от приказчиества сыновних деревень, коих я уже ни силы, ни времени управлять не имею, отказаться также время.

Но довольно об этом. Впрочем, вам, дорогой князь, предстоит прочесть еще одну просьбу, именно о моем племяннике графе Бутурлине. Ради Бога, возьмите его к себе в штаб, произведите в капитаны и не допустите этому молодому человеку растратить свои дарования и испортиться. Какое бы одолжение вы, мой уважаемый друг, сделали для меня, если бы мой злополучный почти всеми покинутый племянник получил через вас повышение! Я страдаю от мысли, что его злополучие происходит от того, что императрица взяла его от бабушки и поместила в это гнусное училище, кадетский корпус.³ Если бы он остался в родительском доме, то был бы уже или генерал-адъютантом у какого-либо генерала, или гвардейским офицером. Заклинаю вас, князь, уважить мою просьбу и быть уверенным, что признательность сердца, вам преданного, исполненного любви и уважения, останется неизменною в течение всего существования вашего верного друга кн. Дашковой.

Стрельня, 14 августа [1783—1784 гг.]

**Записка князю Г. А. Потемкину об отпуске для сына
17 ноября 1784 г.**

Будьте добры, князь, разрешите моему сыну приехать сюда и, прошу вас, пошлите ему приказ об этом, чтобы я имела удовольствие видеть его у себя ко дню св. Екатерины. Этим вы много меня обяжете. Пребываю всегда с чувствами уважения и привязанности. Преданная вам кн. Дашкова.

17 ноября 1784 г.

**Письмо брату графу А. Р. Воронцову¹
об отношениях с дочерью. [1784 г.]**

Ввиду того, что моя дочь² привлекла и тебя, милый друг, к участию в деле, которое не может не опечалить тебя, я прошу тебя убедить ее не заставляя меня принимать крайние меры, которые навлекут на нее всеобщее осуждение. Вчера она сказала моему сыну, что не будет навещать меня, раз я запретила ей являться ко мне, но что она оста-

нется здесь все четыре месяца, так как дом ее уже нанят на этот срок; я вовсе не уверена, что вследствие своей жестокости и открытого неповиновения она станет воздерживаться от посещения мест, где ей предстояло бы веселиться, рискуя или даже с предвзятым намерением причинять мне своим присутствием мучения и наконец смерть; ввиду этого я велела передать ей сегодня через ее горничную, что я открою свое сердце императрице и что ее величество несомненно, видя мои муки, посоветует ей исполнить ее дочерний долг и уступить. Она мне ответила, что ее задерживают здесь дела и что я вольна говорить императрице что угодно, так как справедливость не позволит ее величеству отправить ее в ссылку. Я не стану высказывать свое мнение об ее образе действий, только повторю тебе свои условия. Если она уедет на первой неделе поста, я не сделаю никакого скандала и никому ни слова не скажу, лишь бы она не приезжала ко мне и не появлялась бы в тех местах, где может меня встретить; в противном случае я откроюсь императрице, и мне кажется, что она, желая сохранить мою жизнь, посоветует ей уехать.

Нечего мне конечно присовокуплять, милый друг, что, чем скорее это выяснится, тем лучше. Если бы ты видел, в каком состоянии я нахожусь в настоящую минуту, ты бы за меня испугался.

[1784]

**Письмо Вильяму Робертсону
с благодарностью за внимание к ней
во время пребывания в Эдинбурге. 17 августа 1786 г.
(перевод С. Н. Искюля)**

Sir.

I have had the pleasure of Receiving your letter by sir John Sinclair, and am very glad to make the acquaintance of a Gentleman so highly esteemed by one of the discernment. You may rest satisfied that I shall do my almost so convince him, how much I prize your Recommendation. I had him to dine with me a few days ago, and have given him what information I could to his well judged queries. He has answered the expectations I must have of him from a letter; so that I shall do myself the pleasure to be of what service I can to him.

It is with heart felt satisfaction that I think on the Epoque, when I had the happiness of your amiable and instructive Society, and regret the circumstances that prevent its repetition, thought I will not give over the hope to be once more Scotland.

I return you my most cordial acknowledgements for the Interest you express in me and my son, and be assured that my wishes for your prosperity are not less ardent. My son is at Kiow with his Regiment. I had a letter from him a few passages, and since he is well, and fulfills his duty, I must not complain for his absence, which by the by is of eighteen months, and consequently eighteen months too long for a fond Mother; But since I have taken the habit not to live for LeMoi, but for my friends, I will not allow myself to use not when a syllable to Recall him from the post that his duty assigns him. I beg you will remember the Kindly to Mrs Robertson, and your amiable daughter. I am so proud of the Esteem of my Scotch friends that I cannot give them leave to forget me and Be assured that nobody has had a higher Esteem and consideration, that professes for you.

Dear Sir
Your obedient Servante
Princess of Daschkaw

St. Petersburg
The 6/17 of August

Перевод:

Сэр.

Я имела удовольствие получить ваше письмо через сэра Джона Синклера и весьма рада познакомиться с джентльменом, столь глубоко уважаемым, благодаря одному только умению распознавать вкус. Не сомневайтесь, что я сделала почти все, чтобы доказать ему, сколь ценю вашу рекомендацию. Я пообедала с ним несколько дней назад и сообщила ему обо всем, что только могла в ответ на его взвешенные вопросы. Таким образом, он вполне таков, каким я должна была его представлять, основываясь на полученном письме; так что буду служить ему, чем могу.

Сердцем чувствую удовлетворение, думая о том времени, когда я имела счастье пользоваться вашим дружеским и просветительным обществом, и сожалею об обстоятель-

ствах, которые препятствуют их возобновлению, хотя и не оставляю надежды еще раз побывать в Шотландии.

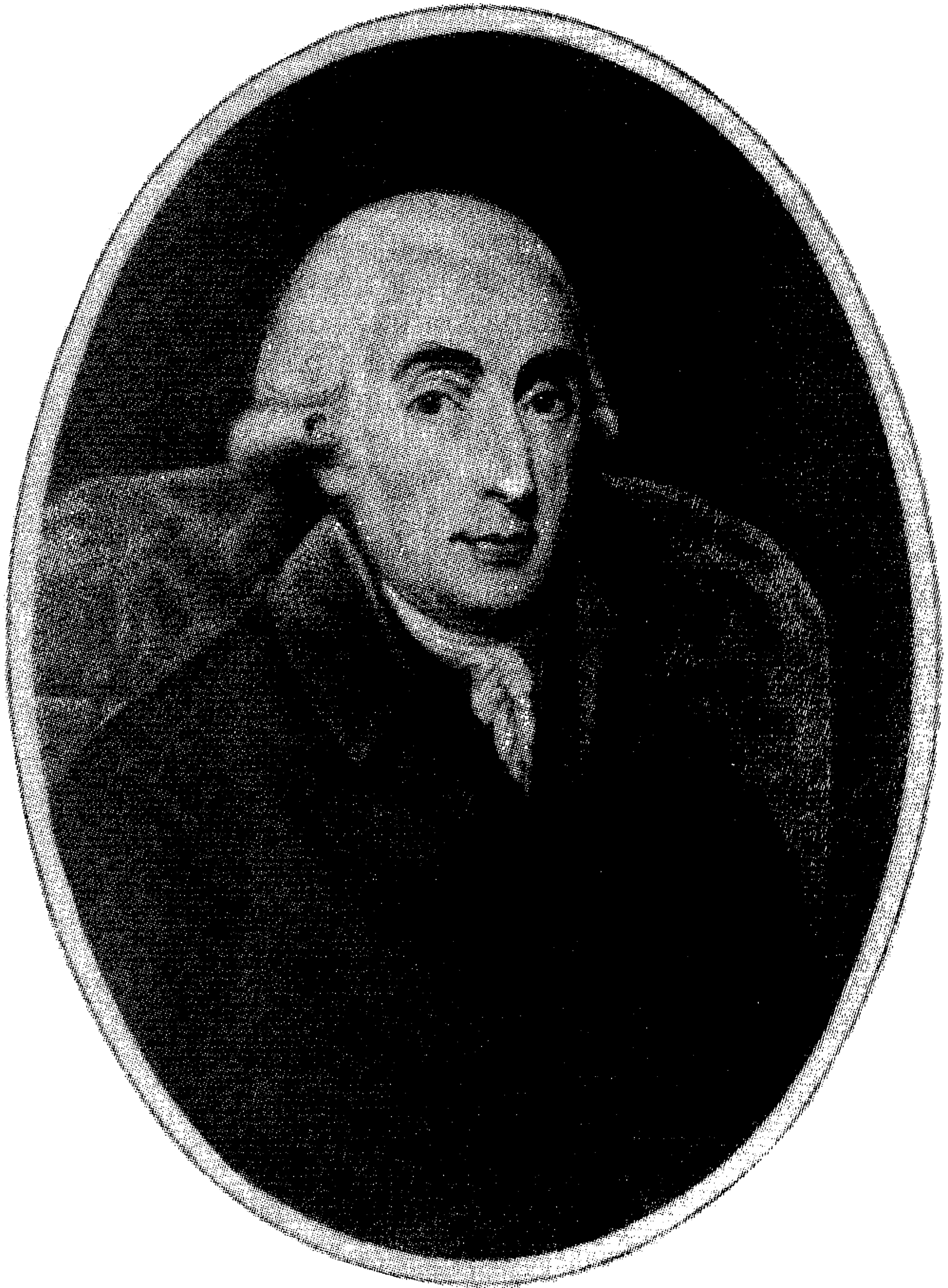
Приношу вам мою наисердечную признательность за то участие, которое вы принимаете во мне и в моем сыне, и уверяю, что мои пожелания вам дальнейшего преуспевания не менее сердечны. Мой сын теперь в Киеве вместе со своим полком. Я получила от него письмо, составленное в весьма немногих выражениях, и поелику он здоров и несет свою службу, я не должна более сожалеть об его отсутствии, которое, кстати, продолжается уже 18 месяцев, а для страстно любящей матери 18 месяцев все же слишком много; но с тех пор я привыкла жить не для себя самой, но для друзей, и не позволю себе произнести хотя б один звук, чтобы призвать его назад, оторвав от обязанностей, к коим определен по службе. Прошу покорно передать мои поклоны г-же Робертсон и вашей любезной дочери. Я испытываю таковую гордость, чувствуя уважение моих шотландских друзей, что не могу дать им забыть меня и хочу уверить их в том, что никто не испытывает более высокого уважения и почтения к вам, нежели я.

Дорогой сэръ,
ваша покорная служанка
княгиня Дашкова.

С.-Петербург
6/17 августа.

**Письмо Екатерине II
с просьбой о скорейшем решении дел дочери в Сенате.¹
14 января 1794 г.**

Потеряв всякую надежду побороть могущественное влияние г. Давыдова, я беру на себя смелость умолять ваше величество повелеть Сенату положить свою резолюцию на представление опекуна Щербинина; прошел уже год, как он просил разрешения Сената относительно дарственной записи, сделанной с соблюдением всех формальностей и совершенно законной: достаточно четверти часа чтения, чтобы сказать *да* или *нет*. Это *да*, как говорят, уже и было бы сказано, но противная партия слишком сильна, и так как по закону нельзя сказать *нет*, то и дело было заброшено в бездну забвения, из которой я уже не в силах извлечь его,

Джозеф Блэк (1728—1799), профессор химии
Эдинбургского университета.

если ваше величество не повелит этого по своей любви к справедливости. Простите, государыня, если я прибегаю к этому, и ваше величество, без сомнения, заметит, что я достаточно выстрадала и что здесь с моей стороны нет ни алчности, ни насилия. Я слишком ценю драгоценное употребление вашего времени, чтобы входить в подробности, что может быть не в пользу моей дочери. Повергаю себя к

стопам вашего величества с чувствами несокрушимого уважения, которое дает мне честь называться
вашего величества
покорнейшей и вернейшей подданной
княгиней Дашковой.

Января 14. 1794 г.

Письмо Екатерине II
о финансовых делах дочери
9 июля 1794 г.

Всемиловитейшая государыня.

Свойственно правосудие вашему величеству как государю мудрому, пекущемуся о своих подданных, свойственно вам и милосердие как душе благотворной и жалостливой, почему и осмеливаюсь, припадая к стопам вашего величества, просить усовершенствовать правосудное решение ваше касательно данной записи дочери моей, узаконив меня опекуном одного имения, дабы я могла продать оное для уплаты ее долгов и, если можно, спасти из одного нужное малое ей пропитание и чтобы я безвинно не доведена была и сама до разорения, ибо великая разница продать с рассмотрением или чтобы ненасытные пиявицы *marchande de mode* французские, схватя имение, с публичного торгу проданное за бесценок, растащили, я и так расстроила свое состояние, а паче дух мой от такого рода беспокойствия расстроен. Ваше величество, сделав сию милость, подадите мне способ, как законные долги дочери моей заплатить, так и возвратите спокойствие мое, которое при таких беспорядках существовать не может. Пребываю с непоколебимою верностию

вашего величества,
всемиловитейшая государыня,
верноподданная
княгиня Дашкова.

P. S. Скорее своей благодетельнице, чем своей государыне, я адресую эти строки. Вы, государыня, всегда читали в моем сердце и моих мыслях, зачем же скрою я от вас дело, которое заставляет меня еще раз прибегать к вашей доброте. Моя дочь, отправляясь за границу, оставила мне список своих долгов в 14 000 р., а оказывается теперь более 30 000,

и чтобы успокоить своих кредиторов или заглушить их, она оставила у многих подписанные счета и вексели на ту же сумму. Несмотря на мое запрещение, она захала в Варшаву, где наделала долгов, сумму которых я не знаю. Третьего дня, не будучи предупреждена ни одной строчкой письма, я получаю из Кенигсберга вексель в 12 т. руб. к уплате через 15 дней. Ваше величество может судить, насколько такая неожиданность могла смутить особу, которая, привыкши к порядку и к уважению своих обязательств, оказалась захваченной врасплох; я не знаю, ни как заставить ее возвратиться, ни как обуздать ее безумную расточительность. Но я знаю, что, если я не приму мер, она разорит меня; я уже продала все, исключая земель, но тяжело лишаться много и находиться в тревоге в таких летах, когда начинаешь слабеть, и все это совершенно незаслуженно. Ваше величество справедливее, просвещеннее других, отдавало мне справедливость и часто, как я знаю, брало мою сторону. Помогите, государыня, мне и на этот раз, и, буду назначена опекуницей этого имения, я могу дать полную доверенность какому-нибудь лицу, сострадательному и честному, которое возьмет на себя эту возню с кредиторами моей дочери, для меня чуждую, унижительную и беспокойную.

Июля 9. 1794 г.

Письмо к дочери [1807 г.]

Я очень рада буду, чтоб Николай Николаевич Новосильцев¹ по многоделию, ему препорученному, мог взять на себя главной надзор над опекою оставшегося после несчастного моего сына имения; он справедлив, и через то кредиторы будут удовлетворены, невзирая на беспутное твое мотовство; если Федор Иванович Киселев² откажется быть опекуном, то одного Павла Александровича Рахманова довольно, ибо правительство всегда имеет долг надзирать над опеками; таковое попечение для справедливого успокоения тем паче нужно, что ты по развратному своему поведению никакого доверия не заслуживаешь. Я торжественно повторяю, что сын мой не хотел невозможного, то есть усыновить побочных детей, прижитых при жизни и ныне еще живущей жены его; а хотел их сделать благонравными мещанами с посредственным состоянием, каковое только при больших своих долгах он мог им доставить, о

чем он сам мне объявить велел; я также торжественно утверждаю, что он тебе их вверить никогда не хотел и при последней болезни своей просил приятеля своего их взять. Ты хвастаешься, что выпросишь у государя, чтоб, отступя от закона, ниспровергнуть таинство брака, по исповеданию нашему освященное; он изволит для твоей прихоти и, удовлетворяя твоему чванству, усыновить детей незаконных при живой жене — мечта достойна твоего исступления; ты обещаешь им дать свое имение, когда твое и злосчастное полученное наследство обременено долгами, ты хочешь их воспитывать, а ты их развращаешь, отжняя их от матери, которая одна имеет над ними естественное и законное право; а при первом пароксизме злости ты их выкинешь из окна. Я отверзала тебе путь к некоторому со мною сближению; но ты отвергла все то, что здравый рассудок, человечество и христианство, руководствуя сердцем моим, тебе предлагали. После того сведала я, что, облекшись в траур, императорской фамилиею только носимый, ты вздумала, что ты императрица; в церкви, где тело несчастного твоего брата пред глазами твоими должно было только возбуждать чувства печали, призывала пред себя полицмейстера, приказывала ему несообразное, кричала и заклинала, чтоб племянница моя Норова³ и друг мой Мавра Романовна⁴ последнего христианского долга не воздавали; вся церковь была потрясаема бешеным твоим голосом, все были поражены ужасом, видя бесчеловечие, злость и намерение уморить мать слухом сего безбожного исступления; вся Москва с отвращением имя твое поминает. Я тебе прощала семь раз, что только едва ангел милосердия простить мог, — вспомни, что ты ночью приезжала ко мне в деревне, не хотев меня видеть, собирала людей моих и после молебна, который конечно Богу угоден быть не мог, раздавала им деньги и говорила противу меня и противу друга моего, которая одна утешала печаль и грусть брошенной матери; сие возмущение, каковое ты желала произвести, приказание, которое ты раздавала людям моим, и разные клеветы, которые ты тщетно хотела утверждать в Москве, доказывают, что противу тебя пора уже мне предостеречься. Всех тех из родных, коих поведение я не одобряла, думая мне досадить или себя подкрепить, ты собирала около себя и ласкаешь; напротив того, всех любящих меня ты ругала и ненавидишь. Все сие безбожное противу меня ополчение оправдает меня перед Богом и пред светом; если ты в на-

значенный срок не уедешь из Москвы, то я прибегну к последнему законному прибежищу тебя заключением избавить преступления новых злодейских умыслов, а себя и дом свой охранить; я напоминаю еще раз как мать, дожившая в печали до старости, не хотя наказывать, что я по совести своей нахожу нужным и справедливым тебя заключить, дабы позору, подобно сделанного тобою к церкви, еще не сделала и дабы ты не развращала людей моих, и чтоб невинные жертвы от твоей злости не пали.

[1807]

**Записка графу П. С. Потемкину¹
о поддержке ее воспитанника П. В. Спиридонова [б/д]**

Податель этой записки есть тот молодой человек, которого я вам, генерал, рекомендовала. Умоляю вас, побудите его выйти из гвардии, и этим вы доставите мне истинное одолжение. Он жил у меня три года, и так как у него нет ни отца, ни матери, ни состояния, то я хотела бы поставить его в возможность по крайней мере служить, со временем, быть может, отличиться и составить себе карьеру. Его имя Петр Васильевич Спиридонов.² Вы любили его мальчиком и хотели лет десять тому назад сделать из него пажа, поправьте, прошу вас, тогдашнюю неудачу, и вы чувствительно обяжете ту, которая с отменным уважением называет себя

вашею нижайшею слугою
кн. Дашкова.

Письмо к мистрис Гамильтон¹ [1804—1805 гг.]

Какую страшную работу, мой милый друг, вы задали мне! Вы непременно желаете, чтоб я представила вам различные портреты, снятые с меня, и присоединила бы к ним один своей собственной кисти. Могу уверить вас, что их существует более двадцати (стоило ли труда так хлопотать?), и если девятнадцать слишком польстили вашему другу, то некоторые отвратительно гадки.

Вы убеждены, что я буду говорить о себе искренно, не скрывая ни добрых, ни дурных сторон; но заметьте, что не одна искренность затрудняет меня на этот раз. Подумайте

только о том, что в чертах моего образа есть краски и тени, падающие на сановитых людей и великие события.

Впрочем, повинуюсь вам. И чтоб начать, замечу, что есть один очерк, нарисованный, как говорят, рукой самой императрицы; по восшествии на престол она писала польскому королю² и, говоря об этом событии, уверяла его, что мое участие в этом деле было ничтожно, что я, на самом деле, не больше, как честолюбивая дура. Я не верю ни одному слову в этом отзыве; за всем тем удивляюсь, каким образом умная Екатерина могла так говорить о бедной ее подданной, и говорить в ту самую минуту, когда я засвидетельствовала ей безграничную преданность и ради ее рисковала головой перед эшафотом. Итак, вот один из двадцати портретов, который имею честь представить вам.

Говорят также, что императрица выставила меня немецкому императору³ как самую *капризную* женщину. И этому не верю, потому что Екатерина коротко знала меня и могла видеть, что ничего не может быть противоположней этого свойства моему действительному характеру. Напрасно доказывать, что подтверждается всей моей жизнью: мог ли управлять моей волей каприз, когда я многие годы твердо вынесла не только нападки клеветы, но все лишения бедности; кто знает меня, того нет надобности уверять, что, несмотря на толпу моих врагов, окружавших государыню, я без ропота и без уступки держалась одной, неизменной стороны: едва ли эта черта согласна с непостоянством ума или характера!

Но чтоб окончить начатый труд и не очень наскучить вам, я разделю свою характеристику на два столбца; в одном я поставлю чужие мнения о себе, а в другом — свои собственные замечания.

Ум и проблески гения довольно многие приписывали мне.

Некоторые из моих портретистов считали меня ученой и выставляли таковой.

В первом я не чувствовала недостатка, но на второй не обнаруживала ни малейшего притязания, разве только в музыкальном искусстве; ибо, несмотря на то что у меня не было учителя, вокального или инструментального, я так блистательно понимала музыку, что могла судить о ее красотах в качестве истинного виртуоза. Мое сердце часто согревало воображение, но воображение никогда не вдохновляло сердца.

Это совершенно ложная черта: я часто доказывала тем, кто хотел меня слушать, что вся моя ученость была делом

вдохновения. Мое воспитание, в свое время признанное за самое лучшее, ограничивалось немецким, французским и итальянским языками, историей, географией, арифметикой, катехизисом, рисованием и танцами. Вот объем его. Правда, я страстно желала образовать себя, и едва ли была книга, попадавшая мне в руки, которую бы я не проглотила. На тринадцатом году, освободившись от гувернантки, я употребляла все свои карманные деньги на покупку книг; но, перечитывая их без выбора и методы, едва ли могла сделаться ученой. В пятнадцать лет я полюбила и вышла замуж. Потом началась семейная жизнь, дети, болезни и после горе — обстоятельства, как вы видите, вовсе неблагоприятные кабинетным трудам, которые я так любила.

Некоторые изображали меня упорно преданной своим мнениям и необыкновенно тщеславной.

Я действительно была добровольной рабой воли своего мужа, свекрови и потом девицы Каменской⁴ и других моих друзей, если только они хотели господствовать надо мной.

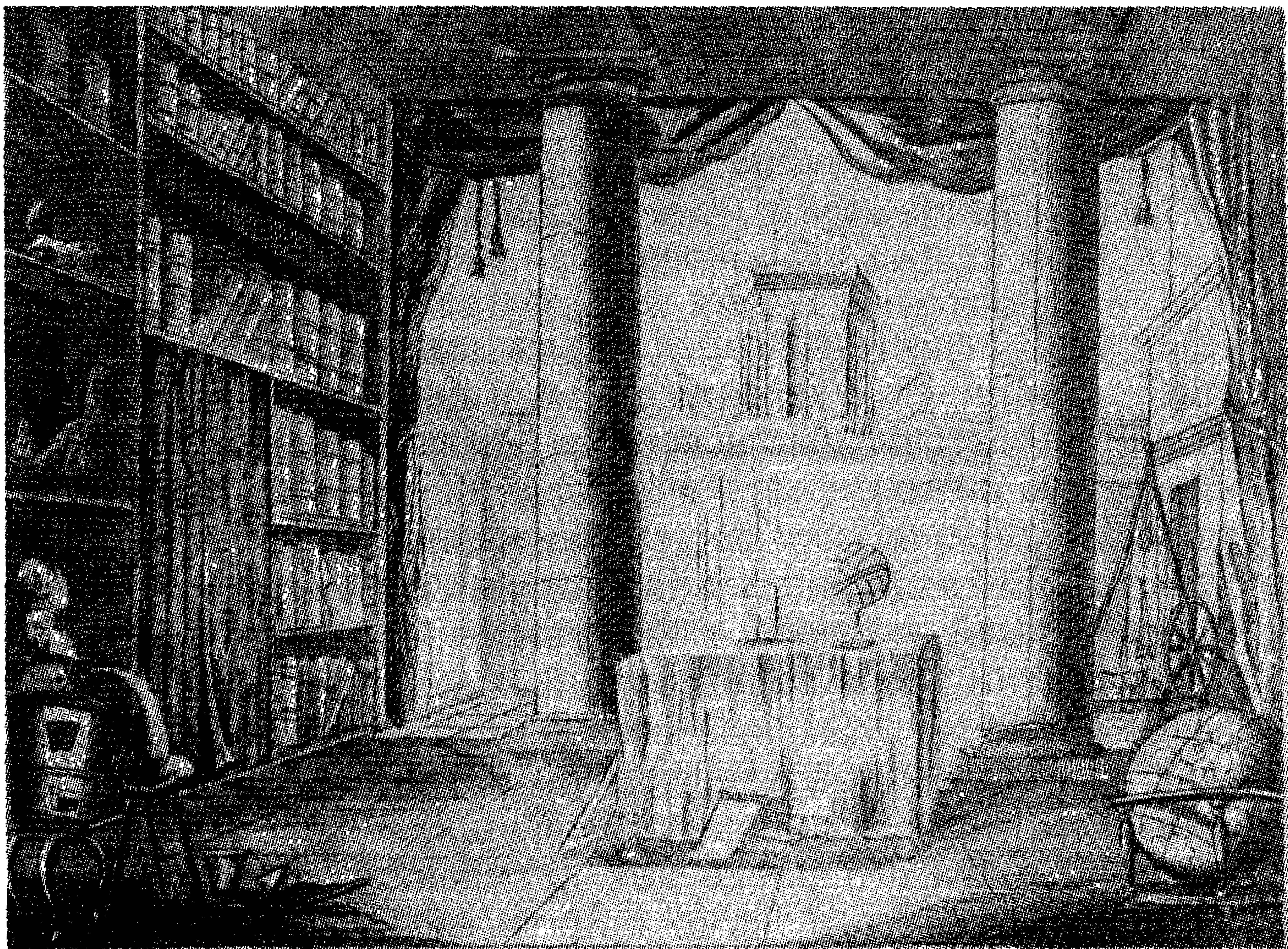
Что же касается до тщеславия, я никогда не подозревала в себе способности нравиться. Это недоверие к себе если нисколько не стесняло моего сердца, по крайней мере выражалось на лице; поэтому в моих манерах проглядывала какая-то неловкость, очень охотно перетолкованная в заносчивость или раздражительность.

Застенчивость моя была так велика, что я обыкновенно в кругу большого общества сообщала именно то впечатление, которого боялась, — ложное понятие о том, что говорила и делала. Отчасти этому содействовала моя затворническая жизнь, и друзья мои часто замечали, что я испытывала нервные пароксизмы, когда общее внимание обращалось на меня во время танцев или пения, хотя на самом деле ничего неприличного нельзя было подметить за мной.

Самолюбие считали господствующей моей страстью, а тщеславию приписывали мое отвращение от второго брака.

Одно самолюбие одушевляло мое сердце — желание беспредельной любви моего мужа. По смерти его необычайная тоска убила во мне всякое другое чувство.

Бедность, если можно так сказать, в которой я находилась с детьми после кончины своего супруга, заставила меня

Университет. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 5. № 44).

уединяться, приучить себя к стеснениям и неусыпно хлопотать о их здоровье и потом о воспитании; далее я старалась выплатить мужнины долги, не касаясь наследственного капитала. Ради всего этого я вела жизнь и одевалась ниже своего звания и изменяла свое положение по обстоятельствам. И так меня страшила мысль оставить детей двойными сиротами, что я старалась закрыть под маской холодного, бесчувственного вида душевные скорби о потере самого любезного мне существа.

Меня также представляли жестокой, беспокойной и алчной.

Канва для этих портретов, нарочно изобретенных, была представлена публике вслед за восшествием императрицы на престол; не надо забывать, что мне тогда было восемнадцать лет от роду. Чтобы судить о моих делах и побуждениях в эту эпоху, не должно терять из виду и того, что я действовала под влиянием двух опрометчивых обстоятельств: во-первых, я лишена была всякой опытности; во-вто-

рых, я судила о других по своим собственным чувствам, думая о всем человечестве лучше, чем оно есть на самом деле. Эта ошибка остается доселе со мной, наперекор многим горьким опытам, убедившим меня в противном мнении.

Наконец, вспомните, после мужа земным моим идеалом была Екатерина; я с наслаждением и пылкой любовью следила за блистательными успехами ее славы, в полном убеждении, что с ними неразрывно соединяется счастье народа; тогда вы поймете, что я действительно увлекалась этим чувством; считая себя главным орудием революции, близкой участницей ее славы, я действительно, при одной мысли о бесчестии этого царствования, раздражалась, испытывала волнение и душевные бури — и никто не подозревал в этих чувствах ни энтузиазма, ни истинного побуждения. Вспомните также о лицах, окружавших императрицу; это были мои враги с первого дня правления ее, и враги всемогущие. После этого легко понять, за что и почему мои портретисты обезобразили вашего друга, исказили истинные черты моего образа.

Мои знакомые и слуги, я уверена, отнюдь не могут обвинять меня в жестокости. Я знаю только два предмета, которые были способны воспламенить мои бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна светлой короне Екатерины II.

Что же касается до скупости, кажется, нет надобности говорить, что этот порок свойствен только низкому уму, пошлому сердцу. В этом отношении лучшим моим оправданием служат денежные пособия родственникам гораздо выше моих средств. Притом я получила независимое состояние и могла располагать собственным доходом в 25 000 тысяч рублей ежегодной прибыли не прежде как передала сыну наследственное имение и после 1782 года, когда императрица подарила мне Могилевское поместье.

Прощайте, простите моим клеветникам, пожалейте или презирайте их вместе со мной.

**Из «Записок» о детстве и юности Е. Р. Дашковой
(перевод и примечания С. Н. Искюля)**

Я появилась на свет в С.-Петербурге в 1744 году.¹ Императрица Елизавета² как раз в то время вернулась из Москвы, где она венчалась на царство. От купели воспринимала меня сама императрица, а крестным отцом моим был великий князь (известный впоследствии под именем Петра III).³ Этой честью, оказанной императрицею, была я обязана не столько родству ее с моим дядюшкой,⁴ канцлером империи, женатым на двоюродной сестре ее величества, сколько привязанностью ее к моей матушке, которая в царствование императрицы Анны⁵ с величайшей осмотрительностью, усердием и, смею сказать, великодушием снабжала деньгами императрицу, в то время еще великую княгиню, когда ей, весьма стесненной в средствах, не хватало на содержание своего дома и на наряды, составлявшие предмет ее страсти.

Когда мне было только два года, имела я несчастье потерять мою матушку⁶ и только впоследствии от друзей и от особ, сохранивших к ней чувства восхищения и благодарности, узнала, сколь она была добродетельна, великодушна и чувствительна. В ту пору, как постигло меня это несчастье, я проживала вместе со своей бабушкой в одном из прекрасных ее поместий, и тогда только, когда мне исполнилось четыре года, смогли добиться от бабушки моей, чтобы меня привезли наконец в С.-Петербург, дабы получила я приличествующее воспитание, в корне отличное от того, что я могла получить под присмотром престарелой моей бабушки.

По прошествии нескольких месяцев канцлер империи, старший брат моего батюшки, забрал меня из-под надзора доброй моей бабушки и распорядился воспитывать меня вместе с единственной своей дочерью⁷ (впоследствии графиней Строгановой). Общая опочивальня, одни и те же с нею наставники в учении, все, не исключая даже платьев, скроенных из одной штуки, — все это должно было бы сделать нас во всем, вплоть до мелочей, похожими друг на друга; между тем во всякую пору нашей жизни не было, казалось, столь различных меж собою людей (обращаю внимание на это тех, кои мнят себя сведущими в том, в чем состоит предмет воспитания, и собственные ложные представления облакают в умозаключения касательно отрасли

знания, столь важной и решающей для благополучия людей и вместе с тем столь мало им знакомой, поелику оную во всей своей совокупности и с многочисленными разветвлениями ум одного человека постигнуть не в состоянии).

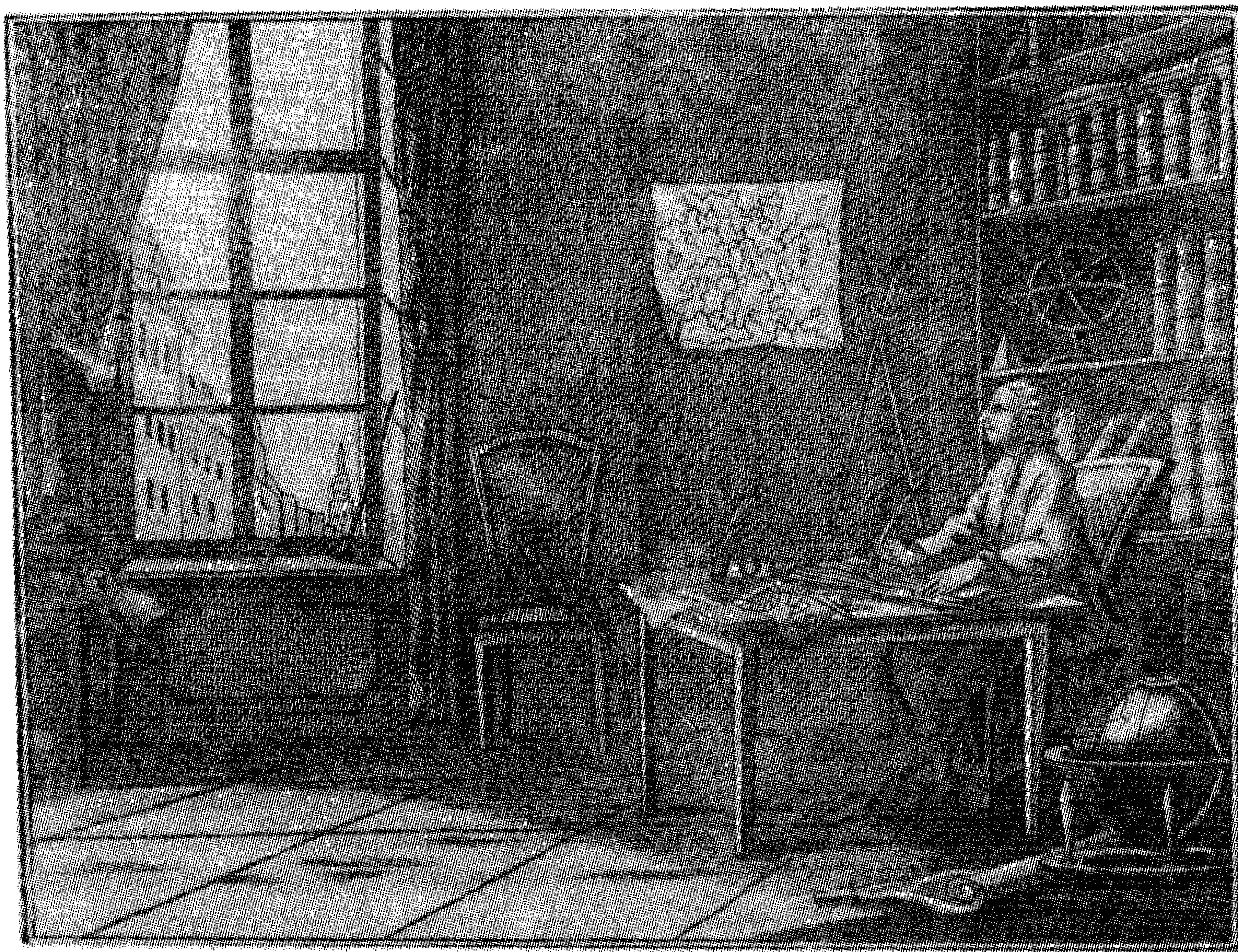
Я не буду здесь распространяться о своем роде, его древности и разных блистательных заслугах моих предков, кои толико прославили род графов Воронцовых, что им мог бы гордиться даже тот, кто гораздо более моего придает значение происхождению. Батюшка мой, граф Роман,⁸ младший брат канцлера, был тогда молод и любил жизненные удовольствия, вследствие чего мало занимался нами, своими детьми, и был весьма доволен, когда дядя из чувства благодарности к покойной моей матушке, а также из дружбы к нему, взялся за мое воспитание. Две мои сестры находились под покровительством императрицы и, пожалованные фрейлинами еще в детском возрасте, жили при дворе. В родительском же доме оставался только мой старший брат Александр, и с детства среди прочих детей я хорошо знала только его. Мы часто виделись, и, привязавшись к нему, я выказывала свою дружбу и безграничное доверие, каковые ничем и никогда не были омрачены. Младший брат⁹ жил тогда у дедушки в деревне, но и тогда, когда он переехал в город, с ним, как и с сестрами, виделась я весьма редко. Останавливаюсь на сих обстоятельствах потому, что оные впоследствии оказали влияние на мой характер.

Дядюшка не жалел ничего, чтобы дать нам наилучших учителей, и, в согласии с взглядами того времени, мы получили прекрасное образование, поелику знали четыре языка,¹⁰ особливо хорошо французский; мы умели танцевать, немного рисовали; некий статский советник давал нам уроки итальянского; когда же мы возымали охоту учиться русскому языку, с нами стал заниматься г-н Бехтеев,¹¹ и поскольку обе мы обладали приятной наружностью, утонченными манерами и знанием светских приличий, то неудивительно, что нас почитали хорошо воспитанными девицами. Между тем что же было сделано для воспитания сердца и развития нашего ума? Ровным счетом ничего. У дяди на то не было времени, а у тетки — ни способностей, ни желания: в характере ее природная гордыня причудливо сочеталась с необыкновенной чувствительностью и преувеличенной нежностью.

Завершила мое воспитание неожиданно постигшая меня корь, — вот благодаря чему я стала тем, чем являюсь ныне. С самого детства меня не покидало желание быть любимой, и я хотела заинтересовать собою всех, кого любила, и когда в возрасте 13 лет мне стало казаться, что сама я уже не вызываю таковых чувств, то я сочла себя существом, всеми отринутым. Надобно сказать, что в то время существовал указ,¹² коим запрещались всякие сношения с двором тем семьям, где случились такие кожные болезни, как ветряная оспа и корь, из опасения, как бы великий князь, впоследствии император Павел I, ими не заразился. Поэтому при первых же признаках кори меня отправили в деревню за 17 верст от Петербурга. Помимо горничных меня сопровождали немка-бонна и жена некоего майора; но их общество не могло удовлетворить мое восприимчивое и любящее сердце (поелику обеих этих дам я не любила), и оно мало отвечало моим представлениям о счастье, кои связывались у меня с жизнью в обществе родных и сердечных друзей. Болезнь отразилась у меня главным образом на глазах, из-за чего мне нельзя было читать, между тем как я уже пристрастилась к книгам. Глубокая грусть, размышления над собой и о тех, к кругу коих я принадлежала, изменили мой живой, веселый и порою насмешливый характер: я стала серьезной, прилежной, говорила мало и только о том, о чем имела достаточное представление; как только стало возможно, я вся отдалась чтению. Любимыми моими книгами были сочинения Бейля, Монтескье, Вольтера и Буало.¹³ Я начинала понимать, что одиночество не всегда бывает в тягость, и стремилась найти опору в мужестве, твердости и душевном спокойствии. Тем временем мой брат Александр уехал в Париж.¹⁴ Таким образом у меня не осталось никого, чья нежность могла бы смягчить мое сердце, уязвленное, как мне казалось, царившим вокруг меня равнодушием. Спокойной и довольной я становилась только тогда, когда погружалась в чтение, занятия музыкой доставляли мне развлечение и трогали меня, но за пределами моей комнаты меня охватывала грусть; порою за чтением я просиживала ночи напролет, что в соединении с расположением духа, в коем я пребывала тогда, придавало мне болезненный вид, беспокоивший почтенного моего дядюшку и даже импер[атрицу] Елизавету. Она повелела своему лейб-медику Бургаву¹⁵ позаботиться обо мне, и тот делал это с неизменным усердием. После внимательного осмотра и исследова-

ния того, в чем заранее усматривали род изнурительной болезни, врач объявил, что мое физическое состояние столь безупречно, как можно только пожелать, но, очевидно, меня терзает страдание душевного свойства, и сие отражается на моей наружности. Поэтому меня забросали несметным числом вопросов; большинство их, однако, не было порождено ни движением души, ни участием, коих я ожидала. Посему никто не мог добиться от меня искреннего признания, в чем можно было бы усмотреть, впрочем, одну только гордыню, уязвленную чувствительность и самонадеянное решение добиться всего, обходясь собственными силами: сделай я такое признание, его, пожалуй, сочли бы за упрек. Таким образом, я и решила не признаваться в том, что целиком меня захватило. Свой болезненный вид я объяснила единственной причиной, а именно расстроенными нервами и головными болями. Между тем мой ум становился рассудительным, и когда спустя год я перечитала «Об уме» Гельвеция,¹⁶ мне подумалось, что, ежели бы не было у этой книги второго тома, лучшим образом приспособленного к представлениям большинства людей, и если бы умозаключения ее не были приноровлены к существующему положению вещей и состоянию человеческого разума, как то свойственно великому множеству из рода человеческого, то это сочинение способно было бы смутить согласие или порвать цепь, связующую части (пусть даже меж собою и различные), кои образуют и составляют гражданское общество. Привожу здесь сие соображение, поелику впоследствии времени оно доставляло мне истинное удовольствие.

Любимец императрицы Елизаветы г-н Шувалов¹⁷ почитал себя за мецената и выписывал из Франции все издававшиеся там книги. Того ради, чтоб распространялась о нем добрая молва, Шувалов оказывал особое внимание иностранцам, и от них-то он и узнал о моем страстном увлечении книгами; были ему переданы также и некоторые из высказанных мною собственных размышлений, после чего он сам предложил мне быть моим библиотекарем и снабжать меня всеми литературными новинками. Любезность сия уже тогда пришлась мне по сердцу, но особенно на следующий год, когда я вышла замуж, и мы переехали в Москву, где в то время у книгопродавцев попадались одни только уже известные мне книги, большинство из которых имелось в небольшой моей библиотеке, составлявшей 900 томов. В тот год я приобрела Энциклопедию¹⁸ и словарь

Студент. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1787. Ч. 7. № 34).

Морери.¹⁹ Никогда и самые изящные драгоценности не доставляли мне толико удовольствия; посему все мои карманные деньги употребляемы были на одну только покупку книг. Иностранцы — художники или литераторы, а также и посланники различных дворов, находившиеся в Петербурге и часто посещавшие моего дядюшку, должны были платить дань моей не знавшей жалости любознательности. Я засыпала их вопросами о странах, из которых они прибыли, о тамошних законах, образе правления, и, сравнивая их с таковыми моей страны, возымела я страстное желание путешествовать. Однако ж я не думала, что когда-нибудь отважусь на это; напротив того, я полагала, что впечатлительность и болезненная раздражимость моих нервов обрекли меня на тягостную жизнь, и я не вынесу бремени мучительных и поражающих воображение впечатлений, уязвленного самолюбия и глубокого переживания любящего сердца. Мне казалось, что я уже достигла всего, и ежели

б кто-нибудь мог тогда сказать, какие страдания мне еще предстоят, я бы положила конец своему существованию, поелику у меня возникало предчувствие, что на этом свете я буду несчастна.

Нежность, каковую испытывала к брату моему графу Александру, побуждала меня быть исправной в своей переписке. Я писала ему два раза в месяц и сообщала все городские и придворные новости, а также известия, приходившие из наших армий. Благодаря частой этой переписке стиль мой становился сжатым и одушевленным. Мне хотелось вызвать его интерес и доставить брату удовольствие, а хорошо иль дурно я пишу с тех пор — слогом своим я обязана своеобразным моим письмам-дневникам к горячо любимому брату.²⁰

Той же зимой великий князь, известный со временем под именем Петра III, и великая княгиня, впоследствии по справедливости названная Великой, приехали к нам провести вечер и поужинать. Иностранцы обрисовали меня Екатерине пристрастной кистью, и у нее возникла уверенность, что я почти что все свое время провожу в ученых занятиях и чтении, но это сразу вызвало ее благосклонность, что впоследствии оказало влияние на всю мою жизнь и вознесло на пьедестал, каковой, полагаю, никогда б не был мне доступен. Я могла бы добавить, что, кроме меня и великой княгини, не было в то время в России женщин, кои занимались бы серьезным чтением. Обе мы восчувствовали друг к другу взаимную симпатию, и обаяние, всегда исходившее от великой княгини, особливо если ей хотелось привлечь кого-либо на свою сторону, было слишком сильным, чтобы наивное существо, коему не исполнилось и пятнадцати лет, не отдало б ей навек своего сердца; в то время, однако ж, у нее был могущественный соперник в лице князя Дашкова,²¹ с которым я была помолвлена; но вскоре сам он проникся моим умонастроением, и для соперничества меж ними не осталось и следа. Великая княгиня была весьма добра и пленила меня своей беседой. Возвышенность мыслей, знания, коими, как я убедилась, она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и мыслях, и я привязалась к ней, увидев в великой княгине натуру, богато одаренную природой. Тот вечер, когда она разговаривала, наверное, только со мной, не показался мне долгим. Он стал исходной причиной многих событий, о которых я расскажу впоследствии.

Но в повествовании моем надобно возвратиться к июлю и августу, месяцам, кои предшествовали этому достопамятному вечеру. В ту пору мой дядюшка вместе с женой и дочерью жил попеременно при императрице то в Петергофе,²² то в Царском Селе;²³ постигшие меня в то время недомогания, но главным образом любовь к уединению и чтению, удерживали меня в городе. Изредка я выезжала в итальянскую оперу²⁴ и не бывала более нигде, кроме, пожалуй, двух домов: у княгини Голицыной,²⁵ которая, и особливо муж ее, остроумный 65-летний господин, весьма нежно меня любила, и у госпожи Самариной,²⁶ муж коей был привязан к семье моего дяди и положительно всякий день бывал у нас. Как-то раз госпожа Самарина была больна, и я приехала провести вечер и поужинать у нее; свою карету я отослала, распорядившись, чтобы она вместе с горничной моей заехала замною к 11 часам. Вечер прошел прекрасно, и после ужина сестра госпожи Самариной предложила отправить приехавшую за мною карету с тем, чтобы она дожидалась нас в другом конце малолюдной улицы, на которой стоял дом Самариных, пока мы вместе с нею прогуляемся ей навстречу. Я согласилась, поелику моцион был мне просто необходим. Но едва успели мы сделать несколько шагов, как я увидела выходящего нам навстречу из окольной улицы человека, который показался мне настоящим великаном. Когда он был уже в двух шагах от нас, я, никогда прежде не встречав его, спросила мою спутницу о том, кто это. Она ответила, что это князь Дашков. Тем временем Дашков, будучи знаком с Самариными, завязал с нею разговор и пошел рядом с нами, изредка обращаясь ко мне с робкою учтивостию, что весьма мне понравилось. Впоследствии я часто охотно приписывала благоприятное впечатление, которое мы произвели друг на друга при этой встрече, — от чего мы оба и не отпирались, — самому Провидению, коего нам не дано было избежать: поелику если б довелось мне слышать в нашем доме, где князь Дашков тогда еще не был принят, то, что о нем говорили, то я б услышала неблагоприятные о нем отзывы и узнала б подробности некоей любовной истории, что уничтожило бы всякую мысль о возможности союза между нами. Не знаю, что ему было известно или что он слышал обо мне до нашей с ним встречи, но несомненно, что у него была связь с некоей весьма близкой моей родственницей, каковую я не могу назвать, и может быть, явная его неправота перед

нею, о коей было известно, должна была отнять у него всякую мысль, всякое желание и даже всякую надежду на то, что когда-нибудь мы сможем принадлежать друг другу. Словом, мы не были знакомы и, казалось, брак между нами не мог состояться ни при каких обстоятельствах, но небо распорядилось иначе; ничто не могло помешать нам бесповоротно отдать сердца друг другу, и моя семья не чинила никаких препятствий нашему браку, а его мать-княгиня,²⁷ которая страстно желала видеть его женатым и непрестанно, но тщетно с настойчивостью склоняла его к супружеству, узнав, что сын готов жениться, была вне себя от счастья. Хотя он и отверг ту, которая предназначалась ему в жены, мать искренне одобрила выбор сына, дав свое согласие, и была довольна тем, что их семья должна была породниться с нашей. С той поры, как князь привык к мысли о том, что может быть счастлив только в браке со мною, он, получив от меня разрешение поговорить об этом с моими родными, поручил князю Голицыну в первую же свою поездку в Петергоф просить моей руки у дяди и отца, уговорив их хранить сделанные предложения в тайне до возвращения его из Москвы, куда он отправился, дабы испросить у своей матери разрешения и благословения на наш брак.

Между тем однажды, еще до отъезда князя в Москву, ее величество приехала в итальянскую оперу, в свою зарешеченную ложу, которая располагалась рядом с нашей; ее сопровождали только мой дядя и г-н Шувалов, и поелику императрица намеревалась после оперы ехать ужинать к моему дяде, я осталась дома, дабы все приуготовить к приему императрицы, в то время как князь Дашков находился у нас. По своем прибытии императрица как настоящая крестная мать с большой добротой отнеслась ко мне и к моему жениху; позвав нас обоих в соседнюю комнату, она сказала, что знает о нашей тайне, и затем, похвалив князя за предупредительность по отношению к матери и сыновнее повиновение, пожелала нам всевозможного счастья, заверив при этом, что не перестанет принимать самое горячее участие в нашей судьбе; в довершение всего императрица сказала князю, что отдаст повеление фельдмаршалу графу Бутурлину²⁸ предоставить ему полугодовой отпуск для предполагавшейся поездки. Доброта, очаровательная нежность, кои ее величество соблаговолили нам выказать, тронули меня до таковой степени, что душевное мое волнение,

будучи слишком явным и сильным, могло сказаться на моем самочувствии. Императрица слегка потрепала меня по плечу, поцеловала в щеку и сказала: «Успокойтесь, дитя мое; а иначе подумают, что я вас бранила». Никогда не забуду я сию сцену, еще сильнее привязавшую меня к государыне, сердце коей было сама доброта.

Когда князь возвратился из Москвы, он представился моей семье, и только до крайности серьезная и опасная болезнь моей тетушки, супруги канцлера империи, заставила отложить нашу свадьбу до февраля, но затем возобновление горячки вновь оставило мою тетушку в постели. Вследствие сего венчание прошло без какого-либо блеска, и только в начале мая, когда вся семья успокоилась насчет здоровья моей тетки, мы смогли уехать в Москву. С этого времени для меня открылся новый мир, новое жизненное поприще, перед коим я робела тем более, что не находила в нем никакого сходства с тем, к чему привыкла. По-русски я говорила в то время изрядно плохо, а моя свекровь никакого иного языка не знала: от сего для меня возникали немалые затруднения. Родственники свекрови по большей части были людьми преклонного возраста, и хотя были они весьма снисходительны ко мне (поелику все они нежно любили моего мужа и горячо желали, чтобы он женился, ибо был последним в роду Дашковых²⁹), однако я чувствовала, что все они желали видеть во мне москвичку, меж тем как я казалась им чужестранкой.

Я решила заняться моим родным языком и вскоре в этом весьма преуспела, получив одобрение со стороны почтенных моих родственников, по отношению к коим в течение всей их жизни я продолжала иметь нежное попечение и оказывала им всяческое уважение; они же со своей стороны платили мне верной и искренней дружбой даже по кончине моего мужа, когда наши родственные узы любому другому, коему так же, как и мне, минуло двадцать лет, могли бы показаться потерявшими всякий смысл.

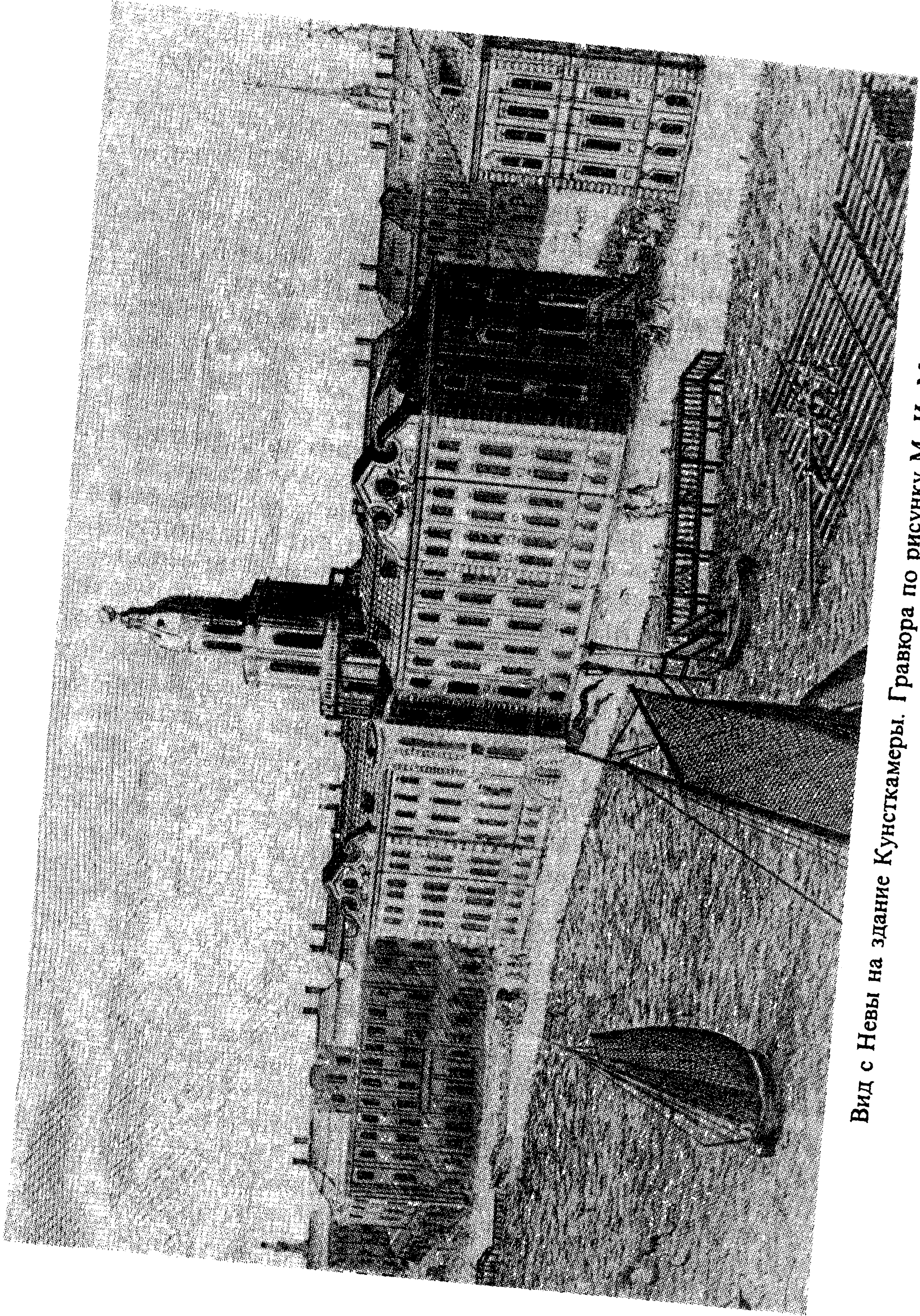
На следующий год 21 февраля у меня родилась дочь; а в мае мы вместе со свекровью отправились в Троицкое.³⁰ В обществе моего клавесина и библиотеки время пролетало быстро...

Е. Р. ДАШКОВА КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

**Письмо Е. Р. Дашковой Екатерине II
при назначении ее директором Академии наук
[не позднее 24 января 1783 г.]**

Государыня!

Позвольте повергнуть к стопам вашего величества уверения в моей живой признательности за лестное обо мне мнение, милостиво выраженное во вчерашнем разговоре, и вместе с тем еще раз, со всевозможною покорностью вашей воле, выразить справедливые опасения относительно моей непригодности. Вы имеете надо мною, государыня, такие права, из коих некоторые, может быть, вам самим неизвестны; приведу на теперешний случай одно из них. Вашему величеству я обязана за ту особенность нервов или характера, которая, может быть, и доставила мне неоценимое счастье пользоваться вашим уважением; ибо не что иное, как восторженность к вашей особе, с самого, можно сказать, моего детства увлекала меня на служение Отечеству и вам. Но, государыня, способности мои слабее моей ревности, и если ваше величество окончательно решили то, о чем я от вас слышала, то умоляю наставлять и руководить меня, оказывать мне снисходительность и не обидеть меня предположением, будто бы я добиваюсь этого почетного места, по-моему, несовместимого с моим полом. Но тут, как и во всю мою жизнь, я полагаю мою славу в повиновении вам и в изъявлении почтительной преданности и безграничной приверженности, с коими честь имею быть
вашего величества всепреданная и всепокорная
княгиня Дашкова
[не позднее 24 января 1783 г.]

Вид с Невы на здание Кунсткамеры. Гравюра по рисунку М. И. Махаева.

**Протокол заседания Конференции Академии наук
о вступлении Е. Р. Дашковой в должность директора
30 января 1783 г.**

30 января 1783 г. Понедельник. Под председательством ее превосходительства госпожи княгини Дашковой, статс-дамы и кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины. Присутствовали: господин барон фон Аш,¹ почетный член. Господа академики Эйлер-старший,² фон Штелин,³ Котельников,⁴ Румовский,⁵ Вольф,⁶ Паллас,⁷ Протасов,⁸ Лепехин,⁹ Крафт,¹⁰ Лексель,¹¹ господа адъюнкты Георги,¹² Фусс,¹³ Головин,¹⁴ Зуев,¹⁵ Гакман.¹⁶ Секретарь И. А. Эйлер,¹⁷ академик.

1. Госпожа княгиня вступила в должность директора и открыла заседание нижеследующей речью:

Смею заверить вас, господа, что выбор, каковой ее императорское величество сделали в моем лице, возложив на меня председательство в здешнем собрании, для меня бесконечная честь, и я прошу верить, что сие отнюдь не пустые слова, но чувство, коим я глубоко тронута. Готова согласиться с тем, что уступаю просвещенностию и способностями моим предшественникам на этом посту, но не уступлю никому из них в том прямоту собственного достоинства, которое всегда будет мне внушать обязанность отдавать должное вашим, господа, талантам. Далекая от того, чтоб приписывать себе ваши заслуги, вменяю себе в обязанность уведомлять ее величество о заслугах каждого из вас в особенности и о пользе, каковую весь состав Академии принесет на благо ее империи. Сие составляет единственное преимущество, которое я могу вам обещать при сем моем назначении; но так как это будет исключительно в заботе о ваших интересах, то и надеюсь я, что моя деятельность, основанная на этом принципе, сумеет возродить среди вас, господа, соревнование, которое каждый из вас, работая ради собственной своей славы, не пожалеет ни сил, ни трудов и что, наконец, благодаря соединенному нашему попечению, науки не будут отныне бесплодно пребывать на здешней почве; но, прижившись, оные пустят глубокие корни и будут процветать, находясь под покровительством великой монархини, почитающей науки. Позвольте, господа, свидетельствуя вам глубокое уважение, уверить вас, что стану прилагать, насколько то окажется в

моих силах, неизменное усердие к вящей славе сего сообщества.

2. Секретарь (И. А. Эйлер. — Г. С.) ответил на это в следующих выражениях:

Сударыня, чувства, кои ваше превосходительство только что выразили на торжественном сем заседании, преисполняют нас восхищением и одушевляют живейшей признательностью; чувства сии служат предвещением счастливого для сей Академии будущего и побуждают нас приложить все наши усилия с тем, чтобы снискать отличие на том поприще, которое избрал для себя каждый из нас. Испытывая таковое намерение, просим вас, сударыня, принести к подножию престола нашу наипочтительную благодарность и благоволить передать ее величеству, нашей всемилостивейшей покровительнице, наши горячие пожелания продолжения ее царствования и сохранения в целости ее императорского дома.

Затем он представил присланный из Королевского общества наук в Гёттингене IV том его ученых записок, которые он публикует под названием: *Commentationes societatis regiae scientiarum Gottingensis per annum 1781*. Это издание будет передано в Академическую библиотеку, и секретарю будет поручено направить по адресу вышеуказанного общества благодарность от лица Академии.

Объявляя заседание закрытым, ее превосходительство княгиня предложила принять в число членов-корреспондентов двух ученых:

1) доктора Вильяма Робертсона, ректора Эдинбургского университета и королевского шотландского историографа;

2) доктора Джозефа Блэка,¹⁸ профессора химии Эдинбургского университета.

Поелику известность обоих ученых несумнительна, то господа академики и адъюнкты единогласно высказались одобрительно относительно обеих кандидатур без какой-либо баллотировки. Госпожа княгиня и директор Академии наук поручила по этому случаю секретарю распорядиться послать соответствующие дипломы новоизбранным.

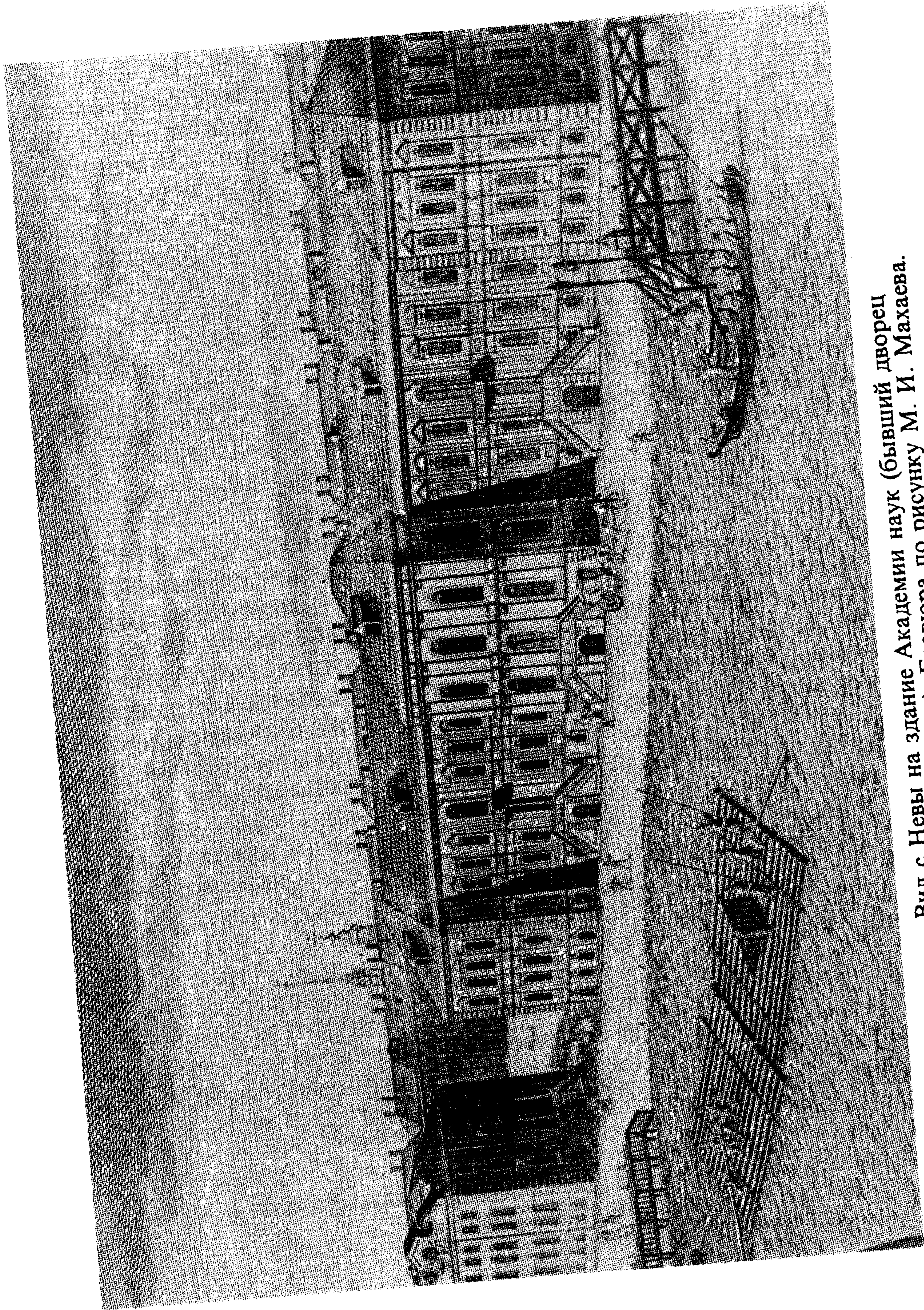
Письмо А. А. Безбородко¹
об отчетах по экономической сумме
Академии наук [апрель 1783 г.]

Государь мой, Александр Андреевич!

Повиновение и усердие, с коим я всегда ее величества повеления исполняю, по включенной записке в ее ко мне вчерашней цидулке, я не оставила еще вчерась истребовать сведения, кому от Домашнева,² для сочинения и переводу, оные были розданы. Но как я и духом и телом так растерзана, что сама писать ее величеству не в состоянии, то прошу государыне донести, что одна География Гакманом по-немецки окончена будет³ и в субботу привезу с собою, перевод же другой здесь приобщаю, который очень неправилен, для того что в Академии не остался ни один способный для переводу, и уже другой год, как профессора некоторые, из милости к переводчикам, их переводы переправляли. Je succombe sous la douleur mortelle de craindre, que l'Imperatrice prendra en mauvaise part la très humble prière, que je veux lui présenter Dimanche, de me permettre de quitter l'Académie. Je ne puis croire un instant, que si mon idée même était fausse, mais que je fus persuadée, que j'aurai laissé dégrader ma place et l'Académie contre l'expresse volonté de Sa Majesté, car l'Ukase, sur lequel le Prince Wiasemsky se fonde, nommément dit* «исключая училища», а Академия — старейшее училище и по Регламенту⁴ своему состоит из университета и гимназии. Je dis, que je ne crois pas, que l'Impératrice voulût, que je sois mécontente de moi même, et que j'aie le coeur navré.** Что ж касается до указа, который ваше превосходительство упоминаете в своем письме, то оный от 24 января, а назначение мое от 23 января, и в оном об экономической не упоминается, а сказано, чтоб я поступала по Регламенту нашему, то дело и не состоит в какой-либо отмене указа, или не нового чего прошу, а прошу

* Я изнемогаю до смерти от горя, опасаясь, что императрица воспримет с дурной стороны нижайшую просьбу, которую я хочу представить ей в воскресенье, позволить мне покинуть Академию. Я не могу поверить ни на мгновение, что если моя идея даже была ложна, но что я была убеждена, что я позволю унижить мое место и Академию вопреки решительному намерению ее величества, так как указ, на котором князь Вяземский основывается, говорит именно... (фр.).

** Скажу, что я не думаю, чтобы императрица хотела, чтобы я была недовольна сама собою и чтобы мое сердце было сокрушено (фр.).

Вид с Невы на здание Академии наук (бывший дворец
Прасковьи Федоровны). Гравюра по рисунку М. И. Махаева.

только, чтоб не лишали Академии ее привилегии и не отказывали бы ей того, что университет упорным ответом себе достал и что самые последние училища, сим же 1780 года указом, получили. А как в нем глухо сказано «Училища», то не знаю, как Академия, при коей два училища существуют и адъюнктов и студентов имеет, может исключена быть из училищ. Когда вы себе вообразите беспредельную мою к ее величеству приверженность, понятие мое о должности звания, то вы, надеюсь, содрогнетесь, вообразя себе, какое я страдание должна чувствовать, без всякого личного на то резону. Персонально я много снести могу, места же публичного никакого унижить и помарать собою согласиться не могу. Здесь включаю письмо от брата. Пребываю навсегда с усердием

вашего превосходительства
готовая служница
княгиня Дашкова.

Р. С. Указом от 24 октября 1780 г. повелевается исключить из Управления государственного Казначейства находящиеся в России училища. В указе от 24 января сего года об отсылке куда-либо счетов по экономической сумме на ревизию ничего не сказано, а велено поступать по академическому Регламенту. В Регламенте же сказано, чтобы академическая сумма оставалась в распоряжении Академии директора. Московский университет счетов никаких никуда не отсылает, хотя Сенат того и требовал, но он сослался на указ 1780 г. Г. Домашнев и все Академии директора по экономической сумме счетов никуда не отсылали по тем же причинам. Школы также сим правом пользуются.

Академия наук есть главнейшее училище, в котором не только студенты и ученики казенные, но и вольные обучаются, следовательно, и долженствует она пользоваться сим же правом. Что же касается до статной суммы, то по оной Академия посылает счета ежемесячно на ревизию в Экспедицию, при Сенате учрежденную, а по экономической сумме хранит все счета у себя, в канцелярском Архиве.

[апрель 1783 г.]

**Письмо Екатерине II
о привилегиях для Академии наук
[апрель 1783 г.]**

Ваше величество!

Я узнала от графа Безбородька,¹ что сущность решения вашего величества, может быть, не будет основана на указе 1780 года, по которому все училища изъяты от поверки счетов. Князь Вяземский,² вероятно, не включил Московский университет в число училищ и потому потребовал у него отчета в счетах. Университет ответил, что хотя и не имел прежде положительной привилегии, но считает таковою вышеприведенный указ и потому счетов своих на поверку не пошлет. Академию же можно считать университетом, гимназией и даже художническим училищем. На этом основании я могла бы дать подобный ответ и, следовательно, иметь одинаковый с университетом успех; но, глубоко уверенная в справедливости и ясности взгляда вашего величества, я не посмела ни отвечать, ни сопротивляться, а прибегла только к нашей милостивой государыне, и ваше величество были настолько снисходительны, что совершенно меня успокоили. Позвольте же мне на коленях просить ваше величество о следующем: прочесть прилагаемую выписку и вполне меня успокоить решением, согласным с вашим великим умом и справедливостью. Ваше величество не захочет удручать сердце, которое так глубоко вам предано, в котором образ вашего величества живет, осененный чувством удивления и, могу сказать, безграничной любви.

Ценою крови я желала бы, чтобы ваше величество лучше его знали и чтобы между мною и обожаемою государынею был бы только цвет самых отрадных отношений; глубоко проникнутой чувством благодарности к милостям вашего величества, мне осталось бы только благословлять ваши дни и небо за возможность жить под вашим владычеством. Снизойдите, ваше величество, на мою просьбу. Такая милость придаст мне новые силы. С истинным уважением и нерушимую привязанностию честь имею быть

вашего величества
всепокорная и всепреданная
княгиня Дашкова.

Воскресенье, вечером.
[апрель 1783 г.]

**Письмо А. А. Безбородко об отчетах Академии наук
[апрель 1783 г.]**

Милостивый государь!

Мне будет прискорбно, я буду чувствовать себя несчастливою, если навлеку на себя гнев обожаемой мною государыни; но я предпочту смерть бесчестию моего места и уничтожению заведения столь благородного, столь полезного, какова Академия, которая, несмотря на препятствия и невзгоды, поддерживается уже более 50 лет. Если бы я на это согласилась, то сама государыня не стала бы меня уважать. Я пишу вам теперь, чтобы по возможности предупредить удар и вместе попросить вас прочесть бумагу, которую я представила ее величеству. Вспомните, умоляю вас, что вы сами два раза сказали мне, что нет никакой нужды давать отчета в хозяйственной сумме, которой последняя копейка составлена нами; вспомните о положении Академии; подумайте, что ни от одного директора не требовалось отчета в таких счетах, и наконец, что в указе, на котором основывается Вяземский, выключены все гимназии. По какой роковой необходимости Академия, самая древняя из гимназий, владевшая уже льготою бесконтрольности счетов, лишается такого права, между тем как оно присвоено Московскому университету на основании вышеприведенного указа и даже посредством насмешки, что вы ясно увидите из письма князя Вяземского? Сенат тоже получил право не посылать счетов на поверку. Я также могла бы ответить князю Вяземскому, но из скромности, из уважения к воле государыни я хотела подчиниться ее взгляду и справедливости, и ее величество успокоило меня самым милостивым обещанием, когда я изложила весь ход дела. Я не могу поверить, чтобы государыня желала меня унижить в собственных моих глазах, и надеюсь, что вы изволите показать ее величеству письмо, которое я написала. Странна логика решения Сената (который, сказать между прочим, таким поступком наводит меня на такой же отказ). Если вы представите также сделанные мною замечания на русском языке, то я убеждена, что ее величество не захочет, чтобы при директоре, избранном ею самою, Академия потерпела самый чувствительный, самый разрушительный урон.

Если бы она могла видеть теперь, в каком нахожусь я огорчении. Если она рассудит, что я не защищаю никакого личного, до меня одной касающегося интереса, то уверена,

что ее великая душа будет сочувствовать моему горю. Как статс-дама, как существо, вполне и так давно ей преданное, судя, наконец, по милостям, которые она мне оказывала, мне можно было наслаждаться покойною и счастливою жизнью; но ее величеству угодно было поручить мне управление Академиею, и вот на меня сыплются придирки, я рискую обеспокоить государыню, могу даже провиниться; мне не предстоит никакой выгоды или награды, кроме разве исполнения воли ее величества. Я бы скорее желала, чтобы государыня не почтила меня такою должностию; одним словом, если, к несчастью моему и всей Академии, образ мыслей ее величества изменился с того времени, когда я имела счастье говорить об этом деле государыне, я вас умоляю — прочитайте указ; у меня будет по крайней мере одно утешение — подать в отставку до издания нового указа. Вот почему я вынуждена, милостивый государь, просить вас дать мне, с моим посланным, некоторые объяснения: я буду ожидать их с таким нетерпением, которого вы себе и вообразить не можете. Не знаю, прочтете ли вы мое письмо: я почти не в состоянии писать. Надеюсь, вы меня извините. Прошу вас быть уверенным в том уважении, с которым я имею честь быть

вашей всепокорной
княгиня Дашкова.

P. S. Если ее величество отдаст должную справедливость Академии и директору, тогда мне незачем будет беспокоить государыню, я освобожусь от преследований, которым не были подвержены мои предшественники, и тогда, как я уже сказала ее величеству, между нами будет только цвет самых отрадных отношений, труд будет для меня удовольствием, и, может быть, я не обману тех ожиданий, которые государыня так ясно обнаружила, избрав меня директором Академии.

Суббота, полночь.
[апрель 1783 г.]

**Письмо А. А. Безбородко о текущих делах
[не позднее 7 мая 1783 г.]**

Государь мой, Александр Андреевич!

Письмо вашего превосходительства имела честь получить, из которого я вижу, что пример университета и всех школ не служит для Академии наук, хотя она — знатнейшее и старшее училище, почему я и отношу сие к персональному мне несчастью, и что указ, на который князь Вяземский ссылается, исключая именно училища, в сем случае иначе толкуется. То я сквозь слезы, сквозь умерщвление от страдания, что государыню, которую так давно привыкла обожать, может быть, на неудовольствие против себя подвигну, села писать письмо просительное к ее величеству о увольнении меня от Академии, кое я, за завтрашним советом, до вторника, то есть опосле завтра, отложу иметь честь подать. Я сим должна Академии и себе, и великая душа нашей монархини со временем воззрит, может быть, что я сию жертву считала необходимою, чтоб сохранить ее неоцененную эстиму. Впрочем, пребываю с усердием
вашего превосходительства
готовая услужница
княгиня Дашкова.

[не позднее 7 мая 1783 г.]

**Рапорт Екатерине II
о расходах экономической суммы Академии наук
1 июня 1783 г.**

Всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской,

Академии наук от директора и кавалера княгини Дашковой

всеподданнейший рапорт.

В силу высочайшего вашего императорского величества указа, от 7 числа минувшего мая месяца,¹ имею честь всеподданнейше поднести вашему императорскому величеству о состоянии экономической Академии наук суммы краткую ведомость.

Директор княгиня Дашкова.

Июня 1 дня,
1783 года.

1

Ведомость

сколько заплачено от Академии наук денег за резьбу эстампов на печатание книг для комнаты ее императорского величества и кабинета, тако ж и за дело разных вещей для их императорских высочеств, государей и великих князей, Александра Павловича² и Константина Павловича,³ по приказанию бывшего господина директора Домашнева.

В комнату ее императорского величества:

в 1779 г. за вырезание 12 эстампов, представляющих бывшую в 1770 г. по	
1780 Царскосельской дороге иллюминацию, с употребленными к тому полированными медными досками, рисунками, и на проезд в Царское Село, для снятия оной иллюминации видов	1197 р.

В комнату его императорского высочества, Александра Павловича:

за выписанные и здесь сделанные разные забавные вещи	144 р. 60 к.
	<u>Итого 1341 р. 60 к.</u>

В 1780.

В комнату ее императорского величества:

за дело живописных рисунков механических вещей и в награждение мастерам за их успешные работы	344 75
В 1779, 1780, 1781, 1782. За вырезание в книгу «Начального гражданского учения» ⁴ на 37 досках эстампов	824 75

В комнату его императорского высочества, Александра Павловича:

за дело разных забавных вещей, то есть одного печатного станка, ветряной мельницы и выписанные из-за моря физические инструменты	347 81
	<u>Итого 1517 р. 31 к.</u>

В 1781 г.

В комнату ее императорского величества:
за исправление порученных от бывшего Академии господина директора разным людям некоторых работ 140
За напечатание и переплет книги «Сказки о царевице Хлоре»⁵ 112 55

В комнату их императорских высочеств, великих князей Александра Павловича и Константина Павловича:

за покупные кости под азбучные литеры и сделанные разные увеселительные фигуры, т. е. горы, артиллеристов, тавлеек, глобус, пушечки и проч. 793 50
Итого 1046 р. 5 к.

В 1782 г.

В комнату ее императорского величества:
за купленное серебро для делания меридиана, за отвоз призмы в Царское Село, за два глобуса, за подклейку разных карт 466 50
За напечатание и переплет «Российской азбуки, Разговора и Рассказов,⁶ Записок части 1, Российских пословиц, продолжения Начального учения, Проповедей» 1193 7
За выписанный по подписки один экземпляр «Невтоновых сочинений» 26 66³/₄
За взятый из библиотеки один экземпляр под названием «Изображение одежд всех народов, обретающихся в Российской империи».⁷ 22 50

В комнату их императорских высочеств, великих князей Александра Павловича и Константина Павловича:

за дело ландкарт пяти колонн архитектуры и прочих забавных вещей, за вырезание фигур разным городам и прописей 587 15
Итого 2295 р. 88³/₄

Неизвестный художник. Портрет Е. Р. Дашковой.

В комнату его императорского высочества, государя цесаревича и великого князя Павла Петровича:

1779 г. за вырезание двух билетов	12
1776 г. за выписание по подписке одного экземпляра «Невтоновых сочинений»	26 66 ³ / ₄
	<u>Итого 38 р. 66³/₄</u>

В Кабинет ее императорского величества:

В 1783 г. за напечатание книг «Танцин Гуруни Ухери Коли, ⁸ Учреждения для призрения бедных прихожан церкви Св. Сульпиция, ⁹ российск. Коммерции тома I 2-й книги»	2948 99 ¹ / ₄
Всего с 1779 по март месяц 1783 г. получить должно	9188 р. 50 ³ / ₄
В число сей суммы получено в уплату из Кабинета ее императорского величества, по счету бывшего господина директора, прошлого 782 года, декабря 1 дня, но за что именно, о том не объявлено	1122 15
За тем осталось получить	8066 35 ³ / ₄

2

Ведомость

Императорской Академии наук о экономической сумме, учиненная июня 1 дня, 1783 года:

Налицо, при вступлении моем в Академию, было мною собрано	4027 34 ¹ / ₂
Должных Академии из разных мест	11 431 2 ¹ / ₄
Из книжной лавки за проданные в прошлом 1782 году книги и ландкарты	6801 91 ¹ / ₂
Приращения сделано	15 257 57 ¹ / ₄
Всего в приход вступило	37 517 85 ¹ / ₂

В расходе:

Долгов за прошлые года заплатила	8660 92
На жалованье и на награждения служащим при Академии сверх штата людям	3307 34

На разные починки	490 60
На гимназистов и на покупку книг	1271 35 ¹ / ₂
На книжную типографию	2681 70
На мелочные расходы	222 74
	<hr/>
Итого в расходе	16 634 р. 65 ¹ / ₂
Затем в остатке июня 1 числа 1783 года	20 883 20

Директор княгиня Дашкова.

**Доклад Екатерине II
об учреждении Российской Академии.
Август 1783 г.**

Вследствие высочайшей вашего императорского величества воли имею счастье представить краткое начертание Российской Академии.

Никогда не были столько нужны для других народов обогащение и чистота языка, сколь стали оные необходимы для нас. Несмотря на настоящее богатство, красоту и силу языка российского, нам нужны новые слова, вразумительное и сильное оных употребление, для изображения всех и каждому чувствований благодарности за монаршие благодеяния, толико же доселе неведомые, сколь неисчетные для начертания оных на вечные времена, с тою же силою, как они в сердцах наших, и с тою красотою, как ощущаемы оные в счастливый век Второй Екатерины.

Если сие краткое первоначальное начертание, представленное исполнением своим веку Второй Екатерины, как и другие многие бессмертную славу заслуживающие учреждения, удостоится высочайшей апробации, то осмеливаюсь всеподданнейше испросить, для произведения оного в действие, вашего императорского величества всемилоостивейшего указа.

Краткое начертание императорской Российской Академии

1. Императорская Российская Академия состоять имеет единственно под покровительством ее императорского величества.

2. Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение россий-

ского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение.

3. К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворения.

4. Как такового рода книги не могут сочинены быть одним человеком, то и нужно общество. Учреждения таких добровольных обществ до сего времени, частью или по недостатку времени, или по несогласию членов никогда существовать не могли; а посему и должны члены императорской Российской Академии, по примеру других европейских Академий, зависеть от вышней власти, утверждающей существование и распространению оной способствующей.

5. Число членов императорской Российской Академии долженствует быть определенное.

6. Кажется, 60 человек к составлению Российской императорской Академии весьма достаточно, в числе которых должно иметь двух непременных секретарей.

7. Должность двух непременных секретарей состоит в сочинении протоколов и в хранении оных, также и в хранении рукописных подлинников. Сверх же того имеют они как почести, так и голос, равные с прочими членами Академии.

8. Кроме членов имеет быть председатель, имеющий и почести и голос, равные каждому члену, кроме председательства.

9. Собраниям быть каждую неделю один раз, а по окончании каждого да дастся присутствующему члену жетон. А признанные по большинству баллов отличившимися трудом и пользою имеют получить по окончании года в собрании, празднуемом учреждении Академии, большую золотую медаль, каковою снабжает ежегодно Академию разделяющая награждения верховная власть.

10. В первое собрание долженствует быть открытие Академии.

11. Во второе собрание должно рассуждать о расположении сей Академии и сочинить обстоятельно начертание оному.

12. На первой случай выбор членов будет из известных людей, знающих российский язык, коих числом не менее 35 быть должно.

13. Прочие члены и впредь выбираются на убылые места баллотированием.

14. Убылое место иначе сделаться не может, как смертию какого-либо члена.

15. В кандидаты представляет каждый член и председатель одного.

16. В секретари предлагает председатель, а не члены, на каждое место двух кандидатов, и они избираются баллотированием же; но председатель баллов не кладет, потому что он волен избранного не признать, а предложить к баллотированию другого.

17. Жалованье производить, по мнению моему, должно: двум секретарям, каждому по 800 рублей, переводчику 500 рублей, четверем писцам, каждому по 200 рублей, одному расходчику, у которого храниться будут жетоны, деньги и расходные книги, по 300 рублей.

18. На учреждение и содержание сего нового основания как жалованьем служащих оному, так канцелярские и прочие расходы не надобно более 5000 рублей.

19. Что же касается до жетонов, на сие достаточно будет 1000 рублей ежегодно производимых. Итак годовые на императорскую Российскую Академию издержки состоять будут в 6000 рублях, кроме дома, который имеет быть казенный. Место собрания на первое время можно иметь в строениях, Академии наук принадлежащих.

августа, дня 1783 года.

**Приглашение А. А. Безбородко
на церемонию открытия Российской Академии
18 октября 1783 г.**

Государь мой, Александр Андреевич!

Вследствие высочайшего ее императорского величества указа об учреждении здесь императорской Российской Академии имеет она воспринять свое начало и надлежащим порядком открыться в будущую субботу, то есть 21 числа сего октября месяца, в одиннадцатом часу поутру, в зале императорской Академии наук. Его высокопреосвященство, Гавриил,¹ митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и сей новоучреждающейся Академии член, будет при том открытии отправлять молебственное богослужение, по обыкновенному при таковых случаях чину. Сообщая о сем вашему превосходительству, прошу вас, яко члена сей Ака-

демии, удостоить открытие оной вашим присутствием. В прочем пребываю с истинным почтением

вашему превосходительству,
государю моему,
покорною услужницею
княгиня Дашкова.

Октября 18 дня,
1783 г.

**Речь
при открытии
императорской Российской Академии,**

говоренная двора ее императорского величества статс-дамою, ордена Св. великомученицы Екатерины кавалером, оной Академии и императорской Академии наук председателем, Королевской Стокгольмской, Дублинской и Эрлангенской Академий, Вольного экономического с.-петербургского, Любителей природы берлинского и Философского филадельфийского обществ членом княгинею Екатериною Романовною ДАШКОВОЮ в 1783 году.

ГОСУДАРИ МОИ!

Новый знак попечительного о нашем просвещении промысла всеавгустейшей нашей монархини — вина настоящего нашего собрания, содеятельница толиких наших благ дает ныне новое, отличное покровительство и российскому слову, толь многих языков повелителю. Вы, государи мои, знаете цену сего монаршего к Отечеству и сему собранию дара; вам известны обширность и богатства языка нашего; на нем сильное красноречие Цицероново,¹ убедительная сладость Демосфенова,² великолепная Вергилиева³ важность, Овидиево⁴ приятное витийство и гремящая Пиндара⁵ лира не теряют своего достоинства; тончайшие философические воображения, многоразличные семейственные свойства и премены имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи; однако при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и неперменного словам знаменования. Отсюда происходили разнообразность, в сопряжении слов не свойственная, или паче речи обезображивающие язык наш речения, заимствуемые от языков иностранных; учреждени-

ем сей императорской Российской Академии предоставлено усовершенствовать и возвеличить слово наше препрославленному веку ЕКАТЕРИНЫ II, ожидающей сего совершения от нашего собрания, щедротою ее ободряемого и покровительством создаваемого.

Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах Отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцов наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнению нашим обширное поле, на коем в самые сокровенности, предводящу нам лучезарному свету всеавгустейшей нашей покровительницы, проникнуть возможем; звучные дела государей наших, знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век ЕКАТЕРИНЫ II, явит нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века; сие равномерно, как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением; сим да принесем великой монархине, матери Отечества и нашей покровительнице, первую и почтеннейшую жертву благодарения.

Позвольте мне, государи мои, быть благонадежной, что вы не сомневаетесь о истинном моем признании к той чести, кою я, по благоволению монаршему, имею с вами в сем полезном для Отечества учреждении сотовариществовать. Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием, истекающим из любви моей к любезному Отечеству, ко всему тому, что сему нашему обществу полезно быть может, и что неусыпною прилежностью буду стараться заменить недостатки моих способностей, за нужное считая прочесть при сем первом нашем заседании первоначальные начертания, кои я имела счастье представить ее императорскому величеству с тем, чтоб вы, государи мои, могли сделать свои примечания и дополнили основания нашего установления. От вашей прозорливости конечно не скроется, что доклад мой был весьма несовершенен. Я в извинение свое вам представляю 1) что привыкла с толикою доверенностью, как и благоговением беспримерной нашей монархине, коей душа сколь отлична, столь и снисходительна, повергать хотя несовершенно, но чистые намерения свои, 2) что я не имела в виду и не надеялась на себя, не льстилась такое полезное и славное учреждение быть в состоянии основать; в помощи же вашей надежду свою полагая, и тем самым желаю искренне свое к вам почтение засвидетельствовать.

**Доклад Екатерине II
о необходимости строительства нового корпуса
для Академии наук
[осень 1783 г.]**

Директор Академии наук, княгиня Дашкова, видя необходимую надобность построить при Академии новый корпус, к лучшему в нем расположению книжной лавки и магазинов для поклажи книг, под которые нанимаются на бирже амбары дорогою ценою и в коих купцам для поклажи товаров весьма нужно, также зала для преподавания лекций и, наконец, для помещения в оном корпусе разных академических служителей, живущих в ветхих деревянных, поблизости Академии, строениях, кои, для безопасности Кунсткамеры и прочих Департаментов, должно сломать, полагает, по плану архитектора Гваренга, построить таковой корпус на 47½ сажнях, между Кунсткамерою и Коллегиями, в четыре года.

А как строение сие, по сделанным разными архитекторами сметам, будет стоить 90 тысяч рублей, но не более, то директор Академии наук всеподданнейше испрашивает на сие 65 тысяч рублей, располагая на четыре года, в каждый по 16 тысяч рублей, в первый год, т. е. ныне, 17 тысяч рублей, прочие же 25 тысяч уповает приобрести от академической экономии.

И поелику в нынешнем году надобно положить сему строению основание, по крайней мере набитием свай и заготовлением прочих нужных материалов, то всеподданнейше испрашивает на первой 17 тысяч.

[осень 1783 г.]

**Письмо А. А. Безбородко
с просьбой «исходатайствовать» дом
для Российской Академии
23 октября 1783 г.**

Государь мой, Александр Андреевич!

Хотя присутствие вашего превосходительства в императорской Российской Академии и приносит ей великую честь и в рассуждении просвещения и знаний ваших великую пользу, но поелику вы и другими важнейшими делами заняты, то я и не требую, чтоб вы каждую субботу с нами

присутствовали. Но, в замену сего, прошу быть главнейшим стряпчим сей новородившейся Академии; почему при первом случае покорно прошу ваше превосходительство исходатайствовать у ее императорского величества для сего заведения дом, состоящий на Васильевском острове в 1-й линии, принадлежавший прежде Конторе экономии, а оный никаким казенным делом не занят. Пожалование сего дома Российской Академии наук, поелику зало оной не будет занимать, великую пользу сделает.

По старым счетам в Академии наук нашлись счета, что к вам отпущено на 50 р. Азбук, то прошу меня уведомить, на чей счет мне сие поставить, для комнаты ли ее величества или на собственный ваш? В прочем пребываю с совершенным почтением

вашего превосходительства,
государя моего,
готовая услужница
княгиня Дашкова.

Октября 23 дня,
1783 г.

**Письмо Н. И. Новикову¹
об оплате типографских расходов
[не позднее ноября 1783 г.]**

Государь мой Николай Иванович!

О присылке должных вами за напечатание в академической типографии на счет ваш разных книг, всего по преждепосланному к вам счету — 839 р. 11½ коп., неоднократно от Канцелярии Академии наук требовано, коих и поныне еще в присылке нет, то прошу вас покорно оные деньги как можно скорее (переслать) и для доставления сюда вручить тамошнему господину почт-директору Пестелю.² В прочем пребываю с моим почтением вашего, государя моего.

[не позднее ноября 1783 г.]

**Письмо И. И. Шувалову¹
о долгах Н. И. Новикова Академии наук
2 ноября 1783 г.**

Государь мой Иван Иванович!

Посылая при сем к вашему высокопревосходительству счет, сколько содержатель университетской типографии г. Новиков должен императорской Академии наук за разные на его счет напечатанные книги, прошу дать ему повеление о скорейшей присылке ко мне тех денег, ибо я уже многократно к нему посылала требования, но не только не получила оным удовлетворения, но даже не имела и ответа. Сие самое принуждает меня трудить сею просьбою вас, яко его начальника, и надеюсь, что вы по всегдашней вашей ко мне благосклонности не отречетесь подать мне в том нужное пособие.

В прочем пребываю с совершенным почтением
вашего высокопревосходительства,
государя моего.

Ноября 2 числа 1783 г.

**Письмо А. А. Вяземскому
об отправке трех студентов в Тобольское наместничество
13 декабря 1783 г.**

Государь мой князь Александр Алексеевич!

Известилась я, что Геролдмейстерская контора об отправлении в Тобольское наместничество из императорской Академии наук выпущенных трех студентов докладывала правительствующему Сенату; на что воспоследовало определение, чтобы та контора оных студентов не отправляла, а отправила бы сама Академия наук. Посему почитаю нужным сообщить вашему сиятельству, что я, единственно подвигнута будучи любовью к пользе Отечества, желала удовлетворить требованию Тобольского наместничества людьми достойными и к службе способными; тем паче, что о сем то наместническое правление меня просило; а как Сенату не угодно их туда отправить, и Академия к отправлению их ни способов, ни обязанности не имеет, то я, и дав сим студентам надлежащие аттестаты, из Академии по желанию их выпустила. Академической гимназии главный предмет и польза состоит в том, чтобы воспитывать и обу-

Академик Леонард Эйлер (1707—1783).

чать юношей так, чтобы некоторые из них, к высшим наукам способные, могли сделаться в Академии профессорами, а другие по знаниям и дарованиям своим могли бы быть выпускаемы к определению в гражданскую службу, за что я ожидала, что правительства некоторым образом обязанными Академии сочтутся. Сие принуждает меня просить ваше сиятельство об уведомлении меня, каким образом в таком случае с выпускаемыми студентами должно поступать, ежели какое наместничество людей от Академии просить будет; ибо отправление студентов в какое-либо наместничество не есть дело Академии, и она ни обязанности, ни способов к тому не имеет; правительствующий же Сенат, может быть, и впредь таковых выпущенных Академией питомцев к определению в отдаленное место не примет, почему главная Отечеству польза от гимназии пресечется. В прочем пребываю с совершенным почтением

вашего сиятельства,
государя моего,
покорная услужница
княгиня Дашкова.

Декабря 13 дня,
1783.

**Записка А. А. Безбородко
об Уставе и доме для Российской Академии
3 января 1784 г.**

Государь мой, Александр Андреевич!

Препровождаю при сем к вашему превосходительству Календарь и, почитая вас истинным ходатаем за Российскую Академию, покорнейше прошу не забыть постараться о доме, для той Академии обещанном. Вы мне изволили сказывать, что пожалование такового дома удобнее будет исходатайствовать при перемене губернатора; а как ныне случилось перемещение обер-полицеймейстера и губернатора, то я чрез сие об обещании вашем просьбою моею и напоминаю. Также покорно прошу постараться о высочайшей конфирмации поданного от меня ее величеству Устава Российской Академии, который совершенно сходствует с прежде конфирмованным начертанием и только, по предложению некоторых членов, распространен. Я уверена, что ваше превосходительство приложите старание ваше о поль-

зе того заведения, в коем вы сами соучаствуете и за которое вы обещали во всех случаях ходатайствовать. В прочем пребываю с совершенным почтением

вашего превосходительства,
государя моего,
покорная служница
княгиня Дашкова.

Января 3 дня,
1784 г.

**Письмо А. А. Безбородко
о размере годового жалованья директору Академии наук
[не ранее 22 января 1784 г.]**

Государь мой, Александр Андреевич!

Из приложенной при сем краткой копии с сенатского Указа ваше превосходительство ясно увидите, сколь князь Александр Алексеевич старается мне во всех случаях досаждать, и даже того и не скрывает. В 1775 году хотя и повелено было выдавать господину Домашневу по 2000 рублей годового жалованья, но некоторое время спустя ее величеству угодно было повелеть производить ему ежегодно по 3000 рублей, считая со дня его в Академию вступления. Князь Александр Алексеевич ссылается на Указ 1775 года и предложил о произвождении мне по 2000 рублей, так как будто господин Домашнев только получал сию сумму, хотя ему производилось по последнему Указу по 3000 рублей. Прошу ваше превосходительство чем-нибудь решить мои с его сиятельством дела и не допустить, чтобы он мне делал таковые досады. Я же, когда буду сим успокоена и от него освобождена, могу с успехом исправлять возложенное на меня служение и буду рада месту моему жертвовать и здоровьем, и жизнью. Князь Александр Алексеевич хотя и получил Указ ее величества о произвождении мне жалованья 2 января, но до 22-го ко мне оно не сообщал, так что ежели бы я чрез вашу копию о том не узнала, то не ведала бы и по сие время о той высочайшей ко мне милости. Ваше превосходительство чрез сие усмотрите, сколь его сиятельство старается меня оскорблять. Я вчера, в огорчении моем, послала письмо к ее императорскому величеству, обще с подлинным, вчера мною полученным из Сената Указом и копию с Указа о произ-

вождении жалованья господину Домашневу по 3000 рублей. Прошу вас все, что сего касаться может, ее величеству объяснить и притом доложить о прежде посланных к вам от меня бумагах, чем окончить изволите мое с князем Вяземским дело. При определении меня директором я бы могла испросить у ее величества какие-либо особливые выгоды, но я, повинувась ее воле, приняла сию должность единственно только с тем, чтоб быть во всем наставляемою и защищаемою ее величеством; и посему и теперь прибегаю к ее защите от сих несносных досад, чинимых мне генерал-прокурором. В прочем пребываю с совершенным почтением

вашего превосходительства,
государя моего,
покорная служница
княгиня Дашкова.

[не ранее 22 января 1784 г.]

**Прошение Екатерине II
об определении годового жалованья Е. Р. Дашковой
[не ранее 22 января 1784 г.]**

Государыня!

С свойственною вашему величеству добротой вы позволили мне прибегать к вам, когда я буду нуждаться в справедливости и покровительстве. Но я не смела беспокоить ваше величество и претерпевала в течение трех месяцев всевозможные придирки со стороны генерал-прокурора, не желая занимать вашего величества всеми невзгодами, которые я переносила.

Теперь не могу не попросить вас взглянуть на полученный мною Указ. Судя по последнему приказу, данному по случаю моего жалованья, ваше величество милостиво сказали, что я должна получить оклад, назначенный господину Домашневу, поэтому я и получила 3000 рублей, с вычетом, однако, 23 дней, которых не доставало в полном году. Князь Вяземский счел нужным не обратить внимания на Указ 1777 года и поставил меня в глазах всего моего Департамента в неловкое положение тем, что я будто по собственному произволу наделила себя более высшим окладом, нежели следовало. Осмеливаюсь сказать великой женщине, моей государыне и покровительнице, что из рвения и пре-

данности вашему величеству я сосредоточила все свои способности на исполнение обязанностей звания, в которое угодно было меня облечь вашему величеству, и потому я не могу бояться самой строгой проверки моего управления. Тем более для меня горько и оскорбительно обращение генерал-прокурора, и когда же? В царствование государыни справедливой, просвещенной, которая, против даже моего ожидания, снизошла сама до избрания меня в должность, которую я занимаю, и тем обнаружила перед всей Европой, насколько она чувствует ко мне милостивое уважение. На днях я передала графу Безбородьку письмо на имя вашего величества, прося его довести до вашего сведения о препятствиях, которые я встречаю. Смею просить ваше величество, дайте полную свободу вашему великодушию в отношении меня, и я вполне уверена, что тогда мне окажут должную справедливость и даже впредь будут защищать от проявлений не заслуженного мною гонения. Вполне уверенная в милостивом внимании, я надеюсь, что ваше величество приостановите оскорбительные неприятности, которым я подвергаюсь. Если моя преданность и любовь к вашему величеству не могут уже увеличиться, вы, по крайней мере, успокоите личность, которая вам всепреданна. Навсегда

вашего величества
всепокорная и всепреданная
княгиня Дашкова.

Понедельник, после обеда.

Р. S. На коленях прошу ваше величество извинить мое письмо; но я так взволнована, так оскорблена одним намеком о возможности присвоить себе незаслуженное жалованье, что буду считать себя несчастливою до того времени, пока ваше величество снимете с меня нареkanie, которое князь Вяземский желает на меня взвести; от волнения я решительно не знаю, что пишу. Прилагаю к сему письму копию с Указа, по которому господин Домашнев пользовался окладом в 3000 рубл.

Краткая копия с Указа

Указ ее императорского величества, самодержицы все-российской, из Правительствующего Сената Академии наук. По именному ее императорского величества Указу, объявленному господином действительным тайным советником, генерал-прокурором и кавалером, что ее император-

ское величество высочайше указать соизволила, ее сиятельству, княгине Екатерине Романовне Дашковой, по должности директора Академии наук, производить жалованье, какое предместник ее, господин Домашнев, получал, со дня назначения ее в сию должность. Правительствующий Сенат приказали: как именным ее величества Указом, объявленным 18 августа 1775 года, господином действительным тайным советником, генерал-прокурором и кавалером, повелено господину Домашневу производить жалованье по 2000 р. из отпускаемой в Академию статной суммы, то из сего оклада помянутой госпоже княгине Дашковой с состояния, от 24 января 1783 году, Указу о препоручении ей дирекции над Академиею, по январь 1784, причитается к выдаче 1872 р. 21 коп., и для того, как о выдаче сей суммы, так и впредь о произвождении ей, повелено сим ее императорского величества Указом, из той же самой суммы, и прочее.

[не ранее 22 января 1784 г.]

**Доклад Екатерине II
о повышении в чинах В. А. Ушакова и О. П. Козодавлева
[январь 1784 г.]**

Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне, императрице и самодержице всероссийской всеподданнейший доклад.

Соревнуя долгу служения, всемилостивейше от вашего императорского величества на меня возложенного, и усердствуя воздавать справедливость отличным способностям и рачению к службе вашей, осмеливаюсь испрашивать повышения чинов определенным мне в помощь советникам, подполковнику Василью Ушакову¹ и надворному советнику Осипу Козодавлеву.² Оба они, отлича себя под моим руководством в разных, к пользе и чести Академии служащих распоряжениях и усердствуя более и более восстанавливать во всем желаемый мною порядок, сугубо сию награду, как по прежней, так и по нынешней службе, заслуживают, тем паче, что я с великим удовольствием признаюсь, что они мне радением своим весьма много способствовали в тех малых успехах, кои теперь в течении дел академических ощутительны.

Подполковник Василий Ушаков произведен по армии в нынешний чин в 1779 году, потом именным вашего императорского величества, от 3 апреля 1781 года, Указом определен в здешний Ассигнационный банк директором и из военной службы Коллегией военной исключен, но без надлежащего по сей службе военным чином повышения; напоследок высочайшим вашего императорского величества Указом переведен он из Банка в Академию наук в советники, без повышения же. А как между тем многие из сверстников его по военной службе давно уже находятся при разных должностях полковниками, то и он, Ушаков, по добропорядочному и всегда усерднейшему своему служению ласкает себя надеждою, что, в сравнении с оными и поколику он выключен из военной службы без надлежащего повышения, всемилостивейше будет награжден военным полковничьим чином.

Надворный советник Осип Козодавлев служил в настоящем чине с 1778 года июня с 21 числа по 18 декабря 1781 года в 4-м Сената Департаменте экзекутором, потом определен в с.-петербургскую Гражданскую палату советником зауряд с тем же чином, хотя не только сверстники его, но и те, кои гораздо моложе, даже и ассессоры, произведены коллежскими советниками. Он, оказывая неутомимое старание в исправлении своей должности, воззывает усердием своим, равно как и товарищ его, мою признательность к отданию им, пред лицом вашего императорского величества, всей справедливости.

Оба сии советники никогда в отставках не были и во всех местах продолжали службу свою усердно и беспорочно, с достодолжною от начальников своих похвалою, перемещением же в Академию наук они ни жалованья, ни других каких-либо выгод не выиграли, поелику дел и труда весьма много и более, нежели в прежних их местах, а паче при начале отправления нынешней их должности.

Всемилоостивейшая государыня! Всеподданнейше прошу ваше императорское величество на помянутое производство всемилоостивейшего Указа.

Всеподданнейшая раба
княгиня Дашкова.

[январь 1784 г.]

**Прошение Екатерине II
о повышении в чинах
членов и сотрудников Академии наук
Январь 1784 г.**

Ваше величество!

Честь имею представить вашему величеству список лиц, служащих в Академии наук, собственно тех, которые и службою, и достоинствами стоят повышения. Смею просить о такой милостивой награде. Вашему величеству превосходно известно, что никакая общественная служба не может обойтись без соревнования и отличия. А так как все представляемые лица, несмотря на свои обычные занятия, много трудились в продолжение целого этого года для приведения дел Академии в лучший порядок, то я и обязана, по справедливости, представить их вашему величеству к награде.

Во всяком случае, честь имею быть с истинным уважением и нерушимою привязанностью

вашего величества
всепокорная и всепреданная
княгиня Дашкова.

Января, 1784 года.

За добропорядочное и рачительное отправление должности при императорской Академии наук представляются к награждению чинами:

секунд-майор и казначей Михайло Рябов¹ в надворные советники, в нынешнем его чине состоит с 1782 года мая 11 дня.

В надворные ж советники по прежним примерам: профессор Петр Иноходцов² и профессор Николай Озерцовский.³

В коллежские ассессоры по прежним примерам: адъюнкты: Михайло Головин, Василий Зуев, Никита Соколов.⁴

В титулярные советники:

архитектор Михайло Павлов,⁵ в нынешнем чине губернского секретаря с 1778 года.

Губернский секретарь Семен Бухвостов,⁶ в нынешнем чине с 1778 года.

Коллежский переводчик Федор Черный,⁷ в нынешнем чине с 1778 года.

В коллежские секретари:

правлящий секретарскую должность, адъютант чина подпоручичья Петр Волков,⁸ на порозжую вакансию, в нынешнем чине с 1782 года.

Бухгалтер Иван Кирилов,⁹ в нынешнем чине с 1773 г.

В губернские секретари:

правлящий экзекуторскую должность прапорщик Осип Шерпинский,¹⁰ из польских шляхтичей, в нынешнем чине с 1779 года.

Актуариус Петр Шипунов,¹¹ в нынешнем чине с 1781 г.

Из академических переводчиков в переводчики трех первых Коллегий: Федор Бардевик.¹²

Переводчик же Степан Петров¹³ в коллежские переводчики.

Директор Княгиня Дашкова.

**Доклад Екатерине II
об организации публичных лекций в Академии наук
25 марта 1784 г.**

Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне, императрице и самодержице всероссийской, всеподданнейший доклад.

Со времени вступления моего во всемилостивейше возложенную на меня вашим императорским величеством должность по Академии наук усердствовала я сделать всевозможное ее экономической казне приращение и, возвыся оную за всеми по Департаментам Академии расходами до знатной суммы, поставляю долгом обратить сие приращение в сущую для Отечества пользу, соответствующую материнскому вашему о благе нашем попечению.

А как чтение лекций на российском языке не только для студентов и гимназических учеников, но и для всех посторонних слушателей, кои допускаемы будут, кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится, то испрашиваю всемилостивейшего вашего императорского величества повеления на от-

дачу из оной суммы тридцати тысяч рублей в вечный капитал с тем, чтобы из процентной прибыли производить четверым русским профессорам, за чтение таковых лекций на российском языке, сверх настоящего их жалованья, по триста по семидесяти пяти рублей, что и учинит тысячу пятьсот рублей процентов с тридцати тысяч. Если же из тех профессоров который, за болезнью и либо за чем-нибудь, тех лекций читать не будет, то следующая на его часть сумма обратится в приращение к оному же капиталу. Лекции сии будут математические, физические, минералогические и химические.

О сем прошу все милостивейшего вашего императорского величества Указа.

Всеподданнейшая раба
княгиня Дашкова.

Марта 25 дня,
1784 года.

**Из распоряжений по Канцелярии Академии наук
за 1784 г.**

17 февраля, суббота.

Ее сиятельство Академии наук директор и кавалер княгиня Екатерина Романовна Дашкова записать приказала следующее:

Хотя, кажется, и невозможно полагать, чтоб подчиненные, находящиеся при каком-либо месте, могли располагать временем своим по произволу, без дозволения на то от начальства, и не дав о том знать тому месту, в котором они определенными находятся, тем менее еще терпимо, чтоб подчиненные совсем не уважали своими должностями; но адъюнкту императорской Академии наук Василий Зуев поведением своим сие точно показал на деле¹ и, невзирая на все ему сделанные наставления, в том не поправился, забыв все излианные Академиею на него благодеяния, забыв, что он еще обязан удовлетворить оную за нелепую свою цареградскую экспедицию,² ибо, возвратясь уже два года назад, он своих поденных записок не привел еще в порядок, и посредством только многократных выговоров достала Академия от него некоторое число неисправных тетрадей. Из сего ясно видеть можно, что он нимало не старается быть Академии полезным, и как она без него

может обойтись, то для утверждения порядка и законами установленного повиновения Академии наук директор, по должности и власти, изображенной в академическом Регламенте, *хотя с сожалением, но для примеру другим* (набранное курсивом вставлено в текст рукой Дашковой. — Г. С.) приказала помянутого адъюнкта Зуева из академической службы исключить и сие, записав в журнал, ему объявить. Сие будет служить примером тем юношам, которые содержатся на счет Академии, и да отвратит он их от неблагодарности, яко от гнуснейшего в человечестве порока. О сем, куда надлежит, дать знать.

2-е. С помянутого Зуева взять обязательство и достаточное уверение, что он через два года представит Академии перевод свой того словаря, который он перевести обязался и за что уже четыре года назад пятьсот рублей получил, и что, ежели сей перевод одобрения ценсора не заслужит, то чтоб он сию сумму возвратил.

3-е. Объявить всем адъюнктам, переводчикам и всем при Академии находящимся чинам, чтобы они ни с каким другим местом не входили в какие бы то ни были обязательства, не взяв прежде на то позволения от директора, и сие да пребудет неперменным правилом. О чем и сообщить с сего во все департаменты выписки. Княгиня Дашкова.

12 марта, вторник.

Присланным Государственная военная коллегия сообщением уведомляет, что по представлению ее сиятельства Академии наук директора и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой находящийся при Академии наук поручик Демид Устинов за добропорядочную и ревностную его службу произведен капитаном, который чин ему объявлен и при помянутой Коллегии присяга учинена, а за повышение надлежащие взыскания предписано учинить с него Комиссариатской конторы; почему его Устинова и именовать в списках вышешоказанным чином.

12 марта, вторник.

Ее сиятельство Академии наук директор и кавалер княгиня Екатерина Романовна Дашкова изволила подарить колонну итальянского мрамора для зала академического, чтобы на оной покойного и славного академика Эйлера бюст поставить. До изготовления одного ту колонну иметь под сохранением в нижних сенях; о чем в Конференцию во известие сообщить.³

15 марта, пятница.

По прошению сержантской жены вдовы Акулины Ефимовой родного ее сына Павла Мартынова допустить в академическую гимназию для наставления преподаваемым в оной языкам и наукам на собственном ее Ефимовой содержании; о чем г. надворному советнику и академику Лепехину для надлежащего в сем кому надлежит приказание сообщить с сего выписку.

22 марта, пятница.

Ее сиятельство Академии наук директор и кавалер княгиня Екатерина Романовна Дашкова по представлению г. надворного советника и академика Румовского приказала находящимся при географическом департаменте ландкартным подмастерьям для поощрения их впредь к ревностнейшим трудам прибавить к нынешним окладам жалованья, а именно: Кириллу Фролову к 120 руб. 24 руб., и поелику он старший и лучший из всех, то переименовать его мастером; Ивану Кувакину и Ефиму Худякову каждому по 120 руб. по 20 руб. и Семену Максиму к 86 руб. 10 руб., которого жалованье и производить им по новым окладам с 1-го числа будущего мая месяца сего года Фролову по 144 руб.; Кувакину и Худякову по 140 руб., а Максиму по 96 руб. в год, ученика Леонтия Сергеева переименовать подмастерьем, оставя на прежнем его жалованье; о чем всем им объявить, а для ведения г. надворному советнику и академику Румовскому сообщить с сего выписку.

12 апреля, пятница.

По прошению факторского ученика Василия Кирова отпустить его для свидания с родственниками его в город Муром считая от 15-го числа впредь на 29 дней, чего ради для свободного его Кирова как в означенный город, так и обратно в Санкт-Петербург проезда дать ему письменный пропуск, а чтоб он по прошествии вышеписанного срока явился в Академию непременно, в том обязать его подпискою, о чем для ведения г. академику Протасову и фактору Григорьеву дать с сего выписки.

16 апреля, вторник.

По прошению священника Ивана Исаева находящегося в гимназии родного сына его студента Ивана Исаева за слабость его зрения для определения в действительную ее императорского величества службу в такое место, где бы он глаз не утруждал, уволить от Академии сим званием и ве-

леть г. надворному советнику и академику Лепехину, чтоб он о звании его Исаева в науках так и о поведении сообщил в Академию письменное свидетельство, сходственно с коим потом и дать ему Исаеву аттестат, и о извлечении его из числа студентов учителю Зурланду и регистратору Шалаурову выписки с сего доставить.

7 мая, вторник.

Состоящим ныне при гимназии студентам шести человекам потребное будничное летнее платье поручить Г. Шерпинскому, чрез кого надлежит, сделать и каждому по одной шляпе купить, а сколько на делание оного следовать будет денег с показанием порознь и на что именно, рапортовать.

29 мая, четверг.

Ее сиятельство Академии наук директор и кавалер княгиня Екатерина Романовна Дашкова приказать изволила книги, продаваемые при Академии наук, отпускать вольным книгопродавцам нижеследующим образом: ежели кто из них возьмет всех книг русских и иностранных по два экземпляра и потом на выбор из оных сколько похочет, таковым просителям чинить уступку 15% со 100 [руб.], и за отпускаемые книги брать половинное число наличными деньгами, а в другой половине вексель на год. Если же требовать будут на большую сумму, как-то на 1000 рублей и более, то денег наличных получать только третью часть, а в остальных до 16 месяцев сроку давать.

Иностранные книги когда потребуются на выбор, уступку делать только по 10% со ста, за которые книги получать денег половинное число наличных, а в половине оставшей год сроку давать.⁴

29 мая, четверг.

Всех печатаемых в фигурной палате карт каждого звания по одному экземпляру отпускать в академическую гимназию с расписками. Да из книжной типографии г. надворному советнику и академику Лепехину тех книг, коих он корректуры правил, каждой выдавать по одному экземпляру.

9 сентября, понедельник.

По представлению фактора Григорена, назначенных к печатанию книг, риторики и грамматики г. Ломоносова, в рассуждение, что оные весьма для общества нужны и расход на них по книжной лавке всегда бывает велик, напеча-

тать в книжной типографии каждого звания по 600 экз. на здешней комментарной бумаге.⁵

**Письмо П. С. Потемкину
о подготовке к изданию нового атласа
Российской империи
5 февраля 1786 г.**

После того как ее императорскому величеству угодно было в Империи своей ввести новое разделение и многие города вновь учредить, Академия наук, посылая в разные места обсерваторов, определила через астрономические наблюдения многих мест долготу и широту, коих точное положение прежде сего было неизвестно, и между тем, сколько могла, старалась собирать известия, служащие к изданию нового атласа Российской империи. Но собранные известия недостаточны, особливо в рассуждении положения вновь учрежденных городов и границ каждой губернии. Академия, предпринимая издание нового атласа, в виду имеет наипаче пользу общества, и как я совершенно уверена, что и ваше превосходительство не менее об оной ревнуете и, без сомнения, уже сняты карты вверенных вам наместничеств с показанием на них дорог, то покорно прошу сообщением оных споспешествовать намерению Академии. Не подумайте, чтоб труды ваши Академия себе присвоить была намерена; я смею уверить, что она за долг почтет споспешествовавшим засвидетельствовать должную благодарность и при издании каждой карты объявить, ежели будет угодно, от кого именно она получена в Академии. Между тем прошу сообщить мне для Календаря на будущий год расстояния наместнических городов от столиц, а уездных — от наместнических.

Вашего превосходительства покорная служница
княгиня Дашкова.

5 февраля 1786 г.

**Рапорт Екатерине II
о состоянии, в котором находилась
императорская Академия наук,
когда я вступила в управление ею в 1783 г.,
и в котором она находится ныне, в 1786 г.**

1

Денежные дела были чрезвычайно запутаны вследствие небрежности, с какою разграничивались так называемые штатные суммы от экономических (специальных); штатные заключали в себе деньги, отпускаемые ежегодно казной на содержание Академии; специальные суммы составлялись из денег, вырученных от продажи книг и из других сбережений. Эти суммы оказались перепутанными между собой. У Академии было несколько должников, и сама она задолжала как в России, так и за границей, не выдавала жалованья профессорам и другим чиновникам, не платила за помещение для книжного магазина, за бумагу и т. п.; вследствие того что никто из должников не платил Академии, она сама не могла ликвидировать свои долги.

Обе суммы строго разграничены.

Некоторые долги получены.

Академия уплатила все свои долги.

2

Счета комиссара Зборомирского¹ не были приведены в порядок при его жизни, а за последние два года их вовсе не существовало. После его смерти все его бумаги были опечатаны, что благоприятствовало беспорядкам и породило несправедливые взыскания с его вдовы и детей.

Бумаги рассмотрены, счета уплачены, а остаток денег передан его вдове.

3

Инспектором состоял господин Голубцов; он ничего не делал и только расписывался в получении жалованья. Он был назначен судьей в Каргополь, где тщетно ожидали его приезда; ничего не делая, он получал жалованье от Академии и занимал квартиру, нужную для других целей.

Я его уволила.

4

Заграничные шрифты для типографии были настолько стары и сбиты, что невозможно было печатать более одного тома *Комментариев*² Академии.

Я велела отлить латинский и русский шрифты; их отливают и теперь. Что касается немецких шрифтов, я выписала их из Саксонии, а также и латинские, чтобы не задерживать печатание.

5

Не было книг, необходимых для гг. академиков, а в библиотеке многие сочинения были неполны благодаря тому, что в продолжение нескольких лет не выписывались последующие томы.

Гг. академикам каждому по своей специальности поручено было составить списки нужных книг, и их берут у Вейтбрехта³ в уплату его долга Академии.

6

Отливка шрифтов происходила в погребе, где после последнего наводнения так сыро, что железные и медные инструменты литейщиков совершенно заржавели.

Она будет перенесена в более подходящее место и ближе к типографии.

7

Коллегия минералов, присланная из Швеции в 1780 г., была передана Академии Домашневым лишь при моем вступлении в должность.

Она приведена в порядок.

8

*Комментарии*⁴ Академии остановились на второй части за 1779 г.

Как эти тома, так и еще несколько томов *Комментариев* уже напечатаны и выпущены в продажу.

9

Гг. профессора, обремененные делами, чуждыми их наук, не имели времени заниматься своими специальностями, что вредило успехам науки.

Каждый из них может заниматься своей наукой совершенно свободно, не встречая с моей стороны никаких препятствий; со своими делами они обращаются прямо ко мне и получают быстрое их разрешение, не подчиняясь канцелярской волоките, пугавшей некоторых из них.

10

Цена на книги и карты была столь высока, что препятствовала осуществлению благодетельных намерений государыни, направленных к распространению просвещения.

11

Карты, по приказанию директора, продавались по двойной цене против настоящей, что порождало злоупотребления, а вследствие их дороговизны никто их не покупал.

Книги, карты и альманахи, поступившие в продажу со времени моего вступления Академию, продаются за половину их прежней цены.

12

Пять карт Азовской губернии, готовые уже три года, не были изданы, потому что директор занимался исключительно придумыванием для них картушей.

Они теперь изданы.

13

Не было каталога книг, находившихся в Академии, вследствие чего публика не знала ничего о их существовании и цене.

Напечатано 1800 экземпляров каталога как для Петербурга, так и для остальных губерний; теперь же вышло второе его издание в количестве шестисот экземпляров.

14

Лучшие ученики Академии покинули ее; я застала только двух, которые не умели переводить даже с немецкого языка.

В целях поощрения молодых людей и для возбуждения соревнования между ними я установила в гимназии⁵ два экзамена в год, за которые они получают награды в виде книг и золотых медалей. Четырех самых способных учеников я послала на счет Академии на четыре года в Геттингенский университет.⁶

15

В гимназии вместо 50 учеников я застала всего 27; из них трое не подавали никаких надежд и были взяты в типографию, шестеро были отправлены родителям ввиду полной неспособности к наукам. Осталось всего 18, т. е. весьма незначительное количество для столь обширной империи, в которой ощущается недостаток в людях, умеющих читать. Сама Академия от этого страдала, так как, нуждаясь в людях, не знала, где их взять.

Те шестеро учеников были возвращены родителям, потому что им нельзя было поручить грубую работу, так как они были из сравнительно хороших семей. Кроме того казна сберегала и деньги и время. Вместо них теперь 89 учеников, которые, смею утверждать, гораздо лучше накормлены, одеты и обучены, чем прежде.

16

Вместо недостававших необходимых учителей в гимназии был музыкант, получавший 800 р. за обучение игре на скрипке.

Музыканту было заплачено, и он был уволен; вместо него я взяла образованного воспитателя и учителя итальянского и английского языков.

17

Протоколы общих собраний оставались у директора; некоторые из них были даже им утеряны.

И. Ф. Антинг. Торжественное водружение бюста Л. Эйлера на пьедестал. Слева направо: А. И. Лексель, И. А. Эйлер, Н. И. Фусс, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, Л. Ю. Крафт. 1784.

После долгих напоминаний мне удалось получить их от него, и они теперь тщательно сохраняются. Я запретила приносить их к себе и читаю их, когда бываю в Академии, и у себя оставляю копии с них.

Книжный магазин был ревизован и осмотрен лишь два раза за управление Академией камергером Домашневым.

Я ревизую его, насколько это возможно при препятствиях, которые ставит мне комиссия, ведущая следствие по прежнему управлению; я могу принять его в свое ведение, только когда это дело будет закончено: невозможно произвести точную ревизию, не сменив прежнего комиссара, которого я должна пока оставить, так как он еще не обвинен и не оправдан.

19

Из Академии получали книги для прочтения посторонние, вследствие чего несколько сочинений оказались разрозненными; книги не были размещены в алфавитном порядке и стояли в беспорядке.

Теперь только члены Академии имеют право брать книги, и то под расписку; все книги перебраны и установлены в порядке.

20

Никогда не была произведена ревизия и потребован отчет у комиссара, которому поручена была продажа в Москве книг, изданных Академией.

Счета приведены в порядок г. Штриттером;⁷ когда это было закончено, я продала, с разрешения императрицы, дом книжного магазина за 6500 р., которые и положила в ломбард на счет Академии.

21

Вследствие того что комиссару было разрешено продавать и посторонние книги, он завел свою типографию и, по всей вероятности, занимался больше продажей своих книг, нежели академических.

Книги, напечатанные не в Академии, были взяты из магазина, и я строго запретила продавать в нем какие-либо издания, кроме академических.

22

Академия послала Комментарии и Акты в Гамбург, Бреславль и Лейпциг. За это не было получено ни денег, ни сведений о том, проданы ли они.

Я написала министрам резидентам нашего двора и нашим корреспондентам, прося их получить из рук комиссаров деньги и счета и прислать их в С.-Петербург.

23

Физические инструменты частью были испорчены, частью утеряны во время пожара, и так как они были заме-

нены новыми, эта часть оказалась очень плохо оборудованной; инструментов мало и они посредственного качества.

Я поручила гг. академикам составить список необходимых инструментов и ежегодно их получается по несколько из-за границы.

24

Прессы в типографии были тяжелы, плохи, ветхи и их слишком мало.

Я заказала новый пресс, по образцу английского, для эстампов и карт; остальные я велела исправить и упростить, так что для применения их уже не требуется столько времени.

25

В Академии было 38 отставных солдат, которым платили по 30 р. в год. Так как им нечего было делать и над ними был плохой надзор, они не отличались ни хорошей нравственностью, ни субординацией и были совершенно бесполезны.

Они все заняты теперь делом, и публика может засвидетельствовать, что теперь слава, будто местность, окружающая Академию, опасна для прохожих, более не существует.

26

Некоторые книги в библиотеке не были переплетены, и переплетчик, невзирая на контракт, отказывался работать вследствие низкой платы.

Все книги уже переплетены, и вместо одного переплетчика, которому платят аккуратно каждые два месяца, к услугам Академии все переплетчики в городе.

27

Бумага расходовалась в громадном количестве, и не существовало шнуровой книги, регулирующей ее употребление.

Теперь расход уменьшился наполовину; как пишущим, так и мне выдается каждый месяц только нужное количе-

ство бумаги. Заведены шнуровые книги, проверяющие и регулирующие ежемесячный расход ее.

28

Химический отдел лаборатории был в очень плохом состоянии.

Теперь он отделан заново, а печи устроены по новейшей системе, признанной лучшей.

29

Управление типографии было до того плохо, что никогда нельзя было узнать, какая книга печатается и с каких пор, и работа, которую можно было исполнить в несколько недель, растягивалась на несколько месяцев.

Каждую неделю представляется отчет о печатающихся книгах и уже готовых листах ее; если печатание приостанавливается, прилагается и объяснение о причине подобной задержки.

30

Не было списка шрифтов, находящихся в Академии, и их образцов.

Теперь есть два листа образцов шрифтов; они сохраняются в канцелярии, и по ним сразу можно видеть различные шрифты.

31

Типографщики так небрежно изготовляли листы, что в библиотеке и в магазине есть сочинения, в которых не хватает листов, что было неприятно для читающей публики и дискредитировало издания Академии.

На каждом сочинении ставится фамилия типографщика, который и отвечает за сделанную ошибку или за недосмотр.

32

Хотя Россия изобилует минеральными богатствами, в Академии не было профессора минералогии.

Я выписала проф. Фербера,⁸ известного по этой специальности и достойного соперника Линнея.⁹ Он приводит в порядок коллекции иностранных минералов по системе Линнея. Собрание русских минералов будет приведено в порядок, как только будут готовы заказанные шкапы.

33

Ремонт большого готторбского глобуса¹⁰ был поручен за пять лет до моего вступления адъютанту Трескоту;¹¹ он занялся этим один, не совещаясь ни с географами, ни с астрономами, взяв в помощь себе художника. Я узнала это только потому, что художник получал 25 р. в месяц за свою работу, о которой никто не имел никаких сведений.

Хотя никто и не сообщал мне о его занятиях, я сама пошла посмотреть на его работу и велела ее ускорить. Я приказала географическому департаменту, астроному Лекселю,¹² а по его смерти профессору Румовскому¹³ наблюдать за этой работой, исправить ошибки художника и нанести на глобус новейшие открытия.

34

Как сказано выше, в библиотеке царил полный беспорядок. Она с каждым днем увеличивалась, и для книг не было больше места. Книги были все перепутаны.

Библиотека разобрана, и я приложила все усилия к тому, чтобы упорядочить ее лучшим образом. Прибавлены недостающие шкапы, и она увеличилась более чем на 3000 томов.

35

Географический отдел приходил в упадок вследствие неспособности его начальника и его подчиненных.

В видах поощрения я прибавила им жалованья. В течение трех лет появилось несколько карт, которые уже поступили в продажу. Я выписала сведущего по этой части человека, который и руководит работами.

36

Лучшие граверы ушли, а те, что остались, ничего не делали, не будучи поощряемы ничем и, главное, лишенные хороших учителей.

Я выписала хорошего гравера и, увеличив жалованье ученикам, возбудила в них охоту работать.

37

Композиция металла для шрифтов была нехороша; буквы вскоре коробились и расплющивались и были вообще очень непрочны.

Я заменила ее композицией, какую употребляют в иностранных словолитнях; буквы сделались отчетливее, тверже и гораздо прочнее.

38

В казенном здании Академии отдавался внаймы всего один подвал за 60 р.; все остальные были завалены разною дрянью и приносили только вред зданию.

Все подвалы вычищены и приносят 400 р. дохода.

39

Архив конференции был в беспорядке, и в нем недоставало многих необходимых бумаг.

Архив приведен в порядок. Я велела списать в Синоде недостающие метрические свидетельства о рождениях, смертях и бракосочетаниях; они опубликованы в VI т. Актов согласно моим намерениям, заключающимся в том, чтобы гг. академики занимались работами, приносящими немедленную пользу нашему Отечеству.

40

Материалы и инструменты для разных работ так многочисленны и разнообразны, что во избежание путаницы их получали от одного фабриканта, поставлявшего их по контракту на довольно крупную сумму, что давало повод к злоупотреблениям. Эти материалы были плохого качества и, следовательно, не прочны.

Теперь Академия покупает их сама и выбирает лучшие. Расход на них уменьшен против прежнего, хотя работ производится больше. Академия от этого выигрывает.

41

Наблюдения и открытия, производимые внутри страны, сообщались за границу до их опубликования в России и, к стыду Академии, там пользовались ими раньше, нежели у нас.

Я велела занести в журнал, что гг. академики не должны отныне сообщать подобные открытия за границу, пока Академия не извлекла из них славу для себя путем печати и пока государство не воспользовалось ими.¹⁴

42

Служитель, которому поручена была продажа книг, знал только русский язык и не был знаком даже с арифметикой; он не мог соблюдать порядок в счетах и к неудовольствию публики выдавал книги в перепутанном или разрозненном виде.

Я приставила к этому делу человека, знающего бухгалтерию и иностранные языки; сбыт книг увеличился.

43

Типографская краска была плоха, дорога и сильно пачкала.

Теперь она не уступает краске лучших заграничных типографий и стоит дешевле.

44

Типографские гладилки были так плохо сделаны, что на них уходило много кожи; они были тяжелы и неудобны.

Они сделаны по заграничным образцам; из одного куска кожи их выделывают четыре вместо трех, а выбор хорошей кожи дает значительную экономию для казны.

Пунсоны плохо содержались, и так как их раздавали мастерам без ордеров, то они снабжали ими все частные типографии, между тем как Академия страдала от недостатка шрифтов.

Они тщательно сохраняются; по мере надобности их раздают и отбирают немедленно по отливке.

**Письмо А. В. Раздеришину
с благодарностью
за предоставленную коллекцию минералов
9 января 1788 г.**

Государь мой!

Минеральное собрание трудов ваших ископаемой системы и списки, доказывающие к Отечеству ваши услуги, я, с немалым удовольствием получа, препроводила Академии наук в Минц-кабинет; а с журнала к сведению вашему прилагаю при сем копию, содержание которого подобно и в протоколах конференции записано. За усердное же ваше расположение свидетельствуя вам мою благодарность, прошу продолжить ваше похвальное старание, которое без недостодолжного уважения оставлено не будет. В прочем с доброжелательством моим остаюсь

вам, государю моему,
готовая служница
княгиня Дашкова.

Января 9 дня
1788 года.

**Письмо А. И. Фомину
о доставлении в г. Архангельск
«Новых ежемесячных сочинений»
13 июня 1788 г.**

Государь мой Александр Иванович! Соучастие, которое принимаете вы в издаваемых при Академии наук Ежемесячных сочинениях, сообщая в оные достойные трудов ваших произведения, сколько вам делает чести в публике, столько заслуживает как мое особенно, так и всей Акаде-

Полное Собрание
СОЧИНЕНІЙ
Михайла Васильевича
ЛОМОНОСОВА,

*Съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ
многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній.*

Часть первая.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
изданіемъ Императорской Академіи Наукъ
1784 года.

Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова.
СПб., 1784. Ч. 1. Титульный лист.

мии уважение. В доказательство чего определила я послать вам все вышедшие за два года Ежемесячные сочинения и приказала посылать вам оные впредь помесечно. Справедливость требует, чтобы вы сим изданием пользовались, поелику труды ваши как в начинании, так и в продолжении оногo немалым были вспоможением, и я, уверена будучи о вашем трудолюбии, ласкаю себя надеждою, что и впредь в начатом издании спомоществовать не перестанете. Таким вашим услугам во всякое время соответствовать буду и пребываю с отличным моим к вам уважением вас,
государя моего,
покорная служница
княгиня Дашкова.

В Санктпетербурге июня 13 дня 1788 года.

**Письмо В. В. Крестинину
о награждении его за книгу
«Начертание истории города Холмогор»
27 февраля 1790 г.**

Государь мой!

Сочинение ваше, под названием Начертание города Холмогор, и с сошным письмом, из печати уже вышло. В воздаяние коих трудов ваших назначила я без всяких от кого-либо просьб в награждение вам от Академии сто рублей, кои при сем, так же как и письмо братцу графу Александру Романовичу,¹ препровождаю, уверяя притом, что ваши труды столь мне приятны, что я их сама всегда в виду имею, и как скоро из положенных по стату десяти почетных Академии членов очистится вакансия, то поместить вас на оную не премину; с коим названием, как вы знаете, присоединяется и пенсия двухсот рублей. В прочем пребываю вам.

Февраля 27 1790 г.

**Доклад Екатерине II
о пенсиях для служащих при Академии наук.
Февраль 1791 г.**

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне и самодержице всероссийской

императорской Академии наук от директора и кавалера княгини Дашковой

всеподданнейший доклад.

Поелику за всеми по Академии наук расходами по 4-е число настоящего месяца состоит экономических денег сто пятнадцать тысяч рублей, то всеподданнически прошу дозволения обратить из оных тридцать тысяч рублей все в пользу добропорядочно служащих при Академии и упражняющихся в разных художествах и других должностях, приносящих трудолюбием своим казне вашего императорского величества прибыли, когда таковые за старостию или по болезням продолжать служение не возмогут, чтоб для пропитания имели бы пенсию. А для беспристрастной раздачи обращенных в пенсион с упомянутой суммы процентов за нужное нахожу всеподданнейше представить на благоволение в. императорского величества некоторые к сему положению правила: 1-е, что помянутые тридцать тысяч рублей будут отданы в вечный капитал в ломбард, дабы получаемые пять процентов ни на что иное не могли употребляемы быть, как на пенсион; 2-е, что на оный пенсион не идут те, которые более четырехсот рублей жалованья получают; 3-е, что на пенсионную сумму поступать будут выслужившие при Академии тридцать лет; 4-е, разделить помянутые проценты, тысячу пятьсот рублей, в производство на двадцать на четыре человека, а именно: двум — по сту по пятидесяти рублей; двум — по сту по двадцати рублей; двум — по девяносто рублей, четверем — по семидесяти рублей, четверем — по пятидесяти рублей; четверем — по сороку рублей, четверем — по тридцати по пяти рублей, что и учинит тысячу пятьсот рублей. Осмеливаюсь испрашивать вашего императорского величества благоволения, дабы малая моя услуга в сделанном приращении казны вящую и на продолжительное время пользу службе вашего императорского величества могла принести, повелеть тридцать тысяч рублей оставить вечным в ломбарде капиталом, для обращения получаемых процентов в пенсию.

За исключением сих денег, также положенных мною в вечный капитал в дворянском банке тридцати тысяч рублей и в пользу воспитанников при гимназии отданных в ломбард сорока тысяч рублей, еще останется до пятнадцати тысяч рублей, что составляет достаточное число денег для оборота торговли Академии.

О сем прошу всемилостивейшего вашего императорского величества указа,

всемилоостивейшая государыня,
вашего императорского величества и пр.

Февраль 1791 г.

**Доклад Екатерине II
о финансовом состоянии Академии наук
20 марта 1793 г.**

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской

императорской Академии наук от директора и кавалера княгини Дашковой

всеподданнейший доклад.

В поднесенном вашему императорскому величеству, за истекший февраль месяц, всеподданнейшем рапорте моем явствует, что экономическая Академии наук сумма, за всеми расходами, по старанию и усердию моему приращением возвышена до ста шестидесяти одной тысячи рублей, из которой суммы, по конфирмации вашего императорского величества, сто тысяч рублей положены в вечный капитал для обращения процентов, как ниже следует, с тридцати тысяч рублей русским профессорам за преподавание лекций.¹ С сорока тысяч рублей в умножение и содержание в гимназии воспитанников. С тридцати тысяч рублей в произведение пенсии не могущим продолжать служение в Академии, за старостию или по болезням.² Из оставших за тем шестидесяти одной тысячи рублей с тридцати тысяч рублей получаемые в год проценты, тысяча пятьсот рублей, употребляются на необходимо-нужные по Академии издержки, по недостатку состоявшегося еще в 1747 году штата.³ Пятнадцать тысяч рублей состоят в данных Академии от книгопродавцев векселях, ибо на наличные деньги не можно б таковое количество книг продавать. За сим шестнадцать

тысяч рублей должны оставаться на торговый оборот и покупку бумаги.

Поелику ж в академической гимназии⁴ воспитанники умножены и в занимаемом ими казенном доме учебные классы поместить порядочно не можно, да и самый тот дом пришел в такую ветхость, что когда одну половину оно исправляют починкою, тогда другая валится и угрожает опасностью; равномерно и состоящий на Васильевском острову по 2-й линии академический деревянный дом пришел в крайнюю ветхость и совершенную к починке негодность: осмеливаюсь испросить всемилостивейшего вашего императорского величества благоволения помянутые старые два дома продать, из коих за первый хорошие деньги получить можно по смежности его со вновь строящеюся биржею, а при том соблюдается интерес избежанием излишнего платежа за разломку оно; на вырученные же от продажи обоих тех домов деньги вновь построить порядочно будет можно, или подле принадлежащего Академии в 7-й линии называемого Волкова дома⁵ пристроить по лучшему расположению, к умножению учебных классов воспитывающихся, из которых со времени высочайше вверенного мне управления Академии вышло много достойных людей, кои в разных государственных департаментах с отличием служат, а при том и просьбам для помещения в училище удовлетворить с пользою службе будет можно.

О сем прошу всемилостивейшего вашего императорского величества указа,

всемилоостивейшая государыня,

вашего императорского величества и пр.

20 марта 1793 г.

**Прошение Екатерине II
об увольнении от должности директора Академии наук
5 августа 1794 г.**

Всемилоостивейшая государыня.

Собственный вашего императорского величества выбор меня в директоры императорской Академии наук сколь необыкновенен, столь и лестен для меня был, почему двенадцатый уже год как я, истощая силы и малые свои способности, со рвением сие служение несу. Из покорнейшего моего рапорта усмотреть изволите, что я имела счастье

прибыли в казну вашего величества сделать на 526 188 р. 13³/₄ коп., а как в течение сих лет не оставалось мне времени ни способности расстроенное свое состояние и здоровье поправлять, сие последнее требует ныне покоя, почему всенижайше прошу вас, всемилостивейшая государыня, от должности директора меня уволить, а как статс-даму на два года в отпуск отпустить. Ожидая высочайшей резолюции, препоручаю себя щедрому и милостивому покровительству, которое я тридцать два года от вашего величества имела. Пребывая,

вашего императорского величества
всемилоостивейшей государыни,
верноподданная
княгиня Дашкова.

Августа 5-го дня
1794 года.

**Письмо Д. П. Трощинскому¹
[5 августа 1794 г.]**

Милостивый государь мой, Дмитрий Прокофьевич.

Покорно прошу включенное с приложенными рапортами ее императорскому величеству вручить и иметь притом благосклонность доложить, что если всемилостивейшей государыне угодно, я с радостью при должности в Российской Академии останусь, дабы окончить начатое мною и привести еще паче в цветущее состояние создание ее величества. Из рапорту об оной Академии, может быть, заметить изволит, что и она богата становится: в предложении моем пребыть председателем Российской Академии корысти и личных выгод в виду не имею, ибо по самому положению, мною сделанному, председатель не должен получать и не получает жалованья. Преданность и любовь моя к ее императорскому величеству и к Отечеству моему возрождает мое желание, сколько в силах моих есть, еще быть полезной. Управление же Российской Академией и соучастование в трудах оной равномерно успешно и в отсутствии выполнять могу.

В прочем с истинным почтением пребываю вам,
милостивому государю моему,
покорная служница
кн. Дашкова.

Р. С. Не могу воздержаться, чтоб не разделить с вами удовольствие, которое я имею, что успела прежде отъезда своего видеть окончание нашего «Словаря».²

[5 августа 1794 г.]

**Рапорт Екатерине II
об экономическом положении Академии наук
за 1783—1794 гг.
5 августа 1794 г.**

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской от директора Академии наук и кавалера княгини Дашковой.

всеподданнейший рапорт.

Имею честь вашему императорскому величеству всеподданнейше представить, что при Академии наук экономической суммы сего августа по 6-е число состоит, за всеми постройками при оной каменных домов и оранжерей, 146 592 р. 26 коп.; в том числе по соизволению вашего величества отданных в ломбард в вечный капитал 100 000 р.

Августа 5-го дня.

1794 года.

При том в капитале Академии наук имеется:

1. По книжному магазину книг разного звания и на разных языках на	375 058 р. 82 к.
В том числе отпечатанных в 11 лет управления моего на	215 539 р. 10 к.
2. По книжной лавке книг же разного звания и на разных языках, також карт и эстампов, на	13 186 р. 98½ к.
3. По Словолитной палате разных российских и иностранных шрифтов пунсонов, на	20 832 р.
К ним медных матриц и форм, на	3552 р. 50.
4. По книжной типографии разных шрифтов литер, на	23 135 р. 62½ к.
5. При Конференц-архиве, Географическом департаменте и при Канцелярии гравированных медных досок, раз-	

ным фигурам, ландкартам и эстампам, на знатную сумму...

6. Из приращенной мною экономической суммы, за всеми другими по Академии издержками, употреблено на построенные по берегу Невы реки подле Кунсткамеры большой каменный корпус (сверх пожалованных вашим императорским величеством 26 000 р.) в прибавок 27 327 р. Каменные оранжереи, с теплицею и заборами и два теплые флигеля 18 015 р. Новый гимназический по 7-й линии дом о 4-х этажах 48 719 р. 92¹/₂ к. При Академии два флигеля: один для химической лаборатории с теплыми над нею покоем; а другой для Училища воспитывающих художнических учеников, а между ими на 32-х сажнях службы и прочее

	9284 р. 74 к.
Итого	103 349 р. 66 ¹ / ₂ к.
Всего же причисляя к денежной казне	146 592 р. 26 ¹ / ₄ к.
приращения мною сделано	526 188 р. 13 ³ / ₄ к.

Но как последнее помянутое строение не окончено и еще продолжается, то придет доплатить от 10 до 12 тысяч, которые можно заплатить в октябре, ноябре и декабре месяцах сего года выручаемыми от продажи календарей и другими входящими деньгами.

В Академическом училище воспитывающихся: за выпуском великого числа из оных во время управления моего Академиею в действительную вашего императорского величества службу, которую и продолжают с особливою похвалою и немалою пользою Отечеству в разных степенях с отличительными знаками: состоит поныне 112 человек.

При чем осмеливаюсь достойное человеколюбивому монарху в замечание донести, что во все 11-летнее управление мое Академиею из показанных воспитанников один только умер.

**Из Протокола последнего заседания Конференции
Академии наук, на котором присутствовала Е. Р. Дашкова
14 августа 1794 г.**

14 августа 1794. Понедельник. Присутствовали: ее светлость госпожа княгиня Дашкова, директор. Господа академики Румовский, Протасов, Лепехин, Крафт, Иноходцов, Озерецковский, Георги, Фусс, Шуберт,¹ Севергин,² Ловиц.³ Господин адъюнкт Захаров.⁴ Секретарь И. А. Эйлер, академик.

Тем временем прибыла ее светлость госпожа княгиня Дашкова и после того, как заняла она свое место главного директора, ее светлость начала с того, что обратилась к г-дам академикам и адъюнктам, принеся им свои уверения в том, что гордится тем, что стояла во главе Академии наук в течение двенадцати лет, что она старалась пользоваться всяким случаем с тем, чтобы дать им нелицемерные доказательства, поощряя их таланты, выражая признательность за заслуги и, одним словом, руководствуя всей Академией с наирачительным праводушием; что она испытывала в том истинное удовлетворение, изрядно вознаграждавшееся привязанностию, которую г-да академики и адъюнкты свидетельствовали ей при всяком случае и каковой она всякий раз бывала чувствительно тронута. Но, поелику во время сего директорства, столь же многотрудного, как и любезного сердцу, ее светлость отнюдь не имела ни времени, ни средств к занятию, как следует, домашними своими делами и к поправлению расстроенного своего здоровья, которое требовало отдохновения, то и находит она себя вынужденной, хотя и к великому своему сожалению, покорнейше просить ее величество императрицу уволить ее от обязанностей директора Академии наук и пожаловать ей в качестве статс-дамы отпуск на два года. Госпожа княгиня сообщила также, что ее величество, дав свое согласие только на помянутый выше отпуск с сохранением жалования, повелела ей оставаться во главе Академии и, что еще более лестно для ее светлости, в то же время императрица согласилась с тем, чтобы на время своего отсутствия она назначила своего родственника камер-юнкера г-на Павла Бакунина директорствовать на Академией, снабдив его необходимыми инструкциями к сохранению в неприкосновенности касс и к поддержанию доброго порядка во всем, что относится до помянутой Академии.

Госпожа княгиня передала затем копию своего письма к императрице, так же как и сам указ ее величества, который зарегистрирован в журнале Академической канцелярии 13 августа в параграфе 1484, которую — копию письма — коллежский секретарь Румовский прочитал вслух и перевод которого на французский прилагается к сему протоколу. После этого ее светлость госпожа княгиня поднялась и, трогательным образом поклонившись всей Академии, обняла, прежде чем покинуть зал конференций, каждого академика и адъюнкта в отдельности, которые в полном составе проводили ее до дверей ее кареты, что сопровождалось единодушными их пожеланиями доброго здоровья и благополучного возвращения.

**Прошение Екатерине II
о продлении отпуска
27 августа 1796 г.**

Всемилоостивейшая государыня.

Осмеливаюсь у вашего императорского величества всеподданнически просить отсрочить еще на год отпуск мой; болезненные припадки лишают меня удовольствия предпринять ныне служение, на которое я привыкла все силы и малые свои способности истощевать. Ожидая высочайшей воли с беспредельною преданностию и с благоговением честь имею назваться

вашего императорского величества,
всемилоостивейшая государыня,
верноподданная
княгиня Дашкова.

Село Троицкое,
27 августа 1796.

**Письмо И. И. Лепехину с благодарностью
за предложение вновь возглавить Российскую Академию
[не позднее 25 мая 1801 г.]**

Государь мой Иван Иванович!

Прошу за меня объяснить Российской Академии, сколь сделанное мне предложение от членов оной, изъявившее желание их, чтоб я восприняла на себя прежнее звание

председателя, для меня лестно. Поставляя себе за честь такое ко мне расположение почтенных моих сочленов, искренно желала бы я посвятить пользам Российской Академии, будучи к тому обязана долгом яко ее член, если б силы моего здоровья дозволяли мне безотлучное здесь пребывание. Я надеялась бы больше на мою ревность, нежели на слабые мои способности, надеялась бы на усердие мое к пользам Академии, коей существованию, скажу, не обинуясь, я содействовала; но неудобовозможность по болезненному моему теперешнему состоянию удовлетворить во всем пространстве обязанностям звания, мною носимого прежде, не препятствует мне, однако же, признать согласно с вами сию истину, что почтенному собранию Академии Российской председатель нужен по многим отношениям...

Утверждение такового зависит единственно от воли всемилостивейшего государя императора, которого о том просить должно. Я в твердом уповании пребываю, что выбор обратится на такую особу, коя достойна благоволения его императорского величества и, следственно, будет пользу Академии и ее славу поддерживать.

Вы же сами примите уверение в том почтении и дружбе, кои я всегда к вам имела и с коими навсегда пребуду
ваша, государь мой,
покорная услужница
княгиня Дашкова.

[не позднее 25 мая 1801 г.]

Из «Записок» о деятельности в Академии наук и Российской Академии

Я была вне себя от удивления, когда услышала от ее величества, что она уже давно хотела мне предложить занять пост директора Академии наук. От удивления я не могла вымолвить ни слова, а императрица между тем наговорила мне немало весьма для меня лестного, что, как она полагала, могло склонить меня к согласию. «Нет, ваше величество, — сказала я наконец, — я не могу принять сего директорства, которое выше моих способностей. Если ваше величество не смеетесь надо мною, то позволю себе сказать, что из одной только привязанности к вам, помимо многих прочих причин, не хочу рисковать стать общим посмешищем и даже удостоиться порицания, сделав подобный вы-

74

Вѣдомость

Императорской академіи наукъ о Экономической суммѣ за сентябрь мѣсяцъ 1785 года.

	рубли	копейки.
Сентября 1 ^{го} числа налично было —	26,884.	72½
Приращенія мною зрѣлано —	2,566.	52½
Итого въ приходѣ и въ оста- показаніи —	29,451.	25.
Въ расходѣ:		
На жалованье и на наебраженіи служа- щихъ при академіи сверхъ штатна лю- дямъ —	2388.	60½
На содержаніе гимназистовъ —	114.	8½
На покупку для библіотеки книгъ —	244.	9.
На книжную типографію и на другія департаменты на покупку разныхъ матеріаловъ —	399.	87.
На разные посылки въ чужестраніи —	82.	60.
Итого въ расходѣ —	3,229.	25.
Зачтено въ остатокъ октября 1 ^{го} числа 1785 года — <i>Евдокія Дашкова</i>	26,222.	—.

Ведомость Императорской Академии наук об экономической сумме за сентябрь мѣсяцъ 1785 г. с автографом Е. Р. Дашковой. РГАДА.

бор!» В ответ на это императрица прибегла к уловке, дабы преодолеть мое сопротивление, и высказала предположение, что я потому не соглашаюсь на ее предложение, что уже более не испытываю к ней чувств привязанности.

Все те, кто имел счастье быть приближенным к ее величеству, знают, что императрица умела быть красноречивой, внушать благорасположение и быть остроумной. Ей не было надобности использовать все это в общении со мною, поелику сама привязанность моя к ней, столь же неизменная, как и бескорыстная, заставляла меня подчиняться ей во всем беспрекословно, что отнюдь не задевало мои правила. Но на сей раз ее величеству это не удалось. «Сделайте меня, — сказала я императрице, — надзирателем за вашими прачками, и вы увидите, с каким рвением я буду вам служить». — «Это вы смеетесь надо мною, предлагая занять столь недостойную вас должность». — «Ваше величество полагает, что довольно уже знаете меня, однако ж все-таки еще не вполне, ибо во мне изрядная толика гордости, и я нахожy, что любая должность, какую бы вы мне ни поручили, станет еще более почетной с той самой минуты, как я ее займу, и что с тех пор, как я буду поставлена во главе ваших прачек, место сие станет в высшей степени достойным в глазах всего двора, и все начнут мне завидовать. Я не умею ни стирать, ни мыть белье, но ошибки в этом деле, допущенные по незнанию, не будут иметь последствий, меж тем как всякая ошибка, допущенная директором Академии наук, окажется из разряда значительных и может навлечь нарекания на государя, который остановил на нем свой выбор». Ее величество возразила мне на это, сказав, что мне следовало бы припомнить тех, кто ранее исполнял сию должность, и я тотчас проникнусь убеждением, что их способности были весьма ниже моих собственных. На что я отвечала: «Тем хуже для тех, кто настолько мало себя уважает, что берется за дела, к коим отнюдь не способен». «Ну, хорошо, — сказала императрица, — оставим это; все глаза обращены на нас, а что до вашего отказа, то он лишний раз убеждает меня в том, что лучшего выбора у меня нет». Этот разговор привел меня в сильное душевное волнение, и весь мой вид, вероятно, был тому очевидным свидетельством; поелику я заметила на лицах некоторых из знакомых мне дам (уже после того, как я вернулась на свое место) выражение нескрываемого удовлетворения тем, что, как они посчитали, этот только что имевший место разговор

был неприятным для меня, и старая графиня Матюшкина,¹ никогда не стеснявшаяся задавать вопросы, спросила меня, что означал сей загадочный и долгий разговор с ее величеством. «Вы видите, сударыня, как я взволнована, — отвечала я, — но тому причиною доброта императрицы и ее слишком лестное обо мне мнение». Я с нетерпением ожидала конца бала, чтобы в тот же вечер написать ее величеству и с большею убедительностью обосновать свой отказ.

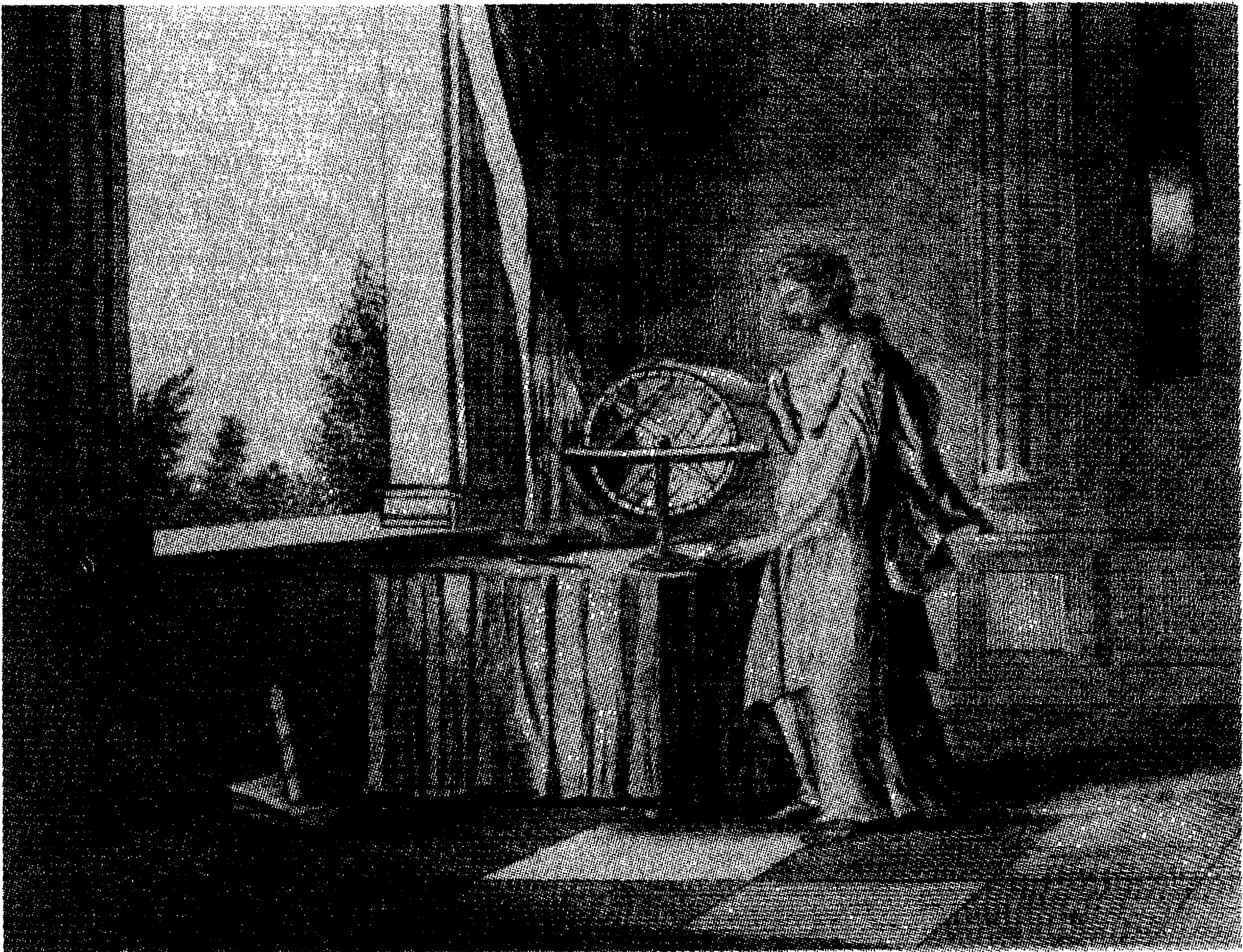
Сразу же по возвращении к себе я написала это письмо, которое любого другого государя могло б только раздосадовать; поелику я позволила себе упомянуть в нем, что порою частная жизнь монарха ускользает из-под пера историка, но сделанный им неудачный или вредоносный выбор никогда не проходит бесследно; что сам Господь, создавая меня женщиной, тем самым освободил меня от должности директора Академии наук; что, почитая себя невеждой, я не стремилась к тому, чтобы быть причисленной к какому бы то ни было ученому сообществу, даже к обществу Аркадий в Риме,² честь вступления в которое я могла б купить всего за несколько дукатов. Я закончила это письмо около полуночи, то есть слишком поздно, чтобы посылать его императрице; но в нетерпении поскорее покончить с этим делом и добиться того, чтобы императрица оставила эту затею, которая казалась мне тогда просто абсурдной, я отправилась к князю Потемкину, в доме которого прежде никогда не бывала. Я велела доложить о себе и передать ему, даже если б он был уже в постели, что я хотела бы его видеть и говорить с ним по весьма неотложному делу. Князь Потемкин и впрямь был уже в постели; я рассказала ему о разговоре, произошедшем между мною и императрицей, на что он отвечал мне, что знает об этом от ее величества, которые весьма увлечены мыслью доверить мне управление Академией наук. «Но, — возразила я в ответ, — я не хочу и не могу проступить перед самой собою, приняв сие предложение. Вот письмо, которое я ей написала, и оставляю у вас с тем, чтобы вы завтра же распорядились передать его императрице, как только они проснутся». Князь Потемкин прочитал письмо, после чего дважды разорвал его. В негодовании и гневе, охватившем меня, я воскликнула: «Как смеете вы, милостивый государь, рвать письмо, предназначавшееся для императрицы?». — «Прежде чем сердиться, — ответствовал князь, — выслушайте меня, княгиня. Никто и не сомневается в вашей пре-

данности к ее величеству; отчего же вы хотите огорчить ее и раздосадовать? Как я вам уже говорил, вот уже два дня как она только об этом и мечтает. Впрочем, еще не поздно, и ежели вы не хотите позволить себя переубедить, вам придется, княгиня, принять на себя небольшой труд, написав императрице новое письмо. Говорю вам как преданный вам человек, и должен вам сказать, что императрица рассматривает это ваше назначение как вполне естественное средство приблизить вас к себе, удержав вас в С.-Петербурге: ей надоели глупцы, которые ее окружают». Между тем я уже перестала сердиться на князя, поелику нравом своим отходчива; я ответила ему, что напишу письмо более сдержанное и передам его утром с моим лакеем одному из лакеев ее величества; но что я прошу его вместе попытаться сделать так, чтобы эта нелепая мысль покинула императрицу. Прощаясь с князем, я выразила надежду, что он и далее не откажет мне в своих добрых услугах.

По возвращении к себе я, не утруждая себя переодеванием (настолько я была взволнована), принялась писать и, оставаясь в придворном платье, писала, а порою и размышляла о том, что произошло накануне, до самого утра. В семь часов я послала слугу с письмом и получила записочку от императрицы, в которой она писала мне, что я, наверное, привыкла вставать весьма рано, а также немало любезностей и лестных для меня слов, но ничего определенного касательно моего отказа. К вечеру я получила письмо графа Безбородко с приложением копии с указа, уже направленного в Сенат, по силе коего я назначалась директором Академии наук, а комиссия, с некоторых пор учрежденная для управления делами Академии в соответствии с прошением и вследствие жалоб профессоров и всех тех, кто вместе с ними выступали против г-на Домашнева,³ упразднена. Ошеломленная и смущенная, я велела никого не принимать и, расхаживая, не находя себе места, по гостиной, размышляла обо всех тех трудностях и препятствиях, кои могла причинить мне эта должность; и хуже всего было то, что я предвидела несогласия по разным поводам между мною и императрицей. В своем письме граф Безбородко писал, между прочим, следующее: «Ее величество приказали мне передать вам, сударыня, что вы можете докладывать о делах, касающихся той части, в управление коей вступаете, непосредственно ей и что она всегда готова устранить все те препятствия и трудности, какие могут вам встретиться».

Таким-то образом я оказалась впряженной в совсем уж расстроенную колымагу и при этом была лишена вспоможения со стороны помянутой комиссии.

Я направила в канцелярию Академии вместе с копией с указа настоятельное распоряжение осуществлять и далее в течение двух дней управление делами на прежних основаниях и в тот же день прислать мне сведения обо всех без исключения отраслях ее деятельности, включая типографию, словолитню и проч., имена тех, кто числится хранителями кабинетов, библиотеки и так далее; а те, кто стояли во главе различных отделений Академии, должны были прислать мне уже на следующий день обстоятельный отчет о состоянии отделений, которые были поручены их ведению, и о том, чем оные были заняты. В то же время я просила комиссию дать мне необходимые сведения, сообщить предписание или иные документы, содержащие положения относительно обязанностей директора, дабы быть осведомленной о них прежде, нежели я могла предпринять какие-либо шаги по управлению Академией; и в заключение я уверяла этих господ и просила уверить в том их коллег, что почитаю своим долгом оказывать им все то уважение, коего они заслуживают своею просвещенностью и дарованиями. Я льстила себя надеждой таким образом избегнуть на первых порах серьезных ошибок. На следующее утро я отправилась в уборную императрицы, где обыкновенно собираются ее секретари и главы различных ведомств для получения распоряжений ее величества. Я была немало удивлена, когда встретила там г-на Домашнева. Он заговорил со мной, выразившись в том смысле, что готов, между прочим, дать мне представление об исправлении директорской должности. Изумленная его бесстыдством, я ответила ему, насколько могла учтиво, что приняла себе за правило в первую очередь пещись о славе и процветании Академии; что я буду беспристрастна к ее членам, таланты коих станут единственным мериллом моего уважения, и что в затруднительных случаях собираюсь прибегнуть к просвещенным советам ее величества, которые обещали мною руководить. В то мгновение, когда он, уж и не помню что, говорил мне в ответ, императрица приоткрыла дверь, но, увидев нас, тотчас затворила ее и позвонила в колокольчик. Дежурный камердинер поспешил войти к императрице и затем, воротившись, сказал мне, что ее величество повелели мне прийти в ее комнату. «Я весьма рада видеть вас, сударыня, —

Испытание природы. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 6. № 45).

сказала императрица, как только я вошла. — Скажите же мне, прошу вас, о чем мог говорить вам эта скотина Домашнев?» — «Ваше величество, — ответила я, — он давал мне советы относительно того, как вести себя в новой должности, в каковой, даже поступай я более строго, дабы не вызвать подозрений насчет моей честности, все равно я окажусь невежественнее его. Не знаю, должна ли я благодарить ваше величество за очевидный сей знак высокого вашего мнения обо мне или выразить чувства соболезнования по поводу сего сделанного вами достойного удивления шага, повлекшего за собой пожалование меня директором Академии наук». Ее величество уверили меня, что она не только довольна, но и гордится тем, что сделала этот выбор. «Для меня это весьма лестно, ваше величество, — отвечала я, — но вам вскоре прискучит быть поводырем слепца, поелику во главе наук вы поставили совершенно во оных не сведущего». — «Перестаньте же смеяться надо

мной, — отвечала ее величество, — и надеюсь, что вы говорите со мной о подобных вещах в последний раз». По выходе из комнаты императрицы я встретила гофмаршала, который сказал мне, что ее величество еще с вечера повелели ему на тот случай, ежели я приеду утром, пригласить меня остаться к обеду за ее малый стол и сказать мне, что отныне я всегда смогу обедать у нее, когда захочу; что я не должна, однако, себя стеснять, и императрица всегда будет рада моему приезду. Меня поздравляли с тем особливym уважением, каковое ее величество только что мне засвидетельствовали, поставив меня во главе столь важного учреждения; другие же, например, заметив грусть на моем лице, были так скромны, что не ставили меня своими поздравлениями в затруднительное положение. Но в общем все мне завидовали, тем более что при моем неловком поведении при дворе меня почитали существом весьма посредственным.

На следующий день, а это было воскресенье, с раннего утра ко мне явились все профессора, все начальствующие и служащие Академии. Я заявила им, что собираюсь быть в Академии на следующий день и что, ежели им понадобится сообщить о своих нуждах или делах, я прошу их прийти ко мне в удобный для них час и что они могут входить в мой кабинет, не дожидаясь, когда позовут, и без доклада. Вечером я занялась чтением отчетов, кои были мне представлены; я старалась получить подробное представление о том лабиринте, в который мне предстояло вступить, нисколько не сомневаясь в том, что малейший промах на этом пути тотчас же даст повод к разговорам. Я попыталась также не забыть имена главных хранителей или начальствовавших над отделениями и уже на следующий день, прежде чем отправиться в Академию, сделала визит великому Эйлеру. Называю его великим, поелику он бесспорно является величайшим геометром и математиком нашего времени; кроме того он был знаком с другими науками, был трудолюбив и с тех пор, как потерял зрение, не прекращал заниматься исследованиями и делать открытия. Он диктовал свои сочинения г-ну Фуссу, женатому на его внучке,⁴ оставив после себя материалы, на несколько лет обогатившие «Комментарии», которые издавались Академией. Эйлер давно уже не ездил в Академию, будучи недовольным, как и все прочие его коллеги; он не вмешивался более ни во что, за исключением тех случаев, когда Домаш-

нев измышлял какие-нибудь особенно вредоносные проекты: тогда он присоединялся к остальным членам Академии, подписывал протестации, а порою даже писал прямо ее величеству. Я явилась к Эйлеру того ради, чтобы просить его поехать со мной, по крайней мере на этот раз, в Академию, обещая на будущее не причинять ему неудобства таковой необходимостью как личное присутствие в ученой конференции, но мне хотелось, чтобы на первое заседание моего директорства я была введена именно им. Кажется, он был польщен тем высоким уважением, каковое ему было выказано с моей стороны. Мы были знакомы с ним еще с давних пор, и беру на себя смелость утверждать, что, будучи совсем еще молодой, лет за пятнадцать до моего директорства, пользовалась его уважением.

Он сел в мою карету; я пригласила его сына, непременно секретаря академической конференции, и г-на Фусса, внука почтенного старца, также сесть вместе с нами для сопровождения достославного слепого ученого. Войдя в залу заседаний, я сказала собравшимся там профессорам и адъюнктам, что, поелику не являюсь сведущей в науках, но ради того, чтоб засвидетельствовать свое уважение к учености и просвещению, не могла найти иного, более торжественного способа доказать это, нежели как просить г-на Эйлера ввести меня в Академию. Пока, прежде чем усесться на свое место, я произносила эти немногие слова, я заметила, что г-н Штелин, профессор аллегории, но в ранге действительного статского советника,* каковой соответствовал чину генерал-майора, занял свое место возле директорского кресла и, сообразно с этим, хотел, согласно с этим рангом, который был пожалован ему Бог знает за что, играть роль первого после меня среди членов Академии. Обратившись тогда к г-ну Эйлеру, я предложила ему сесть там, где он счел бы за благо, поелику всякое место, которое он ни занял бы, отныне станет первым. Не только сын и внук, но и остальные присутствовавшие были тронуты и обрадованы, услышав мои слова. Все профессора, кои испытывали глубочайшее уважение к почтенному старцу, были до слез растроганы. Из залы заседаний я прошла в канцелярию, где велись записи по всем хозяйственным и

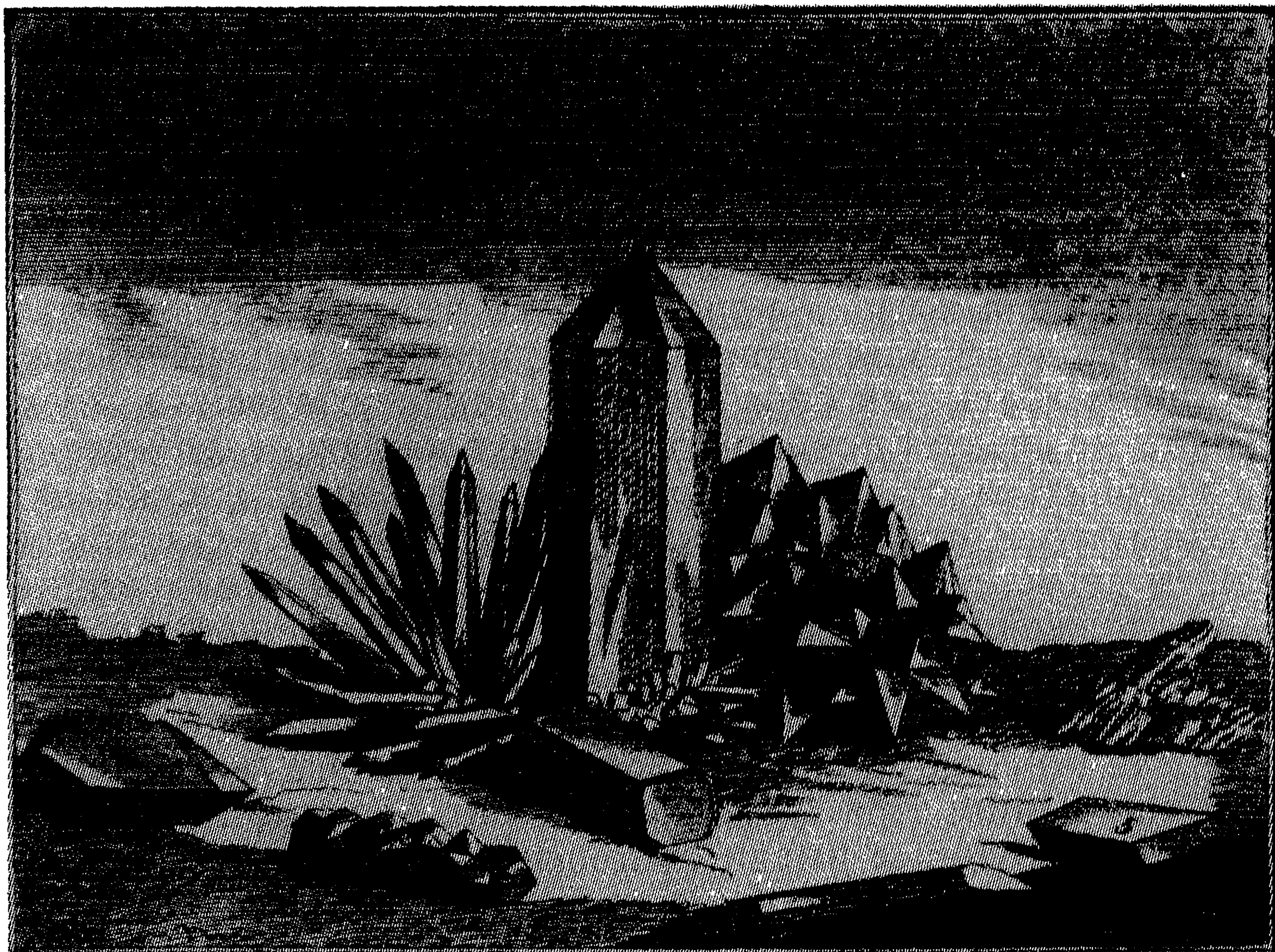
* Он был пожалован этим чином и рангом при Петре III, и в самом деле можно сказать, что как его ученые познания, так и сам он были не чем иным, как простой аллегорией.

денежным делам. Там же были и начальствовавшие над различными отделениями. Я сказала им, что, по общему мнению публики, при управлении прежнего директора было допущено немало злоупотреблений и что Академия не только не располагала средствами для покрытия чрезвычайных расходов, но и обременена долгами; что отныне наша общая обязанность будет заключаться в том, чтобы упорядочить эту неисправность, и что самое верное и ответственное средство для сего заключается в том, чтобы из того, что принадлежит Академии, ничего не расхищать и не расточать попусту; что я твердо решила ничем не пользоваться для себя лично и никому из подчиненных мне не позволю это делать; что таким образом наилучшим для каждого из нас станет остерегаться пользоваться чем-либо в свою пользу, и, строго придерживаясь сего правила, я найду возможным вознаградить рвение и увеличить жалование тем, кто сего заслуживает. Кроме этого, «Комментарии», выходявшие ранее в двух томах *in quarto*, а впоследствии — *в одном томе* ежегодно, более не печатались по причине отсутствия литер; типография была в совершенном беспорядке и в ней недоставало решительно всего. Я же довольно быстро привела ее в прекрасное состояние; приобрела хорошие шрифты и выпустила два тома «Комментариев», большая часть которых составляла статьи, доставленные г-ном Эйлером.

Князь Вяземский, генерал-прокурор Сената, спросил как-то ее величество, следует ли ему привести меня к присяге, как это обыкновенно делается, когда вступают в какую-либо административную должность. Императрица ответила: «Конечно, поелику я не делала секрета из назначения княгини Дашковой директором; правда, я не нуждаюсь в новых подтверждениях ее верности по отношению ко мне и Отечеству, но эта церемония доставит мне удовольствие, поелику ее назначение станет от сего более несомнительным и гласным».

В соответствии с этим князь Вяземский прислал ко мне своего первого секретаря с извещением о том, что он ожидает меня на следующий день в Сенате, где я должна была принести присягу. Это привело меня в смущение, но я не могла уклониться от того, что являлось обязательным для всех особ, состоящих на службе, от самых высших до самых низших чинов.

На следующий день я отправилась в Сенат в назначенный час, и, для того чтобы пройти в церковь, мне надобно было прошестьвовать чрез залу, где сенаторы проводили свои заседания. Я увидела, что они собрались там в полном составе. При моем появлении они встали и некоторые, с кем я была близко знакома, подошли ко мне. «Вы, конечно, — сказала я им, — удивлены так же, как и я, тем, что мне приходится здесь приносить присягу верности ее величеству, меж тем как она с давних пор запечатлена в моем сердце; но следует повиноваться и не воображать себя вправе уклониться от долга, предписанного всем и каждому; поэтому-то и произошло сие чудо появления женщины в вашем августейшем святилище». По окончании церемонии (в продолжение которой моя застенчивость в подобного рода необыкновенных обстоятельствах причиняла мне стеснение, доходившее до спазм и холодного пота) я тотчас же просила генерал-прокурора сообщить мне все бумаги, кои прежняя административная канцелярия Академии прислала в Сенат и которые имели отношение к недовольству бывшим директором и различными его предприятиями, а также объяснительные и оправдательные записки последнего. Он обещал мне прислать их в тот же день. Только после того, как я прочитала их, я смогла, по крайней мере отчасти, уяснить себе ту задачу, которую мне предстояло решить. Мне стоило немалого труда отделить суммы, числившиеся по кассе, называвшейся казенной, от денег, последовавших из так называемой хозяйственной кассы; при том, что суммы эти должны были быть внесенными в разные учетные книги. Между тем Академия была обременена долгами, которые накопились по причине покупок книг у российских, парижских и голландских книгопродавцев, и поелику я не хотела обращаться за деньгами к ее величеству, то и распорядилась снизить цену на книги, печатавшиеся в Академии, на 30%, вследствие чего оные разошлись в довольно значительном количестве и в весьма короткое время. Я употребила вырученные деньги на покрытие долгов Академии и могла представить Сенату, или точнее — государственному казначею, то есть тому же князю Вяземскому, — отчет задним числом о суммах из казенной кассы. Хозяйственные же суммы состояли исключительно в ведении директора, поелику оные изымались в результате собственной его деятельности и употреблялись на цели, не предусмотренные академическим регламентом, как-то на денежное

Кристалл. Гравюра XVIII в.
(Зрелище природы и художеств. СПб., 1786. Ч. 5. № 19).

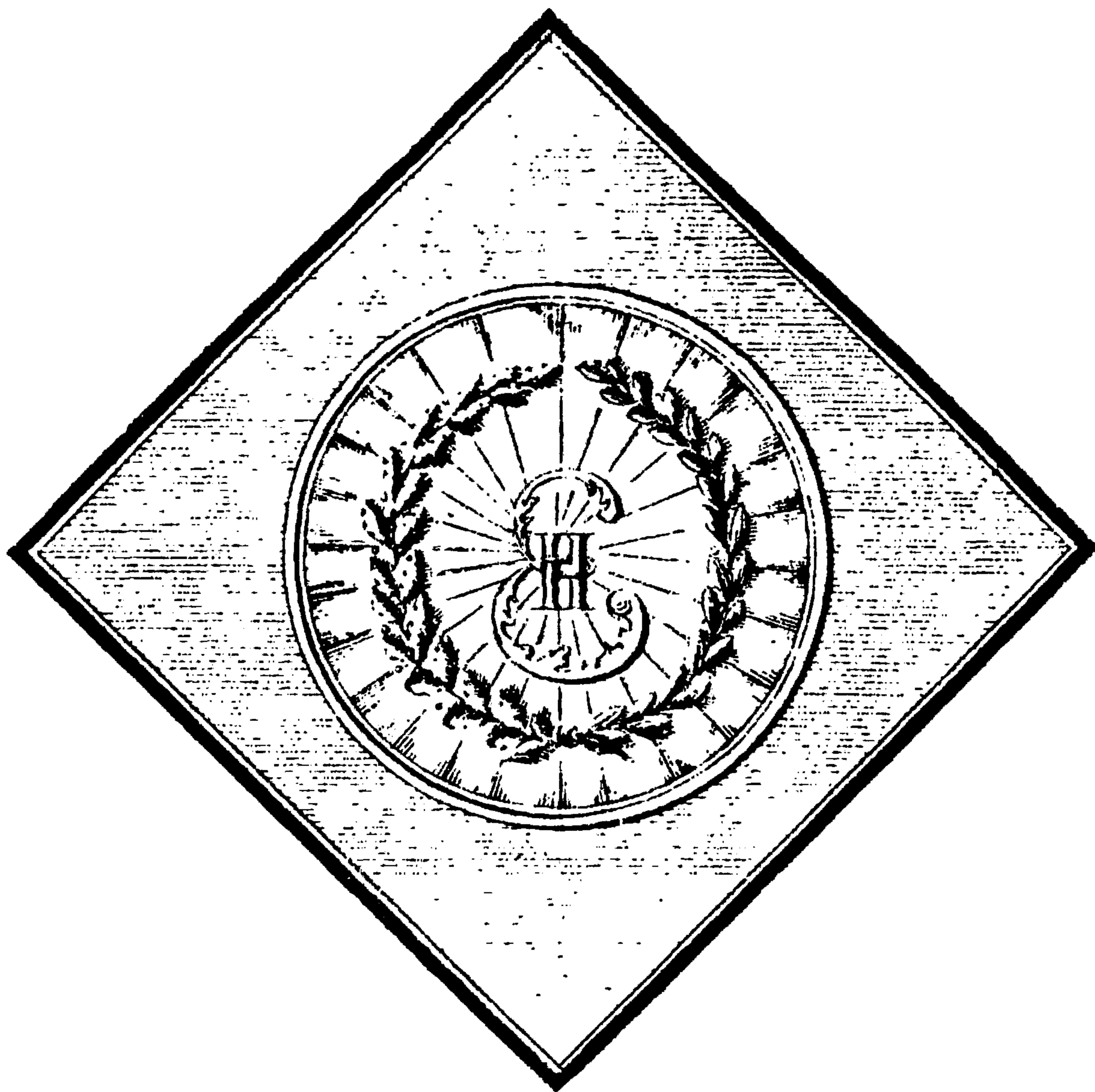
поощрение и покупку разного рода предметов, не предвиденных первоначально при учреждении Академии, кои не положено было производить из сумм, определенных на содержание Академии. Из денег хозяйственной кассы покрывалось также превышение расходов над доходами, возникавшее со временем из-за вздорожания всего и вся.

На содержании Академии я застала всего 17 учеников гимназии и 21 мальчик, обучавшийся ремеслам. Я распорядилась увеличить число первых до 50, а вторых — до 40. К моему удовольствию, мне удалось удержать собиравшегося покинуть Академию г-на Фусса, которому, а равно и г-ну Георги жалование было мною удвоено. В следующем году я увеличила содержание всем профессорам и ввела три новых курса — математики, геометрии и естественной истории, которые должны были преподаваться на русском языке российскими же профессорами бесплатно, но по прочтении курса профессора получали по 200 рублей из хозяйственной кассы Академии. Я часто присутствовала на

этих лекциях и испытывала удовлетворение, видя, каковую образовательную пользу приносят оные детям бедных российских дворян и молодым гвардии унтер-офицерам...

...Вскоре, однако, вследствие поступков генерал-прокурора князя Вяземского, я стала испытывать своего рода отвращение к моей директорской должности. То он оставлял без внимания представления, которые я направляла в Сенат, о повышении по службе тех находившихся в моем подчинении лиц, кои того заслуживали; то не присылал ко мне необходимо нужных мне сведений касательно границ различных губерний, по коим я собиралась издавать более точные карты. Наконец, он имел дерзость спрашивать у моего казначея, почему тот не представляет ему ежемесячно вместе с отчетами по казенной кассе Академии еще и отчеты по хозяйственной кассе. Я тотчас же написала императрице и просила дать мне отставку, поелику князь Вяземский, очевидно, желал установить порядок отчетности, который со времени основания Академии отнюдь не применялся, даже при моем предшественнике, подозревавшемся в злоупотреблениях; я напомнила ее величеству, что, вследствие живой моей озабоченности и просьб, она разрешила мне представлять ей ежемесячные отчеты о хозяйственных деньгах, что я в точности и делала, имея немалое удовольствие слышать, как ее величество выражали свое удивление в связи с успешным ростом доходов; поему я не могла позволить генерал-прокурору посягать на прерогативы директора в столь существенном для процветания Академии деле и еще менее — позволить ему не доверять моей честности. Князь Вяземский получил выговор, и императрица просила меня забыть об этой глупой выходке с его стороны. Надобно знать, что генерал-прокурор отличался добросовестным исполнением в делах и наблюдением порядка в своем ведомстве, но был необразован и мстителен, имея зуб противу меня, поелику я приняла к себе на службу людей, которых он преследовал и, лишая должности, оставлял тем самым без куска хлеба.

Однако было еще другое обстоятельство, которое вызвало ко мне недоброжелательство со стороны генерал-прокурора. В Академии издавался новый журнал, в котором сотрудничала как императрица, так и я сама. Советник Козодавлев и другие особы из числа моих подчиненных по-

Жетон императорской Российской Академии. Лицевая сторона.

мещали в нем свои сочинения в стихах и в прозе; Вяземский же принимал на свой счет или на счет своей супруги все, что ни было среди них сатирического, в особенности же, когда узнал, что в журнале участвовал также и г-н Державин.⁵ Поелику генерал-прокурор в свое время преследовал сего последнего, из-за чего тот лишился места вице-губернатора,⁶ Вяземский решил, что Державин мстит ему в своих стихах, коими все восхищались и читали с жадностью. Мне пришлось в связи с этим претерпеть немало неприятностей. Князь Вяземский продолжал, насколько то было в его силах, препятствовать мне в осуществлении моих благих начинаний; были среди них и те, которые имели немалую общественную пользу, как, например, составление новых, более точных, карт различных провинций, границы коих изменились после нового губернского деления.* Вмес-

* Это деяние, достойное великой Екатерины, явилось благотворным источником, из которого привнесены были порядок и разного рода улучшения

то того чтобы сообщать мне обо всех этих переменах, он задерживал их и медлил с доставлением тех, которые губернаторы пересылали мне по моей просьбе.

Я же не хотела постоянно надоедать императрице своими жалобами и сочла за благо терпеливо сносить все невзгоды.

...Однажды мы с императрицей прогуливались в ее царскосельском саду, беседуя о красоте и богатстве русского языка. Я выразила ее величеству удивление тем, что, будучи сама сочинительницей и толико любя наш язык, она до сих пор не учредила Российской Академии, необходимой нам, поелику у нас тогда еще не было установленных правил и добротного словаря, кои избавили бы нас от глупого обыкновения употреблять иностранные понятия и слова, и это при том, что мы обладаем собственными и гораздо более выразительными. «Не знаю, как так получилось, — ответила мне императрица, — ибо вот уже несколько лет как я мечтаю об этом и даже отдала на этот счет некоторые распоряжения». — «Это тем более удивительно, ваше величество, — сказала я, — ведь нет ничего легче: поелику в Европе существует уже несколько подобных Академий, и надобно только выбрать». — «В таком случае, — ответила императрица, — прошу вас составить для меня план сего предположения». — «Но, — возразила я, — было б лучше, ежели б вы приказали одному из ваших секретарей представить вам все, что касается Французской, Берлинской⁷ и некоторых других Академий с предложениями о том, что следует отменить или, наоборот, привнести для устройств нашей Академии». — «Я все-таки еще раз прошу вас, — сказала она, — взять этот труд на себя, и я уверена, что ваша деятельность избавит от проволочек в этом деле, каковое, к моему стыду, до сих пор не приведено ко исполнению». — «Труд не велик, ваше величество: я исполню ва-

внутри империи. Появились удобные и безопасные дороги; для внутренней торговли были сняты существенные ограничения, что придало ее характеру больше деятельности, а правосудие осуществлялось таким образом, что не было нужды ездить в поисках справедливости за 2 или 3 тысячи верст в столицу. Города украсились новыми зданиями. Императрица повелела выстроить на свой счет в главных городах губерний великолепные дворцы для губернаторов и для местопребывания различных отделений судебного ведомства. Она распорядилась построить превосходные по красоте соборы, а внутренняя гражданская полиция водворила порядок и безопасность, каковые ранее не могли поддерживаться по причине изрядной удаленности от властных учреждений.

шу просьбу так быстро, как только смогу; но у меня нет здесь ни одной книги, которая может потребоваться, и я осмеливаюсь еще раз представить вашему величеству, что любой из секретарей, находящихся в вашей передней, делает все это лучше меня». Поелику все мои попытки переубедить императрицу не имели успеха, пришлось уступить и повиноваться. Вернувшись домой к ужину, прежде чем лечь, я составила сокращенное начертание того, что, как мне думалось, было потребно для учреждения Академии русского языка. Каково же было мое удивление, когда я получила назад несовершенный набросок, сделанный на скорую руку ради того, чтобы доставить удовольствие императрице, уже утвержденным подписью ее величества, как если бы это было хорошо обдуманное и должным образом оформленное установление; оный сопровождался указом о назначении меня президентом новой Академии! Копия сего указа тогда же была направлена в Сенат. Из всего этого следовало, что императрица не желает и слышать о моем отказе.

Два дня спустя я возвратилась в Царское Село, питая, как впоследствии оказалось, напрасную надежду склонить ее величество к выбору другого президента. Тогда я сообщила ее величеству, что уже имею в своем распоряжении средства, потребные для годичного содержания Российской Академии, и что с ее стороны не потребовалось бы иных издержек, кроме расходов на покупку дома; в ответ на это императрица выразила удивление и вместе с тем отозвалась одобрительно, когда я сказала ей, что суммы в 5000 рублей, которую она выделяет из личных своих денег на переводы классических авторов,⁸ было б достаточно. «Но, однако ж, я желала бы, — возразила она, — чтобы переводы продолжались». — «Разумеется, ваше величество, — отвечала я, — поелику этим отныне займутся наши студенты и воспитанники Академии наук, а русские профессора станут проверять их переводы; таким образом, 5000 рублей, в коих директора никому не отдавали отчета и которые, принимая в соображение малое число переводов, сделанных до сих пор, почитали деньгами, отпускаемыми на собственные их карманные расходы, найдут наконец себе достойное применение; но следовало бы учредить еще жетоны и одну или две медали⁹ для ежегодного награждения тех, кто особливо отличен был в сем деле. Буду иметь честь, — сказала я в заключение, — представить вам штат и перечень потребных

расходов, и тогда увидим, останутся ли у нас средства на жетоны и медали». Я действительно представила ей счисление всех расходов, где определила содержание или плату двух секретарям по 900 рублей каждому, двум переводчикам по 450 рублей, четверем инвалидам для отапливания и присмотра за зданием и одному казначею, так что на содержание штата требовалось всего 3300 рублей, а оставшиеся 1700 рублей предназначались на покупку дров, бумаги, приобретение книг, каковое должно было осуществляться постепенно, из года в год. До тех пор я предложила академикам пользоваться моей библиотекой.* Вместе с тем на расходы по изготовлению жетонов и медалей денег не оставалось. Императрица назначила 1250 рублей ежегодно из средств своего Кабинета на покрытие связанных с этим расходов. Она, казалось, была скорее удивлена, нежели довольна моим исчислением расходов, поелику уже привыкла, что в представлявшихся ей сметах глава или президент Академии не только не был забыт, но, напротив того, ему всегда определялось изрядное жалование; я же не назначила сего ни копейки, и сие полезное учреждение не стоило государыне ничего сверх означенных выше 1250 рублей, кои ее величество назначила на приобретение жетонов и медалей. На этом я покончу с тем, что касается Российской Академии, отослав моих читателей (ежели это их заинтересует) к последнему отчету по академическим делам, представленному мною ее величеству, удовольствовавшись здесь только одним замечанием о том, что на деньги, не выплаченные Домашневу за переводы классических сочинений в последние три года, то есть на 15 000 рублей, я построила (прибавив к оным сделанные мною сбережения) два флигеля во дворе того дома, что был нам передан ее величеством, и вместе они приносили Российской Академии ежегодно 1950 рублей дохода. Император Павел отобрал и дом, и оба эти флигеля, а вместо них дал участок земли, на котором стояла одна только кузница. Впоследствии, когда я покинула свою должность,¹⁰ то после меня осталась наличная сумма, предназначение коей было в пользу детей-подкидышей, в размере 49 тысяч рублей, дом, обставленный мебелью, весьма значительная библиотека и доходы, возросшие на 1950 рублей в год, а также и приведенный

* Однако уже через десять лет Академия имела в своем распоряжении собственную и довольно обширную библиотеку.

С Л О В А Р Ъ

А К А Д Е М І И Р О С С І Й С К О Й

Ч а с т ь I.

о п ъ А . д о Г .

В Ъ С А Н К Т П Е Т Е Р Ъ У Р Г Ъ ,

п р и И м п е р а т о р с к о й А к а д е м і и Н а у к ъ
1789 г о д а .

Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1. Титульный лист.

к окончанию и изданию словарь,¹¹ и все это было сделано на протяжении 11 лет.

В заключение, чтобы покончить с этим, однако ж, должна сказать, что имела из-за одного при дворе немалые неприятности и огорчения. Просвещенная часть общества отдавала мне справедливость и признавала, что учреждением Российской Академии и удивительным успехом в создании первого у нас русского словаря обязаны были моей энергической деятельности вкупе с моею любовью к Отчизне. Придворные же, напротив, находили, что словарь, будучи этимологическим,¹² был весьма неудобен в пользовании; даже ее величество не единожды спрашивала меня, почему не положили мы в основу его алфавитный порядок. Я отвечала на это, что второе издание, каковое можно было подготовить менее чем за три года, будет иметь алфавитный строй, но первый словарь любого языка непременно должен быть этимологическим, дабы служить к указыванию и отысканию корней слов. Не знаю, почему императрица, восприимчивость коей обладала способностью к постижению предметов наивозвышенных, казалось, не понимала меня. Я сознавала, что сие могло явиться причиною немалой досады, и как ни было неприятно доложить на заседании Академии мнение ее величества о нашем словаре, все же я приняла решение поставить об этом вопрос на первом же из наших заседаний, не опуская, однако же, при этом всего того множества докучных мелочей, из-за коих так часто подвергалась я нападкам, и все члены Академии, как я и ожидала, подтвердили, что первый словарь нельзя делать иначе, что его второе издание будет и более полным, и расположенным в алфавитном порядке. При первом же свидании я пересказала императрице общее мнение академиков и доводы, кои они приводили. Но ее величество, очевидно, остались при своем мнении. В то время она тоже занималась так называемым словарем,¹³ редактором которого был г-н Паллас.* Он являл собою подобие краткого

* Этот ученый, знаменитый благодаря изданиям описаний своих путешествий по России и познаниям в естественной истории, был человеком беспринципным, безнравственным и порочным; он осмелился истратить на издание, каковое в угоду императрице называл словарем, свыше двадцати тысяч рублей, не считая того, во что обошлась Кабинету посылка курьеров в Сибирь, на Камчатку, в Испанию, Португалию и прочие страны для того лишь, чтобы добавить в этот словарь по несколько слов из бедных и малоизвестных языков.

Академик Иван Иванович Лепехин (1740—1802), член и неперменный секретарь Российской Академии.

словаря 90 или 100 языков, некоторые из которых были представлены всего какими-нибудь двадцатью словами, такими как *земля, небо, вода, отец, мать* и тому подобными; настолько бесполезным и несовершенным было странное сие произведение, что воистину оно внушало мне чувства неприятия, а между тем его превозносили как словарь, достойный восхищения. В поисках отдохновения я отправи-

лась в свой загородный дом, который, согласно моему распоряжению, был выстроен из камня; я отказалась от всякого общества и выездов в город. Но свободного времени у меня решительно не оставалось, поелику обе Академии требовали немалого приложения сил. На мою долю достались три буквы алфавита,¹⁴ и я взяла на себя обязанность подобрать все слова, начинающиеся на эти буквы; всякую субботу мы собирались того ради, чтоб вместе отыскивать корни слов, собранных всеми членами Академии. Помимо сего каждую неделю я ездила на несколько дней в Царское Село. Таким образом, все время мое было занято.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

М. М. Херасков
Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой
1783 г.

Призывающему гласу
Я последовать хочу,
Ко священному Парнасу
Прежнего пути ищу.

Сладко мне повиноваться
Председательнице муз,
Только должен я признаться,
Что к стихам исчез мой вкус.

Будто моря удаленье
Обнажает берега,
Иль морозов наступленье
Нам сулит одни снега.

Тако пение бесплодно,
Тако стало студено;
Летам не цветущим сродно,
Сухо, пасмурно, темно.

Мне не лиру, но цевницу¹
Свойственно теперь иметь —
Пусть Мурза поет Фелицу,
Может он со вкусом петь.

Спознакомься со Парнасом,
Душиньку пускай поет
Богданович нежным гласом,
Только помня мой совет.

Пусть ко солнечному свету
Юные парят орлы

И свою имеют мету
Петь монархине хвалы.

Предлежит пространно поле
Музам ради их трудов:
Здесь премудрость на престоле;
Много надобно венцов.

Ум природы совершенство,
Истина ее уста;
Зиждет общее блаженство
Каждая руки черта.

В сердце милость обитает,
На челе священный мир,
Важный дух в очах блистает;
Сколько видов ради лир!

Муз лишенный, справедливо
Сожалею лишь о том,
Что писать бессилен живо
Ей хвалы моим пером;

Но мое стихотворенье
Будто бы поля весной,
Чувствует животворенье,
Внемля кроткий голос твой.

Кто российской громкой славы
Не удобен в рог звучать,
Тот испорченные нравы
Постарайся обличать.

Пусть вещает и вострубит
В прозе и стихах своих:
Кто Россию прямо любит,
Не заемлет свойств чужих.

Чем славна богиня в мире,
То питает мысль мою;
Но теперь на томной лире
Я Владимира пою.

Древность солнце мне являет
В просвещенном муже сем;
А Минерва оживляет
Дух премудрости лучом.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ
РОССИЙСКОЙ
ГРАММАТИКИ,

ВЪ

Пользу учащагося въ Гимназіи при
Императорской Академіи Наукъ
юношества

Составленыя.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ

1788 года.

Начальные основания российской грамматики.
СПб., 1788. Титульный лист.

Сладко музам под покровом
Сей богини ликовать
И вседневно в чувстве новом
Благодарность воспевать.

Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперсница у вас;
Восхищайтесь, лиры стройте,
Вверен Дашковой Парнас.

М. Х.

**Посвящение Е. Р. Дашковой из учебника П. И. Соколова
«Начальные основания российской грамматики». 1788 г.**

Сиятельнейшая княгиня,
милостивая государыня!

Благоволением вашего сиятельства избран будучи руководителем в отечественном языке юношеству, обучающемуся в Академическом училище, о коем вы толикое попечение прилагать изволите и от коего на общество проистекающая польза довольно доказана вышедшими из сего училища воспитанниками, разные должности и разные звания вне Академии с похвалою проходящими, за непреложный поставил себе долг, по мере сил моих, исполнить приказание ваше и сделать краткое начертание правил языка российского к вящей пользе обучающегося юношества. Труд сей, на который и первейшие в знании языка российского мужи обращали все свое внимание, был бы всегда свыше сил моих, если бы я по вашему же благоволению не имел случая быть при собраниях императорской Российской Академии и заимствовать многое от бываемых во оной рассуждений, к правилам, чистоте, усовершению и возвеличению российского языка споспешествующих. Итак, милостивая государыня, вам наипаче одолжен я посильными моими в российском языке успехами, вашему же сиятельству осмеливаюсь посвятить и первый плод оных.

Примите оный, сиятельнейшая княгиня, с обыкновенным вам снисхождением и удостойте приносящего дальнейшего вашего покровительства.

Сиятельнейшая княгиня,
милостивая государыня!
Вашего сиятельства
всепокорнейший слуга Петр Соколов.

**Письмо Павлу I¹
с просьбой о разрешении жить в Калужской губернии
Январь 1797 г.**

Всемиловитивейший государь.

Милующее сердце вашего императорского величества подданной, угнетенной летами, болезнями, а паче горестию быть под гневом вашим, простит, что сими строками прибегаю к благотворительной душе монарха своего. Будь милосерд, государь, окажи единую просимую мною милость, дозвожь спокойно окончать дни мои в калужской моей деревне, где по крайней мере имею покров и ближе помощи врачей. Неужели мне одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю империю осчастливить желаете и столь многим соделываете счастье. Удовлетворя моей просьбе, вы оживить изволите несчастную, которая по гроб будет государя человеколюбивого прославлять, пребывая с непоколебимою верностию

вашего императорского величества,
всемиловитивейшего государя,
всенижайшая и послушная верноподданная
княгиня К. Дашкова.

Коротова деревня, близ Череповца.
Январь 1797 г.

**Поздравительное письмо Александру I¹
19 марта [1801 г.]**

Всемиловитивейший государь.

Позвольте, ваше императорское величество, дряхлой старухе из уединения своего также принести не меньше усердное всеподданническое поздравление; объятой дух радостию, скажу вам, что самый первый ваш указ, изображающий к подданным милость, а к памяти бессмертной великой Екатерины благоговение, наполнил сердца всех россов радостию и купно надеждою, что в блаженстве паки будем славны и велики. Вы, милостивейший государь, знали мою бескорыстную личную привязанность к бабушке вашей, в сердце которой вы были первый дражайший предмет; льщусь также, что изволили знать мою к вашему величеству еще с младенчества вашего, смею сказать, любовь и приверженность, то легко вообразите, что если бы

телесные силы мои дозволили, я бы не мешкав повергла бы себя к стопам вашим, но лета, а паче печали, придвинули меня к дверям гроба; если же доживу до приезда вашего в Москву и позволите пасть к ногам вашим, тогда все горести забуду; между тем, препоручая себя и сына своего в высокомонаршую милость, за счастье поставляю именоваться

вашего императорского величества
верноподданная
княгиня Дашкова.

19 марта [1801 г.].
Село Троицкое.

Р. S. Зная душевную красоту и кротость вашу, не обинуясь осмеливаюсь вас, милостивейший государь, просить засвидетельствовать ее императорскому величеству, августейшей вашей супруге,² всеподданническое мое поздравление и благодарность за утешение в бедствиях моих, которое принесли мне пожалованные ее и вашего величества портреты; сии божественные изображения подкрепляли и оживляли.

Простите милостиво дрожащих рук начертание.

Письмо к издателям «Друга просвещения» с приобщением «Надписи к портрету Великой Екатерины» 1804 г.

Государи мои!

Простите, если при первом случае я к вам с просьбою отношусь; причина от вашей прозорливости не скроется. Я душевно была привязана и по гроб чувства свои сохраняю к великой монархине, благотворительнице России; почему я наслаждением сердечным себе вменяю, когда слышу или читаю начертания сердец, ей благодарных, особливо когда оные сопряжены с просвещенным умом, могущим ценить превосходные дарования, коими Бог ее столь ясно отличил. Нашед в бумагах своих речь преосвященного Георгия, я думаю, что вам приятно будет оную в вашем ежемесячном издании поместить, и для того ее при сем приобщаю.

Равномерно прошу поместить и надпись к портрету ее величества, переведенную мною с французского российской прозою, для того что я уже потеряла и ту малую стезю, по которой доселе я прибегала к музам; побудилась же

я оный перевод сделать потому, что сочинитель превозносит и великую монархию, и великий почтеннейший народ, и что в моих понятиях отношение взаимное, как частных людей между собой, так и народов к народу, основывается не только на силе, преимуществе и важности, содержащейся в себе, но и на внутреннем о себе восчувствовании и заключении. Кажется, весьма естественно заключить можно, что если мы сами себя почитать не умеем или не хотим, то не можем ожидать, а менее еще требовать, чтоб нас почитали.

Если увижу, что вы снисходительно просьбе моей удовлетворите, то поощрите и впредь вам предлагать мысли пребывающей с почтением.

Покорная вам служница
Россиянка * * *

Надпись к портрету Великой Екатерины.

Кто более ее когда-нибудь заслуживал благоговейное почитание. Соразмерно величию души ее ей небо дало владычество, подобное важным и пространным ее намерениям, пространный край в нашем шару ей покорил, а чтоб счастье всегда ей сопутствовало, чтоб была непобедима и слава чтоб ее бессмертною была, чтоб ничего невозможного для нее не существовало, благий Творец ей россиян подданными дал.

**Письмо вдовствующей императрице Марии Федоровне
13 июля 1806 г.**

Троицкое, 13 июля 1806 г.

М<илостив>ая г<осудары>ня, добродетели и человеколюбие, столь свойственные вашему сердцу, дают мне смелость не только обратиться к вам с просьбой, но и надеяться, что вы примете ее с обычным снисхождением. Благоволите, государыня, утешить последние дни моей страдальческой жизни. Во время моего пребывания в Англии я познакомилась с семейством Уильмот¹ и его родственниками, людьми богатыми и уважаемыми как в Англии, так и в Ирландии. Один из членов этого семейства, самый преданный мой друг, мистрис Гамильтон² убедила мисс Уильмот³ посетить меня и разделить на время мое уединение. Нравственность, таланты, скромность, наконец друж-

ба Уильмот вот уже три года как облегчают мое печальное существование; и теперь более, чем когда-нибудь, она не желает отказать мне в своем утешении, решившись не покидать меня в эту весну вместе с своей старшей сестрой,⁴ которая имела честь в прошлое лето представиться вам. Никто лучше вас не может оценить благотворного влияния дружбы и ее долга; я так много обязана этой прекрасной молодой девушке, что хотела бы с своей стороны отплатить ей взаимным одолжением — моей непрерывной заботой о ее благополучии. Вследствие этого повергаюсь к вашим ногам и умоляю, на случай моей смерти, принять под свое покровительство Уильмот, пока она останется в России: с этой надеждой я спокойно встречу свою близкую смерть. Смею уверить вас, государыня, что мой юный друг достоин вашей доверенности, и если б вы знали ее лично, я надеюсь, оценили бы ее качества. Если вы благоволите принять мою просьбу, последние дни мои будут отрадны и я буду спокойна, по крайней мере оттого, что мой последний долг исполнен.

Могу ли еще беспокоить вас одной просьбой, которая требует некоторого объяснения.

Более девяти лет прошло с тех пор как я сделала завещание, признанное родственниками моими и моего мужа, между прочими, почтенным Еропкиным⁵ и князем Репниным.⁶ Я передала это завещание в архив воспитательного дома,⁷ пожертвовав некоторую долю в пользу заведения. Исполнителями моей последней воли были назначены мной старший брат⁸ и князь Иван Гагарин. Первого я имела несчастье потерять; а второй, легко может случиться, умрет прежде меня; поэтому я просила опекунский совет принять на себя обязанность моих душеприказчиков. Желая доказать, как дорого для меня добросовестное исполнение моего завещания, я представила четыре тысячи рублей в пользу воспитанников этого благотворительного учреждения, счастливых под вашим особенным попечением. Теперь же я хочу внести в воспитательный дом пять тысяч фунтов стерлингов в пользу моего друга мисс Уильмот и просить вашего содействия в исполнении моего желания. Взнос денег немедленно последует, как только я буду иметь счастье получить ответ на мою просьбу. Великодушное принятие ее возбудит новые пламенные чувства благодарности и уважения к вам в вашей покорной и преданной слуге.

Княгиня Дашкова.

Духовное завещание княгини Е. Р. Дашковой [1807 г.]

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я нижеподписавшаяся, статс-дама и кавалер, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова, чувствуя преклонность века моего, приближающегося от потери любезнейшего сына моего, покойного князя Павла Михайловича,¹ призвав помощь Господа Бога моего, заблагорассудила, в здравом уме и твердой памяти, изобразить сделанное мною следующее распоряжение.

По учиненному между мною и детьми моими — покойным сыном князь Павлом Михайловичем Дашковым и дочерью Настасьей Михайловною, по мужу Щербининою, в оставшем после мужа моего, а их отца, имении, любовному разделу, в 27-й день февраля 765 года всемилостивейше конфирмованному блаженной и вечно достойной памяти императрицею Екатериною Великой, получила я из того имения на седьмую часть: в губерниях — в Орловской село Птицыно, Дашково тож, в Калужской — село Троицкое и в Московской в Волоколамском уезде село Муриково, со всеми написанными в оных и принадлежащих к оным деревням дворовыми людьми и крестьянами, всего по 4-й ревизии « » мужеска пола душ, с имеющимися к оным землями и всякими угодьями; которые села и деревни, по кроткому управлению моему и получению с них, в течение 22 лет, оброка только по три рубля в год, как значит из ревизских сказок, умножились до знатного количества.²

Хотя же, по тому высочайше утвержденному разделу, следовало мне несколько и менее того количества на седьмую по смерти мужа моего часть, но поелику сие учинено, как значит из всемилостивейше конфирмованного, подносимого мною покойной императрице Екатерине Великой прошения, с которого, равно как и с раздела, копии при сем прилагаю, взамен как возвращения мне принесенного мною по приданству имения, употребленного на zapлату долгов мужа моего, и издержанной моей суммы на воспитание детей, покупку сел, деревень и земель, включенных в тот же раздел, как бы оставшихся после покойного мужа моего, так и указной части, следовавшей дочери моей Настасье Михайловне Щербининой, которую, удержав у себя, дала я ей вместо оной, при выходе ее в замужество, деньгами, с превосходством того, что стоит, — 80 000 руб.; а

как прежде того раздела купленные мною в Тамбовской губернии с лишком 400 душ, числившиеся по 4-й ревизии за мною, отдала я покойному сыну моему, за которого, так как и за дочь мою, сверх всего оно, заплачено мною до 25 000 р. долгов: а потому все оное доставшееся мне по разделу имение есть, как по образу самого раздела, так и по праву дворянскому, мною благоприобретенное, ибо обратилось оное мне в куплю пожертвованием капитала моего.

К тому же имею я: 1-е) всемилостивейше пожалованное в 782 г., от щедрот блаженной и вечно достойной памяти императрицы Екатерины Великой, в Могилевской губернии местечко Круглое с деревнями; 2-е) купленные мною в Калужской губернии у Плещеева и других помещиков до 300 душ, с принадлежащими к ним землями и пустошами; 3-е) состоящий в Москве, Тверской части, на Большой Никитской в приходе Малого Вознесения, каменный дом, выстроенный собственным капиталом моим на доставшемся мне по покупке от князя Николая Алексеевича Долгорукова месте, и 4-е) на 4-й версте от С.-Петербурга по Петергофской дороге дачу с домом, называемую Кирианово, дошедшую мне к 762 г. по данной.

А как по запальчивому нраву дочери моей Настасьи Михайловны Щербининой, изъявлявшей всегда и противу меня не только непочтение, но и позволившей себе нанести мне, в продолжение нескольких лет, огорчения и досады, кои хотя я и старалась скрывать, токмо всем сделались известными, не могу я обременять совесть свою оставить кого-либо в ее зависимости и принадлежности: то я от всего недвижимого и движимого имения моего ее отрываю, как мать и приобретательница вышесказанного имения; а приемля в основание 22-ю статью всемилостивейше жалованной дворянству грамоты, изображающую власть первого приобретателя сими словами: «Благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем какого имения, благоприобретенное им имение дарить, или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудит; наследственным же имением да не распоряжает иначе, как законами предписано», распределяю и завещаю вышеозначенное имение мое по нижеследующему.

Первое, отдаю в вечное и потомственное по смерти моей владение племяннику моему, брата моего родного графа Семена Романовича Воронцова сыну, действительному ка-

Е Я С І Я Т Е Л Ь С Т В У,
Е Я И М П Е Р А Т О Р С К А Г О
В Е Л И Ч Е С Т В А

Штатсъ-Дамъ и ордена св. Екашерины
К А В А Л Е Р У,

Императорской Академіи Наукъ Директору,
Императорской Россійской Академіи Предсѣ-
дателью, Королевской Стокгольмской Акаде-
міи Наукъ, Санктпетербургскаго Вольнаго
Экономическаго Общества и Вольнаго Рос-
сійскаго Собранія при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ Члену,

К Н Я Г И Н Ъ
Е К А Т Е Р И Н Ъ Р О М А Н О В Ъ
Д А Ш К А В О Й,

Милостивой Государынѣ.

Посвящение Е. Р. Дашковой из «Начальных оснований
российской грамматики». СПб., 1788.

мергеру и кавалеру графу Михайле Семеновичу Воронцову:³ 1-е, всемилостивейше пожалованное мне в 782 г. в Могилевской губернии местечко Круглое с деревнями и с купленною мною в той губернии деревнею и со всеми написанными в них, по последней 5-й ревизии, мужеска и женска полов душами, с принадлежащими к ним землями, лесами, отхожими пустошами и со всеми угоды; 2-е, состоящий в Москве на Никитской улице в приходе Малого Вознесения крепостной мой дом, со всяким в оном строением и движимым имением, что в нем по смерти моей найдется, выключая некоторых мелочных вещей, коих употребление назначила я в отношении моем, при сем прилагаемом, к Федору Ивановичу Киселеву,⁴ графу Петру Львовичу Санти⁵ и князю Александру Михайловичу Урусову;⁶ и 3-е, все остающиеся после меня векселя, заемные письма, закладные и всякие обязательства и наличные деньги отдаю ему же, племяннику моему графу Михайле Семеновичу Воронцову. Состоящий за мною вышесказанный в Москве дом мой отдаю ему, племяннику моему графу Мих. Сем. Воронцову, с тем, чтоб он по смерти моей в течение 4 месяцев роздал определенную мною сумму всем тем, кому сколько по особо учиненному вместе с сим, за подписанием моим, реестру назначено, предоставляя, впрочем, ему сие исполнить хотя и продажею завещанного мною дома. Ежели же при смерти и по смерти моей помянутого моего племянника здесь не случится и определенная мною по реестру денежная раздача остановится, то завещаю генерал-лейтенанту Федору Ивановичу Киселеву, действительному камергеру графу Петру Львовичу Санти и статскому советнику князю Александру Михайловичу Урусову, по истечении 4-месячного срока после смерти моей (в случае что продажею одного движимого имения, в доме моем имеющегося, наличными деньгами, векселями и всякими обязательствами определенная мною родным моим денежная раздача недостаточна будет), тогда в дополнение к тому тот дом со всяким в нем движимым имением продать, и из вырученных денег раздав, сколько кому по упомянутому реестру мною назначено, остальные отдать ему же, племяннику моему графу Михайле Семеновичу Воронцову, о чем дано им каждому за подписанием моим надлежащее наставление.

Второе. Брата моего двоюродного сыну, графу Ивану Ларионовичу Воронцову-Дашкову⁷ отдаю в вечное и по-

томственное владение доставшееся мне по разделу в Орловской г<убернии> село Птицыно Дашково тож с деревнями, в Калужской — село Троицкое с деревнями и в Московской губерниях — Серпуховского уезда деревню Дашкову, в 137 душах состоящую и под управлением помянутого села Троицкого находящуюся; купленное мною в Калужской губернии у Плещеева и других помещиков недвижимое имение, со всеми написанными во всех тех селах и деревнях по 5-й ревизии мужеска и женска полов душами, со вновь рожденными после ревизии, с принадлежащими к ним землями, отхожими пустошами и со всеми угоды, также с имеющимися там господскими домами и со всем находящимся в них недвижимым имением, всякими заводами и заводским имением, да состоящую близ С.-Петербурга по Петергофской дороге дачу, с находящимся там домом, со всяким на ней строением, мебелью и со всем тем, что в ней по смерти моей останется.

Третье. Затем недвижимое мое имение, состоящее Московско́й губ<ернии> в Волоколамском уезде село Муриково с деревнями, оставляю я до учинения об оном впредь распоряжения моего.

Четвертое. При всем моем на справедливости основанном неудовольствии к дочери моей Настасье Михайловне Щербининой завещаю, однако ж, я из милости в пользу ее племяннику моему графу Михайле Семеновичу Воронцову выдать, по смерти моей, единовременно 3000 р., и всякий год производить ей же, по смерти, по 4000 р., разделяя оную сумму в выдачу каждогодно на две половины.

Пятое. Назначенные мною, по реестру, подполковника Маслова дочери девице Прасковье,⁸ находящейся ныне в институте,⁹ 1000 р. завещаю племяннику моему графу Михайле Семеновичу Воронцову отдать в Сохранную казну московского Воспитательного дома с тем, чтоб и с приращенными процентами оные ей выданы были, когда исполнится ей 20 лет, а в случае смерти ее, брату ее меньшому, когда также минет ему 20 лет.

Шестое. Поставляя всегда богоугодным делом снабжать и поощрять новые семейства, желаю и завещаю я племяннику моему графу Ивану Ларионовичу Воронцову-Дашкову выдавать ежегодно в день смерти моей на шесть пар сочетавшихся из крестьян браком, на каждую по 50 р., всего 300 руб.; и чтоб таковые шесть пар избираемы были из недостаточных крестьян Калужской вотчины села Тро-

ицкого и бракосочетаемы были в самый тот же день, если уставы церкви тому не воспрепятствуют; а если в тот день невозможно, то в первый, свободный от препятствий.

Седьмое. Служащих при мне девок, а именно Прасковью, Настасью и Анну, в награждение за их мне службу, отпускаю вечно на волю, коим и дать в 10-й день после моей смерти отпускные.

Осьмое. Не желая обременять более Московский Опекунский Совет некоторыми мелочными распоряжениями, относящимися до дома моего и до прочего, поручаю я приверженным ко мне родственникам моим, Федору Ивановичу Киселеву, графу Петру Львовичу Санти и князю Александру Михайловичу Урусову, оные выполнить. О содержании какового распоряжения прилагаю с письма моего к ним копии, а Московский Опекунский Совет прошу в нужных случаях не лишить их своего представительства для точного исполнения воли моей, им вверенной.

Девятое. Поелику на исполнение сего духовного моего завещания никто мною не избран и не назначается, то я, утвердя оное моим и упрощенных мною свидетелей подписанием и представя оное обще с вышеупомянутым реестром о раздаче назначенной от меня суммы, для хранения до смерти моей за печатью герба моего, императорского Московского Воспитательного дома в Опекунский Совет, наипочтительнейше оный прошу, яко опекуна, попечителя или душеприказчика, мною избранного, принять на себя попечение о точном и неременном исполнении во всей подробности сей моей духовной, завещая, при вскрытии оной, по смерти моей внести из благодарности за таковое посредничество, на богоугодные того Воспитательного дома заведения, единовременно 1000 руб. из имеющейся остаться после меня суммы.

Итак, призывая имя Божие и уповая на его милосердие, уверена в точном выполнении сего моего духовного завещания.

Некролог 1810 г.

Сего января 4 числа скончалась в Москве княгиня Екатерина Романовна Дашкова, статс-дама и кавалер ордена св. Екатерины 1-го класса, урожденная графиня Воронцова. Она родилась в С.-Петербурге 1744 года. Императрица

Елизавета Петровна и император Петр Федорович, тогда еще бывший великим князем, принимали ее от купели. На 15 году вышла она замуж, а на 18 овдовела. Достоинство статс-дамы и орден получила в 1762 году. По возвращении из чужих краев, куда предпринимала она путешествие, с 1782 году была директором императорской Академии наук и председателем Российской Академии. Сверх того принята была в члены Стокгольмской, Берлинской и Эрлангенской Академий и обществ Филадельфского философического и С.-Петербургского любителей наук, словесности и художеств, а наконец, в почетные члены Московского университета, которому принесла в дар физический свой кабинет натуральной истории и собрание редкостей. Первое произведение пера ее, перевод Вольтерова «Опыта об эпической поэзии», напечатано в ежемесячном сочинении под названием «Невинное упражнение» в первые годы царствования императрицы Екатерины II. Многие стихи ее, на французском и российском языках писанные к сей государыне, когда она была еще великою княгинею, не дошли до сведения публики. Некоторые сочинения княгини Дашковой помещены в «Собеседнике» и в «Друге просвещения». Под ее надзором составлен словарь, изданный Российской Академиею. Сама княгиня обработала слова, начинающиеся с Ц, Ш и Щ; дала определения некоторым речениям, нравственные качества изображающим, и вообще усовершенствованию совокупного труда содействовала советами своими и примечаниями. В «Друге просвещения», откуда известия сии большею частью заимствованы,¹ упоминается о двух княгини Дашковой комедиях: первая под названием «Тойсиоков» написана по убеждению императрицы Екатерины; другая — «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная»,² служащая продолжением известной комедии г-на Коцебу «Бедность и благородство души», сочинена 1799 года в деревне графа Александра Романовича Воронцова, брата покойной княгини.

Я. К. Грот. Княгиня Дашкова

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова принадлежит к числу тех своеобразных деятелей, которые составляют отличительное явление века Екатерины II. Но это — личность тем более замечательная, что на ее долю выпало значение,

в обыкновенном порядке вещей вовсе не совместимое с ее полом. Такое значение приобрела она в истории русского просвещения своим умом, характером и знаниями как глава двух высших ученых учреждений и отчасти как издательница журнала, в котором одним из главных сотрудников была сама императрица.

Сестра двух знаменитых графов Воронцовых, Александра и Семена, Дашкова родилась в Петербурге 17 марта 1743 года. Отец ее, граф Роман Илларионович, был при Елизавете Петровне генерал-поручиком и сенатором. При Екатерине II он был генерал-губернатором владимирским и ярославским.* Императрица Елизавета была крестною матерью Екатерины Романовны, а наследник престола, впоследствии император Петр III, был ее крестным отцом. Воспитывалась она в доме своего дяди по отцу, государственного канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. Еще в детстве она пристрастилась к чтению; ее любимыми писателями были: Бейль,¹ автор известного энциклопедического словаря, Монтескье,² Буало³ и Вольтер; кроме библиотеки дяди ее снабжал книгами Ив. Ив. Шувалов, получавший из Франции все литературные новости, да и собственная ее библиотека простиралась до 900 томов. Впоследствии она имела возможность проводить целые годы за границею, в избранном кругу ученых и писателей разных стран и народов. Во все не отличаясь красотою, она, благодаря своему блестящему положению в обществе, уже 16 лет от роду вышла замуж. Рассказывают, что однажды князь Михаил Иванович Дашков слишком свободно начал объясняться ей в своих сердечных чувствах. Сметливая девушка обратилась к своему дяде канцлеру графу Михаилу Илларионовичу Воронцову и сказала: «Дядюшка, князь выражает желание получить мою руку». Дашков не решился возражать и обвенчался с нею в 1759 году, но уже через два года она овдовела. Князья Дашковы, смоленские землевладельцы, вели свой род от Мономаховичей. Супруг Екатерины Романовны был камер-юнкером и лейб-кирасирского полка вице-полковником. Род этот пресекся в 1807 году со смертью сына княгини Дашковой, генерал-лейтенанта и московского предводителя дворянства Павла Михайловича. Умирая, он завещал все свое имение внучатому брату своему графу Ивану Илларионовичу Воронцову, которому

* Кн. Долгоруков. Родословная, кн. II, 108.

император Александр I дозволил именоваться графом Воронцовым-Дашковым.*

Вышедши замуж, Екатерина Романовна удостоилась тесной дружбы с великой княгиней Екатериной Алексеевной и приняла деятельное участие в возведении ее на престол. В своих записках княгиня Дашкова рассказывает, что она подала супруге Петра III мысль поспешить приездом из Петергофа в столицу прямо в Измайловский полк, немедленно провозгласивший ее императрицей. Княгине Дашковой было тогда 19 лет. В самый день своего воцарения государыня пожаловала ей орден св. Екатерины и звание статс-дамы. Уверяют, что этим не удовлетворилось честолюбие княгини, что она желала командовать полком гвардии, хвалилась своими услугами и явно обнаруживала неудовольствие, что конечно не могло не повредить ей в благорасположении императрицы. Это заставило ее с 1770 году предпринять путешествие за границу, во время которого она познакомилась с Дидро⁴ и посетила Вольтера; в 1782 г. она совершила второе путешествие по Европе, побывала в Шотландии, Англии и Голландии, везде знакомясь с учеными и литературными знаменитостями.

Вскоре после ее возвращения императрица, с обыкновенною своею проницательностью в избрании людей для своих целей, решила воспользоваться способностями и ученостью княгини Дашковой для совершенно необычайного назначения.

В декабре 1782 года, на одном придворном бале, императрица подозвала ее к себе. «Я приблизилась, — говорит княгиня в своих записках, — и если б в самом деле упала с облаков, то не могла бы почувствовать большего изумления, как когда ее величество предложила назначить меня директором Академии наук». Княгиня сперва приняла было это предложение за шутку и, отвечая решительным отказом, заметила, между прочим, что если б ее величество вместо того назначила ее начальницею своих прачек, то она с полною готовностью приняла бы эту должность. «Не я, — возразила государыня, — а вы шутите, выпрашивая себе такое смешное звание». Напрасно княгиня доказывала, что всякий промах, сделанный ею в качестве директора Академии наук, был бы не только унизителен для нее самой, но бросал бы невыгодный свет и на виновницу такого

* Кн. Долгор. Родосл., кн. IV, 382.

странного назначения, — императрица оставалась тверда в своем решении. Не помогли ни объяснения княгини с Потемкиным, ни наконец письмо к государыне, которым она отклоняла от себя предлагаемую ей честь. Ответом было письмо гр. Безбородки с копиею указа Сената об определении ее директором Академии и упразднении вместе с тем комиссии, которая перед тем заведовала академическими делами вследствие жалоб на неблаговидные поступки бывшего директора, Домашнева. Такое беспримерное поручение женщине начальства над ученым учреждением могло конечно прийти на мысль только монархине, сознававшей в своем величии, что сила ума и энергия характера не всегда зависят от разности пола.

Чрез несколько дней, после представления императрице и ознакомления с делами ученого учреждения, княгиня посетила знаменитейшего члена его, математика Эйлера, благороднейшего старца, который, несмотря на то что его отечеством была Германия, умел ценить и выдвигать русских ученых. По словам княгини Дашковой, сила его духа и постоянная деятельность так были необыкновенны, что он, даже потеряв зрение, вовсе не ослабил своих умственных трудов. «Я просила его, — говорит она, — не оставлять меня в то утро, чтоб мне при первом вступлении моем в должность иметь опору в его присутствии. Приехав с ним в Академию и заняв после краткого приветствия свое место, я увидела, что г. Штелин, профессор аллегории, как его звали, сел на кресло рядом с директорским. Этот человек, которого ученость, может быть, согласовалась с его наименованием, получил это необыкновенное титуло при Петре III. Гордясь чином статского советника, он полагал, что этот чин дает ему право первенства между академиками. Поэтому я, обратясь к Эйлеру, сказала: „Сядьте где вам угодно; какое место вы ни займете, ваше место будет первым“.

Генерал-прокурор кн. Вяземский, — продолжает княгиня, — испрашивал высочайшего разрешения, нужно ли привести меня к присяге. „Непременно, — отвечала императрица, — ведь я не секретно назначила кн. Дашкову директором Академии, и хотя я конечно не имею надобности в новом подтверждении ее верности мне и Отечеству, но обряд этот будет тем для меня приятен, что придаст ее определению всю ту гласность и торжественность, какой я желаю в этом случае“». В своих записках княгиня подробно

Неизвестный художник. Портрет Е. Р. Дашковой в ссылке.

описывает, как она вследствие того явилась в Сенат и как исполнена была эта высочайшая воля.

Деятельность Дашковой по Академии наук вполне оправдала доверие императрицы. Она ревниво оберегала достоинство ученой корпорации и требовала строгой разборчивости в выборе членов как действительных, так и почетных. Несмотря, однако ж, на такую осмотрительность и на такт, обнаруженный ею в сношениях с академиками, ей пришлось выдержать в академической среде несколько столкновений, весьма чувствительных для ее самолюбия. Редко проявлялись у ней вспышки самоуправства. Между прочим, она ссорилась с знаменитым естествоиспытателем и путешественником Палласом, который был вхож ко двору и участвовал в издании сравнительного словаря Екатерины.⁵ Дашкова насмешливо говорила об этом словаре, называя его компиляцией Палласа, который, по ее словам, желая польстить литературному самолюбию Екатерины, истратил огромные суммы на издание своей компиляции и на рассылку гонцов в отдаленные края, чтобы поймать на лету несколько слов на разных языках.

Уменье Дашковой распоряжаться материальными средствами Академии видно из того, что она сберегла более полумиллиона академических сумм и уплатила лежавшие на Академии долги.

С управлением Академиею связано издание Дашковою, при участии самой императрицы, литературного журнала «Собеседник любителей русского слова»,⁶ который в свою очередь породил счастливую мысль создать особое учреждение для разработки и усовершенствования родного языка.

«Однажды, — так рассказывает княгиня, — когда я сопровождала императрицу в царскосельском саду, речь зашла у нас о красоте и богатстве русского языка, и это подало мне повод выразить некоторое удивление, почему ее величество, вполне умея ценить превосходство его и сама будучи автором, до сих пор не признавала за нужное учредить особую Русскую академию. Я заметила, что недостает только правил и хорошего словаря к тому, чтобы совершенно очистить наш язык от тех иностранных слов и оборотов, которые в выразительности и силе так уступают нашим собственным и так некстати заимствованы нами. „Я, право, не знаю, — отвечала императрица, — отчего такая идея еще не осуществлена; польза учреждения, которое име-

ло бы целью содействовать успехам отечественного языка, часто уже занимала мои мысли, и я даже выражала о том свою волю“».

Следствием этого разговора было данное Дашковой высочайшее повеление составить проект учреждения новой Академии. По возвращении домой она тотчас написала «Краткое начертание Российской Академии», которое и удостоилось утверждения государыни с назначением Дашковой президентом этой Академии.

Новое учено-литературное общество положено было составить из «желающих принять на себя добровольно» звание его членов. В число их заносились не одни ученые и литераторы, но и высшие духовные лица и гражданские сановники. Вступление в звание академика не было ограничено какими-либо особенными условиями, и таким образом она образовалась, собственно говоря, из более или менее высокопоставленных любителей просвещения или русского слова, которых к первому заседанию оказалось 31. Заседание это происходило в здании Академии наук 21-го октября 1783 года после молебствия и было открыто речью президента, речью, которая, если верить Державину, одному из членов новой Академии, была сочинена не ею самою. «Звучные дела государей наших, — говорилось тут между прочим, — знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век Екатерины Второй явят нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века. Сие, равно как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением». Отсюда видно, что новая Академия, взяв в образец *Académie française*, поставила себе задачей, во 1-х, ораторское искусство, а во 2-х, двойную разработку языка: лексикальную и грамматическую. Императрица принимала живейшее участие в первоначальной деятельности нового учреждения. Уже в следующем месяце Академия приступила к составлению словаря и по плану Дашковой определила держаться при этом не алфавитного, а этимологического порядка. Естественно было, что такая действительно неудачная новость многим не понравилась. Говорили, что при подобной системе словарь сделается неудобным для общего употребления. Это мнение тем легче распространялось при дворе, что сама императрица с обыкновенною своею проницательностью разделяла его и не раз спрашивала княгиню, зачем избран такой непригодный на практике порядок. Замечательно, что в наше время вели-

чайший философ XIX века Яков Гримм⁷ безусловно высказался также за преимущество строго алфавитного порядка. Княгиня Дашкова, представив императрице выгоды размещения слов по корням их, успокоила ее тем, что года через три после первого появления словаря Академия издаст его вновь в совершеннейшем виде и уже в алфавитном порядке, что и действительно было исполнено. Первоначальный же огромный труд был совершен с необыкновенною быстротою, и уже через 11 лет после учреждения Академии весь словарь был окончен и издан в шести томах.⁸ Работа была распределена между членами по буквам; сама княгиня подавала пример своим непосредственным участием в труде, обработала буквы: Ц, Ш и Щ и трудилась также над определением смысла слов, особенно относящихся к области нравственных понятий. Она рассматривала словарь по листам и возвращала их собранию с своими замечаниями и дополнениями.

Но и по другим отраслям академической деятельности Дашкова была неутомима, присутствовала во всех заседаниях, строго следила за правильным избранием новых членов, которых обыкновенно сама предлагала, руководила научными работами, возбуждала оживленные прения и горячо спорила против мнений, казавшихся ей несправедливыми. К особенной чести Дашковой служит следующее свидетельство ее биографа: «Вникая во все подробности управления, требуя от других исполнения обязанностей, Дашкова и сама подчинялась этому требованию и, несмотря на предрассудки века и общественного положения, основою академической жизни признавала начало равноправности...⁹ Занимая высокое положение в обществе, Дашкова не позволяла себе ни малейшего неравенства в сношениях с своими скромными собратами по Академии; но вместе с тем она умела ценить истинные заслуги и отдавала должное таланту, знаниям и трудам для блага и славы России».¹⁰

При всех этих достоинствах она своим непомерным честолюбием и некоторыми смешными сторонами своего характера поставила себя в неприязненные отношения со многими лицами. Императрица, неудовольствие которой она уже и прежде часто навлекала на себя, почувствовала к ней охлаждение по поводу сотрудничества в издаваемом ею «Собеседнике»: есть известие, будто до государыни дошел слух, что Дашкова, исправляя то, что присылала Ека-

терина для помещения в журнале, критиковала ее и даже шутила на счет сочинительницы. Прежде она бывала у государыни каждый день после обеда от 4 часов до 7. Но когда, после ее вступительной речи в Российской Академии, известный шутник Л. А. Нарышкин¹¹ представил отсутствовавшую княгиню в карикатуре, смешным голосом и с шутовскими ужимками, и княгиня, рассердившись, всех разбранила, то императрица заперла Дашковой дверь на послеобеденные литературные беседы и оставила за нею только право являться по воскресеньям для доклада. В то же время в «Собеседнике» напечатана была едкая пародия на академические собрания под заглавием: «Общества незнающих ежедневные записки»,¹² явно принадлежавшая перу самой императрицы, хотя и подписанная: «Скрепил Каноник», т. е. Нарышкин. Новый повод к неудовольствию против Дашковой подало издание при Академии трагедии Княжнина¹³ «Вадим», в которой лица, окружавшие Екатерину, указали на признаки вольнодумства и республиканского духа. Под влиянием врагов Дашковой императрица сказала, что эту трагедию надо сжечь рукою палача, и повелела конфисковать ее. Но еще более важная и давняя причина неудовольствия государыни заключалась в том, что Дашкова преувеличивала свое влияние и заслуги, выдавая себя за главное действующее лицо в июньских событиях 1762 года. Кроме того, желая возвысить своего сына приближением его к императрице, она встретила в Потемкине сильного противника своим видам. Тем не менее Екатерина не переставала ценить ее деятельность, и до конца ее царствования Дашкова, несмотря на свои частые отлучки, оставалась во главе обеих Академий. Но в самом начале нового царствования произошла внезапная перемена в судьбе ее. 6-го ноября 1796 г. скончалась Екатерина, а 12-го ноября того же года последовал указ императора Павла об увольнении Дашковой от всех занимаемых ею должностей. Больная, она приехала было в Москву, но главнокомандующий Измайлов лично объявил ей высочайшую волю, повелевавшую ей удалиться в подмосковную, к чему прибавлено, чтобы она в ссылке своей вспоминала о событиях 1762 года. Там велено полиции иметь за нею строгий надзор, но вслед за тем приказано ей отправиться на жительство в ее новгородскую деревню, лежащую в глуши, где даже не было господского дома. Страдая от сурового климата, неудобств жизни и усилившейся болезни, Дашкова

обратилась к государю с просьбою об облегчении ее участи, и по ходатайству императрицы Марии Федоровны ей было дозволено поселиться в Москве, где она и скончалась 4-го января 1810 года.

Как писательница Дашкова не отличалась особенным талантом; язык ее как в прозе, так и в стихах, которые она изредка сочиняла, тяжел и слишком искусствен. По желанию императрицы она написала комедию «Тоисёков», в которой, как кажется, имела в виду изобразить нерешительный характер И. И. Шувалова, над которым и сама Екатерина нередко шутила в своих «Былях и Небылицах»,¹⁴ появившихся в «Собеседнике». В этом же журнале Дашкова поместила свое довольно остроумное сатирическое послание к слову так.¹⁵ Но главное ее литературное произведение, писанное, впрочем, на английском языке, которым она владела лучше, нежели родным, составляют ее «Записки»,¹⁶ изданные в Лондоне в 1840 году.

Подводя итог деятельности и значения княгини Дашковой, потомство должно отдать ей справедливость в том, что она, несмотря на некоторую шероховатость своего характера, на излишнее честолюбие и тщеславие, прошла свой блестящий путь честно, выполнила свою необычайную для женщины задачу добросовестно и успешно и приобрела неоспоримое право на видное место в ряду деятелей, оказавших истинные услуги русскому образованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Е. Р. ДАШКОВА О ПРОБЛЕМАХ ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА

Письмо к другу

Печатается по: Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. Ч. 1. С. 78—80.

См.: Афанасьев, с. 184; Голицын, с. 77—82; Добролюбов, с. 274; Неустроев, с. 171; Чечулин, с. 123.

Вольное Российское собрание было создано при Московском университете в 1771 г. «для исправления и обогащения русского языка через издания переводов стихами и прозой». Членами Вольного собрания стали видные профессора Московского университета, литераторы и общественные деятели. «Побудителем к заведению» и председателем Вольного собрания был куратор Московского университета И. И. Мелиссино, секретарем — профессор красноречия университета А. А. Барсов. С 1774 г. Е. Р. Дашкова среди активно работающих членов собрания. За 12 лет своего существования (1771—1783) Вольное Российское собрание выпустило 6 номеров периодического издания «Опыт трудов Вольного Российского собрания». Основное место в журнале занимают публикации памятников русской истории. Литературные произведения представлены стихами, сочинениями и переводами. Вольное Российское собрание, как по составу его участников (А. А. Ржевский, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, Г. Р. Державин), так и по основным направлениям деятельности, явилось своеобразным предтечей Российской Академии.

В первой части «Опыта трудов...» Е. Р. Дашкова поместила три перевода: «Опыт о торге» английского философа и экономиста Давида Юма (с. 87—112) и две главы из сочинения французского философа Поля Анри Гольбаха — «О общественном условии» (с. 85—86) и «Общество должно делать благополучие своих членов» (с. 80—84). К выполненным переводам в виде предисловия ею написано «Письмо к другу» (с. 78—80).

В этом небольшом сочинении она сформулировала свое понимание труда переводчика и писателя: Прежде всего она считала, что необходимо выполнять переводы иностранных сочинений, так как многие граждане не знают иностранных языков. И переводчик, «который желает принести пользу, должен предпочесть ясность витийству». А писатель, задача которого состоит в распространении полезных сведений среди сограждан, «должен стараться только быть вразумительным и не стремиться за славою

красноречивого писателя». Образцом для нее является М. В. Ломоносов, который писал «сильно, прекрасно и сладко, в стихах и в прозе, в важных и легких сочинениях».

¹ Витийство — красноречие, ораторское искусство.

**Общество должно делать благополучие своих членов
(перевод Е. Р. Дашковой)**

Печатается по: Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1774. Ч. 1. С. 80—84.

См.: Афанасьев, с. 184; Теплова, с. 244.

Этот перевод, выполненный Е. Р. Дашковой, является отрывком из сочинения французского философа Поля Анри Гольбаха «*La Politique naturelle, ou Discours sur les vrais principes du gouvernement*», которое было издано в Амстердаме в 1773 г. В конспиративных целях в качестве места издания книги был указан Лондон, а в качестве ее автора — «бывший государственный служащий». Работа была переиздана в 1774 г. В ней Гольбах впервые дал развернутое и систематическое изложение своих общественно-политических взглядов. Нельзя сказать уверенно, знала ли Е. Р. Дашкова имя автора сочинения, но из большой философской работы был выбран для перевода этот параграф. Видимо, вопросы взаимоотношений государства и гражданина интересовали княгиню, недавно вернувшуюся из первого путешествия по Европе.

Полностью на русском языке работа Гольбаха была опубликована в 1963 г. — «Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления» (Гольбах П. А. Избранные произведения: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 85—288). Перевод с французского был выполнен Т. С. Батищевой и В. О. Полонским. Любопытно, что заголовок пятого параграфа Е. Р. Дашкова перевела как «Общество должно делать благополучие своих членов», современные переводчики перевели как «Долг общества — обеспечить своим членам счастливую жизнь» (Там же. С. 93—95).

**Путешествие одной российской знатной госпожи
по некоторым аглинским провинциям**

Печатается по: Опыт трудов Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144.

См.: Афанасьев, с. 184—188; Голицын, с. 77; Добролюбов, с. 274; Кросс, с. 223—226; Неустроев, с. 171; Чечулин, с. 123.

В декабре 1769 г. княгиня Е. Р. Дашкова с детьми и гувернанткой П. Ф. Каменской выехала из Москвы и через Ригу, Кенигсберг и Данциг прибыла в Берлин, где провела два месяца. Отсюда через Вестфалию и Ганновер она приехала в Спа. Из Спа княгиня совершила поездку в Англию, посетив Лондон, Портсмут, Солсбери и Бат. Из Бата она отправилась в Бристоль, Оксфорд, Виндзор. В октябре 1770 г. княгиня вновь вернулась в Лондон, а в ноябре уже приехала в Париж; затем посетила Лион, Мар-

сель, Женеву, а далее отправилась по Рейну в Карлсруэ. И после довольно продолжительной остановки в Спа, через Дрезден и Берлин, в 1772 г. возвратилась в Россию. В 1775 г. Е. Р. Дашкова опубликовала описание этого путешествия. По наблюдению известного английского ученого Э. Г. Кросса, это было первое сообщение такого рода в русской печати (Кросс, с. 224). Из предисловия, которое написано в виде письма к другу, известно, что во время путешествия по Европе княгиня писала дневные записки. Но для публикации были выбраны только страницы, посвященные Англии. Это неудивительно. «Англия мне более других государств понравилась, — призналась Е. Р. Дашкова. — Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады — все заимствует от устройства первого и превосходит усильтвенные опыты других народов в подобных предприятиях. Любовь англичан к русским также должна была меня к ним привлечь».

В опубликованных заметках княгиня описывает загородные дома и сады английских лордов, говорит о соборных церквях, об остатках древнего друидского храма, которые ее очаровали, о банях, гуляньях, увеселениях. Во время путешествия она посещает музеи, библиотеки, фабрики, лавки. С особой подробностью она описывает здания и устройство старейшего университета Великобритании в Оксфорде. Она осматривала все с живым интересом, и ее заметки говорят об образованности и наблюдательности.

Путешествие в Англию в 1770 г. также описано в ее знаменитых «Записках» (Записки. М., 1987. С. 93—97).

¹ *Паолий* — Паоли — генерал, патриот Корсики.

² *Прейсы* (англ. prize) — награда, приз, премия.

³ *Пушкин* — видимо, речь идет об Алексее Семеновиче Мусине-Пушкине (1732—1817), русском посланнике в Лондоне в 1765—1779 гг.

⁴ *П. Ф. К.* — Пелагея Федоровна Каменская (1747—?), гувернантка Е. Р. Дашковой.

⁵ *И. А. В.* — видимо, речь идет об Иване Алексеевиче Воронцове, незаконном сыне Р. И. Воронцова.

⁶ *Юнфера* (нем. jungfer) — девица.

⁷ *Фьякр* (англ. fiacre) — фиакр, наемный экипаж.

⁸ *Вандек* — видимо, речь идет об Антонисе Ван Дейке (1599—1641), фламандском живописце.

⁹ *Обержа* (фр. auberge) — постоялый двор.

¹⁰ *Людрас* — видимо, речь идет о Федоре Лудресе, бывшем чиновнике русского посольства в Англии, который, выйдя в отставку, поселился в Бате.

¹¹ *Серкль* (англ. circle) — круг.

¹² *Бишев* (нем. Bischof) — епископ.

¹³ *Петербору* — видимо, речь идет о Питерборо, епископе.

¹⁴ *Гогарт* (1697—1764) — английский рисовальщик, гравер, живописец.

¹⁵ *Мальборук* — видимо, речь идет о графе Джоне Черчилле Мальборо (1650—1722), английском полководце и государственном деятеле.

¹⁶ *...королевою Анною...* — Анна Стюарт (1665—1714) — английская королева с 1702 г., последняя из династии Стюартов.

¹⁷ *Никитин Василий* — инспектор русских студентов в Оксфорде.

¹⁸ *Дойен* (англ. dean) — декан.

¹⁹ *Рафаил* — Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский живописец и архитектор.

²⁰ *Павло Веронезий* — Паоло Веронезе (1528—1588), итальянский живописец.

²¹ *Буржиньон* — видимо, речь идет о Куртуа Гийоме (ок. 1628—1679), французском живописце, и его брате Жаке Куртуа (1621—1676), живописце-баталисте. Оба брата в Италии получили прозвание «Бургуньоне».

²² *Салвато Роза* — Сальваторе Роза (1615—1673), итальянский живописец, гравер и поэт.

²³ *Титиан* — Тициан (1476/77 или 1480 гг.—1576), итальянский живописец эпохи Возрождения.

²⁴ *Михель Анжела* — Микеланджело Буонаротти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, поэт.

²⁵ *Анибаль Карача* — Аннибал Карраччи (1560—1609), итальянский живописец болонской школы.

²⁶ *Рубенс* — Рубенс Питер Пауэль (1577—1640), фламандский живописец.

²⁷ Бодлей Томас (1544—1612) — английский государственный деятель и ученый.

²⁸ Карл I (1600—1649) — английский король с 1625 г.

²⁹ Карл II (1630—1685) — английский король с 1660 г.

³⁰ Вильгельм III Оранский (1650—1702) — английский король с 1689 г.

Послание к слову «так»

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 15—23.

См.: Голицын, с. 77; Добролюбов, с. 221; Кочеткова, с. 140—141; Лозинская, с. 88—89; Неустроев, с. 171; Стенник, с. 128; Теплова, с. 245; Чечулин, с. 125.

«Послание к слову „так“» было напечатано в 1-й части журнала «Собеседник любителей русского слова» после открывающей журнал оды Г. Р. Державина «К Фелице» и юношеской стихотворной надписи Е. Р. Дашковой «К портрету императрицы Екатерины II». В «Послании» автор выступила против невежд, льстецов, подхалимов и «такальщиков», готовых соглашаться с любым вздором, если этот вздор высказывают большие господа. Не оставила она без внимания и тех, кто поощряет и слушает «такальщиков».

Но самые и те, которым потакают,
Не лучше чувствуют, не лучше размышляют.
Кто любит *таканье* и слушает льстеца,
Тот хуже всякого бывает подлеца.

Любопытно, что на «Послание к слову „так“» в последующих номерах журнала было напечатано два письма. Первое — весьма резкое — «Письмо к господам Собеседникам от защитника Клировых мыслей». Автор этого письма говорит о Клире как о лице, хорошо ему известном, и оправдывает его отзыв о Марке Аврелии; в заключение же говорит с огорчением: «Критики, а особливо вмешивающиеся в дела политические, которых не знают ни малейшей связи, всегда будут иметь прекрасное поле рассыпать свои рассказы».

Вот это сочинение:

«Письмо к господам Собеседникам от защитника Клировых мыслей.

Должность ваша есть беседовать с людьми, имеющими просвещенный вкус и достаточное сведение о привычке народа нашего: но в сатире* вашей на слово *Так*, напечатанной в первой части сочинений ваших на 17 странице, не нахожу я, может быть по недоумению моему, ни того, ни другого. Сочинитель оной, желая пресечь употребление слова *Так*, издавна вкоренившееся в привычку всех народов, а может быть, и соприродное всем, распространяет свои укоризны на одних только глупцов и льстецов, безрассудно употребляющих оное, забыв притом дать им наставление в ответах в беседовании с знаменитыми особами. Позвольте мне с вами объясниться; вы напрасно отзываетесь о Марке Аврелии толь вступчиво, что будто он для облегчения своего народа от тяжких налогов продавал драгоценные сокровища.** Нет, он не предвидел, какой перевес произведет мнимая сия польза в его государстве. Клировы*** о сем рассуждения весьма я предпочитаю вашей Системе.**** „Марк Аврелий, — сказал он, некогда беседа о политических делах, — более сделал злоупотребления, нежели пользы для своего народа, продав драгоценные вещи, редкость, достопамятность и великолепие государства, долженствовавшие окружить его престол. Желая облегчить подданных от налогов, обременил праздностью. Сей источник всех пороков расслабил пружины его державы. Народ, погруженный в роскошь, забыл торговлю, рукоделие и хлебопашество. Увяла ветвь, обещавшая огромное древо, под сению которого покоились бы все пределы государства. Марк Аврелий более был человеколюбивый, нежели остроумный и прозорливый государь. Он умел более чувствовать нужды, нежели изобретать способы, прямо соответствующие удовлетворению оных. А если бы наложил дань на празднолюбивый свой народ, то умножил бы *государственные доходы, аки нужный источник благоденствия обществу, от которого истекают награждения, одобрения, милости.* (Наказ 365 стр., 579 статья). Нередко расточал он свои щедроты. Марк знал цену благотворения, но не знал весить ее на весах политического разума. Что вы думаете о сем, любезные друзья?“ — спросил Клир предстоящих, тут были льстецы, подлецы и беспристрастно судящие.

Сказал тут правду всяк:
Конечно, сударь, так.

* Издатели «Собеседника» никакой сатиры на слово «Так» не знают. В I части «Собеседника» есть *послание к слову Так, а не сатира.* (Сии примечания сделаны издателями, а не сочинителем).

** В «Послании к слову „так“» напечатано, между прочим:

Клир скажет, например, что глупо Марк считал,
Когда сокровища свои он продавал,
Когда он все дарил солдатам из чертогов,
Хоть тем спасал народ от *тягостных* налогов.
Клир пустошь говорит, но тут почтенья в знак
Подлец ему кричит: конечно, сударь, *так.*

*** Клира издатели «Собеседника» не имеют чести знать; а если сочинитель сего письма его знает, то они его с тем поздравляют.

**** Издатели в помянутом послании никакой системы и намерения не имели выводить; они старались только устыдить подлых *такальщиков*, а притом читателей забавлять шуткою.

Критики, а особливо вмешивающиеся в дела политические, которых не знают ни малейшей связи, всегда будут иметь прекрасное поле рассыпать свои рассказы. Если бы всяк принужден был терзаться всеми безрассудными укоризнами, то бы многие исчезали от беспокойства. Но когда правота добрых намерений и мыслей основана на честности и чистой совести, то стрелы, злостью испускаемые, не могут ни малейшей произвести раны. Глумящийся насмешник покраснеет от стыда; но честный человек никогда.* Простите мне излишние выражения; худые ваши отзывы о слове Так исторгают их из моих чувствий. Я имею честь быть».

(Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 39—43)

Вслед за этим письмом издатели поместили некоторые свои замечания (Там же. С. 43—45). Во-первых, «как люди учтивые» поблагодарили неизвестного автора за письмо; во-вторых, отметили, что не считают себя виноватыми, если кто-то узнает себя под вымышленными именами, и, в-третьих, объяснили что «письмо это помещают для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочинение, которое если не послужит к удовольствию читателей, то, конечно, служить может образцом неучтивости». «Впредь же мы будем помещать только учтивые критики», — говорят издатели.

В этой же части «Собеседника» опубликовано еще одно письмо «Ответ от слова так», видимо, сочиненное в самой редакции (Там же. С. 141—147).

Вот оно:

«Ответ от слова так

На послание, напечатанное в первой части „Собеседника любителей Российского слова“.

Начиная к вам ответствовать на ваше послание, скажу вам прежде, что я ничего того не люблю, что производит двоякий смысл или облекается в двуличную какую-либо одежду. Сверх же того, имея по существу своему непреодолимую склонность к истине, я могу с вами говорить, не приняв на себя мужского или женского пола: ибо неисповедим определением судеб, я как слово, в числе вещей среднего рода, от чего в разговорах моих с вами великое может произойти замешательство и в речах моих темнота, которая всегда подает случай к двоякому смыслу, а нередко и к ложным заключениям, от которых я имею врожденное отвращение. Итак, я принимаю на себя род мужской и стану с вами говорить как мужчина. Грамматики и любословы на меня, может быть, за таковое нарушение закона, российским языком данного и ими утвержденного, вознегодуют; но я гнева их не боюсь, равно как и господ стихотворцев, которые весьма часто грамматике жертвуют чистотою стихов, а нередко и ясностью мыслей, когда их рифма к тому принуждает. Я сим нарушением грамматического устава хочу отмстить им за злоупотребление имени моего, каковым они мне частенько досаждают.

Нередко такают почтенны царедворцы,
Но то же самое творят и стихотворцы.

* Честный человек, быв совестен, скорее устыдится от малейшей ошибки или оплошности.

Итак, несмотря ни на кого, начинаю к вам писать следующим образом: я послание ваше получил в самое то время, когда в некоторой весьма многолюдной беседе имя мое очень часто некстати употреблялось. Один из сидящих тут молодчиков говорил, что первая и вторая часть Собеседника заключает в себе только одну пустошь.

Хотя о Собеседнике судил он и не так;
Но все промолвили: конечно, сударь, так.

Потом одна госпожа, имеющая понятие о словесных науках точно такое, каковое имеет слепой о красках, говорила, что она в этой книге, кроме непонятных ей глупостей и врак, ничего не нашла.

Хотя в той книге нет ни глупостей, ни врак,
Но ей сказали все: Так, матушка, так-так.

Одна французо-русская дама с пренебрежением сказала: мне кажется, *mon соеиг*, этот Собеседник не что иное, как собрание всякого вздору. Подле нее сидящая повторила то же, сказав, что письмо, в котором употребляются французские слова, весьма глупо написано, а особливо, что тут критикуются низкие шиньоны. Вся беседа была с нею в том согласна; все тут бывшие дамы решились написать на сие письмо сатирический ответ и конечно бы сие исполнили; но та беда, что ни одна из них хорошо писать по-русски не умеет, а по-французски в Собеседнике ничего не напечатают. Какое несчастье! Другие начали отгадывать сочинителей и тех, кто под именами Клир, Климена, Клариса и проч. разумеются.

Примечание: Кошка знает, чье мясо съела.

NB. Сие примечание относится к тем, кто узнает имена, выдуманые стихотворцами.

Я хотя и точно знаю, что господа издатели Собеседника люди не лживые и не печатают ничего под именами других сочинителей, однако ж вся помянутая беседа утверждала, что все без имени напечатанные сочинения суть творения господ издателей. Я не понимаю, отчего сия беседа так думает. Ведь господа издатели люди нетрусливые; да и бояться им нечего, ибо в таких письмах и посланиях ни одна частная особа не описывается, а порицаются пороки вообще.

NB. Здесь не худо бы было прочитать предисловие к Собеседнику, сочиненное в Звенигороде, а напечатанное во второй части на 9 странице.

На что бы издателям публику уверять, что *такое послание прислано из Новагорода или из Москвы?* Им конечно причины нет себя скрывать; однако ж один господчик точно уверяет, что все сатиры, которые он изволит называть ругательствами, проистекают из пера господ издателей, и вступаетесь весьма сильно за всех упоминаемых в Собеседнике, как-то: за Кларису, за Клира и проч. По речам его кажется, как будто все стихотворцами употребляемые имена ему весьма знакомы.

Некто господин Стародумов, сидевший в той же беседе, вступился за Собеседника, но ему никто ни единого слова не дал выговорить.

NB. Та беседа по большей части состояла из фамилии Фирлюфюшких, Ханжихиных, Вестниковых и Простяковых, а Стародумов был только один; разговоры же все решились по большинству голосов. И как видите вы, госпожа сочинительница послания ко мне, какую вы себе беду приготавливаете вашими сочинениями; превеликая толпа разного рода людей на

вас гневается. Однако ж прошу гнева их не опасаться, я их весьма коротко знаю.

Кто любит таканье, находит в лести вкус,
Того душа подла, во всех делах он трус,
Наедине всегда тот за себя бранится,
А в публике всем льстит, с злодеями мирится.

Продолжайте, милостивая государыня, защищать добродетель и осмеивать пороки, пренебрегая ворчание защитников глупости и подлости.

Ведь, впрочем, никого вы точно не ругали,
А только лишь порок и глупость осмеяли.

*Мольер** и *Буало*** очистили французский Парнас от *Котенов**** и *Прадонов*****, однако ж не забыли они и *Роллетов и его собратий*; желательно, чтоб вы при очищении российского Парнаса так же продолжали обращать ваш бич на такальщиков и им подобную тварь. Мне же позвольте сообщать к вам мои письма и от времени до времени жалобы мои на тех, кто имя мое некстати употребляет. В прочем пребываю с почтением и благодарностию

Слово *Так*.

В. Сие прислано издалека — может быть, из-за тридевять земель из-за десятого царства; однако ж сие остается в неизвестности». (Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 141—147)

¹ Марк Аврелий (121—180) — римский император.

² Сократ (ок. 470—399 до н. э.) — древнегреческий философ.

Сокращение катехизиса честного человека

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 34—35.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 171.

¹ Катехизис — книга, содержащая основные учения о христианской вере.

* Мольер (настоящие имя и фамилия Жан Батист Поклен; 1622—1673) — французский комедиограф, актер, театральный деятель (*Примеч. ред.*).

** Никола Буало (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма (*Примеч. ред.*).

*** Котен (1604—1682) — аббат, французский писатель (*Примеч. ред.*).

**** Прадон (1630/1632—1698) — французский писатель (*Примеч. ред.*).

О смысле слова «воспитание»

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 2. С. 12—28.

В сокращении опубл.: Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И. А. Соловьев. М., 1985. С. 283—288.

См.: Афанасьев, с. 194; Греков, с. 18; Добролюбов, с. 221; Лозинская, с. 88; Неустроев, с. 172; Стенник, с. 123; Теплова, с. 244; Чечулин, с. 125.

Во 2-й части «Собеседника» было опубликовано письмо «К господам издателям Собеседника любителей российского слова», которое с достаточной долей уверенности можно считать принадлежащим Екатерине II (Кочеткова, с. 141). Корреспондент весьма лестно отзывается о журнале и высказывает пожелание о продолжении издания «для пользы и просвещения Отечества нашего», а также просит издателей определить «прямой смысл названия *честного человека*».

Вот это письмо:

«Из Звенигорода, от 20 июня 1783.»

*К ГОСПОДАМ ИЗДАТЕЛЯМ СОБЕСЕДНИКА
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА*

С великим удовольствием читал я ваше издание, кое приятель мой, будучи в Москве, купил и привез мне в гостинец: он мне сказывал, что только в Москве и речей, что о сей книге. Говорят, что язык российский способом оной вычистится, слова прямые определятся и установятся; что сочинения русские размножатся; что сие издание обещает и о истории нашей лучшие сведения нам подать, нежели мы до сей поры имели; наконец, будто и пороки в посмешищество придут; обычаи, у других народов занятые, а нам не свойственные, откинутся; что нечувствительно число читателей так умножится, что и женщины, вместо чтобы в карты загадывать или по рядам без нужды ходить, за чтение Собеседника примутся. Я того от сердца желаю; но крепко уповать не смею, потому что с тех пор, как начали молодые наши господа ездить в Париж, вкрались в наши нравы непостоянство, охота к новостям и скучливость к предприятному. Что же молодым нашим путешественникам я сие приписываю, в том вы со мною согласитесь, когда вспомните, что у вышних перенимают нижние. Вот для чего я боюсь, что скоро Собеседника вашего, в число забвенных древностей отложат, ни покупать, ни читать не станут; да к тому же в сочинениях ваших узнавать себя, а потом сердиться и придирааться к вам будут. Но сие, однако, не долженствует отвратить вас от благого намерения вашего; а из благодарности к вам я удержаться не могу открыть, что бы я сделал, если бы я, сочинив таковые для исправления нравов книги, их печатал. Я бы в предисловии моем мысли мои изъяснил следующим образом:

Когда я писал, я ни о ком не думал. Если не писать о слабостях, человеку сродных, то других и описывать нечего. Когда слабости и пороки не будут порицаемы, тогда и добродетель похвалена быть не может: чрез познание первых последняя познается. Если же кто себя в книжке моей узнает в порочном или непохвальном изображении, он сам подвергнул себя или подобрел под оное; а здравый рассудок повелевает ему исправиться, а не сердиться. Требуется ли от кого, чтобы

в украшенных убранством комнатах зеркала были разбиты для того, чтоб дурные лицом себя в них не узрели? Не сердись, но исправься, читатель: тогда, будучи в миру со мною, я тебя забавлять стану, а ты исправлением своих слабостей заслужишь общее с моим почтение.

Я бы желал, чтоб прежде, нежели книга ваша помянутому жребию подвергнется (если участь сия неизбежна), вы успели другие слова восстановить и, подобно услуге, которую вы слову *ТАК* принесли, их лучше знаемыми сделали; например, *честный человек* так часто из уст вылетает, так несправедливо приписывается и так худо понимается, что вы конечно одолжите публику, если потрудитесь и прямой смысл названия *честного человека* определите. Слово *воспитание*, *благородство* и многие другие защиты вашей ожидают. Продолжайте, государи мои, издавать ваш *Собеседник* для славы вашей, для пользы и просвещения Отечества нашего. Эпоха издания вашей книги будет эпохою процветания нашего языка, подобно как в Германии периодическое издание, называемое „Увеселения разума и сердца“ (*Belustigungen des Verstandes und Herzens*), которое издавали *Геллерт** и *Рабенер,*** причиною нынешнего цветущего состояния и поправления немецкого слова и поэзии. Мне же дозвольте хотя изредка предлагать вам на рассмотрение ваше, что мне покажется соответствующим намерению вашему и помещаемо быть может в ваш *Собеседник*. Пребывая навсегда

покорный ваш слуга
* * * *».

(*Собеседник*. 1783. Ч. 2. С. 8—11)

После письма из Звенигорода Е. Р. Дашкова поместила небольшое редакционное замечание:

«Издатели *Собеседника* почитают себя очень одолженными новому своему звенигородскому корреспонденту и просят его о непрерывной с ними переписке; а чтоб показать, сколь много они оную уважают, без отлагательства времени прилагает один из издателей здесь опыт о несправедливом смысле слова *воспитание*, какой вообще оному дается. Охотно также признаются, что предложенное их корреспондентом предисловие точно таково, каковое бы им к *Собеседнику* припечатать надлежало, ибо они конечно же не целили ни на кого. Сатиры и хула на пороки, а не на лица, в их сочинениях будут: почему им остается признаться, что звенигородец имеет пред ними превосходную догадку, и как ему, так и публике обязанными они останутся, если оная соблаговолит предисловие их корреспондента считать за символ издателей *Собеседника*» (Там же. С. 11—12).

Далее в этой части «*Собеседника*» следует статья Е. Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“», в которой она рассматривает с исторической и нравственно-педагогической точки зрения все аспекты значения слова «воспитание» (Там же. С. 12—28).

Статья «О смысле слова „воспитание“» вызвала реакцию и замечание со стороны звенигородского корреспондента (*Собеседник*. 1783. Ч. 3. С. 154—159). Видимо, эти замечания были написаны Екатериной II, которая в это время весьма активно интересуется вопросами воспитания и ра-

* Геллерт Кристиан Фюрхтеггт (1715—1769) — немецкий писатель Просвещения, умеренно бюргерской позиции (*Примеч. ред.*).

** Рабенер Готлиб Вильгельм (1714—1771) — немецкий писатель (*Примеч. ред.*).

ботает над составлением инструкции по воспитанию внуков — великих князей Александра и Константина и сочиняет для них учебные книги (см.: Инструкция князю Н. И. Салтыкову при назначении его к воспитанию Великих князей // Собрание сочинений Екатерины: В 3 т., подготовленное А. Смирдиным. СПб., 1849. Т. 1. С. 199—248).

Критик находит, что автор статьи о воспитании «не довольно обстоятельно» разделил воспитание мужчины и женщины и не обратил внимания на *чувствительность*, которая «есть одно из главных орудий, коим воспитание создается».

Вот эти замечания:

«Из Звенигорода от 12 июля 1783 года.

К господам издателям Собеседника любителей российского слова.

Государь мой!

Вы не можете усумниться, что, увидев во второй части вашего издания мое к вам письмо в печати, я несказанное удовольствие восчувствовал, и самолюбие мое было тем наиболее удовлетворено, что из некоторых слов, мною вам предложенных, одно вами изъяснено и поставлено на настоящей своей базисе, хотя и не столько обширно распространено, как бы могло или долженствовало быть; но как то самими вами писано и как вы по справедливости желаете вмести в книгу вашу разные сочинения, то остается мне только сожаление свое представить, что публика наша не довольно охотно пользуется случаем, который вы возродили, всякого рода сочинения чрез тиснение известными соделывать и сохранять оные, и что вас от труда сего писатели не избавили. Простите мне, однако, если я еще вам труд нанести желаю, представив вам, что в рассуждении вашем о воспитании вы не довольно обстоятельно разделили воспитание полу женского и мужского, хотя в прочем вы предложили нужные материалы и основание к сочинению книги о воспитании, ежели бы писатели наши охоту имели таковую сочинить. Притом скажу вам, что весьма желательно было, если бы при сем случае был изъяснен прямой смысл слова *чувствительность*. Сие бы послужить могло к избежанию великих ошибок, в кои руководствующие воспитанием впадают. Чувствительность есть одно из главных орудий, коим воспитание создается. Я человек не придворный и живу в маленьком городке в уединении; почему хотя просвещения разуму своему приписать не могу, но обыкнув смотреть на все собственными глазами, слышать своими ушами и судить по собственному своему чувствованию, а не по моде или по заключению какого-либо большого боярина, мысли мои представлять вам буду как плод простой, но произрастание которого, не заимствуя посторонней помощи, от собственного своего корня происходит и, может быть, не очищен, но здрав и силен находится. Ошибкам людским я разные источники обретаю. Первый из оных *недоразумение слов*, от чего последует и *недоразумение вещей*; второй: *ложные сравнения*; третий: *ложные применения*, от чего не вовремя, некстати и неудачно лучшие правила во вред обращаются. *Чувствительность* есть слово, которое тем более достойно вами быть изъяснено, что ложный смысл, который к оному привязывают, рождает порочное расположение духа; а она есть прямой источник добродетели и снисходительного нрава. Благородная или похвальная *чувствительность* есть не что иное, как внутренний в душе и совести нашей монитор (увещатель), который остерегает нас противу поступка или слов,

кои могут кому-нибудь нанести зло или оскорбление; она осязательно и поспешно представляет воображению нашему, сколь бы таковой поступок или слово огорчило дух наш: почему и претит нам оное противу ближнего соделывать; одним словом: благородная чувствительность есть дочь чистой и недремлющей совести. Руководствующие воспитанием юношей должны ее рождать и вкоренять в младые сердца их питомцев и разделять оную с ложною *чувствительностию*, коя в лучшем смысле слабостию назваться может, но коей действие наконец нрав весьма развращает. Придираться, сердиться, скучать, без причины грустить: вот плоды ложной чувствительности тогда, когда благородная чувствительность относит печность и внимание наше к удовольствию собратий наших. Ложная чувствительность относит все только к себе, почему я одну отраслю эгоизма, а другую дочью божественной добродетели почитаю. С 52 года я в Петербурге не был, почему и не знаю, каковы ныне у вас учителя и мадамы к детям приставлены, а в мою бытность в первых двух знатностью и богатством известных домах актрисы французские мадамами были, и как тогда театральные зрелища два раза в неделю бывали, то не говоря уже, что таковая учительница, коя так часто для утешения публики на театр выходит, не может иметь скромности и благородной стыдливости, украшающей нежный женский пол, и оную вперять; но если бы она знала что-либо, то за учение ролей своих не имела времени преподавать научений. Ваш Собеседник сделался всеобщим чтением;* то включа в оном изъяснение прямого смысла *чувствительности*, вы немаловажное одолжение соотечественникам вашим сделаете. В прочем пребывая и проч.***».

(Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 154—159)

Вслед за письмом из Звенигорода в журнале помещены замечания издателей, безусловно принадлежащие Е. Р. Дашковой. Вот они:

«От издателей.

Звенигородский наш корреспондент хотя требует от нас, чтоб мы слову *чувствительность* прямой смысл определили, но за его об оном изъяснении не остается что-либо прибавить. Почему мы довольствоваться станем, за ним повторяя, что похвальная *чувствительность* не допускает другим наносить огорчения и предписывает такие поступки, коими и сам свыше обиды и унижения человек себя соделывает. Ложная же *чувствительность* начало свое имеет от гордости и действия ее самому себе и окружающим наносит неудовольствия, ибо ни собою, ни другими человек не бывает доволен, нрав его неизбежно делается нетерпеливым, скучливым и досадливым; нередко и зависть в сердце вкореняется. Родители или руководствующие воспитанием юношей, конечно, должны рассматривать, которого рода *чувствительность* вскормленник их в душе своей питает, и одну подкреплять, а другую утушать есть долг их.

* В Звенигороде девушки молодые мне знакомые без скуки Собеседника читают. Девять человек купцов и четыре священника сию книгу у моего дворецкого брали читать, исключая несчетное число соседей моих, кои ее выписали из Петербурга; то посему усумниться не можно, чтоб в столицах ее не читали и что способом оной можно рассеять в народе познания, тем паче что сия книга заключает в себе российскую историю, каковой еще не бывало, и для одного уже сего сочинения всякий с жадностию покупает вашего Собеседника.

Что ж касается до различия, кое в воспитании девиц противу мужеского воспитания быть должно, то господин звенигородец, надемся, простит нам, если мы его самого чрез сие просим о том нам сообщить свое мнение».

(Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 159—160)

¹ Псалтырь (книга псалмов) — одна из книг Библии. В Древней Руси была основной учебной книгой для овладения грамотой.

² Часовник, часослов — православная церковная книга, содержащая тексты песнопения и молитв для ежедневных служб (часов), служившая также книгой для обучения грамоте.

³ Ябеда — клевета, напраслина, извет, наговор.

⁴ Уложение — собрание всех действующих законов. Первое издание «Уложения» было напечатано в Москве в 1649 г.; в XVIII в. издавалось более 10 раз, например: «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении е. в. государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156. СПб., 1737».

⁵ Артикул — «Артикул воинский» — так называли сборник законов о военных преступлениях и наказаниях, изданный Петром I в 1716 г.; в XVIII в. было осуществлено более 10 изданий.

⁶ Бова королевич — герой русской волшебной богатырской повести. Образ Бовы королевича прочно вошел с XVIII в. в русский фольклор и лубок. Лубочные сказки о Бове королевиче выходили сотнями изданий вплоть до начала XX в.

О истинном благополучии

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 24—34.

См.: Голицын, с. 77—82; Добролюбов, с. 221; Кочеткова, с. 143—144; Неустроев, с. 171—172.

Рассуждая об истинном благополучии, к которому стремятся все граждане, Е. Р. Дашкова приходит к заключению, что оно состоит не в богатстве, чинах, могуществе и роскоши. Человеческое благополучие и счастье надо искать в добродетели. «Добродетель вообще, — по мысли Е. Р. Дашковой, — есть то душевное расположение, которое постоянно устремляет нас к деяниям полезным нам самим, ближним нашим и обществу». Говоря о важнейших добродетелях человеческих, которыми являются справедливость, честность, человеколюбие, благоразумие, великодушие, смиренность, благодетельность, умеренность, кротость, терпение, снисходительность, княгиня подчеркивает, что эти «добродетели рождают благонравие, которое стесняет и утверждает общественный союз и без которого народы благоденствовать не могут».

Далее Е. Р. Дашкова обращается к авторитету Конфуция, когда говорит об идеальном государственном деятеле. «Не довольно, говорит Конфуций, знать добродетель; надобно ее любить, а любя надобно ею обладать. Сие священное правило, для всех состояний полезное, долженствует паче впечатленно быть в сердцах великих вельмож».

¹ Крез (595—546 до н. э.) — последний царь Лидии, значительно расширил территорию своего царства. Богатство Креза вошло в поговорку.

² Солон (между 640 и 635—ок. 559 до н. э.) — афинский архонт, провел реформы, способствовавшие ускорению ликвидации пережитков родового строя. Античные предания причисляли Солона к семи греческим мудрецам.

³ Тиберий (42 до н. э.—37 н. э.) — римский император.

⁴ *Эпиктет* — видимо, Эпиктет (ок. 50—ок. 140), римский философ-стоик; раб, позднее вольноотпущенник.

⁵ Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель.

Искреннее сожаление об участии господ издателей Собеседника

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 148—154.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 171—172.

¹ Дедушка — главный персонаж сочинения Екатерины II «Были и Небылицы».

² Клир — вымышленный персонаж из произведения Е. Р. Дашковой «Послание к слову „так“» (Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 15—23).

³ *...защитное Клировых мыслей...* — Имеется в виду «Письмо к господам Собеседникам от защитника Клировых мыслей» (Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 39—43).

⁴ Любослов — псевдоним одного из авторов «Собеседника» (см.: Кочеткова Н. Д. Любослов — сотрудник «Собеседника любителей русского слова» // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 422—428).

⁵ *Танюша с матушкой, двоюродный брат с женою...* — Персонажи сочинения Е. Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“» (Собеседник. 1783. Ч. 2. С. 12—28).

⁶ *...знатная и почтенная особа...* — Речь идет о Екатерине II.

⁷ «Записки касательно Российской истории» — сочинение Екатерины II, публикуемое в «Собеседнике».

⁸ *Звенигородский корреспондент* — автор нескольких писем в редакцию журнала. Первое и второе письма из Звенигорода, видимо, написаны Екатериной II.

⁹ «Были и Небылицы» — сочинение Екатерины II, публикуемое в «Собеседнике».

К господину сочинителю «Былей и Небылиц» от одного из издателей Собеседника

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 5. С. 156—161.

См.: Викторов, с. 127; Добролюбов, с. 221; Пекарский, с. 19; Пыпин, с. 333.

Сочинение Екатерины II «Были и Небылицы» печаталось в «Собеседнике», начиная со 2-й части (Собеседник. 1783. Ч. 2. С. 145—164; Ч. 3. С. 140—141; Ч. 4. С. 157—172; Ч. 5. С. 140—156 и далее). В 5-й части «Собеседника» было опубликовано письмо «К господину сочинителю „Былей и Небылиц“ от одного из издателей „Собеседника“». Автором письма яв-

ляется Е. Р. Дашкова. Формальным поводом к письму послужило сообщение о том, что автор «Былей и Небылиц» собирался покинуть С.-Петербург. Е. Р. Дашкова просит автора этого не делать, так как в связи с отъездом читатели будут лишены «замысловатых, шуточных, глубокомысленных и всем нравных сочинений». Далее письмо княгини наполнено восторженными похвалами автору «Былей и Небылиц». Видимо, эти дифирамбы не вызвали одобрения у Екатерины II, и в следующей части журнала появился ее ответ, в котором она просила не расточать ей более таких похвал. Вот этот ответ:

«Краткоудлинный ответ

тому из господ издателей Собеседника, который удостоил сочинителя Былей и Небылиц письмом.

Признаюсь, хотел отсель ехать по объявленной уже мною и некоторым еще другим причинам. А что вы о моем отъезде жалеете, о том я сердечно радуюсь. Не печальтесь, в Собеседнике пустых листов не будет; между согражданами нашими есть замысловатее меня тысячами, дайте им перо в руки, сами то увидите. Забавное писать нетрудно тем, кои не больны желчию; сей болезнью от природы у нас больных мало, в чем недавно уверил меня при кровопускании ротный цирюльник. Глубокомыслие вертится около всякой твари, обозрись лишь человек, увидит оное над собою, пред собою, возле и позади себя. Вы уверяете, что Были и Небылицы нравятся многим; сие доказывает лишь, что нетрудно тех читателей удовлетворять; Былей и Небылиц недостатка не будет, всегда найдутся.

Когда ж отсель отъеду, то прошу быть благонадежным, что не отлучусь ни за тридевять земель, ни за тридесятое царство, в чем по нужде верных поручителей поставить могу. А дабы мой отъезд из града святого Петра не слишком чувствителен был, обещаюсь на третьей версте остановиться и тут помешкать несколько часов, и буде услышу городской вопль, то немедленно возвращусь.

От самой юности моей я страстный был охотник до пословиц и к ним стремление имею, как кот к мышам; сердцем радуюсь, что в вас равную к оным склонность обретаю, и для того в ответ на вашего журавля и синиц предложу вам вопрос купно с ответом: *Кто девушку хвалит? Отец да мать.* Мои сочинения, украшающие, по словам вашим, Собеседника, между нами будь сказано, по мнению Петропавловской большой школы мне знакомого школьника, помещены быть могут в числе ничего не значащих безделушек, коих вся доброта состоит единственно в том, что не длинны, не скучны и в различиях своих представляют то, о чем дело идет, в неожиданном виде; о чем прошу охочим людям не открывать, разве только десятку другому искренних друзей. По правде сказать, в таком же почти смысле давно сам Дедушка о моем сочинении отзывался и крепко запрещал много цены оным приписывать. Итак, всепокорно прошу более не прикладывать лепешки с похвалами болячке несвойственные поведению. С ребячества слышал я, как лиса говорила ворону; прежде наводнения хаживал и я смотреть оных в саду летнего дворца в лицах и много жалел, когда водою оные срыты были.

Касательно ж Петров Угадаевых слышу только, что семья их час от часу более распространяется, Бог с ней; рекрутским набором, вероятно, их число убудет, а если война воспоследует, то разъедутся еще более, а подвиги их хвалить станем наряду со всеми верными сынами Отечества. Существует ли где *вопрошательный* народ, того не ведаю; ибо, кроме города Питера, нигде не бывал, но, не быв пророком, предсказать нетрудно, где

ко времени и к стати *ответственный* наверно найдется может. Пребываю с отличным почтением ваш, и прочее.

Приписка

Буде в сем письме кто приметит строки, аки топором отрубленные, то причины оному иной не знаю, как только то, что сего утра я долго, стоя на мосту, смотрел, как реку Фонтанку копают, от сего, может статья, мысли мои стали подобно изрыты, или с рытвинами, и быв в том состоянии, произвели слова открытые, строки перерытые, следственно, и в письме перекопы, о коих выше явствует».
(Собеседник. 1783. Ч. 6. С. 147—151)

Но были довольно резкие отзывы на «Были и Небылицы», например, принадлежавшие графу С. П. Румянцеву (Собеседник. 1783. Ч. 7. С. 164—168).

¹ Угадаев Петр — вымышленный персонаж. В 3-й части «Собеседника» было опубликовано письмо «К издателю или издательнице Былей и Небылиц», подписанное Петром Угадаевым (Собеседник. 1783. Ч. 3. С. 139—140). «Я и моя семья, — писал автор, — знаем и угадываем, кто они таковы (персонажи «Былей и Небылиц». — Г. С.); да и не мы одни столько догадливы, ...сообщаю для осторожности вашей, ибо на вас многие сердятся». А. Н. Пыпин считает автором письма Екатерину II (Пыпин, с. 332—333).

Краткие записки разносчика

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 9. С. 7—16.

См.: Викторов, с. 132, 136—137; Некрасов, с. 59; Пекарский, с. 32—33; Стенник, с. 121.

В 7-й части «Собеседника» была опубликована статья за подписью «Ни одной звезды во лбу не имеющий», автором которой был граф С. П. Румянцев. К сочинению прилагалась статья о Петре I, в которой была дана блестящая характеристика императора. Прославляя Петра за неустанную деятельность на благо отечества, благодаря которой Россия стала одной из известнейших держав мира, С. П. Румянцев в то же время весьма прохладно оценивает деятельность Екатерины II (Собеседник. 1783. Ч. 7. С. 164—177).

Императрица резко ответила автору:

«...буде я вас задел ненароком, то от того вам лихо не последовало. Письмо ваше явствует, что вы здравы пребываете и, вооружаясь против тщеславия других, сами желаете прославиться» (Собеседник. 1783. Ч. 7. С. 179—180). В следующей части журнала в заметке «Прошение к господам издателям „Собеседника“» редакция продолжила критику автора, который осмелился хвалить Петра I (Собеседник. 1783. Ч. 8. С. 26—33).

В автобиографических заметках С. П. Румянцев, говоря о статье «Петр Великий», замечает: «Императрица была крайне недовольна и препоручила кн. Дашковой сделать сего моего сочинения пересмотр строгий и мне через

журнал объявить» (Автобиография графа С. П. Румянцева // Русский архив. 1869. № 5. С. 850).

Е. Р. Дашкова, как и Екатерина II, была разгневана статьей «Петр Великий». «Я чувствовала невыразимую досаду, когда на счет императрицы до небес возносили Петра I. Я не сдерживала своих чувств и в этом отношении и, может быть, иногда выражала их слишком горячо» (Пекарский, с. 31).

Решив поучаствовать в полемике с С. П. Румянцевым в защиту императрицы, Е. Р. Дашкова написала статью, о которой не замедлила сообщить Екатерине: «Прилагаю также небольшую статейку, которую я имею в виду напечатать в 9-м томе, если только ваше величество найдете ее подходящей. Я решила прикрыться плащом „Разносчика“, чтобы не узнали моего стиля, и мне хотелось бы, чтобы об этом никто не догадывался до появления книги...» (Викторов, с. 137).

Статья Е. Р. Дашковой понравилась Екатерине. «Читая статью „Разносчик“, я готова была бы поклясться, что она написана мною, до такой степени, по-моему, автор ее удачно подражает мне. Что касается вашей критики, она очень резка и, конечно, справедлива...» (Там же. С. 136).

В 9-й части «Собеседника» с письмом к издателям опубликованы под псевдонимом «Рыжий Фролка» «Краткие записки разносчика» (Собеседник. 1783. Ч. 9. С. 7—16). Статья Е. Р. Дашковой была написана в виде рассказа разносчика, который, «обходив несколько домов для сбора должных мне денег», в одном из них услышал разговоры «о новейшем сочинении, которое прислал в типографию *ни одной звезды во лбу не имеющий писатель*». Далее Е. Р. Дашкова устами разносчика отмечает, что это был для него очень счастливый день, так как «говорили все по-русски, не примешивая почти чужестранных слов», а еще и потому, «что разговор шел о Собеседнике».

В своей статье княгиня повторяет основные екатерининские обвинения в адрес графа С. П. Румянцева, которые сводятся в основном к тому, что он не умеет как следует писать по-русски, что пишет «на французском языке русскими словами», что в статье его много мнимой глубокомысленности и что, «пока по-русски не выучится, русским сочинителем быть не может».

¹ Любослов — псевдоним одного из корреспондентов «Собеседника», который подверг критике сочинения, помещенные в 1-й части журнала. См.: Кочеткова Н. Д. Любослов — сотрудник «Собеседника любителей русского слова» // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 422—428.

² Статья за подписью «Ни одной звезды во лбу не имеющий» была опубликована в «Собеседнике» 1783 г. (Ч. 7. С. 164—167).

³ Там же. С. 164.

⁴ Монгольфье — французские изобретатели воздушного шара, братья: Жозеф (1740—1810) и Этьен (1745—1799). В 1783 г. построили воздушный шар, наполненный горячим дымом; первый полет с людьми состоялся 21 ноября 1783 г. в Париже.

⁵ ...*бласфемировать* (фр. blasphémer) — богохульствовать, кощунствовать, хулить, поносить.

Вечеринка

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 9. С. 24—246.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 171.

«Вечеринка» — это рассказ об одном вечере, проведенном в доме, «которого хозяйку я почитаю и люблю от всего моего сердца». Когда наш герой приехал в этот дом, то увидел, что хозяйка «сидела одна и занята была единою только скукою». Спасло хозяйку и гостя от скуки только то, что в доме оказался номер журнала «Собеседник», а в нем сочинение Екатерины II «Были и Небылицы». «Прочитав три строки, унял я у почтенной хозяйки зевоту; на седьмой строке сорвал я с нее улыбку, а на десятой начали мы оба смеяться; и так истерика и зевание миновались». Какая чудесная похвала «Собеседнику»! Далее Е. Р. Дашкова внимательно и подобному описывает гостей и их занятия в этот вечер. Одно из занятий — беседа о литературе, из которой выясняется, что русских писателей мало читают и знают. И Е. Р. Дашкова не без огорчения восклицает: «Бедные российские писатели! Вот как сочинения ваши читаются. Не худо бы рассмотреть, отчего российское стихотворство кажется погребено с телом бессмертного Ломоносова и отчего подобные ему писатели, ежели ныне таковые есть, остаются в неизвестности, хотя науки и писатели ныне покровительствуемы российскою Минервою более, нежели то во времена прошедшие бывало?».

¹ Богданович Ипполит Федорович (1743 (1744)—1803) — писатель, автор поэмы «Душенька» (кн. 1 под загл.: Душенькины похождения. Сказка в стихах. 1778; полное издание (кн. 1—3) 1783; 2-е изд. 1794; 3-е изд. 1799). Богданович создал один из первых образцов шутливой поэмы-сказки в русской поэзии. «Душенька» вызвала восторженные похвалы не только современников, но и крупнейших писателей позднейшей поры. Е. Р. Дашкова неоднократно покровительствовала Богдановичу: в 1763 г. по просьбе княгини он был определен переводчиком в штат генерала П. И. Панина; в марте 1783 г. весь тираж поэмы был куплен Академией наук; Е. Р. Дашкова привлекла Богдановича к сотрудничеству в журнале «Собеседник», в котором он опубликовал ряд стихотворений и статей. См.: Кочеткова Н. Д. Богданович И. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 104—109.

² Стихи, представляющие вольный перевод Горация, взяты из сочинения М. В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». Впервые напечатано: Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. Московский университет, 1757. Кн. 1. С. 3—10. Е. Р. Дашкова, видимо, пользовалась этим изданием. См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 585—595.

³ Силлогизм, видимо, силлогизм — умствование.

⁴ Диоген, видимо, Диоген Синопский (ок. 400—ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ: практиковал крайний аскетизм. По преданию, жил в бочке.

Ответ [Иоанну Приемкову]

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 10. С. 21—24.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 172.

В 10-й части «Собеседника» было напечатано письмо Иоанна Приимкова к издателям журнала (Собеседник. 1783. Ч. 10. С. 19—21). Автору письма не очень понравилось то, что было написано в предыдущей части журнала об архангелогородской куме. Речь шла о статье Е. Р. Дашковой «Вечеринка» (Собеседник. 1783. Ч. 9. С. 240—246), но название статьи не упоминалось.

Вот это письмо:

«Господа издатели Собеседника.»

Хотя я нахожусь среди читателей и почитателей книги вашей, но за-подлинно знаю, что не имею чести быть знаем вами, и для того скажу вам, что я наречен отцом моим при рождении Людбрат. Сие имя не нравилось матери моей, понеже ни в одном переведенном романе оно не читала; она представляла, что Louis громче. Батюшка мой того не оспоривал, ибо ему нравилось, что Louis пишется по-немецки Людвиг, и из того выводил, что мне таковое имя предвестит со временем людьми двигать; но когда призвали приходского попа от святого Пантелеймона на Москве, где я родился, тогда сей оспорил хотение моих родителей, не находя в святцах ни Людбрата, ни Людвиг, и вместо того получил я при святом крещении от попа просто еврейское название Иоанн, прозвание Приимков, и племянник я родной известной архангелогородской кумы. Читая на сих днях IX книгу Собеседника, с крайним сожалением увидел я, что тетушка моя не более знакома тем, кои об ней упоминают и пишут, как я племянник ее родной. Хотя тетушка моя родная в одежде следует в точности моде французской, в голосе замыкает важность речи, наполненной чувством, но для изъяснения тех чувствительностей избирает она всегда выражения умножительные и увеличительные, как-то, например, услыша малый стук, она вам скажет, что преужаснейший слышит стук; захочет пить, скажет, что умираю пить хочу; увидит что ни на есть хорошее, петуха или курицу, тотчас услышите, что прелестнейший петух или курица, прекраснейшее лицо, важное пиво, страшная щепка; каковы увеличительные похвалы, таковы и хулы: дурен ли дом и малая горница, тотчас делается препакостный домишка, премерзостное пугалище. Вы скажете, что во всех тех выражениях тетушка моя потеряла естественное средоточие и что у крайности как у улитки рожки выставлены, поколику отдаляются тем от истинного представления вещи; до того ни мне, ни тетушке моей дела нет, были бы обвешены начала и концы речей наших увеличительными и умножительными словами по моде. Теперь опасаясь я сам запутаться в таковых объяснительных предложениях и для того прекращаю оные уверением, что я с отличным почитанием пребываю ваш всепокорный *Обожатель*, занимая у моей тетушки родной на сей случай подчерченное слово

Иоанн Приимков».

Вслед за письмом Иоанна Приимкова в этой же части «Собеседника» был напечатан «Ответ», составленный Е. Р. Дашковой.

¹ Вклепаться — принять чужое лицо за знакомое.

² Речь идет о статье Е. Р. Дашковой «Вечеринка»: Собеседник. 1783. Ч. 9. С. 240—246.

³ «Были и Небылицы» — сочинение Екатерины II, публикуемое «Собеседником».

Путешествующие

Печатается по: Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120—132.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 171—172.

В XVIII в. считалось необходимым для завершения образования совершить путешествие по Европе. Е. Р. Дашкова также полагала, что «для совершенного воспитания человеку, готовящемуся быть полезным обществу», полезно путешествие. Она призывала только помнить, что «не богатство делает знающим, прозорливым и искусным путешественником, но внимание и разум». Далее Е. Р. Дашкова, как человек много путешествовавший, предлагает своеобразный кодекс путешественника, состоящий из пяти правил, которыми необходимо руководствоваться.

К теме «путешествия» Е. Р. Дашкова обращалась и ранее. Интересно ее письмо к сыну, которое, видимо, написано во время его обучения в Эдинбурге. Письмо содержит некоторые советы по организации путешествий, по пониманию целей и поведения молодого человека во время поездки (Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102—108).

Статья «Путешествующие» является более продуманным размышлением по этой теме. Возможно, примером «полезного путешествия» княгиня считала свои путешествия по Европе. См.: Дашкова Е. Р. Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям // Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. 1775. Ч. 2. С. 105—144; Кросс Э. Г. Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «Небольшое путешествие в Горную Шотландию» // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 223—268.

¹ Аргос — в древнегреческой мифологии многоглазый великан-сторож, во время сна некоторые из его глаз были открыты.

Картины моей родни, или Прошедшие святки

Печатается по: Собеседник. 1784. Ч. 12. С. 17—22; ч. 14. С. 164—166.

См.: Добролюбов, с. 221; Неустроев, с. 171—172.

¹ Святки — праздник, установленный христианской церковью в память рождения и крещения Христа; продолжается 12 дней с 25 декабря (7 января) по 6 (19) января.

² Орест и Пилад — герои греческой мифологии; в переносном смысле символ верной дружбы.

Моя записная книжка

Печатается по: Собеседник. 1784. Ч. 13. С. 19—41.

См.: Семенников, с. 35.

Сочинение «Моя записная книжка» состоит из нескольких заметок, сделанных в разные дни недели. Эти записи посвящены описанию нравов современного общества, которые «суть точно не наши нравы». Большая часть заметок содержит рассуждения о воспитании. Эти темы присутствуют и в других сочинениях Е. Р. Дашковой. В одной из заметок речь идет о молодом человеке, который получил образование в Лейдене, после чего путешествовал по Европе и очень долго прожил в Лондоне, «нашед сию столицу по своему вкусу». Это замечание также свойственно Е. Р. Дашковой, которая, как известно, любила Англию.

После публикации «Моей записной книжки» идет примечание редакции: «Сие прислано от неизвестного сочинителя, обещающего прислать и продолжение, которое по получении впредь и будет напечатано» (Там же. С. 41). Но в последующих частях «Собеседника» ничего подобного обнаружить не удалось. Любопытно, что через несколько лет в «Новых ежемесячных сочинениях» были опубликованы две статьи Е. Р. Дашковой: «Отрывок записной книжки» (1790. Ч. 47. Май. С. 12—19) и «Продолжение отрывка записной книжки» (1791. Ч. 66. Декабрь. С. 3—6), а в журнале «Друг просвещения» — статья «Нечто из записной моей книжки» (1806. Ч. 4. № 12. С. 194—201). Это еще один довод в пользу авторства княгини.

Статья «Моя записная книжка», как нам кажется, соответствует литературному образу Е. Р. Дашковой, отражая те же мысли, которые высказывались ею в других сочинениях и в той же форме, поэтому она, видимо, может принадлежать Е. Р. Дашковой.

Записки тетушки

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 1. Июль. С. 61—80.

См.: Семенников, с. 31—32.

Статья «Записки тетушки» написана Е. Р. Дашковой от лица тетушки и состоит из шести глав. В первой главе речь идет о том, что тетушка слыхала, во второй — что видала; в третьей — что читала; в четвертой — что ей удалось наблюдать, в пятой и шестой — предпринята попытка высказать некоторые мысли и соображения, которые Е. Р. Дашковой казались наиболее важными. Заканчивается статья своеобразным нравственно-философским «завещанием». По глубине мысли и по форме изложения «завещание» принадлежит к лучшим страницам, написанным княгиней.

¹ *Лукиан*, видимо, Лукиан (ок. 120—ок. 190) — древнегреческий писатель-сатирик.

² *Аддисон*, видимо, Аддисон Джозеф (1672—1719) — английский писатель.

³ *Корнелий*, видимо, Корнель Пьер (1606—1648) — французский драматург.

⁴ Катон Старший (234—149 до н. э.) — римский писатель. Консул в 195 г. Непримирым враг Карфагена, поборник староримских нравов.

⁵ Это речь Катона, отказывающегося войти в храм Юпитера Аммона. Стихи принадлежат Лукиану. Е. Р. Дашкова перевела их и опубликовала еще в 1763 г. в журнале «Невинные упражнения» (1763. Февраль. С. 55—56). См.: Сухомлинов М. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 23—24, 367—368.

Письмо к издателям сих «Сочинений»

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 5. Ноябрь. С. 67—71.

См.: Семенников, с. 32.

Здесь Е. Р. Дашкова прибегает к уже известному приему: рассказывает о бывшем при ней разговоре. Тема разговора касается вопроса о том, что такое «добродетель». По мнению автора, добродетель — это «не что иное, как СПРАВЕДЛИВОСТЬ; а из нее уже истекают все изящности и героические подвиги, по которым с удивлением, почтением и признанием сердечным добродетельных людей мы признаем». Далее Е. Р. высказывает предложение об установлении ежегодной премии за лучшее сочинение в стихах или прозе, посвященное добродетели. К письму княгиня прилагает стихи «Отец и дети», которые якобы по ее просьбе были сочинены одним молодым человеком. С некоторой долей уверенности можно считать, что эти стихи принадлежат Е. Р. Дашковой.

Вот эти стихи:

П Р И Т Ч А

Отец и дети

Почти всех женихов мечта известна:
Хотят, чтобы была невеста их прелестна,
Богата чересчур, умна и так и сяк.
Я повествую здесь совсем отличный брак,
И брак ничуть не модный.
Жених известный благородный
Жениться захотел;
Он добродетели название имел.
Здесь всяк свидетель,
Не все в приятели принимают добродетель;
А с ней вступить в союз, и не на час — на век,
Какой захочет человек?
Но как не может быть нигде пустого места,
Сыскалася невеста:
И правосудие в союз
Со добродетелью вступило
И деток народило.
Какой был плод преславных оных уз?
Великодушие, геройство,
Премудрость, кротость, честь, душевное спокойство
Суть брака оногo плоды.
О детках сих везде различные суды:
Всяк век и всяк народ, имея разны нравы,
Различны честности кладет уставы.
Геройством греческа кичилася страна,
Быть хлебосолкою России честь дана;

И разные народы
Во добродетели различны зрели моды;
Но добродетель есть везде всегда одна,
То отрасли ее, ее то дети.
Коль кто родителем не может овладети
И в добродетели изящество обрести,
Знакомство с детками себе тот ставит в честь.
(Там же. С. 71—72)

Тоисиоков

Печатается по: Тоисиоков: комедия в пяти действиях. СПб., 1786.

См.: Афанасьев, с. 210—211; Гёпферт, с. 147—148; Моисеева, с. 267—312; Теплова, с. 246.

Об обстоятельствах создания комедии «Тоисиоков» Е. Р. Дашкова так вспоминает в своих «Записках»: «Однажды утром, когда мы были вдвоем, она (Екатерина II. — Г. С.) попросила написать пьесу на русском языке для Эрмитажного театра. Напрасно я говорила, что у меня нет и тени таланта для создания такого рода сочинений. Она много раз возвращалась к этому разговору, объясняя свою настойчивость тем, что по опыту знает, насколько подобная работа развлекает и занимает самого автора. Я была вынуждена пообещать исполнить ее желание, но с условием, что, когда сделаю первые два акта, она прочтает их, поправит или откровенно скажет, что лучше бросить мое сочинение в огонь. Соглашение было заключено, и в тот вечер я написала два акта, а на следующее утро отнесла их к императрице. Пьеса была названа по имени главного персонажа „Господин Тоисиоков“. Не желая давать повод к предположениям, что я имею в виду определенное лицо, живущее в Петербурге, я выбрала характер самый распространенный, то есть человека бесхарактерного, какими, к несчастью, изобилует общество. Ее величество удалилась со мной в свою спальню, чтобы прочесть мой экспромт, который я считала не заслуживающим такой чести. Императрица смеялась над многими сценами и, то ли по своей снисходительности, то ли по некоторому пристрастию, которое иногда проявляла ко мне, нашла эти два акта превосходными. Я рассказала ей о плане и предполагаемой развязке третьего действия. Тут ее величество настоятельно попросила меня сделать пьесу в пяти актах. Я думаю, что растянутая благодаря этому пьеса отнюдь не выиграла; мне было досадно, что из-за бесполезных добавлений интрига становилась более вялой. Как могла, я закончила работу, через два дня пьеса была переписана набело и отдана императрице. Ее играли в Эрмитаже, а позднее напечатали» (Записки. М., 1987. С. 174—175).

Комедия Е. Р. Дашковой «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» вышла отдельным изданием в 1786 г. и была напечатана в «Российском феатре, или Полном собрании всех феатральных сочинений» (1788. Ч. 19. С. 239—317).

В комедии два главных героя: Тоисиоков и пожилая вдова, по старинному одетая в черное платье, Решимова. Фамилии уже прямо говорят сами за себя. Тоисиоков — человек, который живет согласно своему имени. Того и сего желает, то и се приказывает, долго колеблется и ни на что не решается: то продаст деревню, то опять ее купит, бездумно тратит

деньги на двойные пошлины, перестройкам в доме нет конца. Решимова, его тетушка, напротив, решает все сразу, не откладывая ничего на потом, и у нее все получается. Сюжет пьесы в том, что француз — камердинер Лафлер, заодно с дворецким обманывая Тоисиокова, доводят его почти до полного разорения. Но тетушка выручает племянника из беды и, пользуясь этим случаем, читает ему наставления. В XVIII в. предполагали, что в пьесе изображен Л. А. Нарышкин, который играл роль придворного шута при Екатерине II. В. А. Теплова считает, что прототипом Тоисиокова был И. И. Шувалов (Теплова, с. 246). Ему противостоит главная героиня Решимова, обладающая и характером, и волей, и энергией. В Решимовой все узнали, конечно, Е. Р. Дашкову.

¹ *Не статочное... дело* — статочный — такой, который может случиться, возможный.

² *...смутки* — небольшая смута, ссора, неприятность; сплетни, наговоры.

³ *...куры строит...* (фр. *faire la cour a*) — ухаживать за кем-либо.

⁴ *...кубарит* — забавляется, дурит, занимается пустяками.

⁵ *...превенировать...* (фр. *prévenir*) — предупреждать, предупредить.

⁶ *...балы поточим* — поболтаем; балы (просторечное) — болтовня.

⁷ *...раздабаривать, раздобаривать* — разговаривать, болтать.

⁸ *...наветки от навет* — напраслина, наговор, клевета; намеки или косвенное обвинение.

⁹ *...тарабарская грамота* — зашифрованная, на которую нужен особый ключ; неразборчивое письмо.

¹⁰ *...вале-де шама...* (фр. *valet de chambre*) — камердинер.

¹¹ *...власно* (просторечное) — точно, словно, как.

¹² *...потщусь...* (от потщиться) — постараться.

¹³ *...пирамиды египетские...* — Речь идет о гигантских гробницах древнеегипетских фараонов III—II тысячелетия до н. э. в виде каменных пирамид.

¹⁴ *...свычка...* — привычка.

¹⁵ *...ханжил...* (от слова ханжа) — был лицемером, двуличным.

¹⁶ *...тороват...* — тороватый, щедрый.

¹⁷ *...отлыгается...* (от отлыгаться, отолгаться) — отделиваться ложью.

¹⁸ *...покроем* — здесь: образом.

Отрывок записной книжки

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 47. Май. С. 12—19.

См.: Семенников, с. 35.

«Отрывок записной книжки» — типичное сочинение Е. Р. Дашковой, где изложение ведется преимущественно отрывочными фразами, имеющими характер афоризмов. Также бросается в глаза сходство мыслей и выражений, встречающихся в других статьях. Например: «Часто, гонясь за мечтою, человек теряет существительное добро». В «Записках тетушки» читаем: «Я видала, что люди, гонясь за мечтою, настоящее благо теряли» (Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 1. Июль. С. 67).

¹ *Эстимовать* (фр. *estimer*) — делать оценку, оценивать.

Продолжение отрывка записной книжки

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 66. Декабрь. С. 3—6.

См.: Семенников, с. 35.

К господам издателям «Новых ежемесячных сочинений»

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 78. Декабрь. С. 3—5.

См: Семенников, с. 32; Теплова, с. 245.

Письмо содержит резкие выпады против революционной Франции и провозглашает весьма характерный для Е. Р. Дашковой лозунг «Да будут русские русскими!». При публикации письма Е. Р. Дашковой редакция журнала предварила его ободряющим замечанием: «Нижеследующее полученное нами письмо тем с большим удовольствием здесь помещаем, что содержимое в нем справедливо и что мы, всегда желая иметь таковых корреспондентов, просим несколько уже раз публику делать нам честь присылкою сочинений, которые помещением в наше издание украшали бы оно» (Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 78. Декабрь. С. 3).

Мысли Е. Р. Дашковой заслужили «всеобщее от публики одобрение и похвалу», так было указано в письме в редакцию от Андрея Шеина (Там же. 1793. Ч. 81. Март. С. 15—16). В. П. Семенников считает, что это письмо написано самой Е. Р. Дашковой (Семенников, с. 34).

Вот это письмо:

«Господа издатели „Новых Ежемесячных сочинений“!

Письмо некоторой дамы или, лучше сказать, ее увещание о неподражании французским модам, в издании вашем прошедшего декабря месяца напечатанное, заслуживает всеобщее от публики одобрение и похвалу. Дама, столь здраво к пользе России мыслящая, должна быть предпочтена Ментеноне* и Дасье,** украшавшим некогда Францию, свое тогда цветущее, а ныне злополучное отечество.

Молодые господчики! Вы, кои не только что всем модам завсегда слепо подражаете, но иногда от праздности и сами их выдумываете; вы, кои, к стыду вашему, не можете терпеть ни одной русской книги; оставя французские водевили и все бесполезные их песенки, читайте сии наши академические издания, употребите на то хотя один свободный час от нужных дел ваших, т. е. когда вы не глядитесь в зеркало, не играете в карты и не танцуете; и верьте тому, что всякая мода, сколь скоро в Россию пожалует,

* *Ментенона* — видимо, речь идет о маркизе Франсуазе д'Обинье — второй жене Людовика XIV (1635—1719). В 1686 г. в Сен-Сире она основала школу для дочерей бедных дворян, рассчитанную на 250 девочек (*Примеч. ред.*).

** *Дасье* — видимо, речь идет о семье французских ученых. Андре (1651—1722), филолог, переводил Горация, Аристотеля и др. Его жена Анна (1654—1720) переводила Гомера (*Примеч. ред.*).

всегда причинит у нас многим домам разорение и напрасный от нас вывоз денег в чужие край.

Да будут русские русскими!

Слова весьма краткие, но много добра в себе заключающие, знаменитую писательницею сею изреченные, да совершатся во дни благополучного царствия Великой ЕКАТЕРИНЫ!

Ваш, милостивые государи мои,
покорнейший слуга
Андрей Шеин.

Генваря 22 дня, 1793 года.
Город Архангельск».

(Там же. 1793. Ч. 81. Март. С. 15—16)

¹ Речь идет о заметке «Письмо к приятелю», опубликованной в «Новых ежемесячных сочинениях» (1792. Ч. 77. Ноябрь. С. 40—43). Мысли, высказанные автором заметки, были близки Е. Р. Дашковой. «Французы теперь таковы, — замечает автор, — что им все прилично, и они ничем не удивят. Но мы бедные русаки, кажется, что дурно делаем, сие у них перенимая. ...Право, мне кажется, наше дело идти попросту своей дорогой и без затей наслаждаться счастьем...» (Там же. С. 42).

² ...*маршанд де мод...* (фр. *marchandes de modes*) — продавцы модных товаров.

³ Вольтер (настоящее имя Мари-Франсуа Аруз; 1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель; сыграл большую роль в идейной подготовке Великой французской революции.

К господам издателям «Ежемесячных сочинений»: Вопросы

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 82. Апрель. С. 306.

См.: Семенников, с. 36.

Все 11 вопросов касаются французского «модного ветреного воспитания». Статья направлена на борьбу с французоманией, это одна из постоянных тем в творчестве Е. Р. Дашковой. Просматривая журнал «Новые ежемесячные сочинения», не удалось обнаружить ответов на эти вопросы. Но любопытно, что уже упоминавшийся Андрей Шеин прислал короткое письмо и предложил к опубликованным вопросам еще один. Если согласиться с В. П. Семенниковым, который предположил, что под именем Андрея Шеина пишет Е. Р. Дашкова, то, возможно, и этот дополнительный вопрос, который полностью соответствует идеям, сформулированным в основных вопросах, принадлежит самой княгине.

Вот это письмо и вопрос:

«Письмо Андрея Шеина к издателям „Новых ежемесячных сочинений“.

Вопросы, напечатанные в сочинении вашем, о том, что пристойно ли благородному российскому дворянству воспитываться у французских учителей, кои, сами не имея никакого воспитания, благонравия и веры и не смысля ничего более, как только болтать на природном своем языке, принимаются во многие дома для обучения и наставления юношества, и проч.

Все сии вопросы читал я с великим удовольствием и, отдавая должную признательность неизвестному сочинителю, прошу вас, государи мои, напечатать еще в прибавление к ним один и от меня.

Вопрос:

Полезно ли, когда знатный господчик с самых молодых своих лет, напитавшись одним только лишь французским духом и не имея других дарований, делается у нас по несчастию начальником в какой-нибудь службе? Полезно ли, когда он утеснять будет небогатого дворянина за то только, что не по моде одет и причесан и не умеет калякать по-парижски; а притом что не такой мот и вертопрах, как его вы... Полезно ли, когда оставляет он без награждения честных и заслуженных людей, а возводит на высшие степени подобных себе сумасбродов? Полезно ли, когда, промотав все нажитое предками его имение, войдет в неоплатные долги? Полезно ли, когда для продолжения своей роскоши употребит бесчестные и непозволенные средства?» (Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 86. Август. С. 12—13).

Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, избежать несчастий

Печатается по: Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. 114. Ноябрь. С. 2—7.
См.: Семенников, с. 34—35.

Статья содержит правила или 10 истин, которые необходимо знать, по мысли Е. Р. Дашковой, для счастливой жизни. Статья написана в привычной для автора афористической манере. Некоторые наблюдения уже встречались в более ранних статьях, таких как «Сокращение катехизиса честного человека» (Наст. изд. С. 119), «Записки тетушки» (Там же. С. 165—173), «Отрывок записной книжки» (Там же. С. 208—211).

¹ Моисей — библейский предводитель израильских племен, призванный вывести израильтян из фараоновского рабства сквозь расступившиеся воды Чермного (Красного) моря; на горе Синай Бог дал Моисею скрижали с 10 заповедями.

**Письмо к К. Вильмот с размышлениями о вопросах воспитания
15 ноября 1805 г.**

Печатается по: Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12. С. 190—193.
См.: Греков, с. 11; Теплова, с. 244.

Письмо Е. Р. Дашковой к Кэтрин Вильмот — одно из интереснейших свидетельств, содержащих взгляды княгини на вопросы воспитания. Любопытно, что исследователи, упоминая это письмо, указывают почему-то, что оно адресовано Марте Вильмот (см.: Греков, с. 11; Теплова, с. 244). В публикации в журнале «Друг просвещения», по тексту которой приводится это письмо, стоит «К. Вильмот».

¹ Вильмот Кэтрин — сестра близкого друга Е. Р. Дашковой Марты Вильмот.

² Локк Джон (1632—1704) — английский философ, политический мыслитель и педагог. Педагогическая система Локка изложена в книге «Мысли о воспитании» («Some Thoughts Concerning Education», 1693). Перевод на русский язык выполнил Н. Поповский, вероятно, по настоянию своего учителя — М. В. Ломоносова (О воспитании детей г-на Локка. Переведено с франц. на российский язык Имп. Московского ун-та профессором Николаем Поповским. Печатано при Имп. Московск. ун-те. М., 1759—1760).

Нечто из записной моей книжки

Печатается по: Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12. С. 194—201.

См.: Афанасьев, с. 215; Греков, с. 11; Теплова, с. 247.

Статья Е. Р. Дашковой передает беседы с тетушкой и двоюродным дядей о прекрасных старых временах и нравах, когда родители «сами воспитывали детей своих». После статьи было помещено краткое, но весьма характерное замечание редакции журнала: «Издатели сочинение сие помещают с большим удовольствием и благодарностию к почтенной россиянке, коей честность, правила и деяния глубоко впечатлены в сердце и уме благонамеренных сынов Отечества» (Друг просвещения. 1806. Ч. 4. № 12. С. 201).

¹ ...банкеркарутство — (фр. banqueroute) — банкротство.

Письмо к издателю «Русского вестника»

Печатается по: Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 2. С. 227—232.

См.: Афанасьев, с. 215, 217; Таежная, с. 54—56.

Журнал «Русский вестник» издавался в Москве в 1808—1826 гг. Издателем его был Сергей Николаевич Глинка (1776—1847), принадлежавший в начале XIX в. к числу наиболее известных русских литераторов. Журнал «Русский вестник» стремился утвердить читателя в превосходстве всего русского перед иностранным и противопоставлял добродетели славных предков современным нравам, испорченным «иноземным» воспитанием. Кроме многочисленных публикаций самого С. Н. Глинки на страницах «Русского вестника» активно печатался его брат, известный поэт Ф. Н. Глинка, а также такие крупные писатели того времени, как Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, Ф. В. Ростопчин и др. Журнал был созвучен настроению Е. Р. Дашковой.

«Письмо к издателю „Русского вестника“» написано в привычной для Е. Р. форме, в форме разговора с тетушкой. «Разговор» этот направлен против французского влияния, как и большая часть заметок и рассуждений княгини. Для противодействия иноземному мартышеству автор советует употреблять нравственное прививание, т. е. воспитание. «...отцам и матерям, заняв места французского учителя и мадам, воспитывая детей верно-подданными русскими, учить их страха Божия, верности к государю и при-

верженности неограниченной к Отечеству: вот прививание нравственное, которое час от часу по мере разврата и распространяющегося мартышества французского нужно нам». И далее Е. Р. Дашкова замечает: «Если вместо важного, почтительного, или по воле благосклонного и благоприятного русского поклона введен чужеземцами обычай приседать по-французски, я спрошу, просветились ли мы чрез то...».

На это письмо издателем был дан любезный комментарий: «Сообщения из записной книжки, без сомнения, будут любопытны и приятны для русских. Каждая мысль, относящаяся к Отечеству, есть подарок „Русскому вестнику“» (Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 2. С. 232).

О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ В СЕМЕЙСТВЕ ДАШКОВЫХ

**Письмо Вильяму Робертсону о желании дать сыну
образование в Эдинбургском университете. 30 августа 1776 г.
(перевод С. Н. Искюля)**

Печатается по: National Library of Scotland, Ms. 3942. ff. 269—270.

9 декабря 1776 г. Е. Р. Дашкова с тринадцатилетним сыном П. М. Дашковым приехала в Эдинбург; но еще задолго до приезда княгиня начала переговоры с ректором Эдинбургского университета (с 1762 г.), шотландским ученым-историком Вильямом Робертсоном (1721—1793) о том, чтобы сын приступил с нового учебного года к занятиям в университете. Три письма Е. Р. Дашковой, которые приводятся здесь, написаны ею Робертсону в период с 30 августа по 10 ноября 1776 г., т. е. до прибытия в Эдинбург. В них княгиня объясняла, по каким причинам выбрала именно этот университет, старалась убедить ректора лично руководить занятиями сына и возражала против предложения повременить с его поступлением в университет, расписывая его достижения и способности. Во втором письме из Лондона от 9 октября 1776 г. княгиня описала уже пройденное сыном и намечала программу занятий его в Эдинбургском университете на протяжении двух лет или пяти семестров. Обучение П. М. Дашкова в Эдинбурге продолжалось до конца марта 1779 г. и закончилось успешно присуждением ему степени магистра гуманитарных наук.

См.: Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996. С. 151—155.

**Письмо Вильяму Робертсону
с программой образования для сына. 9 октября 1776 г.
(перевод С. Н. Искюля)**

Печатается по: National Library of Scotland, Ms. 3942. ff. 281—282.

Это письмо представляет особый интерес не только для оценки забот Е. Р. Дашковой о воспитании сына, но и для характеристики ее взглядов на содержание высшего образования.

Ранее письмо было опубликовано: Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 97—101. Составители этого сборника

ошибочно указали дату письма «5 октября», на оригинале стоит «9 октября».

**Письмо Вильяму Робертсону о проблемах воспитания детей.
10 ноября 1776 г. (перевод С. Н. Искюля)**

Печатается по: National Library of Scotland, Ms. 3942. ff. 287.

Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий

Печатается по: Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102—108.

Письмо Е. Р. Дашковой к сыну не датировано, видимо, оно написано к концу академического курса П. М. Дашкова в Эдинбургском университете, т. е. в 1779 г. Для путешествия Е. Р. отводила два года. «Первое средство умного путешествия, — писала Е. Р. Дашкова, — постоянное внимание; ты должен пользоваться всяким источником знания, в каком бы положении и обстоятельствах ты ни был поставлен; с другой стороны, избегать бесполезной траты времени в напрасных исследованиях пустых или мелочных предметов: очень важно избирать и находить только те материалы для развития мысли, которые действительно заслуживают внимания». Главным итогом путешествия княгиня-мать считает полезные знания, которые необходимы для того, чтобы, «сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего Отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны».

Позже в статье «Путешествующие» (Собеседник. 1784. Ч. 11. С. 120—132) Е. Р. Дашкова глубже разрабатывает эту тему и формулирует пять обязательных правил для молодого путешественника.

**Письмо князю Г. А. Потемкину
с просьбой назначить сына адъютантом. 24 ноября [1781 г.]**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 156.

Хлопоты о военной карьере сына Е. Р. Дашкова начала, находясь еще в путешествии по Европе. Из осторожности она отказывается от услуг графа Г. Г. Орлова, когда тот предлагает покровительство ее сыну в продвижении по службе (Записки. М., 1987. С. 119—120), и обращается за поддержкой к князю Г. А. Потемкину. И князь Потемкин в будущем неоднократно способствует продвижению по службе молодого П. М. Дашкова.

См.: *Елисеева О. И.* Е. Р. Дашкова и Г. А. Потемкин (внешнеполитические аспекты придворной жизни) // Екатерина Романовна Дашкова и ее время: Исследования и материалы. М., 1999. С. 46—65.

¹ Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739—1791) — светлейший князь, генерал-фельдмаршал; президент Военной коллегии. Фаворит Екатерины II в 1774—1791 гг.

² Самойлов Александр Николаевич (1744—1814) — граф, камергер, генерал-прокурор в 1792—1796 гг. Племянник Г. А. Потемкина.

³ Орлов Григорий Григорьевич (1743—1783) — граф, генерал-лейтенант. Фаворит Екатерины II в 1759—1772 гг. Основатель и первый президент Вольного экономического общества.

**Письмо князю Г. А. Потемкину о военной карьере сына.
23 февраля [1782 г.]**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 156—157.

Это письмо из серии писем, отправленных Е. Р. Дашковой Г. А. Потемкину из Европы, еще до возвращения в Россию.

¹ Хотинский Н. К. — русский поверенный в делах во Франции.

**Письмо князю Г. А. Потемкину о службе сына.
17 сентября [1783 г.]**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 154.

¹ Пятая часть «Собеседника» вышла 16 сентября 1783 г.

**Письмо князю Г. А. Потемкину
о сыне и племяннике графе Д. П. Бутурлине.
14 августа [1783—1784 гг.]**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 154—155.

¹ Бутурлин Дмитрий Петрович (1763—1829) — граф, по матери — Марии Романовне Воронцовой — родной племянник Е. Р. Дашковой. Бутурлин был адъютантом князя Г. А. Потемкина, затем перешел в Коллегию иностранных дел. Один из самых образованных людей своего времени, библиофил и большой знаток искусств.

² *Банкрут* (англ. bankrupt) — банкрот, несостоятельный должник.

³ Кадетский корпус, привилегированное среднее военно-учебное заведение закрытого типа; основан в 1731 г. в С.-Петербурге; с 1752 г. — Сухопутный шляхетский кадетский корпус.

**Записка князю Г. А. Потемкину об отпуске для сына.
17 ноября 1784 г.**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 155.

**Письмо брату графу А. Р. Воронцову
об отношениях с дочерью [1784 г.]**

Печатается по: Записки княгини Дашковой / Под редакцией и с предисловием Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 279.

¹ Воронцов Александр Романович (1741—1805) — граф, государственный деятель и дипломат. В 1762—1764 гг. — полномочный министр в Англии, в 1764—1768 гг. — в Голландии; в 1773—1794 гг. — президент Коммерц-коллегии, в 1802—1804 гг. — канцлер.

² Дашкова Анастасия Михайловна (в замужестве Щербинина, 1760—1831) — дочь Е. Р. Дашковой. О дочери Е. Р. Дашковой и об их отношениях см. во вступительной статье часть под названием «...о самой мучительной душевной боли, какую мне пришлось пережить в жизни» (Наст. изд. С. 42—46).

**Письмо Вильяму Робертсону с благодарностью
за внимание к ней во время пребывания в Эдинбурге.
17 августа 1786 г. (перевод С. Н. Искюля)**

Печатается по: National Library of Scotland, Ms. 3942. ff. 265.

**Письмо Екатерине II
с просьбой о скорейшем решении дел дочери в Сенате.
14 января 1794 г.**

Печатается по: К биографии княгини Е. Р. Дашковой // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 670.

¹ *Сенат* — в России в 1711—1917 гг. — Правительствующий Сенат, высший государственный орган, подчиненный императору. Учрежден Петром I как высший орган по делам законодательства и государственного управления.

**Письмо Екатерине II о финансовых делах дочери.
9 июля 1794 г.**

Печатается по: К биографии княгини Е. Р. Дашковой // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 671—672.

Письмо к дочери [1807 г.]

Печатается по: Записки княгини Е. Р. Дашковой / Под редакцией и с предисловием Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 297—298.

¹ Новосильцев Николай Николаевич (1768—1838) — граф; незаконный сын сестры А. С. Строганова, воспитывался в его доме. В 1803—1804 гг. — президент Академии наук.

² Киселев Федор Иванович — генерал-лейтенант, душеприказчик Е. Р. Дашковой.

³ Норова Татьяна Михайловна (1766—1838) — племянница Е. Р. Дашковой.

⁴ Мавра Романовна — так звали Марту Вильмот в Троицком.

**Записка графу П. С. Потемкину
о поддержке ее воспитанника П. В. Спиридонова [б/д]**

Печатается по: Письма княгини Е. Р. Дашковой к князю Г. А. Потемкину // Древняя и новая Россия. 1879. № 6. С. 150.

¹ Потемкин Павел Сергеевич (1743—1796) — генерал; воевал под началом А. В. Суворова; генерал-губернатор Казани, Саратова и Кавказа.

² Спиридонов Петр Васильевич — воспитанник Е. Р. Дашковой.

Письмо к мистрис Гамильтон [1804—1805 гг.]

Печатается по: Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 118—125.

Письмо к Кэтрин Гамильтон занимает особое место в эпистолярном наследии Е. Р. Дашковой. Это сочинение — любопытный автопортрет. Вспоминая характеристики, которыми ее наделяли современники, а ее изображали капризной, самолюбивой, тщеславной, жестокой, беспокойной, алчной, Е. Р. Дашкова опровергает эти обвинения. Княгиня призывает Гамильтон понять, что лица, окружавшие Екатерину II, «были мои враги с первого дня правления ее, и враги всемогущие. После этого легко понять, за что и почему мои портретисты обезобразили вашего друга, исказили истинные черты моего образа». И в заключение Е. Р. Дашкова обращается с мудрой просьбой: «...простите моим клеветникам, пожалейте или презирайте их вместе со мной».

Письмо это не датировано. Л. Я. Лозинская предполагает, что оно относится ко времени работы над «Записками», т. е. к 1804—1805 гг. (Лозинская, с. 112).

¹ Гамильтон Кэтрин — ирландская приятельница Е. Р. Дашковой, с которой она познакомилась и подружилась во время путешествия по Европе. В 1785—1786 гг. Гамильтон гостила у княгини в С.-Петербурге, Москве и в подмосковном имении Троицкое. Имя Кэтрин Гамильтон часто встречается на страницах «Записок» с неизменным добавлением «мой

друг» или «я была так счастлива в обществе мадам Гамильтон, наслаждаясь ее искренней дружбой» (Записки. М., 1987. С. 126, 163, 164, 207, 212 и др.).

² Речь идет о письме Екатерины II к последнему польскому королю, бывшему с ней в близких отношениях, Станиславу Августу Понятовскому (1732—1798). См.: Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908. С. 99.

³ Фридрих II (1712—1786) — прусский король с 1740 г.

⁴ Каменская Пелагея Федоровна (1747—?) — гувернантка в семье Е. Р. Дашковой.

Из «Записок» о детстве и юности Е. Р. Дашковой
(перевод и примечания С. Н. Искюля)

Печатается перевод с французского, осуществленный по изданию, напечатанному в «Архиве князя Воронцова» (М., 1881. Кн. 21), и сверенный с рукописью, хранящейся в Архиве СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 749.

«Записки» Е. Р. Дашковой, написанные в 1804—1805 гг. в Троицком, не только самое значительное литературное произведение княгини и ценный источник для изучения политической, общественной и культурной жизни второй половины XVIII в., но и важнейший источник биографических сведений о ней и ее семье.

Приведенные отрывки из «Записок» дают ценный материал для того, чтобы представить детство и юность княгини и составить представление о формировании ее личности и увидеть ее заботы о воспитании и образовании детей.

Об истории создания и публикации «Записок» см.: *Моисеева Г. Н.* О «Записках» Е. Р. Дашковой // Екатерина Дашкова. Записки 1743—1810. Л., 1985. С. 259—272; Записки. М., 1987. С. 21—23, 26—31; *Сафонов М. М.* Екатерина Малая и ее «Записки» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 13—22.

¹ По данным издателя «Записок» княгини П. Бартенева, Е. Р. Дашкова родилась 17 марта 1743 г. (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 159). Она родилась в Петербурге, но где именно, в настоящее время точно не установлено; по косвенному свидетельству (записи в метрической книге собора св. Андрея Первозванного о рождении в 1738 г. Марии Романовны Воронцовой) можно предположить, что Дашкова родилась там же, где и ее сестра, т. е. в доме на 5-й линии Васильевского острова: граф Роман Илларионович имел на этой линии дом, до настоящего времени не сохранившийся.

² Императрица Елизавета Петровна (1709—1761) возвратилась в Петербург после коронации в Москве 20 декабря 1742 г.

³ Великий князь Петр Федорович (1728—1762) — император в 1761—1762 гг. Муж Екатерины II, крестный Дашковой.

⁴ Дядя Дашковой, граф Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767) — первый крупный политический и государственный деятель в семье Воронцовых. Обязанный карьерой своему участию в дворцовом перевороте 1741 г. и возведению Елизаветы Петровны на престол, граф Михаил Илларионович в 1744—1758 гг. занимал пост вице-канцлера, а в 1758—1764 гг. — канцлера Российской империи. Немаловажное значение

имело и то, что Воронцов был женат на графине Анне Карловне Скавронской, двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны.

⁵ Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица с 1730 г., племянница Петра Великого.

⁶ Мать Дашковой — Марфа Ивановна (1718—1745), в девичестве Сурмина, в первом браке Долгорукова. Она скоропостижно умерла, когда дочери не исполнилось и двух лет; до 4 лет Дашкова воспитывалась у своей бабушки со стороны матери — Феодосии Ивановны Сурминой.

⁷ Речь идет об Анне Михайловне Воронцовой (1743—1769), дочери старшего М. И. Воронцова.

⁸ Роман Илларионович Воронцов (1707—1783) — граф, генерал-аншеф, сенатор (с 1760 г.), при Екатерине поначалу в немилости по причине близости его к свергнутому императору, затем — наместник Владимирский, Пензенский и Тамбовский.

⁹ Младший брат Дашковой — граф Семен Романович Воронцов (1768—1832), офицер гвардии, участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг. С 1783 г. — на дипломатической службе, сначала посланником в Венеции, затем, в 1783—1806 гг., с небольшим временным перерывом — посол России в Великобритании.

¹⁰ Дашкова имеет в виду языки — французский, итальянский, немецкий и, вероятно, один из древних.

¹¹ Федор Дмитриевич Бехтеев (1716—1761) — дипломат, российский поверенный в делах во Франции (1756—1758), церемониймейстер двора; был учителем при великом князе Павле Петровиче.

¹² Этот сенатский указ был издан 21 октября 1754 г. (ПСЗ. Т. 14. № 10317).

¹³ О наличии книг французских просветителей в библиотеке Воронцовых писал А. Р. Воронцов в автобиографии: «Батюшка послал для нас из Голландии целую довольно хорошо подобранную библиотеку лучших французских писателей и поэтов, а также исторических книг, и таким образом к 12-ти годам я уже был порядочно знаком с Вольтером, Расином и Корнелем, Буало и другими французскими сочинителями» (Архив князя Воронцова. Кн. 5. С. 12—13).

¹⁴ В 1758 г. А. Р. Воронцов, по желанию своего дяди М. И. Воронцова и с разрешения императрицы Елизаветы Петровны, уехал в Париж, где поступил в аристократическую школу. В «Автобиографических показаниях» он писал по этому поводу: «В 1758 году, по воле ее величества, отправлен во Францию в школу Французской гвардии Шевалежер, где и обучался и служил полтора года...» (Архив князя Воронцова. Кн. 5. С. 3). Следует добавить, что это произошло после того, как французский дипломат маркиз де Лопиталь посоветовал М. И. Воронцову отправить своего племянника в Париж и сам написал об этом королю, который выразил желание видеть Воронцова в числе учеников этой привилегированной школы.

¹⁵ Речь идет о датском враче по имени Герман Бургав (1705—1753), который с 1740 г. находился в России, а с 1748 г. был личным врачом императрицы Елизаветы.

¹⁶ Сочинение К. А. Гельвеция «Об уме» было опубликовано в Париже в 1758 г. Через год по приговору парижского Парламента книга была осуждена и сожжена. Говоря о мыслях, «изложенных в первом томе», Дашкова имеет в виду идею равенства умственных способностей всех людей, из которой вытекала мысль о том, что, независимо от происхождения, государством может управлять любой человек, достаточно развивший свои природные задатки. Что касается высказывания Дашковой о «втором томе этой книги», то здесь, с вероятностью, можно предположить, что подразу-

меваются сочинение Гельвеция «О человеке», которое вышло в свет лишь в 1773 г. в Гааге при содействии российского посла в Нидерландах князя Д. А. Голицына.

¹⁷ Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — государственный деятель, обер-камергер, куратор Московского университета, почетный член Петербургской Академии наук.

¹⁸ «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» в 35 томах выходила под редакцией Дидро и Д'Аламбера в 1751—1780 гг.

¹⁹ Первый французский биографический словарь (*Le grand dictionnaire historique*), составленный Луи Морери и вышедший впервые в одном томе в 1674 г. Под тем же названием в 1759 г. словарь вышел в 10 томах.

²⁰ См. публикации этих писем к «горячо любимому брату» за 1758—1805 гг. в «Архиве князя Воронцова» (М., 1872. Кн. 5. С. 157—283; М., 1877. Кн. 12. С. 321—367; М., 1881. Кн. 21. С. 433—449).

²¹ Князь Дашков Михаил Иванович (1736—1764) — полковник лейб-гвардии Кирасирского полка, камер-юнкер.

²² Петергоф — уездный город Санкт-Петербургской губернии, в 28 верстах от Петербурга к западу, на берегу Финского залива. Местность, на которой расположен Петергоф, естественно спускается уступами к заливу, что дало возможность украсить ее парки фонтанами. Назван по имени основателя — Петра I. Строительство как парадной летней резиденции по примеру Версаля было начато в 1709—1710 гг., систематические работы велись с 1714 г. В проектировании и строительстве парков принимали участие иностранные и российские архитекторы, скульпторы и садоводы И. Браунштайн, Ж. Леблон, Н. Микетти, М. Земцов, Т. Усов, К. Растрелли. При Петре в Петергофе были построены дворец *Monplaisir*, павильоны Марли и Эрмитаж, были разбиты нижний и верхний парки, построены оранжереи и теплицы. Постройка Большого дворца относится к 1714—1728 гг. (автор проекта неизвестен), в 1747—1752 гг. достраивался и перестраивался Б. Растрелли. После сооружения канала длиной в 20 верст в августе 1721 г. в Петергофе были открыты фонтаны (Большой каскад и др.), украшенные многочисленной золоченой бронзовой скульптурой. После смерти Петра I Петергоф пришел в запустение, был возобновлен при императрице Елизавете Петровне. Впоследствии — одна из императорских резиденций вплоть до 1917 г. Статус уездного города получил в 1848 г.

²³ Царское Село — уездный город Санкт-Петербургской губернии, в 22 верстах от столицы. В начале XVIII в. здесь находилась финская деревня Саари-моис, *Saari-mojs* (по-фински — верхняя мыза), которая в 1708 г. была подарена Петром I своей супруге Екатерине. В 1718—1724 гг. на месте построенного ранее деревянного дворца был выстроен каменный дворец, который при императрице Елизавете Петровне был значительно расширен как загородная резиденция, но правильнее будет сказать, отстроен заново так называемый Большой императорский дворец по проекту архитектора Б. Растрелли — великолепное сооружение в стиле барокко (не вполне справедливо поэтому дворец теперь называется Екатерининским). При Елизавете был также разбит регулярный парк в стиле тогдашних французских парков. Екатерина II подолгу жила в Царском Селе, называвшемся так по созвучию с прежним финским названием, но главным образом вследствие частого, особенно в летнее время, пребывания здесь императорского двора. Заботясь об украшении своей парадной официальной резиденции, Екатерина II пристроила к дворцу так называемую Камеронову галерею по проекту архитектора Ч. Камерона (1783 г.) и Александровский дворец по проекту архитектора И. Е. Старова (1792 г.) для своего внука, великого князя Александра Павловича. Построенный при Елизавете пави-

льон Утренний зал Екатерина сделала своим кабинетом, где, по преданию, написала проект известного Наказа.

²⁴ Имеется в виду Оперный театр у Летнего сада, у соединения Невы и Лебяжьего канала, который был построен «под смотрением» Растрелли и при участии Дж. Валлериани в 1750 г. Там выступала труппа антрепренера итальянской комической оперы Дж.-Б. Локателли. По достоинствам и роскоши постановок, по мнению современников, не уступал лучшим театрам Италии и Франции. Основа репертуара до 1763 г. — опера-буфф и балеты, но ставились и русские драматические спектакли.

²⁵ Речь идет о княгине Дарье Алексеевне Голицыной (1724—1798) — урожденной княжне Гагариной, статс-даме, супруге генерал-фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына (1718—1783).

²⁶ Возможно, имеется в виду супруга Николая Михайловича Самарина (1707—1762), прокурора (с 1740 г.) и вице-президента Коммерц-Коллегии (с 1760 г.), статского советника.

²⁷ Княгиня Дашкова Анастасия Михайловна (? — 1785) — дочь бригадира кавалерии Михаила Ивановича Леонтьева, племянница Натальи Нарышкиной, матери Петра Великого.

²⁸ Граф Бутурлин Алексей Борисович (1694—1767) — генерал-фельдмаршал (1756), главнокомандующий русской армией во время Семилетней войны (1760—1761).

²⁹ Это отнюдь не так, ибо последним князем Дашковым считается сын Е. Р. Дашковой князь Павел Михайлович Дашков (1763—1807), не оставивший по себе детей и завещавший свое имущество своему внучатому брату графу Ивану Илларионовичу Воронцову, которому Александр I разрешил именоваться графом Воронцовым-Дашковым.

³⁰ Троицкое — село Тарусского уезда Калужской губернии, на берегу реки Протвы, с XVIII в. известно как вотчина князей Дашковых.

Е. Р. ДАШКОВА КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Письмо Е. Р. Дашковой Екатерине II
при назначении ее директором Академии наук
[не позднее 24 января 1783 г.]

Печатается по: Черты из жизни княгини Е. Р. Дашковой // Русский архив. 1864. № 2. С. 573—574.

Решение Екатерины II о назначении Е. Р. Дашковой директором Академии наук оказалось неожиданным для княгини. В тот же день она написала императрице письмо с обоснованием своего отказа. Г. А. Потемкин, к которому княгиня приехала в 12 час. ночи с письмом, прочел и разорвал его.

Публикуемое письмо — это уже второе письмо Е. Р. Дашковой, адресованное Екатерине, но уже после разговора с Г. А. Потемкиным.

Протокол заседания Конференции Академии наук
о вступлении Е. Р. Дашковой в должность директора
30 января 1783 г.

Печатается по: Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. 3: 1771—1785. СПб., 1900. С. 648—649. Перевод с французского С. Н. Искюля.

24 января 1783 г. по указу Екатерины II княгиня Е. Р. Дашкова была назначена директором Петербургской Академии наук. 30 января на заседании Конференции Академии наук состоялось торжественное «вхождение» в должность. Конференция Академии наук, или, как еще называли в то время — Академическое собрание, объединяла академиков и адъюнктов и проводилась не реже одного раза в неделю. На заседаниях Конференции докладывались и обсуждались научные работы, вопросы пополнения Академии наук книгами, научными инструментами, памятниками старины, а также установления научных связей с научными учреждениями мира и мн. др. В течение XVIII в. протоколы Конференции составлялись на латинском, немецком и французском языках. Ведение протоколов возлагалось на конференц-секретаря. В годы директорства Е. Р. Дашковой конференц-секретарем был академик Иоганн Альбрехт Эйлер, сын великого Леонарда Эйлера. Любопытные подробности заседания 30 января описаны Е. Р. Дашковой в «Записках» (М., 1987. С. 154—155).

¹ Аш Григорий (Егор) Федорович фон (1727—1807) — барон, медик, почетный член Петербургской Академии наук.

² Эйлер Леонард (1707—1783) — академик, математик, физик, астроном.

³ Штелин Яков Яковлевич (1709—1785) — академик, филолог.

⁴ Котельников Семен Кириллович (1723—1806) — академик, математик.

⁵ Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — академик, математик, астроном.

⁶ Вольф Каспар Фридрих (1733—1794) — академик, естествоиспытатель.

⁷ Паллас Петр Симон (1741—1811) — академик, естествоиспытатель.

⁸ Протасов Алексей Протасьевич (1724—1796) — академик, анатом.

⁹ Лепехин Иван Иванович (1740—1802) — академик, натуралист, путешественник.

¹⁰ Крафт Вольфганг Лудвиг (Логин Юрьевич) (1743—1814) — академик, физик.

¹¹ Лексель Андрей Иоганн (Андрей Иванович) (1740—1784) — академик, астроном.

¹² Георги Иоганн Готлиб (Иван Иванович) (1729—1802) — адъюнкт, с 1783 г. — академик, естествоиспытатель и путешественник.

¹³ Фусс Николай Иванович (1755—1825) — адъюнкт, с 1783 г. — академик, математик.

¹⁴ Головин Михаил Евсеевич (1756—1790) — адъюнкт, математик.

¹⁵ Зуев Василий Федорович (1754—1794) — адъюнкт, с 1787 г. — академик, естествоиспытатель, путешественник.

¹⁶ Гакман Иоганн Фридрих (1756—1812) — адъюнкт, историк, географ.

¹⁷ Эйлер Иоганн Альбрехт (1734—1800) — академик, физик, конференц-секретарь Академии наук.

¹⁸ Блэк Джозеф (1728—1799) — профессор химии Эдинбургского университета.

**Письмо А. А. Безбородко
об отчетах по экономической сумме Академии наук
[апрель 1783 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 26—28.

24 января 1783 г. Екатерина II подписала три указа, касающиеся Академии наук. Первым указом княгиня Е. Р. Дашкова назначалась директором Академии наук (РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 153, л. 128). Второй указ «Об определении в С.-Петербургскую Академию наук двух советников и казначея» гласил: «Для управления же дел экономических по Академии наук и прочих, касающихся до наблюдения порядка, повелеваем определить в помощь директору Академии двух советников шестого класса, да для хранения казны и держания из оной расходов казначея осьмого класса с присяжными с жалованьем по здешним окладам из суммы, отпускаемой на содержание Академии» (ПСЗ. Т. 21. № 15646. С. 800—801). Третий указ был адресован генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому «О представлении ведомостей и счетов из С.-Петербургской Академии наук о денежной казне на ревизию в учрежденные по должности государственного казначея Экспедиции» и предписывал: «...для освидетельствования счетов академических по всей экономической сумме по типографии и по книжному магазину за все время бытности директором помянутого Домашнева: сии определяемые (члены Ревизион-конторы. — Г. С.) должны входить в разбор, какие именно и на что были издержки сверх штата и сверх положения, составляли ли они по показанию означенного директора честь и славу Академии или же были вовсе не нужные» (ПСЗ. Т. 21. № 15647. С. 801).

Ревизия обнаружила ряд существенных нарушений в финансовой деятельности Академии наук. И, видимо, с надеждой, чтобы подобное не повторилось, Сенат своим указом 31 марта 1783 г. обязывал Академию наук представлять отчеты о всех видах доходов и расходов. Вот этот указ:

«О представлении отчетов из Академии наук о всех ее доходах и расходах в счетную Экспедицию. Правительствующий Сенат приказали: как в состоявшемся о учреждении Экспедиции для ревизии счетов высочайшем ее императорского величества указе октября 24 дня 1780 года изображено, что к ведомству сего казенного управления не подлежат суммы, принадлежащие Кабинету нашему, главной дворцовой Канцелярии и прочим местам придворным, банкам для вымена государственных ассигнаций, училищам, воспитательным домам и Приказам общественного призрения: вследствие чего и в указе, 7 февраля 1781 года из Сената последовавшем, каким образом счета свидетельствовать и в Экспедицию доставлять, между прочим, сказано, что из сего положения исключаются все вышеупомянутые места, а только посылают по прошествии каждой трети года через две недели в Экспедицию о государственных доходах ведомости о суммах, к ним из государственного дохода назначенных, для сличения с ведомостями, то ли число к ним вступило; вследствие сих указаний Московский университет, который не иное что есть, как училище, счетов посылать в Экспедицию не

одолжается, кроме упомянутых в указе 1781 года февраля 7 дня ведомостей; напротив того, Академия наук, которая, кроме того, что представляет одно только собрание ученых людей и по именному ее императорского величества состоявшемуся сего года генваря 24 дня указу обязана, чтоб в разсуждении управления дел экономических по Академии поступать по Регламенту ее и по другим узаконениям, и как о денежной казне подавать ведомости в учрежденные по должности государственного казначея Экспедиции, так и счета отсылать в ревизию в определенную для того из оных Экспедицию; а потому Академия наук и должна наравне с прочими местами давать Экспедиции отчет во всех ее доходах и расходах» (ПСЗ. Т. 21. № 15701. С. 890—891).

Этот указ вызвал большое недовольство у Е. Р. Дашковой, и она предпринимает попытку изменить его, вступив в переписку сначала с секретарем императрицы князем А. А. Безбородко (Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 26—28, 36—37, 40), а потом обращается к Екатерине II (Там же. С. 28—30).

Суть дела заключалась в следующем. Бюджет Академии наук состоял из двух частей или сумм: штатной и экономической. Штатную сумму Академия получала из государственной казны и отчитывалась за нее как обычное государственное учреждение. Здесь вопросов не было. Другое дело — экономическая сумма, которая создавалась или зарабатывалась самой Академией, например, издательской деятельностью и продажей книг. Экономическая сумма находилась всегда в ведении директора и расходовалась по его распоряжению, например, на поощрение сотрудников Академии наук. Таким образом, устанавливая контроль за расходованием экономической суммы, Сенат ограничивал свободу не только Академии, но и директора.

В письме к А. А. Безбородко в апреле 1783 г. Е. Р. Дашкова писала: «Когда вы себе вообразите беспредельную мою к ее величеству приверженность, понятие мое о должности звания, то вы, надеюсь, содрогнетесь, вообразя себе, какое я страдание должна чувствовать, без всякого личного на то резону. Персонально я много снести могу, места же публичного никакого унижить и помарать собою согласиться не могу».

Особенно неприятно для Е. Р. Дашковой было то, что ее предшественники свободно распоряжались экономической суммой, не представляя никуда никаких отчетов. В другом письме в апреле 1783 г. к А. А. Безбородко княгиня отмечала: «Мне будет прискорбно, я буду чувствовать себя несчастливою, если навлеку на себя гнев обожаемой мною государыни; но я предпочту смерть бесчестию моего места и уничтожению заведения столь благородного, столь полезного, какова Академия, которая, несмотря на препятствия и невзгоды, поддерживается уже более 50 лет. Если бы я на это согласилась, то сама государыня не стала бы меня уважать», и далее: «...подумайте, что ни от одного директора не требовалось отчета в таких счетах...» (Там же. С. 36—37).

Любопытно, что по указу 31 марта 1783 г. «льгота бесконтрольности счетов» оставалась за Московским университетом, Воспитательным домом, Приказом общественного призрения и другими учреждениями. Все попытки Е. Р. Дашковой доказать, что Академия наук есть «знатнейшее и старшее училище», не имели успеха. Обстановка настолько накалилась, что Е. Р. Дашкова собиралась подать прошение об отставке. Выход их создавшейся непростой ситуации нашла Екатерина II, издав 7 мая 1783 г. указ «О представлении ежемесячных кратких ведомостей ее величеству о экономической сумме оной Академии».

Вот этот указ:

«Княгиня Екатерина Романовна! До издания нового Регламента Академии наук о экономической сумме по той Академии, вместо отсылки ведомостей и счетов в Экспедиции, по должности государственного казначея учрежденные, повелеваем вам подавать нам всякий месяц краткие сведения. Пребываем впрочем вам благосклонны» (ПСЗ. Т. 21. № 15729. С. 914).

¹ Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — светлейший князь; с 1775 г. — секретарь Екатерины II, с 1783 г. — фактический руководитель всей внешней политики, с 1797 г. — канцлер.

² Домашнев Сергей Герасимович (1743—1795) — поэт, переводчик. В 1775—1783 гг. — директор Академии наук.

³ ...*География Гакманом по-немецки окончена будет...* — Видимо, речь идет об учебнике географии России, над составлением которого Гакман работал в 1783 г. Рукопись была написана по-немецки, позже переведена на русский язык и издана: Краткое землеописание Российского государства. СПб., 1787.

⁴ Речь идет о «Регламенте имп. Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге», утвержденном Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г.

**Письмо Екатерине II о привилегиях для Академии наук
[апрель 1783 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 28—30.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко об отчетах по экономической сумме Академии наук».

¹ Так в тексте, имеется в виду князь А. А. Безбородко.

² Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — князь, генерал-прокурор Сената.

**Письмо А. А. Безбородко об отчетах Академии наук
[апрель 1783 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 36—37.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко об отчетах по экономической сумме Академии наук».

**Письмо А. А. Безбородко о текущих делах
[не позднее 7 мая 1783 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 40.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко об отчетах по экономической сумме Академии наук».

**Рапорт Екатерине II
о расходах экономической суммы Академии наук.
1 июня 1783 г.**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. I. Отд. V. С. 9—14.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко об отчетах по экономической сумме Академии наук».

¹ Речь идет об указе Екатерины II директору Академии наук Е. Р. Дашковой от 7 мая 1783 г. «О представлении ежемесячных кратких ведомостей ее величеству о экономической сумме оной Академии» (ПСЗ. Т. 21. № 15729. С. 914).

² Александр Павлович (1777—1825) — великий князь, сын великого князя Павла Петровича, внук Екатерины II. С 12 марта 1801 г. — император Александр I.

³ Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, сын великого князя Павла Петровича, внук Екатерины II.

⁴ «Гражданское начальное учение» — сочинение Екатерины II, вошло в ее книгу «Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению». СПб., [1781]. Это издание неоднократно перепечатывалось без указания даты выхода. В 1783 г. в типографии Академии наук было напечатано сочинение Екатерины II «Продолжение начального учения», в котором на с. 24—47 находится также «Гражданское начальное учение».

⁵ Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре. СПб., [1781]. 2-е изд. — 1782; 3-е изд. — 1783.

⁶ Речь идет о сочинениях Екатерины II: Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению. СПб., [1781]; Разговоры и рассказы. СПб., 1783. См. примеч. 4.

⁷ Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся. СПб., 1774—1776. № 1—12.

⁸ Тайцин Гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурского) правительства. Перевел с манжурского на русский язык Коллегии иностранных дел надворный соверник Алексей Леонтиев. СПб., 1781—1783. Т. 1—3.

⁹ Фейди де Терсак, Жан Жозеф. Учреждения для призрения бедных прихожан церкви святого Сулпиция в Париже. По высочайшему повелению переведено с французского Осипом Козодавлевым. СПб., 1782.

**Доклад Екатерине II об учреждении Российской Академии.
Август 1783 г.**

Печатается по: ПСЗ. Т. 21. № 15839. С. 1024—1025. «Доклад об учреждении Российской Академии» опубликован М. И. Сухомлиновым: История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 360—363, а также С. Р. Долговой в журнале «Родина» (1990. № 2. С. 31—33).

В августе 1783 г. после разговора с Екатериной II о красоте и богатстве русского языка Е. Р. Дашкова представила ей «Доклад об учреждении Рос-

сийской Академии». Главное предназначение Российской Академии, по мысли княгини, — «вычищение и обогащение русского языка». 30 сентября 1783 г. Екатериной II был подписан указ «О учреждении Российской Академии» Вот этот указ:

«Княгиня Екатерина Романовна! Прочитав доклад ваш о заведении Российской Академии, мы с особливым удовольствием приемлем в нем вами представляемое, повелевая: 1. Председательство в ней препоручаем вам на основании, в докладе вашем изображенном. 2. Составить сию Академию из желающих принять на себя добровольно сей труд, да и впредь наполнять оную таковыми же желающими, кои нужные знания и способности иметь будут. 3. О потребных суммах указ наш дан будет, обращая в число их деньги, положенные на Комиссию для переводов, которая уже ныне не нужна будет. 4. Приемля сию Академию в покровительство наше, мы позволяем сделать для нее подробные наставления и распоряжения, заимствуя оные из плана, вами поданного. В прочем, желая вам в предлежащем полезном обществу деле добрых успехов, пребываем вам благосклонны» (ПСЗ. Т. 21. № 15839. С. 1023—1024).

21 октября 1783 г. состоялась церемония открытия Академии. В ноябре того же года появилось еще два указа, завершавших организацию Российской Академии. Первый — 2 ноября 1783 г. «О делании на монетном дворе ежегодно для Российской Академии по 1000 серебряных жетонов и по одной золотой медали». Вот этот указ:

«Для Российской Академии повелеваем по апробированному нами образцу, при сем приложенному, делать на монетном дворе ежегодно по 1000 жетонов серебряных, ценою каждый в 80 копеек, да по 1 золотой медали в 250 рублей, на счет той Академии, которая на нужные ей расходы снабдена будет потребною суммою. Год же для сих медалей и жетонов считать со дня открытия той Академии, и именно: с 21 октября сего года» (ПСЗ. Т. 21. № 15862. С. 1041).

Жетон, получивший впоследствии название «дарик», имел четырехугольную форму. На лицевой стороне жетона вензель Екатерины II в лавровом венке, вокруг венка надпись: «Императорская Российская Академия». На оборотной стороне — символические изображения грамматики, витийства и стихотворства, ниже — книга, символизирующая просвещение, дата открытия Академии — 21 октября 1783 г. Золотая медаль представляла собой диск, на лицевой стороне его профильное изображение Екатерины II, на оборотной — вензель императрицы и надпись: «Российскому слову отличную пользу принесшему». Первой золотой медалью в 1784 г. за организационную работу в Академии был награжден неприменный секретарь И. И. Лепехин. Президент Академии Е. Р. Дашкова была удостоена награды в 1790 г. Это была уже пятая медаль, врученная членам Академии.

Но вернемся к ноябрю 1783 г. 10 ноября 1783 г. был утвержден годовой бюджет Академии в 6250 р. Вот этот указ:

«На содержание Российской Академии повелеваем отпускать из Кабинета по 6259 рублей на год, начиная с 21 октября сего года и включая в то число те 5000 рублей, кои определены были на награждение за переводы» (ПСЗ. Т. 21. № 15869. С. 1045).

Заметим, что Е. Р. Дашкова в докладе Екатерине II об учреждении Российской академии просила для Академии 6000 р. в год.

Любопытные подробности об истории создания и деятельности Российской Академии описаны Е. Р. Дашковой в «Записках» (М., 1987. С. 160—163).

О Российской Академии см.: Сухомлинов, Некрасов; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных. Л., 1986 и др.

**Приглашение А. А. Безбородко
на церемонию открытия Российской Академии.
18 октября 1783 г.**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 41.

А. А. Безбородко присутствовал на церемонии открытия Российской Академии в субботу 21 октября 1783 г., где были провозглашены членами Академии 31 человек, среди них и Безбородко. По наблюдению С. М. Некрасова, он более ни разу не появлялся в Академии (Некрасов, с. 23).

¹ Гавриил (Петров) (1730—1801) — митрополит С.-Петербургский и Новгородский.

**Речь при открытии императорской Российской Академии.
21 октября 1783 г.**

Печатается по: Друг просвещения. 1804. Ч. 1. № 2. С. 144—146.

Речь при открытии Российской Академии была произнесена Е. Р. Дашковой 21 октября 1783 г.

В тот же год была напечатана в Академии наук. Позже: Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. СПб., 1805. Ч. 1. С. 9—13; Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 50—51. Также имеется в записках заседаний Российской Академии (ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 1 об.—3).

Публикуя речь Е. Р. Дашковой в журнале «Друг просвещения», издатели позволили себе сделать следующее примечание: «Хотя сия речь была прежде и напечатана, но как она находится в руках у немногих, то издатели, удовлетворяя желанию любителей русского слова, помещают здесь сие произведение, достойное пера почтеннейшей любительницы наук и словесности».

¹ Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

² Демосфен (ок. 384—322 до н. э.) — афинский оратор.

³ Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт.

⁴ Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э.—ок. 18 н. э.) — римский поэт.

⁵ Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик.

**Доклад Екатерине II
о необходимости строительства нового корпуса
для Академии наук [осень 1783 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 22—23.

Первоначально Петербургской Академии наук принадлежало два здания — бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны (здание не сохранилось, на его месте современный Зоологический музей РАН) и Кунсткамера. Со временем оба здания ветшали и не могли вместить все академические учреждения. Академия наук не раз ставила вопрос о новом помещении. И лишь в 1783 г. с приходом Е. Р. Дашковой смогли приступить к строительству. Оно началось на свободном участке, между монументальными постройками первой половины XVIII в. — Кунсткамерой и зданием Двенадцати коллегий. Архитектор Джакомо Кваренги (1744—1817) спроектировал здание Академии свободно стоящим объектом, обращенным главным фасадом к Большой Неве, но открытым для обзора и с остальных трех сторон.

Только энергия Е. Р. Дашковой и постоянный строгий контроль за работой и расходованием средств позволили довести работу до успешного завершения. Начатое осенью 1783 г. строительство было завершено («наружное») в 1787 г., о чем свидетельствовала надпись на той стороне здания, которая была обращена к пакгаузам, т. е. в сторону Стрелки Васильевского острова: «Щедротю Екатерины II, 1787». Внутри здания работы продолжались и в 1790-е гг.

Некоторые сведения о строительстве здания см.: *Ожигова Е. П.* Е. Р. Дашкова — директор Петербургской Академии наук // *Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.* СПб., 1996. С. 94—102.

**Письмо А. А. Безбородко с просьбой
«исходатайствовать» дом для Российской Академии.
23 октября 1783 г.**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 41—42.

Заседания Российской Академии проходили в конференц-зале Петербургской Академии наук или же в доме президента (ныне просп. Стачек, 45). Отсутствие постоянного помещения осложняло работу Академии. Лишь в 1786 г. были выделены средства на приобретение у коммерческого советника Татаринова дома, находящегося в Московской части за Обуховым мостом по берегу реки Фонтанки (ныне набережная Фонтанки, 112).

**Письмо Н. И. Новикову об оплате типографских расходов
[не позднее ноября 1783 г.]**

Печатается по: Семенников, с. 76.

Типография при Академии наук помимо своих академических сочинений охотно принимала заказы на издание книг от частных лиц, которые, как правило, не выполняли в срок договоренности, задерживая оплату заказов. Публикуемое письмо к Н. И. Новикову дает нам такой пример.

Заказ на издание книги «Опыт исторического словаря о российских писателях» поступил в 1773 г. Книга была напечатана, но Новиков не мог оплатить заказ и получить экземпляры. В течение нескольких лет за Новиковым числился долг перед Академией наук. Е. Р. Дашкова решила получить с Новикова эти деньги, но, несмотря на неоднократные напоминания, результата не было. Тогда Е. Р. Дашкова обратилась за содействием к куратору Московского университета И. И. Шувалову, прося его воздействовать на Новикова. Это обращение Дашковой, видимо, достигло цели: в документах Канцелярии Академии от 22 февраля 1784 г. имеется запись о получении от Новикова 839 р. 11 коп. и о выдаче ему 461 экз. книги (ПФА РАН, ф. 3, оп. 3, д. 556, л. 165 об.—166).

¹ Новиков Николай Иванович (1744—1818) — просветитель, писатель, журналист, издатель.

² Видимо, речь идет о Борисе Владимировиче Пестеле — московском почт-директоре, деде декабриста П. И. Пестеля. В течение 87 лет (с 1721 г.) должность московского почт-директора занимали члены этого семейства.

**Письмо И. И. Шувалову
о долгах Н. И. Новикова Академии наук
2 ноября 1783 г.**

Печатается по: Семенников, с. 77.

См. примечания к «Письму Н. И. Новикову об оплате типографских расходов».

¹ Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны. Первый куратор Московского университета. Инициатор создания Академии художеств (1757), которую возглавлял до 1763 г.

**Письмо А. А. Вяземскому
об отправке трех студентов
в Тобольское наместничество. 13 декабря 1783 г.**

Печатается по: РГАДА, ф. 248, оп. 80, д. 6514, л. 125—126.

6 августа 1783 г. Канцелярия Тобольского наместничества обратилась в Академию наук с просьбой помочь укомплектовать штат канцелярии. В Тобольском наместничестве не хватало 8 секретарей, 5 архивариусов, 5 канцелярских служащих и 1 протоколиста. В письме указывалась просьба

найти среди обучающихся тех, «которые б могли быть свободными и способными к определению в состоящие в здешнем наместничестве присутственные места» (ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, д. 445, л. 1—3). Аналогичные письма были отправлены тобольскому епископу Варлааму, в Московский университет и опекунский совет Московского воспитательного дома. 10 ноября 1783 г., как видно из документов Канцелярии Академии наук, три студента, состоящие при гимназии, высказали желание отправиться в Сибирь. Это были Иван Флоринов, Алексей Шестаков и Сергей Лавров (Там же, л. 5). Академия поддержала их в этом добром решении. Указом Екатерины II 5 декабря 1783 г. им предписывалось явиться в Герольдмейстерскую контору для последующей отправки в Тобольск (Там же, л. 6). Но Герольдмейстерская контора вернула юношей обратно в Академию наук, куда они и прибыли 9 декабря, чтобы Академия сама нашла денежные средства, необходимые для этой поездки. Академия не располагала необходимыми средствами, да и никогда не занималась подобными отправлениями. Это и послужило поводом для письма Е. Р. Дашковой к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому. Письмо Е. Р. Дашковой пронизано обидой за непонимание предназначения Академии наук для воспитания и образования российского юношества. Она писала: «Академической гимназии главный предмет и польза состоит в том, чтобы воспитывать и обучать юношей так, чтобы некоторые из них, к высшим наукам способные, могли сделаться в Академии профессорами, а другие по знаниям и дарованиям своим могли бы быть выпускаемы к определению в гражданскую службу, за что я ожидала, что правительства некоторым образом обязанными Академии сочтутся».

**Записка А. А. Безбородко
об Уставе и доме для Российской Академии. 3 января 1784 г.**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 42—43.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко с просьбой „исходатайствовать“ дом для Российской Академии».

**Письмо А. А. Безбородко
о размере годового жалованья директору Академии наук
[не ранее 22 января 1784 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 39—40.

Письмо Е. Р. Дашковой А. А. Безбородко о размере годового жалованья и прошение Екатерине II об определении размера годового жалованья иллюстрируют очередной конфликт княгини с генерал-прокурором Сената кн. А. А. Вяземским. Конфликт начался, видимо, в ноябре 1783 г. и состоял в следующем. По штату Академии наук директору было определено жалованье 2000 р. в год. Указом Екатерины II 16 января 1777 г. предшественнику Е. Р. Дашковой С. Г. Домашневу назначалось годовое жалованье 3000 р., и поскольку Домашнев получал 3000 р. в год, то княгиня решила, что и она имеет такое же жалованье. Князь Вяземский, не разо-

бравшись в ситуации, бесцеремонно обвинил княгиню в недостойном поступке. «Князь Вяземский счел нужным не обратить внимания на Указ 1777 года и поставил меня в глазах всего моего Департамента в неловкое положение тем, — писала Дашкова Екатерине II, — что я будто по собственному произволу наделила себя более высшим окладом, нежели следовало». Е. Р. Дашкова обратилась к А. А. Безбородко, чтобы он помог «чем-нибудь решить мои с его сиятельством (А. А. Вяземским. — Г. С.) дела и не допустить, чтобы он мне делал таковые досады. Я же, когда буду сим успокоена и от него освобождена, могу с успехом исправлять возложенное на меня служение и буду рада месту моему жертвовать и здоровьем, и жизнью». В эти же дни Дашкова написала полное отчаяния и обиды письмо Екатерине II: «На коленях прошу ваше величество извинить мое письмо; но я так взволнована, так оскорблена одним намеком о возможности присвоить себе незаслуженное жалованье, что буду считать себя несчастливою до того времени, пока ваше величество снимете с меня нареkanie». 8 января 1784 г. императрица подписала указ, в котором говорилось: «ее сиятельству княгине Е. Р. Дашковой по должности директора Академии наук производить жалованье, какое предшественник ее господин Домашнев получал со дня назначения ее в эту должность», т. е. 3000 р. (РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 153, л. 128). На указе помета: «в Академию наук указ послан генваря 26 дня 1784 г.» (Там же).

**Прошение Екатерине II
об определении годового жалованья Е. Р. Дашковой
[не ранее 22 января 1784 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 32—33.

См. примечания к «Письму А. А. Безбородко о размере годового жалованья директору Академии наук».

**Доклад Екатерине II
о повышении в чинах В. А. Ушакова и О. П. Козодавлева
[январь 1784 г.]**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. 1. Отд. V. С. 16—17.

Е. Р. Дашкова старалась внимательно относиться к своим подчиненным и, «усердствуя воздать справедливость отличным способностям и рачению к службе», обратилась к Екатерине II с просьбой повысить в чинах советников Академии, ее непосредственных помощников В. А. Ушакова и О. П. Козодавлева.

¹ Ушаков Василий Андреевич (ум. 1788) — советник Канцелярии Академии наук.

² Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — поэт, переводчик. Товарищ А. Н. Радищева по Лейпцигскому университету. В 1783—1784 гг. советник при директоре Академии наук. Ведал изданием журнала «Собеседник любителей русского слова».

**Прошение Екатерине II
о повышении в чинах членов и сотрудников Академии наук.
Январь 1784 г.**

Печатается по: Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова // ЧОИДР. 1867. Т. I. Отд. V. С. 20—22.

1783 год — первый год службы Е. Р. Дашковой в Академии наук; год, в течение которого интенсивно приводились в порядок дела Академии. В конце года Дашкова решила отметить лучших сотрудников, которые, «несмотря на свои обычные занятия, много трудились в продолжение целого этого года для приведения дел Академии в лучший порядок». Здесь Дашкова выступает как мудрый администратор, прекрасно понимая, что «никакая общественная служба не может обойтись без соревнования и отличия».

Любопытно, что до обращения к Екатерине II с просьбой о повышении в чинах сотрудников Академии 21 декабря 1783 г. она обратилась к кн. А. А. Вяземскому (РГАДА, ф. 248, оп. 80, д. 6514, л. 127—129). Возможно, именно об этом обращении она вспоминает в своих «Записках»: «Из-за действий генерал-прокурора Сената князя Вяземского я вскоре начала испытывать отвращение к моей директорской должности. То он оставлял без внимания представления о повышении людей, находившихся в моем подчинении и заслуживших это; то не присылал мне необходимых сведений о границах губерний, по которым я собиралась издать уточненные карты» (Записки. М., 1987. С. 159). Не получив ответа из Сената, в январе 1784 г. Е. Р. Дашкова обратилась прямо к императрице.

¹ Рябов Михайло — секунд-майор и казначей Академии наук.

² Иноходцев Петр Борисович (1742—1806) — академик, астроном, член Российской Академии.

³ Озерецковский Николай Яковлевич (1750—1827) — академик, естествоиспытатель и путешественник, член Российской Академии.

⁴ Соколов Никита Петрович (1748—1795) — адъюнкт, впоследствии академик, химик, член Российской Академии.

⁵ Павлов Михаил (род. 1733) — архитектор Академии наук.

⁶ Бухвостов Семен — губернский секретарь, служащий Академии наук.

⁷ Черный Федор (ум. 1790) — переводчик.

⁸ Волков Петр — секретарь, служащий Академии наук.

⁹ Кириллов Иван — бухгалтер в Академии наук.

¹⁰ Шерпинский Осип — экзекутор в Академии наук.

¹¹ Шипунов Петр — архивариус в Академии наук.

¹² Бардевик Федор — переводчик в Академии наук.

¹³ Петров Степан — переводчик в Академии наук.

**Доклад Екатерине II
об организации публичных лекций в Академии наук.
25 марта 1784 г.**

Печатается по: РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 11—11 об.

3 июля 1783 г. на заседании Конференции Академии наук Е. Р. Дашкова выступила с новой инициативой — использовать часть времени, которое остается у академиков от научной работы, на чтение публичных курсов (Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук. СПб., 1899. Т. 3. С. 681).

25 марта 1784 г. княгиня составила доклад Екатерине II и 8 апреля представила его императрице. В докладе говорилось: «...чтение лекций на русском языке не только для студентов и гимназических учеников, но и для всех посторонних слушателей, кои допускаемы будут, кажется мне тем паче полезным, что науки перенесутся на наш язык и просвещение распространится». На подлиннике доклада имеется помета о том, что «по сему дан именной указ княгине Дашковой апреля 20, 1784 г. в Царском селе» (РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 11).

Публичные лекции начались в 1785 г. и продолжались до 1802 г., т. е. 18 лет. Лекции читались только на русском языке, в летнее время — с мая по сентябрь. Лекторами выступали почти все русские академики и адъюнкты. Математику читал С. К. Котельников, естественную историю — Н. Я. Озерецковский, химию — Н. П. Соколов и Я. Д. Захаров, минералогию — В. М. Севергин, физику — А. К. Кононов и М. М. Гурьев. Эти чтения пользовались особым вниманием публики и собирали большую аудиторию.

О лекциях см: Смагина Г. И. Публичные лекции Петербургской Академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16—26.

Из распоряжений по Канцелярии Академии наук за 1784 г.

Печатается по: ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 1—528.

Канцелярия являлась подразделением Академии наук, в обязанности которого входил круг вопросов, связанных с выполнением ряда административных и хозяйственных функций. Академическая Канцелярия управляла Художественными палатами (различные мастерские), ведала изданием газеты — «С.-Петербургские ведомости», заботилась о равномерной загрузке типографии и о сбыте ее продукции, занималась комиссионной торговлей иностранными книгами, содержанием неимущих учащихся Академической гимназии, наймом помещений для нее и жилищ для академических служащих и многими другими делами.

С момента вступления Е. Р. Дашковой в должность директора она принимает деятельное участие в работе Канцелярии. Как видно из документов (ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 64), Дашкова приезжала в Канцелярию в 9 час. утра. Читала рапорты, прошения, текущие бумаги и давала распоряжения, которые и записывались в журнал Канцелярии. Например, за 1784 г. было отдано 926 распоряжений, из них 747 подписаны Е. Р. Дашковой. Исключение составили распоряжения с 24 мая по 5 сентября 1784 г.,

когда директор отсутствовала в С.-Петербурге и делами занимались ее помощники.

В данном случае приводятся лишь 11 распоряжений Е. Р. Дашковой по Канцелярии Академии наук, но и они дают возможность представить круг административных проблем и методы их решения.

¹ В конце 1783 г. адъюнкт В. Ф. Зуев был привлечен к педагогической деятельности в Комиссии об учреждении народных училищ. Когда сведения об этом дошли до Е. Р. Дашковой, она представила это дело как злостное нарушение Зуевым служебного долга и 17 февраля 1784 г. исключила его из академической службы, приписав собственноручно в распоряжении: «хотя с сожалением, но для примеру другим» (ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 556, л. 64 об.). За него вступились академики, в первую очередь его научный руководитель академик П. С. Паллас. После нескольких неудачных объяснений через конференц-секретаря И. А. Эйлера он обратился к Екатерине II. Императрица достаточно остроумно решила этот вопрос, подписав 4 марта 1784 г. именной указ Е. Р. Дашковой «О нечинении препятствия и затруднения профессорам, академикам и адъюнктам, если они употреблены будут от Комиссии о училищах, для дел, ей порученных».

Вот этот указ:

«Комиссия об установлении в государстве народных училищ, по делам ей вверенным на пользу и просвещение народное, имея надобность в ученых людях, ни от кого в том лучшего пособия заимствовать не может, как от наших здешней Академии наук и Московского университета. Почему воля наша неперемнная есть, что если кто из академиков, профессоров или адъюнктов употреблен будет тою Комиссиею для дел, ей порученных, в том не надлежит препятствовать или же затруднения делать, тем более что означенная Комиссия не оставит по мере трудов каждого доставлять зависящее от нее одобрение. И ежели кто из таковых академиков, профессоров или адъюнктов употреблен будет от Комиссии, оный место свое в Академии или университете со всеми к тому принадлежащими выгодами сохранять неотъемлемо долженствует. О чем вам дая знать для следующего по тому исполнения, пребываем вам благосклонны» (ПСЗ. Т. 22. № 15948. С. 61).

В указе Екатерины II не было названо ни одного имени, но смысл указа был совершенно ясен: изгнанный адъюнкт Зуев был восстановлен в Академии наук.

² Речь идет о не предусмотренной планом поездке Зуева в Константинополь.

³ В 1783 г. скончался великий Леонард Эйлер. Академики собрали деньги на мраморный бюст Эйлера, который изготовил скульптор Ж. Д. Рашетт. Е. Р. Дашкова подарила мраморную колонну в качестве пьедестала для бюста.

⁴ Об издательской и книжно-торговой деятельности Е. Р. Дашковой в Академии наук см.: *Зайцева А. А. Е. Р. Дашкова и книжная торговля Академии наук // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.* СПб., 1996. С. 110—127.

⁵ Сочинения М. В. Ломоносова были напечатаны: *Российская грамматика.* СПб., 1788; *Краткое руководство к красноречию.* СПб., 1788.

**Письмо П. С. Потемкину о подготовке к изданию
нового атласа Российской империи.
5 февраля 1786 г.**

Печатается по: Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 195.

В 1776 г. к 50-летнему юбилею Академии наук была выпущена Генеральная карта России. Эта работа была выполнена Географическим департаментом Академии наук. Однако после 1775 г. в связи с изменением административного деления России, по которому вместо 20 губерний было учреждено 40, а 2—3 губернии объединялись в наместничества, Академия должна была начать подготовку новой карты и атласов. 15 марта 1783 г. последовал Сенатский указ «О сочинении генеральных атласов на обмежеванные губернии» (ПСЗ. Т. 21. № 15688. С. 883), но сбор сведений для новых карт шел тяжело. В своих «Записках» Е. Р. Дашкова вспоминала, что «князь Вяземский продолжал сколько мог чинить препятствия моим добрым делам. Среди них были и весьма полезные обществу, как, например, составление карт губерний, границы которых изменились после введения нового губернского деления. Вместо того чтобы сообщать мне об этих изменениях, он задерживал доставку сведений, присылавшихся по моей просьбе губернаторами» (Записки. М., 1987. С. 159—160). Видимо, письмо П. С. Потемкину написано Е. Р. Дашковой в период подготовки одной из таких карт.

В 1786 г. Академией была выпущена «Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества». По ней академик В. Крафт в 1787 г. произвел первое вычисление площади России. По его подсчетам, Россия занимала 18 199 900 кв. км (330 506 кв. миль). В последующие годы было выпущено около 20 карт отдельных губерний.

**Рапорт Екатерине II о состоянии,
в котором находилась императорская Академия наук,
когда я вступила в управление ею в 1783 г.,
и в котором она находится ныне, в 1786 г.**

Печатается по: Записки. Чечулин, с. 302—311.

Рапорт о состоянии Академии наук за 1783—1786 гг. был написан Е. Р. Дашковой по-французски. На языке оригинала он напечатан: Архив кн. Воронцова. М., 1881. Кн. 21. С. 389—402.

Рапорт о состоянии дел в Академии наук за 1783—1786 гг. дает возможность более полно представить положение Академии к моменту вступления в должность Е. Р. Дашковой и ее действия по приведению в порядок запущенного хозяйства Академии в первые годы ее директорства. Каждый параграф рапорта (их 45) состоит из двух частей: что было и что сделано — и дает реальную возможность увидеть и оценить труды Е. Р. Дашковой.

¹ Зборомирский Степан Васильевич (1722—1782) — комиссар Академии наук.

² Комментарии — научный печатный орган Академии наук, издаваемый на латинском языке с 1728 по 1806 г. под названиями: с 1728 по 1751 г. — «Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae», с 1750

по 1776 г. — «*Novi Commentarii...*» (Новые комментарии); с 1778 по 1786 г. — «*Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» (Акты Академии); с 1787 по 1806 г. — «*Nova Acta Academiae...*» (Новые акты Академии наук).

³ Вейтбрехт Иоганн Якоб (1744—1803) — книгоиздатель.

⁴ Научные труды Академии, которые должны были издаваться ежегодно, выходили с большим опозданием. Первый научный труд, который был издан при Е. Р. Дашковой в 1783 г., содержал сочинения, написанные в 1779 г. и назывался «*Acta Academiae...*», а не Комментарии, как ошибочно указывает Е. Р. Дашкова. С 1783 по 1786 г. было издано еще 6 томов, собравших научные статьи 1780, 1781, 1782 гг. Хотя получалось, что статьи по физике и математике были опубликованы спустя 4 года после их сочинения, это были очень высокие темпы подготовки и издания научных трудов.

⁵ При Петербургской Академии наук, по замыслу Петра I, были учреждены университет и гимназия. В 60-х гг. XVIII в. университет был закрыт, а гимназия просуществовала до 1805 г.

⁶ В 1785 г. Академия командировала в Геттингенский университет четырех студентов: В. М. Севергина, Я. Д. Захарова, А. К. Кононова и Г. Павлова. Выбор Е. Р. Дашковой студентов и университета превзошел все ожидания: трое из них впоследствии стали академиками.

⁷ Штриттер (Стриттер) Иоганн Готгильф (1740—1801) — адъюнкт, впоследствии почетный член Академии наук, историк.

⁸ Фербер Иоганн Якоб (1748—1790) — академик, впоследствии почетный член Академии наук, минералог.

⁹ Линней Карл (1707—1778) — корреспондент и почетный член Академии наук, шведский естествоиспытатель.

¹⁰ Готторбский глобус был создан в 1664 г. в Готторбском замке; в 1713 г. подарен Петру I и в 1717 г. привезен в С.-Петербург, где был установлен в строящемся здании Кунсткамеры. Восстановлен после пожара 1747 г. и с 1948 г. находился в башне Кунсткамеры. Е. Р. Дашкова руководила созданием новой географической карты глобуса.

¹¹ Трескот, видимо, Трускотт Иван (Иоганн или Джон) Фомич (1719—1786) — географ, картограф, адъюнкт Географического департамента.

¹² Лексель Андрей Иоанн (Андрей Иванович) (1740—1784) — академик, астроном.

¹³ Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — академик, астроном, вице-президент Академии наук, член Российской Академии.

¹⁴ С 1786 г. в Академии начал выходить новый научно-популярный и литературный журнал «Новые ежемесячные сочинения». Журнал издавался до 1796 г., всего вышла 121 часть.

**Письмо А. В. Раздеришину с благодарностью
за предоставленную коллекцию минералов.
9 января 1788 г.**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 72, л. 69.

Чиновник Горного управления, специалист по горному делу Александр Васильевич Раздеришин (1746—1812) прислал для Минц-кабинета Академии наук коллекцию, состоящую из 90 минералов. В журнале Канцелярии Академии от 7 января 1788 г. сохранилась об этом запись: «Нерчинского

стата господин бергмейстер Александр Раздеришин, усердствуя Академии наук, поднес при письме ее сиятельству, господину директору и кавалеру, трудов своих собрание минералов, об девяноста кусков состоящее ископаемой системы, которые с описанием оных, також и со списками о полезных делах, доньне им, г-ом Раздеришиным, Отечеству доказанных, препроводить в конференцию и из оной помянутые штуфы отдать в Академический минералогический кабинет для хранения и записки по оному в приход; за усердие же г-на бергмейстера Раздеришина отписать к нему должную благодарность; если же он возвратно в Сибирь поедет и будет продолжать стараться умножать своими присылками Академический кабинет, тогда принять его в корреспонденты оной» (Там же, л. 67).

Копия этого документа была приложена к письму директора Академии наук. В письме 9 января 1788 г. (оно публикуется в настоящем сборнике) Е. Р. Дашкова благодарит Раздеришина за собранную коллекцию и просит продолжить поиски минералов в Сибири. Воодушевленный таким вниманием, Раздеришин в октябре 1795 г. прислал новую собранную им коллекцию из 169 минералов. В обращении в Академию, которое он назвал «Усердное приношение», автор напомнил об обещании принять его в члены-корреспонденты Петербургской академии. Вот это письмо:

«Императорской Санкт-Петербургской Академии наук
надворного советника и кавалера

Александра Раздеришина

Усердное приношение.

Славящаяся Российская Академия наук древностями и редкими произведениями природы достигает совершенства во всех частях. Великая Екатерина, пекущаяся всевозможно о благе своих подданных, от всех концов земли соединяет воедино все то, что служит к просвещению и к удивлению человечества: от сего источника открылося множество искусных мужей, чтущих Академию и в доказательство любви и ревности к Отечеству неусыпно трудящихся и чрез то заслуживающих внимание в ученом свете.

Путь же к оказательству услуг Академии есть всем отверст. Опыт таковой уже имел я счастье, препроводив Минеральное собрание, в девяноста кусках состоящее, со списками услуг моих, оказанных по 1788 год Отечеству сему знаменитому к ученейшему месту чрез директора и кавалера княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Усердие таковое, удостоенное от ее сиятельства благодарного отзыва с приобщением к тому копии с журнала определения в Канцелярии сей императорской Академии наук, которое изъяснено сими словами: За усердие же господина бергмейстера Раздеришина отписать к нему должную благодарность; если же он возвратно в Сибирь поедет и будет продолжать стараться умножать своими присылками Академический кабинет, тогда принять его в корреспонденты оной: во уверение чего долгом почел у сего приложить как с письма ее сиятельства, так и журнала с засвидетельствованием моим копий.

Ободрен будучи благоволением Академии, твердо уповаю, что приложенное у сего собрание, в 169 кусках состоящее, которое большею частию мною вновь открыто и приобретено, принято будет с таковым же милостивым вниманием и удовольствием. Ежели при том и удостоен буду принятием в корреспонденты помянутой Академии, то все силы и способы употреблю в доказательство моих услуг оной тем более, что сия доверенность от Академического высокопочтеннейшего и ученейшего собрания

придаст мне вящие силы и одобрение, преодолевая все препятствия, служить ей со всем усердием и той приверженностью, с которой себя навсегда препоручаю. Надворный советник Александр Раздеришин. Октября 1795 года» (Там же, л. 68—68 об.).

На заседании научного собрания Академии 2 ноября 1795 г. Раздеришин был избран членом-корреспондентом (Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1911. Т. 4. С. 458).

**Письмо А. И. Фомину о доставлении в г. Архангельск
«Новых ежемесячных сочинений» 13 июня 1788 г.**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 367, л. 303.

Журнал «Новые ежемесячные сочинения» начал выходить по инициативе Е. Р. Дашковой в 1786 г. К работе в журнале ей удалось привлечь не только ведущих специалистов по естественным и гуманитарным наукам, но и любителей наук.

Александр Иванович Фомин (1733—1804) — инспектор народных училищ г. Архангельска, купец, большой любитель и собиратель древних актов и рукописей, исследователь Белого моря и промыслов в Архангельском крае, член Вольного экономического общества неоднократно присылал результаты своих исследований в журнал. В своем письме 13 июня 1788 г. Е. Р. Дашкова весьма похвально отзывалась о трудах Фомина, которые заслуживают как внимания публики, «так и всей Академии уважение». Далее Е. Р. Дашкова сообщает, что распорядилась доставить в Архангельск все номера «Новых ежемесячных сочинений», вышедших к этому времени, и впредь посылать журнал ежемесячно.

11 июня 1795 г. Фомин был избран членом-корреспондентом Академии наук. Он поспешил поблагодарить за честь, оказанную ему, и посылал для рассмотрения и публикации свой труд о Белом море (ПФА РАН, ф. 1, оп. 3, д. 72, л. 35—36 об.). Книга была напечатана в Академии наук в 1797 г. под названием «Описание Белого моря с его берегами и островами» и содержала подробные сведения о природе края.

**Письмо В. В. Крестинину о награждении его
за книгу «Начертание истории города Холмогор».
27 февраля 1790 г.**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 376, л. 183.

Василий Васильевич Крестинин (1729 или 1730—1795) — архангелогородский купец, кроме того был разносторонним ученым: историком и географом, педагогом и этнографом, занимался экономическими проблемами и организацией народного образования, но прежде всего и главным образом он был историком северного края и России, первым историографом города Архангельска. В 1759 г. основал в Архангельске вместе с А. И. Фоминым «Общество для исторических исследований», которое провело большую работу по собиранию исторических документов. Перу Крестинина принадлежат четыре книги, изданные в Петербурге Академией наук за короткий период с 1784 по 1792 г.: «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен», ч. 1; «Исторический опыт о

сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере»; «Начертание истории города Холмогор», «Краткая история о городе Архангельском».

По представлению Е. Р. Дашковой 2 октября 1786 г. Крестинин был избран членом-корреспондентом Академии наук.

В публикуемом письме Е. Р. Дашковой Крестинину от 27 февраля 1790 г. сообщается о выходе из печати книги «Начертание истории города Холмогор» и о награждении автора 100 р. «...ваши труды столь мне приятны, что я их сама всегда в виду имею», — писала княгиня архангелогородскому купцу.

В академических делах сохранился ответ Крестинина Е. Р. Дашковой. Вот он:

«Превосходительный директор Санктпетербургской Академии наук, сиятельнейшая княгиня Катерина Романовна, милостивая государыня!

Письмо вашего сиятельства от 25 февраля (В. В. Крестинин ошибочно называет дату письма 25 февраля. Речь идет о письме от 27 февраля 1790 г. — Г. С.) и пожалованное от императорской Академии наук награждение сто рублей, препровожденные ко мне особливим письмом его сиятельства графа Александра Романовича Воронцова, получил я исправно 13 числа сего месяца марта. Оказуемое сими милостивыми знаками благоволение вашего сиятельства к служению моему управляемой вами Академии почитаю я за отличное в моей жизни преимущество, благодарю Провидение, даровавшее мне в особе вашей великого благодетеля. Я буду и обязан не упускать ни единого случая к доказательству моей благодарности и ревности в служении моем императорской Академии наук.

Милостивая государыня!

Вашего сиятельства преданнейший слуга

Василей Крестинин.

Марта 22, 1790 г. в г. Арханг.» (ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 376, л. 184—185).

¹ Воронцов Александр Романович (1741—1805) — государственный деятель и дипломат, брат Е. Р. Дашковой. В 1768 г. посетил Архангельск, где познакомился с В. В. Крестининым. Их переписка длилась с 1787 по 1794 г. Письма В. В. Крестинина сохранились в фонде А. Р. Воронцова в Архиве СПб. ФИРИ РАН.

**Доклад Екатерине II о пенсиях
для служащих при Академии наук. Февраль 1791 г.**

Печатается по: РГАДА, ф. 17, д. 35, л. 142—143.

Доклад о пенсиях для служащих при Академии наук впервые был опубликован в «Архиве кн. Воронцова» (М., 1881. Кн. 21. С. 383—385), затем Н. Д. Чечулин, публикуя «Записки Е. Р. Дашковой», включил его в приложение к «Запискам» (СПб., 1907. С. 298—299). Ни в одной из этих публикаций не указана дата документа. Сверяя текст доклада с подлинником, который хранится в РГАДА, удалось обнаружить дату — февраль 1791 г.

Е. Р. Дашкова, находясь на посту директора Академии наук, старалась внимательно относиться к служащим, и особенно к низкооплачиваемым.

Она предложила из прибыли от экономической суммы Академии создать пенсионный фонд «в пользу добропорядочно служащих при Академии и упражняющихся в разных художествах и других должностях, приносящих трудолюбием своим казне вашего императорского величества прибыли, когда таковые за старостию или по болезням продолжать служение не возмогут». Императрица поддержала начинание Е. Р. Дашковой, утвердила все предложения и дала высокую оценку ее деятельности. 21 марта 1791 г. Екатерина II подписала именной указ директору Академии наук «Об отдаче 30 000 рублей из экономической суммы Академии наук для приращения в ломбард и о употреблении процентов с оного капитала на пенсии». Вот этот указ:

«Княгиня Екатерина Романовна! Из представленного от вас доклада об экономической сумме по императорской Академии наук видим мы с удовольствием, что старанием и попечением вашим умножена она до такого количества, что достаточна не только на обыкновенные расходы, но и к составлению капитала, от коего прибыль может назначена быть на пенсии людям, которые, продолжая при Академии долговременную беспорочную службу, по старости и болезням принуждены будут оставить оную. Вследствие чего, отдавая справедливость ревностным трудам вашим и добродетели по части вам вверенной хозяйству, повелеваем вам: 1. Из наличных экономических денег отдать в вечный капитал в ломбард 30 000 рублей с получением установленных пяти процентов. 2. Сих процентных денег не употреблять ни на что иное, как единственно на пенсии. 3. Пенсионную сумму, составляющую 1500 рублей, разделить на 22 человека, а именно: 2-м по 150 рублей, 2-м по 120 рублей, 2-м по 90 рублей, 4-м по 70 рублей, 4-м по 50 рублей, 4-м по 40 рублей и 4-м по 35 рублей. 4. К получению пенсии из сей суммы не могут полагаться те, которые свыше 400 рублей жалованья имеют; поступающие же на пенсию должны выслужить при Академии 30 лет» (ПСЗ. Т. 23. № 16951. С. 219).

В докладе о пенсиях Е. Р. Дашкова упоминает и о 40 000 р., положенных ею в банк «в пользу воспитанников при гимназии отданных». 2 марта 1790 г. и это решение княгини было утверждено именным указом «Об составлении в банке Воспитательного дома капитала, для обращения процентов с оного на содержание и приумножение гимназии». Вот этот указ:

«Княгиня Екатерина Романовна! По содержанию поданного от вас доклада повелеваем: из собранных усердным и радетельным вашим управлением экономических по Академии наук денег, 40 000 рублей, оставить в банке Воспитательного дома навсегда капиталом, с которого проценты должны поступать быть обращаемы на содержание и приумножение гимназии» (ПСЗ. Т. 23. № 16841. С. 116).

Доклад Екатерине II
о финансовом состоянии Академии наук. 20 марта 1793 г.

Печатается по: РГАДА, ф. 17, д. 35, л. 173—174.

Доклад о финансовом состоянии Академии наук впервые был опубликован в «Архиве кн. Воронцова» (М., 1881. Кн. 21. С. 386—388), позже Н. Д. Чечулин, издавая «Записки» Е. Р. Дашковой, включил его в прило-

жение к «Запискам» (СПб., 1907. С. 300—301). Сверяя текст доклада с подлинником, удалось обнаружить дату — 20 марта 1793 г.

Публикуемый доклад дает возможность представить, как продуманно тратились денежные средства Академии наук.

¹ См. примечания к «Докладу Екатерине II об организации публичных лекций в Академии наук».

² См. примечания к «Докладу Екатерине II о пенсиях для служащих при Академии наук».

³ См. там же.

⁴ Академическая гимназия размещалась с 1765 г. в доме барона Строганова на Тучковой наб. (дом не сохранился).

⁵ Волков дом, жилой дом Академии наук или «Дом академиков»; построен в 1750-х гг. архитектором С. И. Чевакинским; наб. Лейтенанта Шмидта, 1 или 7-я линия Васильевского острова, 2.

**Прошение Екатерине II
об увольнении от должности директора Академии наук.
5 августа 1794 г.**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1794. VIII. 14, № 118, л. 2—2 об.
Имеется копия: РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 2.

В 90-е гг. отношения Е. Р. Дашковой и Екатерины II обострились. Императрица была недовольна причастностью княгини к изданию революционной книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но непосредственным поводом к отставке послужило разрешение Е. Р. Дашковой на публикацию в журнале, издаваемом при Академии наук, «Российский феатр» за 1794 г. тираноборческой трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», вызвавшей негодование Екатерины II. По приказанию императрицы трагедия Я. Б. Княжнина была вырвана из «Российского феатра» и сожжена.

5 августа 1794 г. Е. Р. Дашкова подает прошение об увольнении от должности директора Академии наук, ссылаясь на потребность в отдыхе и «расстроенное свое состояние». К прошению Е. Р. Дашкова прилагает «Рапорт об экономическом положении Академии наук за 1783—1794 гг.». В этом документе директор Академии наук подводит некоторые итоги одиннадцатилетнего управления главным научным учреждением страны, расписывает траты по книжному магазину, типографии, академической гимназии, строительным работам и называет сумму прибыли, которую она «имела счастье... сделать», — 526 118 р. 13 коп.

Видимо, в этот же день, 5 августа 1794 г., Е. Р. Дашкова пишет письмо статс-секретарю Екатерины II Д. П. Трошинскому, которого и просит прошение об увольнении и рапорт «вручить и иметь притом благосклонность доложить» императрице.

Итак, Е. Р. Дашкова просит об отставке из Академии наук, а как статс-дама, которая должна была являться ко двору, двухгодичный отпуск.

12 августа 1794 г. Екатерина II подписывает указ следующего содержания:

«Княгиня Катерина Романовна. Отдавая справедливость похвальным трудам и рвению, с коими вы в течение 12 лет отправляли возложенное на вас звание директора Академии наук [*желала бы я, чтоб вы не оставляли вовсе того места, где служение ваше ознаменовано успехом и пользою, и для того дозволяю вам*] увольняю вас по желанию вашему для поправления здоровья и домашних дел на два года с сохранением жалования, соизволяя поручить в отсутствие ваше правление Академии камер-юнкеру Павлу Бакунину,* которого не оставьте снабдить наставлениями и руководством к сохранению целости казны и к содержанию должного порядка во всем относящемся до помянутой Академии. В прочем пребываю вам всегда доброжелательная Екатерина. В С.-Петербурге, августа 12 дня 1794 года» (ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1794. VIII. 14, № 118, л. 1).

То, что стоит в квадратных скобках и набрано курсивом, было первоначально записано в черновике указа, который обнаружила в РГАДА С. Р. Долгова (см.: Долгова С. Р. Екатерина против Екатерины // Неделя. 1974. 22—28 апр. С. 7). Любопытно, что императрица сначала высоко оценила деятельность Е. Р. Дашковой и высказала желание о возвращении ее на пост директора, потом эти строки зачеркнула.

А вот как Е. Р. Дашкова вспоминает об этих событиях в своих «Записках»: «Я написала ее величеству письмо с просьбой окончательно освободить меня от управления двумя Академиями и как статс-даме дать двухгодичный отпуск для улучшения расшатанного здоровья и приведения дел в порядок. Императрица не захотела, чтобы я совсем оставила Академию, и согласилась лишь на мое отсутствие в течение двух лет. Напрасны были мои доводы, что Академия наук несомненно понесет ущерб, не имея присутствующего директора; она хотела, чтобы я оставила вместо себя кого-нибудь из подчиненных, но при этом тот ничего не предпринимал бы, не списавшись предварительно со мной и не получив моих распоряжений. Она желала также, чтобы я продолжала получать жалованье директора Академии наук» (Записки. М., 1987. С. 180).

Письмо Д. П. Трощинскому [5 августа 1794 г.]

Печатается по: К биографии княгини Е. Р. Дашковой // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 672—673.

См. примечания к «Прощению Екатерине II об увольнении от должности директора Академии наук».

¹ Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754—1829) — статс-секретарь Екатерины II, при Александре I занимал министерские посты.

² Речь идет о «Словаре Академии Российской» в 6 томах, изданном в С.-Петербурге в 1789—1794 гг. Е. Р. Дашкова принимала деятельное участие в составлении и издании словаря.

* Бакунин Павел Петрович (1762—1805) — директор Академии наук, президент Российской Академии (Примеч. ред.).

**Рапорт Екатерине II
об экономическом положении Академии наук
за 1783—1794 гг. 5 августа 1794 г.**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1794. VIII. 14, № 118, л. 6—7.
Имеется копия рапорта: Там же, ф. 5, оп. 1-Д, д. 4, л. 4—5.

См. примечания к «Прошению Екатерине II об увольнении от должности директора Академии наук».

**Из Протокола последнего заседания Конференции
Академии наук, на котором присутствовала Е. Р. Дашкова.
14 августа 1794 г. (перевод С. Н. Искюля)**

Печатается по: Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. 4: 1786—1803. СПб., 1911. С. 388—389.

См. примечания к «Прошению Екатерине II об увольнении от должности директора Академии наук».

14 августа 1794 г. Е. Р. Дашкова в последний раз прибыла в Академию наук и участвовала в заседании академической Конференции. Она объявила, что, чувствуя потребность в отдыхе для поправления своего здоровья и домашних дел, попросила Екатерину II уволить ее от должности директора Академии наук и разрешить ей, как статс-даме, двухлетний отпуск. Затем княгиня передала копии с прошения, поданного ею императрице, рапорта о главных результатах ее директорства и указа 12 августа 1794 г. о двухлетнем отпуске с сохранением содержания. С. Я. Румовский прочел вслух эти документы (они сохранились в протокольных бумагах академической Конференции: ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1794. VIII. 14, № 118, л. 2—7 на французском и русском языках и опубликованы по-французски: Протоколы заседаний Конференции... Т. 4. С. 389—391).

Прощаясь, княгиня «трогательным образом поклонившись всей Академии, — как о том записано в протоколе, — обняла, прежде чем покинуть зал конференций, каждого академика и адъюнкта в отдельности, которые в полном составе проводили ее до дверей ее кареты, что сопровождалось единодушными их пожеланиями доброго здравия и благополучного возвращения».

¹ Шуберт Фридрих Теодор (Федор Иванович) (1758—1825) — академик, математик и астроном.

² Севергин Василий Михайлович (1765—1826) — академик, химик, минералог, член Российской Академии.

³ Ловиц Тобиас Иоганн (Товий Егорович) (1757—1804) — академик, химик.

⁴ Захаров Яков Дмитриевич (1765—1836) — адъюнкт, с 1795 г. — академик, химик, член Российской Академии.

**Прошение Екатерине II о продлении отпуска.
27 августа 1796 г.**

Печатается по: РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 5.
Имеется копия: ПФА РАН, ф. 5, оп. 1-Д, д. 4, л. 28.

В августе 1796 г. истек срок двухгодичного отпуска, предоставленного Е. Р. Дашковой. 27 августа, находясь в имении Троицкое под Москвой, княгиня составляет прошение Екатерине II, в котором просит продлить ее отпуск еще на год. На прошении имеется помета: получено 4 сентября 1796 г. (РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 5). Императрица не заставляет долго ждать решения и 11 сентября подписывает указ: «Княгиня Катерина Романовна. Снисходя всемилостивейше на прошение ваше, дозволяю вам пробыть в отпуску еще год с сохранением жалованья. Пребываю в прочем вам доброжелательная» (ПФА РАН, ф. 5, оп. 1-Д, д. 4, л. 31). На копии указа имеется помета: получено в селе Троицкое 22 сентября 1796 г. (Там же). В Академии наук о распоряжении Екатерины II стало известно 16 октября, о чем сохранилась запись в делах академической канцелярии (ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 489, л. 239).

**Письмо И. И. Лепехину с благодарностью
за предложение вновь возглавить Российскую Академию
[не позднее 25 мая 1801 г.]**

Печатается по: ПФА РАН, ф. 8, оп. 5, д. 61, л. 1—1 об. Частично опубликовано: Лозинская, с. 105.

Вскоре после вступления на престол Александра I 11 мая 1801 г. очередное собрание членов Российской Академии приняло решение просить Е. Р. Дашкову вернуться к руководству Академией как «виновницу ее существования, показавшую примерное усердие к российскому слову и ревностное попечение о благосостоянии Академии» (Некрасов, с. 134). Вероятно, об этом решении княгине сообщил неприменный секретарь Российской Академии с момента ее создания, видный русский ученый своего времени, академик Петербургской Академии наук И. И. Лепехин.

Сохранился подлинник ответа Е. Р. Дашковой. Письмо княгини Лепехину не датировано, но на нем имеется помета: поступило 25 мая 1801 г. Это позволяет предположить дату его составления. Письмо писалось, видимо, под диктовку. Рукой Е. Р. Дашковой начертаны только последние четыре слова.

Указом Павла I от 12 ноября 1796 г. управление Петербургской Академией наук и Российской Академией «препоручалось» камер-юнкеру П. П. Бакунину.

Но в 1798 г. под давлением ученых за самоуправство он был уволен, и вообще ликвидировалась должность директора. В том же году должность президента Петербургской Академии наук занял барон Г. Л. Николаи (1737—1820). На предложение занять одновременно пост президента Российской Академии он ответил отказом, так как плохо владел русским языком. С 1798 г. Академия оказалась без руководителя. И только после дворцового переворота, когда к власти пришел Александр I, в мае 1801 г. был назначен новый президент Российской Академии — А. А. Нартов (1737—1813), сын русского механика, изобретателя А. К. Нартова.

Из «Записок» о деятельности в Академии наук
и Российской Академии
(перевод С. Н. Искюля)

Печатается перевод с французского, осуществленный по изданию, напечатанному в «Архиве князя Воронцова» (М., 1881. Кн. 21), и сверенный с рукописью, хранящейся в Архиве СПб. ФИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 749, л. 116 об.—123, 127—129. Перевод и примечания С. Н. Искюля.

¹ Речь идет о графине Анне Алексеевне Матюшкиной (1722—1804), урожденной Гагариной, статс-даме, обергофмейстерине и кавалерственной даме.

² Аркадия — литературное общество (Академия), основанное 5 октября 1690 г. в Риме членами литературного кружка, собиравшегося до этого в салоне бывшей шведской королевы Христины. Среди основателей этой литературной Академии были Дж.-М. Крешимбени (1663—1728), ее бесменный президент, и Дж.-В. Гравина (1664—1718), написавший устав Академии. В общество могли быть допущены как поэты, так и почитатели поэзии.

³ Причина конфликта профессоров Академии с ее директором С. Г. Домашневым состояла в том, что, видимо, не обладая достаточной компетенцией и необходимым в таких случаях тактом, Домашнев давал им указания и так или иначе контролировал их научную деятельность, а также вносил собственную редакционную правку в «Академические известия». Помимо этого недовольство деятельностью Домашнева могло быть вызвано, возможно, имевшей место задержкой с выплатой жалования профессорам Академии и самоличным назначением почетных членов Академии наук (см.: *Веселовский К. С.* Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым // *Русская старина.* 1869. № 9. С. 457—492).

Речь идет о так называемой Академической комиссии, созданной еще в 1766 г. для заведования хозяйственными делами Академии наук. При Домашневе в комиссию входили академики Я. Я. Штелин, С. К. Котельников и С. Я. Румовский.

⁴ Женой профессора Н. Н. Фусса была внучка Л. Эйлера Альбертина фон Фусс (1766—1829).

⁵ Державин Гавриил Романович (1743—1816) — знаменитый российский поэт, произведения которого, главным образом оды, такие как «На смерть князя Мещерского» и «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779), «Властителям и судьям» (1780), «К Фелице» (1782), снискали ему громкую известность.

⁶ Возможно, что Е. Р. Дашкова, говоря о потерянном для Державина месте вице-губернатора, имеет в виду то, что Державин, после службы в ведомстве князя Вяземского, был назначен губернатором, но не в родные свои места, в Казань, как давно мечтал, а в Петрозаводск. Случилось ли это из-за козней его бывшего начальника, неизвестно.

⁷ Е. Р. Дашкова имеет в виду основанную в 1635 г. при кардинале Ришелье Французскую Академию, задачу которой ее учредители видели в объединении усилий по совершенствованию французского языка и в издании словаря французского языка, первое академическое издание которого появилось уже в 1694 г. Созданная по примеру Французской, Берлинская Академия наук, основанная в 1707 г., при первом короле Пруссии Фридрихе I, объединяла исследования в области германской филологии и литературы.

⁸ Речь идет о деятельности «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», на содержание которого Екатерина II в октябре 1768 г. назначила из своих личных средств 5000 р. ежегодно.

⁹ По примеру Французской Академии Е. Р. Дашкова ввела в практику раздачу членам Российской Академии особых серебряных жетонов за присутствие на заседаниях Академии. Таких жетонов ежегодно должно было изготавливаться 1000 (по 80 копеек за штуку); согласно уставу Академии, «собраниям быть каждую неделю один раз, а по окончании каждого да дастся присутствующему члену жетон».

¹⁰ В августе 1794 г. Е. Р. Дашкова испросила двухгодичный отпуск для «поправления здоровья» и более к отпращиванию своей должности главы Академии не возвращалась.

¹¹ Дашкова имеет в виду «Словарь Академии Российской», который в 6 частях был опубликован в Петербурге в 1789—1794 гг. и включал в себя 43 257 слов. Словарь был составлен в короткий срок, в течение 11 лет (для сравнения: «Словарь Флорентийской Академии» создавался 39 лет, а Французская Академия выпустила свой словарь через 59 лет), и явился первым толковым нормативным словарем, положившим начало русской лексикографии, став поистине памятником российской культуры XVIII в. Впоследствии, уже в 1806—1812 гг., материалы словаря вошли в состав «Словаря Академии Российской, азбучным порядком расположенного».

¹² Е. Р. Дашкова сыграла большую роль в определении структуры и основных принципов составления словаря, поддержав Д. И. Фонвизина и отстаивая мысль об этимологическом принципе построения словаря; таким образом, слова в «Словаре Академии Российской» были систематизированы по общему корню, от которого происходили, что было осуществлено впервые и поэтому первоначально при обсуждении концепции словаря вызвало споры среди членов Российской Академии. По предложению Е. Р. Дашковой, Российская Академия для составления словаря создала три отделения: «грамматическое», «объяснительное» и «издательное» (сама Е. Р. Дашкова вошла в состав второго отделения, заседания которого проходили большей частью в доме президента Российской Академии (Английская набережная, дом 16). В словаре сотрудничали не только профессионалы-языковеды и не только известные писатели Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, но и ученые-естествоиспытатели И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, астроном С. Я. Румовский, математики П. Б. Иноходцев, С. К. Котельников, историк М. М. Щербатов, а также особы духовного звания, отбиравшие и толковавшие слова из книг духовного содержания.

¹³ Имеется в виду «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», который в 4 частях вышел в Петербурге в 1790—1791 гг. Это издание, предпринятое Екатериной II в порядке соперничества со «Словарем Академии Российской», было составлено без участия специалистов-филологов и напечатано в количестве 500 экземпляров. «Мысль перевести две-три сотни слов... на столько же языков... не могла иметь важного по своим результатам значения для науки», — писал впоследствии крупный российский филолог и знаток русского просвещения Я. К. Грот в своем сочинении «Филологические занятия Екатерины II» (М., 1877. С. 12).

¹⁴ Для «Словаря Академии Российской» Е. Р. Дашкова собрала более 700 слов на буквы «ц», «ш» и «щ».

Будучи одним из деятельных сотрудников объяснительного отдела, Е. Р. Дашкова трудилась главным образом над определением смысла слов, обозначающих нравственные качества.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

М. М. Херасков.
Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой.
1783 г.

Печатается по: Собеседник. 1783. Ч. 6. С. 19—22.

Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) — крупнейший русский поэт и драматург XVIII в., куратор Московского университета.

Херасков одним из первых был приглашен участвовать в работе Российской Академии; хотя он не присутствовал на церемонии открытия Академии 21 октября 1783 г., его имя было «провозглашено» в числе членов, составляющих Академию (ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 7). Благодаря Е. Р. Дашкову за приглашение войти в состав Академии, поэт обратился к ней со стихотворным посланием, в котором приветствовал «председательницу муз» как «наперсницу» врученного ей «Парнаса». Стихи, видимо, понравились Е. Р. Дашковой, и она включила их в очередной номер журнала «Собеседник».

¹ Цевница — многоствольная флейта, многоствольная свирель.

Посвящение Е. Р. Дашковой из учебника П. И. Соколова
«Начальные основания российской грамматики». 1788 г.

Печатается по: Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при императорской Академии наук юношества составленные. СПб., 1788.

Выступая на торжественном открытии Российской Академии, Е. Р. Дашкова так определила основные направления ее деятельности: «Сочинение грамматики и Словаря да будет первым нашим упражнением». По инициативе Е. Р. Дашковой работа по составлению учебника российской грамматики была поручена переводчику и преподавателю академической гимназии Петру Ивановичу Соколову (1764—1835). «Труд сей... был бы всегда выше сил моих, если бы я по вашему же благоволению не имел случая быть при собраниях императорской Российской Академии и заимствовать многое от бываемых во оной рассуждений, к правилам, чистоте, усовершению и возвеличению российского языка споспешествующих», — написано в посвящении. П. И. Соколов успешно справился с заданием. В 1788 г. были изданы «Начальные основания российской грамматики» с посвящением Е. Р. Дашковой. Грамматика выдержала пять изданий — последнее было предпринято в 1808 г. Одним из самых больших достоинств этого сочинения признавалось то, что здесь впервые были помещены подробные правила «русского словоупотребления». Автор учебника был избран членом Российской Академии и в 1793 г. награжден Большой золотой медалью — высшей наградой Российской Академии. После смерти И. И. Лепехина в 1802 г. неперменным секретарем был избран П. И. Соколов.

Российская Академия принимает и позже активное участие в создании русских грамматик.

См.: Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 79—87.

**Письмо Павлу I
с просьбой о разрешении жить в Калужской губернии.
Январь 1797 г.**

Печатается по: РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 6—6 об., на подлиннике помета: получено 10 февраля 1797 г.

Указом Сената от 12 ноября 1796 г. Е. Р. Дашкова была уволена от «управления порученных ей мест» (РГИА, ф. 132 (Коллекция именных указов Сенату), оп. 1, д. 184, л. 36). В начале декабря 1796 г. к княгине явился московский генерал-губернатор М. М. Измайлов и сообщил, что Павел приказывает ей жить в своих деревнях, «чтобы она напаятовала бы происшествие, случившееся в 1762 г.» (Исторический вестник. 1882. № 9. С. 673). Любопытно, что об этой встрече «носился в народе анекдот», записанный А. Т. Болотовым: «Говорили, что к сей бойкой и прославившейся и разумом и качествами своими госпоже, носившей столько лет звание директора Академии и находившейся в самое сие время в Москве, приехал сам главный начальник московский и, по повелению государя, объявил, что воля государя есть, чтоб она из Москвы чрез 24 часа выехала, что, и сим нимало не смутясь, она сказала: „Я выеду не в 24 часа, а чрез двадцать четыре минуты и повеление государское теперь же и при вас еще исполню“. Потом, кликнув служителя, приказала тотчас запрягать лошадей и действительно выехала из Москвы в тот же час и убедила просьбою приехавшего к ней дожидаться выезда» (Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича (из записок А. Т. Болотова) // Русский архив. 1864. № 2. С. 723).

Конечно, это анекдот. Из донесения Измайлова от 4 декабря 1796 г. известно, что Е. Р. Дашкова обещала через три дня выехать в свои деревни (Исторический вестник. 1882. № 9. С. 673).

В конце декабря того же года, собираясь ехать в Москву на коронацию, император приказал княгине из ее подмосковного имения выехать в деревню Коротово Череповецкого уезда Новгородской губернии. 26 декабря 1796 г. княгиня туда выехала и провела более года в довольно бедной и суровой обстановке.

В январе 1797 г. по совету князя Н. В. Репнина она обратилась с письмом к императрице Марии Федоровне* и приложила письмо Павлу с просьбой о разрешении жить в Калужской губернии.

Вот что писала сама Е. Р. Дашкова об этом письме: «Признаюсь, что это письмо было скорее надменное, чем умоляющее, потому что я начала с описания моего здоровья и высказала, что из-за него не стоило бы утруждать его величество чтением моего письма, а мне не стоило бы писать его; что для меня безразлично, когда и где я умру; но что правила гуманности и религии не позволяют мне смотреть на страдания окружающих меня невинных людей, разделивших мое изгнание, которое я, по совести, считаю незаслуженным; что при жизни императрицы, его матери, я никог-

* Мария Федоровна, урожденная София-Доротея, принцесса Вюртембергская (1759—1828) — великая княгиня, вторая жена великого князя Павла Петровича с 1776 г. С 1796 г. императрица (Примеч. ред.).

да не злоумышляла против него и что, наконец, я прошу для себя позволения возвратиться в мое калужское имение, где для моих друзей и моей прислуги найдется лучшее помещение, а в случае болезни — медицинская помощь» (Архив князя Воронцова. М., 1881. Т. 21. С. 341—342; Исторический вестник. 1882. № 9. С. 669).

Из «Записок» Е. Р. Дашковой известно, как доверительно Павел относился к молодому князю П. М. Дашкову и как сын переживал и хлопотал за мать. Вот характерный отрывок: «...князь Алексей Куракин (1759—1829; при Павле исполнял должность генерал-прокурора. — Г. С.) уведомил моего сына о намерении императора подарить ему 5 тысяч крестьян. Сын попросил заверить его величество в том, что чрезвычайно тронут добротой, проявленной таким образом, и чувствует живейшую признательность государю, но ему ничего не нужно, кроме свободы его матери.

На следующее утро Алексей Куракин подошел к моему сыну перед большим сбором для вахтпарада и сообщил, что император повелел объявить мне о возвращении свободы и он намерен сейчас же это сделать» (Записки. М., 1987. С. 201).

Сохранились еще свидетельства об этих событиях. Позднее Е. Р. Дашковой рассказывали, что ее письмо привело Павла в ярость, он тут же приказал отправить курьера с повелением отобрать у нее перья, бумагу, карандаши и запретить переписываться с кем бы то ни было (Лозинская, с. 104).

Но императрица Мария Федоровна непременно хотела выпросить разрешение княгине жить в подмосковном имении Троицкое.

«Взяв на руки маленького великого князя Николая Павловича,* она дала ему письмо Дашковой и вошла в кабинет государя. Маленький сын подал ему просьбу. Павел Петрович, видя ласки малютки, не мог не согласиться и сказал, обращаясь к супруге: „Вы знаете, как меня упросить“.

Написав несколько строк Дашковой, он тотчас же приказал отправить к ней курьера» (Замечательные случаи и черты из жизни княгини Е. Р. Дашковой // Час досуга. 1861. № 1. С. 25).

Мы не беремся комментировать достоверность этих свидетельств. Известно, что 13 апреля 1798 г. Павел дал разрешение Е. Р. Дашковой жить в Москве и вернуться в свое любимое Троицкое. Вот оно:

«Княгине Дашковой, живущей теперь в серпуховской своей деревне, позволить из оной выехать и жительство свое иметь в прочих своих деревнях и в Москве, когда нашего в сей столице пребывания не будет; во время же оного может она жить и в ближайшей подмосковной. Пребываем вам в прочем благосклонны.

Павел.

В С.-Петербурге,
апреля 13 дня 1798» (Исторический вестник. 1882. № 9. С. 674).

¹ Павел Петрович (1754—1801) — великий князь, сын Петра III и Екатерины II, император всероссийский (с 5 ноября 1796 г.).

* Николай Павлович (1796—1855) — великий князь, третий сын Павла I, император всероссийский (с 1825 г.) (Примеч. ред.).

Поздравительное письмо Александру I. 19 марта [1801 г.]

Печатается по: РГИА, ф. 938, оп. 1, д. 386, л. 7—8, на подлиннике помета: получено 25 марта 1801 г.

Опубликовано: К биографии княгини Е. Р. Дашковой // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 675.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел был убит в своей спальне группой заговорщиков, и на престол вступил Александр. С воцарением внука Екатерины II опала Е. Р. Дашковой кончилась. 19 марта княгиня пишет торжественное поздравительное письмо Александру, чтобы высказать «любовь и приверженность».

Любопытно узнать из письма, что в период ссылки, когда многие боялись даже писать княгине, великий князь Александр и его супруга посылают Е. Р. Дашковой свои портреты.

¹ Александр Павлович (1777—1825) — великий князь, сын Павла I, внук Екатерины II, император всероссийский (с 12 марта 1801 г.).

² Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза-Мария-Августа, принцесса Баден-Дурлахская (1779—1826) — великая княгиня, жена великого князя Александра Павловича; с 1801 г. императрица.

**Письмо к издателям «Друга просвещения»
с приобщением «Надписи к портрету Великой Екатерины». 1804.**

Печатается по: Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 38—39, 41.

См.: Афанасьев, с. 215.

Хорошо известно, с каким восхищением и поклонением Е. Р. Дашкова относилась к Екатерине II, несмотря на сложные периоды в истории их взаимоотношений. Императрице посвящены многие страницы знаменитых «Записок» Е. Р. Дашковой; любопытно для характеристики их отношений и эпистолярное наследие (например, см.: Викторов, с. 74—154; Пекарский, с. 74—87; Елисева О. И. Екатерина II и Е. Р. Дашкова. Феномен женской дружбы в эпоху Просвещения // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 19—34 и др.).

В 1804 г., через несколько лет после кончины Екатерины II, княгиня в письме в редакцию журнала «Друг просвещения» писала: «Я душевно была привязана и по гроб чувства свои сохраняю к великой монархине, благотворительнице России». Издатели журнала «Друг просвещения» «с чувством живейшей благодарности... к почтеннейшей соотечественнице нашей», как было отмечено в редакционном примечании, опубликовали присланную Е. Р. Дашковой «Надпись к портрету Великой Екатерины».

Известно еще по крайней мере два обращения Е. Р. Дашковой к образу Екатерины II. В 1804 г. Е. Р. Дашкова вновь обратилась в журнал «Друг просвещения» с просьбой напечатать «Изображение Великой Екатерины», написанное ею 20 лет назад в 1784 г. При этом Е. Р. Дашкова отмечала, что когда писала эти строки, то обмакивала свое перо «в чувства приверженности и истины». Издатели журнала «Друг просвещения» опубликовали и это сочинение княгини, выразив в примечании «искреннюю признательность и почтение к особе, которая хотя не желает быть наиме-

нованною, но по чувствам ее к *Великой Екатерине* легко узнать можно, что она была исполнительница намерений сей монархини в учреждении святылища, к распространению русского слога предназначенного» (Друг просвещения. 1804. Ч. 4. № 10. С. 41—42).

«Изображение Великой Екатерины, писанное в 1784 году.

В недрах благословенного мира, в звучном ли злобном шуме брани царям, соседям, недругам предписывала она закон; превосходством ума вселенную удивляла и покоряла, пленяя восхищенные сердца; мыслила, писала мудро и приятно; злобу, сплетни, предубеждения слабых умов кротостью отражала, прощала, как милосердное божество. Отечество любила, народ свой чтит, превозвышая его пред всеми народами, приписывая ему превосходные дарования тела и души, силу, храбрость и догадку. И наконец, и мудрым царям примером навеки прослыла.

Россиянка * * *»

(Там же. С. 42).

Еще одна, но уже стихотворная надпись к портрету Екатерины II была опубликована в 1783 г. в первом номере «Собеседника». Вот она:

НАДПИСЬ

К портрету ее величества императрицы Екатерины II.

Природа, в свет тебя стараясь произвести,
Дары свои на ТЯ едину истожила,
Чтобы на верх ТЕБЯ величества возвесть,
И награждая всем, она нас наградила.

(Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 14).

Письмо вдовствующей императрице Марии Федоровне.
13 июля 1806 г.

Печатается по: Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 158—161.

В последние годы жизни Е. Р. Дашкова была очень привязана к Марте Вильмот, которая приехала из Англии, как писала княгиня, «разделить на время мое уединение». Между ними существовала глубокая взаимная привязанность, благодаря которой Марта Вильмот оставалась в России пять лет.

13 июля 1806 г. Е. Р. Дашкова, обеспокоенная своим здоровьем, обращается к вдовствующей императрице Марии Федоровне и просит «на случай моей смерти, принять под свое покровительство Уильмот, пока она останется в России: с этой надеждой я спокойно встречу свою близкую смерть». В ответном письме от 24 августа 1806 г. Мария Федоровна обещала свое покровительство, если оно будет необходимо. Вот это письмо:

«Я получила ваше письмо и считаю удовольствием уверить вас, что я совершенно ценю ваше распоряжение относительно мисс Уильмот. Ваша привязанность к ней служит лучшим доказательством достоинств ее; и если

она будет нуждаться в моем покровительстве, я охотно предлагаю его. Касательно вашего завещания, сделанного в пользу Уильмот и переданного в воспитательный дом, правила этого заведения достаточно ручаются за добросовестное исполнение вашей воли Опекунским советом. Эти правила обязывают его исполнять последнюю волю завещателей, освященную законом, как самый святой долг, а заведение верно хранить вверенные ему суммы.

Если б нужно было мое личное содействие для вашего успокоения в этом деле, примите, княгиня, полное уверение, что законы воспитательного дома будут свято выполнены. С тем вместе свидетельствую вам мое уважение, душевно преданная вам

МАРИЯ» (Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 158—161).

¹ Уильмот, более привычное написание — Вильмот.

² Гамильтон Кэтрин — родственница Вильмотов, ирландская приятельница Е. Р. Дашковой. См. примеч. 1 к «Письму мистрис Гамильтон».

³ Речь идет о Марте Вильмот, которая находилась в России с лета 1803 г. по осень 1808 г.

⁴ Вильмот Кэтрин гостила у Е. Р. Дашковой с сентября 1805 г. по июль 1807 г.

⁵ Еропкин Петр Дмитриевич (1724—1805) — генерал-аншеф; усмиритель «чумного бунта» в Москве.

⁶ Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал.

⁷ Воспитательный дом — учреждение для воспитания незаконнорожденных детей и детей бедняков. Основан в 1764 г. в Москве по проекту И. И. Бецкого.

⁸ Речь идет об Александре Романовиче Воронцове, старшем брате княгини, который скончался в 1805 г.

Духовное завещание княгини Е. Р. Дашковой [1807 г.]

Печатается по: Записки. Чечулин, с. 318—323.

«Более 10 лет прошло с тех пор как я сделала завещание, признанное родственниками моими и моего мужа», — писала Е. Р. Дашкова 13 июля 1806 г. в письме к Марии Федоровне. Видимо, первое завещание было составлено Е. Р. Дашковой в 1796 г. перед ссылкой. Но, к сожалению, те, кто был выбран княгиней для исполнения ее последней воли, ушли из жизни. И в 1807 г., после смерти сына, она составляет новое завещание. Так как со смертью П. М. Дашкова род Дашковых пересекался, княгиня добивается «высочайшего соизволения» на то, чтобы сын ее двоюродного брата Иван Илларионович Воронцов носил двойную фамилию Воронцов-Дашков, и назначает его наследником любимого ею Троицкого. Дочь свою она лишила наследства.

¹ П. М. Дашков скончался 17 января 1807 г.

² О владениях Е. Р. Дашковой см: Алексеев В. Н. Владения княгини Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова и ее время: Исследования и материалы. М., 1999. С. 86—94.

³ Воронцов Михаил Семенович (1728—1856) — племянник Е. Р. Дашковой, впоследствии светлейший князь и наместник на Кавказе.

⁴ Киселев Федор Иванович — генерал-лейтенант, душеприказчик Е. Р. Дашковой.

⁵ Санти Петр Львович — граф, душеприказчик Е. Р. Дашковой.

⁶ Урусов Александр Михайлович (1766—1853) — князь, статский советник, душеприказчик Е. Р. Дашковой.

⁷ Воронцов-Дашков Иван Илларионович (1790—1854) — племянник Е. Р. Дашковой, унаследовавший фамилию Дашковой.

⁸ Маслова Прасковья Николаевна (1795—1849) — девица.

⁹ Речь идет о Екатерининском институте — учебном заведении для обучения дочерей потомственных дворян (один из институтов благородных девиц). Основан в 1802 г. В 1804 г. при Екатерининском институте создано мещанское отделение для девиц прочих сословий.

Некролог. 1810 г.

Печатается по: Вестник Европы. 1810. № 2. С. 149—151.

Журнал «Вестник Европы» издавался в Москве в течение 29 лет (1802—1830 гг.), в месяц выходило по 2 книжки. Первые два года журнал издавал и редактировал Н. М. Карамзин. В 1809—1810 гг. журнал издавался под редакцией историка и переводчика М. Т. Каченовского (1775—1842) и поэта В. А. Жуковского (1783—1852). Некролог появился во второй январской книжке, т. е. вскоре после смерти Е. Р. Дашковой.

По мнению Е. Р. Долговой, некролог мог быть составлен историком-архивистом А. Ф. Малиновским (1762—1840), с которым княгиня довольно часто встречалась в последние годы и который составил ее жизнеописание (РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 363, л. 1—8 об.; опубл. С. Р. Долговой: Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 71—79).

¹ Речь идет о публикации в журнале «Друг просвещения» (1806. Ч. 1. № 3. С. 268—273) статьи «Е. Р. Дашкова» из «Словаря русских писателей...» Е. А. Болховитинова.

² Текст пьесы «Свадьба Фабиана» не сохранился. См.: Гёнферт Ф. О драматургии Е. Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 147—151.

Я. К. Грот. Княгиня Дашкова

Печатается по: ПФА РАН, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 1—10.

В Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук в фонде Я. К. Грота сохранилась рукопись под названием «Княгиня Дашкова». Текст написан неизвестной рукой с поправками автора — Я. К. Грота. На первом листе помета автора — «писано в последние дни февраля. Читана в Аничковом дворце 12 марта 1890 г.».

Имя академика Петербургской Академии наук Якова Карловича Грота (1812—1893) хорошо известно всем, кто занимается и интересуется литературой и историей России XVIII в. В «Материалах для биографического

словаря действительных членов императорской Академии наук» опубликован список его трудов, состоящий из 450 наименований, удивляющий разносторонностью и обширностью тематики (Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. А—Л. С. 226—263).

Любопытно назвать здесь сочинения Я. К. Грота, в которых так или иначе упоминается Е. Р. Дашкова. Среди них: «Фелица» и «Собеседник любителей русского слова» (Современник. 1845. Т. 40. С. 113—150 и 225—263), «Филологические занятия Екатерины II» (Русский архив. 1877. № 4. С. 425—442), «Сотрудничество Екатерины II в „Собеседнике“ княгини Дашковой» (Сборник РИО. СПб. 1877. Т. 20. С. 525—542). Есть еще одна публикация, о которой хотелось бы сказать особо.

В журнале «Современник» за 1845 г. была напечатана статья Я. К. Грота «Черты из жизни княгини Е. Р. Дашковой» (Современник. 1845. Т. 37. С. 5—32). Позже ученый включил ее в 4-й том собрания сочинений (Труды Я. К. Грота. СПб., 1901. Т. 4. С. 732—744). Эта публикация была вызвана тем, что в 1840 г. в Лондоне на английском языке вышло в свет первое издание «Записок» Е. Р. Дашковой. Я. К. Грот считал необходимым познакомить русского читателя с мемуарами княгини и выполнил перевод некоторых отрывков. «Для нас было бы легче, — пишет он в заключении, — изложить своими словам сущность представленных отрывков; но мы предпочли труднейшую работу в уверенности, что для читателя гораздо занимательнее нашего будет собственный рассказ княгини Дашковой, хотя и в переводе» (Там же. С. 744). Для перевода и публикации Я. К. Гротом были избраны страницы, где Е. Р. Дашкова вспоминает о своей деятельности в Академии наук.

Но вернемся к рукописи, которая публикуется в настоящем издании. Из пометы автора на первом листе рукописи известно, что доклад читан «в Аничковом дворце 12 марта 1890 г.». Поиск информации о заседании, на котором был сделан доклад, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» не дал результата. Известно, что Аничков дворец в 1881—1894 гг. был резиденцией императора Александра III, который не любил Зимний дворец. И именно в Аничковом дворце обычно в марте проходили общие годовые собрания императорского Русского исторического общества под председательством Александра III. Тогда мы обратились к камер-фурьерским журналам, содержащим записи дворцовых церемоний и событий из жизни царской семьи, хранящимся в РГИА. И действительно, 12 марта 1890 г., в понедельник в 9 час. вечера состоялось общее годовое собрание членов РИО; среди присутствующих был и Я. К. Грот (РГИА, ф. 516, оп. 2, д. 3, л. 17 об.—19 об.). Хотя в камер-фурьерском журнале не содержится прямых свидетельств о докладе Я. К. Грота, видимо, с определенной долей уверенности можно считать, что доклад «Княгиня Дашкова» был прочитан на этом заседании.

¹ Бейль Пьер (1647—1706) — французский философ и публицист. Основное его произведение «Исторический и критический словарь» (1695—1697) оказало большое влияние на развитие европейского свободомыслия.

² Монтескье Шарль Луи (1689—1755) — французский просветитель, правовед, философ. Основные его сочинения: «Персидские письма» (1721), «О духе законов» (1748).

³ Буало Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма, законы которого он изложил в поэме «Поэтическое искусство» (1674).

⁴ Дидро Дени (1713—1784) — французский просветитель-энциклопедист, философ, писатель, знаток искусства.

⁵ См. примеч. 13 к статье «Из „Записок“ о деятельности в Академии наук и Российской Академии».

⁶ Имеется в виду журнал «Собеседник любителей русского слова», который издавался на средства Академии наук в 1783—1784 гг. по инициативе и под руководством княгини Е. Р. Дашковой.

⁷ Гримм Якоб (1785—1863) — немецкий ученый, филолог, историк немецкого языка. В 1852 г. Я. Гримм и его брат Вильгельм (1786—1859) начали издавать «Немецкий словарь», являющийся первым историческим словарем немецкого языка и заключающий в себе детальное описание словарного состава начиная с XVI в.

⁸ См. примеч. 11 к статье «Из „Записок“ о деятельности в Академии наук и Российской Академии».

⁹ Здесь Я. К. Грот цитирует М. И. Сухомлинова: Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Нарышкин Лев Александрович (1733—1799) — обер-шталмейстер русского двора.

¹² «Общества незнающих ежедневные записки» были напечатаны в «Собеседнике любителей русского слова» (1783. Ч. 8. С. 32—62).

¹³ Княжнин Яков Борисович (1742—1791) — поэт, драматург, автор семи трагедий в стихах, а также комедий и комических опер.

¹⁴ «Были и Небылицы» — сочинение Екатерины II, напечатано в журнале «Собеседник любителей русского слова». 1783. Ч. 2. С. 145—164; Ч. 3. С. 127—139 и др.

¹⁵ «Послание к слову „так“» напечатано в журнале: Собеседник. 1783. Ч. 1. С. 15—23.

¹⁶ Первое издание «Записок» Е. Р. Дашковой было напечатано в Лондоне в 1840 г. на английском языке в двух томах. Текст «Записок» был подготовлен к изданию Мартой Брэдфорд (Вильмот) и разделен ею на 29 глав. Во втором томе были опубликованы письма Е. Р. Дашковой и письма ее корреспондентов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Афанасьев — *Афанасьев А.* Литературные труды княгини Е. Р. Дашковой // *Отечественные записки.* 1860. Т. 129. № 3. С. 181—218.
- Викторов — *Викторов Н. (В. Л. Бурцев).* Императрица Екатерина II и кн. Е. Р. Дашкова // *Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Справочный том к запискам Е. Р. Дашковой, Екатерины II и И. В. Лопухина.* М., 1992. С. 99—154.
- Гёпферт — *Гёпферт Ф.* О драматургии Е. Р. Дашковой // *Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.* СПб., 1996. С. 147—151.
- Голицын — *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 77—82.
- Греков — *Греков В. Н.* Особенности журналистики Е. Р. Дашковой (на материале журнала «Невинное упражнение») // *Россия и мир — вчера, сегодня, завтра: Научные труды МГИ им. Е. Р. Дашковой.* М., 1997. Вып. 2. С. 5—19.
- Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собеседник любителей российского слова // *Собр. соч.* М.; Л., 1961. Т. 1. С. 182—278.
- Записки. Чечулин — *Записки кн. Дашковой / Пер. с франц. по изданию, сделанному с подлинной рукописи. С приложением разных документов, писем и указателя. Под ред. и с предисловием Н. Д. Чечулина.* СПб., 1907.
- Записки. М., 1987 — *Дашкова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общей редакцией С. С. Дмитриева. М., 1987.
- Кочеткова — *Кочеткова Н. Д.* Дашкова и «Собеседник любителей российского слова» // *Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы.* СПб., 1996. С. 140—146.
- Кросс — *Кросс Э. Г.* Поездки княгини Е. Р. Дашковой в Великобританию (1770 и 1776—1780 гг.) и ее «небольшое путешествие в Горную Шотландию» // *XVIII век.* СПб., 1995. Сб. 19. С. 223—268.
- Лозинская — *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1983.

- Масанов — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956—1960. Т. 4. С. 158.
- Моисеева — *Моисеева Г. Н.* О литературной деятельности Е. Р. Дашковой // *Дашкова Е. Р.* Литературные сочинения. М., 1990. С. 5—28.
- Некрасов — *Некрасов С. М.* Российская академия. М., 1984.
- Неустроев — *Неустроев А. Н.* Указатель к русским повременным изданиям. СПб., 1898. С. 171—172.
- Пекарский — *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863. С. 1—87.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
- ПФА РАН — С.-Петербургский филиал Архива РАН.
- Пыпин — Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., 1903. Т. 5.
- РАН — Российская Академия наук.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
- РИО — Русское историческое общество.
- Семенников — *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915.
- Собеседник — Собеседник любителей русского слова.
- СПб. ФИРИ РАН — С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН.
- Стенник — *Стенник Ю. В.* Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей русского слова» // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 113—130.
- Сухомлинов — *Сухомлинов М. И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 20—57; СПб., 1878. Вып. 4.
- Таежная — *Таежная Л. Я.* Княгиня Е. Р. Дашкова на страницах «Русского вестника» // Е. Р. Дашкова и А. С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 54—56.
- Теплова — *Теплова В. А.* Дашкова // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А—И). С. 243—247.
- Чечулин — *Чечулин Н. Д.* Дашкова. Русский биографический словарь. Дабелов—Дядьковский. СПб., 1905. С. 119—130.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЦГАКФФД — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аддисон Д. 167, 396
 Адисон см. Аддисон Д.
 Александр I, император 31, 40, 283, 284, 356, 367, 386, 411, 412, 434, 436, 442
 Александр III, император 446
 Александр Павлович, великий князь см. Александр I
 Алексеев В. Н. 444
 Алексей Михайлович, царь 388
 Алферова А. С. (в замужестве Дашкова) 37
 Анастасевич В. Г. 40
 Андреев К. Ф. 82
 Анибаль Карача см. Караччи А.
 Анна Иоанновна, императрица 263, 410
 Анна, королева см. Стюарт Анна
 Анна, служанка Е. Р. Дашковой 365
 Антинг И. Ф. 313
 Аристотель 28, 400
 Афанасьев А. 4, 8, 376, 377, 384, 398, 403, 442, 448
 Аш Г. Ф., барон 57, 274, 413
 Ашмоле Елиас 109
- Бакунин П. П., 329, 434, 436
 Бардевик Ф. 303, 424
 Барсов А. А. 376
 Бартенев П. 409
 Батищева Т. С. 377
 Безбородко А. А. 276, 279, 280, 282, 289, 292, 296, 297, 299, 369, 415—417, 419, 420, 422, 423
 Безбородько см. Безбородко А. А.
 Бейль П. 14, 265, 367, 446
 Белинский В. Г. 66
 Бентам Д. 40
 Бехтеев Ф. Д. 264, 410
 Бецкой И. И. 50, 444
 Блэк Д. 25, 29, 254, 275, 414
- Блэр Х. 25, 29, 32
 Богатова Г. А. 89
 Богданович И. Ф. 143, 393
 Богословский В. А. 89
 Бодлей Т. 110, 379
 Болбей 106
 Болотина Н. Ю. 84
 Болотов А. Т. 22, 440
 Болховитинов Е. А. 445
 Болховитинов Н. Н. 89
 Браунштайн И. 411
 Брискман М. А. 86
 Бройтман Л. И. 84
 Брэдфорт Катерина-Анна Дашкова 81
 Брюс Г. 29, 126
 Буало Н. 14, 383, 265, 367, 410, 446
 Бургав Г. 265, 410
 Буржиньон см. Куртуа
 Бутурлин А. Б., граф 270, 412
 Бутурлин Д. П., граф 249, 250, 406
 Бухвостов С. 302, 424
 Бюффон Ж. Л. 60
- Вадим Новгородский 433
 Валериани Дж. 412
 Ван-Дейк А. 100, 108, 378
 Вандек см. Ван-Дейк А.
 Варлаам, епископ 422
 Васильков Н. 28, 85
 Ведерберн 232, 239, 240
 Веймут 102
 Вейтбрехт И. Я. 310, 428
 Вергилий Марон Публий 419
 Веревкин М. И. 63
 Верно 112, 113
 Веронезе П. 108, 379
 Веронезий Павло см. Веронезе П.
 Веселая Г. А. 90
 Веселовский К. С. 90, 437
 Вигель Ф. Ф. 37, 40, 86

- Викторов Н. (Бурцев В. Л.)* 389, 391, 392, 442, 448
 Вилгелм III см. Вильгельм III Оранский
 Вильгельм III Оранский, король 112, 379
 Вильмот К. 13, 40, 45, 80—82, 219, 402, 403, 444, 448
 Вильмот М. (в замужестве Брэдфорд) 40, 41, 45, 46, 53, 80, 81, 257, 358, 359, 402, 403, 408, 443, 444, 447, 448
 Вильмот, сестры 46, 358, 444
 Волков П. 303, 424
 Вольтер (Аруэ Мари-Франсуа) 14, 20, 21, 68, 134, 265, 367, 368, 401, 410
 Вольф К. Ф. 56, 274, 413
 Воронцов А. А. 55
 Воронцов А. Р. 12—15, 17, 37, 44, 80, 250, 264, 265, 268, 322, 366, 367, 407, 410, 431, 444
 Воронцов И. А. 96, 99, 378
 Воронцов М. И. 11—13, 15, 17, 24, 33, 367, 409, 410
 Воронцов М. С. 363, 364, 445
 Воронцов Р. И. 11, 22, 264, 367, 409, 410
 Воронцов С. Р. 9, 12, 17, 35, 44, 361, 367, 410
 Воронцова А. М. (в замужестве Строганова) 12, 263, 410
 Воронцова Е. Р. (в замужестве Полянская) 12, 44
 Воронцова М. Р. (в замужестве Бутурлина) 12, 406, 409
Воронцов-Дашков А. И. 84
 Воронцов-Дашков И. И. 363, 364, 367, 412, 444, 445
 Воронцов-Дашков Иван Ларионович см. Воронцов-Дашков И. И.
 Воронцовы, семья 68, 409, 410
 Врен К. 109
 Второв И. А. 79
 Вяземский А. А. 5, 62, 276, 279, 280, 282, 294, 297, 298, 340, 341, 343, 344, 369, 414, 416, 421—424, 427, 437
 Вяземский П. А. 42
 Гавриил (Петров), митрополит СПб. и Новгородский 289, 419
 Гагарин И. 359
 Гакман И. Ф. 56, 274, 276, 413, 416
 Гамильтон К. 16, 18, 258, 358, 408, 444
 Гваренга см. Кваренги Дж.
 Геллерт Кристиан Фюрхтеготт 385
 Гельвеций К. А. 14, 266, 410, 411
 Георги И. Г. 56, 63, 274, 329, 342, 413
Гёнферт Ф. 398, 445, 448
Герцен А. И. 16, 84, 448
 Гиббон Э. 27
 Гиншлеф, жена Питерборо 106
 Глебов С. И. 21
 Глинка С. Н. 403
 Глинка Ф. Н.
 Гмелин И. Ф. 62
 Гогарт В. 106, 378
 Голдинг 105
 Голицын А. М. 270, 412
 Голицын Д. А. 411
Голицын Н. Н. 4, 8, 376, 377, 379, 388, 448
 Голицына Д. А. (урожд. Гагарина) 269, 412
 Головин М. Е. 56, 274, 302, 413
 Голубцов 309
 Гольбах П. А. 376, 377
 Гомфрей, герцог Глостерский 110
 Гораций 393, 400
 Гравина Дж.-В. 437
Греков В. Н. 384, 402, 403, 448
Греч Н. И. 79, 90
 Григорен 307
 Григорьев 306
 Гримм В. 447
 Гримм Я. 373, 447
 Грот Я. К. 6, 83, 366, 438, 445—447
 Гурьев М. М. 425
 Гурьев С. Е. 72, 73, 77
 Давыдов 253
 Д'Аламбер Ж. Л. 14, 32, 411
 Дасье Андре 400
 Дасье Анна 400
 Дашков Д. В. 42
 Дашков М. И., князь 16, 17, 268—270, 367, 411
 Дашков М. М. 16
 Дашков П. М. 17, 18, 23, 29—31, 35—42, 45, 53, 86, 233, 236, 360, 367, 404, 405, 412, 441, 444
 Дашкова А. М. (в замужестве Щербинина) 16, 18, 23, 43—46, 360, 361, 364, 407

- Дашкова А. М. 412
 Дашкова М. И. (урожд. Сурмина, в первом браке Долгорукова) 11, 410
 Дашковы, род 271, 367, 412
 Демосфен 419
 Денби 111
 Денни А. 31, 32
 Де-Пуле М. Ф. 90
 Державин Г. Р. 344, 372, 376, 379, 403, 437, 438
 Державина Е. И. 89
 Дешер 104
 Джефферсон Т. 25
 Дидро Д. 10, 11, 14, 20, 368, 447
 Диоген (Синопский) 144, 393
 Дмитриев И. И. 403
 Дмитриев С. С. 448
 Д'Обинье Ф. 400
 Добролюбов Н. А. 4, 8, 376, 377, 379, 383, 384, 388, 389, 393, 395, 448
 Долгова С. Р. 1, 7, 88, 90, 417, 434, 445
 Долгоруков Н. А. 361
 Долгоруков П. В. 367, 368
 Домашнев С. Г. 56, 57, 276, 278, 283, 297—300, 310, 313, 335, 336, 338, 369, 414, 416, 422, 437
 Дреннан В. 29
 Екатерина, супруга Петра I 411
 Екатерина II, императрица 5, 9, 10, 15, 16, 21, 22, 34—36, 39, 52, 56, 60, 64, 65, 68—71, 81, 87, 118, 134, 140, 214, 224, 253, 255, 259, 262, 268, 272, 279, 282, 287, 291, 292, 298, 300, 302, 303, 309, 323—325, 327, 330, 344, 356—358, 360, 361, 366—368, 371—375, 379, 384—385, 389—394, 398, 399, 401, 406—418, 420, 422—427, 429, 431—436, 438, 441—443, 447
 Елизавета Алексеевна (урожд. Луиза-Мария-Августа, принцесса Баден-Дурлахская), императрица 442
 Елизавета Петровна, императрица 11, 14, 16, 263, 265, 266, 366, 367, 409—411, 416, 421
 Елисеева О. И. 442
 Эпиктет см. Эпиктет
 Еропкин П. Д. 359, 444
 Ефимова А. 306
 Жибес 111
 Жонес г-жа 96
 Жонес г-н 103
 Жонес девица 103—106
 Жуковский В. А. 445
 Заборов П. Р. 85
 Зайцева А. А. 88, 426
 Западов В. А. 89
 Захаров Я. Д. 62, 63, 72, 74, 76, 77, 79, 329, 425, 428, 435
 Зборомирский С. В. 309, 427
 Зверев Е. 53
 Земцов М. 411
 Зуев В. Ф. 56, 63, 64, 66, 274, 302, 304, 305, 413, 426
 Зурланд 307
 И. А. В. см. Воронцов И. А.
 Измайлов М. М. 374, 440
 Иловайский Д. И. 84, 86
 Инегажонес, 111
 Иноходцев П. Б. 57, 62, 302, 329, 424, 438
 Ипполитова Г. А. 7
 Исаев И. отец 306
 Исаев И. сын 307
 Искюль С. Н. 5, 6, 228, 233, 239, 251, 263, 404, 405, 407, 409, 413, 435, 437
 Исленьева А. П. (в замужестве Малиновская) 45, 54, 80
 Каменская П. Ф. 96, 260, 377, 378, 409
 Камерон Ч. 411
 Кант И. 64
 Карамзин Н. М. 27, 66, 85, 445
 Караччи А. 108, 379
 Карл I, король 111, 379
 Карл II, король 111, 112, 379
 Карл V, король 26
 Катон (Старший) 167, 396
 Каченовский М. Т. 445
 Кваренги Дж. 66, 67, 292, 420
 Кельрейтер И. Г. 58
 Кембел (Камбель, Кембель) 104, 105, 106
 Кениг И. Г. 64
 Кери миледи 104, 105
 Кери милорд 104, 106
 Кестнер А. Г. 62, 64
 Кириллов И. 303, 424
 Кириллов Иван см. Кириллов И.

- Киров В. 306
 Киселев Ф. И. 256, 363, 365, 408, 445
 Кларандон 110
 Клейв 96
Княжнин Я. Б. 68, 374, 376, 433, 438, 447
 Козодавлев О. П. 300, 301, 343, 417, 423
Коломинов В. В. 89, 418, 440
 Колпакова Н. В. 7
 Кононов А. К. 62, 76, 77, 78, 425, 428
 Константин Павлович, великий князь 283, 284, 386
 Конфуций (Кун-цзы) 131, 388, 389
Копелевич Ю. Х. 90
 Корнелий см. Корнель П.
 Корнель П. 167, 396, 410
 Котельников С. К. 56, 72, 78, 274, 413, 425, 437, 438
 Котен (аббат Шарль) 383
Кочеткова Н. Д. 4, 7, 8, 88, 379, 384, 388, 392, 393, 448
 Кочетова Е. 54
Краснобаев Б. И. 84, 88
 Крафт В. 427
 Крафт Л. Ю. 56, 274, 313, 329, 413
 Крашенинников С. П. 60
 Крез 127, 389
 Крестинин В. В. 5, 63, 322, 430, 431
 Крешимбени Дж.-М. 437
Кросс Э. Г. 5, 7, 18, 25, 29, 84, 85, 86, 88, 377, 378, 395, 404, 448
 Кувакин И. 306
 Кузен Ж. А. Ж. 73
 Куракин А. Б. 34, 441
 Куртуа Г. 108, 379
 Куртуа Ж. 108, 379
Кучеренко Г. С. 84

 Лавров С. 422
 Лавуазье А. Л. 76
 Лаланд Ж. Ж. 58
 Леблон Ж. 411
 Левицкий Д. Г. 19
 Лексель А. И. 56, 66, 274, 313, 317, 413, 428
 Леонтиев А. 417
 Леонтьев М. И. 412
 Лепехин И. И. 56, 60, 274, 306, 307, 313, 329, 330, 350, 413, 418, 436, 438, 439
 Лий, житель Бата 105

 Линней К. 317, 428
 Листер, лекарь 105
 Лихтенберг Г. К. 62
 Ловиц Т. Е. (Т. И.) 329, 435
Лозинская Л. Я. 84, 85, 88, 379, 384, 408, 436, 448
 Локателли Дж.-Б. 412
 Локк Дж. 46, 50, 219, 403
 Ломоносов М. В. 13, 48, 60, 74, 115, 143, 144, 307, 321, 377, 393, 403, 426
 Лопиталь де, маркиз 410
Лотман Ю. М. 85
 Лудрес Ф. 102—106, 378
 Лукиан 167, 396
 Лукиян см. Лукиан
 Людовик XV 15
 Людрас см. Лудрес Ф.

 Мавра Романовна см. Вильмот М.
 Магеллан Дж. Г. 58
 Майр И. С. 19
 Максимов С. 306
 Малиновская Е. А. 54
 Малиновский А. Ф. 54, 445
 Мальборо Дж. Ч. 107, 108, 156, 378
 Мальборук, Малборук см. Мальборо Дж. Ч.
 Мальбрук см. Мальборо Дж. Ч.
Марголис Ю. Д. 89
 Мария Федоровна (урожд. София-Доротея, принцесса Вюртембергская), императрица 40, 81, 82, 358, 375, 440, 441, 443, 444
 Марк Аврелий 115, 379, 380, 383
 Маркгам В. 108, 109
 Мартынов П. 306
 Маруци 248
Масанов И. Ф. 4, 8, 449
 Маслова П. Н. 364
 Матюшкина А. А. (урожд. Гагарина) 334, 437
 Махаев М. И. 273, 277
 Мелиссино И. И. 376
 Ментенона см. Д'Обинье Ф.
 Микеланджело Буонаротти 108, 379
 Микетти Н. 411
 Микешин М. О. 65
 Миллер Г. Ф. 57
 Михель Анжела см. Микеланджело Буонаротти
Моисеева Г. Н. 4, 8, 85, 89, 398, 409, 449

- Мольер (Поклен Жан Батист) 383
 Монгольфье Ж. 392
 Монгольфье Э. 392
 Монтескье Ш. Л. 14, 265, 367, 446
 Морган Э. 18
Мордовцев Д. Л. 15, 84
 Морери Л. 267, 411
 Мусин-Пушкин А. С. 96, 378
- Назимов 99
 Нартов А. А. 436
 Нартов А. К. 436
 Нарышкин Л. А. 374, 399, 447
 Нарышкина Н. 412
 Настасья, служанка Е. Р. Дашковой 365
 Нейкастельский герцог 97
Некрасов С. М. 89, 391, 418, 419, 436, 449
 Нелидова Е. И. 40
Неустроев А. Н. 4, 376, 377, 379, 383, 384, 388, 393, 395, 449
Нивьер А. 85
 Никитин В. 108, 111, 378
 Николай А. Л. 40, 77, 436
 Николай I, император 441
 Николай Павлович, великий князь см. Николай I
 Николев Н. П. 55
 Новиков Н. И. 48, 50, 293, 294, 421
 Новосильцев Н. Н. 256, 408
 Ноелль 96
 Норова Т. М. 257, 408
 Норт 108
 Нортумберланд, герцог 105
- Овидий (Публий Овидий Назон) 419
 Огарев Н. П. 448
Огарков В. В. 28, 84, 85
Ожигова Е. П. 88, 90, 420
 Озерецковский Н. Я. 63, 72, 76, 77, 79, 302, 329, 424, 425, 438
 Опекушин А. М. 65
 Орлов Г. Г. 34, 246, 247, 405, 406
- П. Ф. К. см. Каменская П. Ф.
 Павел I, император 34, 39, 40, 70, 265, 286, 347, 356, 374, 410, 417, 440—442
 Павел Петрович, великий князь см. Павел I
 Павлов Г. 62, 428
 Павлов М. 302, 424
- Павлова Г. И.* 88
 Паллас П. С. 56, 64, 66, 274, 349, 371, 413, 426
 Панин Н. И. 34
 Панин П. И. 393
 Паоли П. 96, 378
 Паолий см. Паоли
Пекарский П. П. 4, 8, 389, 391, 392, 442, 449
 Пенброк 100
 Пестель Б. В. 293, 421
 Пестель П. И. 421
 Петербору см. Питерборо
 Пиндар 290, 419
 Питерборо, епископ 104, 105, 106, 378
 Петр I, император 11, 31, 139, 140, 388, 391, 392, 410, 411, 412, 428
 Петр III, император 11, 263, 268, 366—369, 409, 441
 Петр Федорович, великий князь см. Петр III
 Петров С. 303, 424
 Плещеев 361, 364
 Полонский В. О. 377
 Помфрет, графиня 110
 Понятовский Станислав Август, король польский 409
 Поповский Н. 403
 Портланд, герцогиня 105
 Потемкин (Потемкин-Таврический) Г. А., князь 34, 36, 246—250, 334, 369, 374, 405—408, 412
 Потемкин П. С. 308, 427
 Потемкин П. С., граф 258, 408
 Прадон Н. 383
 Прасковья, служанка Е. Р. Дашковой 365
 Прасковья Федоровна, царица 420
 Прингл Дж. 25
 Протасов А. П. 56, 274, 306, 329, 413
Пряшникова М. П. 7
 Пушкин А. С. 66, 442
 Пушкин см. Мусин-Пушкин А. С.
Пытин А. Н. 389, 391, 449
- Рабенер Готлиб Вильгельм 385
 Радищев А. Н. 68, 433
 Раздеришин А. В. 5, 320, 428, 429, 430
 Расин Ж. 410
Раскин Н. М. 90
 Растрелли К. 411
 Растрелли Ф. Б. (Б.) 12, 411, 412

- Рафаил см. Рафаэль Санти
 Рафаэль Санти 108, 379
 Рахманов П. А. 256
 Рашетт Ж. Д. 63, 426
 Репнин Н. В. 359, 440, 444
 Ржевский А. А. 376
 Ришелье 437
 Робертсон В. 5, 25—29, 36, 50, 64, 228, 233, 236, 239, 251, 275, 404, 405, 407
 Робертсон г-жа 252, 253
 Робисон Джон 29
 Роза Сальваторе 108, 379
 Роллет 383
Российский М. 86
 Ростопчин Ф. В. 9, 403
 Рубенс П. П. 108, 379
 Румовский С. Я. 56, 70, 274, 306, 317, 329, 330, 413, 428, 435, 437, 438
 Румянцев С. П. 391, 392
 Рубенс см. Рубенс Питер Пауль
 Рябов М. 302, 424
- Салвато Роза см. Роза Сальваторе
 Салтыков Н. И. 386
 Самарин Н. М. 412
 Самарина г-жа 269
 Самаринных дом 269
 Самборский А. А. 53
 Самойлов А. Н. 246, 406
 Санти П. Л. 363, 365, 445
Сафонов М. М. 409
 Севергин В. М. 62, 63, 72, 78, 79, 329, 425, 428, 435
 Сеган, любимец Тиберия 129, 389
Семенников В. П. 4, 8, 395—397, 399—402, 421, 449
 Семенова А. В. 7
 Сергеев Л. 306
 Синклер Дж. 251, 252
 Скородумов Г. 101
Смагина Г. И. 1, 88, 89, 90, 425
 Смирдин А. 386
 Собар 96
 Соколов Н. П. 72—74, 302, 424, 425
 Соколов П. И. 355, 439
 Сократ 117, 383
Соловьев И. А. 384
 Солон, афинский архонт 127, 389
Сомов В. А. 84
 Сотвелль 105
 Спенсер 96
 Спиридонов П. В. 258, 408
 Старов И. Е. 411
- Стенник Ю. В.* 4, 8, 379, 384, 391, 449
 Строганова барона дом 433
 Стюарт Анна, королева 107, 378
 Стюарт Д. 25, 29
Суворин А. А. 84
 Суворов А. В. 408
 Сурмина Ф. И. 12, 410
 Сурский И. А. 71, 75
Сухомлинов М. И. 4, 8, 90, 396, 417, 419, 447, 449
- Таежная Л. Я.* 403, 449
 Татаринов 420
 Тацит 27
Теплова В. А. 377, 379, 384, 398, 399, 400, 402, 403, 449
 Тиберий 129, 389
 Тиман 25
 Тит 118
 Титиян см. Тициан В. К.
 Тициан В. К. 108, 379
Тишкин Г. А. 88, 89
Толстой М. П. 88
 Трескот см. Трускотт И. Ф.
 Троцинский Д. П. 326, 433, 434
 Трускотт И. Ф. 317, 428
Тычинина Л. В. 3, 7
- Уильмот мисс см. Вильмот М.
 Уильмот, семья см. Вильмот, сестры
 Урусов А. М. 363, 365, 445
 Усов Т. 411
Успенский Б. А. 85
 Устинов Д. 305
 Ушаков В. А. 300, 301, 423
- Файнштейн М. Ш.* 89, 418, 440
Федюкин И. И. 86
 Фейди де Терсак Ж. Ж. 417
 Фербер И. Я. 317, 428
 Фергюсон А. 25, 29
Фирсова Е. Н. 90
 Фицжеральд 96, 109
 Фишер, гобоист 104
 Флоринов И. 422
 Фомин А. И. 5, 63, 320, 430
 Фонвизин Д. И. 376, 438
 Франклин Б. 25, 64
 Фридрих I, король 437
 Фридрих II, король 68, 409
 Фридрих Великий см. Фридрих II
 Фролов К. 306
 Фукидид 27

- Фусс А. фон 437
Фусс Н. И. 56, 63, 274, 313, 329, 413
Фусс Н. Н. 338, 339, 342, 437
- Херасков М. М. 352, 376, 439
Хотинский Н. К. 247, 406
Храповицкий А. В. 87
Христина, королева шведская 437
Худяков Ефим 306
- Цицерон Марк Туллий 419
- Чевакинский С. И. 433
Чельшев Е. П. 88
Черный Ф. 303, 424
Чернышевский Н. Г. 66
Чечулин Н. Д. 84, 86, 90, 376, 377, 379, 384, 407, 408, 427, 431, 432, 444, 448, 449
Чижов М. А. 65
Чихачев 45
Чурч Крейст 108, 111
- Шалауров 307
Шангин П. И. 63
Шевырев С. 91
Шеин Андрей 400, 401
Шерард 111
Шерпинский О. 303, 307, 424
Шестаков А. 422
Шешковский И. 53
Шипунов П. 303, 424
Штелин Я. Я. 56, 63, 274, 339, 369, 413, 437
- Штрайх С. Я. 86
Штритгер (Стритгер) И. Г. 314, 428
Шуберт Ф. И. (Ф. Т.) 63, 67, 329, 435
Шуберт Ф. Ф. 67
Шувалов И. И. 14, 266, 270, 294, 367, 375, 399, 411, 421
- Щербатов М. М. 438
Щербинин А. Е. 43, 253
- Эйлер И. А. 56, 57, 58, 274, 275, 313, 329, 413, 426
Эйлер Л. 56, 61, 63, 73, 274, 295, 305, 313, 338, 339, 340, 369, 413, 426, 437
Энгельгардт Л. Н. 38, 40, 86
Эпиктет 131, 389
Эпинус Ф. И. Т. 62
- Юм Д. 25, 27, 376
- Daschkaw см. Дашков П. М.
- Robertson Mrs см. Робертсон г-жа
- Schubert Friedrich von* 89
Shürer N. 85
Sinclair John см. Синклер Дж.
- Wederburn см. Ведерберн
Wederburne см. Ведерберн
Wiasemsky Prince см. Вяземский А. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Княгиня Екатерина Романовна Дашкова: штрихи к портрету . . .	9

Е. Р. ДАШКОВА О ПРОБЛЕМАХ ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА

Письмо к другу	92
Общество должно делать благополучие своих членов (перевод Е. Р. Дашковой)	93
Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям	95
Послание к слову «так»	113
Сокращение катехизиса честного человека	119
О смысле слова «воспитание»	120
О истинном благополучии	127
Искреннее сожаление об участи господ издателей Собеседника . .	132
К господину сочинителю «Былей и Небылиц» от одного из издате- лей Собеседника	135
Краткие записки разносчика	137
Вечеринка	141
Ответ [Иоанну Приимкову]	144
Путешествующие	146
Картины моей родни, или Прошедшие святки	151
Моя записная книжка	154
Записки тетушки	165
Письмо к издателям сих «Сочинений»	173
Тоисиоков	175
Отрывок записной книжки	208
Продолжение отрывка записной книжки	211
К господам издателям «Новых ежемесячных сочинений»	213
К господам издателям «Ежемесячных сочинений»: Вопросы	214
Истины, которые знать и помнить надобно, дабы, следуя оным, из- бежать несчастий	216

Письмо к К. Вильмот с размышлениями о вопросах воспитания 15 ноября 1805 г.	219
Нечто из записной моей книжки	221
Письмо к издателю «Русского вестника»	226

О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ В СЕМЕЙСТВЕ ДАШКОВЫХ

Письмо Вильяму Робертсону о желании дать сыну образование в Эдинбургском университете. 30 августа 1776 г. (перевод С. Н. Искюля)	228
Письмо Вильяму Робертсону с программой образования для сына. 9 октября 1776 г. (перевод С. Н. Искюля)	233
Письмо Вильяму Робертсону о проблемах воспитания детей. 10 но- ября 1776 г. (перевод С. Н. Искюля)	239
Письмо сыну с рекомендациями во время путешествий	241
Письмо князю Г. А. Потемкину с просьбой назначить сына адью- тантом. 24 ноября [1781 г.]	246
Письмо князю Г. А. Потемкину о военной карьере сына. 23 февраля [1782 г.]	247
Письмо князю Г. А. Потемкину о службе сына. 17 сентября [1783 г.]	248
Письмо князю Г. А. Потемкину о сыне и племяннике графе Д. П. Бутурлине. 14 августа [1783—1784 гг.]	249
Записка князю Г. А. Потемкину об отпуске для сына. 17 ноября 1784 г.	250
Письмо брату графу А. Р. Воронцову об отношениях с дочерью [1784 г.]	250
Письмо Вильяму Робертсону с благодарностью за внимание к ней во время пребывания в Эдинбурге. 17 августа 1786 г. (перевод С. Н. Искюля)	251
Письмо Екатерине II с просьбой о скорейшем решении дел дочери в Сенате. 14 января 1794 г.	253
Письмо Екатерине II о финансовых делах дочери. 9 июля 1794 г.	255
Письмо к дочери [1807 г.]	256
Записка графу П. С. Потемкину о поддержке ее воспитанника П. В. Спиридонова [б/д]	258
Письмо к мистрис Гамильтон [1804—1805 гг.]	258
Из «Записок» о детстве и юности Е. Р. Дашковой (перевод и при- мечания С. Н. Искюля)	263

Е. Р. ДАШКОВА КАК ОРГАНИЗАТОР НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Письмо Е. Р. Дашковой Екатерине II при назначении ее директором Академии наук [не позднее 24 января 1783 г.]	272
---	-----

Протокол заседания Конференции Академии наук о вступлении Е. Р. Дашковой в должность директора 30 января 1783 г. (перевод С. Н. Искюля)	274
Письмо А. А. Безбородко об отчетах по экономической сумме Ака- демии наук [апрель 1783 г.]	276
Письмо Екатерине II о привилегиях для Академии наук [апрель 1783 г.]	279
Письмо А. А. Безбородко об отчетах Академии наук [апрель 1783 г.]	280
Письмо А. А. Безбородко о текущих делах [не позднее 7 мая 1783 г.]	282
Рапорт Екатерине II о расходах экономической суммы Академии наук. 1 июня 1783 г.	282
Доклад Екатерине II об учреждении Российской академии. Август 1783 г.	287
Приглашение А. А. Безбородко на церемонию открытия Российской Академии. 18 октября 1783 г.	289
Речь при открытии императорской Российской Академии. 21 октяб- ря 1783 г.	290
Доклад Екатерине II о необходимости строительства нового корпу- са для Академии наук [осень 1783 г.]	292
Письмо А. А. Безбородко с просьбой «исходатайствовать» дом для Российской Академии. 23 октября 1783 г.	292
Письмо Н. И. Новикову об оплате типографских расходов [не позд- нее ноября 1783 г.]	293
Письмо И. И. Шувалову о долгах Н. И. Новикова Академии наук. 2 ноября 1783 г.	294
Письмо А. А. Вяземскому об отправке трех студентов в Тобольское наместничество. 13 декабря 1783 г.	294
Записка А. А. Безбородко об Уставе и доме для Российской Акаде- мии. 3 января 1784 г.	296
Письмо А. А. Безбородко о размере годового жалованья директору Академии наук [не ранее 22 января 1784 г.]	297
Прошение Екатерине II об определении годового жалованья Е. Р. Дашковой [не ранее 22 января 1784 г.]	298
Доклад Екатерине II о повышении в чинах В. А. Ушакова и О. П. Козодавлева [январь 1784 г.]	300
Прошение Екатерине II о повышении в чинах членов и сотрудников Академии наук. Январь 1784 г.	302
Доклад Екатерине II об организации публичных лекций в Академии наук. 25 марта 1784 г.	303
Из распоряжений по Канцелярии Академии наук за 1784 г.	304
Письмо П. С. Потемкину о подготовке к изданию нового атласа Российской империи. 5 февраля 1786 г.	308
Рапорт Екатерине II о состоянии, в котором находилась император- ская Академия наук, когда я вступила в управление ею в 1783 г., и в котором она находится ныне, в 1786 г.	309
Письмо А. В. Раздеришину с благодарностью за предоставленную коллекцию минералов. 9 января 1788 г.	320

Письмо А. И. Фомину о доставлении в г. Архангельск «Новых ежемесячных сочинений». 13 июня 1788 г.	320
Письмо В. В. Крестинину о награждении его за книгу «Начертание истории города Холмогор». 27 февраля 1790 г.	322
Доклад Екатерине II о пенсиях для служащих при Академии наук. Февраль 1791 г.	323
Доклад Екатерине II о финансовом состоянии Академии наук. 20 марта 1793 г.	324
Прошение Екатерине II об увольнении от должности директора Академии наук. 5 августа 1794 г.	325
Письмо Д. П. Трощинскому. [5 августа 1794 г.]	326
Рапорт Екатерине II об экономическом положении Академии наук за 1783—1794 гг. 5 августа 1794 г.	327
Из Протокола последнего заседания Конференции Академии наук, на котором присутствовала Е. Р. Дашкова. 14 августа 1794 г. (перевод С. Н. Искюля)	329
Прошение Екатерине II о продлении отпуска. 27 августа 1796 г.	330
Письмо И. И. Лепехину с благодарностью за предложение вновь возглавить Российскую Академию [не позднее 25 мая 1801 г.]	330
Из «Записок» о деятельности в Академии наук и Российской Академии (перевод и примечания С. Н. Искюля)	331

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Е. Р. ДАШКОВОЙ

М. М. Херасков. Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой. 1783 г.	352
Посвящение Е. Р. Дашковой из учебника П. И. Соколова «Начальные основания российской грамматики». 1788 г.	355
Письмо Павлу I с просьбой о разрешении жить в Калужской губернии. Январь 1797 г.	356
Поздравительное письмо Александру I. 19 марта [1801 г.]	356
Письмо к издателям «Друга просвещения» с приобщением «Надписи к портрету Великой Екатерины». 1804 г.	357
Письмо вдовствующей императрице Марии Федоровне. 13 июля 1806 г.	358
Духовное завещание княгини Е. Р. Дашковой [1807 г.]	360
Некролог. 1810 г.	365
Я. К. Грот. Княгиня Дашкова	366
Примечания	376
Список сокращений	448
Указатель имен	450

Е. Р. Дашкова

О смысле слова «воспитание»

Сочинения, письма, документы

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. М. Буланина*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 23.10.01. Формат 60 × 84¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 28¹/₂. Уч.-изд. л. 24.

Тираж 800. Заказ № 4388

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Заказы присылать по адресу

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net